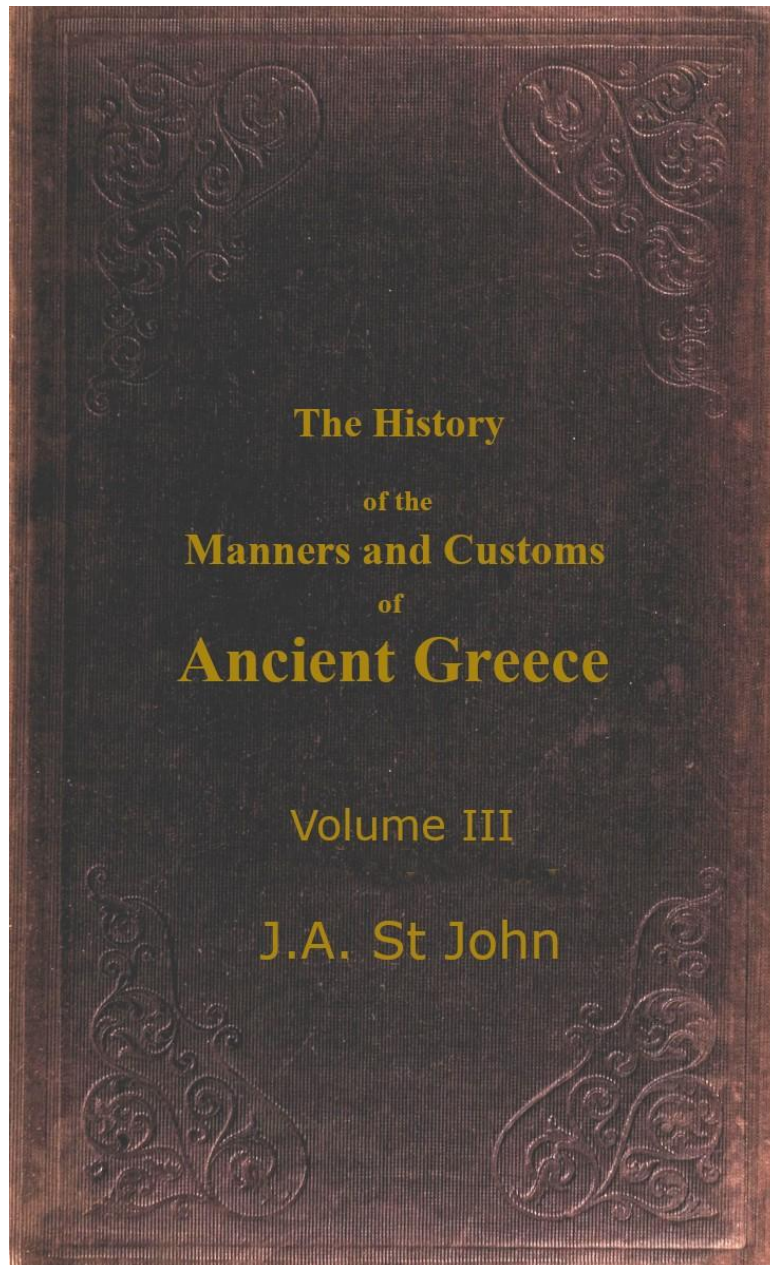

История нравов и обычаев Древней Греции, том 3 (из 3)

Джеймс Августус Сент-Джон

The Project Gutenberg eBook of The History of the Manners and Customs of Ancient Greece, Volume 3 (of 3).

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История нравов и обычаев Древней Греции, том 3 (из 3)

Автор: Джеймс Огастус Сент-Джон

Дата выхода: 25 марта 2022 года [eBook #67707]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: R. Bentley, 1842

Кредиты: KD Weeks, Turgut Dincer и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY OF THE MANNERS AND CUSTOMS OF ANCIENT GREECE, VOLUME 3 (OF 3) ***

Примечание переводчика:

Это третий из трех томов данной работы, и он содержит указатель, который ссылается на все три тома.

Сноски собраны в конце каждой главы и снабжены ссылками для удобства пользования. Нумерация сносок изменена с 1 по 2731 для уникальности. Сноски, на которые есть ссылки в Указателе, отсылают к нужному тому.

Незначительные ошибки, допущенные типографией, исправлены. Пожалуйста, смотрите [примечание](#) транскриптора в конце данного текста для получения подробной информации о решении любых текстовых проблем, возникших во время его подготовки.

Все исправления выделены подчеркиванием. При наведении курсора на исправление оригинальный текст отображается в небольшом всплывающем окне.

Все исправления обозначены гиперссылками, которые ведут к соответствующей записи в таблице исправлений в примечании в конце текста.

ИСТОРИЯ НРАВОВ И ОБЫЧАЕВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

BY J. A. ST. JOHN.

В ТРЕХ ТОМАХ.

VOL. III.

ЛОНДОН:

RICHARD BENTLEY, NEW BURLINGTON STREET,

Ординарный издатель Ее Величества.

1842.

Лондон:

Напечатано С. и Дж. Бентли, Уилсоном и Фли,

Bangor House, Shoe Lane.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТОМА.

КНИГА V.

ГЛАВА	СТРА НИЦА
VII. Рабы	1
VIII. Крепостные Спарты, Крита, Фессалии и т. д.	36

КНИГА VI.

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

I.	Положение бедняков	68
II.	Промышленность: Мельники, пекари, виноградари, рынки и т. д.	96
III.	Промышленность: Парфюмеры, парикмахеры, ювелиры, лапидарии и т. д.	131
IV.	Промышленность: Кузнецы, столяры, оружейники, горное дело, добыча древесного угля и т. д.	153
V.	Промышленность: Домостроители, плотники, столяры, токари, изготовители музыкальных инструментов, гончары, стекольщики и т. д.	176
VI.	Промышленность: Масляные и цветные магазины, итальянские склады, аптекари, коллекционеры простейших товаров	197
VII.	Промышленность: Ткачи, Glover, изготовители носков, кордуверы, кожевники, шляпники, красильщики пурпура и т. д., рыбаки	214
VIII.	Торговля дорических государств	245
IX.	Торговля Аттики	276
X.	Мореплавание	300

XI.	Экспорт и импорт	326
XII.	Экспорт островов, Италии, Галлии и Испании	355
XIII.	Экспорт из Африки и Востока	381
XIV.	Похоронные церемонии	414

ИСТОРИЯ НРАВОВ И ОБЫЧАЕВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

КНИГА V.

ГЛАВА VII. РАБЫ.

Следует заметить, что и в городе, и в деревне подлые и мучительные работы выполнялись в основном рабами,^[1] происхождение, состояние и численность которых в главных греческих государствах теперь необходимо описать. Величайшие писатели древности^[2] были озадачены и не определились в этом вопросе. Они, по-видимому, понимали всю степень зла,^[3] но сами были слишком большими рабами по привычке и предрассудкам, чтобы понять, что никакая форма или модификация рабства не соответствует человеческому счастью или справедливости, без которой не может быть счастья. Это видно из разговора на Крите между Платоном и его спутниками - гносисом и спартанцем. Они не утруждают свой ум расспросами о происхождении рабства, которое, хотя некоторые племена людей сильнее и цивилизованнее других, никогда не было трудно предположить; но, считая его существование легко объяснимым, они озабочены тем, какими средствами можно избежать или смягчить те беды, которые они повсюду видели сопутствующими ему.

Наибольшее недоумение,^[4] однако, вызывала лаконская Гелотея; потому что в этом случае сравнительно большая численность подневольной касты делала необходимым, по мнению некоторых, сломить их дух и низвести до их состояния системой строгости, которая составляет позор Спарты.

Однако позорное существование за счет рабского труда в определенной степени разделяли все государства Греции, даже Афины. Похоже, они полагали, что нет рабов - нет и политического тела.^[5] Но в обращении с этими несчастными людьми было столько различий, сколько можно было бы предположить на основании различий национальных характеров. Афиняне в этом отношении, как и в большинстве других, были антиподами спартанцев и впадали в ошибку, если такое можно представить, в крайнее человеколюбие и снисходительность.

Несомненно, добротой можно изгладить многие уродливые черты рабства, так что между вассалом и его господином может возникнуть сильная взаимная привязанность.^[6] Мы слышим, соответственно, о рабах, чья любовь к своим господам превосходила любовь братьев или детей;^[7] они трудились, сражались, умирали ради них; Более того, иногда они превосходили их в храбрости и учили их в ситуациях неминуемой опасности, как умереть, как в случае с тем военным санитаром, который, попав в плен к своему господину и видя, что тот решился на смерть, но сомневается в средствах, разбил его мозги о стену, чтобы показать

ему, как это можно сделать. Есть и другой пример, когда раб переоделся в одежду своего господина, чтобы быть убитым вместо него. Но что же дальше? Доказывают ли эти примеры, что в рабстве есть что-то облагораживающее? Напротив, единственный вывод, который можно сделать из них, - это то, что в этих случаях судьба несправедливо обошлась с великими и достойными душами. Однако, поскольку сейчас не найдется никого, кроме неисправимо низких людей, кто бы отстаивал этот худший из всех человеческих пороков, я могу не приводить аргументов и сразу же перейти к истории рабства в Греции.

В очень отдаленные века человечество, согласно традиции, избавилось от труда домашних рабынь,^[8] место которых занимали женщины семьи,^[9] которые вставали перед днем, чтобы молотить кукурузу для домашних; и поскольку они обычно пели, занимаясь этим, вся деревня в таких случаях казалась оживленной музыкой. Как и на Востоке, они также имели обыкновение черпать воду из колодцев или искать ее на расстоянии у фонтанов, как я уже отмечал, говоря об эллинских женщинах. Но как только люди стали уступать друг другу в войне и завладели пленными, возникла идея использовать их и сделать их труд необходимым для своего содержания. Поэтому, как заметил выдающийся историк^[10], с самого начала рабство проистекало из чувства гуманности; ведь когда выяснилось, что из захваченных врагов можно извлечь пользу, их перестали убивать на поле боя. Отсюда, от глагола, означающего "быть покоренным", они стали называться дмёсами;^[11] ибо "кого человек победил, того и в рабство привел". О них постоянно упоминается у Гомера. Так, Телемах говорит о дмёях, которых отец оставил на его попечение; Агамемнон держал в своем шатре несколько лесбиянок, взятых в плен на войне. В таком же состоянии находилась и Бризея, и этой участи, как опасается Гектор, после его смерти может быть подвергнута Андромаха.^[13]

Возможно, эта практика была заимствована с Востока, где упоминания о рабах встречаются в самые отдаленные века. Так, и в более поздние времена Атосса, царица Персии, представляется побудившей Дария вступить в греческую войну, чтобы завладеть афинскими, спартанскими, аргивскими и коринфскими рабами.^[14] А пифонесса, предсказывая разрушение Милета, восклицает:

"И из многочисленного длинноволосого рода твои жены будут омыwać ноги"

В обычае было, взяв несколько пленников, разделить их между вождями, обычно по жребию, а затем продать в рабство.^[16] Это Ахилл хвастается, что часто делал, и старый Приам боится, что это будет судьбой его собственных сыновей, как это было с Ликаоном, которого фессалийский герой схватил^[17] в своем саду. С той же целью оплакивает Гекубу^[18], которая обвиняет его в том, что он обратил в рабство многих ее сыновей. В древности встречаются примеры, когда в рабство попадали сразу целые города и государства: так, жители Иудеи были в первый и во второй раз уведены в плен в Вавилон, где их хозяева, возможно, не из насмешки, потребовали от них спеть для их развлечения некоторые из их национальных песен, на что, как мы узнаем от пророка, они ответили: "Как можем мы петь песни Сиона в чужой земле?". Граждане Милета, после неудачного восстания Аристагора, также были перевезены в Персию, как и жители Эретрии и Каристоса в Эвбее.^[19] Подобно израильтянам, эти греки долго сохраняли в плену свои национальные манеры и язык, хотя были окружены чужеземцами и всячески побуждали их ассимилироваться с завоевателями. Аналогичная судьба постигла жителей Фив, проданных в рабство Александром, а также жителей Микен аргивянами, а коринфян - Муммием.^[20]

Но предложение, вызванное войной, редко превышало спрос, и в результате возникла раса похитителей, которые, отчасти купцы, отчасти пираты, бродили по берегам Средиземного

моря, как это делают подобные злоумышленники сейчас на невольничьих побережьях, подбирая одиноких и незащищенных людей. Иногда их дерзость доходила до жен или дочерей вождей, как в случае с Парисом, который ограбил дом и унес жену Менелая, и с теми финикийцами, которые, высадившись в Аргосе и устроив в течение нескольких дней ярмарку на берегу, закончили тем, что украли царскую дочь.^[21] Предположение Митфорда о том, что Ио и ее спутников могли заманить на корабль,^[22] основано на апологетическом рассказе самих пиратов. Практика похищения людей, безусловно, широко распространена. Так, Эвмеос был продан финикийцами Лаэрту, и аналогичная участь постигла женщину, которую тафийские пираты похитили в то же время.^[23] Сам Одиссей рассказывает, как финикийский негодяй замышлял против его свободы, когда он плыл с ним в Ливию, и что феспротийцы замышляли подобное.^[24] Чтобы не перечислять другие случаи, Лаомедон угрожает Аполлону и Посейдону рабством, говоря, что свяжет их и отправит на какой-нибудь далекий остров для продажи.^[25]

Однако ни войны, ни пиратства не хватало для получения огромного количества рабов, которых растущая роскошь того времени побуждала греков считать необходимыми. Торговля постепенно привела их в Карию и другие части Малой Азии, особенно на южные берега Черного моря, эти великие питомники рабов с тех времен и до наших дней.^[26] Первыми греками, занявшимися этой торговлей, которая даже у язычников считалась связанной с проклятием, были, как говорят, хианы, и мы вскоре увидим, как плохо она у них процветала. Они покупали своих рабов у варваров, среди которых лидийцы, фригийцы, уроженцы Понтоса и многие другие привыкли, подобно современным черкесам, торговать своими людьми.^[27] В "Анабасисе" мы находим упоминание о некоем Макроне, который, будучи рабом в Афинах и получив свободу, стал солдатом и служил Десяти тысячам в качестве переводчика в критический момент во время их перехода через его родную страну.^[28]

Однако прежде чем перейти к истории работорговли, следует описать власть, которой обладали хозяева над своими подданными в героические века. Каждый человек, похоже, был тогда царем в своем доме и пользовался своей властью самым царственным образом. Так, юному Телемаху доставляет удовольствие мысль о том, что он будет царем над своими рабами;^[29] а Андромаха с материнской нежностью боится, как бы ее сын не стал приживалой у бесчувственного господина.^[30] Власть вообще, когда она не сдерживается законом, свирепа и бесчеловечна, а над своими домочадцами господа в те века осуществляли самую большую и ужасную власть, власть жизни и смерти, как впоследствии в Риме.^[31] Это иллюстрирует пример из "Одиссеи", где герой, будучи переодетым, грубо оскорблен Меланфием, угрожает рабу, что подстрекнет Телемаха разрубить его на куски. Впоследствии, когда он восстановил свою власть, страшная угроза вспоминается и исполняется. Виновника хватают и калечат с диким варварством, его члены, оторванные от тела, бросают собакам, и даже поэт, в целом столь гуманный, не считает наказание слишком большим за преступление.^[32] Предполагалось даже, что такое калечение было наказанием, свойственным рабам; ведь Лаомедон, угрожая богам описанным выше способом, добавляет, что отрежет им уши.^[33] Если предполагалось, что они заслуживают смерти, их бесславно казнили через повешение, как в случае с домашними Одиссея, чьи проступки, хотя и серьезные, вряд ли в любой свободной стране были бы наказаны смертной казнью.^[34] Это считалось нечистой целью. Умереть с честью означало погибнуть от меча.^[35]

Практика отпущения на волю уже в героические века преобладала.^[36] Одиссей обещает свободу своему пастуху и свинопасу, если с их помощью он расправится с женихами; и, согласно Плутарху, Телемах действительно даровал Эвмеосу и его спутникам свободу и

права гражданства, и от них, добавляет он, произошли знаменитые семьи Колиадов и Буколи.^[37]

Не похоже, что прославленный род еще не угас: Профессор Колиадес^[38] утверждает, что является прямым потомком Эвмæоса, что вполне возможно, поскольку он должен быть потомком кого-то; и нет причин, почему потомок Эвмæоса не должен быть профессором.

Кроме рабов, были и свободные работники, которые трудились по найму и назывались тетам.^[39] Их иногда, кажется, ставили на окраинах поместий, как стражей границ, - должность, которую Эвримах предлагает с хорошим жалованьем Одиссею.^[40] И именно состояние одной из этих оленей Ахилл предпочитает в Аиде царству теней.^[41] Боги также во время своего пребывания на земле иногда подчинялись тяготам этого состояния. Так, Аполлон Фибос пас стада Адмета, царя Фессалии,^[42] и вера в это скромное состояние богов на земле возражается Лукианом и Дионисием Галикарнасским,^[43] как порицаемая греками. Геродот также рассказывает, что три сына Теменоса - Гаванес, Аеропос и Пердиккас - бежали из Аргоса в Иллирию, а оттуда в Верхнюю Македонию, в город Лебею, где служили царю по найму: первый ухаживал за царским жеребцом, второй - за скотом, а третий - за овцами и козами.^[44]

Из истории Миноса, которая, правдивая или сказочная, до сих пор иллюстрирует нравы того времени, мы узнаем, что дань, взимаемая с побежденного врага, иногда состояла из рабов. Так, критский царь, совершив успешный поход на аттическое побережье, был умиловителен (как наши предки умиловляли датчан и других северных дикарей) ежегодным приношением четырнадцати юношей и девственников, которые, будучи доставлены на Крит, были там, как говорят, уничтожены чудовищем, рожденным Пасифаей, дочерью Солнца.^[45] Тесей, великий герой ионийской расы, избавил свою страну от этого обременительного налога и по возвращении в Афины был принят народом с беспредельной благодарностью; в его честь были учреждены жертвоприношения и процессии, и память о его благородном достижении религиозно хранилась до тех пор, пока существовало язычество.^[46]

И в ранние времена рабы, должно быть, приобретались подобными способами; ведь, как замечает Тимеос из Таормины^[47], греки тех веков не получали их в ходе обычной торговли. Далее он добавляет, что Аристотеля обычно обвиняют в том, что он неправильно понял обычаи локрийцев, среди которых, как и среди фокийцев,^[48] издревле не было принято иметь рабов, будь то мужчины или женщины. Однако в более поздние времена эта практика возобладала; говорят, что жена того Филомелоса, который захватил Дельфы, была первой, кого обслуживали две подневольные служанки.^[49] Но когда люди начинают дурной путь, они редко знают, где остановиться. Мнасон, фокиец и друг Аристотеля, желая соперничать с Никиасом, сыном Никерата, купил для себя тысячу рабов, за что его обвинили соотечественники в том, что он расточает им то, что могло бы содержать равное количество свободных людей.^[51] Поэтому очевидно, что в той стране существовал класс рабочих, подобный описанным Гомером тетам, которые были готовы работать за плату.^[52] В домашнем хозяйстве простота нравов позволяла фокийцам и локрийцам обходиться без услуг рабов: у них, как и у деревенских жителей из Эвбеи, о которых мы рассказывали выше, было принято, чтобы младшие члены семьи ждали старших.^[53]

Хиане, как я уже отмечал, были, как говорят, первым греческим народом, который занялся регулярной работоторговлей.^[54] Ибо, хотя фессалийцы и спартанцы обладали в гораздо более ранний период своими пенестеями и гелотами, они получили их разными путями: последние - путем подчинения древних ахейцев, населявших Пелопоннес;^[55] первые - путем завоевания магнезийцев, перребийцев и беотийцев из Арне. Но хианы владели только теми варварскими

рабами, которых они покупали за деньги, и в этом они более всего походили на рабовладельческие народы современности.^[56] Другие обстоятельства, также относящиеся к истории рабства у хиан,^[57] наводят на мысль о параллели и заслуживают более тщательного изучения, чем, по-видимому, было уделено им. Здесь мы имеем, возможно, первый тип маронских войн, хотя и в меньших масштабах, и отмеченных меньшими вспышками жестокости. Правда, не говорится, что женщин пороли, хотя по всей Греции так поступали с мужчинами; но каков бы ни был характер применяемых к ним жестокостей,^[58] иго рабства показалось слишком тягостным, чтобы его можно было вынести,^[59] и целые банды укрылись в горах. К счастью для них, внутренняя часть острова изобиловала укрытиями и в те времена была покрыта лесом.

Поэтому здесь беглецы, возводя себе жилища или завладевая пещерами среди почти недоступных скал, успешно оборонялись, питаясь добычей своих бывших хозяев. Незадолго до времени писателя, которому мы обязаны этими подробностями, один кабальеро по имени Дримакос бежал из города и добрался до гор, где, благодаря своей доблести и поведению, вскоре стал во главе подневольных повстанцев, над которыми властвовал как царь.^[60] Тщетно хианцы предприняли против него несколько походов. Он победил их в поле с большой резней, но, в конце концов, чтобы избавить их от бесполезного пролития человеческой крови, пригласил их на конференцию, где заметил, что рабы, поощряемые в своем восстании оракулом, никогда не сложат оружие и не подчинятся тяжкому рабству. Тем не менее, война может быть прекращена. "Ибо, если моему совету, - сказал он, - последуют, и мы сможем наслаждаться спокойствием, государство получит от этого многочисленные преимущества".

Поскольку перспективы удовлетворительного решения вопроса с помощью оружия были невелики, хианцы согласились заключить перемирие, как с государственным врагом. Смирившись с потерями и поражениями, Дримакос нашел их покорными разуму. Поэтому он снабдил себя весами, мерами и печаткой,^[61] и, показав их своим бывшим хозяевам, сказал: "Когда в будущем наши нужды потребуют, чтобы я снабжал себя из ваших запасов, я всегда буду пользоваться этими весами и мерами, и, снабдив себя необходимым количеством провизии, я буду стараться оставлять ваши склады запечатанными этой печаткой. Что касается тех ваших рабов, которые могут прилететь и предложить себя мне, я буду строго следить за их историей, и если в результате расследования окажется, что у них были справедливые основания для жалоб, я буду защищать их, если же нет, то они будут отправлены обратно к своим владельцам".

На эти условия магистраты охотно согласились, после чего рабы, все еще остававшиеся своих хозяев, стали более послушными и редко обращались в бегство, опасаясь решения Дримакоса.^[62] Над своими собственными последователями он осуществлял деспотическую власть. Они боялись его гораздо больше, чем в рабстве у своих господ, и выполняли его приказы без вопросов и ропота, как солдаты подчиняются своему командиру. Он сурово наказывал непокорных и не позволял никому грабить, опустошать страну, совершать несправедливости - словом, делать что-либо без его приказа. Общественные праздники он тщательно соблюдал, объезжая и собирая деньги с владельцев земель, которые добровольно дарили ему вино и лучшие жертвы; но если в таких случаях он обнаруживал, что готовится заговор или устраивается засада, он быстро мстил.

До сих пор дела хианцев и их взбунтовавшихся кабальеро шли гладко. Но так продолжалось не всегда. Заметив, что к Дримакосу подкрадывается старость, а благосостояние делает его беспутным, правительство издало прокламацию, предлагая большую награду тому, кто схватит его или принесет его голову.^[63] Старый генерал, заметив, возможно, сигналы предательства или убедившись, что, наконец, до этого должно дойти, отвел в сторону

молодого человека, которого любил, и сказал: "Я всегда относился к тебе с большей привязанностью, чем к любому другому человеку, и для меня ты был не сыном, а братом и всеми другими связями. Но теперь дни моей жизни подошли к концу, и я не хотел бы их продлевать. С вами, однако, все не так. Молодость и расцвет юности - ваши. Что же делать? Ты должен доказать, что обладаешь доблестью и величием души; а поскольку государство предлагает богатство и свободу тому, кто убьет меня и принесет ему мою голову, пусть награда будет твоей. Заруби его и будь счастлив!"

Сначала юноша отверг это предложение, но в конце концов Дримакос одержал верх. Старик пал, а его друг, принеся его голову, получил предложенную государством сумму вместе со своей свободой, после чего, похоронив останки своего благодетеля, отплыл в свою страну. Однако теперь хианы понесли справедливое наказание за свое вероломство. Не руководствуясь более мудростью и авторитетом Дримакоса, беглые рабы вернулись к своим прежним привычкам грабежа и опустошения; тогда, вспомнив об умершем, они воздвигли на его могиле Heroön и прозвали его благодетельным героем. Повстанцы, хранящие память о нем с не меньшим почтением, в течение многих веков приносили на его могилу первые плоды своей добычи. По сути, он был удостоен своего рода апофеоза и канонизирован среди богов острова; считалось, что его тень часто являлась людям во сне, чтобы раскрыть какой-нибудь подневольный заговор, пока он еще в зародыше; и те, кому он наносил эти предупреждающие визиты, более благодарные, чем при жизни, никогда не отказывались идти в его часовню и приносить жертвы его мане.^[64]

В период экспедиции Ксеркса в Грецию хианы, по-видимому, занимались еще одним видом беззакония - изготовлением евнухов для восточного рынка. Паниониос, злоумышленник, занимавшийся этой торговлей, который изувечил и продал в рабство юношу по имени Гермотимос, в конце концов искупил свое преступление против человеческой природы тем, что сам вместе со своими четырьмя сыновьями был подвергнут той же операции.^[65] Его соотечественники также со временем были вынуждены подобным образом осушить горькую чашу рабства. Как рассказывают Николаос Перипатетик и Посидоний Стоик, будучи покорены Митридатом Каппадокийским, они были отданы своим собственным рабам, чтобы те увели их в плен в Колхиду, что Афиней, человек не слишком обремененный религией, считает справедливым наказанием за их нечестие, когда они первыми ввели работорговлю в Греции, хотя могли бы лучше пользоваться услугами наемных свободных людей. Предполагается, что из этого древнего злодейства хиан возникла пословица "хианец купил себе хозяина", которую Евполис ввел в свою драму под названием "Друзья".

Подневольная война, произошедшая среди саамов, имела более удачный исход, хотя до нас дошли лишь скудные сведения о ней. Однако Малакос в своих "Сифнийских анналах" сообщает, что Эфес впервые был основан несколькими рабами-саамитами, которые, удалившись на гору на острове в количестве 1600 тысяч человек, причинили много зла своим бывшим тиранам. Те на шестом году войны, посоветовавшись с оракулом, пришли к соглашению со своими рабами, которым разрешили безопасно покинуть остров, отплыли и стали основателями города и народа Эфеса.^[67]

В Аттике институт рабства,^[68] хотя и сопровождался, как и везде, бесчисленными пороками, тем не менее проявлялся в самой мягкой форме, которую он принимал в древнем мире.^[69] С присущим им вниманием к интересам человечества афиняне приняли закон, в силу которого рабы могли обвинять своих хозяев в нападении и побоях. Гиперид, соответственно, заметил в своей оратории против Мантифея: "Наши законы, не делая никакого различия в этом отношении между свободными и рабами, предоставляют всем одинаково привилегию возбуждать иск против тех, кто оскорбляет или наносит им увечья". О том же говорил

Ликург^[71] в своей первой оратории против Ликофрона; но Демосфен сохранил закон, который давал право любому афинянину, не находящемуся в неспособном состоянии, доносить на Фесмотеев на того, кто предлагал насилие мужчине, женщине или мальчику, будь то раб или свободный. Иск рассматривался в суде Гелиэи, и было приведено множество примеров, когда люди страдали от смерти за преступления, совершенные против подневольных. Поэтому оратор не без оснований восхвалял гуманный дух закона и говорил о благотворном влиянии, которое знание о его существовании должно произвести среди тех варварских народов, которые снабжали Грецию подневольными работниками.^[72] Еще одной привилегией, которой пользовался класс рабов в Аттике, было приобретение собственной свободы, когда, благодаря тщательному управлению пекулием, обеспеченным им законом, они могли предложить своим владельцам эквивалент за свои услуги.^[73]

И все же даже в Аттике ярмо рабства было тяжелым, а сам закон, в других вопросах проводящий различия между свободными и рабами, был вдвойне неприятен, поскольку был явно излишним. Например, по закону им не разрешалось носить длинные волосы,^[74] или одежду с двумя рукавами,^[75] пить вино, кроме как на празднике Пифегия в первый день месяца Антестерион; помазываться, как в гимназиях, присутствовать на шествии в честь Эвменид, а женщинам - входить в храм Деметры во время празднования Фесмофория.^[76] Подобный дух пронизывал рабский кодекс и в других частях Греции. Так, на острове Кос им запрещалось участвовать в жертвоприношениях Гере и вкушать жертвы. Кроме того, им запрещалось присутствовать при подношениях манесам Форбаса. Но из самих слов закона, который уполномочивал храмовых надзирателей исключать их в этих случаях, ясно, что во всех остальных они могли свободно входить.^[77] В Афинах, за вышеупомянутыми исключениями, каждый храм в городе, похоже, был открыт для них. Кроме того, иногда некоторые из них отбирались для сопровождения своих господ для консультации с оракулом в Дельфах, когда им даже разрешалось, как свободным гражданам, носить на голове короны, которые на время освобождали их от ударов или ударов.^[78] Среди их более серьезных обид была обязанность подвергаться личным наказаниям, которые, помимо того, что налагались, как наше наказание в виде топчана, или порки,^[79] на хвост телеги по приказу магистратов,^[80] были слишком оставлены на усмотрение их владельцев, чья милость во многих случаях была бы не самой нежной. Во время войны, однако, этой роскошью плантаторы не могли пользоваться,^[81] так как выпоротые рабы могли перейти на сторону врага, что иногда и случалось.^[82] Кроме того, говорят, что они работали на рудниках в кандалах; вероятно, однако, только вследствие восстания, описанного Посидонием, в котором они убили смотрителей рудников и, завладев акрополем Суниума,^[83] на значительное время привели в запустение всю прилегающую область. Это произошло одновременно со вторым восстанием рабов в Сицилии (возможно, между ними было взаимопонимание), в ходе подавления которого было уничтожено около миллиона человек.^[84] Они терпели и другие обиды, о которых будет сказано дальше; но в дополнение к тем, что существовали в действительности, один современный ученый писатель придумал еще одну, которая, по его мнению, низводит их состояние до уровня гелотов. "Почти все семейные узы были разорваны, - говорит он, - среди афинских рабов"; и далее, поясняя себя в примечании, замечает, что брак рабов был там нередким событием.^[85] Однако мы находим у современных авторов, что, за исключением случаев неисправимой испорченности, рабов, наоборот, поощряли жениться, предполагая, что таким образом они будут более привязаны к своим хозяевам.^[86] Тот же смелый и изобретательный писатель пытается обосновать то, что было процитировано выше, говоря, что "дешевле было покупать, чем воспитывать рабов". Древние так не считали: "Мы, - говорят они, - предпочитаем и больше доверяем рабам, рожденным и воспитанным в доме, чем купленным".

Было замечено, что от самых тяжких оскорблений и презрения рабы были защищены законами; но если, несмотря на правовую защиту, их хозяева находили средства сделать их жизнь тягостной, государство предоставляло им убежище в храмах Тесея и Эвменид.^[88] Получив там убежище, их угнетатели не могли заставить их уйти оттуда, не понеся вины за святотатство.^[89] Так, во фрагменте "Времен года" Аристофана мы видим, как раб размышляет, не укрыться ли ему в Тесионе и не остаться там до тех пор, пока он не сможет добиться передачи новому хозяину;^[90] ведь любой, кто слишком жестоко обращался со своими рабами, по закону был вынужден их продать.^[91] Нет, и не только это, но раб мог возбудить иск против своего господина, называемого αἰκίᾱς δίκη, или против любого другого гражданина, который вел себя несправедливо или обидно по отношению к нему. Но право убежища, несомненно, было ограниченным и действовало только с момента бегства раба до следующего новолуния, когда, по-видимому, периодически проводился аукцион рабов.^[92]

По этому случаю рабов расставляли, как я видел на базарах современного Египта, по кругу на рыночной площади, и тот, чья очередь была продаваться, садился на стол, похоже, каменный, где выставял себя и сбивал с ног лучшего покупателя. Иногда, когда товары были оживленными, они становились отличным развлечением для компании, как в случае с Диогеном, который громко кричал: "Кто из вас хочет хозяина, пусть купит меня".

На резвость, естественную или напускную, которую молодые варвары часто проявляли по этому случаю, Менандр ссылается в следующем фрагменте своего "Эфесянина":^[94]

Я презираю, боги, чтобы меня нашли безруким,

И на продажу, бодро спотыкаясь, гнусные круги обходить.

Малоценных или вовсе неценных рабов презрительно называли "купленными солью", от распространенного среди внутренних фракийцев обычая обменивать пленников на соль;^[95] отсюда можно сделать вывод, что домашние животные из этой части света считались неполноценными.

Что касается цены на рабов, то в "Меморабилии" есть важный отрывок, где Сократ, беседа с Антисфеном о дружбе, спрашивает, должны ли друзья цениться так дорого за голову, как рабы, некоторые из которых, по его словам, не стоят и демимина, а другие могут стоить две, пять или даже десять мин,^[96] то есть цена варьируется от сорока шиллингов до сорока фунтов. Говорят даже, что Никий, сын Никерата, купил надсмотрщика на свои серебряные рудники за талант, или двести сорок один фунт стерлингов.^[97] Этот отрывок по существу цитирует Боэций,^[98] который отмечает, что, кроме колебаний, вызванных изменением спроса и предложения, на рыночную цену рабов влияли их возраст, здоровье, сила, красота, природные способности, механическая смекалка и моральные качества. Самым низким и дешевым классом были те, кто работал на мельницах,^[99] где требовалась только телесная сила, и поэтому, поставив Самсона на этот труд, филистимляне выказали свое крайнее презрение к его слепой энергии. Рабы, работавшие в шахтах, ценились очень низко - около 150 драхм в эпоху Демосфена.^[100] Примерно в такую же цену могли оцениваться обычные домашние рабы, будь то мужчины или женщины. Демосфен, по сути, считал две мины с половиной большой суммой для человека этого класса. Из меченосцев, которыми владел отец оратора, одни оценивались в шесть мин, другие - в пять, а самые низкие стоили больше трех. Мастера по изготовлению стульев продавались примерно за две мины.

В своем обсуждении этого вопроса Боэций^[101] обвиняет Демосфена в намеренной лживости, поскольку в своей оратории против Афоба он считает четырнадцать меченосцев по сорок мин, то есть менее трех мин за штуку. Но среди тех, которыми владел его отец после смерти,

некоторые стоили всего три мины. Его опекуны пользовались ими в течение десяти лет, то есть до тех пор, пока они не состарились, а к этому времени лучшие из них испортились бы, а остальные потеряли бы ценность.^[102] При таком положении дел я не понимаю, на каком основании Бозэх строит свое обвинение. Заработная плата рабов, сдаваемых хозяевами в наем, сильно различалась, как и прибыль, получаемая от них. Шахтер должен был приносить своему хозяину один обол в день, кожевник - два оболы, а бригадир или надсмотрщик - три. Опытные производители изящных изделий, таких как головные уборы, аморгосские ткани и пестрые ткани, подобные нашему цветистому муслину, должны были приносить своим хозяевам гораздо больший доход.^[103]

В Афинах рабы делились на два класса - частных и государственных. Последние, являясь собственностью государства, выполняли несколько видов службы, которые считались недостойными свободных людей: например, их использовали в качестве вергельдов, посыльных, аппариторов, писцов, клерков общественных работ,^[104] и низших слуг богов. В большинстве храмов Греции было огромное количество рабов или крепостных, которые обрабатывали священные земли, выполняли различные более скромные религиозные обязанности, короче говоря, были готовы в любой момент исполнить приказ жрецов.^[105] В Коринфе, где преобладало поклонение Афродите, эти рабыни состояли почти исключительно из женщин,^[106] которые, по определенным случаям, сжигая ладан и вознося публичные молитвы богине, устраивали роскошные пиры в пределах ее фанзы.

Среди афинян рабы республики, как правило, пленники, захваченные на войне, получали тщательное образование, и на них иногда возлагались важные обязанности. Из их числа выбирались секретари,^[107] которые во время войны сопровождали генералов и казначеев армии и вели точный протокол их расходов, чтобы, когда по возвращении эти офицеры придут отчитываться о своих действиях, их книги можно было сравнить с книгами секретарей. Кроме того, в сложных случаях этих несчастных подвергали пыткам, чтобы получить те доказательства, которые древние считали наиболее удовлетворительными.^[108]

Подневольная лексика обязательно была обильной: διάκονος,^[109] слуга вообще; ὑπηρέτης,^[110] личный слуга или камердинер; ἀργυρώ-νητης,^[111] раб, купленный за деньги; ὄνιος, то же; οἰκότριψ,^[112] οἰκοτραφής, раб мужского пола, родившийся в доме. Женщину-рабыню в том же состоянии называли στήκис, или οἰκογενής.^[113] Экономка, тоже рабыня, получила название ταμεία^[114] от своей должности. Служанок они называли παιδίσκη,^[115] хотя, по мнению Поллукса, сомнительно, что оратор Лисий, употребляющий это слово, имеет в виду молодость или состояние девушки.^[116] Раб, рожденный от рабов в доме, называется οἰκοτριβαίος.^[117] Хрисипп проводит различие между οἱ κέτης^[118] и δοῦλος,^[119] но без особого основания. Клитарх перечисляет различные имена, под которыми рабы были известны в Греции: ἄζοι, θεραπόντες,^[120] ἀκόλουθοι,^[121] πάλμονες, и λάτρεις. Сельские рабы назывались ἐρκίται. Гермон в своих критских глоссариях отмечает, что рабы, рожденные от свободных родителей (εὐγένεις), на острове Крит назывались μνώται. Селевк сообщает нам, что ἄζοι означает слуг мужского и женского пола.^[122] Последние также назывались ἀποφράσαι и βολίζαι. Раб мужского пола, рожденный от рабыни, назывался σινδρῶν; женщина, прислуживающая госпоже, - ἀμφίπολος; девушка-рабыня, которая шла впереди своей госпожи, - πρόπολος. В Лакедемонии женщин-рабынь называли χαλκίδες. Термин οἰκέτης применялся к любому человеку, работающему в доме, будь то раб или свободный.

Когда только что купленного раба приводили в дом, существовал очень приятный и знаменательный обычай. Его ставили перед очагом, где его будущий хозяин, госпожа и сослуживцы высыпали ему на голову корзины со спелыми фруктами, финиками, инжиром, филбертами, грецкими орехами и так далее, чтобы показать, что он пришел в обитель

изобилия.^[123] Это событие было превращено его товарищами по рабству в праздник и пиршество; по обычаю, все, что бросали на новоприбывшего, присваивалось им, и поскольку среди остальных были сладости, им было чем повеселиться.^[124]

Их пища, как и следовало ожидать, обычно уступала пище их хозяев. Так, финики, выращиваемые в Греции, которые созревали неполноценно, были отданы в их пользование; а в качестве напитка они употребляли небольшое тонкое вино под названием лора,^[125] римляне делали его из шелухи винограда, которую после прессования клали вымачиваться в воде,^[126] и затем снова отжимали, как наш буннель в стране перри.^[127] То, что в Аттике обычно ели ячменный хлеб, не было особым затруднением,^[128] поскольку сами граждане часто делали то же самое. Более того, мы видим, что для придания пикантности грубой пище, простому бульону и соленой рыбе^[129] их баловали маринованными корнишонами. В первые века существования содружества они подражали бережливости своих господ, так что ни один раб, дороживший своей репутацией, не был замечен в том, чтобы зайти в таверну; но в более поздние времена они, естественно, в значительной степени разделяли общую испорченность нравов и возводили *summum bonum* в ранг еды и питья. Все их вероучение по этому поводу поэт Сотийон выразил в нескольких словах.^[130] "Зачем, - восклицает раб, - выдумывать эти нелепости, эти бредни софистов, разглагольствующих в Лицее, Академии и у ворот Одеона? Во всем этом нет ничего ценного. Давайте пить, давайте пить глубоко, о Сикон, Сикон!^[131] Давайте радоваться, пока нам еще позволено услаждать наши души. Наслаждайся, о Манес! Нет ничего слаще живота, который один для тебя, как отец твой и мать твоя. Добродетели, посольства, генеральские чины - пустая похвальба, похожая на похвальбу во сне. Небеса в сужденный час предадут тебя в холодные объятия смерти, и ты не унесешь с собой ничего, кроме того, что выпил и съел! Все остальное - прах, как Перикл, Кодрос и Кимон".

Занятия домашних рабов обязательно варьировались в зависимости от ранга и состояния их господ. В жилищах богатых и роскошных они имели обыкновение обмахивать своих господ и господж веерами и отгонять мух ветками мирта, вместо которых на Востоке используют мухобойки из пальмовых листьев. Среди римских дам было принято держать при себе женщину для единственной цели - присматривать за мелитенскими собаками^[132] своих хозяек, в чем они были менее честолобивы, чем та дама из Лукиана, которая держала для этой цели философа.^[133] Женщины-чашечницы занимали место наших дерзких лакеев.^[134] Женские служанки были также рабынями. Они были посвящены во все искусства туалета; и рассказывают о Юлии, чьи волосы преждевременно поседели, что ее орнатрикс иногда удивлялась, выщипывая белые волоски у входа своего отца.^[135] Должностные обязанности этих украшательниц описаны Манилием следующим образом:

Illis cura sui vultus frontisque decoræ
Semper erit, tortosque in plexum ponere crineis,
Aut nodis revocare, et rursus vertice denso
Fingere et appositis caput emutare capillis.^[136]

Этим искусствам их регулярно обучали мастера, и, судя по всему, существовал целый ряд людей, которые зарабатывали себе на жизнь, приучая рабов к домашнему труду. В Сиракузах упоминается некий^[137], у которого, вероятно, было собственное заведение, где он

обучал рабов всему спектру домашних обязанностей, таких как выпечка хлеба, приготовление пищи, стирка и т. д. В пекарском деле Анаксарх, философ-эвдаимонист, один из достойных спутников Александра Македонского,^[138] ввел усовершенствование, от которого могут выиграть современные времена: чтобы сохранить свой хлеб чистым от прикосновения и даже от дыхания рабов, которые его выпекали, он заставлял их месить тесто в перчатках на руках и надевать на рот респиратор из какой-то марлевой материи.^[139] Другие люди, не позволявшие своим прислужникам вкушать их лакомства, заставляли их, когда те работали у корыта, надевать широкий воротник, похожий на колесо, который не позволял им подносить руки ко рту.^[140] Эта отвратительная практика, однако, не могла быть всеобщей, поскольку из выражения у Аристофана^[141] и его схолиаста ясно, что рабы, занятые выпечкой хлеба, развлекались тем, что ели тесто. Это, по-видимому, одна из главных причин отвращения к плутам, занятым приготовлением деликатесов, которыми Тригеос кормит жука, на котором он собирается отправиться ко двору Зевса.

В городе Абдера, как мы узнаем из анекдота Стратоникоса,^[142] каждый частный гражданин держал раба, который служил ему в качестве глашатая и возвещал звуками трубы о появлении новой луны и празднике, который за ней следовал. Этому странствующему остроумцу приписывается одна *поговорка*, которую стоит повторить. Однажды, оказавшись на кладбище Тейхейоса, города в Милезии,^[143] населенного смешанным населением из всех соседних стран, и увидев на каждой могиле имя какого-нибудь иностранца, "Пойдем, - сказал он своему рабу, - уйдем с этого места. Здесь никто не умирает, кроме чужеземцев".

В качестве носильщика обычно выбирали одного из самых стойких и верных домашних.^[144] Кроме того, иногда в заведениях богатых и показных людей, как, например, у Каллиаса, в качестве привратников нанимали евнухов, привезенных из Азии.^[145]

Указания, как справедливо замечает Митфорд, которые экономка Пенелопы дает прислуге для выполнения повседневных дел, могли бы и сейчас служить на Востоке без изменений: "Идите скорее, - говорит она, - кто-нибудь из вас подметите дом и посыпьте его, пусть расстелют на сиденьях пунцовые ковры; пусть все столы хорошенько протрут губками, тщательно вымойте чаши и кубки. Некоторые из вас сразу же идут к фонтану за водой".

Помимо работы на мельнице и приноса воды, что было довольно трудоемким занятием, мы видим, что женщины-рабыни иногда занимались еще более неженственными делами, а именно - рубкой дров в горах, где наглый старик, по Аристофану, пользуется Фраттой.^[147] События такого рода, однако, могли происходить только среди крестьянских девушек. В городе и хозяйки, и служанки были слишком домашними, чтобы встречаться с приключениями в лесу или на горах. Ближе к закату содружества стало признаком богатства и значимости иметь в услужении чернокожую прислугу, как мужскую, так и женскую, как это было в моде у римлян и египетских греков. Так, у Клеопатры^[148] были негритянские мальчики для факелоносцев; и мелкий эксклюзив, в Цицероне,^[149] стремится дать понять, что у него есть африканский камердинер. Ювенал в своем саркастическом стиле ссылается на эту практику.^[150]

Tibi pocula cursor

Gætulus dabit aut nigri manus ossea Mauri.

Афинские дамы, подобно нашим индийским дамам, в качестве фольги, возможно, старались, чтобы их обслуживали официантки, ставшие "черными от любовных щипков Фибуса".

Путешественников в высоких Альпах почти всегда сопровождают швейцарские гиды, которые, нагруженные багажом своего работодателя, поднимаются перед ними по скалам, и к концу дня пути они менее утомлены, чем богатые пешеходы, которые не несут ничего сверх своего веса. Это точное изображение стиля путешествий в древности. Тогда даже для богатых людей было обычным делом "делать свои ноги компасами", как выражается Скриблер; но, чтобы не нагружать свои хрупкие плечи ранцем, их, как Вакха в "Лягушках", сопровождал постоянный раб, который нес багаж, закрепленный на узле носильщика на его плечах. Нанимать более одного камердинера для этой службы считалось признаком роскошных привычек; поэтому Эсхинс упрекает Демосфена, что во время его посольства его сопровождали две служанки, у каждой из которых был ковровый мешок.^[152] И у Теофраста, и у Ксенофонта этот слуга называется *Аколутос*, или последователь, потому что его обязанностью было идти позади своего господина; но в целом это имя обозначало молодого камердинера, который лично присматривал за великим человеком.^[153] Простота республиканских нравов в Афинах осуждала привычку содержать многих из этих элегантных молодых людей, что, более того, было запрещено законом.^[154]

Из суровости нравов, однако, проистекало одно зло - один раб иногда был обречен из-за тщеславия нести бремя двух; а поскольку их ворчание было соразмерно их тяготам, их делом вскоре занялись комические поэты, не столько, боюсь, из соображений гуманности, сколько потому, что это часто служило им поводом для хорошей шутки или двух. Постепенно, поскольку ни один писатель не останавливается на плодотворной теме и не подражает друг другу так откровенно, на сцене вошло в моду вводить в каждую комедию несчастного дьявола, чьи злоключения, подобно злоключениям клоуна в наших пантомимах, обычно заставляли театр реветь. Однако во времена Аристофана, который и высмеивал, и следил за ним, эта практика уже приелась: в то время как его насмешки над ворчащим камердинером повторяются usque ad nauseam, большая часть юмора и интереса "Лягушек" связана с проделками и приключениями меланхолического паскудника такого типа, как давно заметил Казобон^[155].

Когда люди узурпируют неоправданное господство над своими собратьями, они редко знают, где остановиться. Сами сирийцы, поработанные политически и часто продаваемые в рабство за границу, когда богатели, отличались особой роскошью: служанки ожидали их дам, которые, садясь в кареты, требовали, чтобы они ползали на четвереньках, чтобы они могли сделать из их спин подставку для ног.^[156]

-
1. О состоянии домашнего хозяйства в современную эпоху см. интересную работу месье Грегуара, *Sur la Domesticité*, p. 3, sqq.
 2. Cp. *Plat. de Legg.* t. viii. p. 38.
 3. Таким образом, Метродор: -Δούλος ἀναγκαῖον μὲν κτῆμα, οὐχ ἡδὺ δὲ. *Stob. Florileg. Tit.* 62. 44.
 4. Cp. *Plat. de Legg.* vi. t. vii. p. 460.
 5. Даже нет дома, согласно *Aristot. Polit.* i. 3. *Stob. Floril. Tit.* 62. 44.
 6. Герод Аттик, например, оплакивал смерть своих рабов, как если бы они были его родственниками, и воздвигал статуи в память о них в лесах, полях и у фонтанов. *Филост. Vit. Soph.* ii. 10. Среди уважаемых рабов считалось позорным пить, когда семья была в беде. *Vict. Var. Lect.* viii. 4. Яркий пример привязанности, порождаемой хорошим обращением, приводит Либаний: "Sed, ut intelligas, - говорит софист, обращаясь к Уранию, - quam fidum

habeas servum, quæsiui ego tunc otiosus, cur, præter ejus generis hominum, consuetudinem tanta fide res tuas curaret? Is vero mihi graviter sapientissimèque respondit se novum quoddam fidissimæ servitutis genus excogitare oportuisse, quoniam herum habeat nomine, re vero fratrem, cum quo eundem cibum caperet, idem vinum biberet, à quo non modo vapularet, sed ne malum quidem unquam aliquid audiret," Epistol. i. 16. Lat. ed J. C. Wolf. p. 739. a.

7. Платон, de Legg. vi. t. vii. p. 460.

8. В старые времена не было ни манов, ни секир: все делали женщины. Афины. vi. 83. Ср. Herod. vi. 137. Об этих ранних периодах, однако, сохранилось мало записей, поскольку, как только греки появляются на сцене истории, их сопровождают рабы. По этой причине Филон Иудейский восхищается аргонавтами, которые во время своей знаменитой экспедиции отказались от помощи подневольного труда: ἄγαμαι καὶ τῶν Ἀργοναυτῶν, οἱ σύμπαν ἀπέφῃραν ἐλεύθερον τὸ πλήρομα, μηδὲνα μήτε τᾶς εἰς ἀναγκαίᾳς ὑπηρεσίας προσέμενοι δοῦλον, ἀδελφὸν ἐλευθερίας αὐτουργίαν ἐν τῷ τότε ἀσπασαμένων Lib. quisq. virt. Stud. t. ii. p. 467. ed. Mangey.

9. В более поздние времена, однако, эта трудоемкая задача была возложена на женщин-рабынь. "Готлиб Фишер (Disput. Philolog. de Molis Manual. Vet. in 4. Gedani, 1728) установил на основании многочисленных доказательств, что у египтян, вавилонян, персов, арабов, греков, римлян эта работа обычно возлагалась на женщин-рабынь. Изобретение мулинов в воде стало для них эпохой всеобщей радости, которую поэт Антипатр считает своим интерпретатором в одной из пьес, дошедших до наших дней: Femmes occupées a moudre, ne fatiguez plus vos bras, dormez la longue matinée ... Cérès a ordonné aux nymphes de remplacer l'ouvrage de vos mains, etc.". Grégoire de la Domesticité, p. 7.

10. Mitford, Hist. of Greece, i. 405. \$1"\$2"\$3См. по этому вопросу Grotius de Jur. Bell. et Pac. iii. 14. Contrat Social Руссо, i. 4.

11. Δρῶες dicti παρὰ δαμᾶσθαι, à domando, Feith. Antiq. Hom. ii. 20. p. 180. Horn. Odyss. p. 299.

12. II. Эпист. Петра, гл. ii. вер. 19.

13. Odyss. α. 398. Илиада. θ. 128, seq. β. 689, sqq. τ. 193. Верг. Æneid. iii. 326, seq.

14. Ирод, iii. 134. Ἐπιθυμέω замечает царица, γὰρ λόγῳ πυνθανομένη, Λακαίνας τέ μοι γενέσθαι θεράπαινας καὶ Ἀργείας καὶ Ἀττικὰς καὶ Κορινθίᾳς. То же самое рассказывает Илиан (De Nat. Animal, xi. 27); но вполне вероятно, что Геродот был тем авторитетом, на котором он основывал свое повествование.

15. Herod, vi. 19.

16. Эврип. Troad. 30, sqq.

17. Feith, Antiq. Horn. p. 181.

18. Илиада. φ. 102. ω. 751, и др.

19. Ирод, vi. 20, 119.

20. Диод. Sicul. xi. Арриан, Anab. i. p. 11. Плут. Symp. ix. 1. Mitf. Hist. of Greece, ii. 176.

21. Ирод, i. 1.

22. История Греции, i. 32.

23. Одисс. о. 427. 482.

24. Одисс. ζ. 340.

25. Илиада. ф. 453 и др. Фейт отмечает, что римляне не поощряли тех низких и подлых злодеев, которые крали и продавали своих собратьев, и не держали в рабстве никого, кроме тех, кто был законно захвачен на войне. *Antiq. Hom.* ii. 20.

26. Женщин-рабов получали из Фракии, Фригии и Пафлагонии. *Schol. Аристоф. Acharn.* 261. *Филост. Вит. Аполл. Тян.* viii. 7. 12. *Ср. Plut. Sympos.* v. 7. 1.

27. *Philost. Vit. Apoll. Tyan.* viii. 7. 12. Деморализующее воздействие этого оборота, пожалуй, никогда не было проиллюстрировано лучше, чем Барбо. Этот писатель, описывая искусство, с помощью которого люди заманивают своих собственных детей, родственников или соседей на европейские фабрики с целью их продажи, приводит анекдот, демонстрирующий верх человеческой развращенности: "Мне рассказывали об одном человеке, который задумал продать своего собственного сына; но он, понимая по-французски, некоторое время скрытничал, а потом придумал такую хитрость, чтобы убедить французов, что старик - его раб, а не отец, и таким образом отдал его в плен; и таким образом оправдал итальянскую пословицу, а *furbo furbo e mezzo*; это равносильно тому, что "поймать вора - поймать вора" или "алмаз - алмаз". *Descr. of Guinea*, i. 4. Сын сразу же после этого был освобожден от злополучных доходов и сам продан в рабство.

28. Ксеноф. *Anab.* iv. 8. 4.

29. *Odyss.* α. 397.

30. Илиада. ω. 734.

31. См. Иоахаз. *Hopp. Комментарий. Succinct. ad Instit. Justin.* 1. i. *Tit. viii.* § 1. p. 61. *Grot. De Jur. Bell. et Pac.* ii. 5. 28. iii. 7. 3.

32. *Odyss.* p. 369. χ. 475, sqq. В большинстве частей древнего мира наказания рабов были до последней степени несоразмерными и несправедливыми: "*Cibum enim adurere, mensam evertere, dicto tardius audientem fuisse, cruce, aut flagellis ad minus expiabantur*". (*Ср. Plut. De Cohibend. Irâ.* § 13. 15.) *Dixisses, omnes penitus dominos professos fuisse Stoicam sectam, adeò illis altè insederat, omnia servorum peccata æqualia esse. Quo factum est, ut servi nuper empti non quærerent an superstitiosum, vel invidum, sed an iracundum herum nacti essent. Seneca; (de Irâ. iii. 28) quid est, quare ego servi mei hilarius responsum, et contumaciorem vultum, et non pervenientem usque ad me murmurationem, flagellis et compedibus expiem.*" *Pignor. De Servis*, p. 5.

33. *Feith. Antiq. Hom.* ii. 20.

34. *Odyss.* χ. 462.

35. *Eustath. ad loc.* p. 1934. *Ср. Virg. xii.* 603.

36. В более поздние времена вольноотпущенники, обвиненные в неблагодарности, возвращались, если были осуждены, в рабство. *Etyim. Mag.* 124. 53 и далее. Такова была практика и в римском праве, но среди наших предков кабальеро, однажды лишенный воли, никогда не мог быть снова обращен в рабство. *Фортестью де Лауд. Leg. Angl. cap.* 46. p. 108 b. При определенных обстоятельствах афинские освобожденные рабы считались достойными и могли жениться на свободных женщинах. *Dem. in Steph. i.* § 20. У Демосфена упоминается великолепный памятник, поставленный в честь жены одного из таких вольноотпущенников. § 22.

37. Plut. Эллин. Problem. 14.

38. См. Mr. Nelson Coleridge, Introduction to the Study of the Greek Poets. Pt. 1. p. 306.

39. Odyss. δ. 644. Ср. Clavier, Hist. des Prem. Temps de la Grèce. ii. 315. Suid. v. θῆτες. 1322, который говорит, что их наем назывался θητώνιον.

40. Odyss. p. 356.

41. Odyss. λ. 488.

42. Илиада. υ. 434, seq.

43. Антик. Рим. ii. 19.

44. Ирод. viii. 137.

45. Исократ. Елена. Энком. § 14.

46. Миф. Hist. of Greece, i. 70.

47. Ар. Athen. vi. 86. См., однако, свидетельство Полибия, xii. 5.

48. Ср. Suid. v. δουλοσύνη. i. 769.

49. Athen. vi. 86.

50. Ælian. Var. Hist. iii. 19.

51. Афины. vi. 86.

52. Odyss. δ. 644.

53. Афины. vi. 86.

54. Стеф. Byzant. v. Χῖος. p. 758. b. Arrian. in Indic. p. 529.

55. Coel. Rhodig. xxv. 19.

56. Афины. vi. 88.

57. Подневольные войны в Сицилии приняли гораздо более важный характер и напоминали скорее те гражданские волнения в государствах, в которых одна часть граждан ведет военные действия против другой; поскольку богатство островитян быстро росло после изгнания карфагенян, они покупали огромное количество рабов, главным образом на Востоке, которых они использовали в обычной тяжелой работе и обращались с ними с чрезвычайной жестокостью, клеймя их на теле, как скот: -Χαρκτῆρα ἐπέβαλλον καὶ στίγμας τοῖς σώμασιν. Diodor. Sicul. 34. ap. Phot. Biblioth. Cod. 244. p. 384. Bekk.

58. Однако мы, вероятно, можем сделать некоторые предположения о том, какие травмы они терпели, исходя из описания жестокостей, которые сицилийцы практиковали по отношению к своим рабам. Эти несчастные люди, как сообщает нам история, были вынуждены отказываться даже от обычного вознаграждения за труд и, хотя они непрерывно трудились для своих хозяев, обеспечивали себе пропитание за счет грабежей и убийств: -βαρέως δ' αὐτοῖς κατὰ τε τὰς ὑπηρεσίας ἐχρῶντο, καὶ ἐπιμελείας παντελῶς ὀλίγης ἤξιουν ὅσα τε ἐντρέφεσθαι καὶ ὅσα ἐνδύσασθαι- ἐξ ὧν οἱ πλείους ἀπὸ ληστείας τὸ ζῆν ἐπορίζοντο, καὶ μεστὰ φόνον ἦν ἅπαντα καθάπερ στρατευμάτων διεσπαρμένων τῶν ληστῶν. Diodor. Sicul. ap. Phot. ubi supra.

59. У них, как и у ахейцев, была тюрьма под названием Зетрейон, где их рабы работали в цепях. Etym. Mag. 411. 33.

60. История восстания рабов на Сицилии имеет много сходств с хиосской, хотя Эвн, вождь сицилийских рабов, ни по характеру, ни по способностям не заслуживает сравнения с Дримаком. Евн был самозванцем, который своими видениями и притворными пророчествами подстрекал рабов к восстанию. Он добился успеха в своих предсказаниях, спрятав во рту скорлупу грецкого ореха, наполненную каким-то огненным веществом, а затем выдыхая искры и пламя, как химера. Однако его ум был способен на честолубие, так как среди прочих событий, которые он предсказывал, он старался представить тот факт, что однажды, по указу небес, он станет царем. Диодор. Sicul. 34. Ap. Phot. Biblioth. Cod. 244. p. 384. Бекк. Ухищрения, с помощью которых он поддерживал свои притязания на чудодейственную силу, описаны Флором, iii. 19: Syrus quidam nomine Eunus (magnitudo claudium facit, ut meminerimus) fanatico furore simulato, dum Syriæ deæ comas, jactat ad libertatem et arma servos, quasi numinum imperio concitavit idquæ ut divinitus fieri probaret, in ore abdita nuce quam sulfure, et igne stipaveret, leniter inspirans flammam inter verba fundebat.

61. В качестве иллюстрации к древней практике опечатывания складов и других мест, где хранились ценные вещи, можно привести следующий анекдот из Диогена Лаэртция. (Лацидес, сменивший Аркесилая на посту главного профессора Новой академии, имея, как оказалось, множество вороватых домашних животных, имел привычку тщательно опечатывать дверь своей кладовой; но, чтобы не рисковать потерей печати, он незаметно, как ему казалось, просовывал ее в помещение через отверстие в двери. Однако рабы, прилежно следившие за его передвижениями, раскрыли секрет старого джентльмена и, посещая его лавки так часто, как считали нужным, избежали обнаружения, снова запечатав дверь и просунув в отверстие печатку, которую он оставил.

62. Поведение Эвна и его последователей, когда сразу после восстания они овладели городом Эвна, представляет самый разительный контраст с этой умеренностью хианских рабов: они разграбили дома и, без различия возраста и пола, вырезали жителей, вырывая младенцев из груди и бросая их на землю. На часть их злодеяний историк скромно опускает завесу: Εἰς δὲ τὰς γυναῖκας замечает он, οὐδ' ἔστιν εἰπεῖν (καὶ τότε βλεπόντων τῶν ἀνδρῶν) ὅσα ἐνύβριζόν τε καὶ ἐνησέλγαινον, πολλοῦ αὐτοῖς πλήθους τῶν ἀπὸ τῆς πόλεως δούλων προστεθέντος οἱ καὶ κατὰ τῶν κυρίων πρότερον τὰ ἔσχατα ἐνδεικνύμενοι οὕτω πρὸς τὸν τῶν ἄλλων φόνον ἐτρέποντο. Diodor. Sicul. ap. Phot. Biblioth. p. 385.

63. Надо сказать, что римляне вели войну против Эвна, принявшего титул царя, в манере, более достойной республики. Численность повстанцев в одно время достигала шестидесяти тысяч человек, которые, вооружившись топорами, рогатинами, кольями и вертелами для приготовления пищи, разгромили несколько армий и вели боевые действия в течение трех лет. Однако, не ослабляя усилий, государство в конце концов одержало верх, полностью подавило восстание и доставило Эвнуса пленником в Рим, где, по словам Плутарха, он, как и диктатор Силла, был изъеден паразитами: Εἰ δὲ δεῖ καὶ τῶν ἀπ' οὐδενὸς μὲν χρηστοῦ γινωρίμων δ' ἄλλως ἐπιμνησθῆναι, λέγεται τὸν ἄρξαντα τοῦ δουλικοῦ πολέμου περὶ Σικελίαν δραπετήν, Εὔνου ἐνομα μετὰ τὴν ἄλωσιν εἰς Ῥώμην ἀγόμενον ὑπὸ φθειριάσεως ἀποθανεῖν. Vit. Syl. § 36. Ср. Diod. Sicul. 34. Ap. Phot. Biblioth. 386. О завершении войны Перперной рассказывает Флор: Tandem Perperna imperatore supplicium de eis sumptum est. Hic enim victos et apud Eunam novissimè obsessos quum fame quasi pestilentia consumpsisset reliquias latronum compedibus catenis religavit, crucibusque punivit fuitque de servis ovatione contentus, ne dignitatem triumphi servili inscriptione violaret. iii. 19.

64. Nymphiodor. ap. Athen. vi. 88, sqq.
65. Herod. viii. 105.
66. Афины. vi. 91.
67. Афины. vi. 92.
68. О состоянии общественных рабов δημόσιοι см. примечания к Demosth. Olynth. ii. 7. Orat. Att. t. v. p. 45.
69. Иногда мы видим, что они спали со своими хозяевами в одной квартире, которая, несомненно, напоминала *chambre de ménage* старых французов. Аристоф. Nub. 5, et Schol.
70. Ap. Athen. vi. 92.
71. Ликург. Фрагм. xi. Orat. Att. iv. 482. Cp. Meurs. Them. Att. ii. 11. Petit. Legg. Att. vi. 5. 470. Платон был менее справедлив к ним, чем законы его страны. Если в его воображаемом государстве раб убивал рабыню в целях самозащиты, его признавали невиновным; если свободный человек, его предавали смерти как отцеубийцу. De Legg. t. viii. p. 150.
72. Cont. Mid. § 14.
73. Petit. Legg. Att. ii. 6, p. 179.
74. Schol. Arist. Vesp. 444. В дождливую погоду они носили шапки из собачьей шкуры, id. ib. δοῦλος ὦν κόμην, ἔχεις, - пословица, применявшаяся к людям, поступающим неразумно. Suid. Port. t. i. p. 769.
75. Etymol. Mag. 90. 55.
76. Meurs. Them. Att. ii. 11. 85 и далее с цитируемыми там авторами.
77. Athen. vi. 81.
78. Аристоф. Plut. 21.
79. Плетки, использовавшиеся для бичевания рабов, на конце которых иногда прикреплялись небольшие кусочки бронзы. Кайлус, Rec. D'Antiq. ii. p. 334. Среди тирренцев рабов нелепо били под звуки музыки. Plut. De Cohibend. Irâ. § 11.
80. Meurs. Them. Att. ii. 11.
81. Ксенофонт, в сущности, жалуется, что их нельзя было ударить: -οὔτε πατάξαι ἔξεστιν αὐτόθι. De Rep. Athen. i. 10. Cp. Muret. in Arist. Ethic. v. p. 434, sqq. В других частях Греции избивание рабов, по-видимому, было обычным делом. Плут. De Cohibend. Irâ. § 15.
82. Aristoph. Nub. 6, et Schol. Когда однажды от Диогена убежал раб, он не стал его преследовать, но заметил, что было бы страшно, если бы Диоген не мог обойтись без раба, так как раб мог обойтись без Диогена. Stob. Florileg. Tit. 62. 47.
83. Похоже, что они сделали каждого раба, присоединившегося к ним, гражданином Суниума, откуда и поговорка: "Сегодня рабы, а завтра сунийцы". Athen. vi. 83. Однажды некоторые рабы завладели несколькими галерами и в качестве пиратов бороздили побережье Италии. 87.
84. Athen. vi. 104.

85. Müll. Dor. ii. 37. Среди римлян считалось, что рабы не способны вступать в брак, как это правильно называется. *Porro ad militaris contubernii similitudinem quandam factum est ut, cum inter servos jure Romano veræ nuptiæ dici nequeant, servile connubium non matrimonium, ut inter liberos, sed, uti mera cohabitatio, contubernium diceretur.* Torrent. in Suet. Vesp. p. 362.

86. Xen. Œcon. ix. 5. Аристотель. Œcon. i. 5, (который говорит, что рабы должны были быть связаны залогом детей) Columell. i. 8. 5.

87. Πεφύκαμεν γὰρ καὶ τῶν οἱ κετῶν μᾶλλον πιστεύειν τοῖς οἴκοι γεννηθεῖσι καὶ τραφεῖ σιν ἢ οὓς ἄν κτησώμεθα πριάμενοι. Schol. Аристоф. Eq. 2.

88. Sch. Аристоф. Eq. 1309.

89. Plut. Thes. § 36. С комментаторами на Pollux. t. v. p. 232, seq. Cp. Phil. Jud. Lib. quisq. virt. Stud. t. ii. p. 467. ed. Mangey. Grot. Le Droit de la Guerre et de la Paix, l. iii. ch. 7. § 8, с примечаниями Барбейрака.

90. Pollux. vii. 13. Те, кто укрывался у алтаря Гестии или домашнего очага, назывались ἑδρίται. Etymol. Mag. 316, 52.

91. В современную эпоху турки утверждают, что их рабыни отличаются повышенной гуманностью и, вступая в брак с сыновьями или дочерьми своих хозяев, часто достигают высшей степени богатства и отличия. Большинство пашей и крупных государственных чиновников происходят из подневольного сословия. То же самое можно сказать о султаншах и главных дамах империи; по этой причине черкесские принцы и дворяне всегда стремились к тому, чтобы хотя бы одна из их дочерей попала в турецкий гарем. Хабешы, Государство Османской империи, гл. 31. p. 396, sqq. Корреспондент "Мальта Таймс", пишущий из Турции, замечает: "Если раб возражает против того, чтобы остаться с хозяином, он имеет право пойти на рынок и заявить, что хочет быть проданным. Хозяин никогда не противится этому, и это настолько сдерживает его, что он редко осмеливается даже ругать своего раба". Таймс, 28 февраля 1842 года. Все это, однако, следует понимать с большой долей осторожности, поскольку ни один путешественник не может проехать по Османской империи, не обнаружив многочисленных примеров жестокости хозяев по отношению к своим прислужникам.

92. Ἐν δὲ ταῖς νομηνίαις οἱ δοῦλοι ἐπωλοῦντο. Schol. Aristoph. Eq. 43. Аукционист или работорговец (προπάτωρ) отвечал по закону за качество проданных им людей, то есть за то, чтобы они соответствовали описанию, данному в каталоге. Poll. vii. 11. 12. Cp. Casaub. ad Theoph. Charact. p. 257, и Скалигер о слове Propula ad Virg. Cul. 411. p. 1255, seq. Рабы иногда продавались в храме Кастора и Полидевка. Dem. in Steph. i. § 23.

93. Диоген. Laert. vi. 1. 4.

94. Harpocrat. v. κύκλοι. p. 108. Vales. Cp. Poll. vii. 11.

95. Poll. vii. 14, seq.

96. Cp. Demosth. adv. Spud. § 3.

97. Ксеноф. Mem. ii. 5. 2.

98. Pub. Экономика Афин, i. 92.

99. Suid. v. ἡ μαῖον ἄσμα, t. i. p. 1239. с. Poll. vii. 180. У Апулея есть следующее описание мельниц древних: "Ibi complurium jumentorum multivii circuitus intorquebant molas ambage varia; nec die tantum, verum perpeti etiam nocte prorsus instabili machinarum vertigine

lucubrabant perviligem farinam." Затем он рисует ужасающую картину работающих там рабов: "Homunculi vibicibus livedinis totam cutem depicti, dorsumque plagosum scissili centunculo magis inumbrati, quàm obtecti; nonnulli exiguo tegili tantummodo pubem injecti, cuncti tamen sic tunicati, ut essent per pannulos manifesti; frontes literati, et capillum semirasi, et pedes annulati." *Metamorph.* ix. p. 204, seq. Cp. *Pignor. De Servis*, p. 9, seq.

100. In *Pantænet.* §§ 2. 5. Бартелеми, однако, который с любопытством изучал этот вопрос, полагает, что мина стоила от 300 до 600 драхм. *Voy. du J. Anach.* v. 35.

101. *Pub. Econ. of Athens*, i. 94.

102. *Orat. in Aphob.* § 2.

103. *Boeckh Pub. Econ. of Athen.* i. 92, sqq.

104. *Rudig. ad Dem. Olynth. B.* § 7. *Etymol. Mag.* 265. 29, seq.

105. *Dissen. ad Fragm. Pind.* p. 640.

106. См. изображение священных женщин-рабынь, танцующих, в *Zoëga, Bassi Relievi.* Tav. 20 и далее.

107. *Vid. Stock. ad Dem. Olynth. B.* § 7. *Ulp. ad loc. Harpocrat.* v. δημόσιος. *Vales. ad Maussac.* p. 374.

108. *Lycurg. cont. Leocrat.* § 9. *Antiph. de Cæd. Herod.* § 6. О крайней неопределенности показаний, добытых пыткой, см. *Sir John Fortescue, de Laud. Leg. Angl.* c. 22.

109. *Etym. Mag.* 268. 25.

110. *Etym. Mag.* 780. 40, sqq.

111. *Etym. Mag.* 285. 6. *Suid. v. ἀργυρώνη.* t. i. p. 416. a.

112. *Suid. v. οἰκότριψ.* t. ii. p. 278. b. *Etym. Mag.* 598. 15. Аммоний выражается более определенно: -οἰκότριψ καὶ οἰκέτης διαφέρει. Οἱ κότριψ μὲν γὰρ, ὁ ἐν τῇ οἰκίᾳ διατρεφόμενος, ὃν ἡμεῖς θρεπτόν καλοῦμεν- οἰκέτης δὲ, ὁ δοῦλος ὁ ὠνητός- παρὰ δὲ Σόλωνι ἐν τοῖς ᾄξεσιν οἱ κεῖς κέκληται ὁ οἱ κότριψ. *De Adfin. Vocab. Differ.* p. 101, seq. См. также: *Valckenaër, Animadvers.* c. iii. p. 172, sqq. *Thom. Magist. v. οἰκότριψ.* p. 645. О том, как их оценивали, можно узнать у Фотия: -οἰκότριβες, οἱ ἐκ δούλων δοῦλοι, οἱ καὶ οἱ κογενεῖς λέγονται- νομίθοντο δὲ τὸ παλαιὸν ἀτιμότεροι τῶν οἱ κετῶν, ὅτι οἱ μὲν ἐκ δούλων, οἱ δὲ ἐξ ἐλευθέρων ἐγένοντο, καὶ οἱ μὲν ἀεὶ δοῦλοι, οἱ δὲ ὕστεροι.

113. *Sch. Aristoph. Vesp.* 768. *Etym. Mag.* 590. 14. *Suid. v. οἰκογενής.* t. ii. p. 278. a.

114. Cp. *Etym. Mag.* 745. 13, sqq.

115. *Suid. v. παιδίσκη.* t. ii. p. 472. a.

116. *Poll.* iii. 76. *Annot. t. iv.* p. 562, seq. Над женщинами-рабынями в доме был надсмотрщик, называемый σκοπὸς. *Etym. Mag.* 718. 51.

117. Cp. Meurs. Cret. p. 192.

118. Οἰκέται οὐ μόνον οἱ δοῦλοι, ἀλλὰ καὶ πάντες οἱ ἐν τῷ οἷ κῶ γυνὴ καὶ τέκνα. Ἡρόδοτος ἐν τῇ ὀγδότη- ῖν κομίσας τοὺς οἰκέτας οἰκέη ἐκείνη- ὥστε ὑποδεξάμενον τοὺς λόγους τὸν Πανιώνιον, κομίσει τὰ τέκνα καὶ τὴν γυναῖ κα. Thom. Magist. p. 644. Suid. v. οἰκέται. t. ii. p. 276. b.

119. Etym. Mag. 284. 49.

120. Etym. Mag. 446. 41.

121. Dem. cont. Mid. § 44.

122. Athen. vi. 93.

123. Sch. Aristoph. Plut. 768, с комментаторами. Поллукс, iii. 77.

124. Cp. Vales. ad Harpocrat. p. 298.

125. Vappo, De Re Rust. i. 54. Colum. xii. 40. Cato. 25.

126. См. Диоскорид. v. 13.

127. Точно такой же напиток, изготовленный тем же способом, известен в винодельческих районах Франции под названием *пикет*. Там он также часто используется в домашнем хозяйстве. Среди древних египтян бедняки и, *à fortiori*, можно предположить, рабы были обречены полагаться на пиво для получения удовольствия от опьянения. Athen. i. 61.

128. Тем не менее, Тригеос считает несчастьем быть ограниченным такой пищей, так как желает, чтобы оружейники, которые хотят, чтобы их ремесло процветало, могли попасть в руки разбойников и питаться ячменным хлебом: -ληφθεῖς ὑπὸ ληστῶν ἐθίοι κριθᾶς μόνας. Рас. Aristoph. 448. Küst. Vid. Schol. 447. Но это было пожелание им долгой жизни и остроты чувств, поскольку долголетие и острое зрение халдеев, позволявшие им, как я полагаю, заглядывать в будущее, в основном приписываются их банникам из ячменной муки. Luc. Macrob. § 5. Cp. Poll. ii. 353. Thucyd. iii. 49. Schol. Аристоф. Eq. 816. У того же схолиаста мы находим (Eq. 488.), что ячменное тесто обозначалось особым термином, φύραμα. Cp. Athen. ix. 67.

129. Luc. Quomod. Hist. Sit conscrib. § 20, где софист высмеивает раба, который, унаследовав имущество своего хозяина, пренебрег поставленными перед ним лакомствами, такими как птица, свинина и дичь, и перешел на предметы своего прежнего рациона. Подобные черты проявлялись и у французских слуг, которые нажили большие состояния во времена Миссисипи. Например, лакей, обогатившийся и купивший карету, вместо того чтобы войти в нее, встал за ней. Лорд Джон Рассел. История Европы, т. ii. стр. 217.

130. Athen. viii. 15. Сервильные имена обычно были краткими, как Мида, Фрикс и т. д. Schol. Arist. Vesp. 433. Cp. Strab. l. vii. t. i. p. 467. a. Casaub.

131. Еврипид в нескольких стихах описывает два совершенно разных взгляда на рабство свободного человека и раба:

Орест. Δοῦλος ὦν φοβεῖ τὸν Ἄδην

ὅς σ' ἀπαλλάξ ἐκ κακῶν.

Phryx. Πᾶρ' ἀνὴρ κᾶν δοῦλος

ἧ τις ἥδεταὶ τὸ φῶς ὀρών.

Orest. 1537, sqq.

Замечание фригийца справедливо; ибо Бог, укрощающий ветер для стриженного ягненка, смягчает и страдания раба и дает ему возможность смотреть на свет с чем-то похожим на радость.

132. Пиньор. De Serv. p. 190. В качестве иллюстрации любви некоторых людей к животным рассказывают, что в Египте жила старуха, которая привычно спала с крокодилом. Plut. Solert. Anim. § 23.

133. De Merced. Поведение. § 34.

134. Пиньор. De Serv. p. 190. Athen. i. 20.

135. Макроб. Сатурн. ii. 5.

136. Manil. v. p. 117. v. 28. ed. Scalig.

137. Arist. Polit. i. 2. Cp. Dem. adv. Leochar. § 20.

138. Diog. Laert. ix. 10. 60.

139. Этот Анаксарх, которому благосклонная античность присвоила имя философа, на самом деле был всего лишь распутным придворным, чьи манеры и вкусы описывает Клеарх Солийский: Τῶν Εὐδαιμονικῶν καλουμένων Ἀναξάρχῳ διὰ τὴν τῶν χορηγησάντων ἄγνοιαν περιπεσοῦσης ἐξουσίας, γυμνὴ μὲν ὠνοχόει παιδίσκη πρόσηβος, ἢ προκριθεῖσα διαφέρειν ὥρᾳ τῶν ἄλλων- ἀνασύρουσα πρὸς ἀλήθειαν τὴν τῶν οὕτως αὐτῇ χρωμένων ἀκρασίαν- ὁ δὲ σιτοποιὸς χειρίδας ἔχων, καὶ περὶ τῷ στόματι κημὸν, ἔτριβέ τὸ σταῖς, ἵνα μὴδὲ ἰδρῶς ἐπιρρέῃ, μήτε τοῖς φυράμασιν ὁ τρίβων ἐμπνέοι. Athen. xii. 70.

140. Poll. vii. 20. x. 112. Suid. v. παυσικάπη. t. ii. p. 467. b. Эту и подобные практики отмечает М. Грегуар. "Древние люди наделяли эсклавов, (v. Fabretti Inscrip. Antiq. Explic. p. 522,) как наделяют детей, кольерами или фермами, на которых были выгравированы имена, профессия и должность владельца, с приглашением донести на них до их хозяев в случае бегства. В "Дополнениях к древним греческим и римским памятникам" Полени можно прочесть различные надписи этого жанра (Utriusque Thesauri Antiquitatem, etc., nova supplementa, ab J. Poleno, t. iv. p. 1247.) Les colons avoient enchéri sur les anciens en inventions, pour torturer leur semblables: telle est, par exemple, l'énorme triangle de fer au cou des nègres, pour les empêcher de fuir. В то же время, кутёж, заключающийся в том, чтобы мускулировать эсклавов, сдерживать их буйство, чтобы они не могли отчаиваться, вытираясь сахаром, - это не более чем имитация старины, Суидас и Поллукс, как мы знаем, установили на кушетке машину, называемую "паузкап", в виде рулетки, которая не позволяла им переносить основную часть букета и убирать фарин, когда они занимались турнером по мясу." De la Domesticité chez les Peuples Anciens et Modernes, p. 6. Cp. Pignor. de Servis, p. 15, seq.

141. Рас. 12. seq.

Ἰδοῦ,

Ἐνὸς μὲν, ὧδρες ὧδρες, ἀπολελῦσθαί μοι δοκῶ

Οὐδεὶς γὰρ ἂν φαίη με μάττοντ' ἐσθίειν.

На что схолиаст замечает: εἰώθασι γὰρ ἅμα τῷ μάρτειν, ἐσθίειν.

142. Athen. viii. 41.

143. Athen. viii. 43.

144. Упоминаются также женщины-носильщики. Dem. in Ev. et Mnes. § 10.

145. Сцена, в которой нам представляют евнуха-портного Каллиаса, написана в самой живой манере Платона. Этот древний баббалук проявляет всю неловкость содержателя восточного гарема, и когда мы слушаем, как он кричит на Сократа через дверь, нам кажется, что мы переносимся в заведение эмира Фахреддина. Δοκεῖ οὖν μοι, ὁ θυρωρός, [εὐνοῦχος](#) [εὐνοῦχος τις](#), κατήκουεν ἡμῶν- κινδυνεύει δὲ διὰ τὸ πλῆθος τῶν σοφιστῶν ἄχθεσθαι γοῦν ἐκρούσαμεν τὴν θύραν, ἀνοίξας καὶ ἰδὼν ἡμᾶς, "Ἐα, ἔφη, [σοφισταί](#) [σοφισταί τινες](#)- οὐ σχολή αὐτῷ Καὶ ἅμα ἀμφοῖν τοῖν χεροῖν τὴν θύραν πάνυ προθύμως ὡς οἶός τ' ἦν ἐπήραξε. Καὶ ἡμεῖς πάλιν ἐκρούομεν. καὶ ὃς ἐγκεκλημένης τῆς θύρας ἀποκρινόμενος εἶπεν, ὦ ἄνθρωποι, ἔφη, οὐκ ἀκηκόατε ὅτι οὐ σχολή αὐτῷ Ἀλλ' ὠγαθέωγαθέ, ἔφην ἐγώ, οὔτε παρὰ Καλλίαν ἄλλ' ὠγαθέ,' ἤκομεν οὔτε σοφισταί ἐσμεν, ἀλλὰ θάρρει- Πρωταγόραν γάρ τι δεόμενοι ἰδεῖν ἤλθομεν. εἰσάγγειλον οὖν. Μόγις οὖν ποτὲ ἡμῖν ἄνθρωπος ἀνέωξε τὴν θύραν. Protag. t. i. p. 159, seq.

146. Одисс. u. 149. Hist. of Greece, i. 186. Cp. Athen. iii. 73.

147. Ахарн. 272. Принцип, по которому имена давались рабам, объясняется Элладиусом следующим образом: οἱ κωμικοὶ τοὺς οἰκέτας τὸ μὲν πλεον ἀπὸ τοῦ γένους κάλουν οἶον Σύρον καρίωνα Μίδαν Γέταν καὶ τὰ ὅμοια, ἐκάλουν δὲ καὶ τὰ ἐξ ἐπιθέτων, ὡς ἀπὸ τοῦ χρώματος μὲν Πυρρῶν καὶ Ξανθίαν ἀπὸ τοῦ τρόπου δὲ Παρμένωνα καὶ Πιστόν καὶ Δρόμωνα. ἐκάλουν δὲ καὶ ἀπὸ τῆς ἡμέρας ἐν ᾗ ὠνήσαντο τὸν οἰκέτην, ἐξ οὗ καὶ τοὺς Νουμηνίας ὠνόμαζον. Χρестомат. ap. Phot. Bib. 532. b. 36, seq. См. также примечание Meursius. p. 57.

148. Athen. iv. 29.

149. Риторика. ad Heren.

150. Sat. v. 52, seq.

151. Теоф. Char. p. 58, et ad Casaub. loc. p. 329, seq.

152. Συνηκολούθουν δ' αὐτῷ ἄνθρωποι δύο στρωματόδεσμα φέροντες, ἐν δὲ τῷ ἐτέρῳ τούτων, ὃς αὐτος ἔφη, τάλαντον ἐνῆν ἀργυρίου. De Fals. Legat. 31.

153. Demosth. cont. Mid. § 44.

154. Οὐκ ἐξῆν παρὰ τοῖς [Ἀθηναίοις](#) [Ἀθηναίοις](#) ἀργὸν τρέφειν οἰκέτην διόπερ οἱ μὲν αὐλοποιούς, οἱ δὲ μαχαιροποιούς εἶχον τοὺς δούλους. Μειδίας δὲ τοὺς τοσοῦτους ἀργοὺς περιάγων, τοὺς τυράννους μιμεῖται, δορυφορούμενος ὑπὸ τῶν οἰκετῶν. Ulp. in Demosth. cont. Mid. § 44. Orat. Att. t. x. p. 225. Здесь мы видим причину, по которой Демосфен обрушился на Мейдиаса из-за количества его последователей.

155. Ad. Theoph. Char. p. 248.

156. Montaigne, Essais, iv. 224. Athen. iii. 72. Plut. De Adulat. et Amic. § 3.

ГЛАВА VIII.

КРЕПОСТНЫЕ СПАРТЫ, КРИТА, ФЕССАЛИИ И Т. Д.

Если мы теперь перейдем от рассмотрения рабства в сравнительно мягкой форме, которую оно приняло в Аттике, к рассмотрению состояния лаконских гелотов, то обнаружим дух, который побуждал оба правительства представлять еще более широкий контраст на этой, самой низкой стадии своего влияния, чем при действии на более знатных граждан на большой арене общественной жизни.

Среди некоторых ученых на континенте, похоже, очень распространена мода противопоставлять непобедимый скептицизм свидетельствам древних писателей, как часто эти свидетельства выступают против любой теории, которую они хотят установить; и по вопросу о гелотах несколько из самых выдающихся авторов приняли мнение, которое невозможно поддержать, не уничтожив несколько греческих авторов, которые, по их мнению, пророчествуют так же неуклюже, как Калхас о мире Агамемнона.

Среди них главным является г-н Мюллер, с которым я имею несчастье расходиться во многих вопросах, но нисколько не умаляя его способностей или его образованности, к которым я питаю глубочайшее уважение.^[157]

Поскольку, однако, он принял весьма своеобразную систему в толковании античности, которая, хотя и правдоподобна и изобретательна, кажется плохо рассчитанной на то, чтобы привести к истине, я счел невозможным участвовать во многих важных пунктах в тех взглядах, которых он придерживается, особенно в вопросе о гелотах. Фактически, при всех своих талантах и проницательности он решил стать скорее защитником, чем историком, и так рьяно защищает свой любимый народ, что нередко вызывает улыбку. Однако в своем выводе термина *Helot* он, возможно, прав:^[158] более вероятно, что он произошел от древнего слова, означающего "заключенные", а не от названия города. В отсутствие всех свидетельств мы могли бы также предположить, "что они были аборигенной расой, покоренной в очень ранний период, и сразу же перешли в качестве рабов к дорийским завоевателям". Но у нас есть весомый авторитет Теопомпоса, чтобы возразить против такого вывода, а слова этого историка^[159] при внимательном рассмотрении приведут к этимологии названия, данного Мюллером: "Взяв их в плен, - говорит он, - они называли их *εἰλωτες*". Однако это были греки ахейской расы, которые вместе с землей попали во власть новых завоевателей, так что спартамцам не было оправдания в том, что они только тиранили чужую и полудикую расу, на что и нацелилась гениальная догадка г-на Мюллера.

Рассматривая положение гелотов, я не стану, вместе с историком дорийской расы^[160], "разделять их политические права и личное обращение" на отдельные главы; во-первых, потому что, строго говоря, у них не было политических прав, и, во-вторых, потому что в обращении с ними заключается все, что свойственно их положению. Некоторые из представлений этого ученого историка о крепостных лакедемонян, похоже, находятся в прямом противоречии с мнением писателей, от которых мы получили все, что знаем о гелотах. Похоже, он осознает это и следующим образом пытается дискредитировать их; полагая, что гелоты должны были обладать политическими правами, он заключает, что они "несомненно, были *точно* определены законом и обычаем, хотя выражения, используемые древними авторами, часто расплывчаты и двусмысленны." Так ли это или нет, мы сейчас увидим. Эфорос отмечает, что "с определенной точки зрения они были общественными рабами. Их владелец не мог ни освободить их, ни продать за границу". На этом отрывке, который он цитирует,^[162] историк возводит надстройку, которую она ни в коем случае не поддерживает. "Из этого, - говорит он, - очевидно, что они считались собственностью

государства, которое, в определенной степени, разрешало ими владеть и распределяло их между отдельными лицами, оставляя за собой право наделять их правами".

Я думаю, что вывод напрашивается обратный. Они были собственностью отдельных лиц, но государство оставляло за собой право наделять их правами и препятствовать их освобождению, чтобы не нашлось людей, которые, подобно Марку Порцию, Катону,^[164] и голландцам на мысе, продавали или давали им свободу, когда они были слишком стары, чтобы работать. "Но продать их из страны", - говорит г-н Мюллер, - "было не под силу даже государству". Правда, существовал древний закон, запрещающий вывоз гелотов,^[165] но та же власть, которая приняла этот закон, могла его отменить. Если бы Спарта решила превратить своих гелотов в предмет торговли, кто или что могло бы ей помешать? Поскольку она присвоила себе право избивать, калечить и предавать их смерти,^[166] хотя они были совершенно невиновны, можно ли предположить, что, если бы это соответствовало ее политике, она бы не решалась продавать их? И в конце концов, так ли уж мы уверены, что этих несчастных не продавали часто в чужие земли? Напротив, мы обнаруживаем, что велась регулярная торговля женщинами-гелотами, которых вывозили во все соседние страны для кормилиц.^[167] Таким образом, получается, что государство как имело, так и осуществляло власть над превращением своих крепостных в товар.

То, что мужчин не вывозили, как скот, с которым обращались гораздо хуже, объяснялось просто расчетом, что выгоднее было бы оставить их у себя. Так как спартанцы владели поместьями, которые сами никогда не обрабатывали, то гелоты, принадлежавшие им в равной степени, были расселены по всей стране в этих поместьях, которые они должны были обрабатывать для владельцев. Чтобы жить, им, конечно, необходимо было питаться, и поэтому часть продуктов оставалась им, согласно Тиртеосу: половина, разделение, которое должно было быть очень тяжелым для них, поскольку их численность была в пять раз больше, чем спартанцев.^[169] Однако даже в таком раскладе ученый историк находит повод для похвалы: "Поскольку это количество было окончательно установлено в очень ранний период (увеличивать его запрещалось под очень тяжелыми предложениями), гелоты были теми, кто выигрывал от хорошего и терял от плохого урожая, что должно было послужить для них стимулом к промышленности и хорошему земледелию; мотив, которого не было бы, если бы прибыль и убытки касались только землевладельцев." Но в отношении *res rusticae* представления этого писателя несколько запутаны. В другом месте он замечает, что из-за "узурпаций сменявших друг друга завоевателей Пелопоннеса сельское хозяйство находилось в постоянной зависимости и неясности, так что мы редко слышим о благоустройстве страны, которое является необходимой частью дела земледельца". Поэтому в Лаконии оно не процветало. Нет, говорит историк, это не тот вывод, к которому мы должны прийти, поскольку, несмотря на то, что мы никогда не слышали о каких-либо улучшениях в этой области, "сельское хозяйство всегда развивалось с большой энергией и успехом!"

По-видимому, были случаи, когда гелоты становились сравнительно богатыми, несмотря на притеснения, которым они подвергались: но мы знаем, как крестьяне богатели в самых страшных деспотиях Востока, и так же было в средние века с евреями, несмотря на ужасные гонения и жестокости, которым они подвергались. Этот факт, таким образом, лишь доказывает, что никакое давление лишений или жестокого обращения не может полностью уничтожить эластичность духа; и, несомненно, как и все рабы, гелоты стремились смягчить свои страдания удовлетворением, которое чувство собственности дает даже в рабстве подлому уму.^[172] "С помощью богатых продуктов земли и отчасти грабежа, добытого на войне, они собрали значительное имущество, доступ к которому для спартанцев был почти закрыт." Но какое значение имеет собственность для человека, который сам является

собственностью другого? Кроме того, [выражение](#) историка в этом месте, кажется, рассчитано на то, чтобы привести к ошибочным выводам относительно спартанцев, которые, не будучи лишены возможности накапливать богатство,^[174] часто поднимались до необычайного изобилия, так что эта самоотверженная община в конце концов стала самой богатой в Греции.^[175] Предполагать, что хелоты, как и фессалийские пенесты,^[176] пользовались средствами увеличения своих владений, превосходящими те, что позволяли себе их хозяева, значит распространять ошибку, которая должна исказить все наше представление о лакедемонском содружестве.

Следует признать, что между спартанцами и гелотами было очень мало общения, по крайней мере, в ранние времена; впоследствии, когда сами хозяева покинули столицу, поселились в своих поместьях,^[177] и занялись земледелием, связь должна была обязательно более тесной. И это обстоятельство делает более вероятным дошедший до нас рассказ о суровости спартанцев по отношению к ним. Общение должно было породить более гуманные чувства в хозяине, большую привязанность в рабе. Ведь спартанцы, как и другие люди, ощущали влияние близости, о чем свидетельствует их обычай отдавать в рабство товарищей своего детства. Поэтому они сделали невольный комплимент собственному сердцу, когда держали гелотов на расстоянии, чтобы иметь возможность тиранить их. Они не могли противостоять силе близкого контакта и действовали подобно Мессалине, которая в слезах бежала из комнаты, где человек умолял сохранить ему жизнь, чтобы не простить его, шепча, когда она шла к своему инструменту, что обвиняемому не должно быть дано сбежать".^[178] Однако некоторое число гелотов оставалось в городе в качестве личных слуг спартанцев, они сидели за общественными столами и одалживались одним человеком другому,^[179] как множество собак или волов; Хотя представляется вероятным, что всю тяжелую работу в столице выполняли не только гелоты, но и другие классы домашних рабов,^[180] об истории и состоянии которых античность почти ничего не сообщает. Но поскольку спартанцы постоянно брали пленных в войнах с соседними государствами, которые иногда восстанавливались по окончании военных действий, мы, по-видимому, вправе заключить, что эти пленные обычно попадали в рабство в Лаконии, будь то занятые домашним трудом^[181] или рассеянные среди гелотов в поле.

Другая услуга, которую гелоты оказывали своим господам и которая неизбежно приводила к некоторой степени близости, - это военная служба, на которой они сражались и проливали кровь на их стороне.^[182] Государство, несомненно, не хотело допускать их к гоплитам, или тяжеловооруженным, где дисциплина была строгой, а их оружие поставило бы их на один уровень с их угнетателями. Но даже это иногда было опасно, как, например, в подкреплении, направленном Гилеппу в Сиракузы^[183], когда шестьсот неодомадов и отборных гелотов были удостоены этого опасного отличия. Однако как легкие войска они почти всегда составляли большинство лакедемонских сил. В других странах, где к подвластным расам относились более гуманно, не боялись доверить им оружие. Например, среди дарданцев, где нередко частные лица владели тысячей рабов и более, они в мирное время возделывали землю, а на войне пополняли ряды армии, причем их хозяева служили офицерами.^[184]

Из этого обстоятельства следует сделать один из двух выводов: либо дарданцы рассматривали их в качестве подданных, как мы рассматриваем туземцев Индии, где большие армии обслуживаются англичанами, либо этот народ лучше, чем какой-либо другой в древности, понимал искусство властвовать над людьми.

Платон, Исократ, Аристотель, Плутарх и ряд других авторов сходятся в том, что спартанцы были признаны виновными в большом варварстве по отношению к своим рабам, различаясь, однако, в степени этого варварства. Но их "филантропические взгляды"

отбрасываются историком, который с мастерством умелого адвоката отбрасывает этих великих писателей, с которыми он не мог бы обращаться так не церемонясь, чтобы привести картину Мирона Приенского, чью историю он называет романом, а свидетельства которого он бесславно отвергает. Чтобы, как ему кажется, еще полнее развенчать этого скромного писателя, он цитирует следующий отрывок из его произведения, сохраненный Афинеем: "Гелоты выполняют для спартанцев все позорные услуги. Они *вынуждены* носить шапку из собачьей шкуры,^[186] носить покров из овечьей шкуры, и каждый год их жестоко избивают, не совершив никакой вины, чтобы они никогда не забывали, что они рабы. Кроме того, те среди них, которые либо своим ростом, либо красотой возвышаются над состоянием раба, приговариваются к смерти, а хозяева, которые не уничтожают самых мужественных из них, подлежат наказанию" Обвинение здесь выдвинуто серьезное, и апологет, естественно, чувствует, как в нем разгорается негодование против его автора. В таком состоянии духа он использует очень резкие выражения, обвиняет Мирона в "невежестве и пристрастности" и вообще говорит так, словно у него есть факты, с помощью которых он может опровергнуть заявление Прениана. Но есть ли они у него? Ни одного. Он совершенно не понимает сути слов Мирона, касающихся шапки из собачьей шкуры, а затем, основываясь на своей ошибке, обвиняет его в искажении информации. С первого взгляда очевидно, что Майрон считал, что трудности заключаются не в ношении шапки, а в том, что его заставляют ее носить. Примеры г-на Мюллера, следовательно, не имеют никакого смысла; они просто доказывают, что другие люди терпели подобные лишения, (упоминание Лаэрта излишне), тем не менее, не произнеся ни слова в оправдание своего триумфа, он с большим самодовольством замечает, что "поскольку Мирон *явно* искажает это обстоятельство, *весьма вероятно*, что другие его возражения основаны на ошибках"

Но утверждения Мирона, как может заметить читатель, остаются не только нетронутыми, но еще более подтвержденными и обоснованными, чем когда-либо, благодаря такой защите. Фактически получается, что они верны дословно и, более того, являются далеко не самыми серьезными обвинениями, которые можно обосновать против Дорианской модели-государства. Однако продолжим, шаг за шагом, честно и по порядку рассматривая обвинения и защиту. Плутарх,^[189] чьи свидетельства, когда они благоприятны, принимаются безоговорочно, "рассказывает, что гелоты были вынуждены опьянять себя и исполнять непристойные танцы в качестве предупреждения спартанской молодежи" Должны ли мы верить Плутарху? Нет, не должны, потому что "здравый смысл противится столь абсурдному методу воспитания". Но если бы все в истории, что мы можем определить как противоречащее здравому смыслу, было бы отвергнуто, мы бы совершили печальное вторжение в область античности. Усиливает нелепость этой практики то, что из числа тех же гелиотов они выбирали воспитателей для своих младших детей,^[191] а также компаньонов, так что в той самой статье, где Ксенофонт^[192] обнаружил превосходство образовательной системы Ликурга, она полностью совпадала с системой других греков, приучавших молодежь к близости и управлению рабами.^[193]

Однако если бы речь шла только о Плутархе, его сила была бы меньше, хотя мы не могли бы отвергнуть его, признавая в других отношениях его благоприятное свидетельство. Но из многих авторов, помимо него, ясно, что деморализация гелотов была постоянной политикой Спарты. Так, когда тасийцы принесли Агесилаю и его войску несколько бесполезных лакомств: "Отдайте их, - сказал он, - этим гелотам, которых лучше развратить, чем нас самих". В соответствии с той же системой и для более полного развращения их умов им было приказано петь непристойные песни и исполнять непристойные джиги, в то время как пирровы танцы и всякое воинственное поведение были им запрещены. В доказательство этого рассказывают, что когда фиванцы под предводительством Эпаминонда вторглись в

Лаконию и взяли в плен несколько гелотов, они приказали им петь некоторые песни Спарты, например, Спендона, Алкмена или Терпандра. Но гелоты^[195] признались в своей неспособности, заметив, что приобретение этих песен было им запрещено. Короче говоря, если воспользоваться словами Феопомпа, с ними во все времена обращались жестоко и горько;^[196] иногда выманивали из убежища лжесвидетельством, а затем хладнокровно убивали, презрев религию и клятвы, как в случае с теми сторонниками, которые укрылись в храме Посейдона в Теснаросе.^[197]

Но все эти суровые меры были мягкими по сравнению с другими обидами, которые наносили им законы Спарты. Читатель поймет, что я собираюсь говорить о Криптее, ни одна черта которой, на мой взгляд, не была смягчена, объяснена или поставлена под сомнение изобретательными, но очень бесполезными специальными заявлениями некоторых выдающихся ученых из числа наших современников.^[198] Г-н Мюллер, с большой смелостью, возглавляет фургон защитников Спарты и, с помощью приемов, не знакомых риторам, пытается разбить авторитеты, на которые опирается вера в Криптея. Он пренебрежительно отзывается об их способах получения информации, хотя, несомненно, в этом отношении, по крайней мере, самые захудалые из них обладали неисчислимыми преимуществами перед ним самим. Однако от Исократ он так бесцеремонно избавляется: "Исократ говорит об этом учреждении весьма сбивчиво и на основании одних лишь сообщений". Напротив, этот "красноречивый старик", как ласково называет его Мильтон, светло, (если бы мы с г. Мюллер и я обладали таким же искусством!), опираясь на лучшие авторитеты,^[200] излагает историю лакедемонского правительства, его несправедливость, его притеснения; и заканчивает описанием ежегодной резни хелотов. Следует отметить, что вместе с Аристотелем^[201] он приписывает эфорам руководство этой подневольной войной, в которой вожжи резни ослаблялись или натягивались их властью.

Однако рассказ Исократ, который, вероятно, дошел до деталей, дошел до нас не полностью. Плутарх, хотя он и является скорее панегиристом, чем достоверным историком Спарты, восполнил этот недостаток. Делает он это, правда, неохотно; трубит в повествовании эпическими расцветами, стремясь всем искусством, которым владеет, оградить своего любимого Ликурга от суровых, но заслуженных упреков Платона.^[202] Слишком честен, однако, был старый беотиец, чтобы полностью скрыть правду. И вот, наконец, после долгих приготовлений, резня описывается торопливо, кратко, с яростным нежеланием, но оттого еще более ужасно.

Перечислив постановления, касающиеся свободных граждан, "в них, - говорит он, - нет и следа той несправедливости и захватнического честолюбия, которые некоторые ставят в вину учреждениям Ликурга, считая их хорошо приспособленными для воспитания храбрости, хотя и не честных принципов". Вероятно, именно учреждение Криптеи (если, как утверждает Аристотель, оно исходило от Ликурга) внушило Платону такое мнение о законодателе и его законах. Согласно этому постановлению, правители, выбрав из числа юношей наиболее способных, отправляли их, вооруженных кинжалами и снабженных необходимой провизией, прочесывать страну, днем отделяясь и скрываясь в безлюдных местах, а ночью выходя и истребляя всех гелиотов, которых они находили за границей. Иногда, правда, они настигали их во время сельских работ на полях, и там перебивали лучших и храбрейших представителей расы." Плутарх считал, что с этой системой связаны, как вытекающие из того же принципа политики и предназначенные для достижения той же цели, те обширные массовые убийства, которые вошли в историю, в результате одного из которых более двух тысяч этих несчастных, коварно введенных в заблуждение, чтобы утвердить чувства, соответствующие доблестным действиям, которые они совершили на

службе государству,^[204] были уничтожены за один день. Убаюканные даром свободы, коронованные, улыбающиеся, они были отведены в храмы, как бы для того, чтобы вовлечь в предательство самих богов, - а затем внезапно исчезли; и до сих пор не раскрыта судьба, постигшая их.^[205] По сравнению с этим расправа с янисарами кажется менее предосудительной.

Но неужели у Спарты не было извинения перед человечеством за эти действия? Ее правители нашли одно, которое, похоже, удовлетворило их собственную совесть. Каждый год, вступая в должность, эфоры официально, в своем добром городе Спарте, объявляли войну своим безоружным и несчастным вассалам, "чтобы они были истреблены под предлогом закона". Mr. Мюллер, ошеломленный тяжестью этих свидетельств, все же не сдается: "Разве эти гелоты, которые во многих районах жили совершенно одиноко, не объединились от отчаяния ради общей защиты; и разве они не разжигали каждый год самую кровавую и решительную войну по всей Лаконии?" Историк приятно удивлен гелотами. Кровопролитная война! Как случилось, что китайцы, которые во многие периоды своей истории соперничали с гелотами в страданиях и, подобно им, тоже время от времени восставали, не ведут "кровопролитной и решительной войны" против татар-мантуху? Ответ на этот вопрос написан на каждой странице мировой истории и был сформулирован Александром, когда он поинтересовался, боится ли один мясник многих овец? Тем не менее, даже сам дух рабства иногда восставал против угнетения и жестокости и разжигал такие "кровавые и решительные войны", которые Спарта без иностранной помощи не могла прекратить. На самом деле, в течение многих лет им мешали оспаривать у афинян главенство в Греции состязания с их собственными вассалами.^[207] А во время сильного землетрясения, когда почти все дома в Спарте были потрясены до основания,^[208] разве не радовались этому бедствию гелоты и не стекались в окрестности города со всей округи, чтобы покончить со своими тиранами, когда те в ужасе бежали из своих пошатнувшихся жилищ? Восстание, таким образом, не было непривычным для гелотов - снова и снова разворачивались знамена свободы^[209] - и день, хотя и с опозданием, но все же наступил, когда спартанец увидел, что его раб поставлен на один уровень с ним самим.^[210]

Чтобы сделать достоверным этот очерк жестокости, необходимо учитывать характер и воспитание спартанцев:

Parcere subjectis, et debellare superbos,

не было их максимой.^[211] Они любили топтать павших. Даже в детстве и между собой они практиковали *высекание*, как упражнение, и как афиняне занимались музыкой - как необходимое следствие, даже писатели, наиболее благосклонные к их государству, признают их жестокими, бесчеловечными, вероломными.^[212] Среди народа, столь невежественного, столь предвзятого, столь узко мыслящего, чей разум, возможно, был неспособен постичь идею справедливости или либеральности, мы не можем удивляться такой вспышке варварства. В наше время известны случаи, когда люди расстреливали рабов для своего развлечения; король Франции из тех же побуждений расстреливал своих подданных, а один ученый профессор,^[213] не отличающийся жестокостью, произнес панегирик этому королю. Поэтому нет ничего невероятного в спартанской криптике, которая в точности соответствует всему, что мы знаем об этом народе.

Однако была сделана попытка объяснить все это недозволенным умозаключением, что в случайном взгляде, который Мегиллос в законах Платона бросает на это учреждение, мы имеем полное описание его во всех его чертах. Но это далеко не так. Спартанский собеседник выступает в защиту своей страны и, следовательно, упоминает только те моменты, которые могут быть истолкованы положительно. Разумеется, он старается оставить на заднем плане расправу над гелотами и лишь говорит: "Есть среди нас и то, что называется криптеей, боль от которой едва ли заслуживает доверия. Она заключается в том, чтобы ходить босиком в бурю, терпеть лишения в лагере, выполнять работу без слуги и бродить днем и ночью по всей стране." Это картина спартамца, живущего своими лишениями; которые, однако, должны были быть перенесены ради какой-то цели, и какой? Если целью были только упражнения и военная выправка, то где же необходимость в укрытии, в засаде, которую обозначает само слово? Хорошо известно, что гелоты были постоянным ужасом для своих хозяев, что при каждом удобном случае они восставали, что при появлении любого врага государства они присоединялись к нему, что они бежали, когда бегство было возможно, и, как признаются, были настолько многочисленны и дерзки, что Спарта была вынуждена в договорах с иностранными государствами оговаривать "помощь против своих собственных подданных". Что более вероятно, следовательно, при данных обстоятельствах, чем учреждение Криптеи? Что более соответствует гению народа?

Нет сомнений, что в некоторых экстраординарных случаях эти вожди рабов получали свободу от государства; но что для них был открыт какой-либо "законный путь к свободе и гражданству", не представляется.^[217] Цепочка "вероятностей", с помощью которых пытаются прийти к этому выводу, совершенно уникальна и с равной силой привела бы к любому другому. "Множество промежуточных ступеней, как утверждается, *доказывает* существование регулярного способа перехода от одного ранга к другому". Однако не было доказано, что существовали какие-либо промежуточные ступени; сама попытка основана почти полностью на фрагменте Мирона из Приены, чью "Мессенскую историю" г-н Мюллер называет романом, и чью "пристрастность и невежество" он считает столь очевидными всего несколько отрывков назад.

1. Хелоты, которые считались достойными "особого доверия, назывались ἀρῦεῖοι". Это, однако, не промежуточный шаг, так как не сказано, что за тем, что их так называли, обязательно следовал какой-либо результат.

2. ἑρικτήρες пользовались тем же "(особым доверием) на войне". В подобных вопросах необходимо опираться на какой-либо авторитет, а историк его не приводит.^[220] Действительно, предполагалось, исходя из происхождения их названия, что этот класс вольноотпущенников служил телохранителем у своих прежних хозяев. Однако позитивно об их положении ничего не известно.

3. Вероятно, ἀφέται были освобождены от "всякой службы". Выражение Евстафия^[221] звучит так: "Став свободными, они назывались афетами".

4. "Служившие на флоте δεσποσίωναῖται,^[222] напоминали, вероятно, вольноотпущенников из Аттики, которых называли *выселенцами*." Эта фраза рассчитана на то, чтобы создать ошибочное впечатление, будто эти вольноотпущенники обязательно селились в деревне, тогда как οἱ χωρῖς οἰκοῦντες просто обозначает людей, имеющих свои собственные заведения. Что касается деспосионавтов, то они, по-видимому, были рабами, воспитанными в домах своих хозяев, а затем лишенными прав и получившими приказ работать на флоте.

5. "Когда они (гелоты) получили свободу, они также получили разрешение *жить там, где пожелают*, и, вероятно, в то же время часть земли была предоставлена им без участка их

бывших хозяев". Это общий вывод из конкретного случая. Фукидид,^[224] авторитет, на который опираются, говорит только о тех гелотах, которые, служа во Фракии при Брасидасе, получили по возвращении право голоса, вместе с частью земель, недавно отобранных у лепреатов. В других случаях, поскольку вся Лакония и Мессения были поделены между гражданами, трудно понять, откуда государство могло получить земли для раздачи. Поэтому, скорее всего, они ничего не дарили.

О неодамодах, или "новых гражданах", наши сведения не столь скудны, как о других классах вольноотпущенников. То, что они были бесправными гелотами, с уверенностью утверждают несколько ученых писателей, хотя другие полагают, что они были сыновьями бесправных гелотов.^[225] Это последнее предположение, однако, не согласуется со свидетельством Мирона, который отмечает, что "лакедемоняне часто освобождали своих рабов, некоторые из которых тогда назывались *aphetæ*, другие *adespotæ*, третьи *eructeres*, четвертые *desposionautæ*; были и такие, которых они называли *neodamodes*, отличные от гелотов." Из современных авторов, рассматривающих спартанские институты, некоторые вообще уклоняются от обсуждения, а другие, соглашаясь с общепринятым мнением, утверждают, что неодамоды - это те гелоты, которые, доблестно ведя себя на войне, некоторое время пользовались свободой. Но это решение, каким бы правдоподобным оно ни казалось, отнюдь не является удовлетворительным. Ведь везде, где Фукидид или любой другой авторитетный историк упоминает об этом классе вольноотпущенников, они тщательно отделяются от бесправных гелотов. Так, когда спутники Брасида, о которых уже говорилось, получили свободу и были отправлены в качестве поселенцев в Лепреатис, добавляется, что их сопровождали несколько Неодамодов.^[227] Но если этот термин обозначает не что иное, как гелотов, получивших свободу, то чем они отличаются от других гелотов, также получивших свободу? Один ученый комментатор,^[228] не лишенный изобретательности, делает вывод, что это был класс подданных, проживавших в окрестностях столицы, которым было даровано право гражданства, хотя они и не пользовались полным равенством со старшими гражданами. Но поскольку ясно сказано, что это были бесправные рабы, мы вынуждены отказаться даже от этой гипотезы и попытаться найти какой-нибудь другой ключ к истине.

Уже было отмечено, что спартанцы, по-видимому, обладали большим количеством рабов, как их правильно называть, помимо угнетенных и несчастных кабальеро, с которыми их часто путали. Эти рабы, постоянно находясь рядом со своими хозяевами, несомненно, могли завоевать их расположение, и на них нельзя было смотреть с одинаковым страхом, поскольку они были собраны вместе из разных стран и, следовательно, не были связаны никакими узами союза. Поэтому, как только государству требовалось пополнение граждан, они отбирались именно из их числа; и притом в таком большом количестве, что Агесилай по одному случаю смог отобрать две тысячи человек для участия в экспедиции, в которой его сопровождали всего тридцать спартанцев.^[229]

Другим классом людей^[230], обычно причисляемых к лаконским рабам, были мотасы,^[231] определить происхождение, ранг и состояние которых представляется делом не менее сложным. То, что они никогда, во времена расцвета содружества, не составляли никакой части подневольной касты, можно считать несомненным, что бы ни говорили об обратном грамматики более поздних времен. Ведь мотасы, замечает Афинея, хотя и не были лакедемонянами, но были свободными. С той же целью говорит и Филарх, чьи слова таковы: "Мотасы были братскими товарищами лакедемонян. Ибо каждый молодой гражданин, в зависимости от своих средств, выбирал одного, двух или более из них для воспитания вместе с собой; и, несмотря на то, что они не имели звания граждан, они были свободны и

участвовали во всех преимуществах национального воспитания". Говорят даже, что Лисандр, победивший афинян на море, был одним из этого класса людей, но за свою доблесть был возведен в ранг гражданина. "К этой же части лаконского населения принадлежали также Калликратид и Гилипп,^[233] . Это обстоятельство само по себе полностью опровергает гипотезу тех, кто выводит мотасов непосредственно от гелотов; Ведь Клеандрид, отец Гилипписа,^[234] был избран сопровождать царя Плейстоанакса в качестве начальника его советников во время экспедиции в Аттику - честь, которой, как я полагаю, не удостоился бы ни один гелот. Опять же, о Лисандре, которого один авторитет заставляет нас считать мотаксом, другой говорит не только как о спартанце, но и как о потомке гераклидов.^[235]

Как же нам примирить эти кажущиеся противоречия? Возможно, предположив, что мотасы состояли, во-первых, из сыновей тех спартанцев, которые были слишком бедны, чтобы покрыть расходы на их содержание и образование,^[236] что, по-видимому, и произошло с Аристокритом, отцом Лисандра, чья ранняя нищета отмечена; во-вторых, из незаконнорожденных спартанцев, которые, как хорошо известно, разделяли образование своих законных братьев; и, в-третьих, из сыновей лиц, занимающих высокое положение и отличающихся среди периеков. Возможно, в очень поздние времена к ним добавились сыновья любимых рабов, родившиеся в доме, хотя нет оснований полагать, что так было принято в более ранние века. Однако, как бы то ни было, совершенно очевидно, что Ликург придавал гораздо меньше значения "рождению и крови", чем стойкости и терпению в труде, которые являются первейшими качествами воина. Тот, кто с детства доказывал это, безропотно подчиняясь суровым испытаниям, которым он подвергал молодежь Спарты, в конце концов возвышался до звания гражданина, а те, кто уклонялся от суровости его дисциплины, по мнению некоторых, даже если они происходили из царской крови, опускались до состояния деградации или даже приравнивались к гелотам.^[237] Иностранцы, пользовавшиеся привилегиями этой системы обучения, получили среди лакедемонян название трофимой.

Об эпеунаках, особом классе вольноотпущенников, мы имеем следующий любопытный рассказ: Потеряв в Мессенской войне несколько спартанцев, правительство стало опасаться, что враг может обнаружить его слабость; чтобы скрыть это, на место каждого павшего воина был поставлен гелот. Вскоре после этого этих людей возвели в ранг граждан и называли эпеунаками, потому что они занимали постели (εὔναι) других мужчин.^[238]

Но где люди низкого ума, там и рабы; и, соответственно, мы видим, что во всех других частях Греции, не меньше, чем в Спарте, этот жалкий класс существовал для выполнения подневольной работы. Посидоний, стоик,^[239] отмечает, что люди, лишенные разума, чтобы обеспечить себя, добровольно становились рабами любого, кто о них позаботится. Так, мариандинцы подчинились гражданам Гераклеи^[240], чтобы стать их вечными крепостными, оговорив лишь, что они всегда должны быть обеспечены всем необходимым для жизни и ни в коем случае не должны быть проданы за пределы страны. На самом деле они были просто данниками, как следует из стихов Эвфориона, эпического поэта,

"Дароносцами называются, которые трусят перед своими вождами".

Это название "дароносицы" - хотя их дары, как и царские благодеяния наших предков, вымогались у них - несомненно, было придумано, как замечает Калликрат^[242], чтобы скрыть истинную природу их положения. Помимо сельскохозяйственных работ, они также служили на кораблях и, следовательно, вносили большой вклад в развитие торговли и военно-морской мощи Гераклеи.^[243]

Фессалийцы назывались Penestæ,^[244] не те, кто родился в рабстве, а те, кто был взят в плен на войне. Иногда их также называли Фетталоикетами. Архемах в своей "Истории Эвбеи" иллюстрирует очень любопытный момент древней истории, кратко, но с некоторыми изменениями упомянутый Фукидидом.^[245] Согласно ему, некоторые беотийцы, мигрировавшие на север, основали Арнею в Фессалии; после чего некоторые вернулись в Беотию, а другие, прельщенные этой землей, остались и стали добровольными злодеями фессалийцев. Здесь, однако, как и в других подобных случаях, было оговорено, что их нельзя ни предавать смерти, ни продавать за пределы страны; со своей стороны они соглашались обрабатывать землю и платить требуемую дань.^[246] По этой причине их называли Menestæ,^[247] то есть "те, кто остался", и это название со временем было преобразовано в Penestæ. Многие из этих крепостных были богаче своих хозяев. Еврипид,^[248] в своем "Фриксе", отмечает, более того, что они иногда были из очень древних семей. Фукидид же представляет их исконными жителями Арне, изгнанными оттуда фессалийцами через шестьдесят лет после Троянской войны, хотя часть этого народа задолго до этого поселилась в Беотии и участвовала в экспедиции против Трои.^[249]

Положение вещей, не сильно отличающееся от^[250], преобладало на Крите, где подневольная каста была разделена на несколько классов: во-первых, городских, называемых Chrysonetæ, или "купленные за золото", которые, несомненно, были варварами; во-вторых, сельских, которые получили название Aphamiotæ,^[251] из-за их привязанности к Aphamiæ, или поместьям земельной знати. Это были аборигенные племена острова, обращенные в рабство народом иноземных завоевателей. Иногда их также называли клароты,^[252] от того, что они были разделены между завоевателями на κλῆρος, или жребий; или, по мнению других, от того, что они были расположены на участках граждан, которые назывались κλῆροι.^[253] По своему состоянию афамиоты напоминали гелотов,^[254] и отличались от крестьянства, или гипекоев,^[255] во многом так же, как купленные частные рабы турок отличаются от их раев, или подданных. Их обычно защищают от продажи за пределы страны, хотя в случае восстания пленников низводят до уровня обычных рабов и продают как скот. Так, рынки Египта были переполнены критянами после недавнего восстания против Мухаммеда Али. В-третьих, в каждом государстве на Крите существовал класс общественных кабальеро, называвшийся Мнойя или Мноа, поскольку Минос привел их в такое состояние.^[256] Эти крепостные обрабатывали общественные земли, на каких условиях, точно неизвестно: просто выясняется, что они были вынуждены предоставлять телу граждан определенную сумму денег, вместе с частью своих стад и отар и сельскохозяйственной продукцией.^[257] То, что они были достаточно многочисленны и сильны, чтобы внушать своим хозяевам страх, явствует из постановления, согласно которому они были исключены из гимнасий и им было запрещено пользоваться оружием.

Кроме них, существовал еще один класс критского населения, который ни в коем случае нельзя путать с рабами или крепостными, - я имею в виду гипекоев.^[258] Это были жители небольших городов, утратившие политическую независимость, но им разрешалось пользоваться оружием и посещать общественные места для упражнений, как и более знатным гражданам.^[259]

В городе Кидония, во время некоторых праздников Гермеса, рабы оставались хозяевами места, куда не имел права входить ни один свободный гражданин; и если он нарушал это правило, в их власти было наказать его плетьюми.^[260] В других частях Крита преобладали обычаи, схожие с римскими сатурналиями; так, пока рабы на Гермейском празднике веселились и развлекались, их господа, наряженные в домашних, ждали их за столом и выполняли вместо них все остальные обязанности. Нечто подобное происходило в месяце

Гересионе в Трезене, где горожане в один из дней большого ежегодного праздника пировали своими рабами и играли с ними в кости.^[261] Среди вавилонян, кроме того, мы находим похожий обычай; так, во время праздника Сакей, который длился пять дней и отмечался в августе,^[262] хозяева ждали своих рабов, один из которых, одетый в царскую мантию, исполнял роль царя.

В целом можно сделать вывод, что обращение и состояние критских крепостных были мягче, чем в любом другом дорийском государстве, хотя было бы неверно решать,^[263] что они были менее угнетены, чем в любом другом государстве во всей Греции, поскольку в песне Гибрия мы находим следы, не позволяющие ошибиться в их униженном положении:

Великое богатство имею я в копье и мече,
И волосатый щит, как вал, поставленный
На войне; ибо с ними я владыка
Полей, где златые урожаи растут;
И ими я давлю красное красное вино,
Пока Мнотæ вокруг приветствуют меня как короля;
Приближаясь, дрожа, к этим моим коленям,
С ужасом, который приносят копье и фаулхион.^[264]

Периэки Крита, как говорят, никогда не восставали против своих господ; но это произошло, как замечает Аристотель, от того обстоятельства, что каждому государству, имевшему крепостных одного и того же рода, было неинтересно в своих войнах подавать своим рабам дурной пример, побуждая кого-либо присоединиться к этой борьбе.^[265] Фессалийские пенесты и гелоты часто присоединялись к врагу, потому что соседние государства не имели таких же крепостных. Но в случае с критскими периэками уже отмеченное обстоятельство, что им не разрешалось посещать гимназии,^[266] или владеть оружием, удовлетворительно объясняет их упорство в древних нравах, не предполагая в них какого-либо предпочтения к этим нравам, которое, поскольку они были лишены всех привилегий граждан, они вряд ли могли чувствовать.^[267]

О подневольных классах в других греческих государствах наши сведения очень скудны: мы знаем только, что крепостные сиракузян назывались килликириями,^[268] и были очень многочисленны, так что "больше, чем килликирии", вошло в поговорку. По всей видимости, они, как и критские Мнотæ, обитали в основном в сельской местности. Со временем, однако, их многочисленность вдохнула в них мужество; они напали на своих хозяев и изгнали их, а фортуна, благоприятствовавшая их предприятию, сохранила Сиракузы в своем владении. В некоторых итальянских государствах подвластные классы были известны под именем пеласгов. Жители Родоса подчинили себе и держали в рабстве жителей Кауноса, а знаменитый художник Протоген^[269] был сыном одного из этих кабальеров.

В таком же отношении находились вифиняне к жителям Византии, лелеги к карийцам и катанокофоры к жителям Сикиона.^[270] Эти последние, по-видимому, первоначально были^[271] просто деревенским населением, лишенным свободы тиранами, которые заставляли их принимать убогий и жалкий вид и носить плащи из овчины,^[272] чтобы им было стыдно посещать город, где они подвергались бы смеху и оскорблениям со стороны толпы.

Соответствующее сословие среди аркадян, называемое *Prospelatæ*^[273], по слухам, насчитывало триста тысяч человек. Обращение с ними было, вероятно, более мягким, чем во многих других частях Греции, так как мы видим, что на общественных праздниках они сажаются за стол со своими хозяевами, как наши старые слуги на ферме, едят ту же пищу и пьют из той же чаши.^[274]

157. Когда эти слова были написаны, г-н Мюллер был еще жив, и у нас были все основания ожидать от него целого ряда научных и компетентных работ по истории и древностям Греции. Однако с тех пор он пал жертвой настойчивого рвения, с которым он продолжал свои исследования топографии этой прославленной страны; и, как я полагаю, вместе со всеми другими почитателями эллинского народа и литературы, я искренне сожалею о его преждевременной смерти. Мое сожаление еще более усиливается от осознания того, что г-н Мюллер разработал проект истории Греции, которую его глубокие исследования и обширные знания страны, несомненно, сделали бы очень ценной. Его прах покоится среди праха самых выдающихся людей древности. Он умер среди руин Дельф и был похоронен в Афинах.

158. Дорийцы, т. ii. с. 30. Ср. т. i. p. 86, seq. Тем не менее, схолиаст о Фукидиде сохраняет старую деривацию: "Ἐλος, πόλις τῆς Λακωνικῆς, ἣς οἱ πολῖται ἐκαλοῦντο Εἰλωτες. Οἱ οὖν Λακεδαιμόνιοι, διὰ τὸ ἀεὶ διαφοροῦς εἶναι ἀλλήλοις, τοὺς δούλους αὐτῶν ἐκάλουν Εἰλωτας, κατὰ ἀτιμίαν καὶ ὕβριν. t. v. p. 350. Ср. Клинт. Fast. Hellen. ii. 412. Etymol. Mag. 300. 7. 332. 51. Их также называли гелиатами. Athen. vi. 102. Ср. Poll. vii. 83. "Ἐλος πόλις Λακωνικῆς. οἱ πολῖται εἰλωτες καὶ εἰλωται, καὶ ἔλιοι, καὶ ἐλεάται. ἔστι δὲ καὶ "Ἐλος Αἰγύπτου. ταῦτα δὲ ὁ τὰ ἐθνικὰ γραψας, εἰς τὸ ἕτερον "Ἐλος λέγει τὸ ἐν τοῖς ἐφεξῆς ὑπὸ τὸν Νέστορα. ἕτεροι δὲ ὅτι οὐ μόνον πόλις τὸ "Ἐλος ἀλλὰ καὶ εἰς χώραν τινὰ πλατύνεται. ἀφ' ἧς καὶ μᾶλλον οἱ εἰλωτες. οἱ συνελθόντες τοῖς Μεσσηνίοις, ἦν ὅτε καὶ πράγματα παρασχόντες τοῖς Λακεδαιμόνιοις, εἶ τα ὑπετάγησαν ὡσεὶ δοῦλοι. καὶ ἐξ αὐτῶν τὸ ὄνομα τῶν εἰλωτῶν εἶς δουλικὴν ἀπλῶν μετελήφθη κλησιν. Eustath. ad Il. β. p. 223. 28, sqq. Ἐν γοῦν τοῖς Ἡρωδιανοῦ, εὐρῆται ὅτι εἰλωτες οἱ ἐπὶ Ταινάρῳ σάτυροι. Idem, ad Il. β. b. 225, 17. Ср. Capperonier Recherches sur l'Histoire des Hilotes. Mem. de L'Acad. des Inscript. t. xxiii. p. 272.

159. Theopomp. l. xvii. ap. Athen. vi. 88. Ср. Strab. viii. 5. t. ii. p. 188.

160. Hist. and Antiq. of the Dorians, t. ii. p. 31.

161. Дорийцы, ii. 31.

162. Или, скорее, составляет из двух или трех *dissecta membra* Эфора. Strab. viii. 5. t. ii. p. 188, seq. Ср. Paus. iii. 20. 6.

163. Dorians, t. ii. p. 31. Уббо Эммий придерживается того же мнения. iii. 138.

164. Καὶ τούτους (sc. δούλους) πρεσβυτέρους γενομένους (замечает Плутарх, Vit. Cat. Maj. § 4.) ὤρετο δεῖν ἀποδίδοσθαι, καὶ μὴ βόσκειν ἀχρήστους. Но то, что Катон практиковал, он одобрял теоретически и в своих сочинениях рекомендовал другим; *servum senem, servum morbosum, vendat, De Re Rustica, 2*. Он также хотел, чтобы земледелец избавился от своих старых волов и всего остального, что было старым. *Vendat boves, vetulos, ferramenta vetera, &c. id. ibid.* На что Плутарх в прекрасном духе гуманности замечает: Ἐγὼ μὲν οὖν οὐδὲ βοῦν ἂν ἐργάτην διὰ γῆρας ἀποδοίμην, μή τί γε πρεσβυτέρον ἄνθρωπον, ἐκ χώρας συντρόφου καὶ διαίτης συνήθους, ὥπερ ἐκ πατρίδος, μεθιστάμενον ἀντὶ κερμάτων μικρῶν, ἀχρηστόν γε τοῖς ὠνούμενοις, ὥπερ τοῖς πιπράσκουσι, γεγενημένον. Вит. кат. Maj. § 5. Относительно голландцев у нас есть свидетельство Ле Валланта: "Мы встречаем негров, состоящих в законном браке, и негров,

живущих в корпусе буржуазии; это люди, которые, благодаря своим услугам или другим мотивам, стали афраншизами; Легкость, с которой они получали свободу, была в значительной степени подвержена злоупотреблениям, так как эти люди, ставшие молодыми или немощными, или лишенные средств к существованию, заканчивали свою жизнь в качестве воров или бродяг. Правительство вынуждено наводить порядок; ни один мэтр в настоящее время не может управлять своим эсклавом иначе, как выделив в палате орфелинов сумму, достаточную для существования". Voyage dans l'Intérieur de l'Afrique, t. i. p. 112.

165. Ephor. ap. Strab. viii. 5. t. ii. p. 189.

166. Над гелотами не только государство, но даже частные лица, а тем более цари, обладали властью жизни и смерти. Так, один гелот, оскорбительно поступивший с Хариллосом, сказал: "Я бы убил тебя, если бы не был в страсти". Plut. Arophthegm. Лакон. Charill. 3.

167. Плут. Alcib. § 1. Καὶ τῶν ἔξωθεν ἔνιοι τοῖς τέκνοις Λακωνικὰς ἐωνοῦντο τιθάς- καὶ τὴν γε τὸν Ἀθηναῖον Ἀλκιβιάδην τιθεύσαν Ἀμύκλαν ἰστοροῦσι γεγρονέναι Λάκαινον. Lycurg. § 16. Cp. Ages. § 3.

168. Franck. Callin. et Tyrt. p. 193. В Аттике θῆτες платили шестую часть урожая евпатридам, чьи земли они арендовали. Plut. in Sol. § 13. Но это, следует заметить, считалось одним из угнетающих действий аристократии. Илиан приводит точно такой же рассказ, как и Тиртеос (Var. Hist. vi. 1), где см. примечание Перизония. Cp. Crag. De Rep. Laced. l. i. c. 11. p. 71.

169. Herod. ix. 28. На самом деле они были гораздо более многочисленны по отношению к гражданам, чем где-либо в Греции, и рядом с ними по численности находились рабы хианцев. Thucyd. viii. 40. Cp. Clint. Fast. Hellen. t. ii. p. 411.

170. Дорийцы, i. 32.

171. Дорийцы, i. 86.

172. Ирод. ix. 80. Плут. Cleom. § 23.

173. Дорийцы, ii. 32.

174. Cp. Herm. Polit. Antiq. § 47.

175. Χρυσίον δὲ καὶ ἀργύριον οὐκ ἔστιν ἐν πᾶσιν Ἑλλήσιν ὅσον ἐν Λακεδαίμονι ἰδίᾳ. Plut. Alcib. i. t. v. p. 342.

176. Καὶ ἐκλήθησαν τότε μὲν, μενέσται ὕστερον δὲ πενέσται. καὶ πολλοὶ δὲ τῶν κυρίων αὐτῶν εἰ σὶ ν εὐπορώτεροι. Eustath. ad Il. v. t. ii. p. 933. 48.

177. Ксеноф. Hellen. iii. 3. 5. Арист. Polit. ii. 2. 11. Поллукс, не знаю на каком основании, замечает: μεταξὺ δὲ ἐλευθέρων καὶ δούλων οἱ Λακεδαίμονιων Εἵλωτες. iii. 83. На что Юнгерманн замечает: "Ingenue fateor me non satis capere quare Pollux Helotas medios inter liberos et servos dicat:" in loc. p. 570. Cp. Crag. De Rep. Lac. i. 11. Эту трудность Капперонье берется устранить: "Les Lacédémoniens mettoient une différence entre les Hilotes et leurs esclaves domestiques nommés οἰκέται; quoiqu'ils eussent tous deux une origine commune, les derniers étoient tombés dans un tel avilissement qu'ils n'avoient aucune sorte de considération; de la vient que Pollux dit les Hilotes tenoient le milieu entre les gens libres et les esclaves. Домашние эсклавы имели более тесное отношение к мэтрам и не занимались, кроме них, делами семейными, как выражается их имя. Именно они заставляли Лакедемонян пить до тех пор,

пока они не ожили, и именно они в таком состоянии бросали в глаза молодым людям, чтобы внушить им ужас перед пороком, который унижает человеческое достоинство: возможно, мы оправдываем побуждения Лакедемонян особым вниманием, которое они уделяли воспитанию своих детей. Но как оправдать жестокость, с которой они обязывают себя получать в течение всех лет определенное количество переворотов, не имея права на их совершение, только для того, чтобы они не отчаивались служить?" Capperonier, *Recherches sur l'Histoire et l'Esclavage des Hilotes*. Mem. De l'Acad. Des Inscript. t. xxiii. p. 282, seq.

178. Тацит. *Annal.* xi. 2.

179. Xen. *Rep. Lac.* vi. 3. Arist. *Polit.* ii. 2. 5. Plut. *Institut. Lac.* 23.

180. Их личные слуги, например, назывались *μοθῶνες*, Suid. in v. ii. 175, и даже рождались в доме, как ойкотрибы у других греков. Etym. Mag. 590. 14. Согласно Гарпократу (в ст. 128), они были рабами, которых воспитывали вместе со свободными мальчиками в Спарте. По предположению Моссакса, они были мужскими кормилицами, как Феникс в "Илиаде". *Similes forte hi fuerint Pappatibus, de quibus Juvenalis, aut gerulis, quos scholiastes Sophocles in Ajace Flagellifero βαϊούλους dictos refert id est baiulos: ut hodie Itali dicunt balio et balia*. Not. p. 218.

181. К этому классу, вероятно, принадлежал *θεράποντες* Демаратос, упоминаемый Геродотом, vi. 70, хотя г-н Мюллер предполагает, что они были гелотами. *Dorians*, t. ii. p. 31.

182. По этому поводу гениально замечание Капперонье: "On les voit rarement (les Lacédémoniens) se mettre en campagne without eux; (les Hilotes;) la politique l'exigeoit; que n'auroient-ils pas en à craindre si, les contenant à peine lorsqu'ils étoient chez eux, ils les y eussent laissés seuls en leur absence?". *Recherches sur les Hilotes*, Mem. de l'Acad. Des Inscript. t. xxiii. p. 285.

183. Thucyd. vii. 19. Cp. v. 57. 64. iv. 80. Им иногда поручались важные дела на чужих станциях, что, однако, свободные конфедераты Спарты считали оскорблением: *ἀλλὰ τοὺς μὲν εἴλωτας ἄρμοστὰς*, замечает фиванский посол в Афинах, *καθιστάται ἀξιοῦσι, τῶν δὲ συμμάχων ἐλευθέρων ὄντων, ἐπεὶ εὐτύχησαν, δεσπότηι ἀναπεφύλασιν*. Ксеноф. *Hellen.* iii. 5. 12.

184. Athen. vi. 103.

185. Дорийцы, ii. 38.

186. Об этой шапке см. Meursius, *Miscell. Lacon.* l. i. c. 17. p. 79.

187. Athen. xiv. 74. Cp. Schol. Arist. *Nub.* 269. Что касается еды, то во время войны рабы были вынуждены жить на половину того количества, которое позволялось их хозяевам. Thucyd. iv. 16.

188. Дорийцы, ii. 39.

189. Ликург. § 28. К этому можно добавить свидетельство Деметрия Кидония: *φασὶ καὶ , Λακεδαίμονίους τῇ τῶν Εἰλώτων μέθῃ τοῖς πασὶ ν ὑποδεικνύναι τὸ τῆς νήψεως ἀγαθόν*. ap. Meurs. *Miscell. Lacon.* 11. 6. p. 128.

190. Дорийцы, ii. 39.

191. Аргумент г-на Мюллера поставлен в форме вопроса: "Возможно ли, чтобы спартанцы так унизили людей, которых они назначили воспитателями своих маленьких детей?". Дорийцы, ii. 39.

192. De Rep. Laced. ii. 1.

193. Plut. Vit. Ages. § 3. Древние постоянно говорят о вреде такого общения: ὅπου οἱ κέτης ἐστίν, εὐθὺς διαφθείρονται οἱ γεγνόμενοι παῖδες. Dion Chrysost. Orat. t. i. p. 299. Ср. Orat. 41. t. ii. p. 261. Хотя и верно, что домашние рабы, как правило, испорчены нравами и невоспитанны, но, внимательно наблюдая за человеческой природой, мы можем быть уверены, что даже если бы это было не так, их хозяева неизбежно стремились бы оправдать свою жестокость и несправедливость, обесценивая моральный облик своих иждивенцев. Так, самые талантливые испанские писатели, руководствуясь, возможно, не столько теорией, сколько инстинктом, пытаются оправдать поведение своих соотечественников по отношению к коренным жителям Америки, приписывая им самые отвратительные и отталкивающие качества: "Индейцы, - замечает Уллоа, - не столько страдают от своей значимости, сколько от своего коварства и ухищрений, с помощью которых они совершают свои нападения. Побежденные неожиданностью, они жестоки до крайности, им не знакомо ни одно чувство сострадания. Их жестокость постоянно сопровождается ледяным песком, их удовольствие - это резня; но в то же время это люди, которые еще более жестоки и пугливы, чем те, которых можно увидеть. В первом случае они испытывают огромное удовольствие от того, что поют злодеи, которых они поражают, а во втором - от того, что унижают их до самого последнего позора, потворствуют их ярости, притесняют, подавляют и считают их во всем, что касается их поведения, самыми ничтожными из людей. Ce contraste est celui qui doit résulter de la lâcheté et de la perfidie qui font le caractère of ces barbares." Mémoires Philosophiques. Discours. xvii. t. ii. p. 21, et seq.

194. Theopomp. ap. Athen. xiv. 74.

195. Плут. Vit. Lycurg. § 28. Об их жестокости и вероломстве по отношению к тем же несчастным см. Ælian. Var. Hist. vi. 1. Polyæn. i. 41. 3.

196. Критий, в сущности, замечает, что, как свободные люди Спарты были самыми свободными из всех людей, так и крепостные Спарты из всех рабов были самыми рабскими. Либан. Declam. xxiv. t. ii. p. 83, seq. Рейске.

197. Theopomp. ap. Athen. vi. 102 Ὅτε οἱ Λακεδαιμόνιοι τοὺς ἐκ Ταϊνάρου ἰκέτας παρασπονδήσαντες ἀνέστησαν καὶ ἀπέκτειναν, (ἦσαν δὲ οἱ κέται τῶν Εἰλώτων) κατὰ μῆνιν τοῦ Ποσειδῶνος σεισμὸς ἐπιπεσὼν τῇ Σπάρτῃ, τὴν πόλιν ἀνδρειότατα κατέσεισεν, ὥς πέντε μόνας ἀπολειφθῆναι οἱ κίας ἐξ ἀπάσης τῆς πόλεως. Æl. Var. Hist. vi. 7. Thucyd. i. 128. Suid. v. Ταϊνάριον. t. ii. p. 874, F. Павсаний, однако, утверждает, что сторонники, о которых идет речь, были не гелотами, а лакедемонянами. iv. 24. 5. vii. 25. 3. Ср. Capperonier, Recherches sur les Hilotes, Mem. de l'Acad. des Inscript. t. xxiii. p. 275.

198. В прошлом веке Капперонье относился к этому вопросу скептически, хотя и не мог отрицать, что нравственный темперамент спартанцев делал существование этого института вероятным. "Le défaut de preuves m'empêche, malgré la ferocité connue des Lacédémoniens, de rien décider sur l'usage de la Cryptie." Mem. &c. p. 284.

199. Дорийцы, ii. 40, и далее.

200. Οἱ τὰ κείνων ἀκριβοῦντες. Panathen. § 73.

201. Ap. Plut. Lycurg. § 28.

202. См. беседу с Мегиллосом в Первой книге Законов. Opp. t. vii. p. 201, sqq. И снова в книге vi. p. 460. Σχεδὸν γὰρ πάντων τῶν Ἑλλήνων ἢ Λακεδαιμονίων εἰλωτεία πλείστην ἀπορίαν παράσχοιτ' ἂν καὶ ἔριν τοῖς μὲν ὥς εὔ, τοῖς δ' ὥς οὐκ εὔ γεγонуῖα ἐστίν. ἐλάττω δὲ ἢ τε Ἡρακλεωτῶν δουλεία τῆς τῶν Μαριανδυνῶν καταδουλώσεως ἔριν ἂν ἔχοι, τὸ Θετταλῶν τ' αὖ πενεστικὸν ἔθνος.

203. Plut. Vit. Lycur. § 28. Vid. Ubb. Emmium, iii. 127, seq. et Crag. de Rep. Laced. b. i. c. xi. p. 68.

204. Среди других народов, где рабство было менее оскорбительным, как по закону, так и по нравам, люди могли более щедро доверять своим рабам. Sarmatae Limigantes Gotthorum vicinorum suorum armis oppressi, cum justas ad resistendum liberorum hominum copias non haberent, tanquam in extremo periculo servos suos armarunt, atque eos contra Gotthos duxerunt. Mox autem, cum à servis deficientibus appetiti, ac sedibus ejecti patriis essent auxilii ac consilii inopes ad Constantinum subsidium imploratum, et sedes tutas petitum se contulerunt. Кароль. Сигон. De Occident. Imper. l. iv. p. 67.

205. Thucyd. iv. 80.

206. Plut. Lycurg. § 28.

207. Πολέμοις οἱ κείοις ἐξειργόμενοι. Thucyd. i. 118.

208. Plut. Cim. § 16. Diod. Sic. xi. 63.

209. Athen. vi. 87.

210. Strab. viii. t. c. 6. t. ii. p. 190.

211. Ælian. vi. i.

212. В оправдание этого сурового взгляда на спартанский характер можно привести множество древних авторитетов, имеющих наибольший вес. Об их крайней разнузданности см. свидетельство Агнона. Athen. xiii. 79. Plato de Legg. viii. t. viii. p. 90. Об их терпимости к прелюбодеянию - Plut. Paral. Num. § 3. Об их негостеприимстве и гнусной скупости - Aristoph. Pac. 623. Οἱ δ' ἅπ' αἰσχροκερδεῖς καὶ διειρωνόξενοι, κ. т. л. О скупости Гириппа см. Max. Tyr. Dissert. p. 133. В "Ахарнах" (ст. 306 и след.) Аристофан снова кратко, но энергично описывает характер, которым спартанцы пользовались в Греции:

Πῶς δὲ γ' ἂν καλῶς λέγοις ἂν,

εἴ περ ἐσπείσω γ' ἅπαξ,

Οἷσιν οὔτε βωμὸς, οὔτε πίστις,

οὔθ' ὄρκος μένει.

На что схолиаст замечает: ἐπὶ ἀπιστίᾳ γὰρ διεβάλλοντο οἱ Λακεδαιμόνιοι- καὶ Εὐριπίδης ἐν Ἀνδρομάχῃ-

Σπάρτης ἔνοικοι, δόλια βουλευτήρια.

Τρία δὲ ἐγκλήματα παραβασίας προσέθηκεν αὐτοῖς- αἱ γὰρ συνθῆκαι διὰ τριῶν τελοῦνται, λόγων, ἔργων, χειρῶν, λόγων μὲν, οἷον δι' ὄρκων, ἔργων δὲ, διὰ τῶν ἐν βωμοῖς θυσιῶν, χειρῶν δὲ, ἐπειδὴ αἱ πίστεις διὰ τῶν δεξιῶν γίνονται. καὶ Ὀμηρος-

Δεξιαὶ , ἧς ἐπέπιθμεν.

Отрывок из Андромахи, на который ссылается схолиаст, находится в ст. 445, sqq. Cp. Thucyd. i. 101. v. 35. См. выше, кн. I. гл. II. Книга ii. глава viii.

213. М. Ант. Muret. Orat. xvii. p. 153. О достижении короля честный Мезерей рассказывает так: Когда множество гугенотов собралось вместе на берегу Сены, его христианское величество из апартаментов Лувра "заставил гугенотов спуститься с большой аркебузы на землю". Abrégé Chronologique, iii. 1083.

214. Plat, de Legg. i. t. vii. p. 196. Бекк. Cp. Müller, Hist. of the Dorians, ii. 41.

215. Дорийцы, ii. 43. Thucyd. i. 118. v. 14. 23.

216. Мюлл. Дорийцы, ii. 43.

217. На самом деле Дион Златоуст совершенно определенно утверждает, что такого пути не было: Οὐδὲ ὑπάρχει τοῖς Εἰλωσιν γενέσθαι Σπαρτιάταις, ὅθεν δὴ καὶ διατελοῦσιν ἐπιβουλεύοντες τῇ Σπάρτῃ. Orat. xxxvi. t. ii. p. 92. Reisk.

218. Dorians. ii. 43. Hesych. in v. Ἀργεῖο ... ἐκ τῶν Εἰλώτων οἱ πιστευόμενοι οὕτως ἐλέγοντο. t. i. p. 514, seq. Альберт. На это ранее обратил внимание Капперонье: "У Гесихия мы видим, что аргииане называются теми, кто отличается своей верностью". Recherches sur les Hilotes, Mem. de l'Acad. des Inscript. t. xxiii. p. 285. Cp. Crag. de Rep. Laced. l. i. c. xi. p. 70.

219. Cp. Anim. ad Athen. t. viii. p. 603.

220. Cp. Athen. vi. 102.

221. Ad Iliad, o. p. 1031. 10. Cp. v. p. 933. 51.

222. Cp. Eustath. ad Il. λ. 784. 15.

223. См. Bœckh. Pub. Econ. of Ath. i. 349.

224. l. v. § 34.

225. Dr. Arnold, in Thucyd. v. 34. Хадсон в Var. Lect. по поводу того же отрывка замечает, что "Neodamodes fuisse Helotas, contra quam censet Cragius (de Rep. Lac. i. 12,) clare ostendit Meursius in Miscell. Lacon. ii. 7." Thucyd. t. iii. p. 492. Bip. Cp. Diod. Sic. xii.

226. Athen. vi. 102. Cp. Herm. Polit. Antiq. §§ 24. 48. et Valckenaar ad Herod. ix. 11, где пытаются объяснить состояние периеков. Suid. v. νεοδαμ. ii. 215. Animad. in Athen. t. viii. p. 603. Ubbo Emmius, iii. 138.

227. Thucyd. v. 34. 67. vii. 58. Ксеноф. Helen. i. 3. 17. iii. 1. 4. iii. 36. 6. v. 2. 24. vi. 1. 4. Я не могу понять силу аргументации Шнайдера в его замечании о Фукиде vii. 58: "Sed locus Thucydidis clarissimus est: δύνатаι δὲ τὸ νεοδαμῶδες ἐλεύθερον ἤδη εἶναι. т. е. significat vocabulum νεοδαμῶδεις homines nuper libertate donatos". Не настаивая на мнении Эмилия Портуса, что приведенные выше слова прокрались в текст с полей, можно сказать, что *недавно* получившие право голоса гелоты были такими же "homines nuper libertate donatos", как и неодамоды. И все же, когда их вместе отправляют к Лепреону, их тщательно различают. См. Hudson. Var. Lect. Thucyd. iv. 460. Bip.

228. Morus. ap. Schneid. Ind. Græc. ad Xen. Hellen. p. 468. Cp. Perizon. ad Ælian. xii. 43.

229. Plut. Agesil. § 6. Cp. Ксеноф. Hellen. i. 3. 15. iii. 1. 3. v. 2. 24. Diod. Sicul. xv. 20.

230. См. кн. II. гл. vii.

231. Ср. Schol. Аристоф. Eq. 632. Уббо. Emm. iii. 132, seq. У Плутарха упоминаются два Синтрофоя Клеомена, которых звали Мотасами, и их мы находим во главе отряда солдат. Vit. Cleom. § 8. Ср. Valck. Diatrib. p. 231.

232. Athen. vi. 102. Мюллер, ссылаясь на этот отрывок, говорит: "У Афиня они называются *свободными* в связи с их *будущим*, а не *прошлым* состоянием". Dor. ii. 44. n. b. По тому же правилу, порочный человек, который однажды станет добродетельным, может быть назван образцом нравственности в разгар своих преступлений.

233. Ælian. Var. Hist. xii. 43. Перизон.

234. Ср. Diod. Sicul. xiii. 106, который называет отца Клеархом.

235. Plut. Vit. Lysand. § 2.

236. Ср. Xenoph. Cyrop. i. 2. 15, где правила персидской системы, очевидно, являются простыми копиями тех, которые преобладали, по крайней мере в более ранние века, в Спарте. Plut. Institut. Lac. § 21, seq. Müller, Dor. ii. 314, seq.

237. Телес, ап. Stob. Florileg. Tit. 40. 8. Λακεδαιμόνιοι δὲ οὐδὲν τῶν τοιούτων ὄνειδος ἡγοῦνται- ἀλλὰ τὸν μὲν μετασχόντα τῆς ἀγωγῆς καὶ ἐμμείναντα, κἂν ξένος, κἂν ἐξ εἰλωτας, ὁμοίως τοῖς ἀριστοῖς τιμῶσι- τὸν δὲ μὴ ἐμμείναντα, κἂν ἐξ αὐτοῦ τοῦ βασιλέως εἰς τοὺς εἰλωτας ἀποστέλλουσι, καὶ τῆς πολιτείας ὁ τοιοῦτος οὐ μετέχει. Свидетельство Диона Хризостома (Orat. xxxvi. t. ii. p. 92), как мы видели выше, прямо противоречит свидетельству Телеса; но если предположить, что они говорят о разных периодах спартанской истории, они оба могут быть правы.

238. Athen. vi. 101.

239. Ποσειδώνιος δέ φησιν ὁ ἀπὸ τῆς Στοᾶς, πολλοὺς τινας, ἑαυτῶν οὐ δυναμένους προΐστασθαι διὰ τὸ τῆς διανοίας ἀσθενὲς, ἐπιδουναὶ ἑαυτοὺς εἰς τὴν τῶν συνετωτέρων ὑπηρεσίαν, ὅπως, παρ' ἐκείνων τυγχάνοντες τῆς εἰς τὰ ἀναγκαῖα ἐπιμελείας, αὐτοὶ πάλιν ἀποδιδῶσιν ἐκείνοις δι' αὐτῶν ἅπερ ἂν ᾤων ὑπηρετεῖν δυνατοί. Athen. vi. 84. Ср. Grot. de Jur. Bell. et Pac. ii. v. 27.

240. Eustath. ad Il. β. t. i. p. 223. 38.

241. Δωροφόροι καλεοίαθ' ὑποφρίσσοντες ἄνακτας. Athen. vi. 84.

242. Athen. vi. 84.

243. Aristot. Polit. vii. 5. 7. Müller, ii. 62.

244. Валькен. Diatrib. in Perd. Dram. Eurip. p. 216. b. Ruhnck. ad Tim. Lex. v. πενεστικόν. Eustath. ad Il. β. p. 223. v. p. 933. π. p. 1120. Ammonius. v. πελάτης. Valcken. Animad. iii. 8. p. 192. Schol. Aristoph. Vesp. 1264. Suid. v. πενέσται. t. ii. p. 479. Strab. l. xii. t. ii. p. 817. Casaub.-Hesych. v. πενέσται. t. ii. p. 910. Альберт.

245. См. Poppo. Proleg. in Thucyd. ii. 306. 308. Ср. Aristot. Pol. ii. 9. 28.

246. Athen. vi. 85.

247. "Но, - говорит Герман, - было ли это название производным от μένειν, Athen. vi. 88 (Ср. Welcker ad Theogn. p. xx.) или от πένεσθαι, Dionys. Hal. ii. 9. p. 255, или они были отдельной расой? Об этом сходстве с итальяскими клиентами см. Niebuhr. vol. i. p. 318." (1. 277. Engl. Trans.) Нибур, однако, замечает, что "те же отношения, которые в Фессалии были грубыми и отвратительными, в Риме могли быть утонченными благодаря другим манерам и лучшему духу".

248. Валькен. Diatrib. p. 216. b. Athen. vi. 85.

249. Thucyd. i. 12. Стеф. Byzant. v. Ἄρνη.

250. См. по этому вопросу "Классы Крита", Goettling. Excurs. ad Aristot. Pol. p. 473, sqq. Müller. Dor. ii. Дело гробовщика в этой стране поручалось рабам, которые получили название эргатонов. Hesych. ap. Meurs. Cret. ii. 13. p. 190.

251. Hesych. in voce. t. ii. p. 635. Albert.-Strab. l. xv. t. ii. p. 1027. l. xii. t. ii. p. 817. Casaub.

252. Suid. in v. i. 1461.

253. Ср. Müll. Dor. ii. 51.

254. Ср. Eustath. ad Iliad, o. p. 1031.

255. Polyb. iv. 53. Перизеи Крита находились в таком же отношении к своим владыкам, как земледельческая каста в Египте к знати. Arist. Pol. vii. 9.

256. Вид. Ilgen. De Scol. Poës. p. 108.

257. Athen. iv. 22. Ср. Goettling. ad Arist. Pol. Excurs. ii. p. 473.

258. Athen. vi. 84.

259. Goettling. Excurs. ii. De Rep. Cretens. p. 474.

260. Athen. vi. 84.

261. Athen. xiv. 44.

262. Λῳος у македонян. Suid. ii. 60. Anim. ad Athen. xiv. 44.

263. Müll. Dor. ii. 53.

264. Athen. xv. 50. Ср. Ilgen. de Scol. Poës. xxvi. p. 102, sqq.

265. Аристотель. Pol. ii. 9. 28.

266. Ср. Арист. Pol. ii. 5. 20.

267. Ср. Müll. Дорийцы, ii. 54.

268. Ирод. vii. 155. Plat. De Legg. t. vii. p. 205. Suid. in v. καλλικυρίοι, i. 1359. Евстафий, однако, помещает килликириев на Крите, а Ἀρότται (μνῶται?) в Сиракузах, ad Il. β. t. i. p. 223. 37.

269. Plin. Nat. Hist. xxxv. 36. Meurs. Rhod. p. 35.

270. Eustath. ad Il. π. p. 1120. Athen. vi. 101. Институт рабства у аргивян назывался ἄβρουτον, (Hesych. in v.) потому что их крепостные первоначально, я полагаю, были слишком бедны, чтобы иметь волов.

271. Sch. Aristoph. Concion. 719. Poll. vii. 68. Cp. Steph. Byzant. v. Χῖος. p. 758. b.

272. Пеисистратиды проводили ту же политику в Аттике. Аристоф. Lysist. 18, sqq. Suid. v. κατωνάκαι, i. 1421.

273. Eustath. ad Il. π. p. 1120. Филост. Vit. Apoll. Tyan. viii. 7. 12, который отмечает, что в более поздние времена аркадяне, хотя и были более привязаны к свободе, чем другие греки, все же содержали большое количество рабов, нуждаясь в земледельцах, козоводах, свинопасах, пастухах, погонщиках и знатоках леса. У коринфян было сорок шесть мириад рабов, за что пифийский оракул назвал их "хениксами-измерителями", вероятно, потому, что они позволяли своим рабам хеникс кукурузы в день. Athen. vi. 103. Под тиранией Афиниона граждане Афин в одно время были ограничены четвертой частью ячменя в день, что, по словам софиста, было скорее пищей для петуха, чем для человека. Athen. v. 53.

274. Theopomp. ap. Athen. iv. 31. В другом отрывке этот историк говорит о людях, которые в приведенном тексте Афиней называются Αῖριαῖ, которые, обладая тремястами тысячами рабов (любимое число Теопомпа), могли проводить всю свою жизнь в веселье и шутовстве: Ἀριαῖ οἱ δὲ φησὶ , κέκτηνται προσπελατῶν, ὥσπερ εἰλώτων, τριάκοντα μυριάδας- καθ' ἑκάστην δὲ ἡμέραν μεθύουσι, καὶ ποιοῦνται συνουσίας, καὶ διάκεινται πρὸς ἑδωδὴν καὶ πόσιν ἀκρατέστερον. Athen. x. 60. Cp. vi. 101.

КНИГА VI. ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

ГЛАВА I. ПОЛОЖЕНИЕ БЕДНЯКОВ.

О положении бедных у древних народов известно очень мало: великие историки, трагические поэты и другие классические писатели, пользующиеся, так сказать, популярностью, не уделяли этому предмету своего внимания; а искать этот вид знаний среди рассуждений философов или сумрачного мусора схолиастов и лексикографов - задача, на которую мало у кого хватает терпения. Даже те писатели, от которых можно было бы ожидать полного погружения в этот вопрос, предоставляют лишь незначительную и неудовлетворительную информацию, либо потому, что они не придавали большого значения этому вопросу, либо потому, что в их планы не входило изучить во всех деталях афинские законы о бедных или многочисленные источники частной и общественной благотворительности, которые ограничивали действие этих законов. В меру своих возможностей я постараюсь восполнить этот недостаток.

В первые века существования содружества не существовало такого класса граждан, который бы нуждался в благотворительной помощи.^[275] Демократия не была опозорена нищетой одного из своих членов; ведь хотя многие, по сравнению с соседями, могли быть бедными, никто из них не был доведен до жалкой нищеты или не имел такого кредита, чтобы быть не в состоянии распоряжаться средствами для занятия какой-либо прибыльной отраслью промышленности. Однако впоследствии, в результате бедствий, вызванных войной и

ухудшением положения, присущим всем формам правления, число неимущих превысило число богатых,^[276] (как это происходит в каждой современной стране), а бедствие и нужда, занимавшие все мысли страдальцев, разъели до основания тот дух патриотизма, который отличал их предков. Но афинские институты, действительно призванные содействовать счастью и обеспечивать нужды народа, сразу же обратили внимание законодательной власти на это зло.

Поскольку это было первое проявление духа благотворительности, то, естественно, вначале оно было слабым и лишь постепенно набирало силу и объем. Начало было положено в отношении инвалидов войны^[277] и детей, оставленных гражданами, павшими при защите своей страны.

Первым полагалась пенсия, в ранние времена составлявшая один обол в день: вторые^[278], можно сказать, были приняты государством, которое содержало и воспитывало их до восемнадцати лет, когда, обученные какому-нибудь ремеслу или делу, они считались способными сами себя обеспечивать.^[279]

С кем связано возникновение этого гуманного института, неизвестно. В случае с солдатами-инвалидами эта честь приписывается, по мнению одних, Писистрату, по мнению других - Солону. Бекх, хотя и признает, что последний "несомненно, подал пример Пеисистрату", считает неправдоподобным, что за этот важный урок человечество обязано тирану, который, по его словам, "был мягкого нрава; а узурпаторы обычно рады воспользоваться любой возможностью оказать услугу, чтобы сделать себя популярными; и афиняне, с их ненавистью к тирании, не стали бы приписывать ему эту честь, если бы он ее не заслужил".

В этом я не уверен. Пеисистрат, искусный политик, несправедливо сделавший себя хозяином государства, несомненно, старался присвоить себе как можно больше почестей, причитающихся Солону, самому мягкому из всех законодателей; и, если он воздержался от отмены такого закона, то мог попытаться выдать себя за его автора. Несомненно, во всяком случае, что среди древних долгое время существовала традиция, приписывающая это учреждение Солону;^[281] и каким бы мягким и популярным по нравам ни был тиран, все же, возможно, будет признано, что в этих качествах он превзошел великого законодателя.

Каким образом закон, первоначально созданный исключительно для граждан, ставших инвалидами войны, впоследствии стал охватывать пожилых, больных, слепых, и немощных всех мастей, неизвестно. Однако для получения помощи не требовалось, чтобы они были абсолютно нищими. Любой гражданин, чье имущество не превышало трех мин, или двенадцати фунтов стерлингов,^[282] имел право на пособие; чтобы заработать его, он мог держать небольшую лавку или заниматься любой другой отраслью промышленности в пределах своей компетенции. Законы, в сущности, были в этом вопросе чрезвычайно либеральны, справедливо считая, что общество обязано по мере возможности компенсировать ущерб, нанесенный судьбой. Опасность злоупотребления гуманностью со стороны государства была невелика. Народ сам разбирал каждое дело, что в таком ограниченном сообществе было легко сделать, и после этого любой гражданин, заподозривший обман, мог подать иск против преступника в Сенат пятисот.

До нас дошла речь ответчика по подобному делу. Она была написана Лисиасом для несчастного гражданина; и я, признаться, не могу обнаружить в ней ничего из того "шутливого тона", который, по мнению некоторых писателей, доказывает, что это просто риторическое упражнение.^[283] Напротив, она дышит той мужественной уверенностью, которую должен был чувствовать гражданин, пусть даже бедный, республиканского государства. Мы не должны воспринимать его как жалкого нищего, скулящего перед

опекунским советом. Он понимал смысл закона и был уверен, что его случай дает ему право на помощь, которую он должен был предоставить, и выступал в Сенате как человек, требующий не больше, чем ему причитается по справедливости; он был слишком хорошо уверен в гуманности и справедливости своих соотечественников, чтобы испытывать большие опасения. Он держал небольшую лавку, судя по всему, неподалеку от агоры, и одним из главных пунктов, на которых останавливался обвинитель, было то, что он собирал там множество пропойц и газетчиков, таких, какие обычно в Афинах посещали лавки цирюльников, парфюмеров и т. д. в этой модной части города.^[284] Другим пунктом было то, что он иногда ездил верхом, чего, по мнению обвинителей, человек, получающий помощь от государства, не должен был делать. Но на эту часть обвинения он отвечает, что, будучи настолько хромым, что вынужден был пользоваться костылями, он был совершенно не в состоянии отвечать на более отдаленные деловые запросы без найма лошади, расходы на которую только усугубляли его трудности.

Из этих обстоятельств мы можем узнать, что афинское правительство ни в коем случае не было скупым при распределении тех средств, которые предоставляли в его распоряжение пожертвования богатых граждан.

О размере дневного пособия писатели не сходятся во мнении: одни утверждают, что оно составляло три обола, другие - два, третьи - один обол. Истина, вероятно, заключается в том, что первоначально оно не превышало одного обола, но по мере роста цен или, скорее, по мере обесценивания монеты, было признано необходимым удвоить сумму.^[285] Был ли он когда-нибудь увеличен до трех обол, представляется сомнительным; утверждение схолиаста об Эсхине^[286] может быть ошибкой; но сам факт, что так платили дикасты, не дает оснований ставить под сомнение свидетельство грамматика.^[287] Как бы то ни было, во времена Лисия^[288] выдавался только один обол, и Бекх с большой изобретательностью попытался определить дату увеличения пособия. Во времена Аристотеля, согласно Гарпократу, этого еще не произошло, но Филохор, следующий писатель, затрагивающий эту тему, отмечает, что оно составляло девять драхм в месяц, или пятьдесят четыре обола,^[289] что, если опустить дроби, равно двум оболам в день. Год, когда Аристотель написал свой трактат об афинском правлении, точно не известен; вероятно, это было после его возвращения из Македонии, 334 г. до н. э. Филохор был иероскопом в Афинах в год Корэбоса, 306 г. до н. э. Однако он не публиковал свой "Аттис" до 260 г. до н. э., когда пособие для бедных было увеличено до двух обол. Таким образом, дата повышения пособия приходится где-то на предыдущие семьдесят лет.^[290]

Что касается количества слепых, старых, больных, искалеченных или других инвалидов, получавших содержание от государства, то точного подсчета сделать невозможно. Бекх,^[291] вообразив, что Мурсий насчитал их пятьсот, заметив, что это предположение основано на ложном чтении у Суидаса, принимает это число как наименьшее, которое может быть принято. Но Меурсий,^[292] в упомянутом отрывке, ничего не предполагает; он даже не упоминает о числе вообще. И в самом деле, с первого взгляда становится ясно, что никакие предположения не могут приблизиться к истине, когда обстоятельства постоянно менялись, то увеличивая, то уменьшая число тех, кто нуждался в помощи. Главным образом на это влияла общая бедность государства, которая быстро увеличивалась к его упадку, когда число престарелых и немощных, не имевших трех мин, или двенадцати фунтов стерлингов, в год, должно было, без сомнения, быть значительным. С другой стороны, не имея больше необходимости защищать свою свободу, которая ушла навсегда, детей граждан, павших в бою, было сравнительно мало, и, соответственно, выигрыш по этой статье уравнивал проигрыш по другой.

Потомство граждан, завещанное таким образом на попечение государства, было в свое время чрезвычайно многочисленным, и внимание к нему было в высшей степени образцовым и почетным.^[293] Женщинам давали содержание, образование и долю; а мужчины, которых также содержали и воспитывали до зрелого возраста, получали в публичном театре полный доспех, в память о доблести своих отцов, чтобы побудить их следовать их примеру. Когда вся публика была в сборе, глашатай представил юношей-сирот, облаченных в доспехи "полной стали", а затем громким голосом провозгласил то, что Эсхинес справедливо считал самым славным и вдохновляющим на доблесть провозглашением, а именно, что отцы этих юношей, как храбрые и добрые люди, пали в сражениях за свою страну, за что государство взяло на себя заботу об их воспитании, а теперь, на пороге зрелости, украсив их полным доспехом, под счастливым предлогом отпустил их следить за своими делами, предоставив им, кроме того, на этот день самые почетные места в театре.^[294]

Petit^[295] полагает, что это происходило по достижении ими двадцатилетнего возраста, до которого они не могли по закону вступать в управление своим наследством или сталкиваться с усталостью и опасностями регулярных военных действий; но другие, возможно, с большей вероятностью, указывают на восемнадцатилетний возраст.

Однако вышеупомянутого положения закона, похоже, было недостаточно, и иногда случались бедственные ситуации, на которые оно не могло повлиять. Многие были готовы скорее терпеть лишения, чем прибегнуть к государственной помощи. Такие люди, если их было много, обычно объединялись и образовывали то, что очень правильно называть клубом благодеяний (ἔρανος^[296]), в который они вносили посильные взносы, чтобы, если несчастье настигнет их, они могли быть уверены в поддержке. Однако это описание Эраноса представляло собой лишь одну из ветвей многочисленных клубов, компаний, ассоциаций, торговых союзов и т. д., которые, подобно клубам времен гражданских войн^[297] и ассоциациям более позднего времени, иногда принимали политический характер и мешали движению государственного механизма.^[298] Эти общества создавались с различными целями. Прежде всего, они были созданы для того, чтобы по подписке покрывать расходы на определенные жертвы, приносимые от имени их членов, которых называли эранистами и тиазотами. Но под этим предлогом иногда возникали комбинации с дурной тенденцией - например, среди аристократии, установившей тиранию Четырехсот, - и эти несносные клубы, менявшиеся по характеру в зависимости от периода, выступали за дело свободы в римские времена и, конечно, ревностно охранялись завоевателями.^[299]

Что касается тех объединений, которые носили юридический характер, то по законам Солона им разрешалось принимать любые правила и нормы, которые они считали нужными для своего управления и выгоды, если этому не препятствовало общественное постановление.^[300] Иногда граждане целого демоса, или района, объединялись в клуб, или корабельную команду,^[301] или общество питания, или лиц, имеющих право на одно и то же место захоронения, или партнеров в торговой экспедиции. Таким образом, мы видим три различных мотива - религия, выгода и удовольствие, - побуждающих людей вступать в подобные союзы, и все они признаны законом. Любопытная и запутанная внутренняя структура афинского общества легко поддавалась формированию таких клубов; все население изначально было разделено на четыре племени, каждое племя на три фратрии,^[302] каждая фратрия на тридцать кланов (γένη), каждый клан содержал тридцать домов, между которыми по жребию распределялись почести жречества.^[303]

В этих аттических объединениях мы обнаруживаем зародыши тех компаний купцов, гильдий и т. д.,^[304] так хорошо знакомых современному миру; или, скорее, схожие потребности в

обоих случаях привели к появлению схожих институтов. Но с торговыми компаниями нам в данном случае делать нечего; и если вскользь упоминаются другие ассоциации, то лишь для того, чтобы более полно раскрыть систему, частью которой были Клубы Благоденствия. Они, очевидно, выросли из *Ερανæ*, созданных первоначально для целей удовольствия: то есть несколько человек, желающих насладиться более пышным развлечением, чем они обычно могли позволить себе дома,^[305] вместе с обществом своих близких друзей, заключили подписку^[306] для организации общественного обеда во время празднования великих национальных праздников. В одних случаях созданные таким образом временные объединения не переживали своего часа, в других же вкус к светским удовольствиям или случайная встреча сородичей приводили к созданию постоянного клуба, члены которого естественным образом росли среди людей с горячим сердцем и интересом к благополучию друг друга. Расходы на жертвоприношения во время этих праздников частично покрывались из доходов священных земель, но их не хватало, и обычно приходилось собирать общий фонд по подписке.^[307]

Все эти клубы, временные или постоянные, целью которых было выделение средств на жертвоприношения или получение удовольствия от общества, носили общее название *эрани*, хотя те из них, которые носили религиозный характер, получали, кроме того, название *тиаси*.^[308] Их члены назывались эранистæ и тиасотæ. У греков было принято предаваться пиршествам сразу после сбора урожая, как из-за изобилия, которое тогда преобладало, так и потому, что, закончив основные дела года, они имели больше досуга, чтобы предаваться удовольствиям.^[309] То, что эти объединения способствуют возникновению и развитию дружбы и привязанности между их членами, было хорошо понятно; поэтому в древних тираниях они были строго запрещены, как и все общие столы, учебные заведения и все прочее, что, по выражению Аристотеля, способствует размышлению и взаимному доверию.^[310] Предполагалось, что в их интересах держать людей как можно дольше в невежестве и недоверии друг к другу. Поэтому все религии, способные породить взаимную любовь, были запрещены (как у римлян христианство) как антимонархические. Так, Мекенас, столь же ярый покровитель тирании, как и литературы, призывал Августа преследовать и запрещать все попытки введения новых вероучений, как благоприятствующие нововведениям или, по крайней мере, изменениям; к заклтым братствам, ассоциациям, клубам, вещам, по своей природе враждебным монархии.^[311]

Вероятно, можно предположить, что превращение эрани в благотворительные учреждения было делом случая. Сначала кажется очевидным, как я уже отмечал, что их целью были жертвоприношения, пиры и удовольствия. Но иногда случалось, что из средств, на которые подписывались члены клуба, оставалась какая-то часть, и если в таком случае кто-нибудь из членов клуба попадал в беду, то совершенно естественно было подумать о том, чтобы применить этот излишек в его пользу.^[312] Отсюда легко было перейти к подписке специально для помощи нуждающимся членам, что в конце концов и стало практикой, хотя градации, по которым они к этому пришли, не были точно обозначены.^[313] Арриан оставил любопытный рассказ о кельтском эраносе, учрежденном охотничьим клубом в честь Артемиды,^[314] которой ежегодно приносились торжественные жертвы. Члены клуба создали фонд следующим образом: каждый поймавший зайца вносил в казну два обола: поймавший или уничтоживший лису - драхму; лиса была озорным животным и смертельно опасным для зайца; поэтому ее уничтожение рассматривалось как триумф над врагом. Спортсмен, добывший косулю (*δερκῖς*), которая у них была самой благородной дичью и самым крупным животным, на которое охотились, платил четыре драхмы. В день рождения богини открывали сокровищницу и покупали жертву - овцу, козу или теленка, в зависимости от средств. Затем

приносилась жертва, после чего и люди, и собаки устраивали пир. Сук в этот день увенчивали цветами, чтобы показать, что праздник отмечался в их честь.^[315]

Во всех этих клубах душой всего был сундук; если его убрать, все общество распадалось на части.^[316] Соответственно, чтобы стать членом клуба, нужно было внести определенную сумму в фонд, и все платежи производились ежемесячно.^[317] Поскольку эти клубы, кроме того, были законными, человек, пренебрегавший такими платежами, мог быть привлечен к ответственности по закону, как за любой другой долг; и что показывает важность этих учреждений в Афинах, постановления, относящиеся к ним, составили отдельную отрасль юриспруденции,^[318] входить в которую, однако, не входит в мое настоящее расследование. Президент или председатель клуба был также казначеем, выбранным по жребию или избранным членами клуба, чьи расходы и поведение во время собраний он, похоже, регулировал.^[319] Как мы видели, собрания этих обществ происходили во время религиозных праздников; но всякий раз, когда они были призваны вместе, будь то по делам или из благочестия, было принято, как и во всех подобных случаях среди нас, чтобы члены обедали вместе. Однако, судя по всему, они не имели клубных домов, а, подобно нашим литераторам прошлого века, обедали в тавернах или попеременно в домах друг друга.^[320] В таких случаях было принято сдерживать свои расходы в умеренных пределах, целью было скорее наслаждение обществом друг друга, чем потакание страсти к роскоши.^[321]

В тех случаях, когда член клуба принимал его у себя дома, он сам, как предполагают, занимал кресло^[322], однако не обязательно и не по правилу; ведь было замечено, что президента иногда выбирали по жребию, иногда - голосованием. Но это предположение, скорее всего, необоснованно; поскольку один и тот же человек был одновременно и эранархом, и казначеем, представляется крайне маловероятным, чтобы он менялся каждый раз, когда клуб обедает вместе. Мне кажется более вероятным, - и нам остается только догадываться, - что ежегодно выбирался председатель для ведения общих дел общества, в то время как другой человек мог быть выбран для исполнения обязанностей председателя на любой конкретный вечер. Ближе к концу республики, когда было введено поклонение Серапису, женщины, по-видимому, стали приниматься в члены Эрани, созданной в честь этого иностранного божества.^[323]

Но поскольку эти клубы были лишь случайно связаны с благотворительностью и положением бедняков, я перехожу к рассмотрению другого вида Epanæ, задуманного почти в духе христианства. Ван Хольст,^[324] чьи исследования на тему эллинских клубов, хотя и педантичные и путанные, не лишены ценности, отрицает существование постоянных благотворительных ассоциаций у греков, хотя у римлян, по его мнению, они были. В то же время он признает то, что трудно отрицать, - что дружеская подписка под названием "Эранос" получила свое название и существование от вышеописанных клубов. Он утверждает, что ни один клуб не существовал с постоянными фондами для помощи попавшим в беду друзьям, и что фактически оказанная помощь была спонтанным усилием благотворительности и гуманности. В этом вопросе он расходится с Казобоном,^[325] которого он, похоже, в некоторых аспектах понимает неправильно. Салмасий, по его мнению, ближе к истине, когда говорит, что, когда какой-либо человек был подавлен долгами или бедностью, он находил готовое убежище в своих друзьях, которые подписывали все, что могли, как для удовлетворения его кредиторов, так и для обеспечения его будущего пропитания. Однако именно в погашении долгов люди находили наибольшую помощь от своих друзей;^[326] хотя такие подписки проводились и во многих других случаях, например, чтобы выкупить человека из плена или одарить бездомную девушку, как это было принято в Фивах.^[327]

Способ, которым собиралась подписка, и принцип, на котором основывалась сделка, имели нечто характерное. Во-первых, деньги напоминали ссуду (которой, строго говоря, не являлись), поскольку, если получателю впоследствии выпадала удача, он был обязан вернуть долг,^[328] хотя при неблагоприятных обстоятельствах его разум не угнетало сознание долга, поскольку никто не считал себя кредитором и не мог потребовать у него обол. Салмасий справедливо замечает, что величайшее доказательство щедрости - давать без всякого желания возврата, что греки называли *eleēmosynè*, или *eranōs* строгой благотворительностью. Вторая степень, когда деньги даются взаймы, чтобы потом вернуть их без процентов, которую наш Спаситель называет *τὰ ἴσα ἀπολαβεῖν*.^[329] Самая низкая, когда вы даете взаймы, но с условием получения процентов.^[330]

Для возврата денег, собранных по эранистической подписке, не было установлено точного времени, как было замечено. По-видимому, это полностью зависело от чувства чести или благодарности получателя. Но Пети,^[331] чьи исследования в этой части его темы были недостаточно точными, путает ежемесячную подписку, выплачиваемую членами торговой компании или обычного клуба, с деньгами, которые человек, которому помогают его друзья, мог быть им должен, и говорит, что такой человек должен был выплачивать их ежемесячными частями или все сразу в течение месяца. Первое было бы верно, если бы мы понимали, что Гарпократ вообще говорит о таком виде эраноса; второе - если бы мы приняли его интерпретацию. Но Ван Хольст^[332] прав, отмечая, что Пети здесь понимает смысл грамматики "*minus recte*"; то есть, он его совершенно не понимает. Однако то, что деньги должны были быть в какой-то момент возвращены, следует из целого ряда отрывков. Например, Теофраст в главе "О ворчании" замечает, что недовольный человек, которому принесли сбор, сделанный для него друзьями, ответит тому, кто призывает его к бодрости: "Зачем? Если я должен вернуть каждому из них столько же, да еще и быть благодарным за услугу?"

Среди других особенностей в устройстве афинского общества, направленных на улучшение положения бедняков, были развлечения, которые богатые граждане давали своим соплеменникам в определенные праздники или дни общественного ликования.^[334] И это было делом отнюдь не каприза отдельных лиц, ибо если кто-то не являлся добровольно, чтобы понести расходы, члены племени бросали жребий,^[335] и гражданин, которому выпадала такая возможность, не мог избежать исполнения этой обязанности, если только он не приводил в качестве оправдания какую-нибудь причину, которую общество считало удовлетворительной. Конечно, характер развлечений зависел от богатства или щедрости хестиатора.^[336] Не было необходимости в том, чтобы он роскошно угощал своих соплеменников, поскольку бережливость была одной из характерных черт этого народа; но, в то же время, совершенно очевидно, что во многих случаях^[337] праздник племени представлял собой великолепный банкет.^[338]

О положении бедняков в Спарте^[339] наши сведения крайне скудны. Мы знаем только, что, когда они не могли внести свою долю в содержание общественных столов, они лишались привилегии присутствовать на них и должны были обеспечивать себя дома наилучшим образом.^[340] Таким образом, их фидитии мало чем отличались от эраний афинян, разве что были более общими. Поскольку Лакония изобиловала дичью, можно предположить, что более бедные граждане часто полагались на поддержку от погони,^[341] к которой можно добавить благотворительность их более богатых соседей, в какой бы форме она ни оказывалась. На Крите, где граждане были поставлены в более равные условия, не было места для крайней бедности.^[342] Население, кроме того, с помощью искусственных ограничений удерживалось в должных рамках; следовательно, большинство людей жили в

достатке и имели возможность проявлять самое щедрое гостеприимство. Но даже здесь они размножались в более поздние времена быстрее, чем средства к существованию, так что многие критяне были готовы служить в качестве наемных лучников в кишечных войнах Греции. То же самое можно сказать и об аркадянах, и о некоторых других народах, более бедные представители которых зарабатывали себе на пропитание наследственной доблестью.^[343]

В Афинах, когда люди, находящиеся в легком положении, устраивали пир, как и во всех случаях жертвоприношений, существовал обычай посылать небольшие подарки, как части жертвы, своим друзьям, особенно бедным.^[344] Но самым радостным для неимущих был период афинского юбилея, Панафинеи,^[345] когда государство получало в дар быков от всех колоний, основанных афинянами, так что весь город переполнялся мясом и супом, из которых каждый мог взять свою долю. Иногда, однако, если не обычно, мясо попадало в руки тех, кто меньше всего в нем нуждался, а бедняки получали лишь немного супа и скудный кусок хлеба.^[346] Во времена сильного дефицита кукуруза раздавалась неимущим в Одеионе, где в обычных случаях она продавалась.^[347] Аналогичная раздача происходила в Пирее в арсенале, где хлебы раздавались по одному оболу за штуку. В чрезвычайных случаях, например, когда в стране свирепствовал голод, государство обращалось за кукурузой к своим иностранным союзникам и, получив ее, распределяло поровну между гражданами. Так было, когда Псаммитих подарил афинянам огромное количество пшеницы, из которой каждый гражданин получил по пять медимнов.^[348] О своеобразном виде выигрыша вспоминает Афиней, который рассказывает, что когда Ион, хиосский драматический поэт, получил приз за трагедию, он был так рад своему успеху, что подарил каждому афинянину по кувшину лучшего хиосского вина. Несомненно, иностранные трагики не каждый день выигрывали призы, а если и выигрывали, то так богато и щедро, как Ион; но афинский народ пользовался преимуществами разного рода, которые не были известны нигде больше.^[349]

Иногда, когда полководцам доставалось какое-либо значительное количество награбленного, вместо того чтобы отложить его для решения серьезных задач государства, они расточали его на пиршества народу. Так, Харес, говорят, потратил более шестидесяти талантов, или около 15 000 фунтов стерлингов, на развлечения своих сограждан,^[350] когда на агоре были накрыты общественные столы; а Конон,^[351] одержав большую морскую победу над лакедемонянами в Книдосе и окружив Пирей укреплениями, принес в жертву настоящий гекатомб и устроил пиршество для всего народа. Из этих бездумных пожертвований бедняки, конечно же, получили свою долю. Кимон поступил более разумно и благородно по отношению к несчастным среди своих соотечественников. Рассматривая богатство лишь как средство зарекомендовать себя и приобрести друзей, он не ставил охраны на своих землях и в садах, откуда каждый афинянин, по своему желанию, мог свободно брать то, что ему было нужно. Его дом в городе также был открыт для всех; простой стол постоянно накрывался для нескольких человек, так что любой, кто был в затруднении, мог пообедать там. Он охотно угощал тех, кто приходил ежедневно, требуя от него какой-либо услуги; говорят, что он всегда отправлялся за границу в сопровождении двух или трех служанок с деньгами, которым было велено давать их любому гражданину, обратившемуся к нему с просьбой. Он также участвовал в погребении многих; и часто, если он замечал бедного афинянина в убогой одежде, приказывал одному из своих сопровождающих сменить одежду вместе с ним. Этими средствами, как можно предположить, он приобрел удивительную популярность и занял первое место среди своих соперников в общественной оценке.^[352]

Но люди, живущие за счет щедрот богачей, вскоре по необходимости теряли достоинство чувств, которое должно быть присуще гражданам свободного государства. Поэтому многие,

поставленные несчастьем перед выбором из зол, предпочитали хлеб, добытый честным трудом,^[353] пусть даже подлым или плохо оплачиваемым, столь унижительной зависимости от благотворительности; и, не имея возможности получить более благоприятные условия, фактически работали за еду.^[354] Работать по найму они едва ли считали тягостным. Многие граждане, в том числе и женщины,^[355] таким образом добывали себе средства к существованию: одни - в качестве поваров, другие - жнецов, косарей или любой другой работы, которая попадалась под руку.^[356] Бедность иногда толкала беспринципных бедняков на содержание домов с дурной славой. Другие становились странствующими продавцами цветов и кричали: "Розы столько-то букетов - оболос"; или торговали на улицах редиской, люпинами или оливковыми гребнями.^[357] А дочери бедняков после их смерти иногда присоединялись к хетайрам, не имея возможности зарабатывать на жизнь рукоделием, ткачеством и прядением.^[358]

Во многих отношениях бедняки южного климата имеют преимущество перед северными.^[359] Сама атмосфера служит им одеждой, и большую часть года для них не имеет значения, где они спят. Но в Афинах, каким бы умеренным ни был климат, зимой желательно укрыться от холода, и поэтому здесь, как и в любой другой части Греции, принято было возводить дома, куда, как в караван-сараях Востока, мог войти любой человек, туземец или чужестранец, и укрыться на ночь. Эти здания назывались *Leschæ*, возводились без дверей, чтобы дать понять, что всем рады; и в них, соответственно, нищие и странники всех мастей собирались вокруг больших костров зимой и в плохую погоду, как для сна, так и для беседы.^[360] Даже граждане, особенно в Спарте, собирались в лещах, чтобы насладиться прелестями сплетен; отсюда любое праздное сборище называлось лещами.^[361] Во фрагменте утраченной оратории Антифона против Николы упоминаются эти сооружения, служившие убежищем для обездоленных. Они были возведены государством и, чтобы придать им атмосферу святости, посвящены Аполлону, который впоследствии получил фамилию Лешенорий.^[362] Нигде эти гуманные учреждения не были столь многочисленны, как в Афинах, где, по словам Прокла,^[363] существовало не менее трехсот шестидесяти, в которых неимущие, не имевшие дома, могли собираться вместе и греться за государственный счет.

Кроме того, общественные бани служили приютом для тех бедняков, которые не имели дома или не могли обеспечить себя топливом в собственных жилищах. Здесь они, по-видимому, с такой жадностью жались к печам, что иногда обжигались и покрывались волдырями;^[364] и толпа бедных несчастных в этом бедственном положении, по-видимому, иногда была настолько велика, что ухудшала состояние атмосферы своим дыханием,^[365] и поэтому их выгоняли смотрители бань.

В гомеровские времена нищие и всякого рода бродяги укрывались от ночного холода в кузницах,^[366] так же, как в прежние века они укрывались в стеклянных домах Лондона. Эти отцы святотатства, как называет их Платон^[367], когда они были должным образом экипированы для дороги, представляли собой довольно живописную картину с их тесным мисийским чепцом,^[368] потрепанным плащом и бутылкой, пристегнутой к бедру,^[369] и поддерживающей себя при ходьбе на огромном посохе. К этому боготворимому обществу принадлежал в старости Дионисий, некогда тиран Сиракуз.^[370]

В более поздние времена в Афинах существовал класс людей, напоминавших разгребателей костей и навозных холмов Лондона и Парижа. Это были сборщики зерна на Дейгме и Агоре, которые слонялись там, где фермеры и торговцы кукурузой перебирали зерно, и собирали то, что выпадало из мешков,^[371] или рассыпалось при измерении, зарабатывая таким образом на жалкое существование. Люди такого рода могли добывать себе пропитание, присваивая себе грубый коричневый хлеб, который благочестивые и благотворительные люди клали в

пропилеи храмов для их использования.^[372] Здесь киник Диоген, который, нося с собой провизию в кошельке, не зависел от этих подношений, иногда обедал и, чтобы высказать *свое мнение*, выбрасывал буханки, которые могли бы пригодиться другим; он заметил, что ничего грубого^[373] должно быть допущено в храмы богов.

Религия везде была благосклонна к бедным. В праздник новолуния, когда великие и богатые приносили богам дорогие жертвы, как, например, Гекате, на перекрестках дорог,^[374] их более бедные собратья пользовались случаем, когда их сердца смягчались, чтобы попросить у них что-нибудь. Так Гомер, согласно легенде, приписываемой Геродоту, ходил на Самосе в дома богачей, распевая свою "Эйресиону", за что получал вознаграждение.^[375]

Существовал класс нищих, которые ходили по стране и просили ворона,^[376] держа, по-видимому, прирученную птицу этого вида, как сокола, на запястье, и распевая следующую частушку:...

ПЕСНЯ ВОРОНА.

Люди добрые, горсть ячменя дайте

Носителям соболиной вороны.

Дочь Аполлона она...

Но если куча ячменя иссякнет,

Все равно милостиво дайте щедрость свою,

И из желтых зерен, что растут

На пшеничном стебле.

Или хорошо нарезанный каравай, или обол,

Или что хочешь, ведь ворон должен жить.

Если боги были щедры к тебе сегодня,

О, не говорите ей, о которой мы поем,

Не говори, мы умоляем тебя, нет,

Птице облачного крыла.

Крупица соли ее порадует,

И тот, кто в этот день одарит,

Может на следующий день дать (ибо кто может сказать?)

Гребень, из которого течет мед.

Но пойдите, пойдите, что нам еще говорить?

Открой дверь, мальчик, открой дверь,

ибо Плутос слышал наши молитвы.

И видишь, на крыльце девица, такая же милая.

Как ветры, что играют вокруг цветущих ног

Ида, ворона встречает,

И корзину фиг она несет.

Пусть будет счастлива эта дева,

И от забот и печалей свободна;

Пусть все удачи она найдет,

И мужа богатого и доброго.

И когда ее родители состарятся,

Пусть она в объятия отца

Поместит мальчика, такого же прекрасного, как она,

С золотыми перстнями,

И на колено матери,

Девицу, украшенную всеми ее прелестями.

Но я от дома к дому должен идти,

И куда бы ни привели мои глаза мои ноги,

К музам ночью и утром.

Для тех, кто дарит или не дарит,

И льются песни плавные слова.

Ну, давайте же, добрые люди, Разделите ваше изобилие,

Даруй, мой принц! и дева прекрасная,

Будьте щедрыми в этот день.

Обычай велит вам всем бросать

Целые пригоршни просящему ворону;

Дайте хоть что-нибудь; не говорите, нет,

И мы пойдем своей дорогой.

На Родосе другой вид попрошайничества, который обычно происходил в марте месяце, назывался "челидонизейн";^[377] или, чтобы петь

ПЕСНЮ ЛАСТОЧКИ.

Ласточка прилетела и с собой принесла

Год с избытком переполнен;
Свободно дарит свои богатые дары,
Прекраснейший из прекрасных источников.
Она пришла, она пришла,
В свой солнечный дом.
И бела грудь ее, как луч света,
Но спина и крылья ее черны, как ночь;
Тогда неси свой товар,
Вынесите его к дверям,
Массу инжира или стопку вина,
Сыр, или муку, или что хочешь,
Что бы это ни было, мы не обидимся:
Даже яйцо не помешает,
Ведь ласточка не мила.
Когда она хочет пообедать.
Ну, что будем есть? Скажите, что мы будем есть?
Ведь мы не уйдем,
Хотя время бежит,
Пока ты не ответишь "да" или "нет".
Но если ты будешь груб, мы сломаем ворота,
И жену твою милую унесем;
Она невелика и невесома.
Открывай, открывай, - говорим мы.
Не старики мы, а мальчишки,
А ласточка говорит: "Открой мне".

Однако в Греции неимущие редко могли наслаждаться перечисленными здесь предметами роскоши. Антифан^[378] описывает трапезу бедняка как состоящую из лепешки (μαζα),^[379] обсыпанной отрубями ради экономии, с луковицей, и, для приправы, блюдо из чертополоха, или грибов, или какого-нибудь подобного жалкого продукта земли, диета, не вызывающая ни лихорадки, ни мокроты. Однако там, где нужно есть мясо, ни один человек, считал он, не будет довольствоваться тимьяном, хотя он мог бы претендовать на соперничество с пифагорейцами.^[380] Тем не менее, упоминаются два философа, которые добровольно питались всю свою жизнь водой и фигами, и выросли очень здоровыми и крепкими на этой пище, хотя их пот имел такой плохой запах, что все избегали их, когда они входили в

общественные бани. Пифагор запретил своим воздержанным последователям употреблять мальву, которой привыкли питаться более скромные слои населения Греции, а также корни дневной лилии, нимфеи нелумбо, крапиву,^[381] и другие дикие растения. Каппарис,^[382] в изобилии произрастававший в Афинах, очень часто употреблялся в пищу неимущими, и поэтому "собирать каппарис" долгое время считалось синонимом "быть в нужде". Алексей представляет нам любопытный рассказ о провизии бедной афинской семьи.^[384]

Муж мой убог и беден,

И дни мои цветущие прошли.

Детей у нас двое - мальчик,

папин любимец и мамина радость;

И девочка, такая узенькая и маленькая,

с кормилицей; всего их пятеро:

Но, увы, увы, у нас

Брюхо деревянное, но для троих!

Поэтому двое должны часто

Скудную пищу на ячменных лепешках;

А иногда, когда ничего не видно

на доске, мы питаемся слезами.

Мой добрый человек, когда-то такой сильный и бодрый,

на такой пище становится очень бледным;

За наше лучшее и самое вкусное веселье,

в течение светлой половины года,

Это желуди, лук, горох,^[385]

Охры, люпины,^[386] редис,

Ветки, диких груш девять или десять,^[387]

С саранчой^[388] время от времени.

Что касается инжира, то фригийское угощение,

Годятся для еды гостям самого Иова,

Они, когда счастливые моменты сияют, -

Они, аттические фиго, мои.

275. Однако до создания афинского содружества, когда Греция еще не вышла из периода варварства, пиратские экспедиции предпринимались многими небольшими государствами ради обеспечения бедных. Thucyd. i. 5.

276. Τότε μὲν οὐδεὶς ἦν τῶν πολιτῶν ἐνδεὴς τῶν ἀναγκαίων οὐδὲ προσαιτῶν τοὺς ἐντυγχάνοντας τὴν πόλιν κατήσχυνε, νῦν δὲ πλείους εἰ σὶ ν οἱ σπανίζοντες τῶν ἐχόντων. Исократ. Ареоп. § 38.

277. Καὶ νόμους αὐτὸς ἑτέρους ἔγραψεν, ὥς ἐστὶ καὶ ὁ τοὺς πηρωθέντας ἐν πολέμῳ δημοσίᾳ τρέφεσθαι κελεύων. Плут. Solon. § 31. См. другие авторитеты, собранные Meursius. Them. Att. i. 10. p. 27. Ср. Petit, Legg. Att. viii. 3. p. 559. Предполагается, что Аристотель в одном из отрывков своей "Политики" (ii. 5. 4) приписывает честь этой идеи Гипподаму, который, по его словам, предложил общественное вознаграждение за полезные изобретения, а также содержание и образование для детей убитых воинов. Но Сент-Илер, который переводит его в этом смысле, похоже, ошибается. Аристотель говорит, что Гипподамос предложил такой закон, как будто он был новым: "Теперь такой закон, - говорит он, - существовал в Афинах и в других государствах". Ср. Goettling. ad loc. p. 327, sqq. St. Hil. i. 147.

278. Poll. viii. 91. Goettlieb. ad Plat. Menex. p. 62, seq.

279. Аристид. Panath. i. 190. Jebb. Μόνοι δὲ ἀπάντων ἀνθρώπων τρία ταῦτα ἐνομίσατε- τῶν μὲν ὑπὲρ τῆς πόλεως τελευτησάντων αὐτῶν μὲν ἐπαίνους ἐπὶ ταῖς ταφαῖς καθ' ἑκάστον ἔτος λέγειν- τοὺς δὲ παῖδας δημοσίᾳ τρέφειν ἄχρις ἡβῆς, καὶ τηνικαῦτα ἀποπέμπειν ἐπὶ τοὺς πατρώους οἴκους μετὰ τῶν πανοπλιῶν- τοὺς δὲ ἀδυνάτους τῶν πολιτῶν δημοσίᾳ τρέφειν.

280. Publ. Econ. of Athen. i. 324.

281. Schol. ined. ad Æschin. cont. Timarch. p. 14. 40. ap. Taylor, ad Lys. Orat. Att. t. ii. p. 537. Dobs.-Diog. Laert. i. 2. 8.

282. Harpocrat, v. ἀδύνατοι. Cp. Not. Vales. et Suid. v. t. i. p. 89, b.

283. Voëckh. Pub. Econ. of Athens, vol. i. p. 325. Здесь, вероятно, следует отметить, что те, кто не присутствовал в день экзамена, лишались пособия на целую пританею. Schol. ad Æschin. cont. Tim. § 21. Иногда кажется, что человеку требуется определенное мастерство и красноречие, чтобы отстаивать свое дело; или друг, чтобы говорить от его имени, возможно, когда число претендентов очень велико. Мы можем многое понять из обвинений Эсхина в адрес Тимархоса, который, будучи богатым человеком, позволил своему старому слепому дяде вписать его имя в список нуждающихся. Кроме того, однажды, когда дядя не явился в положенный день и обратился в сенат с просьбой разрешить ему платить, несмотря на это, Тимархос, который в это время находился в суде, отказался поддержать его просьбу, в результате чего лишился своего пособия на ту Пританею. Æschin. cont. Tim. § 21. Схолиаст на этот отрывок добавляет, что те, кто подал прошение в сенат, явились лично, неся в руке оливковую ветвь, обвитую шерстью.

284. Andocid. de Myst. § 9. Plut. Timol. § 14.

285. О том, что это пособие не было очень скудным, можно судить по тому факту, что когда жители Трезена публично принимали жен и родителей афинян при их отступлении из города во время персидского нашествия, они разрешали каждому только по два обола в день. Плут. Themist. § 10.

286. Ap. Taylor ad Lys. Orat. Att. t. ii. p. 537. Dobs.

287. Вероятно, излишняя резкость Бёкха ввела его в заблуждение по этому вопросу. i. 325.

288. Pro Impot. §§ 4. 8.

289. Philoch. Fragm. p. 44, seq. с примечаниями Ленца и Зибелиса. Conf. Harpocrat. v. ὁδύνατ. cum not. Gronov. et Vales. Petit, Legg. Att. 558, seq.

290. Ср. Клинтон Фаст. Hellen. ii. p. 175. Siebel. ad Philoch. Fragm. p. 3. Voëckh. Publ. Econ. of Ath. i. 327, впадает в чрезвычайную ошибку относительно возраста Филохора, "который был юношей", говорит он, "когда Эратосфен был стариком". Это он утверждает на основании авторитета Суидаса. Но, как уже заметил Зибелис, разоблачая ошибочные обвинения Воссюса и Корсини, Суидас сам ошибся, или же его текст испорчен; ведь Филохор, чтобы получить важный пост иероскопа в 306 году до н. э., должен был быть тогда не моложе двадцати лет. Эратосфен родился в 275 г. до н. э. (Clint. Fast. Hellen. iii. 5, так что, похоже, он был юношей, когда Филохор был стариком.

291. Pub. Econ. of Athens, i. 327.

292. Lect. Att. vi. 5.

293. Isocrat. de Pac. § 29. Чтобы дополнить гуманность законов, родители тех, кто пал на войне, также находились под особой защитой архонтов. Petit, Legg. Att. p. 559.

294. Æschin. cont. Ctesiph. § 48, с примечаниями Схолиаста, p. 395. Conf. Plat. Menex. § 21. p. 61. ed. Gœttlieb. проεδρία, которой, по мнению Схолиаста к Эсхинам, они пользовались в течение дня, когда получали паноптикум, Лесбонакс, по-видимому, считал вечной. Кроме того, они удостоивались особых знаков общественного благоволения в священных хорах и гимназиях. Prot rept. i. § 5. Conf. Menag. in D. Laert. t. ii. p. 20. c. d.

295. Legg. Att. p. 560.

296. Sch. Аристоф. Acharn. 1171. Poll. iii. 129. vi. 7. viii. 144. 157.

297. См. Локк, Мемуары Энтони, графа Шафтсбери, Сочинения, фолио. т. iii.

298. Van Holst, de Eranis. c. ii. p. 35.

299. Casaub. ad Theoph. Charact. p. 284.

300. Gaius. lib. iv. ad leg. xii. Tabul. in f. 4. d. Petit, Legg. Att. v. 7. 427. Potter, i. 200.

301. Слова ἡ ναῦται, опущенные одними и превращенные в нечто иное другими, благоразумно сохранены Ван Хольстом, de Eranis, c. ii. p 36, поскольку они находятся в точном соответствии с тем, что отмечает Аристотель. Ethic. Nicom. viii. 11. p. 470, seq. Виктор.

302. Вандейл, процитировав отрывок из Pollux, iii. 52, где говорится, что храм, в котором собирались фратрии, назывался φράτριον, добавляет: - "quas φρατρίας Athenis duodecim numero existentes, ibi tum ulterius describit atque inter alia notat, illorum ad illos introitu virum (procul dubio ab ipsorum parentibus) distributum cæteris φράτορον fuisse. Huic οἱ νηστήριοι νηστήρια sicut et Themistius, Orat. xiii. notat, illos ante introitum, convocata concione probatos et publico annulo signatos fuisse. "fuisse". Dissert. 9. p. 729.

303. Harpocrat. v. v. γεννήται et τριττός. Herm. Polit. Antiq. § 98, seq. Schöm. Comit. p. 360.

304. Соответствующее распределение низших классов было произведено в Риме Нумой: Ἦν δὲ ἡ διανομή κατὰ τὰς τέχνας, αὐλητῶν, χρυσοχόων, τεκτόνων, βαφέων, σκυτοτόμων,

σκυτοδεψῶν, χαλκέων, κεραμέων. Τὰς δὲ λοιπὰς τέχνας εἰς ταῦτὸ συναγαγῶν, ἐν αὐτῶν ἐκ πασῶν ἀπέδειξε σύστημα Plut. Num. § 17. Cp. Schol. Nub. Aristoph. 179.

305. Фиванцы из Беотии, опьяненные военной славой, которую они приобрели в битве при Лектре, вскоре после этого почти полностью отдались застольным удовольствиям, которыми они, судя по всему, наслаждались в основном в своих клубах. Поэтому, чтобы поддержать эти заведения, нашлось множество людей, которые, несмотря на наличие детей, отдавали на них большую часть своего состояния, проявляя тем самым, возможно, самый большой энтузиазм, когда-либо проявлявшийся в деле правильного питания. Афины. х. 11.

306. Sch. Æsch. Tim. p. 380. a.

307. Cp. Bergmann и Coray ad Isocrat. Areop. § 11. Van Holst, de Eranis. c. ii. p. 37.

308. Etym. Mag. 449. 53. Лукиан представляет Пана, называющего себя θιασώτης Вакха. Deor. Dial. xxii. Другим названием этих обществ было Ὀργεῶνες, которое, однако, по мнению Поллукса, было синонимом φράτορες- ἐκαλοῦντο δ' οὗτοι καὶ ὁμογάλακτες καὶ ὀργεῶνες. iii. 52. Cp. viii. 107. Vandale, Dissert. ix. p. 734.

309. Aristot. Ethic. viii. 11.

310. Арист. Polit. v. 11.

311. Dion Cass. l. ii. p. 490. e.

312. Salmas. de Usur. c. iii. p. 50.

313. Cp. Плин. Epist. x. 93, seq. Ван Хольст, де Эран. с. 43.

314. Тиасы и т.д. среди греков, похоже, все имели своих божеств-покровителей, среди которых наиболее распространенными были Геракл, Фебос-Аполлон и Дионис. На это обстоятельство обратил внимание Вандейл: Plerumque, (sicut ὀργεῶνων collegia) cœtus ac fraternitates Baccho, Herculi, Apollini, aliisve Diis consecratæ: quibus Diis ab harum fratriarum membris, ut peculiaribus patronis sacrificabatur: atque hinc convivia inter φράτορας celebrabantur: ad quæ communes illi sumptus sive impensas pariter conferebant. Dissert. ix. p. 730.

315. Arrian de Venat. c. xxxiii. p. 383. Schneid.

316. Ван Хольст, с. ii. p. 46.

317. Harpocrat. p. 85. Бекк. Похоже, однако, что уплаты можно избежать, ссылаясь на бедность: говоря о лицемере, πρὸς τοὺς δανειζομένους, Теофраст говорит, что καὶ ἐρανίζοντας, ὡς οὐ [πωλείφῃσεν](#). Charact. c. i. p. 5.

318. Poll. viii. 37, 101, 144.

319. Harpocrat. v. πληρωτῆς; где, несомненно, мы должны читать вместе с Salmasius (Miscell. Defens. C. ii. p. 27) ἡρημένοις, для ἐωνημένοις, хотя Bekker сохраняет старую лексику, p. 155. Cp. Van Holst, p. 56.- Атений описывает праздник под названием Фэгесипосия, на котором каждый прохожий был вынужден повторять рапсодию в честь Вакха. (vii. 1.) В Александрии также был любопытный праздник под названием Лагенефория, на который каждый приносил свою порцию и свою бутылку и откидывался на кушетку из травы или тростника. (2.)

320. Athen. vi. 35. Van Holst, de Eranis, pp. 30, 59.

321. Арист. Ethic. viii. 11.
322. Van Holst, de Eranis, p. 60.
323. Bœckh, Corp. Inscript. pt. ii. p. 162.
324. De Eranis, c. iii. p. 73, sqq.
325. Ad Theoph. Char. p. 280, sqq.
326. Salmas. de Usur. c. iii. p. 38.
327. Corn. Nep. Vit. Epaminond. § 3.
328. Кроме того, следует отметить, что эти эранистические займы иногда возвращались даже детям тех, кто их давал. Isæus, De Hagn. Hered. § 10.
329. Cp. Cicer. pro Rosc. Amer. § 7.
330. Salmas. de Usur. p. 672.
331. Legg. Att. v. 7. 429.
332. De Eranis, t. iii. p. 75.
333. Theoph. Charact. xvii. Casaub. p. 308. Cp. Ter. Phorm. iv. 4. 22. Plaut. Asinar. i. 3. 92, sqq. Van Holst, p. 77.
334. Афины. v. 2.
335. Harpocrat. in v. ἐστιάτωρ. Dem. cont. Mid. § 44. adv. Lept. § 7. adv. Bœot. § 3. Cp. Herald. Anim. in Salm. Obs. ad Jus. Athen. et Rom. l. ii. c. i. § 12.
336. Ἐστιάτωρ, ὁ εἰς εὐφροσυνὴν καὶ εὐωχίαν καλῶν- δαιτυμόνες δὲ οἱ ἀριστηταὶ , οἱ εὐωχοῦμενοι. Suid. v. t. i. p. 1052. d.
337. Однако было не так много святых дней, когда ремесленники полностью воздерживались от работы. Лукиан. Паразит. § 15.
338. Poll. vi. 27. iii. 67. Поэтому Бекх ошибается, полагая, что деликатесы никогда не использовались в таких случаях. Pub. Econ. of Athens, vol. ii. p. 222. Cp. Wolf. Proleg. ad Lept. in Orat. Att. t. vi. p. 372.
339. Vid. Plat. De Leg. t. vii. p. 181. 201. seq. t. viii. p. 101. seq. De Rep. t. vi. p. 233. Институт фидитии зародился в Италии. Arist. Pol. vii. 9. Члены этих пут избирались голосованием. Plut. Lysurg. § 12. Даже родственники Агесилая по материнской линии были бедны. Agesil. § 4.
340. Aristot. Polit. ii. 9.
341. Cp. Athen. iv. 9.
342. Aristot. Polit. ii. 9.
343. Id. Polit. ii. 10.
344. Theoph. Char. c. 17. Casaub. p. 259.
345. Meursius (in Panath. c. xv. p. 22) очень неудовлетворителен.

346. Schol. Aristoph. Nub. 385.

347. Demosth. cont. Phorm. § 13. Cp. Meurs. Rhod. p. 127.

348. Schol. Aristoph. Vesp. 718.

349. Athen. i. 5.

350. Athen. xii. 43. Сами деньги иногда раздавались. Dem. adv. Leochar. § 12.

351. Athen. i. 5.

352. Theopomp. ap. Athen. xii. 44.

353. Говоря о необходимости труда для бедных, Платон говорит: "Если ремесленнику случается заболеть, он требует от врача быстрого излечения с помощью лекарств или аперитивов, или прижигания, или хирургической операции. Но если ему рекомендуют долго и тщательно соблюдать режим, повязывать голову и тому подобное, он быстро отвечает, что ему недосуг играть в валетудинария и что ему невыгодно сохранять свою жизнь такими постоянными ухаживаниями, в то время как его дела идут к краху. Таким образом, отстранив лекаря и вернувшись к обычному питанию, он, если выздоровеет, продолжает заниматься своим делом, если же нет, то сразу избавляется от всех своих бед. De Repub. t. vi. l. iii. p. 145.

354. Ἐπισίτιοι. Plat. Rep. iv. § 1. t. i. p. 263. Stallb. Athen. vi. 50. Cp. Bœckh. Pub. Econ. i. 156, о низком уровне заработной платы. О пелатах см. примечание Rünkh. ad Tim. Lex. in v. Meris, p. 208. Bekk.-Plat. Euthyph. t. i. p. 356. Poll. iii. 82. Дионисий Галикарнасский имел странное представление о θῆτες и πελάται афинян, чье состояние, по его мнению, было ниже, чем у римских клиентов. Он утверждает, что клиентела возникла в Греции, а в Риме утвердилась только благодаря подражанию: ἔθος Ἑλληνικὸν καὶ Ἀρχαῖον, говорит он, ὧς Θετταλοὶ τε μέχρι πολλοῦ χρώμενοι διετέλεσαν καὶ Ἀθηναῖοι καταρχὰς. ἐκεῖ νοι μὲν γὰρ ἐπιτάπτοντες οὐ προσήκοντα ἐλευθέροις, καὶ ὁπότε μὴ πράξειάν τι τῶν κελευρομένων, πληγὰς ἐντείνοντες, καὶ τὰλλα ὥπερ ἀργυρωνήτοις χρώμενοι. ἐκάλουν δὲ Ἀθηναῖοι μὲν Θῆτας τοὺς Πελάτας, ἐπὶ τῆς λατρείας Θετταλοὶ δὲ, Πενέστας, ὀνειδίζοντες αὐτοῖς εὐθὺς ἐν τῇ κλήσει τὴν τύχην. Antiq. Rom. ii. 9. Рейске очень справедливо замечает по поводу этого отрывка, что он не понимает, с какой уместностью феты Аттики причисляются к фессалийским Пенесте, когда их сравнивают с римскими Клиентами. Ведь совершенно точно (как показывает Г. Стивенс в своем Schediasm. v. 15, seq.), что состояние Penestæ мало походило на состояние римских клиентов. Что касается аттических тетов и пелатов, то они были совершенно свободны, хотя и уступали по рангу ремесленникам (οἱ βαναυσοὶ, Steph. Thes. v. θῆς); они не служили, как рабы служат своим господам (ut δοῦλοι δεσπόταις); но, как явствует из Схолиаста на Odys. δ. 644, как бедные и обремененные долгами люди, нанимающие свои услуги богатым или своим кредиторам, которые назывались χρήστας, а не проστάτας, или δεσπότας. Состояние фессалийских пенестов было иным: ведь они были почти рабами, μεταξύ δούλων καὶ ἐλευθέρων, как называли их древние. (Pollux, iii. 83.) Те из них, кто служил в семьях, назывались θετταλοικέται (Reiske, ad Dion. Hal. t. i. p. 255.).

355. Demosth. adv. Eubul.

356. Demosth. de Coron. § 16. Cp. Plat. Rep. ii. 12. Stallb.

357. Diphilos ap. Athen. ii. 45.

358. Luc. Dial. Meret. vi. § 1. Плут. Arat. § 54.

359. Нищие иногда садились на землю, чтобы съесть то, что им давали у дверей благотворительных заведений. Так, у Антифана говорится: "Что ты говоришь? Принеси мне к двери что-нибудь съестное, и тогда, подобно нищим, я отнесу это, сидя на земле, и кто увидит?". Athen. ii. 87.

360. Etym. Mag. 18. 1, seq. 561. 11. Odyss. σ. 328, et Eustath. ad loc. Cp. Гесиод. Opp. et Dies, 493, et 500, seq. with Bœckh. Inscript. i. p. 133. Horat. Serm. i. vii. 3.

361. Pausan. iii. 14. 2. 15. 8. x. 25. 1. Siebel. ad loc.

362. Harpocrat. in v. λέσχει. Suid. in v. ii. 27, seq. Etymol. Mag. p. 18, v. ἀδολεσχία.

363. Ap. Meurs. Athen. Att. iii. vi. 158.

364. Πλὴν φώδων ἐκ βαλανείου. Αριστοφ. Plut. 535: φλυκταίνων- ἐκ βαλανείου δὲ διὰ τὸ τοὺς πένητας ἀποροῦντας ἐνδυμάτων διὰ τὸ ψύχος ἐν βαλανείοις καθεύδειν, καὶ ἐκ θερμῆς ἢ ἀέρος αὐτοὺς ἐξιόντας παραχρῆμα προσβάλλοντος φλυκτόνας ποιεῖ ν- [Απολλαδωρος](#)[Απολλαδωρος](#) τὰ ἐκ τοῦ πυρὸς ἐρυθήματα, ἢ ἐκ ψύχους, ἢ τοὺς τύλους, καὶ τὰ ἐπικαύματα τὰ ἐκ τοῦ πυρὸς, ὡς τῶν πενήτων διὰ τὸ αὐτουργεῖν τοῦτο πασχόντων. Schol. in loc.

365. Schol. Αριστοφ. Plut. 956.

366.

Οὐδ' ἐθέλεις εὔδειν, χαλκήϊον ἐς δόμον ἐλθὼν,

Ἦὲ που ἐς λέσχην.

Odyss. σ. 327, seq.

Χαλκήϊος δὲ δόμος τὸ τῶν χαλκέων ἐργαστήριον, ἔνθα εἰ σιόντες ἀκωλύτως οἱ πτωχοὶ, ἐκοιμῶτο παρὰ τῷ πυρί. Eustath. in loc. p. 672. 28. Basil.

Πὰρ δ' ἴθι χάλκειον θῶκον καὶ ἔπ' ἀλέα λέσχην

Ὡρῃ χειμερῇ, ὁπότε κρύος ἀνέρας ἔργων

Ἰσχάνει, κ. τ. λ.

Гесиод. Opp. et Dies, 493, sqq.

367. De Repub. t. vi. p. 393. Среди народов древности я не помню ни одного, кто смотрел бы на бедность в столь почтенном свете, как жители Гадейры, ныне Кадиса. Эти достойные люди воздвигли, как нам говорят, алтарь в ее честь, вероятно, полагая, что она сродни смерти, хвалу которой они также пели в пеанах. Philost. Vit. Apoll. Tyan. v. 4, p. 190. Phot. Biblioth. Cod. 241, p. 328, b.

368. Αριστοφ. Acharn. 440.

369. Лукиан. Dial. Mort. i. § 2. Vict. Var. Lect. i. 24. Schol. Αριστοφ. Acharn. 410.

370. Αὐτὸς δὲ Διονύσιος τέλος μητραγυρτῶν καὶ τύμπανο φορούμενος, οἰκτρῶς τὸν βίον κατέστρεψεν. Clearch. ap. Athen xii. 58. Каждый справедливый и честный человек, вероятно, обрадовался бы, увидев всех тиранов в таком же состоянии. Cp. Tim. Lex. Platon. v. ἀγείρουσαν, с примечанием Rühnken. p. 16, который собрал несколько отрывков, иллюстрирующих жизнь и нравы нищенствующих жрецов Кибелы.

371. Eustath. ap. Casaub. Char. p. 197. В Деяниях апостолов эпикурейцы и стоики презрительно называют святого Павла *отерμολόγος*, xvii. 18.

372. Александрийцы клали хлебы в храме Хроноса для бедных. Athen. iii. 74. Среди эфиопов существовало учреждение, называемое Столом Солнца, которое, как мы можем предположить, было предназначено для снабжения бедняков пищей. На лугу в пригороде столицы в течение ночи устраивались обильные развлечения, которые с наступлением дня разрешалось вкушать всем желающим. Этот праздник местные жители считали даром, который им постоянно преподносит земля. Ирод. iii. 18. Ср. Pausan. i. 33. 4. vi. 26. 2.

373. Диог. Laert. vi. 2. § 64. *Ῥυτταρὸς*, alone, означает, как перевел французский переводчик, "mal-propres", t. i. p. 358. Но *Ῥυτταρὸς ἄρτος* означает *du pain bis*, как давно заметил Менаж, ad loc. ii. 146. b. с. Диоген, как поймет читатель, имел в виду каламбур на слово *Ῥυτταρὸς*.

374. Эти ужины ели бедняки, вместе с яйцами и другими мелкими подношениями, которые использовались для очищения мест. Luc. Dial. Mort. i. § 1. Catapl. § 7. Lomeier, de Lustrat. с. xxi. p. 258, seq. Пироги, называемые амфифонтами, предлагались Артемиде в кругу горящих факелов. Эти жертвоприношения совершались в храмах и на перекрестках дорог в полнолуние, когда солнце, восходящее перед заходом луны, давало постоянный свет в течение всех двадцати четырех часов, что обозначалось кольцом факелов; весь круг дня был наполнен светом. На острове Гекате, на побережье Делоса, делизийцы посвящали Ириде подношения из лепешек, называемых басиниями, сделанных из пшеничной муки и меда, подношения, называемого коккорой, сушеной смоквы и трех грецких орехов. Афины. xiv. 53. Афиняне, принося жертвы временам года, предлагали вареное мясо, а не жареное, как в других случаях; они молились, чтобы их защитили от жары, которая все иссушает и уничтожает, и благословили умеренным теплом, чтобы все созрело и дошло до совершенства. Id. xiv. 72.

375. Ирод. Vit. Hom. § 33. t. ii. p. 362. Schweigh.-Meurs. Gr. Fer. p. 213, seq.

376. Athen. viii. 59.

377. Athen. viii. 60. В более теплой атмосфере вулканических островов Липари ласточка была найдена современными натуралистами неподвижной. Спалланцани, Путешествия по двум Сицилиям, i. Introd. p. 32.

378. Athen. ii. 56.

379. Ср. Foës. Œconom. Hippias. v. *μαζα*. Этот хлеб, как мы видим, иногда был квасным. Schol. Aristoph. Pac. 557. Athen. xiv. 83.

380. Упоминаются некоторые бедные философы этой секты, которые жевали растение под названием *ἄλιμα*, чтобы утолить голод, и их можно было видеть бродящими по руслам рек, собирающими эту и подобные травы в свои кошельки. Athen. iv. 52. Согласно комическим поэтам, пифагорейская секта разрешала своим ученикам буханку чистого хлеба и чашку воды в день, что составляло обычное тюремное довольствие. Id. *ibid*.

381. Аристоф. Equit. 420.

382. Schol. Аристоф. Acharn. 445.

383. Афины. xiii. 22.

384. Id. ii. 44.

385. Лукиан. Амор. § 33.

386. Афины. x. 17.

387. Аристофан, Vesp. 1260, перечисляет яблоки и гранаты среди обычных продуктов питания, используемых бедняками.

388. Cp. Schol. Aristoph. Ach. 1081. Athen. iv. 7. 10. Phot. Bib. 453. a. 32. Ирод. iv. 172.

ГЛАВА II.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: МЕЛЬНИКИ, ПЕКАРИ, ВИНОГРАДАРИ, РЫНКИ И Т. Д.

Мы рассмотрели положение бедняков в Афинах, а теперь рассмотрим, насколько законы государства способствовали улучшению их положения, поощряя промышленность и делая ее почетной. Среди спартанцев праздность, порок солдат,^[389] считалась доказательством ранга; отсюда замечание ученика Ликурга, который, присутствуя в Афинах во время суда за это преступление, смертельное для демократии, заметил, что они наказали человека за то, что он был джентльменом.^[390] Солон, однако, не испытывал особого уважения к этому признаку благородства. Согласно его законам, цель которых заключалась в создании и сохранении чувства мужественности, даруемого сознанием независимости, человек, который, не имея собственности, отказывался работать, был плохим гражданином, против которого любой мог возбудить дело о безделье.^[391] Драко, самый утопичный и дикий из законодателей, наказывал бродяжничество смертью или, по мнению некоторых, только позором. Но Солон, который не хотел требовать от человеческой природы слишком многого, предусмотрел это последнее наказание для тех, кто был трижды осужден.^[392]

Предполагают, что именно Писистрат был автором закона против безделья, которым он хотел заставить укрыться в деревне как можно больше граждан, не имевших видимых средств к существованию. Однако, как бы то ни было, не только суровостью афинские законы стремились рекомендовать занятия промышленностью.^[393] Превосходство в любом полезном искусстве давало человеку право на очень высокие почести, на содержание за государственный счет в Пританеионе, в компании с главными магистратами и генералами содружества, и на одно из первых мест на всех зрелищах и народных собраниях. Но чтобы сохранить этот пост, недостаточно было однажды добиться успеха. Честолюбивый гражданин мог сохранить ее, лишь упорно занимаясь изобретениями и усовершенствованиями, ибо если другой человек в той же области признавался превосходящим его, он уступал новому и свои обеды, и свое место.^[394]

Из этого и других обстоятельств следует, что существовали ежегодные выставки произведений искусства и промышленности, в принципе похожие на наши выставки скота, когда тщательно изучалось каждое усовершенствование и изобретение, а вышеописанная премия присуждалась наиболее изобретательным. Совершенно точно, что собрание ремесленников, особенно ярких кузнецов, происходило тридцатого числа Пианепсиона, в

честь Гефесты, или Афины, когда отмечался праздник Пандемон, или Халкея; и предположение Пети^[395] не является невероятным, что *δεῖξις*, или выставка, происходила тогда. Возможно, по этому же случаю афинские гончары выставили свои самые красивые работы и модели.^[396] В Сибарисе автор любого изобретения в кулинарном искусстве пользовался патентом, в течение всего года монополией на эту статью; в том же городе красильщики и импортеры пурпура, а также те, кто ловил и продавал угрей, были освобождены от всех налогов и пошлин.^[397]

Еще одним стимулом для развития промышленности и обучения детей был закон, который освобождал любого, кто не был обучен какому-либо ремеслу, от необходимости содержать своих родителей^[398], к чему в противном случае все люди были строго привязаны. Другой закон Солона, который в то же время показывает ошибочность распространенного мнения о положении женщин в Афинах, доказывает, что приведение промышленности в хорошую репутацию было делом нелегким. В соответствии с ним было принято постановление, что любой человек, упрекнувший гражданина, будь то мужчина или женщина, в том, что он занимается каким-либо делом на Агоре, должен быть подвергнут штрафу.^[399]

Однако существовали определенные профессии, которые законы считали неблагоприятными или, по крайней мере, неподходящими для мужчины. Так, афинский гражданин не мог законно быть парфюмером, это женское призвание было оставлено женщинам.^[400] Рыботорговцы, а также мясники, повара, продавцы колбас, рыбаки, были низко оценены как в Риме, так и в Афинах. Однако из всех этих аттических *изгоев* наибольшей долей общественного презрения пользовался бедняга, который торговал рыбой^[401] и, как презрительно говорили, вытирал нос рукавом или локтем. К ним можно добавить ловцов птиц, продавцов фруктов и тех низкорослых черноногих, которые жили азартными играми.^[402]

Чтобы побудить горожан к трудолюбию, иностранцам и всем лицам, не являющимся свободными жителями города, по закону запрещалось вести дела на агоре,^[403] но в более поздние времена этим пренебрегли, поскольку мы видим египтян, финикийцев и других пришельцев, владеющих лавками и богатеющих там. Кроме того, считалось, что если люди ограничатся одним призванием, они достигнут в нем большего совершенства; и закон, соответственно, запрещал им заниматься двумя ремеслами.^[404] Платон, чья идеальная республика во многих отношениях была создана по образцу Афин, принял этот закон, и по причине, которую я изложил; он прекрасно понимал, какие преимущества дает разделение труда. Он не хотел, говорит он, чтобы кордельщик занимался земледелием, ткачеством или архитектурой, чтобы он мог довести сапожное дело до такого совершенства, какое возможно; и в других отраслях промышленности люди должны были подобным образом заниматься только тем, для чего их предназначила природа и в чем они могли преуспеть.^[405] Тот же философ, рассуждая о промышленности, делает замечание, достойное внимания: Не в интересах общества, говорит он, чтобы люди, занятые в какой-либо отрасли искусства, были настолько богаты, чтобы не зависеть от своего дела или профессии, которыми в таком случае они будут склонны пренебрегать; или настолько бедны, чтобы их мучили мысли или стесняли средства для удовлетворительного выполнения своих занятий. В этих вещах, как и во всех других, удобная компетенция должна быть предпочтительнее крайностей как богатства, так и бедности.^[406]

Другим средством доведения различных искусств до совершенства, которое в Индии и Египте преобладало с незапамятных времен, как предполагается, была практика, основанная на законе или обычае, напоминающая систему каст.^[407] На этом взгляде на афинское общество были построены теории, не лишенные изобретательности.^[408] Так, предполагается, что дейдали составляли касту скульпторов; евпириды - касту земледельцев;

бутады - пастухов; церихи - глашатаев; гефестиады - кузнецов; поймениды - пастухов и так далее. Предполагается, что следы этого любопытного положения вещей можно обнаружить в истории Аттики даже в эпоху Перикла, когда мы находим Сократа членом дейдалийского клана, по профессии скульптором. В религиозных вопросах, безусловно, существовали наследственные должности, которые никто не мог занимать, кроме членов определенной семьи или клана. Так, из числа этеобутадов была избрана жрица Афины Полиас, проживавшая в храме на Акрополе; жрец Посейдона был выбран по жребию из того же дома.^[409] На Праксиргидов возлагались определенные обязанности по обслуживанию статуи Афины во время Плинтерианского праздника.^[410] Потомки Бузигеса совершали те священные церемонии, которые трижды в год сопровождали вспашку земли;^[411] больше ничего упоминать не будем.

Но из этого не следует делать вывод о существовании в Аттике чего-то похожего на индусскую систему каст, которая сама никогда строго не соблюдалась.^[412] В Афинах происходило то, что происходит повсюду: отцы обычно находили более удобным воспитывать своих сыновей по своему призванию,^[413] а последние, постоянно наблюдая, как под их взглядом происходят определенные механические операции, сначала восхищались, а затем подражали. Так, мальчик-гончар, как замечает Платон^[414], долго служит отцу, прежде чем взять глину в руки и начать лепить вазу или супницу.

В Спарте глашатаи, повара и флейтисты составляли множество мелких каст, в которых профессия регулярно передавалась от отца к сыну. Геродот прекрасно понимал всю абсурдность этой практики, ибо он замечает, что человека выбирали герольдом не за громкость его голоса, а потому, что он был сыном герольда.^[415] В целом, однако, эта практика была не более распространена среди греков, чем в Англии. Когда стало модным подражать дворянству, деревенские батраки, как Стрепсиад в "Облаках", обнаружили, что их сыновья стыдятся скромных занятий, которыми они поддерживали свое детство; страсть к аристократическому отличию заразила грудь вульгарных; все хотели казаться теми, кем они не были; и, несмотря на мудрые установления Солона, ремесленники и мастера погрузились в безнадежное презрение.^[416] По этой причине большинство ремесел постепенно перешло к иностранцам, которые часто приобретали богатство и независимость.

Несмотря на этот результат, к которому, однако, они приходили медленно, как мануфактуры, так и все другие отрасли промышленности были в Греции, и особенно в Афинах, доведены до очень высокого уровня совершенства. Даже в самых низких ремеслах любовь к наживе или необходимость как-то зарабатывать себе на пропитание заставляли людей упорствовать. Например, в профессии простого рыбака, от которой мало что можно было ожидать, кроме нищеты, и которая накладывала отпечаток на лицо, убогий вид, так удачно изображенный эллинским искусством,^[417] всегда находилось число готовых к работе. И все же рассмотрим в "Феокрите"^[418] их жалкую жизнь: они спали в своей избитой непогодой хижине на мрачном берегу, среди кучи сетей, корзин, лесок и т. д., и мечтали, как это часто бывает в нищете, о найденных сокровищах и слитках золота. Терпение голодных рыбаков, сидящих далеко над водой на отвесных скалах и наблюдающих за тем, как огромная добыча попадает в их сети, кажется, вошло в поговорку.^[419]

В высших ремеслах и производствах среди нескольких городов существовало подражание, результатом которого было постоянное совершенствование. Так, например, Афины, преуспевшие в гончарном деле, имели соперников в Аулисе, Родосе, Мегаре, Коринфе, Книдосе, и некоторых других городах; Сицилия и Беотия славились своими колесницами; Аргос - изготовлением оружия; Фессалия - мягкими креслами; Хиос и Милетос - кроватями; Этрурия - золотыми пластинами и работами из бронзы.^[420]

К сожалению, о практике нескольких ремесел и полезных искусств мы можем судить лишь приблизительно. Однако, чтобы сделать наше представление об эллинской цивилизации как можно более полным, я соберу здесь столько сведений, сколько мне удалось обнаружить по этому вопросу, начав с тех ремесел, которые имели первостепенное значение.^[421] Из них, несомненно, первым по важности можно считать ремесло мельника. В очень ранние века люди не понимали искусства превращения кукурузы в муку; они либо жарили недозрелые колосья на огне, либо перетирали отделенные зерна в маленьких сковородках.^[422] Со временем, однако, были изобретены пестик и ступка, с помощью которых,^[423] хотя и с большими затратами труда, можно было получить муку самого лучшего качества. К ним добавилась ручная мельница, изобретение очень отдаленной эпохи,^[424] которая, несмотря на это, продолжала использоваться вплоть до времен Цицерона. На этой машине, как в Греции, так и в Италии, сначала обычно работали женщины,^[425] особенно женщины-рабыни. Но впоследствии самые грубые и плохо ведущие себя мужчины-домохозяева были приговорены к этому тяжелому труду, который в конце концов стал рассматриваться в свете наказания,^[426] как работа на беговой дорожке у нас. Среди богатых людей каждый хозяин семьи имел свою собственную мельницу; но по мере развития цивилизации помол кукурузы стал отдельным занятием, и возникло ремесло мельника. Общественные мельницы^[427] были распространены в Афинах во времена Сократа, и, похоже, не было ничего необычного в том, что сильные и выносливые мужчины из свободного состояния работали по найму в этих заведениях.

Так, мы узнаем, что философы Менедем и Асклепиад, будучи молодыми и бедными, зарабатывали себе на пропитание и могли заниматься философией, работая по ночам на мельнице.^[428] Поскольку об этом обстоятельстве мало кто знал, а их целыми днями наблюдали среди ученых в школах, кто-то выдвинул против них обвинение в безделье, за что они предстали перед Ареопагским сенатом. Чтобы доказать, что они добывали средства к существованию честным путем, привлекли мельника, на которого они работали. Его показания подтвердили их слова; кроме того, он добавил, что платит каждому из них по две драхмы за ночь. Ареопагиты были так довольны этим доказательством их трудолюбия и страсти к философии, что, объявив об их оправдании, в то же время сделали им подарок в двести драхм.^[429] Но эти мельницы не всегда приводились в движение рукой человека. Привязанные к балкам, выходящим из верхнего жернова, вола и ослы, двигаясь по кругу, с завязанными глазами, как в настоящее время, при подобной работе, иногда вращали мельницу вместо рабов.^[430] Об устройстве этих машин было мало точных сведений до открытия руин Помпеи, где в лавке пекаря были обнаружены четыре мельницы, все еще почти совершенные. Они состоят из круглого каменного основания с ободом, из центра которого выходит тупой конус: это нижний жернов. Верхний состоит из несовершенного цилиндра, полого внутри, как часовые часы, одна часть которого, как крышка, прилегает к конусу внизу, а другая расширяет колокольное устье вверх. В него насыпали кукурузу, которая, спускаясь через четыре небольших отверстия на нижний камень, при вращении верхнего камня превращалась в муку, которая постепенно спускалась вниз, очищаясь по мере продвижения, и выпадала на каменный подвал внизу. После того как кукуруза была размолота, следующей операцией было отделение муки от отрубей, хотя иногда из нее делали хлеб в грубом виде,^[431] и считали, кроме того, чрезвычайно полезным. Первым и самым простым из этих приспособлений было сито,^[432] сделанное из тонкого камыша, которое отделяло грубые отруби и давало муку, достаточно очищенную для домашнего хлеба. Гораздо более совершенное сито изготавливалось с льняными нитями, с помощью которых мука болталась до высокой степени тонкости. Когда требовалась еще более высокая чистота и белизна, болтер, по-видимому, устилался шерстяными нитями, которые, будучи сплетенными вплотную, не пропускали ничего, кроме частиц самой высокой прочности.^[433]

Предполагалось, что все вышеперечисленные операции осуществлялись под руководством особого божества по имени Эвностос,^[434] о котором, как мне кажется, нет упоминаний в современных мифологических системах.

Древние использовали для приготовления хлеба множество видов зерна, помимо пшеницы,^[435] и ячменя;^[436] рожь, просо, которое было малопитательным, панир, который был еще менее питательным,^[437] кунжут, олиру, полбу, рис, тиф, и вид зерна из Эфиопии, называемый ориндион. Для этой же цели использовались и некоторые другие вещества, но не ради фальсификации, а либо для улучшения вкуса, либо из соображений экономии; например, корень лотоса,^[438] и, возможно, дневной лилии^[439], высушенный и превращенный, как и сама пшеница, в муку; и корень кукурузного флага^[440], который предварительно отваривали и, чтобы придать хлебу сладкий вкус, по-видимому, смешивали с тестом, как в наше время смешивают картофельную муку. Это растение наиболее обильно росло в местах, посещаемых кротами, которые любили им питаться. Еще одним ингредиентом, который часто смешивали с хлебом, было мясистое семя Вифлеемской звезды,^[441] корень которой также употребляли в пищу, как в сыром, так и в вареном виде.

Семена перечной травы,^[442] также посыпались на пироги. У фракийцев, около реки Стримон, делали хлеб из муки водяного кальтрона,^[443] колючего корня треугольной формы, который изобилует в лагунах около Венеции, где его обычно продают на рынках и жарят для стола в горячих углях.^[444] Корень драконовой травы,^[445] употребляемый в Греции как в сыром, так и в вареном виде, на Балеарских островах подавался на банкетах вместо пирогов в жареном виде с медом. Собирали его в период сбора урожая и, обжарив, нарезали ломтиками, которые затем нанизывали на веревку и сушили в тени для хранения. Семена садового мака использовались в хлебопечении, возможно, как у нас семена каррауи, а семена дикого мака - в лечебных целях, в медовых лепешках и некоторых видах сладостей.^[446] В Сирии был распространен хлеб из шелковицы, от которого у тех, кто привык им питаться, выпадали волосы.^[447]

Хотя в заведениях богатых людей хлеб обычно готовили женщины семьи, как подневольные, так и свободные, искусство пекаря, похоже, рано стало практиковаться как отдельный бизнес,^[448] часто в Афинах иностранцами. Лидийские пекари, например,^[449] как и пекари Франции и Германии, пользовались большой известностью, как и каппадокийцы и финикийцы, искусство последних позволяло, как говорят, варьировать качество буханки каждый день в году.^[450]

О форме и структуре пекарни мы можем получить некоторое представление из руин Помпеи, где мельницы, печи, корыта для замешивания теста,^[451] маленькие и большие, похоже, были иногда из камня, хотя обычно, возможно, из дерева. Когда тесто было как следует вымешано и заквашено,^[452] его перекладывали на стол с бортиком и придавали ему различные формы вручную или с помощью формочек. Большие буханки укладывали рядами в просторную печь, в которой сжигали и тщательно выгребали дрова. Иногда огонь поддерживался в открытом пространстве вокруг печи, а сверху было отверстие для выхода дыма. Один вид буханки выпекался в маленькой фитильной или железной печке, называемой *cribanos*,^[453] которую ставили на огонь или окружали горячими углями. Был и другой, который поджаривали перед огнем на вертеле,^[454] и множество разнообразных лепешек пекли на живых углях или в золе.^[455]

Их перечисление и описание потребовало бы отдельного трактата, поскольку мода, похоже, постоянно меняла материалы, формы и названия хлебов. В целом, однако, хлеб, продававшийся на афинском рынке, считался самым белым и вкусным в Греции; родосцы,

частично говоря о продукции своих печей, полагали, что делают ей высший комплимент, когда говорят, что она не уступает афинской.^[456] Размеры хлебов зависели, конечно, от цели пекаря и варьировались от самых маленьких булочек, приготовленных для людей с тонким аппетитом, до огромных обелий, иногда содержащих до трех бушелей муки, которые несли в процессии на празднике Диониса.^[457]

Бизнес кондитера был не менее востребован и менее прибылен, чем бизнес пекаря. В большинстве случаев, пожалуй, самые изысканные виды кондитерских изделий изготавливались женщинами,^[458] чей вкус и мастерство позволяли им радовать любителей лакомств бесконечным разнообразием сладостей. Лексика, связанная с этим разделом кулинарного искусства, необычайно богата, но во многих случаях доносит до нашего сознания очень мало точной информации. Однако можно с некоторой долей уверенности предположить, что в запасах афинского кондитера было большинство тех восхитительных мелочей, которые сегодня можно найти в заведениях его преемников в Лондоне или Париже. Поэтому перечислять их или указывать ингредиенты, которые входили в их состав, не представляется возможным. О вине уже говорилось, что древние были очень равнодушны к сладостям, поэтому при изготовлении кондитерских изделий они постоянно использовали мед. Большинство их любимых тортов содержали некоторую долю этого ингредиента,^[459] иногда, правда, встречались в компании с другими продуктами, явно не рассчитанными на сочетание с ним. Вино, сыр, молоко, семена и соки овощей также входили в состав различных сладостей, которые иногда делались для длительного хранения, как в случае с экспортом, а иногда для употребления в момент, когда они выходили горячими из печи или сковороды. К этому последнему классу принадлежали нежные блинчики, тесто для которых наливали в сковороду жидким, затем заливали сверху свежим медом и посыпали кунжутом и тертым сыром.^[460] Вкус *к catillus ornatus* греки, похоже, позаимствовали у римлян. Это был богатый пирог, состоящий из муки тонкого помола, растертой с салом и соком салата, растолченной в ступке с вином, приправленной перцем и обжаренной в кипящем масле.^[461] Среди их кондитерских изделий было что-то вроде пирога из виноградной птицы^[462] и беккафико,^[463] нижняя корка которого, замешанная на меду, иногда смачивалась за столом в курином бульоне.^[464]

Эти пирожные и сладости иногда придавали весьма необычные формы; например, один вид изображал женскую грудь,^[465] другой - идеальный шар,^[466] третий - голову и рога быка,^[467] а другие превращались в мистические фигуры и приурочивались к определенным праздникам языческого календаря. Пирог под названием Хæрине, приготовленный из муки перемолотой пшеницы и меда, давался в качестве приза тем, кто во время Паннухии не спал всю ночь.^[468]

Мясным ремеслом^[469] в Афинах занимались граждане,^[470] чьи лавки в Агоре, по-видимому, были очень хорошо обставлены и содержали все виды мяса, от подбородка призового быка,^[471] до задней четверти ослы.^[472] Овечьи и детские головы обычно старались сделать более привлекательными, засовывая между зубами веточку мирта, поэтому одну из гетайр сравнивали с головой козы, поскольку она часто ходила по улице с веточкой мирта во рту.^[473] Сведения, которые античность оставила нам о мясных лавках и орудиях труда, крайне несовершенны. Нам просто говорят, что у них были разделочные доски и тесаки, большие топоры, которыми рубили животных на бойнях, ножи для обжиги, крюки для подвешивания и демонстрации запасов, весы для взвешивания мяса.^[474] Очень любопытный анекдот рассказывают о милетском мяснике: был человек по имени Килликон, который предал свой родной город Милетос приенцам. Среди его соотечественников, которые по этому случаю стали беглецами, был мясник. Этот человек бежал на Самос, где занялся своим прежним делом.^[475] Через некоторое время после этого Килликон сам прибыл на остров и,

отправившись на рынок за провизией, случайно обратился к милетскому мяснику, которого звали Теаген. Тот вспомнил о предателе и, когда хотел купить у него кусок мяса, попросил Килликона ухватиться за нужную ему часть, а сам отрубил ее от туши; затем, взяв топор, отрубил ему руку, сказав: "По крайней мере, этой рукой ты никогда больше не предашь свою страну".

Виноградари и трактирщики, которых в Греции было довольно много,^[477], по-видимому, приобрели ту же репутацию, что и в наши дни. Обнаружить под их крышей кувшин с чистым вином считалось делом нелегким, а честных виноградарей страны обвиняют в том, что они постигли искусство знакомить Вакха с нимфами по пути в город. Иными словами, они продавали из своих повозок на Агоре^[478] определенное количество Илиссоса, смешанного с соком винограда. Трактирщики, однако, почти не нуждались в их помощи, поскольку они были не только искусны в поливке и приготовлении вина, но и умели давать короткую меру;^[479] и при этом знали различные приемы, чтобы заманить людей в свои дома. Так, один из них, например, имел обыкновение одаривать клуб, обедавший в его таверне, ребенком,^[480] рассчитывая расплатиться с ним прибылью от вина.^[481] Однако, когда богатая и изысканная компания удостаивала их своим присутствием, они, несомненно, могли предоставить вина самого лучшего вкуса; а чтобы сделать их еще более вкусными, они имели обыкновение летом погружать флаконы в снег,^[482] или, иногда, смешивать его с вином, как это до сих пор в Неаполе и на Сицилии. Поэтому в тавернах были оборудованы ледяные погреба, где снег мог храниться в самую жаркую погоду. Александр^[483] нашел возможность провезти с собой некоторое количество этого предмета роскоши в Индию, где он, вероятно, угощал Таксилос и Порос ледяными винами. Этому достижению спустя много веков подражал Халиф Махади, который во время своего паломничества в Мекку пересек пустыню в сопровождении многочисленного поезда верблюдов, нагруженных льдом и снегом, - первого, по словам восточных историков, когда-либо виденного в Святых городах. На острове Кимолос люди использовали в качестве охладителей глубокие ямы, в которых охлаждались кувшины с мягкой и тепловатой водой,^[484] и, несомненно, вино.^[485]

Вино хранилось в кувшинах, шкурах и флягах, которые, как и фляги для масла во Флоренции и Лукке, были обтянуты тонкой плетеной материей.^[486] Использувавшиеся меры были многочисленны, и их трудно свести с точностью к современным: метрет (десять галлонов две пинты) содержал двенадцать чоу; чоус (около шести пинт) - шесть ксестов; ксест (одна пинта) - два котилля; котиль (полпинты) - два тетарти; Тетартон (четверть) - две оксибафы; оксибафон - один циатус с половиной; циатус - две конхи; конха - две мистры; мистрон - одна хима с половиной; хима - две кохлеарии.^[487]

О цене вин^[488] наши сведения крайне несовершенны, поскольку, хотя часто указывается, сколько стоит та или иная мера, качество вина при этом не упоминается, мы очень мало приблизились к реальному знанию его стоимости. В Лузитании десять галлонов чистого вина в один период продавались за три пенса; в Афинах цена метреты^[489], по-видимому, колебалась от одного и восьми пенсов до трех и четырех пенсов, хотя иногда она поднималась до десяти шиллингов. Даже на мендейское вино, вино очень высокого качества, оптовая цена в какой-то период не превышала двух драхм, метритов; но поскольку трактирщиков обвиняли в получении огромных прибылей, в то же время вполне правдоподобно, что они иногда брали по оболу за гемикотиль, особенно с чаевых женщин. В других местах, однако, мы находим, что чоус, или двенадцать котилей, продаются за обол,^[490] цена, несомненно, зависела частично от качества вина, частично от совести трактирщика. Несмотря на то, что в Афинах было три магистрата, которым поручалась инспекция вин,^[491] частью деятельности которых, вероятно, было предотвращение

фальсификации и непомерных цен, виноторговцы, как мужчины, так и женщины, по всей вероятности, были для них непосильной задачей.

Большинство способов, с помощью которых древние подделывали свои вина, нам неизвестны, хотя мы знаем, что они пытались восстановить вкус испорченных вин, подмешивая к ним некоторое количество кипяченого вина^[492] и препаратов из извести и гипса. Чтобы сдержать второе брожение, в кувшин иногда бросали пемзовый камень;^[493] но там, где вино было таким дешевым, не было соблазна прибегать к какому-либо другому искусству, кроме поливки, которая, по словам поэта-комика, могла исходить из благожелательного желания сохранить трезвость и здоровье.^[494]

Запас уважаемого виноторговца должен был быть особенно богат и разнообразен: состоял из Антосмии, вина с восхитительным ароматом; Лесбии,^[496] любимого вина Алкивиада;^[497] Прамниана,^[498] крепкого грубого вина, прославленного Гомером;^[499] лемнийское, которое пили герои перед Троей;^[500] кианское, легкое и нежное;^[501] капнийское, из Беневента в Италии,^[502] острое красное вино, от которого глаза слезились, как от дыма;^[503] мезогейцы с горы Тмолос,^[504] которые, как бы ни был приятен их вкус, вызывали головную боль у тех, кто их пил; фигелиты с Эфеса, равные лесбосским; косовские и клазоменские, приятные, когда новые, но которые не сохраняются, потому что смешиваются с морской водой; кидонский;^[505] маронский,^[506] большой силы; мендейский;^[507] мареотический;^[508] портовый; и тасийский, который может считаться цветком всех остальных за превосходство и знаменитость.^[509]

У древних было несколько сортов вина, которые приобретали особые качества и вкус от способа их изготовления или хранения. Так, в Галатии^[510], где виноград созревал плохо, и вино имело тенденцию становиться кислым, в метелки вина вливали гемикотиль смолы, что придавало ему сначала резкий вкус, хотя со временем оно приобретало более приятный аромат. При этом смолу толкли в ступке с добавлением небольшого количества сосновой коры. Некоторые люди оставляли ее в сосуде, а другие процеживали сразу после брожения. Вино, которое сохранялось благодаря настою смолы,^[511] изготавливалось следующим образом: смола промывалась рассолом и морской водой^[512] до побеления, затем прекрасно очищалась пресной водой, после чего унция или две смешивались с восемью холями вина. Соленые вина делали^[513] либо окуная собранные гроздья в морскую воду, либо обрызгивая их ею, либо выливая вместе с ними в пресс после того, как они были высушены на солнце. Но каким бы способом ни готовились вина такого рода, врачи относились к ним с опаской.

Среди других богатств эллинского погреба были медовуха или метеглин,^[514] и гидромель^[515] и омфакомель,^[516] с перри и сидром,^[517] и пальмовое вино^[518] и инжирное вино^[519] и айвовое вино^[520] и лотос^[521] и гранатовое вино.^[522]

Многочисленные пахучие растения также использовались для придания вину различных вкусов и ароматов, например, роза,^[523] тимьян,^[524] германдер,^[525] анис,^[526] энанте,^[527] полынь,^[528] бетон,^[529] южное дерево,^[530] сквилл,^[531] мирт,^[532] мастика,^[533] теребинт,^[534] сикомор,^[535] еловые шишки,^[536] кедровые шишки,^[537] кипарисовые шишки,^[538] можжевеловые ягоды,^[539] смола и лиственничные шишки.^[540] Почти все другие ароматические растения, кустарники и деревья использовались подобным образом для придания вкуса или запаха вину, в основном, однако, в лечебных целях; среди них был и иссоп, листья которого использовались следующим образом: фунт их, хорошо растертых, завязывали в нечто вроде марли и под тяжестью нескольких перемешанных камешков опускали на дно амфоры. Здесь им разрешалось оставаться сорок дней, после чего вино переливалось в рюмки.^[541] Из этих вин то, которое было подкрашено листьями розы, обычно пили после ужина, чтобы улучшить

пищеварение.^[542] То, которое в Пропонтиде и Фракии было ароматизировано полынью, люди предназначали для летнего питья, считая его благоприятным для здоровья.^[543]

Самыми большими врагами виноградарей^[544] были врачи, которые, рассказывая о пагубных свойствах вина, отвращали разумную часть мира от слишком частого его употребления. Старое вино, утверждали они, расшатывает нервы и вызывает головную боль; новое вино - родитель ужасных снов. Среднее же вино, например, семилетней выдержки, вызывает меньше возражений, и в целом его можно пить с некоторой долей безопасности. Белое вино, по их мнению, также лучше красного, поскольку оно укрепляет желудок и, вероятно, является тем сортом, который в соответствующем возрасте вызывает приятные сновидения.^[545] Чистое вино в целом, кроме того, признавалось улучшающим здоровье и улучшающим цвет лица; и Пиндар, которого большинство людей признает хорошим судьей, хотя он не мог, подобно Анакреону, распоряжаться бочонком за один присест,^[546] заявляет в пользу старого вина и новых песен.

О пиве, хотя, как мы уже отмечали, оно было хорошо известно египтянам,^[547] а также жителям Галлии, Испании и Британии, которые делали его из ячменя и ягод, как сейчас жители Данцика делают его из шиповника,^[548] нам не нужно ничего говорить, так как греки были настолько невежественны в отношении его природы, что когда Десятитысячник встретил некоторое количество в Армении, они разбавили его водой, как они привыкли делать свое вино, то есть полностью испортили его.^[549] Заведения этих виноделов почти обязательно располагались поблизости от агоры,^[550] где в базарные дни толпились деревенские жители, где также часто проводились общественные собрания, и где обычно проводили часы досуга газетчики и бездельники всех мастей.

С учетом различий в размерах и большего или меньшего великолепия, такое же описание применимо к агорам всех греческих городов. Но поскольку мы лучше всего знакомы с особенностями афинской агоры, то, если нам удастся обрисовать ее достаточно точно, можно будет легко составить представление и обо всех остальных. Итак, мы должны представить себе большое круглое открытое пространство^[551] в центре города, окруженное со всех сторон рядами магазинов, храмов, портиков и других общественных зданий.^[552] Оно было пересечено в разных направлениях аллеями платанов, посаженных вскоре после Персидской войны, которые летом представляли собой так много тенистых прогулок. Примерно посередине стояли алтари Жалости и двенадцати богов, расположенные по кругу, а рядом с ними - статуи Гармодия и Аристогейтона,^[554] тираноубийц, память которых республика лелеяла с самым религиозным почитанием. Однако большую часть площади занимали ряды навесов, будок и палаток, обставленных сиденьями^[555] (строительство которых составляло отдельную отрасль промышленности),^[556] где с величайшим вниманием к показу были выставлены все предметы обихода и роскоши, известные древнему миру. Здесь были вышитые вуали, шали, мантии и сандалии из квартала торговцев;^[557] - золотые цепи, нарукавники, браслеты, драгоценные круги для головы, золотые кузнечики, печати, кольца, аграфы, броши, камеи и всевозможные гравированные драгоценные камни, которые составляли достопримечательности квартала ювелиров. Здесь были повозки, нагруженные кувшинами и шкурами, наполненными вином; огромные пирамиды яблок и груш, айвы и гранатов, фиников и слив, вишен и шелковицы, черной и белой, виноградные гроздья всех оттенков, апельсины и лимоны, фиолетовые фиги, дыни и арбузы.^[558]

К ним примыкали прилавки зеленщиков, например, Евхариды^[559], где в изобилии были представлены все овощи, выращенные в огороде и на полях; среди которых были трюфели всех видов,^[560] с корнями тмина^[561] и зубчатым латуком, который ели так же, как египетские бобы^[562] и папирус,^[563] редис,^[564] длинный и круглый, пучки репы,^[565] спаржа, брокколи,^[566]

головки чеснока, и летний чабер, для бедных, все виды бобов и гороха, вербена^[567] для очищения и амулетов, веточки дикого мирта вместо спаржи,^[568] побеги черного бриония,^[569] кипрей, который следует варить с овощами для придания им нежности, пучки дикой смоковницы, которые использовались для говядины,^[570] козья борода, клематис для приправы,^[571] с пучками листьев вяза, обычно используемых в качестве овоща.^[572] Рядом с ними, вероятно, находились лавки торговцев цветами,^[573] где гирлянды самых богатых цветов и ароматов были готовы для венка на лоб,^[574] некоторые из них были выращены тщательной культурой в садах, а другие собраны там, где они росли в диком виде женщинами, которые в мирное время распространяли себя по всей стране для этой цели в войсках.^[575] В одном углу стояли толпы лошадей, ослов и мулов: готовых к осмотру зубов покупателями,^[577] или группы молодых рабов со всех концов света. В другом, возле высоченного тополя,^[578] стоял аукционный рынок, где с молотка уходили товары всех видов,^[579] включая даже библиотеки,^[580]. Неподалеку, возможно, стояли заманчивые лавки капелланов, которые поставляли для кухни афинян окорока, колбасы и черные пудинги,^[581] и соленья, и сыр, и консервированные фрукты, и пряности с самого дальнего Востока. Здесь были продавцы^[582] соленого мяса и рыбы с Черного моря,^[583] - лавки игрушек и обойщиков, а толпы людей, заполнявшие проходы, то и дело вынуждены были освобождать место для вереницы ослов^[584], груженых овощами или дровами из Парнеса или Китерона, с торчащими с обеих сторон концами, угрожавшими глазам покупателей. Иногда носильщик,^[585] с деревянным узлом на плечах, нес, подобно Протагору, груз пихт, размеры которых поражали зрителей. Иногда на углу улицы, ведущей от Элевсинских ворот, можно было увидеть полуголодного мегарейца^[586], пробирающегося сквозь толпу и несущего с собой свиней-сосунов, и левреток, и огурцы, и соленую рыбу, и чеснок,^[587] которые, если их замечали агораномы, в военное время изымались как контрабанда. С другой стороны, широколицый веселый беотиец^[588] приезжал, ухмыляясь и скалясь, как неаполитанец, с мулами, нагруженными диким майораном, пеннироялом, съедобными овцами, циновками, миноги, птицы,^[589] утки, саранча, галки, франколины,^[590] лысухи, гагары, гуси, зайцы, лисы, кроты, ежи, кошки, пиктиды, выдры и угри, из озера Копайса. Здесь же рядами стояли черные, как трубочисты, продавцы древесного угля из Ахарнаэ, перед которыми громоздились маллекины и камышовые корзины.^[591] Здесь же кукурузники,^[592] окруженные грудями мешков, отмеряли зерно, а орда оборванных спермоголовых^[593] вилась вокруг, чтобы собрать то, что упадет. Неподалеку стояли мукомолы, каждый возле своего огромного деревянного корыта,^[594] из которого он отмерял муку или ячменную муку для покупателей. За ними располагались лавки рыботорговцев,^[595] продавцов огней^[596] и блестящие кувшины торговцев маслом, нагроможденные до самой крыши будок. В других рядах располагались лавки гончаров^[597], где были выставлены всевозможные кувшины, вазы и супницы, а также сосуды из стекла, бронзы и слоновой кости. То тут, то там, пробираясь сквозь толпу, вы видели торговца^[598] с его упаковкой мелких товаров, лоточника, плачущего о рыбе или фруктах,^[599] или овощах, или колбасах, или дикой птице, разложенных на доске на его голове; женщина-продавец хлеба с множеством тонких булок и пирожных, разложенных на подносе; кондитерша со сладостями; цветочница с букетами свежих фиалок с лугов Колоноса и берегов Эриданоса и Кефисса. Укрывшись от теплых лучей солнца, под великолепной мраморной колоннадой или портиком какого-нибудь храма или часовни, сидели целые толпы флейтисток, кифаристок или танцовщиц,^[600] зазывая вперед, время от времени, в ожидании, когда их наймут на вечеринку, из их инструментов доносились звуки музыки, или они напевали военную песню, или палладианский гимн, или веселый схолион - любимые частушки афинского народа. Рядом с ними, как люди одной породы, занимали свои позиции жонглеры, повара и паразиты^[601]; первые двое были готовы наняться на день к устроителю какого-нибудь великолепного развлечения, вторые - чтобы узнать, в каком направлении им предстоит

заниматься своим ремеслом и выудить ужин без посторонней помощи. Рядом с Эврисфеем возвышался холм Агоры, называемый^[602] или Мистиос, потому что слуги, оставшиеся без хозяина, собирались там, чтобы наняться, как это до сих пор происходит на ярмарках в большинстве районов Англии. Где-то поблизости находились лавки тех маклеров, которые сдавали кастрюли и сковородки, лампы и тарелки, а также более изысканную посуду тем, кто был слишком бережлив, чтобы держать такие предметы у себя.^[603] Посреди этого изобилия товаров в любое время дня можно было увидеть толпы хорошо одетых людей^[604], которые прогуливались туда-сюда, болтая друг с другом, удешевляя товары лавочников, или смеясь и шутя с цветочницами или флейтистками. В другое время отдельные люди, ни в коем случае не заслуживающие названия бездельников, приходили сюда либо для того, чтобы выставить счет^[605] за найденную вещь, либо в поисках информации о потерянной вещи, либо из таких счетов или от глашатаев, которые имели обыкновение объявлять о кладах или кричать, что такая-то вещь ушла от своего законного владельца. Время от времени люди объявляли глашатаям, какие товары у них есть на продажу.^[606] Знатные молодые люди, когда уставали от этих прогулок, уходили в лавку парфюмера, цирюльника, оружейника или уздечного мастера,^[607] с видом на шумную сцену, где обсуждали глупости или политику, в зависимости от своего настроения. Сюда же приходили философы, чтобы внушить патриотические и мужественные чувства будущим правителям демократии; так что в одно время можно было увидеть Сократа, Алкивиада, Крития, Херифона и Крито, Хармида и божественного Платона, ведущих оживленные диалоги, эхо которых до сих пор сладко звенит в ушах потомков. В некоторых лавках напротив них, как бы желая соперничать или затмить их, или вокруг одного из зонтиков^[608], под которыми на возвышенной платформе парфюмеры раздавали свои товары на агоре, стояла группа софистов со своими последователями, Гиппий из Элиды, Продикос из Коса, агригентин Полос или Горгий из Леонтии, одетые в пурпурные одежды, расшитые жилеты, сандалии с цветами и со сверкающими золотыми коронами на головах. Однако даже их витиеватые речи не могли привлечь внимания слушателей, когда конные юноши,^[609] на своих колесницах и в военном строю, проносились по внешнему кругу агоры, выражая благочестивое почтение каждому божеству, чей фантом они проходили. Здесь же в будущем веке можно было бы увидеть, как оратор Эскинес с раскинутыми руками и модной маленькой шляпой^[610], задорно надвинутой на одну сторону головы, осыпает Демосфена бранью и ратует за Филиппа. И здесь же, в ночь после падения Элатеи, наблюдалась совсем другая сцена, когда граждане со всех сторон Кекропийской скалы в дикой тревоге бросились сюда и, не задумываясь о том, что делают, или по неосмотрительной поспешности, подожгли сараи и будки, чтобы найти свободное место для обсуждения общественной безопасности.

Как существовало определенное сословие богов, управлявших рынком, так и были приняты особые законы, регулирующие его деятельность, и назначены магистраты, призванные приводить эти законы в исполнение. Эти служители содружества, пять в городе и пять в Пирее, назывались агораномойи, и целый день ходили туда-сюда, вооруженные кнутами со множеством ремешков,^[611] среди толпы покупателей и продавцов, чтобы сохранить спокойствие на рынке и предотвратить или наказать те мелкие акты мошенничества и несправедливости, к которым слишком часто во всех странах пристращаются люди, живущие за счет скромной торговли. Так, мы видим, что не только виноградари, но даже кукурузники придерживались мелких мер;^[612] хотя, поскольку существовал общественный счетчик, назначенный государством, только тогда, когда покупатели пренебрегали его

услугами, они становились открытыми для такого рода навязывания. Капелланов, уличенных в мошенничестве или ином неподобающем поведении, агораномы бичевали на месте; надо полагать, что в случае необходимости к этим офицерам присоединялся отряд мощной и бдительной скифской полиции, в одно время насчитывавшей тысячу человек, которую Афины постоянно содержали и которая раньше разбивала свои палатки на агоре.^[613] Другой обязанностью агораномов^[614] был сбор пошлин, которые платили беотийцы, эгинеты или мегарейцы за товары, которые они привозили на афинский рынок. Следует, однако, заметить, что ни кукуруза, ни хлеб, по крайней мере в более поздние времена, не находились под надзором этих магистратов, поскольку существовали другие, называемые ситофилаксами,^[615] в чьи обязанности входило следить за тем, чтобы население не было обмануто в таких товарах. Число этих должностных лиц, сначала три, затем было увеличено до пятнадцати, из которых десять управляли городским кукурузным рынком, а пять - портовым, где Перикл построил портик^[616] для особого пользования торговцев кукурузой и мукой.

О ценах на товары^[617] наши сведения крайне неполны: говорят, однако, что бык во времена Солона продавался за пять драхм,^[618] овца - за одну; примерно в тот же период первое животное продавалось в Риме за сто оболов, а второе - за десять. В более поздние и, как говорят, более процветающие эпохи государства, овца, в зависимости от ее возраста, размера и породы, стоила от десяти до двадцати драхм, бык - от пятидесяти до ста. Цена прекрасной седловой лошади в эпоху Перикла составляла двенадцать мин, или около пятидесяти фунтов стерлингов,^[619] а обычное тяговое животное можно было приобрести за три мин. Цена в тринадцать талантов, которую Александр заплатил за Буцефала, была просто произволом. Ярмо мулов продавалось от пяти до восьми мин; ослы иногда за тридцать драхм;^[620] молочный поросенок за три драхмы;^[621] голубь или ворона стоили три обола; галка или куропатка - один обол, хотя философ Аристипп предпочитал давать пятьдесят драхм за одну такую птицу; семь зябликов за один обол. Оливки стоили две чалхи, а котиль лучшего аттического меда - пять драхм.

Веса и меры^[622], которые были в употреблении в Афинах, - талант (65 фунтов 12 двенадцати фунтов 5 гр.), равный шестидесяти минам; мина (1 фунт 1 унция 4 гр.) равна ста драхмам; драхма (6 дв. 2 гр.) равна шести оболам; обол (9 гр.) равен трем кератиям; керенция^[623] трем зернам. Афинские сухие меры - медимнос, равный шести гектеям;^[624] гектей, равный двум гемигектеям; гемигектон, равный четырем хеникам; хеник, равный двум ксестам; xestes, равный двум cotylæ; cotyla, равный четырем oxybapha; oxybaphon, равный одному cyathos с половиной;^[625] cyathos, равный десяти cochlearia.

Из других мер, встречающихся у древних авторов, стоит упомянуть персидскую артабе,^[626] (hodie ardeb), которая превышала аттическую медимну примерно на три ченика; акане,^[627] также персидская мера, равная сорока пяти аттическим медимноям или беотийской мере, равной двум бушелям; аддикс^[628], равный четырем хеникам; дадикс^[629] - шести; капите - двум; марис - шести котилеям,^[630] кофинос, беотийская мера, - трем хоз.^[631]

389. Лорд Бэкон, чьи мнения были основаны главным образом на изучении античности, замечает, вслед за Платоном и Аристотелем, что военные народы всегда будут склонны к праздности, и им следует скорее потакать, чем делать что-либо иное. Essays, p. 79. Но и афиняне, и римляне были трудолюбивым народом, и лучших солдат никогда не знали. Лучшие солдаты в английской армии набираются из центральных провинций, где

промышленность наиболее развита, а трудолюбивые норманны - лучшие войска во Франции. Cp. Plut. Ages. § 26.

390. Plut. Lycurg. § 24.

391. Диог. Laert. i. ii. § 53. Plut. Sol. §§ 22. 31. Herod. ii. 177. Pollux. viii. 40. Ælian. Var. Hist. iv. 1.

392. Poll. viii. 40. Plut. Sol. § 17.

393. В "Жизни Перикла" Плутарха есть очень примечательный отрывок, описывающий постоянную занятость и изобилие, которые распространялись по городу благодаря политике этого великого государственного деятеля. Что касается механиков и людей низшего сорта, то они не оставались без своей доли общественных денег и не получали их для поддержания безделья. Возводя большие здания, требующие многих искусств и долгого времени для их завершения, они имели равные права на вознаграждение из казны (хотя и не выходили из города) с мореплавателями, солдатами и гарнизонами. Ведь различные материалы, такие как камень, латунь, слоновая кость, золото, черное дерево и кипарис, давали работу плотникам, каменщикам, мангальщикам, золотых дел мастерам, художникам, токарям и другим ремесленникам; Перевозка их по морю давала работу купцам и морякам, а по суше - колесникам, колесничим, перевозчикам, канатчикам, кожевникам, павильонщикам и железоделателям; и в каждом искусстве было множество низших людей, распределенных в соответствующем подчинении для его выполнения, как солдаты под командованием генерала. Таким образом, благодаря занятиям этими различными ремеслами, изобилие распространялось среди людей любого ранга и состояния. § 12. Англ. перевод.

394. Aristoph. Ran. 761, ibique Schol. Cp. Meurs. Them. Att. p. 106.

395. Cp. Legg. Att. vi. 6. 426, c Meurs. Gr. Feriat. p. 274, sqq.

396. Cp. Winkelm. Hist. de l'Art, i. 28. Meurs. Gr. Fer. v. Δαίδαλα. p. 74, sqq.

397. Athen. xii. 22.

398. Plut. Sol. § 22.

399. Demosth. cont. Eubul. § 10.

400. Athen. xiii. 94. xv. 34.

401. На Пелопоннесе мы видим, что странствующие иктиополисты имели обычай носить рыбу в корзинах, вероятно, подвешенных к обоим концам грубого шеста (τραχεῖ α ᾠσίλλα), перекинутого через плечи. Об этом говорится в олимпийской надписи, частично сохранившейся у Аристотеля. Rhet. i. 7.

402. Casaub. ad Theoph. Charact. p. 185. Об оседлых ремеслах см. Poll. i. 51, и Muret, ad Arist. Eth. p. 63.

403. Demosth. in Eubulid. § 10. Считается, что лидийцы были первыми розничными торговцами. Herod. i. 94. Cp. Huet, Hist. of Commerce, p. 52.

404. Demosth. in Timocrat. § 32. Ulpian ad loc. Arist. Polit. ii. 11. p. 55. Bekk. Petit, Legg. Att. p. 425. Potter, i. 199.

405. Repub. ii. § 11. Stallb. Cp. iii. § 7. В "Законах" он излагает эти причины более убедительно, т. viii. p. 110.

406. Repub. iv. 2. Stallb.

407. Cp. Plut. Sol. § 23.

408. Младший Илген, например, написал умную работу, в которой он пытается доказать существование системы каст в афинском обществе. Вначале он рассказывает о четырех древних племенах и объясняет присвоенные им названия: Γελέοντες или Τελέοντες, Ἀργαδεῖς, Αἰγικореῖς и Ὀπλητες, чтобы обозначить занятия, которыми занимались члены этих племен. Сделав это, он делает вывод: "Quod si verum est, - говорит он, - efficitur, Tribus hasce nihil aliud fuisse, quàm ordines variis negotiis distinctos et separatos, quales apud Ægyptos et Indos cognovimus, et quos Lusitano vocabulo Castas appellare solemus. Tale vero institutum num apud Atticos exstiterit, multum à viris doctis est dubitatum. At licet sint, quæ in contrariam sententiam aliquem ducere possint, tamen argumenta, quæ revera Tribus castis orientalibus similes fuisse suadent, tam sunt et multa et gravia, ut non debeat dubitari." Disquisit. de Trib. Att. p. 8, seq.

409. Harpocrat. in v. Apollod. iii. 15. 1. Bossier, de Gent. et Famil. Att. Sacerd. p. 5, seq.

410. Plut. Alcib. § 34.

411. Плут. Præsept. Conjug. § 42.

412. См. "Хинду", т. I. с. 111 и далее.

413. Однако, когда их отдавали другим хозяевам, составлялся договор, соответствующий нашим договорам, в котором указывалось, чему их должны учить. Ксеноф. De Vectig. ii. 2. Еще одно сходство с нашими нравами можно обнаружить в практике выдачи премий ученикам, даже в случае с профессией врача. Plat. Menon. t. iii. p. 369.

414. De Repub. v. c. 14. Stallb.

415. Herod. vi. 60.

416. Мурет, в Arist. Ethic. i. p. 63. Плутарх, в целом рассудительный и мудрый в своих высказываниях, демонстрирует недвусмысленные признаки своей бёотской души, пытаясь в одной из частей своих трудов причислить даже поэзию и скульптуру к вещам, недостойным тех, кто ими занимался: 'Η δ' αὐτουργία τῶν ταπεινῶν, τῆς εἰς τάτα καλὰ ραθυμίας μάρτυρα τὸν ἐν τοῖς ἀχρήστοις πόνον παρέχεται καθ' αὐτῆς- καὶ οὐδεὶς εὐφυὴς νέος, ἢ τὸν ἐν Πίσῃ θεασάμενος Δία, γενέσθαι φειδίας ἐπεθύμησεν, ἢ τὴν Ἥραν τὴν ἐν Ἀργεῖ, Πολύκλειτος, οὐδ' Ἀνακρέων, ἢ Φιλήμων, ἢ Ἀρχίλοχος, ἥσθεῖς αὐτῶν τοῖς ποιήμασιν. Οὐ γὰρ ἀναγκαῖον, εἰ τέρπει τὸ ἔργον ὥς χάριεν, ἄξιον σπουδῆς εἶναι τὸν εἰργασμένον. Вит. Перикл. § 2.

417. См. статую рыбака, Британский музей, Галерея древностей, зал vi. No. 45, а рассказ об их работе - в Pollux. i. 96, sqq. Лукиан несколькими штрихами рисует страдания этого жалкого племени, забрасывающего сети, энергично работающего, а затем поднимающего большой камень или глиняный горшок, полный песка, подобно бедному рыбаку в "Арабских ночах". Гермот. § 65. Тот же автор рассказывает о девяностолетнем полуслепом нищем, который частично зарабатывал себе на жизнь удочкой и леской. Dial. Mort. xxvii. § 9. Лица этой касты иногда из-за бедности совершали святотатство. Jur. Trag. § 25.

418. Eidyll. xxi. 6, sqq.

419. Схол. Аристоф. Eq. 313, conf. ad 361. 862. Перевозка людей в Саламин и обратно давала работу выносливым и искусным паромщикам, деятельность которых была признана достаточно важной, чтобы стать предметом солонского закона: Εάν τις τῶν πορθμέων τῶν εἰς

Σαλαμῖνα πορθμευόντων ἄκων ἐν τῷ πόρῳ πλοῖον ἀνατρέψῃ, τοῦτῳ μὴ ἐξεῖναι πάλιν πορθμεῖ γενέσθαι. Petit, Leg. Att. v. 6. p. 427. Æschin. cont. Ctesiph. § 49. Монтень, говоря о противоречивых обычаях разных народов, замечает по поводу платы за проезд: "Les Romains payoient ce qui estoit deu aux bateliers, pour leur naulage (деньги за проезд) dès l'entrée du bateau, ce que nous faisons après estre rendu à port:

Dum æs exigitur, dum mula ligatur,

Tota abit hora. "[hora](#)".

(Horat. l. 5. 13, seq.) Essais. t. iii. p. 173. К этому отрывку Кост сделал следующее примечание: "В Голландии платят в бато, на расстоянии миль от места, куда едут". Это последнее правило, как известно большинству, было принято на наших прибрежных пароходах.

420. Athen. i. 49, seq.

421. Ср. Plat. De Rep. t. vi. p. 79. Президент Гоетт сокрушается по поводу крайнего невежества древних в области полезных искусств. Orig. des Lois, t. v. p. 174.

422. Gouget, Orig. des Lois, i. 208, seq. 221. iii. 380. Бекман, История изобретений, i. 227, и далее. Ср. Schol. Aristoph. Pac. 580. Equit. 803.

423. Schol. Аристоф. Vesp. 924.

424. Были среди древних и такие, которые приписывали изобретение мельниц пеласгийцу Милесу, сыну Лелекса, вероятно, для того, чтобы иметь героя, от имени которого можно было бы удобно вывести слово μυλῶν. - Ἀπ' αὐτοῦ (τοῦ ἱεροῦ Ποσειδῶνος) προελθόντι ὡς ἐπὶ τὸ Ταῦγετον ὀνομάζουσιν Ἀλεσίης χωρίον, Μύλητα τὸν Λέλεγος πρῶτον ἀνθρώπων μύλην τε εὐρεῖν λέγοντες καὶ ἐν ταῖς Ἀλεσίαις ταύταις ἀλέσαι. Paus. iii. 20. 2. Согласно Гесихию (v. Μυλᾶς), этот герой Милес или Милас был одним из тельхинов: Μυλᾶς, εἷς τῶν Τελχίνων, ὃς τὰ ἐν Καμείρῳ ἱέρα Μυλαντείων ἰδρύσατο. Традиция, приписывающая этому человеку изобретение мельниц, передается Стефаном так: Μυλαντία, ἄκρα ἐν Καμείρῳ τῆς Ῥόδου. Μυλάντιοι, θεοὶ ἐπιμύλιοι. ἀπὸ Μύλαντος ἀμφότερα, τοῦ καὶ πρώτου εὐρόντος ἐν τῷ βίῳ τὴν τοῦ μύλου χρῆσιν. De Urb. et Popul. p. 570, seq. где мы видим умелые и научные заметки Беркелиуса.

425. Которые очень часто пели на своих работах". Schol. Aristoph. Nub. 1339. Plut. Conviv. Sept. Sap. § 45.

426. Poll. i. 80, сообщает нам, что σιτοποικῆς οἶκος использовался в качестве своеобразного эвфемизма для μυλῶν.

427. Ср. Schol. Аристоф. Eq. 253. Водяные мельницы были известны в древности. Vitruv. x. 10. Демпстер о Розине. i. 14. p. 87. Pignor. de Serv. 248. Эти мельницы, несомненно, требовались во время войны, когда солдаты брали с собой большое количество сыра и муки. Schol. Aristoph. Pac. 304. Древние, по-видимому, были равнодушны к маленькому хлебу, поскольку из одного куска муки иногда делали четыре или даже восемь буханок. Schol. Vesp. 440.

428. Клеанф, ученик Зенона, зарабатывал себе на пропитание тем, что черпал воду по ночам. Suidas, in v. t. i. p. 1467. b.

429. Афины. iv. 65.

430. Лукиан. Luc. siv. Asin. § 41. Tim. § 23.

431. Ср. Диоскорид. ii. 107. Schol. Аристоф. Nub. 952; и Athen. iii. 83.
432. Плин. xviii. 28. Goguet, i. 211. Sch. Aristoph. Βεσπ. 164.
433. Τὸ ἐργαλεῖον ἐν ᾧ τὰ ἄλευρα διεσθήετο, τὸ μὲν ἐκ σχοίνων πλέγμα, κόσκινον- εἰ δὲ τῷ κοσκίνου κύκλῳ ἀντὶ τοῦ σχοίνου λινοῦν τι σινδόνιον εἴη ἐξηρημένον, ὡς ἀκριβέστερον τὸ ἄλευρον καθαίροιτο, ἄλευρότησις ἐκαλεῖτο- ἡ δὲ ἐξ ἐρίου, κρησέρα. Poll. Οηομαστ. vi. 74.
434. Suid. v. Νοστος. t. i. p. 241. Athen. xiv. 10. Hesych. v. Εὐνοστος. Eustath. ad Il. β. 162. 21. Ad Odys. γ. 754. 50. Etym. Mag. 394. 3. Poll. vii. 180.
435. Из трехмесячной летней пшеницы делали прекрасный легкий хлеб. Dioscor. ii. 107. Другие говорят об этой пшенице как о требующей четырех месяцев для созревания: Οἱ σιτάνιοι ἄρτοι, ἐκ τῶν σιτανίων πυρῶν, οἳ εἰσὶν οἱ τετράμηνοι Poll. vi. 73.
436. Schol. Aristoph. Eq. 816.
437. Диоскорид. ii. 119, и далее. 113, sqq. Poll. i. 248. Schol. Аристоф. Acharn. 1057. Ирод. ii. 36.
438. Theoph. Hist. Plant. iv. 88.
439. Ἀσοόδέλος. Id. Hist. Plant. vii. 13. 3. Ср. Гесиод. Opp. et Dies, 41. Plin. xxi. 68. В некоторых странах Леванта даже финики превращались в подобие хлеба. Theoph. Hist. Plant. i. 6. 10.
440. Φάσανον. Theoph. Hist. Plant. vii. 12. 3. В своем пристрастии к корням современные греки, похоже, равны своим предкам: "Ce qui a donné lieu au proverbe, qui dit que les Grecs s'engraissent où les ânes meurent de faim: cela est vrai à la lettre, les ânes ne mangent que les feuilles des plantes, et les Grecs emportent jusques à la racine." Tournefort, t. i. p. 106.
441. Ὀρνιθόγαλον. Dioscor. ii. 174.
442. Μελανθίον. Id. iii. 93.
443. Τριβόλος. Id. iv. 15.
444. Mathée, Notes sur Dioscoride, p. 348.
445. Δρακόντιον. Dioscorid. ii. 196.
446. Id. iv. 65.
447. Афины. iii. 83.
448. Лукиан. Демон. §§ 23. 63.
449. Афины. iii. 77. В настоящее время греческие пекари пользуются наибольшим спросом во всем Леванте. Вольф, Миссия. Research. p. 12. Антифан в своей "Омфале" также прославляет афинских пекарей. Athen. iii. 78. А Платон в "Горгиях", т. iii. с. 154, поминает Феариона, который преуспел в этом искусстве. О древних хлебных мешках - Casaub. ad Theoph. Char. 297.
450. Athen. iii. 77.
451. Schol. Аристоф. Nub. 660, 666.
452. Пироги из квасного хлеба назывались ζυμίται, а из пресного - ἄζυμοι. Poll. vi. 32.
453. Schol. Аристоф. Acharn. 86.

454. Poll. vi. 75. Цетц. Чилиад. vii. 770.

455. Athen. iii. 76. Некоторые из них считались настолько деликатными, что вызывали аппетит и избавляли от пьянства, 74. В Афинах одним из самых процветающих отделов пекарни было снабжение флотов и торговых судов печеньем, ἄρτοι ναυτικοὶ ξηροὶ, образец которого моряк преподносит своей хозяйке. Luc. Dial. Meret. xiv. § 2. Cp. Poll. vii. 23. Athen. iii. 74.

456. Athen. iii. 74.

457. Poll. vi. 75. Цетц. Чилиад. vii. 770.

458. Poll. iii. 41.

459. Афины. xiv. 51, sqq.

460. Афины. xiv. 55.

461. Id. xiv. 57.

462. Ἀμπελίδες ἃς νῦν ἀμπελιῶνας ἀμπελιῶνας καλοῦσιν. Poll. vi. 52.

463. Συκαλίδες. Aristot. Hist. Anim. viii. 3. ix. 49.

464. Poll. vi. 77.

465. Афины. xiv. 55.

466. Афины. xiv. 56.

467. Poll. vi. 76.

468. Афины. xiv. 56.

469. Креωπώλης. Мясники назывались также μαγείροι креωδαίτας и креουργοὶ. Poll. vii. 25.

470. Athen. xiii. 43.

471. Иасон из Фере однажды возбудил среди фессалийских городов спор о том, кто из них должен поставлять лучшего вола: Ἐκήρυξε δὲ καὶ νικητήριον χρυσοῦν στέφανον ἔσεσθαι, εἴ τις τῶν πόλεων βοῦν ἡγεμόνα κάλλιστον τῷ θεῷ θρέψει. Ксеноф. Hellen. vi. 4. 29.

472. Poll. ix. 48.

473. Афины. xiii. 23. Плут. Dem. § 12 Id. Dion. § 1.

474. Poll. vii. 25. Suid. v. κρεάγρα, t. i. p. 1521, seq.

475. Среди римлян в старые добрые времена республики господа сами убивали свое мясо. "Suis enim fundum colit nostrum, quin sues habeat, et qui non audieret patres nostros dicere, ignavum, et sumptuosum esse, qui succidiam in carnario suspenderit potius ab lanuario, quam ex domestico fundo?" Varro, De Re Rust. ii. 4. От того же автора (ii. 9) мы узнаем, что древние, как и современные мясники, любили, чтобы их сопровождали большие свирепые собаки, которых он советует избегать пастухам, когда они ищут помощника для своих стад.

476. Schol. Aristoph. Pac. 359.

477. У дверей этих заведений, вероятно, как и в Помпеях, были отверстия, проделанные в камнях тротуара, значительно приподнятых над дорогой, чтобы принимать поводья лошадей или мулов. Hamilton, *Discov. at Pomp.* p. 12.

478. Casaub. ad Theoph. Char. p. 244, seq. Athen. x. 38.

479. Ср. Schol. Aristoph. Thesm. 744.

480. Другие обманывали своих клиентов, смешивая баранину с козленком. Schol. Arist. Eq. 1396.

481. Athen. xiii. 43.

482. Athen. iii. 97. Prodic. ap. Xen. Mem. ii. 1. 30.

483. Athen. iii. 97.

484. Σῆμος δὲ ὁ Δήλιος ἐν δευτέρῳ Νησιάδος, ἐν Κιμώλῳ τῇ νήσῳ φησὶ α κατεσκευάσθαι θέρους ὀρυκτὰ, ἔνθα χλιεροῦ ὕδατος πλήρη κεράμια καταθέντες, ὕστερον κομίζονται χιόνος οὐδὲν διάφορα. Athen. iii. 96. Эти охладители стали необходимы из-за полного отсутствия источников на острове, жители которого полностью зависят от воды, которую они могут сохранить в ямах и цистернах. Tournefort, t. i. p. 170.

485. Но см. Beckmann, iii. 327.

486. Аристоф. Av. 799. В более поздние времена эти фляги назывались φλασκία, откуда и современное название. Suid. v. πυτίνη, t. ii. p. 672. d. Мы видим, что они, как и корзины, часто были работой заключенных, которые, вероятно, таким образом зарабатывали себе на жизнь. Hesych. v. πυτίνη πλεκτή. Ср. Suid. v. Διῖτρεφης, i. 729. В погребках Помпеи вдоль стен были найдены кувшины для вина без пробок, вместо которых, вероятно, наливали немного масла, как сейчас в Италии. Hamilton, *Discov. at Pomp.* p. 15.

487. Eisenschmid. de Pond. et Mens. Vet. p. 166.

488. Ср. Bœckh. Pub. Econ. i. p. 133.

489. Vid. Athen. iii. 86.

490. Афины. xi. 47. Ср. iii. 86.

491. Афины. x. 25. Poll. vi. 21.

492. Ср. Schol. Аристоф. Vesp. 1005. 878.

493. Conf. Beckmann, Hist. Invent. i. 402. sqq. Диоскор. v. 125.

494.

Α. Ἐν τοῖς συμποσίοισιν οὐ πίνειτ. ’

Ἄκρατον. S. Οὐ γὰρ ῥάδιον- πωλοῦσι γὰρ

Ἐν ταῖς ἀμάξαις εὐθέως κεκραμένων-

Οὐχ ἵνα τι κερδαίνωσι, τῶν δ’ ὠνούμενων

Προνοοῦμενοι τοῦ τὰς κεφαλὰς ὑγιεῖς ἔχειν

Ἐκ κραιπάλης.

Alex. ap. Athen. x. 38.

495. Греки давали причудливые названия своим винам и кубкам; но англичане были еще более причудливы в названиях своих элей. См. Бент. Dissert. on Phalaris, i. pref. xxi.

496. Xen. Hellen. vi. 6. 6. Athen. i. 24.

497. Athen. vii. 9. i. 55. Plut. Alcib. § 12.

498. Athen. i. 55.

499. Schol. Аристоф. Eq. 107. Etym. Mag. 683. 30, seq.

500. Il. η. 467, sqq.

501. Poll. vi. 15. x. 72.

502. Schol. Аристоф. Vesp. 151; и Thurian. Nub. 331.

503. Suid. v. Κατν. t. i. p. 1370.

504. Dioscor. v. 10.

505. "Район Кидонии, должно быть, славился своим вином в древние времена, поскольку на многих его монетах мы находим виноградную гроздь или голову Диониса. На некоторых из них также изображена женская голова, украшенная венком из виноградных листьев. Я нашел прекрасную серебряную монету Кидонии у переводчика французского консульства, и женская голова, изображенная на ее аверсе, была украшена таким образом". Pashley, Travels in Crete, vol. i. p. 23.

506. Athen. i. 95, seq.

507. Id. viii. 67.

508. Id. i. 25.

509. Аристоф. Lysist. 196. Athen. x. 37. i. 24. Poll. vi. 15.

510. Диоскор. v. 43.

511. Schol. Аристоф. Acharn. 189. 643.

512. Диоскор. т. 48.

513. Id. v. 10. 27. Athen. i. 24.

514. Aristot. De Mirab. Auscult. t. xvi. p. 185. Tauchnitz.-Max. Tyr. Dissert. xi. p. 138.

Приготовление этого восхитительного напитка - самый простой процесс, который только можно себе представить. Говоря об ингушах, "превосходный мед, который они производят, - замечает Паллас, он частично превращается в медовуху, предварительно разбавленную кипятком; частично используется с перебродившей жидкостью, сделанной из проса и

называемой бузой, а частично съедается за десертом". Путешествия по Южной России, ii. 204.

515. Плин. xiv. 20. Beckmann, Hist. of Invent. iii. 373.

516. Dioscor. v. 31. Врач замечает об этом напитке: - ἡ χρῆσις δ' αὐτοῦ μετ' ἐνιαυτόν.

517. Pallad. iii. 25. Colum. xii. 45. Dioscor. v. 32.

518. Пальмовое вино из Эфиопии, по-видимому, славилось в древности, поскольку небольшой бочонок с ним считался подходящим подарком для персидского царя. Ирод. iii. 20. Plin. xiii. 4. Диод. Сикул. ii. 136.

519. Damm. Lexic. 2224. Cp. Eustath. ad Odyss. ω. t. iii. p. 839. 8, seq. Dioscor. v. 41.

520. Dioscor. v. 28.

521. Ирод. iv. 177. Theoph. Hist. Plant. iv. 3. 2. Вина иногда ароматизировали настоем корня дикой моркови (δαῦκος). Диоскор. v. 70. Существовал напиток под названием βρύτον, с корнями, который иногда заменял вино. Athen. x. 67.

522. Dioscor. v. 34.

523. Id. v. 35.

524. Id. v. 59.

525. Χαμαῖδρυς. Id. v. 51.

526. Dioscor. v. 75.

527. Id. v. 33.

528. Id. v. 49.

529. Id. v. 54.

530. Id. v. 62.

531. Id. v. 26.

532. Id. v. 37.

533. Id. v. 38.

534. Id. v. 39.

535. Id. v. 42.

536. Id. v. 44.

537. Id. v. 47.

538. Id. v. 45.

539. Id. v. 46.

540. Id. v. 45.

541. Dioscor. v. 50.

542. Id. v. 35.

543. Id. iii. 27.

544. Id. v. 7.

545. Athen. i. 47.

546. Это достижение теянец прославляет в одной из своих од, фрагмент которой сохранился у Афиней, xi. 45.

Ἡρίστησα μὲν ἱπρίου λέπτον ἀποκλᾶς,

Οἴνου δ' ἐξέπιον κάδον.

547. Athen. x. 12. i. 61. Dioscor. ii. 110. Gouget. i. 231.

548. Voyages de la Comp. des Indes, i. 62.

549. Ксеноф. Anab. iv. 5.

550. Cp. Plat. de Leg. t. viii. p. 114, seq. De Rep. t. vi. p. 176. Muret. ad Arist. Ethic. p. 415.

551. Schol. Aristoph. Eq. 137. Casaub. ad Theoph. Char. p. 125.

552. Cp. Demosth. cont. Con. § 3.

553. Schol. Aristoph. Eq. 295. Xenoph. de Off. Mag. Eq. iii. 2, с примечанием Шнайдера.- Во всей Греции лицам, которым предназначались особые почести, ставили статуи на агоре, как Теодектесу в Фазелисе. Плут. Alexand. § 17. Статуя рыночного Гермеса стояла возле Стоа Пицилия и обычно была обмазана смолой, что объясняется практикой скульпторов, которые постоянно приходили снимать с нее слепки, используя препарат из этого вещества. Лукиан. Jup. Trag. § 33.

554. Аристоф. Lysist. 678.

555. Casaub. ad. Theoph. Char. p. 349.

556. Poll. vii. 125. О терминах, связанных с поселением и покупкой, и т. д. iii. 124, sqq.

557. Ἰματιόπωλις ἀγορά или σπειρόπωλις Poll. vii. 78. Cp. Xenoph. de Vectigal, iv. 8.

558. См. кн. v. гл. ii.

559. Schol. Аристоф. Весп. 680. Cp. Schol. Aristoph. Nub. 420. Acharn. 166. Eq. 493. Афины. xiii. 22.

560. Schol. Аристоф. Nub. 189. 191. Диоскор. ii. 200.

561. Theoph. Hist. Plant. vi. 4. 8. Dioscor. iii. 76.

562. Dioscor. i. 115.

563. Theoph. Hist. Plant. iv. 1. 4.

564. Theoph. Hist. Plant. vii. 1. 2.

565. Antich. di Ercol. t. ii. p. 52.

566. "Древние были знакомы со свернувшейся капустой и даже с некоторыми из тех видов, которые мы называем *брокколи*. Под этим термином понимают все те виды, многочисленные молодые цветочные головки которых, особенно весной и осенью, можно использовать как цветную капусту. Такие молодые побеги называются *сутаэ*, но не *turiones*, так как последний термин обозначает первые побеги, которые появляются, как у хмеля, спаржи и других эскулентных растений. Брокколи, используемая в настоящее время, была, однако, впервые привезена из Италии во Францию вместе с названием примерно в конце XVI века".

Beckmann, iv. 266.

567. Καλοῦσι δὲ αὐτοὶ ἱερὰν βοτάνην διὰ τὸ εὐχρηστον ἐν τοῖς καθαρμείοις εἶναι εἰς περιάμματα. Dioscor. iv. 71.

568. Ἀντὶ ἀσπαράγου δε οἱ καυλοὶ νεοθαλεῖς λαχανευόμενοι ἐσθίονται. Dioscor. iv. 146.

569. Id. iv. 185.

570. Αἱ δὲ κράδαι βοείοις κρέασι καθεψόμεναι, εὐέψητα ταῦτα ποιοῦσι. Dioscor. i. 184. В Карфагене тот же эффект производит лимонный сок. "Une chose particulière qu'on remarque en cette ville à l'égard des limons, c'est que les habitans ayent cette idée, qu'il ne faut mettre la viande près du feu que trois quarts d'heure, ou une heure avant le repas. В соответствии с этим мнением они никогда не добавляют воду в горшок вместе с жиром, не выливая в темное время суток сок из трех или четырех лимонов, больше или меньше, в зависимости от количества жиров; таким образом, жиры разбавляются и засахариваются настолько хорошо, что их можно подавать на стол в этом пространстве. Эти люди здесь настолько приучены к этой легкости, чтобы оценить свои визианды, что они похожи на европейцев, которые тратят весь день на то, чтобы сделать выбор, который потянет за собой немного времени". Ulloa, Voyage au Pérou. t. i. p. 68.

571. Dioscor. iv. 182.

572. Id. i. 111.

573. Ср. Plut. Arat. § 6. De Pauw, Rech. Phil. sur les Grecs, i. 3. p. 20. Цветы, по-видимому, привозили на рынок в коробах на ослах. Buonaroti, Oss. Istori. sop. alc. Medagl. Antich. p. 385.

574. Schol. Аристоф. Eq. 1320.

575. Schol. Aristoph. Pac. 528.

576. Casaub. ad Theoph. Char. p. 348. В богатых государствах, говорит Ксенофонт, мужчины тратили свои богатства на покупку дорогого оружия, прекрасных лошадей, великолепных домов и мебели, а женщины - на великолепные платья и украшения из золота. De Vectigal. iv. 8.

577. Лукиан, Luc. siv. Asin. § 35.

578. Ср. Casaub. ad Theoph. Char. p. 257, seq.

579. Schol. Аристотель. Eq. 103. Андоцид. De Myrt. § 22.

580. Lucian. adv. Indoct. § 20.

581. Schol. Аристоф. Eq. 364. Athen. xiv. 75. См. лавку мясника в Зоэге, Bassi Rilievi, tav. 28.

582. Ирод. iv. 53. ii. 15. 113.

583. Casaub. ad Theoph. Char. p. 153. Dion Chrysost. i. 236. Cp. Leake, Topog. of Athen. p. 64.

584. Eurip. ap. Poll. x. 112. Cp. Demosth. adv. Phœnip. § 3. Лукиан, Luc. siv. Asin. § 43.

585. Или, возможно, водовозы - этот класс людей был многочисленным в древних городах и отличался наглостью. Элиан. Var. Hist. ix. 17. Даже верблюды, используемые для перевозки воды, более порочны, чем любые другие.

586. Аристоф. Acharn. 532, sqq.

587. Sch. Аристоф. Acharn. 494, 500.

588. Аристоф. Acharn. 860, sqq.

589. См. в Zoëga, Bassi Rilievi, tav. 27, изображение лавки скотовода.

590. Sch. Aristoph. Ran. 257.

591. Id. Acharn. 314.

592. Plat. De Rep. t. vi. p. 83.

593. О численности соответствующего класса в Лондоне я не располагаю точными сведениями; но один современный писатель, проявивший немало любопытства при описании механизма низших ступеней общества во Франции, приводит следующую оценку *шифоньеров* Парижа: - "[Раскрывая](#) основные элементы бедного, но трудового класса, я не могу не обратить внимания на количество шифоньеров, людей, которые относятся к мануфактурам по самой своей природе, по предметам, которые используются в их работе. Эта профессия, которая является одной из самых почетных, несмотря на то, что в целом она внушает страх, особенно привлекает некоторых людей и, прежде всего, детей, поскольку он не требует никакого обучения, и, кроме того, он позволяет тому, кто работает, постоянно блуждать по общественным местам и получать [достойную](#) зарплату . Насчитывается 2000 шифоньеров, а также еще столько же женщин и детей, занимающихся той же профессией, всего 4000". Frégier, Des Classes Dangereuses de la Population dans les Grandes Villes, t. i. p. 27.

594. Τηλία. Schol. Aristoph. Vesp. 147.

595. Athen. vi. 5.

596. Плут. Arat. § 6.

597. Sch. Aristoph. Nub. 318.

598. Cp. Poll. i. 51.

599. Athen. ii. 45. Странствующие рыботорговцы посещали даже сельские дома и деревни, viii. 57. Schol. Аристоф. Av. 13, seq. Eq. 1241, sqq. Вероятно, люди этого класса чаще всего использовали свой рот в качестве кошелька, как сиамцы используют свои уши. Casaub. ad Theoph. Char. p. 194. Aristoph. Vesp. 791. Их корзины обычно были из камыша. Athen. vii. 72. См. их изображение в Antich. di Ercol. t. i. tav. 21. p. 111.

600. Лукиан, Амор. § 10. Plut. Arat. § 6.

601. Poll. ix. 48. Athen. ix. 22.

602. Чандлер, ii. 104.
603. Афины. iv. 58.
604. Лукиан. Bis Accus. § 16. Sch. Arist. Nub. 978.
605. Лукиан. Демон. § 17.
606. Poll. iii. 124.
607. Andocid. De Myst. § 9, с примечанием Рейске. Plut. Timol. § 14.
608. Athen. xiii. 94.
609. Xenoph. de Off. Mag. Eq. iii. 2.
610. Dem. de Fals. Leg. § 72. Cp. Athen. xi. 109. Винкель. Hist. de l'Art. iii. 340.
611. Аристоф. Acharn. 723. Schol. 689. Bekk. Plaut. Captiv. iv. 2. 43. Впоследствии эти магистраты стали называться логистами. Schol. Acharn. 685. Бекк. Cp. Poll. ii. 119. viii. 45. 99. x. 44. У древних был в употреблении ужасный вид кнута, в котором мелкие кости переплетались со стяжками, чтобы сделать удары более болезненными. Лукиан, Luc. siv. Asin. § 38. Poll. x. 54.
612. Аристоф. Eq. 1005.
613. Schol. Аристоф. Acharn. 54.
614. Id. 861.
615. Harpocrat. v. σιτοφύλακες p. 162. Dem. adv. Lept. § 8. Lys. cont. Dardan. § 6.
616. Schol. Аристоф. Acharn. 522.
617. Cp. Bœckh. Pub. Econ. i. 101, sqq. Diog. Laert. vi. 35. Dem. adv. Call. §§ 7. 9. Дионис. Halicarn. i. 100.
618. Плут. Poplic. § 11. Sol. § 23. О низких ценах на провизию в Лузитании во времена Полибия. Athen. viii. 1.
619. Аристоф. Nub. 20. 1226. Lys. adv. Fam. Obtrect. § 4. Некоторые люди довели себя до гибели своим пристрастием к великолепным лошадям. Xenoph. Œcon. iii. 8.
620. Лукиан. Luc. siv. Asin. § 35.
621. Такую же цену иногда давали за копейского угря. Аристоф. Ach. 960, seq. Афины. xiv. 69.
622. Гогет. ii. 196. Ирод. i. 192. Poll. iv. 171. Schol. Аристоф. Nub. 450. Acharn. 108. Точное изображение древней пары чешуек, подвешенных к птичьему билу, см. в Mus. Cortonens. tab. 27.
623. Eisenschmid. De Pond. et Mens. Vet. p. 156.
624. Schol. Aristoph. Nub. 633. Eq. 95.
625. Eisenschmid. p. 168.
626. Athen. xii. 73.

627. Schol. Аристоф. Ахарн. 108.

628. Etym. Mag. 16. 53.-17. 45.

629. Poll. iv. 168.

630. Id. x. 184.

631. Id. iv. 168.

ГЛАВА III.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ПАРФЮМЕРЫ, ЦИРЮЛЬНИКИ, ЮВЕЛИРЫ, ГРАНИЛЬЩИКИ И Т. Д.

Уже отмечалось, что магазины парфюмеров^[632] в большинстве своем располагались на Агоре или в ее окрестностях и часто посещались газетчиками и знатными молодыми людьми. Отсюда следует, что они должны были быть просторными, и очень вероятно, что они были оборудованы со всем вниманием к показухе и элегантности. В них обязательно было множество сидений и стульев для размещения клиентов, и вряд ли можно сомневаться, что различные благовония, духи, масла и эссенции были расставлены на полках вдоль стен в прекрасных кувшинах, вазах из кипрского мрамора и ящиках из алебаstra,^[633] иногда цельных, с сосудами из стекла и серебра,^[634] или тонкой глиняной посуды, или фарфора, или красивых морских раковин.^[635] Прилавки, вероятно, были из мрамора или полированного камня, как в Помпеях; и лавочник был снабжен обычной атрибутикой - весами и гирями,^[636] и мерами, и половниками, и ложками, и лопаточками, как в современное время. Перон, египтянин, владелец одной из таких лавок, считался достаточно значимым, чтобы его имя было передано потомкам.^[637]

По богатству и разнообразию запахов, которыми пользовались древние, можно сделать вывод, что аромат такого заведения в Афинах превосходил благоухание Араби. Ведь каждая земля и каждый растущий сладкий цветок поставляли какие-то ингредиенты в бесконечный запас парфюмера.^[638] Там были ладан, и ладанник, и спикенард,^[639] и мирра, и масла шафрана и корицы,^[640] и майоран,^[641] и пажитник,^[642] и роза,^[643] и гиосциамос,^[644] и девичьи волосы,^[645] и ирис,^[646] и лилии,^[647] и водяная мята, и розмарин, и восточная лиана,^[648] и вакхарис,^[649] и тимьян. По правде говоря, афиняне, которых считали изобретателями всех хороших и полезных вещей,^[650] очень любили роскошь сладких запахов, и поэтому собирали из Сицилии, и Египта, и Финикии, и Лидии, и Вавилонии, и Индии, и Аравии все, что могло сообщить приятный аромат их одежде,^[651] их квартирам, или их бородам. Даже голуби и ласточки, которые прирученно летали по дому, намазывали свои перья пахучими эссенциями, которые они разбрасывали в воздухе своими машущими крыльями.^[652] Эта чрезмерная страсть к благовониям делала любимые изделия из них дорогими, так что одни виды котилы продавались за две или пять мин;^[653] другие - за десять; а гилеадский бальзам даже в той стране, где его собирали, ценился вдвое дороже своего веса в серебре.^[654] Были, однако, и низшие сорта духов, некоторые из которых были достаточно дешевы, поскольку мы видим, что алебастровый ящик, привезенный с Востока, иногда продавался за две драхмы.^[655]

Шафран использовался в качестве благовония.^[656] Залы, суды и театры были пропитаны его запахом,^[657] и статуи^[658] были заставлены течь, как обычные фонтаны, с шафрановой водой.

Из множества других цветов также готовились эссенции и благовония, такие как роза нашей дамы, южное дерево,^[659] виноградные цветы,^[660] нарцисс,^[661] цветок аниса,^[662] высокий тапер, лист бетеля и жасмин, который в Персии использовался на банкетах и в банях.^[663]

При приготовлении благовоний использовалось множество материалов, либо для придания им консистенции, либо для изменения аромата: среди них корень анчуса,^[664] пальмовая спата,^[665] масло,^[666] душистый мох,^[667] и пахучий тростник.^[668]

Некоторые благовония получили свои названия от людей, которые их изобрели, или от мест, откуда они были привезены, хотя другие отличались названиями, которые уже не поддаются объяснению: так, Мегалион или Мегалесиан получил свое название от Мегаллоса, сицилийского парфюмера;^[669] Плангониан - от Планго, женщины-парфюмера из Элиды.^[670] Черная мазь, несомненно, получила свое название от своего цвета; но почему так называется сагдас, неизвестно:^[671] обе они были египетского производства. Из Лидии импортировали Брентион,^[672] а из Вавилонии - Нардон, который оспаривал первенство у царских благовоний. У египтян существовали духи под названием Сурһи,^[673] полностью предназначенные для использования богами, в состав которых входили следующие ингредиенты: киперус, некоторое количество ягод можжевельника, изюм, душистый тростник и камыш, аспалатос, мирра, вино, смола и мед, смешанные в определенных пропорциях и сведенные в тонкую пасту. Аромат роз сохранялся благодаря примеси соли.^[674]

Но парфюмеры торговали не только запахами и эссенциями, в их запасах были всевозможные косметические средства для дам, которые полностью посвящали себя украшению своих лиц,^[675] которые со временем стали полностью искусственными, скорее маской, чем лицом.^[676] Они выбеливали лоб, красили брови, придавая им форму дуги, красили черной краской края век,^[677] делали глаза влажными и яркими с помощью порошка из свинцовой руды, рассыпали по лицу оттенки лилии, смешанные с цветком розы, украшали себя фальшивыми перстнями, меняли желтый цвет на черный, черный на русый,^[678] придавали губам рубиновый оттенок, а зубы бланшировали в слоновую кость. Но псимитион,^[679] (лазурь или белый свинец), который делал их красивыми, подрывал их телосложение и отравлял дыхание. По поводу румян у греков есть очень поэтичная и красивая поговорка: "Она сажает розы на щеках, - говорили они, - которые, подобно розам Локриды, расцветают через час и увядают через меньшее время".

Один из видов румян^[681], по-видимому, получали из разновидности морского мха,^[682] которую некоторые путают с анкусом,^[683] хотя грамматики перечисляют их как совершенно разные вещи. Один из комментаторов предполагает, что имеется в виду *purpurissa*, под которой римляне понимали что-то вроде лака для щек, вермильона или испанской краски. Для бровей использовался пигмент под названием Нурограмма,^[684] а края век подкрашивались в черный цвет Stimmis,^[685] оксидом сурьмы, который до сих пор является одним из предметов женского туалета на Востоке. Иногда брови чернили смоляной сажей,^[686] а ресницы приводили в порядок нафтой,^[687] и пастой, состоящей из клея и толченого мрамора.^[688] Еще одним любопытным косметическим средством был адарсес,^[689] вещество, напоминающее сгущенную пену, которое находили на тростнике и сухих стеблях растений в прудах и болотах Каппадокии. Считалось, что оно выводит веснушки, и пользовалось большим авторитетом в медицине. Препарат, состоящий из муки семян репы, люпина, пшеницы, чернослива и гороха, использовался для очищения кожи; так же поступали с Чианской и Селинусийской землями,^[690] которые удаляли морщины, делали кожу гладкой и сияющей. Они постоянно использовались в банях. Кассия,^[691] мед,^[692] перец,^[693] и мирра,^[694] лечили прыщи и стирали пятна; пажитник^[695] отбеливал руки и устранял солнечные ожоги; бриония,^[696] изинглас,^[697] костос,^[698] гальбанум,^[699] люпины, дождевая

вода,^[700] редис,^[701] и заячья кровь,^[702] бискутелла дидима,^[703] трюфели,^[704] корица,^[705] льняное семя,^[706] ладанум,^[707] корни ириса,^[708] белая чемерица,^[709] сардинский мед,^[710] луковый сок,^[711] и весенняя пшеница, смоченная оксимелем,^[712] были одними из основных препаратов для удаления родинок и веснушек и улучшения состояния кожи. В некоторых частях Греции сок вяза,^[713] который давали при первом распускании листьев весной, использовался для придания лицу чистоты и блеска. Миндальная паста,^[714] также с корнями горького миндального дерева, удаляла пятна с кожи. Другие с той же целью использовали ягоды дикой лозы,^[715] а из лилий готовили пасту, которая вызывала блеск и делала лицо гладким и сияющим.^[716] Для защиты лица от солнца весь лик покрывали яичным белком;^[717] а некоторые женщины, возможно, деревенские, использовали гусиный и куриный жир в качестве косметического средства.^[718] Корни спикенарда, привезенные с Востока, обычно сохраняли в себе немного земли, в которой росло растение:^[719] ее тщательно растирали и, пропустив через мелкое сито, использовали для мытья рук, так как она, вероятно, сохраняла в себе аромат растения. Растертыми в порошок листьями розы посыпали людей, выходящих из ванны, особенно вокруг глаз, чтобы придать лицу свежесть.^[720] Чтобы придать дополнительную сладость своему лицу, греческие дамы иногда носили на шее вместо драгоценных ожерелий карканеты из розовых пастилок^[721], в состав которых, однако, входили и другие ингредиенты, такие как нард, мирра, костос, иллирийский ирис, мед и хианское вино.

Зубочистки^[722] греков состояли главным образом из пурпурной рыбы, обожженной с солью и измельченной в порошок;^[723] арабского камня,^[724] прокаленного подобным образом; и пемзы.^[725] Ассирийское молоко использовалось в качестве полоскания для сохранения зубов.^[726] В качестве зубочисток^[727] чаще всего использовались маленькие кусочки тростника или зеленые ветки чечевицы,^[728] пепел которых также смешивался со всеми видами зубного порошка. Считалось, что лимон,^[729] съеденный в качестве средства от тоски, делает дыхание сладким. Из шафрана готовили мазь, которую, смешав с водой, использовали для возвращения блеска глазам, потерявшим цвет.^[730] Поматум, состоящий из масла и шелухи филбертовых орехов, сожженных и растертых в порошок, использовали в младенчестве для изменения голубых глаз на черные.^[731]

Парикмахеры, которые по месту жительства и репутации были соседями парфюмеров, пользовались примерно такой же репутацией, как и в наши дни. В их лавках фабриковались скандалы, пускались в оборот новости, хорошие и плохие. Именно в цирюльне в Пирее некий незнакомец впервые сообщил о поражении в Сицилии, тем самым навлекая на длинноязыкого бритта величайшие неприятности; поскольку он сразу же побежал в город и дал волю дурной вести, его задержали и подвергли пыткам, чтобы узнать настоящего автора того, что считалось зверской выдумкой.^[732] Но то, что иногда приводило их в затруднительное положение, чаще всего оказывалось источником прибыли, поскольку послушать их смешные истории и анекдоты под их крышами собиралось гораздо больше людей, чем нужно было в новых париках или заколках для завивки волос,^[733] и, возможно, брилось в качестве комплимента хозяину дома. Те из них, кто был на редкость неумел, старались компенсировать свою неловкость^[734] количеством и изяществом бритв, а также большими размерами зеркал.^[735] Но, как нам говорят, нередко мужчины брились у какого-нибудь скромного мастера,^[736] с одной бритвой и хитрой рукой, а затем шли в более щегольские магазины, чтобы привести свои локоны в порядок перед большими зеркалами, украшавшими стены.^[737]

Однако, если судить по дошедшим до нас произведениям искусства, цирюльники Эллады в целом понимали свое дело в совершенстве, поскольку нигде мы не находим более стройных

голов или более тонких локонов, чем на статуях древности.^[738] Однако даже здесь мы обнаруживаем мало следов того разнообразия в способах стрижки и укладки волос,^[739] которым они отличались в первую очередь. Пока они носили бороду^[740], их основным занятием, должно быть, было ее подстригание, завивка и надушивание; но потом, когда люди стали бриться, чтобы выглядеть молодыми,^[741] и научились прикрывать свои лысые попы париками,^[742] их деятельность стала во многом такой же, как и в настоящее время. Их искусство неизбежно пользовалось большим спросом у дам, для которых они придумывали накладные брови,^[743] и бесчисленные краски для придания волосам желаемого цвета, делая их пышными и не давая им сесть. Кабанье сало и даже медвежий жир, смешанный с порошком жженого филберта^[744], были тогда очень востребованы для укрепления и восстановления волос, вместе с луковым соком,^[745] оливки, вымоченные в вине,^[746] мирра,^[747] масло дикой оливы^[748] смешанное с водой, по словам Аристотеля,^[749] клейкая жижа улиток, полученная путем продевания в них иглы, и тут же прикладывают к корням волос,^[750] растертый капустный лист,^[751] превращенную в пепел голову зайца,^[752] пепел корня асфодели,^[753] сожженные лягушки,^[754] и козье копыто,^[755] накийский камень,^[756] халционион,^[757] сожженные грецкие орехи,^[758] и смоляное масло.^[759] Сажа смолы восстановила выпавшие ресницы.^[760] Среди депилирующих препаратов^[761], используемых древними цирюльниками, можно перечислить фумиторию,^[762] сколопендру талассию,^[763] папоротник дубравный,^[764] сок виноградных листьев,^[765] орпимент,^[766] мука из соли,^[767] морская капуста,^[768] и кровь хамелиона.^[769]

Чтобы окрасить локоны в русый цвет,^[770] которым греки очень восхищались, они толкли в ступке листья восточной лианы^[771], а затем, смочив их в соке травы фуллера, наносили это средство на волосы. Тот же эффект давал отвар стеблей лотоса^[772] или травы лициума.^[773] Поскольку черные волосы, однако, получили предпочтение большинства, отчасти^[774] возможно, потому, что они лучше подходили к цвету лица, количество рецептов для придания им этого оттенка очень велико. Среди наиболее примечательных веществ, используемых для этой цели, можно упомянуть ампелит,^[775] черную землю, привезенную из Селевкии в Сирии, и сори,^[776] минерал, найденный главным образом в Египте. К ним можно добавить отвары из лещины,^[777] мирта и ягод мирта,^[778] плюща,^[779] и ягод карликовой ольхи,^[780] шалфей,^[781] шелковица,^[782] и пальмовые листья,^[783] а также кипарисовые шишки, сваренные в уксусе.^[784] В Италии бытовало мнение^[785], что птицы, питавшиеся ягодами смилаксы или тисового дерева, чернели, хотя мы не находим, чтобы парикмахеры думали ввести их в число красок для волос.

Другим классом торговцев, избравших Агору^[786] или ее окрестности для своего местожительства, были ювелиры, серебряники, ювелиры и гранильщики, которые, возможно, имели большее значение в древнем мире, чем в современном,^[787] поскольку в те времена гораздо большее количество драгоценных металлов перерабатывалось в пластины, как для храмов, часовен и святилищ богов,^[788] так и для частных лиц.^[789] Сколько или мало изделий, которые они производили, можно было увидеть в их мастерских в одно и то же время, сейчас невозможно определить; Но если их практика напоминала современную, трудно представить себе большой блеск великолепия^[790], чем тот, что встречал взгляд при входе в их заведения, - где груды золотых и серебряных сосудов^[791] всех форм и размеров, одни - полированные^[792] и простые, другие - с тиснением и всевозможными фигурами в высоком или низком рельефе, третьи - покрытые жемчугом,^[793] или бриллиантами, или украшенные драгоценными камнями^[794] всех оттенков и цветов, от рубина, изумруда и гиацинта до бирюзы, хризопраза, аметиста, берилла и яшмы, поднимались к потолку.

Иногда из пластин изготавливались огромных размеров^[795] цистерны,^[796] или вазы, или треножки, или солонки, или кубки из золота или серебра, подносимые целыми городами или общинами в качестве подношений какому-либо божеству. В этих случаях мастерство очень часто было настолько сложным и изысканным, что стоило дороже материалов. На вздутии вазы или кубка иногда изображались целые пейзажи, включая бесчисленные фигуры и предметы: Вакхические процессии, например, с целыми отрядами сатиров и маенадов, движущихся по лесистой долине, или пустынной горе, или скалистому берегу, по пятам Сейлени и Диониса, группы nereид, нимф и тритонов, резвящихся под теплыми лучами солнца на безмятежном просторе океана; и жертвоприношения, браки, гонки на колесницах, хоругви юношей и девственниц, движущихся по лабиринтам танца вокруг алтаря Аполлона или Артемиды. Именно эллинским ювелирам мы, очевидно, должны приписать и те чудесные произведения искусства, которые считались одним из самых хвастливых владений персидских царей, например, золотую лозу^[797] с ее огромными виноградными гроздьями, имитированными по размеру и цвету самыми драгоценными самоцветами, которая образовывала балдахин над царским диваном, или золотое платанное дерево^[798] и другая виноградная лоза, которая, поднимаясь из-за трона, простирала свои ветви, усики и листья из золота над монархом, когда он сидел в государстве, чтобы дать аудиенцию своему народу. Здесь виноградные гроздья на разных стадиях созревания были представлены изумрудами, индийскими карбункулами и другими драгоценными камнями самых богатых и ослепительных оттенков. Эти вещи, как мы знаем, не принадлежали персам, а были подарены Дарию лидийцем Пифием, который, несомненно, поручил их изготовление греческим художникам. Каковы были точные размеры этого платана, мы не знаем; но, несомненно, Антиох воспользовался ораторской лицензией, когда на собрании аркадян описал его как слишком маленький, чтобы дать приют кузнечику.^[799]

Здесь, пожалуй, уместно упомянуть о множестве золотых статуй^[800], заполонивших храмы Греции. Ибо неправда, как утверждает Лукиан, что эллинские боги и богини довольствовались тем, что окутывали свою красоту мрамором, бронзой или слоновой костью, в то время как Митра выставлял свой грубый облик, а Анубис - свое собачье рыло в золоте.^[801] Даже частные лица воздвигали себе статуи из этого драгоценного металла; не было недостатка тех, кто, подобно Горгиасу, за свой счет оказывал себе такую же честь.^[802]

Но разнообразие изделий из драгоценных металлов было столь велико, что почти не поддается описанию.^[803] Там были канделябры,^[804] троны,^[805] и стулья, щиты,^[806] тазы и фужеры,^[807] флаконы, кадилабры, кубки в виде ореховой скорлупы, половники,^[808] ложки, блюда для уксуса,^[809] и почти все остальные предметы сервировки стола. Короны, кроме того, для голов статуй принцев, успешных полководцев и других лиц, которых публика желала почитать; с хлебницами^[810] и корзинами, вероятно, филигранной работы, застежками,^[811] и веретенами^[812] для дам, с браслетами, браслетами, кольцами, ожерельями из карбункулов,^[813] серьгами,^[814] и кругами для головы. О том, что эти изделия обычно создавались с большим вкусом и изяществом, можно судить по тому факту, что для их оформления привлекались художники самой высокой репутации, а даже граверы кубков и бокалов, как, например, Мис, иногда приобретали большую известность.^[815]

Древние хорошо знали искусство мытья и покрытия золотом и серебром изделий из низших металлов, а также множество хитроумных приспособлений для пайки, смешивания, изменения цвета, глазури на поверхности, инкрустации и цветения одного металла другим.

Статуи в Аттике обычно покрывали золотым лаком;^[816] и, судя по всему, искусство золочения процветало в Греции с самой далекой древности, поскольку мы находим упоминание о нем у Гомера, который говорит о золочении^[817] рогов жертв, приносимых в жертву богам. Древние, несомненно, использовали в этом процессе гораздо более толстый золотой лист, чем современные, из чего можно сделать вывод, что они были неспособны уменьшить его прочность. Но, кроме того, что, когда листья были слишком тонкими, зыбучий раствор, который они использовали в качестве клея, просвечивал и приглушал блеск золота, они, похоже, стремились к той самой продолжительности, которая заставляет нас восхищаться фрагментами их позолоты, сохранившимися до наших дней: например, в подземных покоех виллы Боргезе на Палатинском холме, где фигуры из золота, разбросанные по небесно-голубой земле, выглядят так свежо, как будто их только что нанесли.^[818] Позолоте подвергались также всевозможные металлы - медь, серебро, бронза. При золочении мрамора лист прикреплялся к камню яичным белком, который также использовался вместо зыбучего серебра недобросовестными мастерами, которые таким образом могли использовать гораздо более тонкий лист.^[819] Современные мастера при золочении мрамора заменяют сок чеснока и инжира. Практика золочения дерева и кожи была распространена и в античности, так как мы находим упоминания о позолоченных деревянных статуях и бусах,^[820] и упряжи, а также сандалиях. Кроме того, стены и крыши палат покрывались позолотой, причем этот орнамент наносился как на плинтуса, так и на лепнину.^[821] Предположение одного современного автора^[822] о том, что древние были знакомы с искусством золочения по ормолу, представляется необоснованным.

Одной из второстепенных, но наиболее процветающих отраслей ремесла ювелиров, по-видимому, было изготовление и закрепление колец,^[823] к которым греки питали необычайное пристрастие. Соответственно, они имели их любой формы и материала. Одни, например, носили простой золотой, или серебряный, или даже железный обруч; другие - серебряное кольцо, окруженное узкой золотой полосой, или золотое кольцо с серебряной полосой, или железное кольцо, инкрустированное золотом.^[824] Некоторые довольствовались бронзовым или позолоченным железным кольцом^[825], которое они носили, видимо, в память о Прометее, который, чтобы сохранить слово Зевса непоколебимым, по преданию, носил на пальце железное кольцо с кусочком кавказского камня в качестве печати, чтобы, по божественному капризу, можно было сказать, что он навсегда прикован к Кавказу.^[826] Другие, опять же, восхищались кольцами из янтаря,^[827] белого или желтого, или слоновой кости, или фарфора, по крайней мере, они были модны в Египте. Иногда они носили серебряные кольца с золотыми печатями, или наоборот. Упоминается также кольцо, целиком сделанное из сердолика, которое, чтобы сохранить его, было окружено узким обручем из серебра и украшено золотой печаткой.^[828]

Жонглеры продавали людям с большой верой кольца^[829], которые могли излечить колики;^[830] и изделия такого рода с магическими и талисманскими свойствами, по-видимому, были во все времена в изобилии и пользовались большим спросом.

Из печаток^[831] самыми древними, по-видимому, были небольшие кусочки дерева, которые, будучи изъедены червями в гротескной или причудливой манере,^[832] были вырезаны и отполированы и использованы каким-нибудь грубым таном для герба, в память о чем в последующие века гравировались драгоценные камни, в точности имитирующие эти грубые материалы.^[833] Со временем почти все разновидности драгоценных камней^[834] стали гравироваться для колец и печатей.^[835] Из них самым замечательным был карбункул, цветом похожий на спелую шелковицу, который, когда его держат на солнце, светится как пламя или горящий уголь,^[836] вероятно, поэтому он должен был светить в темноте как лампа.^[837] Под

этим названием, по-видимому, скрывались многие драгоценные камни, известные в настоящее время под разными названиями, например рубин,^[838] чей собственный цвет - кохиновый красный непревзойденной насыщенности, допускающий, однако, иногда различные вкрапления синего, от чего происходит розово-красный рубин, первый из которых полностью карминовый, или розовый, а второй оттенен примесью синего; Рубацель, чей сияющий красный цвет переходит в желтый; истинный и соранский гранат; скальный рубин фиолетово-красного цвета; альмандин и гиацинт, который теперь путают с аметистом. Рядом с ними находился сердолик^[839] глубокого цвета, добываемый главным образом на острове Сардиния: яшма темно-зеленого цвета, с пятнами разных цветов, сапфир голубого цвета, усыпанный золотом.

Еще одним драгоценным камнем, высоко ценившимся древними, был изумруд,^[840] изысканный цвет которого, как правило, самый насыщенный зеленый, считался более благотворным для глаз, чем вид весенних лесов или лугов. По этой причине многие люди выбирали его для изготовления печатей, предпочитая всем другим камням.^[841] Считалось, что даже гранильщики, занимавшиеся его огранкой, улучшали свое зрение благодаря его освежающим свойствам. Все изумруды, однако, не имеют одного оттенка, а демонстрируют все возможные оттенки зеленого, от сумрачного тона оливкового листа до бледной зелени акации.^[842] Греческие ювелиры, по-видимому, определяли подлинность этого камня, погружая его в чистую воду: если это был настоящий изумруд, то, как они полагали, он придавал свой цвет всей окружающей стихии; если же нет, то окрашивалась лишь небольшая его часть.^[843]

Древние владели разновидностью бастардного изумруда, который находили в огромных глыбах, так что мы читаем об изумрудном обелиске в Египте, который, хотя и состоял всего из четырех кусков, поднимался на высоту шестидесяти футов.^[844] Из этого камня, вероятно, был сделан знаменитый столб, украшавший вход в храм Геракла в Тире.^[845] Из настоящих изумрудов самый большой известный не превышает шести дюймов в длину и двух в диаметре. Можно заметить, что на доведение изумруда до блеска было затрачено много сил и труда.^[846]

Линкуриос, или современный гиацинт, причисляется к драгоценным камням печати.^[847] Его цвет - огненный с примесью насыщенного красного, хотя иногда встречается полностью шафрановый оттенок, или даже напоминающий янтарь. Некоторые авторы считают, что это турмалин. Линкурий был очень твердым и сложным в обработке. Они также вырезали и гравировали для печатей янтарь, который Теофраст описывает как местный минерал; гиалоиды, омфакс, кристалл,^[848] сардоникс, агат, оникс и аметист.^[849] Однажды в золотых рудниках Лампсакоса был найден драгоценный камень необычайной красоты, который, будучи выгравирован тирийским гранильщиком, был подарен персидскому царю.^[850]

О различных способах гравировки драгоценных камней древние оставили нам лишь несколько разрозненных намеков. Однако несомненно, что они полировали драгоценные камни наждаком^[851] и владели гранильным кругом со всеми тонкими инструментами, используемыми в настоящее время, включая алмазное острие^[852], которое, как есть основания полагать, они также закрепляли на круге.^[853] Во всяком случае, с помощью имевшихся у них инструментов они сумели выгравировать фигуры львов, героев, вакханок, кариатид, трофеев,^[854] как в рельефе, так и в инталии, которые по красоте и изяществу еще никогда не были превзойдены. Одно время был вопрос, знакомы ли они с микроскопом,^[855] - хотя как они могли гравировать без него фигуры, для четкого восприятия которых нам требуется его помощь, кажется несколько сложным для понимания. Например, драгоценный камень, называемый печатью Михаэля Анджело, хранящийся в кабинете французского

короля, хотя и не превышает половины дюйма в диаметре, содержит пятнадцать фигур, наиболее [тщательно](#) выполненных.^[856] У одного частного лица в Риме был волчий зуб, на котором были изображены двенадцать богов.^[857] Цицерон вспоминает человека, который написал всю "Илиаду" такими мельчайшими знаками и в таком малом объеме, что она могла уместиться в скорлупе грецкого ореха.^[858] Мирмекид, милезиец, и Калликрат, лакедемонянин, изготовили колесницы из слоновой кости, настолько маленькие, что их можно было покрыть крылом мухи; и написали два стиха золотыми буквами на зерне кунжута.^[859]

Однако мы находим упоминания о горящих очках уже эпохи Сократа,^[860] а среди развалин Геркуланума было найдено несколько линз, более мощных, чем те, что используют наши граверы.^[861] Здесь же мы можем отметить, что греческие астрономы, похоже, были знакомы с телескопом.^[862]

632. Demosth. in Olymp. § 3. Athen. i. 33. Poll. vii. 177.

633. Ирод. iii. 20. Pignor. De Serv. 192. Schol. Аристоф. Acharn. 1015. 1027. Athen. xv. 39. Poll. x. 119.

634. Лукиан. Амор. 39.

635. Horat. Carm. ii. 723. Дёринг, однако, полагает, что имеются в виду сосуды в форме раковин.

636. Poll. x. 126.

637. Из того, как этот парфюмер упоминается комическими поэтами, можно сделать вывод, что он требовал очень высокие цены за свои товары. Ибо, чтобы, видимо, обложить человека чрезмерной расточительностью, он, как говорят, покупал перонские благовония, чтобы помазать ими ноги какого-то друга или покровителя. Афины. xv. 40. xii. 78.

638. Афины. i. 33. xii. 78. xiv. 50. Бохарт. Geog. Sac. i. 272, seq. Max. Tyr. p. 10.

639. Athen. xv. 42. Диоскор. 1. 75.

640. Диоскор. 1. 74.

641. Ἀράρακος. Dioscor. i. 68. Poll. vi. 104.

642. Dioscor. i. 57.

643. Id. i. 53.

644. Id. i. 42.

645. Ἀδιάντων. Theoph. Hist. Plant. vii. 14. 1.

646. Poll. vi. 104.

647. Id. vi. 105. Диоскор. iii. 116.

648. Dioscor. i. 124.

649. Poll. vi. 104. Dioscor. iii. 51. Παρὰ πολλοῖς δὲ τῶν κωμικοποιῶν ὀνομάζεται τι μύρον βάκκαρις- οὗ μνημονεύει καὶ Ἰππῶναξ διὰ τούτων-.

-Βακκάρει δὲ τὰς ῥῖνας

Ἰκεῖνον- ἔστι δ' οἷον περ κρόκος.

Athen. Deipnosoph. xv. 41.

650. См. о различных изобретениях афинян, Frid. Creuzer, Orat. de Civit. Athen. Omn. Human. Parent. Франкфурт. 1826.

651. Это, как нам говорят, делала сама личность Александра, будучи по природе душистой, как носовой платок. Plut. Alexand. § 4. То же самое рассказывается о Екатерине Медичи и лорде Герберте из Чербери. Blumenbach's Physiology, Note. p. 182.

652. Ср. илл. ζ. 288. Athen. vi. 67. Poll. vi. 104. Plat. Rep. iii. p. 203. Stallb.

653. Athen. xv. 44.

654. Dioscor. i. 18.

655. Лукиан. Диал. Meret, xiv. § 2.

656. Κρόκος. Dioscor. i. 64.

657. Æl. Spart. Vit. Adrian. c. 18. p. 16.

658. Лукан. Pharsal. 809.

659. Ἀβροτόνον. Диоскор. i. 60.

660. Οἰνάνθαι. Dioscor. i. 56. Theoph. de Caus. Plant. iii. 14. 8.

661. Dioscor. i. 63.

662. Ἄνηθον Диоскор. i. 61. Theoph. Hist. Plant. vii. 1. 2.

663. Dioscor. Noth. p. 442. d.

664. Dioscor. iv. 23. Ср. Plin. xiii. 1.

665. Dioscor. i. 55. 150.

666. Отсюда это средство получило название βουτύρινον. Dioscor. i. 64.

667. Βρύον. Dioscor. i. 20.

668. Dioscor. i. 17.

669. Athen. xv. 42. На эти духи Стратис ссылается в своей "Медее".

--Καὶ λέγ', ὅτι μύρον φέρεις αὐτῇ

Τοιοῦτον, οἷον οὐ Μέγαλλος πώποτε

ἤφησεν, οὐδὲ Δινίας Αἰ γύπτιος

Οὗτ' εἶδεν, οὗτ' ἐκτήσατο.-

670. Poll. vi. 104. Athen. xv. 42.

671. Poll. vi. 104. Афины. xv. 43.

672. Poll. vi. 104.

673. Диоскор. i. 24.

674. Id. i. 53.

675. Однако мы не слышим, чтобы они доводили свою ярость против природы до такой степени, как некоторые парижские дамы, о которых вспоминает Монтень, *Essais*, t. iii. p. 29, sqq. "Кто не говорит в Париже о девушке, которая сходит с ума только для того, чтобы приобрести более ароматную кожу? Есть и те, кому приходится задерживать живые и святые зубы, чтобы сделать голос более мягким и более грациозным или чтобы выстроить его в лучшем порядке. Сколько примеров *mespris de la douleur* мы имеем в этом жанре? Что мы можем сделать? *Que craignent-elles pour peu qu'il y ait d'agencement à espérer en leur beauté?*

'Vellere queis cura est albos à stirpe capillos,

Et faciem demptâ pellere referre novam.

Tibull. i. 9. 45, seq.

"Я всегда прижигаю соболя, кандалы, и все это делается для того, чтобы разрушить эстомак, чтобы приобрести пастельные цвета. Для того чтобы сделать тело по-эспаньольски красивым, какой геенны не должны были бы страдать они, гиндеи и санглеи с грубыми коками, вплоть до живого кресла? *Ouy quelquefois à en mourir.*"

676. Poll. v. 102.

Μὴ τοίνων τὸ πρόσωπον ἄπαν ψιμύθῳ κατάπлатτε,

Ὡστε προσοπεῖον, κ' οὐχὶ πρόσωπον ἔχειν.

Anthol. Græc. xi. 408.

677. Пигмент, которым в настоящее время чернят внутреннюю часть век, - это сажа ладана, или ладан, который дамы добывают сами, бросая несколько зерен этих драгоценных веществ на угли огня и закрывая дым тарелкой, на которой быстро скапливается сажа. Чандлер, ii. 140.

678.

Τὴν κεφαλὴν βάπτεις, τὸ δὲ γῆρας οὐπότε βάψεις

Οὐδὲ παρειάων ἐκτανύσεις ῥυτίδας.

Anthol. Græc. xi. 408.

679. См. кн. iii. гл. v. и Поллукс, ст. 102.

680. *Ῥόδον παρειαῖς φυτεύει, αὐθωρὸν ἀνθοῦν, καὶ θάπτον ἀπανθοῦν κατὰ τὸ Λοκρὸν.* Poll. v. 102. Об этом беглом виде розы упоминает Ликофрон в своей "Кассандре", 1429:

Λοκρὸν δ' ὁποῖα παῦρον ἀνθήσας ῥόδον.

См. примечание к Meursius, t. iii. p. 1347. ed. C. G. Müller; и Jungermann ad Poll. t. iv. p. 1010.

681. На это Луцилий ссылается в "Антологии":

Οὐπότε φῦκος

Καὶ ψίμυθος τεύξει τὴν Ἑκάβην Ἑλένην.

Anthol. Græc. xi. 408.

682. Poll. v. 101.

683. Cp. Theoph. Hist. Plant. vii. 8. 3.

684. Poll. v. 101. vii. 95.

685. Ион, в своем "Омфале". Poll. v. 101. Люк. Amor. 39.

686. Dioscor. i. 93. И лампа-черная. Alex. Frag. ap. Athen. xiii. 23. Cp. Luc. Bis Accus. § 31.

687. Dioscor. i. 101.

688. Ἡ λιθοκόλλα, μίγμα οὖσα μαρμάρου ἢ λίθου Παρίου καὶ ταυροκόλλης, δύναται διὰ μελωπίδος πεπυρωμένης τρίχας ἀνακολλᾶν τὰς ἐν ὀφθαλμοῖς. Dioscor. v. 164.

689. Dioscor. v. 137.

690. Id. v. 175.

691. Id. i. 12.

692. Id. ii. 101.

693. Id. ii. 189.

694. Id. i. 77.

695. Τῆλιν. Id. i. 57.

696. Ἀμπέλως μελαίνα. Dioscor. iv. 185.

697. Id. iii. 102.

698. Id. i. 15.

699. Id. v. 97.

700. Диоскор. ii. 132.

701. Id. ii. 137.

702. Id. ii. 21. 97.

703. Ἀλυσσον. iii. 105.

704. Диоскор. ii. 200.

705. Id. i. 13.

706. Id. ii. 125.

707. Id. i. 128.

708. Id. i. 1.

709. Id. iv. 150.

710. Id. ii. 102.

711. Id. ii. 181.

712. Id. ii. 107.

713. Id. i. 101.

714. Id. i. 176.

715. Id. iv. 183. Из корней дикой лозы также готовили своеобразную пасту, которая, как считалось, очищала кожу, удаляла прыщи и веснушки. Theoph. Hist. Plant. ix. 20. 3.

716. Диоскор. iii. 116.

717. Id. ii. 55.

718. Id. ii. 93.

719. Id. i. 6.

720. Id. i. 130.

721. Эти пастилки (τροχίσκοι) весили около трех оболов, а о цели, для которой их носили, Диоскорид говорит следующее: -χρήσις δὲ αὐτωναύτων ἐστίν, ἐπὶ γυναικῶν περιτιθεμένων τῷ τραχήλῳ ἀντὶ ὀρμῶν, ἀμβλυνοῦσῶν τὴν τῶν ἰδρώτων δυσωδίαν. i. 131.

722. Лукиан. Amor. § 39. Однако красота зубов гречанок была поразительной. Luc. Imag. § 9. Вставные зубы скреплялись золотой проволокой. Rhet. Præsept. § 24.

723. Диоскор. ii. 4.

724. Id. v. 149.

725. Id. v. 125.

726. Id. ii. 77.

727. Ушные щипцы обычно были из оливкового дерева. Poll. ii. 102.

728. Диоскор. i. 89.

729. Ἐὰν τις ἐψήσας ἐν ζωμῷ ἢ ἐν ἄλλῳ τινὶ τὸ ἔξωθεν τοῦ μήλου ἐκπιέσῃ εἰς τὸ στόμα καὶ καταροφήσῃ, ποιεῖ τὴν ὁσμὴν ἥδεῖται. Theoph. Hist. Plant. iv. 4. 2. Dioscor. i. 166.

730. Dioscor. i. 64.

731. Id. i. 179.

732. Плут. Nic. § 30.

733. Эти утюги нагревались в золе. Pignor. de Servis, p. 194. Cp. Poll. ii. 31.

734. Luc. adv. Indoct. § 29. В Малой Азии, где до сих пор сохранились древние обычаи, для бритья вместо мыла часто используют застывшую кровь. Chandler, i. 96. Может ли эта практика претендовать на классическое происхождение?

735. Cp. Артемида. Oneirocrit. ii. 7. p. 88. Gitone, Il Costume Antico e Moderno di tutti i Popoli, t. i. p. 24. Tav. 15.

736. Из анекдота Кратеса мы узнаем, что эти цирюльники, как и их потомки в наши дни, имели обыкновение окутывать своих пациентов льняными или хлопчатобумажными тканями. Киник, решив однажды пройтись по улицам в рубашке, получил замечание от Астинома. "Я покажу тебе Теофраста в таком же одеянии", - ответил он. "Где?" - поинтересовался магистрат. "Там!" - ответил Кратес, указывая на цирюльню, где философ проходил операцию бритья. Диог. Laert. vi. 90.

737. Lucian. adv. Indoct. § 29. Cp. Poll. ii. 27.

738. Zoëga, Bassi Rilievi. ii. 239.

739. Cp. Plut. Thes. §. 5.

740. Vid. Il. δ. 533. Plut. Thes. § 5. Dion Chrysost. i. 261, seq. Κάλυμμα. Аристоф. Lysist. 530. et Schol. Eq. 578.

741. Schol. Аристоф. Acharn. 118. Практика бритья, по-видимому, стала распространенной только во времена Александра Македонского. Athen. xiii. 18.

742. Sch. Аристоф. Eq. 631. Casaub. ad Theoph. Char. p. 115. Luc. Dial. Meret. xii. § 5. Poll. ii. 30. Дутенс в своей книге "Origines des Découvertes attribuées aux Modernes", p. 290, seq. собрал плохо переваренную кучу материалов о древних париках, в основном, однако, о париках римлян.

743. Пиньор. De Serv. p. 193.

744. Ὅλα δὲ καέντα λεῖα μετὰ ἀξιουγγίου ἢ στέατος ἀρκτείου, ἄλωπεκίας ἐπιχρισθέντα δασύνει. Dioscor. i. 169.

745. Dioscor. ii. 181. Девичий волос, черный и белый, растолченный в масле до консистенции пасты, предохранял волосы от выпадения. Theoph. Hist. Plant. vii. 14. 1.

746. Диоскор. iii. 25.

747. Id. i. 77.

748. Id. i. 140.

749. Этот факт упоминается в очень любопытном отрывке трактата De Generatione Animalium, v. 5: Ὅτι δὲ γίγνεται ἡ πολὺὰ σήψει τινὶ , καὶ ὅτι οὐκ ἔστιν (ὥπερ οἱ οὐταί τινες) αὔανσις, σημείον τοῦ προτέρου ῥηθέντος, τὸ τὰς σκεπαζομένας τρίχας πύλοισι ἢ καλύμμασι, πολιοῦσθαι θάπτον- (τὰ γὰρ πνεύματα κωλύει τὴν σήψιν- ἢ δὲ σκέπη ἄπνοιαν ποιεῖ) καὶ τὸ βοηθεῖν τὴν ἀλειψιν τοῦ ὕδατος καὶ τοῦ ἐλαίου μινυμένων. Τὸ μὲν γὰρ ὕδωρ, ψύχει- τὸ δὲ ἔλαιον μινύμενον, κωλύει ξηραίνεσθαι ταχέως. Τὸ γὰρ ὕδωρ εὐξήραντον.

750. Диоскор. ii. 11.

751. Id. ii. 146.

752. Id. ii. 21.

753. Id. ii. 199.

754. Id. ii. 28.
755. Id. ii. 46.
756. Id. v. 168.
757. Id. v. 136.
758. Id. i. 178.
759. Id. i. 96.
760. Id. i. 96.
761. Ш. Αριστοφ. Acharn. 157.
762. Диоскор. iv. 110.
763. Id. ii. 16.
764. Δρυοπτερίς, Dioscor. iv. 189.
765. Dioscor. v. 1.
766. Id. v. 121.
767. Id. v. 129.
768. Id. v. 127.
769. Id. iv. 170.
770. Poll. v. 102. ii. 37. Plat. De Rep. vi. 87.
771. Κύπρος. Dioscor. i. 124.
772. Dioscor. i. 171.
773. Id. i. 132.
774. Luc. Dial. Meret. xi. § 3.
775. Dioscor. v. 181.
776. Id. v. 119.
777. Φλόμος. Dioscor. iv. 104. Theoph. Hist. Plant. ix. 123.
778. Dioscor. i. 155. v. 37.
779. Диоскор. ii. 210.
780. Χαμαιάκτης καρποί . Диоскор. iv. 175.
781. Диоскор. iii. 40.
782. Id. i. 180.
783. Id. i. 150.
784. Dioscor. i. 102.

785. Id. iv. 80. Ягоду тисового дерева, которая, как известно, совершенно безвредна, часто употребляли в пищу в древности. Theoph. Hist. Plant. iii. 10. 3.

786. Dem. cont. Mid. § 8.

787. Цари и придворные Персии даже во время опасных военных походов возили с собой не только чаши и кубки, но и целые сервизы для стола из серебра и золота. Ирод. vii. 119. Эти орудия роскоши, по-видимому, часто действовали на врагов Персии как стимул к победе, по крайней мере, они были ее наградой. Так, при разграблении лагеря Мардония в Платее гелоты нашли, как нам рассказывают, роскошно украшенные серебром и золотом шатры, кровати, покрытые теми же драгоценными металлами, золотые чаши, кубки и другие сосуды для питья, а также повозки, нагруженные золотыми и серебряными котлами: σάκκους τε ἐπ' ἄμαξέων εὐρίσκον, ἐν τοῖσι λέβητες ἐφαίνοντο ἐνεόντες χρύσειοι τε καὶ ἀργυρέοι. Id. ix. 80.

788. Thucyd. vi. 46.

789. Plut. Alcib. § 4.

790. Athen. vi. 17. xi. 105. Demosthen. adv. Tim. § 5. 7. Winkelmann. Hist. de l'Art, i. 277. Poll. i. 28.

791. Plat. Tim. vii. 77. 19. De Rep. t. vi. p. 86. 164. Schol. Acharn. Arist. 1187. Среди кабинетных украшений древних мы находим страусиные яйца, оправленные в серебро. Plin. x. 1.

792. Ювелиры использовали саамский камень для полировки. Dioscor. v. 173.

793. Athen. iv. 29. Casaub. ad. Theoph. Char. 311. Эти богатые вещи, как мы видим, иногда закладывались для сбора денег. Dem. adv. Spud. § 4.

794. Athen. xi. 17.

795. Athen. ix. 75. Судя по количеству золотых и серебряных пластин, хранящихся в египетских храмах, очевидно, что тот же вкус преобладал и в Египте. Luc. Tochar. § 28.

796. Herodot. i. 51.

797. Афины. xii. 8. Herod. vii. 27.

798. Афины. xii. 55. Короли Америки, руководствуясь тем же вкусом, намного превосходили персидских монархов в великолепии. Монтень, говоря о природной быстроте и сообразительности индейцев, добавляет: "Выразительное великолепие деревень Куско и Мексики; и среди множества других замечательных вещей - сад короля, где все деревья, фрукты и все травы, в соответствии с порядком и величием, которые они имеют в саду, имеют превосходную форму в ор: как и все животные, которые обитают в его владениях и на его болотах: и красота их изделий, в пирринге, в плюмаже, в хлопке, в живописи, свидетельствует о том, что они никогда не были в выигрыше в промышленности." Essais, l. iii. c. vi. t. viii. p. 33. Cp. Solis, Histoire de la Conquête du Mexique, l. iii. c. xiv.

799. Ксеноф. Hellen. vii. 1. 38.

800. Poll. viii. 86.

801. Лукиан. Jup. Trag. §§ 8. 9. Tochar. § 28. Cp. Alexand. § Не говоря уже о других статуях, мы находим, что в Проконнесе, а затем в Кизике, было изображение Диндимене из массивного золота, за исключением лица, которое было выточено из зубов гиппопотама. Pausan. viii. 46. 4. См. также Winkelmann. Hist. de l'Art, о статуях из золота и слоновой кости, найденных в Греции, т.

I. с. 35. Минотавр, будь то на картине или в статуе, представлялся в виде человека с головой быка. Лукиан. Var. Hist. lib. ii. § 41.

802. Plin. Nat. Hist. xxxiii. 24. Однако, по общему свидетельству древних писателей, золотая статуя в Дельфах была воздвигнута софисту Леонтину по всеобщей подписке. Eudoc. Ion. p. 101. Valer. Max. viii. 15. Ext. 2. Но из отрывка в Федресе можно сделать вывод, что преобладала практика, описанная в тексте: Καὶ σοὶ ἐγὼ, ὥσπερ οἱ ἐννέα ἄρχοντες, ὑπισχνοῦμαι χρυσὴν εἰ κόνα ἰσομέτρητον εἰς Δελφοὺς ἀναθήσειν, οὐ μόνον ἑμαυτοῦ ἀλλὰ καὶ σήν. Плат. Opp. t. i. p. 19.

803. Среди афинских чеканщиков по металлу Ликей получил известность. Demosth. adv. Timoth. § 7. Cp. Suid. t. ii. p. 66. d. e.

804. Gitone, Il Costume, tavv. 61, 62. Raccolta de' Monumenti più interessanti del Real Museo Borbonico, &c. tavv. 29, 30, 53, 54, 55. Athen. xi. 48.

805. Ксеноф. Hellen. v. 1. 3. Плут. Lysand. § 9.

806. Pausan. i. 25. 7.

807. Athen. ix. 75.

808. Id. iii. 100.

809. Suid. v. Ὀύραφον. t. ii. p. 319. d.

810. Athen. vi. 15.

811. Элиан. Var. Hist. i. 18.

812. Ирод. iv. 162.

813. Лукиан. Dial. Meret. vi. i. Plut. Phoc. § 19. В моде были ожерелья из золотых и янтарных бусин вперемешку. Luc. Heracl. § 3. Пара серег иногда стоила не более пяти драхм. Id. Somn. seu Gall. §29. Cp. Athen. xii. 46. Hom. Odyss. σ. 290.

814. Il. x. 182. Poll. ii. 102.

815. Athen. xi. 19.

816. То есть если Поллукс был правильно истолкован, ii. 214. vii. 163, с примечаниями комментаторов, t. iv. p. 486. t. v. p. 472.

817. Odyss. γ. 437, seq. Macrob. Saturn. i. 17. Овидий. Metam. vii. 161, seq. x. 271, seq. Cp. Ирод. ii. 63.

818. "Les deux chambres souterraines du palais des empereurs sur le mont Palatin dans la villa Borghèse, nous offrent des ornemens dorés aussi frais que s'ils venoient d'être faits, quoique ces chambres soient fort humides à cause de la terre qui les couvre. Невозможно не восхититься полосами из голубого селена в виде дуг, украшенными мелкими фигурками из орнамента, которые украшают эти помещения. Древесина также сохранилась в руинах Персеполя". Winkelmann. Hist. de l'Art. t. ii. p. 91.

819. О позолоте древних см. Beckmann, Hist. of Inventions. Vol. iv. p. 176, seq. Winkelmann, Hist. de l'Art. t. i. p. 34. t. ii. p. 90, seq. 647. Goguet. t. iv. p. 53, sqq.

820. Xen. Œconom. x. 3. 61.

821. Plin. xxxiii. 18. Senec. Epist. 115.

822. Dutens, Orig. des Découvertes, &c. p. 180.

823. Sch. Aristoph. Nub. 331. 756. Poll. ii. 155. См. Kirchman, de Annulis, p. 12, и *passim*.

824. Plin. xxxiv. 4.

825. Kirchman, de Annulis Veterum, c. iii. p. 10.

826. Serv. ad Virg. Eclog. vi. 41.

827. Σούκινοι καὶ ἐλεφάντινοι, δάκτυλοι ταῖς γυναῖξιν εἰσι σύμφοροι. Suid. t. ii. 775. c. Artemid. l. ii. c. v. Plin. xxxvii. 2.

828. Kirchman, de Ann. Vet. c. iii. p. 16. Египтяне имели обыкновение носить маленькие изображения из сердолика, подвешенные к шее. Образец такой фигурки, изображающей Тифона, или злой принцип, я привез с собой домой в Европу. Он был найден в развалинах Фив.

829. Лукиан говорит о талисманном кольце с выгравированной на нем фигурой пифийского Аполлона. Philopseud. § 38; и о другом, сделанном из железной части креста, § 17.

830. Athen. iii. 96.

831. Кольцо казначея. Афины. viii. 29. См. Long. de Annul. Sig. p. 42, sqq. Gorl. de Annul. Orig. Kornman. de Tripl. Ann. p. 44. Здесь, кстати, можно упомянуть закон Солона, который запрещал гранильщику хранить в своем владении копию любого выгравированного им кольца. Diog. Laert. i. 2. 9.

832. Theoph. Hist. Plant. v. i. 2. Θριπήδεστα, ξυλήφια τὰ ὑπὸ θριπῶν βεβρωμένα, οἷς ἐχρῶντο οἱ σφόδρα οἰκονομικοὶ ἀντὶ γλυπτῶν σφραγίδων. Eustath. ad Odys. a. t. iii. p. 37. 12. Suid. θριπηδέστατον. t. i. p. 1329. b. Etym. Mag. 456. 23.

833. "В шкафу Стоша есть одна пирса, на которой гравюра очень хорошо имитирует пороги дерева, проржавевшего от времени". Winkel. Hist. de l'Art. t. i. p. 43.

834. Плат. Tim. vii. 80. Plin. ii. 63. xxxiii. 1. Ирод. i. 195.

835. Schol. Аристоф. Eq. 994. См. Mawe, Treatise on Diamonds, p. 85-134. Schol. Аристоф. Eq. 954.

836. Ἄλλο δὲ τι γένος ἐστὶ λίθων ὥστερ' ἐξ ἐναντίων πεφυκὸς, ἄκαυστον ὅλως, ἄνθραξ καλούμενος, ἐξ οὗ καὶ τὰ σφραγίδια γλύφουσιν, ἐρυθρὸν μὲν τῷ χρώματι, πρὸς δὲ τὸν ἥλιον τιθέμενον ἄνθρακος καιομένου ποιεῖ χροάν. Theoph. de Lapid. § 18.

837. "Is vulgo putatur in tenebris carbonis instar lucere; fortassis quia Pyropus, seu Anthrax appellatus à veteribus fuit." Anselm, Boet. Gemmarum et Lapidum Historia, t. ii. c. viii. p. 140.

838. Сэр Джон Хилл, Заметки о Теофрасте, de Lapidibus, p. 76, seq.

839. Theoph. de Lapid. § 23.

840. Plin. xxxvii. 16. Boetius, l. ii. c. lii. 195. Menand. ap. Athen. iii. 46. Luc. Saturn. Epist. § 29. Suid. v. σφάραγδος. t. ii. p. 769. a.

841. Theoph. de Lapid. § 24.

842. См. Балдеус, описание побережья Малабара и Короманделя, гл. xxiv.
843. Theoph. de Lapid. § 23.
844. Id. § 24. Plin. xxxvii. 19.
845. Theoph. de Lapid. § 25.
846. Id. § 27 и далее.
847. Ансельм. Boet. Gem. et Lapid. Hist. l. ii. c. 258, p. 477.
848. Winkelmann. ii. 110.
849. Theoph. de Lapid. § 30. Poll. iii. 87. Luc. Dial. Meret. ix. § 2. Cp. de Syr. Dea, § 32.
Драгоценные камни разных видов использовались для изображения глаз в статуях, когда белый цвет имитировался тонкими серебряными пластинками. Winkelmann. Hist. de l'Art. t. ii. p. 94.
850. Theoph. de Lapid. § 32.
851. Σμύρις λίθος ἐστίν, ἥ τὰς ψήφους οἱ δακτυλιογλύφοι σμήχουσι. Dioscor. v. 166.
852. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 15, с авторами, цитируемыми Хардуэном.
853. Winkelmann. Hist. de l'Art. t. ii. p. 108.
854. Plut. Alexand. § 1. Тимол. § 31. Herod. iii. 41.
855. Cp. Senec. Quæst. Nat. i. 6. Macrobius. Saturn. viii. 14.
856. Dutens, Origine des Découvertes, &c. p. 265.
857. Winkelmann. Hist. de l'Art. t. i. p. 36. n. 4.
858. Plin. Hist. Nat. vii. 21.
859. Ælian. Var. Hist. i. 17.
860. Аристоф. Nub. 764, seq. Cp. Aristot. Analyt. Post. i. 31. 8. Бартеlemi Сент-Илер о логике Аристотеля. т. ii. с. 367.
861. Dutens, Origine des Découvertes, &c. p. 265. i.
862. Id. p. 115, seq. Nixon. in Phil. Trans. v. lii. p. 125.
-

ГЛАВА IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: КУЗНЕЦЫ, РУБЩИКИ, ОРУЖЕЙНИКИ, ГОРНОЕ ИСКУССТВО, ПРОИЗВОДСТВО ДРЕВЕСНОГО УГЛЯ И Т. Д.

Самые ранние кузнецы^[863] в Греции ковали не железо, а латунь, из которой поначалу делали как оружие, так и домашнюю утварь. В Мексике и Перу, где также медь^[864] была известна раньше железа, владели искусством закаливать ее до такой степени, что она могла резать даже камни и самую твердую древесину. Тот же или похожий процесс был известен древним,

и, возможно, его еще можно было бы легко восстановить, если бы он больше не был предметом желания. Греки всегда питали пристрастие к изделиям из латуни, меди и бронзы, и помимо статуй,^[865] колонн,^[866] и деревьев, плоды которых иногда были из золота,^[867] использовали их в кубках, урнах, вазах и котлах, с крышками из того же металла.^[868] Мы также находим упоминания о медных яслях и даже картах.^[869]

С оловом греки были знакомы даже в гомеровскую эпоху;^[870] и, среди прочих применений, которые они нашли в более поздние века, было выстилание внутренней поверхности кухонной утвари.^[871]

В период, недоступный для истории, они получили знания об использовании железа^[872] и стали, изобретение которых они приписывали Гефестосу.^[873] Гомер, который говорит о топорах и других орудиях из стали, или, точнее, из железа, закаленного по краю, описывает процесс его формирования путем погружения в холодную воду.^[874] При изготовлении гомеровских мечей в большинстве случаев использовалась только сталь, поскольку они были чрезвычайно хрупкими и часто разлетались на куски от одного лишь удара по щиту или шлему. Для защиты от этого эффекта более совершенные и тонкие изделия в более поздние времена охлаждали не в воде, а в масле.^[875] Спартанцы, как нам рассказывают, закаливали свои железные деньги в уксусе, что делало их, по их мнению, хрупкими и недолговечными, а значит, не имеющими ценности, кроме как в качестве жетонов.^[876]

Среди первых народов, преуспевших в выплавке железа и производстве стали, были халибы,^[877] которые, как говорят, собирали руду в руслах своих рек и примешивали к ней определенное количество минерала пиримакхоса. Аристотель, описывая процесс плавки, отмечает, что сталь, проходя через печь, уменьшается не только в количестве, но и в удельном весе, то есть становится менее ценной. Одним из достоинств чалыбской стали было то, что она не подвержена ржавчине. Способ приготовления этого металла, распространенный среди кельтиберов, был таков:^[878] они закапывали в землю несколько железных пластин, где и оставляли их до тех пор, пока большая часть не превращалась в ржавчину.^[879] Затем они извлекали их и делали из них различные виды оружия, особенно мечи, которые были настолько острыми, что ни щиты, ни шлемы, ни черепа не могли противостоять их острию. С этим комплиментарный Плутарх сравнивает язык спартанцев.^[880]

Древние считали очень важным выбирать для закалки стали воду, обладающую определенными оккультными свойствами, существование которых можно было обнаружить только опытным путем. Такими свойствами, как считалось, обладала река Чалыбея^[881], а также воды вблизи Комо, в Калатауде и Таррагоне в Испании. Воду также готовили путем различных настоев для придания стали более тонкого вкуса и большей твердости, пример чего упоминается в истории герцога Космо, который, по словам Вазари, изобрел^[882] жидкость, в которой закалялись инструменты, с помощью которых Франческо дель Тадда смог вырезать из глыбы самого твердого порфира фонтан-бассейн и несколько других изделий. Ничто, однако, не было более распространено, чем эта операция среди древних, как греков, так и египтян, которыми порфир был разрезан на всевозможные формы и отполирован до блеска.^[883]

Лучшая сталь, по-видимому, была получена из Сереса, Парфии и Индии,^[884] где, будучи отполированной, она принимала яркий вид серебра и, вероятно, как и дамасская, содержала небольшую долю этого металла. То, что поступало из Синопа и Халеба, служило для изготовления обычных инструментов; из лаконского^[885] делали напильники, шнеки, долота и другие орудия камнерезов; лидийский был в большом почете у резчиков мечей, а также у изготовителей бритв и хирургических инструментов.^[886] Замки и ключи^[887] древних,

если судить по образцам, найденным в Помпеях, были несколько грубой конструкции, хотя, вероятно, изготавливались из лучшего железа.

Мастерская и инструменты кузнеца имели самое близкое сходство с современными; мехи^[888], состоящие из тонких досок, соединенных щитками из воловьей кожи, и имеющие железный мундштук, наковальня, установленная на высоком блоке, молот, щипцы, тиски, не требующие особого описания.

Относительно качества греческих столовых приборов следует признать, что наши сведения крайне скудны, хотя мы можем с полным основанием предположить, что они часто обладали величайшим совершенством и красотой, исходя из того совершенства, до которого они, несомненно, довели изготовление оружия. В этой отрасли промышленности дельфийцы, по-видимому, добились известности, хотя о форме и назначении их ножей, упомянутых в сравнении Аристотеля,^[889] можно только догадываться. Мне кажется, что, подобно кинжалу Гудибраса, они могли служить для различных целей, например, как острие, как жертвенный инструмент и как обычный нож:

Когда он колол или разбивал голову,

Им можно было скрести траншеи или крошить хлеб,

поджарить сыр или бекон, хотя это было

Для приманки мышеловки - все равно.

У афинян был очень изящный вид ножей, украшенных рукоятками из слоновой кости, искусно вырезанными фигурками животных, среди которых была и фигурка склонившейся львицы.^[890] Для этого слоновую кость часто окрашивали в разные цвета, розовый, пунцовый или фиолетовый, в зависимости от фантазии мастера. Рукоятки ножей иногда делали из корней лотоса,^[891] которые, несомненно, прекрасно полировались и облагораживались. Ножницы, шилья, парусные иглы, обычные иглы, булавки,^[892] и другие изделия подобного рода, по-видимому, изготавливались с большой аккуратностью.

Но самым процветающим ремеслом в Греции, вероятно, было ремесло оружейника,^[893] которое почти в каждый период ее истории было востребовано. Многие полезные искусства, вероятно, во многом обязаны своим прогрессом страсти греков к оружию, которая заставляла их усердно изучать и изобретать все, что могло добавить ему великолепия или эффективности. Нам нет нужды возвращаться к тем временам, когда национальным оружием были палки, камни и заостренные тростинки.^[894] Среди самых первых шагов цивилизации были усовершенствования в искусстве самообороны; ведь везде, где люди считали необходимым создать собственность, они в равной степени считали необходимым изобрести оружие для защиты себя при пользовании ею. Так, греки задолго до зарождения истории окружили себя многочисленными орудиями разрушения и научились покрывать свое тело доспехами, бесконечно разнообразными по материалам и исполнению.

Однако ни одному из своих орудий они не уделяли больше внимания, чем мечу, который если и не был, как у некоторых варваров, одним из предметов их поклонения, то^[895] в большинстве случаев был их неразлучным спутником на протяжении всей жизни и спускался с ними даже в могилу. Так, когда Кимон вскрыл на Скиросе могилу Тесея, национального героя Аттики, он обнаружил рядом со скелетом медный наконечник копья и меч.^[896] Их клинки были самых разных форм и размеров: у них была длинная, острая, обоюдоострая рапира; короткая рубящая и колющая; кривой скимитар, сабля и широкий меч.^[897] Они были, как правило, из лучшей стали, высоко отполированные, а иногда и дамаскированные, в

точности как те клинки, которые впоследствии изготавливались в Дамаске. Ножны были иногда из слоновой кости, иногда из золота, серебра, олова или другого более низкого металла.^[898] На первое из упомянутых веществ мы имеем ссылку в изречении Диогена, который, услышав, как красивый молодой человек использует низкие выражения, воскликнул: "Как бесстыдно! Вытаскивать свинцовый меч из ножен из слоновой кости". Эфесы часто были чрезвычайно превосходными, из дорогих материалов и самых причудливых форм. Например, мы читаем о рукоятках мечей, усыпанных или инкрустированных золотом, или даже полностью состоящих из этого металла или серебра.^[900] Для этих целей использовались и слоновая кость, и янтарь,^[901] и теребинт,^[902] полированный и черный, как черное дерево, и множество других пород и веществ, окрашенных в черный цвет ореховым золотом,^[903] . Отец Демосфена, содержащий большую оружейную мануфактуру, оставил после себя значительное количество слоновой кости и орехов^[904] , которые он приобрел как для собственного пользования, так и для снабжения других оружейников в меньшем количестве. Кинжалы были разных видов: одни большого размера, которые носили подвешенными на бедре вместе с мечом, как охотничий нож у персидских юношей; другие гораздо меньше, которые, похоже, носили скрытыми подмышкой, как это до сих пор в моде на Востоке. На эту практику Сократ ссылается в разговоре с Полосом из Агригентума,^[905] о власти, которой обладают в государствах тираны, которых он сравнивает с тем, кто выходит на рынок с энхиридионом, спрятанным при себе, и по этой причине воображает, что в его власти лишить жизни любого человека, потому что он, несомненно, может убить любого, кого пожелает.

Следующим по важности, пожалуй, было изготовление копьев и копий.^[906] У первых головки,^[907] легкие, хотя иногда и широкие, крепились на тонких пепельных древках, обутих в железо, или на длинном критском тростнике^[908] , который в изобилии рос в болотах около Халиартоса в Беотии. В более современные времена эти копья снабжались петлей, с помощью которой, когда дротик не попадал в цель, их можно было отвести назад.^[909] Предполагается, что лучшие из них изготавливались в Беотии. Копья также иногда изготавливались из ясеня,^[910] , но чаще из кизилового дерева,^[911] и иногда, как в случае с македонской сариссой, достигали восемнадцати футов в длину. Копье, как и копье, также оковывалось железом, чтобы легче было закрепить его в земле, когда воины спали в поле.^[912] Эта часть железной конструкции, полая, в которую вставлялось древко, как говорят, имела форму ящерицы, которая, несомненно, изображалась держащей острие рукояти в своей пасти. По обеим сторонам выступали выступы, напоминающие ноги, предназначенные для того, чтобы копье не погружалось слишком глубоко в землю. В копьях кавалерии, как предполагают некоторые, была небольшая выемка для приема острия ногой всадника, когда он садился на своего коня. Наконечник копья, обычно железный или стальной, у арабских союзников Ксеркса был сделан из козьего рога, по форме напоминающего железо копья.^[913]

Луки^[914] древних чаще всего состояли из рога, с обоих концов обложенного золотом или другим металлом. Среди варварских народов были и те, кто изготавливал их из тростника или пальмовых ветвей, или даже из длинного стебля финика.^[915] Тетива лука была из репья или конского волоса. Тростник обычно служил древком для стрел,^[916] которые оканчивались железом или медью, или твердыми заостренными камнями, как у арабов в армии Ксеркса, которые использовали для этой цели те же камни, которыми они гравировали свои печати.^[917] Стрелы часто украшались орлиными перьями, а их острие смазывалось ядом.^[918] При осадах их часто вооружали огнем.^[919]

Кроме вышеперечисленных, существовало еще несколько орудий разрушения. Греки использовали дубину, боевой топор и пращу.^[920] А племя варваров, однажды упомянутое в истории, полностью зависело от своих кинжалов и веревки из скрученных нитей,^[921] которую они использовали для опутывания и свержения человека или лошади, примерно так же, как лассо сейчас используется в пампасах Южной Америки.

Если мы перейдем к их доспехам, то обнаружим, что в их изготовлении они проявили величайшее мастерство, вкус и изобретательность. Их шлемы, кирасы, щиты, кирасы и поножи были сделаны из полированной стали, или латуни, или олова, иногда с любопытным рисунком, и инкрустированы металлами разных цветов, и отполированы до необычайной яркости,^[922] иногда украшены рельефными изображениями. Нередко они облачались в почтовые рубашки, состоящие из бесчисленного множества мелких металлических пластинок, накладывающихся друг на друга так, что они напоминали чешую рыб. Иногда богатые люди появлялись на поле боя в золотых доспехах,^[923] хотя этот элемент показной роскоши был присущ в основном варварам.^[924] Ремесло оружейников, однако, похоже, совершенствовалось по мере того, как падало мужество народа, пока, наконец, в македонские времена в обиход не вошли доспехи огромного веса и, в буквальном смысле, непробиваемые. Так, Зоилос изготовил для Деметриоса Полиоркета два плаща^[925] из стали такой твердости, что ее поверхность едва ли могла пробить стрела, выпущенная из катапульты. Весь костюм весил не менее ста тридцати фунтов, ровно в два раза больше, чем обычный доспех.

Шлемы^[926] изготавливались из множества материалов. Сначала, в более грубые века, они были не более чем тесными черепными коробками, сделанными из шкур^[927] выдр или водяных собак с шерстью,^[928] или лисиц, или ласок, или козлов, или быков, или львов. Но по мере развития цивилизации на смену этим примитивным защитным сооружениям вскоре пришли металлические замки, некоторые из которых, изготовленные из кованой стали, были отполированы и блестели, как начищенное серебро. Такую, как у Александра, изготовил Теофилос.^[929] Шлем состоял из множества частей: Во-первых, сам шлем, инкрустированный латунью и железом, который закрывал и защищал голову, выступая вперед над лбом; визор, опускавшийся на все лицо; ремень, часто богато расшитый или усыпанный драгоценными камнями,^[931] проходивший под подбородком; и гребень, или конус, на вершине, из которого поднимались плюмажи, или гребень.^[932] Этот гребень, двойной, тройной или даже четверной, в зависимости от вкуса или фантазии владельца, иногда состоял из длинных свисающих страусиных перьев,^[933] иногда из конского волоса, черного или окрашенного в разные цвета, который, трепеща и паря над головой воина, казалось, увеличивал его рост и одновременно усиливал ужас его облика. Царь Пирр, как нам рассказывают, носил на своем шлеме рога козла, символизирующие мощь Македона;^[934] и азиатские фракийцы украшали свои гребни медными рогами и ушами быка.^[935] Чтобы смягчить силу ударов булавы или тяжелых боевых топоров, венец шлема густо выстилали губкой или мягкой шерстью.^[936] Упоминаются также шлемы из плетеного шнура из дерева и кожи,^[937] и шкуры с лошадиных голов, сохраняя уши и гриву.^[938]

В изготовлении корсетов и кирасы^[939] было проявлено много мастерства и умения. Первые обычно состояли из льняной или пеньковой бечевки, сплетенной в два или три раза по желанию покупателя,^[940] и носились в основном в погоне;^[941] другие состояли из толстых кожаных кофров, покрытых металлической чешуей,^[942] одинарной, двойной или тройной, и скреплялись между собой рядом крючков. Вместо этих пластин иногда использовалось покрытие из переплетенных колец, напоминающее в некоторых отношениях цепную броню более позднего времени. Иногда носили и деревянные кирасы.^[943] Сарматы^[944], не имея

железа, оправляли свои дротики и копья костью, а при изготовлении кирасы использовали весьма необычные материалы. Собрав тщательно все копыта умерших лошадей, они разрезали их на пластинки, напоминающие по форме чешую рыбы. Их они сшивали вместе с нервами лошадей или быков, и таким образом получался вид нагрудника, который по элегантности и практичности едва ли уступал греческим. В изготовлении льняных корсетов^[945] египтяне проявили особое мастерство, по крайней мере, описание одного из них, сохранившееся в истории, призвано создать очень высокое представление об их изобретательности. Нам рассказывают, что он был любопытно выткан на тонких коклюшках, каждая из которых состояла из трехсот шестидесяти нитей, отчетливо видимых, украшенных многочисленными фигурками животных, переплетенных с хлопком и золотом.^[946] У греков этот элемент доспехов часто богато вышивался дамами из семьи воина, которых мы не раз видим занятыми этим делом накануне битвы. Латунные или стальные кирасы были тщательно отполированы и застегивались под мышкой. Даже лошади были снабжены нагрудными пластинами и налобниками,^[947] а иногда их бока также были защищены броней. Поножи воина^[948] изготавливались из меди, латуни, олова или другого металла и застегивались на ногах серебряными пуговицами. Лучники, по-видимому, обычно носили разновидность перчаток или наперстников.^[949]

Изготовление щитов^[950] претерпевало большие колебания в разные периоды греческой истории, и даже в одну и ту же эпоху существовали многочисленные и чрезвычайные различия в их материалах, форме и структуре. В ранние времена они представляли собой просто круглую плетеную корзину, оплетенную для легкости виноградными ветвями^[951] или ивами; или же они были сделаны из цельного куска дерева, вырезанного по форме и покрытого одним или несколькими слоями кожи. Обычно для этих целей предпочитали древесину бузины, , тополя и смоковницы, а кожей служила жесткая бычья шкура,^[952] с шерстью или без нее, хотя мы читаем о народах, например эфиопах, которые использовали для этой цели шкуры журавлей.^[953] Те же люди в наши дни обнаружили, что шкура крокодила, выделанная с чешуей, служит лучшей защитой для их пряжек. У гомеровских героев деревянный каркас был защищен множеством складок кожи, иногда до семи, к которым добавлялись пластины из латуни, серебра, золота или олова. Даже если лицевая сторона щита состояла из какого-то более низкого металла, обод, похоже, часто был из золота.

В более поздние времена щиты обычно изготавливались из латуни или стали, с величайшей тщательностью выделывались и полировались, как зеркало. Иногда их инкрустировали пурпуром, слоновой костью и золотом,^[954] или красили в белый цвет, или покрывали золотой и серебряной корочкой, как у самнитов.^[955] С самой далекой древности, кроме того, было принято рисовать на щитах множество приспособлений, каждый воин выбирал одно для себя,^[956] которое, подобно гербам рыцарей, отличало его от товарищей по битве. Так, Персей выбрал голову Медузы Горгоны;^[957] Тидей - изображение лика могучего неба, включая полную луну, окруженную пылающими звездами;^[958] Этеокл нес перед собой фигуру воина, взбирающегося на высокую башню, а Гиппомедон выбрал в качестве эмблемы своего характера фигуру Тифея, издыхающего от огня и дыма. Каждый читатель помнит, какими разнообразными образами был наполнен щит гомеровского Ахилла, а также сцены, которые Гесиод, подражая ему, изобразил на баклере Геракла. В исторический период^[959] жители Сициона изображали на своих щитах сигму - начальную букву названия своей столицы.^[960] Эти украшения, как и рукояти, как утверждают, обязаны своим происхождением изобретению карийцев. Форма щита отличалась большим разнообразием. Один вид, например, был маленьким и круглым,^[961] другой - продолговатым или параллелограммным, и таких размеров, что покрывал все тело и позволял нести на нем павшего воина, как на помосте; другие были ромбовидными,^[962] или полулунными, или в форме листа плюща. Но

какой бы ни была их форма, из центра внешней стороны всегда выступал большой босс, на середине которого находился босс поменьше, обычно заостренный. Этим воины усеивали лики врагов. Внутри две перекладины, тянущиеся от обода до обода и пересекающиеся друг с другом в виде буквы Х, давали воину, пропустившему за них левую руку, большую власть над своей защитой, а меньшая рукоять, на передней части щита, принимала его хватку.^[963] Иногда место этих перекладин занимали металлические или деревянные рукоятки, точно соответствующие размеру руки; а с помощью кожаного ремня баклер в походе обычно подвешивался на плечо.^[964] В мирное время и щит, и шлем хранились, каждый в своем футляре.^[965] Помимо производителей оружия, снабжавших государства крупными заказами, существовало множество оружейников меньшего масштаба,^[966] чьи мастерские представляли богатый и разнообразный ассортимент щитов, шлемов и всех видов оружия.

Металлы, использовавшиеся при изготовлении оружия, получали частично из шахт, расположенных в самой Греции, частично путем торговли из близлежащих стран.^[967] О методах добычи, преобладавших среди греков, наши сведения особенно скудны. Мы знаем, однако, что в Лаурионе^[968] афиняне использовали как шахты, так и штольни, и что в горных выработках они использовали много древесины.^[969] Для предотвращения обвала вышележащей горы через определенные промежутки были оставлены огромные столбы,^[970] срубить которые было запрещено законом под страхом смерти. В гончарно-глиняных шахтах на Самосе, где жилы, проходящие между пластами породы, были очень неглубокими, редко превышая два фута в глубину, шахтеры, как и в тонких жилах наших угольных шахт, были вынуждены во время работы лежать на спине или на боку, что, надо полагать, практиковалось и в других шахтах при аналогичных обстоятельствах. Обладали ли они какими-либо средствами защиты от огненной сырости или малярии,^[971] которые, как мы знаем, сильно преобладали в Лаурионе,^[972] - вопрос не совсем ясный. В Испании шахты уходили глубоко в землю и были огромных размеров, с поперечными ходами и пещерами огромных размеров и высоты.

В старой шахте, обнаруженной в горах Санто-Спирито,^[973] боковые стенки были подперты каменной кладкой; в некоторых камерах были обнаружены большие бассейны с водой, а исследователи могли слышать вдали непрекращающийся рев водопадов. То тут, то там проходы были почти завалены массами золотой и серебряной руды.^[974]

Как отводили воду или поднимали руду на поверхность земли, не объяснил ни один древний автор. Однако при добыче ее толкли в каменной ступке железным пестиком, затем пропускали через сито и переносили в плавильную печь.^[975]

Дошедший до нас рассказ о золотых рудниках Египта, вероятно, может пролить свет на практику, которая преобладала у греков. В них мы находим почти точный тип униженного труда и пренебрежения опасностью и приличиями, о которых недавно стало известно среди нашего собственного подземного населения. Там, правда, рабочие были вынуждены выполнять свою работу по прямому принуждению тиранического правительства; в то время как в Великобритании это принуждение окутано облаком обстоятельств, которые скрывают, хотя и едва ли смягчают, суровые законы необходимости.

Египетские золотые рудники находились в великой восточной пустыне, на берегу Красного моря. Они разрабатывались с глубочайшей древности; в доказательство этого рассказывают, что в заброшенных шахтах и штольнях часто находили медные кирки, рядом с невероятными грудями человеческих костей, реликвиями толп людей, погибших там от малярии, огненной тьмы, падения камней или, скорее всего, от непрекращающегося гнета, которому они подвергались.^[976] На самом деле благожелательный историк^[977], которому мы

обязаны почти всем, что знаем об этом любопытном предмете, так сильно сочувствовал страданиям этих несчастных искусников египетского величия, что объявил смерть в их случае более желанной, чем жизнь.^[978] Но самые несчастные обладают ресурсами и источниками удовлетворения, неизвестными философам и профессорам литературы; и мы можем быть уверены, что даже те изгои, которые добывали золото из недр земли, чтобы украсить троны и дворцы фараонов, знали, как извлечь из своей горькой работы несколько сладостей, достаточно эффективных, чтобы сделать жизнь терпимой.

Несомненно, процессы тех ранних времен были достаточно грубыми. Когда собирались открыть новую шахту или штольню, инспекторы шахт, похоже, тщательно изучали различные лики горы, мрачные, покрытые шрамами и бесплодные до последней степени; и, выбрав место в забое скалы, первым делом делали породу рыхлой с помощью мощных костров, которые разжигали дровами у ее основания. Затем более выносливые из рабочих приступали с кирками к рытью галерей, которые редко или никогда не шли по прямой линии; но, следуя направлению металлических жил, поднимались, спускались, разветвлялись косо влево или вправо; и, продвигаясь таким образом, иногда пронизывали всю основную часть горы и, ударяясь вниз, подобно корням деревьев, простирались даже до моря.^[979] Людям, занятым *добычей* руды, за которыми неотступно следовали наставники с орудиями наказания в руках, редко позволялось соразмерять свои усилия с их силой; но часто они трудились, казалось, до упаду, когда их кости присоединялись к грудам тех, кто упал до них. Во время такой работы, особенно когда они, объединившись в большое количество, взбирались по скалам на значительную высоту, они представляли собой необыкновенное зрелище; ведь каждый шахтер^[980] носил лампу, привязанную ко лбу, хотя как, когда они наклонялись, становились на колени или работали боком, она избегала погасания, объяснить трудно.

Трудоемкую операцию по сбору и *перемещению* руды выполняли мальчики нежного возраста, которые складывали ее за устьем шахты. Другой класс рабочих, состоящий в основном из пожилых и немощных людей, теперь носил металлические камни в ту часть шахты, где находились литейщики. Это были сильные и крепкие мужчины в самом расцвете сил, которые с помощью больших каменных ступок и железных пестов под присмотром строгих инспекторов измельчали руду до мелких фрагментов, не превышающих по размеру веточку.^[981] Покончив с этим, ее переносили на мельницы, которые вращали женщины, жены и дочери рудокопов, которые, за исключением тонкого покрывала вокруг талии, были совершенно голыми - несчастье во все времена и во всех местах делало людей презрительными к внешности и равнодушными к морали.^[982] Эти мельницы, без сомнения, тяжелые и трудные в работе, вращали шесть женщин, по три с каждой стороны. Однако, судя по всему, они вполне отвечали цели, для которой были предназначены, поскольку руда, как нам говорят, измельчалась ими до тонкости муки; после этого она передавалась селанджею, последнему звену в той длинной цепи операторов, которая соединяла рудник с плавильной печью. Задача селанджеев заключалась в том, чтобы отделить металл от матрицы, в которой он был произведен. Для этого ауриновую пыль высыпали кучей на широкую полированную доску с небольшим наклоном,^[983] и там промывали и тритурировали, пока большая часть частиц террена не была, с помощью мягких губок и воды, отделена от золота, которое затем помещали в глиняные сосуды с небольшим количеством свинца, олова, соли и ячменного брана и ставили в плавильную печь, где оно в течение пяти дней и ночей подвергалось воздействию пламени. После этого девственное золото выходило на свет сверкающим и чистым, словно не было выжато из человеческих мук или запятнано человеческими слезами.

В плавильных печах Греции, несмотря на сомнения Рейтемайера, с которыми Бекх борется лишь умозаключениями,^[984] совершенно точно использовался древесный уголь,^[985] - в первой плавке из арии, арбута и дуба, из которых последний был наименее почитаем; а во второй - из смолы. В железных рудниках для второй плавки предпочитали уголь орехового дерева эвбея.

Это заставляет нас рассказать о приготовлении древесного угля, которое осуществлялось следующим образом: выкопав в земле круглое углубление, его засыпали или вымостили дном и, нагромоздив на большой высоте поленья из дерева, которые выбирали за их прямоту, чтобы они лежали как можно ближе, покрывали все землей и дерном, чтобы получился круглый курган, похожий на курган. Затем кучу поджигали, а покрытие со всех сторон протыкали косами, чтобы выходил дым. После того как огонь поддерживался в течение положенного времени, которое не указано, уголь убирали и складывали для использования.^[986] Обширные работы такого рода были организованы в районе Ахарне, в Аттике, который снабжался древесиной, главным образом алым дубом, из лесов на горе Парнес.^[987]

Эллинские ремесленники придавали большое значение материалам, из которых изготавливался древесный уголь: так, кузнецы, мангальщики и другие ремесленники предпочитали уголь из сосны дубу, поскольку он лучше поддавался мехи, поддерживал более продолжительное пламя и был менее подвержен внезапному угасанию, хотя и уступал в силе. Вообще, все сухие породы дерева дают более яркое и живое пламя. Ветки и мелкие сучья, как заметили греческие философы, дают при горении самый сильный жар; но считалось, что в них слишком мало тела, чтобы их можно было выгодно превратить в древесный уголь. Однако во Франции и других частях континента для этой цели используются ветки размером не больше гусиного пера. Было замечено, что некоторые виды древесины при горении выделяют гораздо больше дыма, чем другие.^[988] Среди них все те, что любят влажную среду, - платан и ива, а также черный и белый тополь. Виноградная лоза^[989] тоже, будучи влажной, стоит в той же категории, хотя и уступает пальме финиковой, которая пользовалась у древних репутацией самого дымного дерева.^[990] По резкости, однако, дым смоковницы должен был превосходить дым дикой смоковницы,^[991] и вообще всех тех уроженцев леса, которые изобилуют млечным соком. Тем не менее, будучи очищенными от коры, вымоченными в проточной воде и снова высушенными,^[992] эти же виды древесины были свободнее всех других от дыма и давали самое мягкое и чистое пламя.^[993] То же самое можно сказать и о древесине, промытой масляным раствором.^[994]

В Египте, где в настоящее время древесный уголь добывается главным образом из древесины акации и поставляется в большинстве случаев из пустыни, в древности его готовили, особенно для кузнецов, из длинных, жестких, треугольных корней сари,^[995] (*Cyperus fastigiatus*), которые напоминали корни папируса, также сжигаемого в качестве топлива.^[996] Кузнецы Эллады,^[997] однако, не были вынуждены полностью зависеть от древесного угля, поскольку и в Лигурии, и в Элисе, на пути, как предполагается, ведущем через гору Фолоэ в Олимпию,^[998] были открыты ямы, из которых в кузницы поступал ископаемый уголь.

Здесь мы можем заметить, что древние, вместо кремня и стали или люциферовых спичек, использовали для разжигания огня любопытное приспособление, до сих пор применяемое на Востоке:^[999] оно состояло из двух частей, одна из которых была выдолблена в виде уменьшенной ступки, а другая напоминала пестик, который вставлялся в нее и вращался с

огромной скоростью до образования искр. Этот необходимый предмет мебели^[1000] чаще всего изготавливали из плюща, или лавра, или клематиса, а кое-что из илекса (*rhamnus ilex*), или липы; словом, почти из всех деревьев, кроме оливкового. Обычно, однако, считалось, что лучше всего делать обе части инструмента из разных пород дерева. Было замечено, что при использовании этих приспособлений огонь разгорался быстрее при преобладании северного ветра, чем южного, и на высоких местах, чем в углублениях. В Риме девы-весталки разжигали священный огонь с помощью своего рода зеркала, и сила горящих очков была небезызвестна.^[1001] Кроме того, вещи, напоминающие наши люциферовые спички, были у некоторых жонглеров, хотя они, похоже, не вошли в общее употребление, либо потому, что изобретатели отказались разглашать их секрет, либо из-за естественной медлительности человечества извлекать пользу из полезных открытий.^[1002]

863. Ср. илл. ξ. 48. Magii, Var. Lect. p. 130. 1.

864. Однако твердость, по-видимому, была вызвана частично взаимодействием различных металлов, частично жидкостью, в которой закаливались орудия. Уллоа, Философские заметки и т. д., т. ii. с. 90. 94. Observations, p. 468. Ср. Voyages, t. i. p. 384.

865. Плут. Philop. § 8.

866. Thucyd. v. 47.

867. О бронзовой пальме в Дельфах с золотыми плодами рассказывают, что финики были имитированы так точно, что их клевали и уничтожали вороны: Ἐν δὲ Δελφοῖς Παλλάδιον ἔσθηκε χρυσοῦν, ἐπὶ φοίνικος χαλκοῦ βεβηκὸς, ἀνάθημα τῆς πόλεως ἀπὸ τῶν Μηδικῶν ἀριστείων. Τοῦτ' ἔκοπτον ἐφ' ἡμέρας πολλὰς προσπετόμενοι κόρακες, καὶ τὸν καρπὸν ὄντα χρυσοῦν τοῦ φοίνικος ἀπέτρωγον καὶ κατέβαλλον. Plut. Nic. § 8.

868. Herod. i. 48. iv. 81. 70. О необычных формах, которые иногда принимали эти вазы, отчасти упоминает Поллукс, который, описывая προσωποῦττα, говорит, что это был сосуд, расширяющийся вверх в пасть быка или в пасть льва. Onomast. ii. 48. В Королевском прусском музее хранится ваза, пасть которой представляет собой пасть грифона. Racolta de' Monumenti più Interessanti del Real Museo Borbonico, e di varie Collezioni private, Publicati da Raffaele Gargiulo, Napoli, 1825, No. 113. См. в той же коллекции множество других ваз, изображающих лица Гермеса, головы драконов, гиппогрифов, кабанов и т. д. № 75, sqq.

869. Herod. ix. 70. v. 49.

870. Ил. σ. 565. φ. 592. ψ. 561.

871. Бекман, История изобретений, iv. 13.

872. Palæphat. Fragm. ap. Gal. Opusc. Mythol. &c. p. 64, sqq.

873. Ил. δ. 487.

874. Odyss. ι. 391.

875. Tenuiora ferramenta oleo restingui mos est, ne aqua in fragilitatem durentur. Plin. xxxiv. 41.

876. Plut. Lycurgus, § 9.

877. Юстин. xlv. 4. Плин. vi. 4. 34. vii. 57. viii. 82.

878. Диодор. Sicul. v. 33. Suid. v. μάχαρα. t. ii. p. 108. c.

879. Aristot. de Mirab. t. xvi. p. 187. Meteorol. iv. 6. p. 119, seq.

880. Καθάπερ γὰρ οἱ Κελτίβηρες ἐκ τοῦ σιδήρου τὸ στόμωμα ποιοῦσιν, ὅταν κατορύξαντες εἰς τὴν γῆν τὸ πολὺ καὶ τὸ γεῶδες ἀποκαθάρωσιν, οὕτως ὁ Λακωνικὸς λόγος οὐκ ἔχει φλοιὸν, ἀλλ' εἰς αὐτὸ τὸ δραστήριον ἀφαιρέσει τοῦ περιττοῦ διωκόμενος στομοῦται. De Garrulitat. § 17.

881. Plin. xxxiv. 41.

882. Vit. de Pitt. Pref. p. 12. Винкель. Hist. de l'Art, ii. 78.

883. Winkelm. Hist. de l'Art, t. i. p. 176, sqq.

884. Plin. xxxiv. 41.

885. Eustath. ad Il. β. p. 222. Cp. Herod. vii. 61. i. 164. Sch. Aristoph. Pac. 620. Nub. 179.

886. Eustath. ad Il. β. p. 222. 28, sqq. Steph. de Urb. v. Λακεδαίμων. p. 505, c. seq.

887. Cp. Sch. Aristoph. Vesp. 155. 200, seq. Poll. i. 77. Еврип. Orest. 1577. Æsch. Sept. 378. Schol. Thucyd. l. ii. t. v. p. 371. Илиада. δ. 132. μ. 121.

888. Herod. i. 68. Athen. iii. 71. xiv. 57. Sch. Aristoph. Ach. 853. Poll. x. 45.

889. Polit. i. 1.

890. Schol. Аристоф. Lysist. 231.

891. Theoph. Hist. Plant. iv. 3. 3.

892. Poll. ii. 37.

893. См. изящное изображение колонной наковальни, которая, как мы можем предположить, использовалась оружейниками. Gemme Antiche, Figurate di Leonardo Agostini, pt. ii. tav. 36.

894. Goguet. i. 165.

895. Так, говоря об аланах, Аммиан Марцеллин сообщает: Nec templum apud eos visitur, aut delubrum ne tugurium quidem culmo tectum cerni usquam potest: sed gladius barbarico ritu humi figitur nudus, eúmque ut Martem, regionum quas circumcircant præsulem verecundiùs colunt. l. xxxi. c. 2. p. 673. Прим. ред. Гронов. 1693. Pomp. Mel. ii. 1. У Юстина мы также находим реликты древнего поклонения оружию: Ab origine rerum, pro diis immortalibus veteres hastas coluêre. xliii. 3. В Херонее в Беотии до очень поздних времен существовало поклонение скипетру, который называли Копьем. Θεῶν δὲ μάλιστα Χαιρωνεῖς τιμῶσι τὸ σκῆπτρον ὃ ποιῆσαι Διὶ φησιν Ὁφαιστον, παρὰ δὲ Διὸς λαβόντα Ἑρμῆν δοῦναι Πέλοπι, Πέλοπα δὲ Ἀτρεΐ καταλιπεῖν, τὸν δὲ Ἀτρεά Θυέστῃ, παρὰ Θυέστου δὲ ἔχειν Ἀγαμέμνονα- τοῦτο οὖν τὸ σκῆπτρον σέβουσι, δόρυ ὀνομάζοντες. Pausan. ix. 40. 11.

896. Plut. Практика погребения оружия вместе с умершими преобладала и у римлян вплоть до очень позднего периода; в каменном гробу императорских времен, недавно обнаруженном в Эронвале в Нормандии, рядом с воином был найден меч, а также стилос, баклер, кольца и другие украшения" (Thes. § 36). Таймс, 17 июня 1842 года.

897. Поллукс упоминает кельтский меч. i. 149.

898. Винкель. Hist. del' Art. i. 34.

899. Diog. Laert. vi. 2. 65.
900. Poll. x. 141. 144. Damm. Лексикон, 395.
901. Eustath. ad Odyss. δ. 150. 16.
902. Theoph. Hist. Plant. v. 3. 2.
903. О производстве желчного ореха см. Theoph. Hist. Plant. iii. 5. 2, и ср. Valmont de Bomare Dict. d'Hist. Nat. t. iii. p. 8.
904. Demosth. in Aphob. § 4. 8.
905. Plat. Gorg. t. iii. p. 50.
906. Poll. i. 143.
907. Наконечники копий иногда отравляли соком дорикниона. Plin. xxi. 81.
908. Theoph. Hist. Plant. iv. 11. 13. Plut. Lysand. § 28. Диоскор. i. 94.
909. Poll. i. 136. x. 143.
910. Sibthorp. Flora Græca, tab. 4.
911. Theoph. Hist. Plant. iii. 12. 1, seq.
912. Poll. i. 136. x. 143.
913. Ирод. vii. 69.
914. О скифском луке см. Plat. de Legg. t. viii. p. 15; о критском - Poll. i. 45. 149; о стрелах - Athen. x. 18.
915. Poll. i. 244. Herod. vii. 64, 65. 69.
916. Ирод. vii. 61. Theoph. Hist. Plant. iv. 11. 11. Dioscor. i. 114. Парфянские цари, как нам говорят, с гордостью занимались ковкой и заточкой наконечников для стрел: можно предположить, потому что лук был национальным оружием их страны. Плут. Demet. § 20. Наконечники стрел индийцев были необычайно больших размеров. Plut. Alexand. § 63. То, что наконечники стрел у древних скифов были бронзовыми, следует из следующего сообщения Геродота. Ариант, царь Скифии, желая выяснить число своих подданных, приказал им под страхом смерти принести ему каждый по наконечнику стрелы. Его люди повиновались, и когда он убедился в их количестве, то приказал отлить из бронзы огромный сосуд, который в эпоху отца истории еще существовал в месте под названием Эсампэос, между Бористеном и Гипанисом. Он был толщиной в шесть дюймов и вмещал шестьсот амфор. iv. 81.
917. Ирод. vii. 69.
918. Phot. Bib. 445. 21. Poll. i. 138.
919. Poll. i. 42.
920. Id. i. 149. Schol. Аристоф. Acharn. 181.
921. Poll. ii. 30. Ирод. vii. 85.

922. Herod. ix. 21. i. 15.

923. Id. i. 215.

924. В одном случае мы видим, как фессалийские магистраты выходят с золотыми паноптикумами, чтобы встретить прах Пелопида. Ἐκ δὲ τῶν πόλεων, ὡς ἀπηγγέλη ταῦτα, παρῆσαν αἱ τ' ἀρχαί, καὶ μετ' αὐτῶν ἔφηβοι καὶ παῖδες καὶ ἱερεῖς, πρὸς τὴν ὑποδοκὴν τοῦ σώματος, τρόπαια καὶ στεφάνους καὶ πανοπλίας χρυσᾶς ἐπιφέροντες. Плут. Pelopid. § 33.

925. Plut. Demet. § 21.

926. Poll. i. 148, seq. Herod. i. 171. Gitone, Il Costume, tav. 40. Feith, Antiquitat. Homer. iv. 8. p. 316, seq.

927. Goguet, Orig. des Loix, iv. 322.

928. Ирод. vii. 75.

929. Plut. Alex. 32.

930. Ирод. vii. 84.

931. Плут. Alex. § 32.

932. Ср. Poll. i. 135. Schol. Aristoph. Pac. 1188. 389. Plut. Alexand. § 16. Закрытые шлемы без гребней иногда украшались перьями, во многом по индийской моде. Gitone, Il Costume, tav. 42.

933. Плин. Nat. Hist. x. 1. Theoph. Hist. Plant. iv. 4. 5.

934. Plut. Pyrrh. § 11.

935. Ирод. vii. 76.

936. Brunck. not. in Aristoph. Acharn. 439.

937. Herod. vii. 77. 79. 89.

938. Ид. vii. 70.

939. Poll. i. 148, seq.

940. Ср. Herod. vii. 89.

941. Paus. i. 21. 7. vi. 19. 7.

942. Ср. Paus. ix. 26. 8.

943. Etym. Mag. 288. 48.

944. Paus. i. 21. 6.

945. Ср. Ирод. ii. 182.

946. Herod. iii. 47. Плин. xix. 1. Ælian. Hist. An. ix. 17. Плут. Alex. § 32.

947. Poll. ii. 162. 167.

948. Gitone, *Il Costume*, tav. 38, где мы находим изображения боевых топоров, колчанов, луков, мечей и т. д.
949. Constant. *Lexic.* v. χειρίδες.
950. Poll. i. 148, seq.
951. Theoph. *Hist. Plant.* v. 3. 4. v. 7. 7. Thucyd. iv. 9.
952. Ирод. vii. 79.
953. Id. vii. 70.
954. Poll. i. 134.
955. Винкель. *Hist. de l'Art*, i. 276.
956. Sch. Аристоф. *Acharn.* 548.
957. У Эпаминондаса на щите был изображен дракон. Pausan. viii. 11. 8.
958. Sept. *Cont. Theb.* 367. 447. 471.
959. Приспособление Демосфена: "За удачу". Plut. Demosth. § 20.
960. Ксеноф. *Hellen.* iv. 4. 10. Есть предположение, что аркадские союзники Эпаминондаса нарисовали на своих щитах букву Θ, чтобы казаться превращенными в фиванцев. Schneid. ad Xen. *Hellen.* vii. 5. 20. Лакедемоняне рисовали на своих щитах букву Λ. Meurs. *Miscell. Lacon.* i. 18.
961. Schol. Аристоф. *Весп.* 18.
962. Petit. *de Amazon.* xxv. 169.
963. Ср. Sch. Aristoph. *Рас.* 645. *Acharn.* 1087. Из некоторых древних памятников явствует, что по внутренней стороне щита за рукой проходила небольшая тонкая подушечка. Giton. *Il Costume*, tav. 39. Ср. Zoëga, *Bassi Rilievi*, tav. 47, где изображена фигура Капанея, выставившего свой щит как бы в бою.
964. Sch. Aristoph. *Eq.* 846. 855.
965. Sch. Аристоф. *Acharn.* 548.
966. Schol. Aristoph. *Рас.* 439.
967. Plin. *Nat. Hist.* xxxiii. 21. Herod. v. 17. vi. 46. vii. 112. Thucyd. i. 101. Plut. *Cim.* § 14.
968. О цене акций горнодобывающих предприятий, Dem. *adv. Pantæn.* § 6. Schol. *Eq.* 1089.
969. Ср. Petit, *Legg. Att.* vii. 12. p. 543.
970. Μεσοκρινεῖς κίονες, οἱ ἐν τοῖς μετάλλοις ὑφεστηκότεες ἀνέχουσιν τὰ ὀρύγματα. Poll. vii. 98.
971. Theoph. *de Lapid.* § 52.
972. Λέγεται βαρὺ τὸ χωρίον εἶναι. Ксеноф. *Memor.* iii. 6. 12.
973. Горные районы Испании, в которых находились рудники, описаны Плинием как совершенно бесплодные, не дающие ничего, кроме руды. *Nat. Hist.* xxxiii. 21.

974. "Таймс", 24 марта 1841 года.

975. Vitruv. vii. 7. Demosth. in Pantænet. § 6. Harpocrat. v. κεῦκρεῶν. Suid. t. i. p. 1428. a.

976. Такая же чрезмерная трата человеческих жизней наблюдается во всех странах, где шахты разрабатываются в больших масштабах: "Хуан Гонсалес де Альзеведо утверждал в 1609 году, что число индейцев уменьшилось на миллион в окрестностях рудников Перо и на один десяток в других местах, начиная с 1581 года". Schneider, Observations sur Ulloa, t. ii. p. 264.

977. Agatharchid. ap. Phot. Biblioth. Cod. 250. p. 447. a. sqq.

978. Οὔτοι πάντες οἱ τὸν εἰρημένον τῆς τύχης κλῆρον ὑπελθόντες ποθεινότερον ἔχουσι τοῦ βίου τὸν θάνατον. Id. p. 448. a. 38.

979. Подобные раскопки в горе Потоси описывает дон Антонио д'Ульоа: "Le mont du Potosi doit être considéré comme l'intérieur d' une ruche à miel, vu le nombre des percemens, des galeries, des fouilles qu'on y remarque. Это то, что можно легко обнаружить, представив себе огромное количество материалов, которые можно взять изнутри, чтобы получить минералы, которые можно найти повсюду, и из которых можно извлечь аргенты. Поэтому, если возможно полностью изучить внешнюю часть его кроны, можно обнаружить бесконечное множество южных путей, пройденных без всякой необходимости, в соответствии с направлением движения металлических жил". Mémoires Philosophiques, t. i. p. 289.

980. Οὔτοι μὲν οὖν λύχνους προσδεδεμένους τοῖς μετώποις ἔχοντες λατομοῦσιν, ἀκολουθοῦντες οἷον φλεβὶ τῷ λευκανθίζοντι. Phot. Bib. p. 448. a.

981. Cp. Diod. Sicul. iii. 13.

982. Οὗτος δὲ ἐστὶν ὁ πόνος τῶν γυναικῶν τῶν εἰς τὰς φυλακὰς συναπηγμένων ἀνδράσιν ἢ γονεῦσι. Μύλοι γὰρ ἐξῆς πλείους βεβήκασιν, ἐφ' οὓς τὸν ἐπιτιμένον ἐπιβάλλουσι λίθον- καὶ παραστᾶσαι τρεῖς ἐκατέρωθεν πρὸς τὴν μίαν κώπην, οὕτως ἐζωσμέναι δυσπροσόπτως ὥστε μόνον τὴν αἰσχύνην τοῦ σώματος κρύπτειν, ἀλήθουσιν. Phot. Bib. p. 448. a.

983. Plin. Nat. Hist. xxxiii. 21.

984. "То, что афиняне использовали мехи и древесный уголь, не является невероятным; последнее, действительно, может быть справедливо выведено из рассказа о продавцах древесного угля, или, скорее, обжигальщиках, от бизнеса которых значительная часть ахарнийцев, в частности, получала средства к существованию". Dissertation on the Mines of Laurion. Pub. Econ., &c. t. ii. p. 443.

985. Theoph. Hist. Plant. v. 9. 1, sqq.

986. Id. v. 9. 5. ix. 3. 1.

987. Schol. Аристоф. Acharn. 302, 587. Диог. Laert. i. 8. 5.

988. Theoph. Hist. Plant. v. 9. 5.

989. Schol. Aristoph. Весп. 326. Lysist. 308. Древние считали, что дуб халифлойос особенно опасен для молний, поэтому эолийцы никогда не использовали его древесину для жертвоприношений. Theoph. Hist. Plant. iii. 8. 52. 5. Cp. т. 1. 2.

990. Τοῦ τε δυσκαπνοτάτου φοίνικος ἐκ γῆς ῥιζοφοιήτους φλέβας. ΧερEMON, ap. Theoph. Hist. Plant. v. 9. 5.

991. Schol. Aristoph. Βесп. 145. Plut. Sympos. v. 9.

992. Theoph. Hist. Plant. v. 9. 5.

993. Древесный уголь использовался в том числе для утрамбовки под фундамент храмов, как в храме Артемиды в Эфесе: Rursus ne in lubrico atque instabili fundamenta tantæ molis locarentur, calcatis ea substravere carbonibus dein velleribus lanæ. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 21. О нетленности древесного угля святой Августин, любивший немного подекламировать, пишет так: "Quid? in carbonibus nonne miranda est, et tanta infirmitas, ut ictu levissimo frangantur, pressu facillime conterantur: et tanta firmitas ut nullo humore corrumpantur, nulla ætate vincantur, usque adeo ut eos substernere soleant..... Quis eos in terra humida effossos, ubi ligna putrescerent, tamdiu durare incorruptibilior posse, nisi rerum ille corruptor ignis effecit?" De Civitat. Dei, xxxi. 4. Древесный уголь был использован по совету Феодора, сына Рэкоса, саамитянина. Οὗτος ἐστὶν ὁ συμβουλευσας ἄνθρακας ὑποτεθῆναι τοῖς θεμελίοις τοῦ ἐν Ἐφέσῳ νεώ. Καθύγρου γὰρ ὄντος τοῦ τόπου, τοὺς ἄνθρακας ἔφη, τὸ ξυλῶδες ἀποβαλόντας, αὐτὸ τὸ στερεὸν ἀπαθὲς ἔχειν ὕδατι. Diog. Laert. ii. 8. § 19.

994. Plin. Nat. Hist. xv. 8. Cp. Martial. xiii. 15.

995. Theoph. Hist. Plant. iv. 8. 5.

996. Id. Hist. Plant. iv. 8. 4. Dioscor. i. 115.

997. Οὓς δὲ καλοῦσιν εὐθὺς ἄνθρακας τῶν θρυπτομένων διὰ τὴν χρεῖαν, εἰσὶ γεώδεις- ἐκκαίονται δὲ καὶ πυροῦνται καθάπερ οἱ ἄνθρακες. Εἰσὶ δὲ περὶ τε τὴν Λιγυστικὴν, ὅπου καὶ τὸ ἤλεκτρον, καὶ ἐν τῇ Ἠλείᾳ βαδίζόντων Ὀυμπίαζε τὴν δι' ὅρους, οἷς καὶ οἱ χαλκεῖς χρῶνται. Theoph. de Lapid. § 16.

998. Annot. ad Theoph. iv. 552. Xen. Anab. v. 3. 10. Strab. viii. p. 145. Sieb.

999. Plat. de Repub. t. vi. p. 194.

1000. Theoph. Hist. Plant. v. 9. 4, sqq.

1001. Αριστοφ. Nub. 758. Cp. Orph. Lith. 171. p. 111.

1002. Athen. i. 35.

ГЛАВА V.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ДОМОСТРОИТЕЛИ, ПЛОТНИКИ, КРАСНОДЕРЕВЩИКИ, ТОКАРИ, МАСТЕРА ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ, ГОНЧАРЫ, СТЕКОЛЬЩИКИ И Т. Д.

Другой процветающей отраслью промышленности была добыча камней для строительства, которая велась везде, где находили мрамор, или камень, или туф, или гранит.^[1003] Камни

обычно обрабатывались топором или пилой^[1004] в каменоломне, а затем вытаскивались на веревках. Однако во многих случаях, когда стремились к дешевизне или скорости, вместо них использовали кирпичи,^[1005] изготовленные, в дополнение к используемым в настоящее время материалам, из порошкообразного туфа.^[1006]

В приготовлении раствора и цемента греки проявили необычайную изобретательность.^[1007] Они использовали, во-первых, известь, полученную путем обжига грубого мрамора обычным способом, или, во-вторых, , полученную из морских раковин или камней, собранных на берегах рек. Из камней, используемых при производстве гипса, изготавливали превосходный вид цемента, который был настолько прочным и долговечным, что часто оказывался долговечнее материалов, для соединения которых его использовали. Его готовили, измельчая в порошок и смешивая с водой, а затем хорошо перемешивая куском дерева, так как он был слишком горячим, чтобы можно было использовать руки. При удалении со старых стен его можно было сжечь и приготовить во второй и третий раз, как первоначально из камня.^[1008] В Сирии и Финикии его использовали для облицовки стен домов, а в Италии - для их отбеливания, а также для изготовления различных лепных украшений внутри.^[1009]

Часто его, как и парижский гипс, использовали для отливки статуй, как и гипс, состоящий из мраморной крошки, для починки тех, что были случайно разбиты. Пример тому - щека сфинкса, выкопанного на острове Капри.^[1010] Вместо воды, однако, при смешивании использовался жесткий клей, состоящий из шкур и рогов быков.^[1011]

Для покрытия крыш домов обычно использовали черепицу;^[1012] вместо нее, поскольку она была хрупкой и легко разбивалась градом, часто заменяли черепицей из пентелийского мрамора, изобретенной Визом из Наксоса,^[1013] в храмах, как, например, храм Зевса в Олимпии. Диоскорид случайно упоминает, что врачи использовали древесину акации для измельчения в порошок, сжигая ее в печах для обжига плитки.^[1014]

О деятельности маляров наши сведения крайне скудны; однако можно предположить, что они преуспели в имитации дерева и мрамора, поскольку занимались имитацией на полированной поверхности одного камня прожилок и цветов, характерных для другого.^[1015] Некоторые люди покрывали стены своих квартир историческими сюжетами,^[1016] или пейзажами, или фигурами животных во фресках.^[1017] В более поздние века потолки расписывали или инкрустировали цветными камнями,^[1018] или абакулами, чтобы имитировать перья и оттенки павлиньего хвоста.^[1019]

Древесина для строительства домов,^[1020] выбор которой регулировался законом,^[1021] произрастала в большинстве районов Греции, хотя самая лучшая и прямая добывалась в Македонии и Аркадии,^[1022] особенно в пологой долине у места под названием Кранэ, никогда не посещаемой солнцем и огражденной со всех сторон скалами от ветров.^[1023] Были установлены особые правила относительно времени и способа рубки деревьев;^[1024] во-первых, дерево, срубленное весной, легче всего поддается коре; во-вторых, если пренебречь этой операцией, в нем разводятся черви, которые бороздят всю его поверхность, как письменные знаки; в-третьих, то, что срублено, когда луна находится под горизонтом, считалось более твердым и менее подверженным гниению.^[1025] Здесь, пожалуй, стоит заметить, что в стволах диких оливковых деревьев часто находили камни и другие вещества, выросшие в землю. Особенно часто это происходило с теми, что росли на рыночной площади Мегары. Оракул предсказал, что когда это дерево будет срублено, город будет разграблен и разрушен, что и произошло по приказу Деметрия. По этому случаю дерево было срублено и распилено на доски, в его сердцевине были найдены поножи и

другие предметы афинского ремесла.^[1026] Фрагменты древесины сохранились во времена Теофраста.

При рубке твердой древесины плотники использовали тупой топор,^[1027] который таким образом становился острее, в то время как мягкая древесина производила обратный эффект.^[1028] Было принято перед распиловкой древесины вымачивать ее некоторое время в воде;^[1029] и, как говорят, она становилась негорючей от раствора квасцов и некоторых видов уксуса.^[1030] Инструменты греческих плотников как можно ближе напоминали наши; у них были маленькие и большие пилы, рубанок, топор, долото, квадрат, гимлет, авгур,^[1031] компас,^[1032] и, в общем, все остальное, что могло пригодиться в их ремесле. Среди росписей Геркуланума^[1033] мы находим изображение столярной мастерской, где два крылатых джинна деловито орудуют молотком и пилой. При изготовлении линий и т. д. они использовали руддл, который применяется сейчас.^[1034]

Среди наиболее распространенных видов древесины была серебристая ель, считавшаяся чрезвычайно прочной, в подтверждение чего Теофраст приводит следующее обстоятельство: в Фенеосе, в Аркадии,^[1035] случилось так, что из-за непроходимости русел рек равнина превратилась в озеро. Чтобы преодолеть его, они построили мосты из ели, а когда паводок поднялся еще выше, последовательно возводили мост за мостом. Впоследствии, когда вода пробилась себе проход и схлынула, вся древесина этих мостов была найдена в полной сохранности".^[1036] Другими видами древесины были вяз, используемый для дверей, петель и ловушек для ласок;^[1037] кипарис,^[1038] кедр и можжевельник для обшивки стен, балок и панельных потолков; Аркадский и Идейский тис,^[1039] который иногда обманчивым путем подменяли кедром; Эвбейский орех и бук, которые, не будучи подвержены гниению, использовались для свай и подстроек.^[1040] Первое из этих деревьев, выставлявшееся до необычайных размеров, также применялось для кровли домов, главным образом потому, что, издавая громкий треск, оно давало знать, когда собиралось сломаться, и таким образом давало обитателям досуг для побега. Так произошло в общественных банях Антандроса, где люди, предвидя по этому звуку приближающуюся катастрофу, выбежали на улицы и таким образом избежали затопления под руинами.^[1041]

Ящик, илекс и лотос они использовали для дверных опор, которые выдерживали, погружая в коровий навоз.^[1042]

Мастера по изготовлению телег и колес,^[1043] обязательно довольно многочисленные, использовали в своем ремесле следующие виды древесины: алый дуб,^[1044] в странах, не изобилующих илексом, как Лакония и Элида, для телег, плугов и других деревенских орудий; оксия, пихта и вяз - для колесниц;^[1045] илекс, ясень и мачтовый бук - для топорищ. Древесина всех клейких деревьев от природы гибкая, но особенно тутовника и дикой смоковницы, поэтому их, а также платан и тополь использовали для изготовления изогнутых ободов колесниц и кругов колес.^[1046] Для спиц предпочитали древесину кизила, а для спиц волов - древесину самшита, тиса, клена и карпины - елового бука или граба. В старину кузова телег часто делали из плетеных корзин. Кстати, можно заметить, что греки понимали толк в использовании тяглового колеса.^[1047]

Среди ученых^[1048] уже давно муссируется вопрос о том, были ли древние знакомы или не были знакомы с седлом, как оно называется. Теперь можно утвердительно ответить на этот вопрос, поскольку, помимо нескольких свидетельств классических писателей, которые слишком ясны, чтобы их отбрасывать, мы находим на нескольких геркуланских рисунках точные изображения седел, как на лошадях, так и на ослах, с подпругами и крючьями, точно такими же, как в наши дни.^[1049] Очевидно также, что они построены на деревянных рамах, на

которые, возможно, намекает Геродот, когда говорит о седлах из дубленых человеческих шкур.^[1050] В истории постоянно встречаются седла для самптеров; о том, что они были довольно толстыми, можно судить по тому факту, что Аратос при нападении на Аргос спрятал в них множество кинжалов.^[1051] Я упомяну также, между прочим, не вступая в дискуссию, что древние иногда обували лошадей и ослов,^[1052] хотя эта практика, несомненно, не была всеобщей.

Ремесло бондаря^[1053] было менее распространено, чем в наши дни; его основным занятием было изготовление кадок для муки и бочек для воды; их вино хранилось главным образом в кувшинах.^[1054] В последнее время, однако, в обиход вошли небольшие бочонки, а также, вероятно, и большие бочки даже для вина. Мастера по изготовлению насосов, как и сам насос,^[1055] появились поздно, а от огненных двигателей у них остались лишь первые зачатки.^[1056]

Говоря в другом месте о домашней мебели греков, мы неизбежно предвосхитили многое из того, что должно было быть сказано о краснодеревщиках и обивщиках. Однако некоторые детали, опущенные в этом месте, будут представлены здесь. Что касается цен на мебель в Афинах,^[1057] лучше умолчать, чем несколькими несовершенными предположениями ограничивать разум читателя. Мы абсолютно ничего не знаем об этом вопросе.

У египтян корни персеи,^[1058] красивого фруктового дерева, которое, как говорят, было ядовитым в Персии,^[1059] служили материалом не только для статуй, но и для кроватей и столов, которые имели насыщенный темный цвет и прекрасно полировались.^[1060] Кроме того, в Сирии произрастала порода дерева, чернота которого переплеталась с румяными прожилками, так что оно напоминало пестрое эбеновое дерево. Из него изготавливали кровати, стулья и другие дорогие предметы мебели.^[1061] Клен растет как на равнинах, так и в горах. В последнем случае его древесина имеет приятный красноватый оттенок, тонкие прожилки и твердую структуру,^[1062] поэтому он часто использовался в превосходной краснодеревной работе. Зигийский клен, в целом красиво облаканный, был настолько твердым, что его нужно было вымачивать в воде, прежде чем приступить к работе. Из всех пород дерева древние считали кипарис^[1064] самой прочной, и в подтверждение этого мнения рассказывают, что во времена Теофраста двери храма Артемиды в Эфесе, сделанные из нее, простояли уже четыре века.^[1065] Она лучше всего поддавалась полировке и поэтому использовалась в дорогих краснодеревных изделиях. Древесина дерева под названием туя (возможно, разновидность дикого кипариса), произрастающего в [Кирене](#) и оазисе Юпитера Аммона,^[1066] считалась нетленной; из ее корней, красиво облагороженных, изготавливали самые изысканные предметы мебели. Рядом с ними предпочитали древесину тутового дерева, которая имела сумрачное зерно, как у лотоса.^[1067] Дорогие кровати иногда делали из дерева оксия и цитрона, ножки которых у персов часто делали из древесины дум-пальмы,^[1068] как у греков их делали из янтаря.^[1069] Статуи,^[1070] которые по истине должны считаться предметами мебели, вырезались из кедра, кипариса,^[1071] лотоса, ящика, а меньшего размера - из корней оливковых деревьев, потому что они не трескались.^[1072] Кроме этих, пожалуй, самых распространенных, мы находим у древних писателей упоминания об изображениях из черного дерева, дуба, тиса, клена, бука, пальмы,^[1073] мирта, груши, липы и виноградной лозы, к которым можно добавить смоковницу, которую часто предпочитали из-за ее мягкой текстуры, легкости, сияющей белизны и плотной текстуры. Иногда из эбенового дерева и слоновой кости вырезали статуи лошадей. Поскольку во время господства определенных ветров некоторые из этих пород дерева были склонны к потению,^[1074] вульгарные люди, которые ничего не понимали в причине, считали это обстоятельство чудачеством.^[1075]

Из узловатой древесины ели делали таблички для рисования или письма, низшие сорта которых были очень распространены; но был и высший, очень красивый сорт, которым пользовались только богатые люди.^[1076]

Другим предметом мебели во всех греческих домах был сундук или кофр^[1077], в котором хранились деньги и пластины, или дорогая одежда. Предметы такого рода часто изготавливались из самых лучших и ароматных пород дерева, например кедра, и украшались со всех сторон, а также на крышке, многочисленными рельефными фигурами, иногда из золота или слоновой кости, как в случае со знаменитым сундуком Кипселоса, хранящимся в сокровищнице в Олимпии.^[1078] Обычно, однако, они изготавливались из более скромных материалов; иногда их фанеровали тонкими досками из тиса, которые приобретали высокую полировку. Люди более низкого достатка заменяли их маллекинами из тонкой плетеной корзины или плетеными из коры вишни или липы.^[1079] Можно, кстати, заметить, что хлебные корзины изготавливались из ивы и веток каштановых деревьев,^[1080] очищенных от кожуры, и что в Египте изделия такого рода обычно плели или ткали из листьев финика и дум-пальмы, и, вероятно, они были пестрыми по цвету, как в настоящее время. При дворе, однако, хлебные корзины одно время были из золота, но по форме напоминали камышовые корзины, которые использовались у ранних греков.^[1081]

Фонари тоже вначале были плетеными,^[1082] хотя затем, как и в наше время, изготавливались из тонких пластин рога или слоновой кости.^[1083]

В некоторых частях Греции, когда люди, не имея дорогой мебели, хотели устроить грандиозное развлечение, они нанимали все, в чем нуждались, - сиденья, кровати, вазы и т. д., - у маклера, чьим бизнесом на острове Самос занимался тиран Поликрат.^[1084]

Поскольку слоновая кость широко использовалась древними для изготовления мебели,^[1085] читатель не пожалеет, если найдет здесь объяснение того, каким образом она становилась мягкой и податливой. Этот секрет, похоже, до сих пор ускользал от современных авторов по искусству. Месье Дютенс^[1086] и миланские редакторы Винкельмана^[1087] отмечают, что древние владели искусством размягчения слоновой кости, не давая, однако, никаких намеков на то, что они понимали, в чем состоит секрет. Но все дело было очень простым, поскольку они просто замачивали кусок слоновой кости, который собирались обработать, в перебродившем растворе, называемом зифос,^[1088] приготовленном из ячменя, который обычно пили, с примесью меда или без него, все люди в Галлии. Многие из этих украшений из слоновой кости были изготовлены на токарном станке. Из сучков аркадской пихты делали также большие чаши блестящего черного цвета.^[1089] Существовал даже вид камня, который, будучи мягким при добыче в каменоломне, превращался и разрезался на чаши, тарелки и другие изделия для стола, которые поддавались высокой полировке и становились твердыми от постоянного пребывания на воздухе.^[1090]

Вероятно, именно искусству токаря греки обязаны многими прямыми и изящными видами тростей, которыми особенно пользовались богатые люди и которые назывались персидскими, несомненно, потому, что их использование пришло из Азии. Другие предпочитали лаконскую косу,^[1092] сделанную, как правило, из куска белого терна, а философы - палки из оливкового дерева.^[1093] Тогда, как и сейчас, деревенские жители имели привычку носить с собой витые и некрасивые трости, изогнутые иногда сверху и из тяжелых материалов. Также использовались прямые легкие стволы малахии,^[1094] и березы, а также бузины,^[1095]; некоторые носили палки из агнуса кастуса или лавра, которые, как считалось, обладали свойством предохранять тех, кто их носил, от несчастных случаев или травм.^[1096] Изготовление зонтов или зонтиков, которые открывались и закрывались, как наши

собственные,^[1097] несомненно, представляло собой отдельную отрасль промышленности. Эти изделия, как можно заметить, изготавливались с большой элегантностью, с изящно украшенными ручками и снабженными по периметру^[1098] многочисленными удлиненными каплями. Вероятно, те же ремесленники изготавливали в своих мастерских раскладные сиденья, или походные табуреты, изобретенные Дейдалосом, использование которых, по-видимому, было очень распространено в Афинах.^[1099]

Что касается изготовления музыкальных инструментов, мы можем сообщить лишь несколько деталей, хотя это прибыльная отрасль промышленности во всех частях Греции. Музыкальные инструменты древние делили на три вида:^[1100] те, на которых играли с помощью дыхания, - труба, труба и флейта; те, чья гармония заключалась в струнах, как лира и китара; и те, которые издавали звук, ударяя или сталкиваясь друг с другом, как цимбалы и барабан. Лучшие трубы, предположительно изобретение тирренцев,^[1101] были получены из Италии, хотя во многих случаях вместо этих больших инструментов использовались большие морские раковины. На Востоке трубы иногда изготавливали из коровьей шкуры, хотя обычными материалами были медь и железо с небольшим количеством кости для мундштука.^[1102] Они были двух видов - прямые и кривые.

О трубке из ячменной соломы,^[1103] изобретенной Осирисом, ничего не нужно говорить, кроме того, что ее использование и изготовление служило развлечением пастухов. Изготовление обычной трубы было важной отраслью промышленности, особенно в Беотии, где тростник^[1104], из которого она делалась, произрастал в Орхоменских болотах,^[1105] между Кефисом и Меласом, в местечке под названием Пелекания.^[1106] Время для рубки тростника, которое преобладало до эпохи Антигона, было месяцем Боздромион; но для улучшения инструмента этот музыкант изменил время, и теперь оно приходилось на месяцы Скирофорион и Гекатомбион.^[1107] Тростник готовили следующим образом: срезав, его складывали в кучу, не снимая листьев, и оставляли на открытом воздухе на всю зиму. Весной их очищали от наружных наростов, хорошо растирали и выставляли на солнце, а летом разрезали на части у узлов и оставляли еще на некоторое время под открытым небом".^[1108] Междоузлия не достигали двух ладоней в длину, а лучшие части тростника, используемого для изготовления двойной трубы^[1109], были примерно посередине.^[1110] Трубы и флейты^[1111] также изготавливались из костей ног оленей, по крайней мере в Беотии. Поперечная флейта из дерева лотоса^[1112] была изобретением африканцев. Элимейская флейта из самшита обязана своим происхождением фригийцам, на ней играли во время поклонения Кибеле. Флейта под названием "гиппофорбос" была изобретена последними жителями Ливии, которые обычно играли на ней во время выпаса своих огромных стад лошадей в пустыне.^[1113] Это был очень простой инструмент, сделанный из куска лаврового дерева путем снятия коры и вычерпывания сердцевины. Его резкий пронзительный звук, который был слышен далеко и близко, радовал слух лошадей, которые, вероятно, как и турки, оценивали достоинства музыки по ее громкости. Монаулос, любимое изобретение египтян, о котором говорит Софокл в своем "Фамирисе", обычно играли на брачных концертах.^[1114] Похоронная труба карийцев была фригийским изобретением. Среди фиванцев существовал любопытный инструмент такого рода, вероятно, использовавшийся на охоте, сделанный из костей оленей с покрытием из бронзы.^[1115] Тирренцы, как и грубые спортсмены Европы, извлекали музыку из рога. Среди финикийцев была маленькая флейта из гусиных костей, не превышающая в длину пролет, называемая гингра^[1116] в честь Адониса, названного так на их языке, которая, издавая плаксивые и меланхоличные ноты, несомненно часто использовалась в плаксивых оргиях этого божества. Ее характер очень прост, ее обычно давали в руки новичкам,^[1117] и, похоже, она была очень распространена в Афинах. Однако самыми необычными трубами, перечисленными древними писателями, были те, которыми наслаждались скифские

племена, называемые греками каннибалами, черноплащниками и аримаспийцами; они изготавливались из костей ног орлов и грифов.^[1118] Кельты и жители островов океана, наши собственные предки, несомненно, отвергали музыку грифовых ног и довольствовались нотами сирикса.^[1119]

В прежние времена существовала флейта, предназначенная для каждого лада, или великого раздела национальной музыки, но затем Промос из Фив^[1120] изобрел одну, одинаково хорошо подходящую для каждого лада. Даже изготовление мундштуков и футляров для флейт составляло значительную отрасль промышленности. Материалами, из которых в основном изготавливались эти инструменты, были, помимо уже упомянутых, ветви бузины и карликового лавра, кости ослов и детей, слоновая кость и серебро.^[1121] Органы и гидравлические органы, последние изобрел александрийский цирюльник Ктесибий, которому античность также обязана знанием насоса, древние причисляли к духовым инструментам.^[1122]

Из струнных инструментов наиболее распространенной была лира,^[1123] изготавливавшаяся из многих пород дерева, а иногда и из слоновой кости.^[1124] Мост обычно был из илекса.^[1125] Китара,^[1126] введенная в Афинах Фринисом,^[1127] иногда делалась из рога с деревянными колышками,^[1128] хотя упоминается одна, сделанная полностью из чистого золота, украшенная рельефными фигурами муз, Орфея и Аполлона, и густо усыпанная изумрудами и другими драгоценными камнями.^[1129] Магадис,^[1130] иногда причисляемый к духовым инструментам, несомненно, был струнным, поскольку мы видим, как Тимофей, обвиненный в Спарте в новаторстве в количестве аккордов, указывает своему обвинителю на древнюю статую Аполлона, на которой бог изображен играющим на магадисе с таким же количеством аккордов.^[1131] В доказательство его древности можно отметить, что Лесботемис, скульптор, процветавший в далекую эпоху в Митилене, где этот инструмент всегда был в большом почете,^[1132] изобразил одну из муз с магадисом в руке. Пектис, который, как говорят, был изобретением Сапфо и некоторые путают с магадисом, скорее следует рассматривать как модификацию этого инструмента.^[1133] Эпигонейон, названный так по имени его изобретателя Эпигона, амбракийца по происхождению, хотя впоследствии ставшего гражданином Сикиона, был разновидностью арфы с сорока струнами, напоминавшей, вероятно, те многоаккордные инструменты, которые изображены на памятниках Египта и Эфиопии. Этот Эпигонос, как говорят, был первым человеком, который при игре отказался от использования плектра.^[1134] Древние арабы опередили синьора Паганини и извлекли мир сладостных звуков из инструмента с одним аккордом.^[1135] У ассирийцев была своя пандура, с тремя струнами.^[1136] Среди скифов был найден пентахордон, нанизанный на ремешки из сыромятной бычьей кожи, на котором играли с помощью плектра из козьего копыта. Ливийцы, особенно троглодиты, наполняли свои пещеры музыкой пситуры, иначе называемой аскароном, - инструмента размером в локоть квадратный, который издавал звуки, напоминающие звон кастаньет. Кантарос приписывает его изобретение фракийцам. К ним можно добавить барабан, бубен,^[1137] с цимбалами и кастаньеты, иногда медные, а иногда из раковин, на которых играли женщины в честь Артемиды.

Гончарное дело^[1138] пользовалось у греков большим уважением, так что несколько знаменитых городов соперничали друг с другом в производстве изделий. Среди них первое место занимали Афины,^[1139] Самос и Родос.^[1140] Даже беотийский Аулис получил некоторую известность благодаря своей глиняной посуде.^[1141] Но та, что изготавливалась в Колиасе,^[1142] в Аттике, из найденной там глины и богато расписывалась фигурами из сурика, кажется, была самой красивой из известных в античности.

Количество производимых грубых изделий было огромным, ведь и масло, и вино, и соленая рыба, и соленья, и множество других товаров экспортировались в кувшинах, а почти все кулинарные операции проводились в глиняных сосудах. Те из них, которые попали в Египет после завоевания этой страны персами, наполнялись водой из Нила и перевозились в пустыню на верблюдах, чтобы утолить жажду путников в этой засушливой местности.^[1143] Возможно, самыми большими изделиями из глиняной посуды были кувшины, некоторые из которых, как говорят, вмещали почти четверть зерна, вместо которого иногда использовались плетеные рогульки.^[1144] Много искусства и изящества было проявлено в формах, лакировке и росписи фитильных ваз, некоторые из которых, легкие и изящные по форме, были сделаны без дна, исключительно для украшения.^[1145] Краски, использованные в росписи ваз, особенно тех, которые предназначались для хранения праха умерших, были, как правило, светлыми и стойкими; а легкость и красота фигур доказывают, что древние гончары уделяли большое внимание искусству дизайна. Орнаменты были чрезвычайно разнообразны, иногда они состояли из изображений богов, таких как Геракл, Пан или гении, иногда из дубовых листьев, гирлянд или фестонов, расположенных со вкусом и элегантностью.^[1146] Афиней говорит о разновидности фарфора, называемого россиқаном,^[1147] покрытого формами цветов, на который Клеопатра тратила пять мин в день. Другая отрасль гончарного дела заключалась в изготовлении ламп,^[1148] которые были настолько широко распространены, что во всем греческом и римском мире города, руины храмов и погребальные камеры, раскопанные под землей, щедро изобилуют ими, целыми или фрагментами.^[1149] Говорят, что Гиперболос сколотил значительное состояние, продавая лампы низкого качества.^[1150] Восковые свечи, однако, тоже были в употреблении, по крайней мере в более поздние века,^[1151] и из тех же материалов делали искусственные гранаты и другие украшения, а также небольшие переносные изображения животных, людей и богов, которые, подобно нашим фигуркам из парижского гипса, продавались, как и глиняные, на улицах. Можно составить некоторое представление и о цене, поскольку мы находим, что фигурка Эроса стоила драхму.^[1152]

Производство стекла^[1153] было доведено древними до очень высокой степени совершенства.^[1154] Они знали методы выдувания, резки и гравировки на нем; могли окрашивать его в любые насыщенные и блестящие цвета, чтобы имитировать самые драгоценные камни,^[1155] от рубина и аметиста до бирюзы и берилла; Из него делали кувшины, чаши и вазы, демонстрируя всевозможные оттенки павлиньего шлейфа, который, подобно раковинам и грудке голубя, при любом освещении проявлял новые оттенки, угасая, трепеща и переплавляясь друг в друга при смене точки зрения.^[1156] Изготавливались квадраты из стекла, идеально отполированные и прозрачные снаружи, но содержащие внутри фигуры различных цветов.^[1157] Из стекла также делали басы и альты рилиеви, отливали, как гранят драгоценные камни, камеи.^[1158] Александрийские производители преуспели в обработке стекла,^[1159] которым они искусно имитировали все виды глиняной посуды, изготавливая кубки всех известных форм.

Кроме того, добавляется, что в Египте был найден определенный вид земли, без которой нельзя было изготовить лучшие сорта цветного стекла^[1160]. Петроний сообщает нам, что в царствование Тиберия один искусный экспериментатор открыл искусство придания этому веществу пластичности, но император из каких-то своих тиранических побуждений предал его смерти, и таким образом его секрет был утерян для мира.^[1161] Похожий акт жестокости совершили государственные власти Данцика, которые в XVII веке заставили задушить способного механика, изобретшего превосходный ленточный станок.^[1162]

1003. Винкель. Hist. de l'Art. i. 37.

1004. Cp. Sch. Aristoph. Pac. 299.

1005. Plato de Rep. t. vi. p. 15. Винкель. Hist. de l'Art, ii. 544. Goguet. iv. 11. Theoph. de Lapid. 48.

1006. Винкельман, ii. 544.

1007. Кроме того, в одном случае, когда у них не было мотыг, они проявили не меньшую изобретательность в способе переноски раствора. При спешном строительстве крепости Пилос Демосфеном и его спутниками солдаты несли грязь, которая должна была служить цементом, на голых спинах, наклоняясь вперед, чтобы она не упала, и завязывая руки на поясице под ношей: καὶ τὸν πηλὸν, εἵπου δέοι χρῆσθαι, ἀγγείων ἀπορία, ἐπὶ τοῦ νώτου ἔφερον, ἐγκεκυφότες τε, ὡς μάλιστα μέλλοι ἐπιμένειν, καὶ τῷ χεῖ ρε ἐς τοῦπίσω συμπλέκοντες, ὅπως μὴ ἀποτίπτοι. Thucyd. iv. 4. Читатель, несомненно, будет поражен живописной энергией, с которой великий историк рассказывает об этом скромном факте.

1008. Theoph. de Lapid. § 65, sqq. Лепнина, или κοινία, также называлась ἀσβέστος. Стена, покрытая этим веществом, называлась κεκοινιαμένος τοῖχος. Schol. ad Theocrit. i. 31.

1009. Theoph. de Lapid. § 67.

1010. Winkelmann. Hist de l'Art, ii. 81.

1011. Dioscor. v. 164.

1012. Luc. Contemplat. § 6.

1013. Об этом Висе, жившем в эпоху Алятты и Астиага, Павсаний рассказывает следующее: τὸ δὲ εὖρημα (viz. что из черепицы) ἀνδρὸς Ναξίου λέγουσιν εἶναι Βύζου, οὗ φασι ν ἐν Νάξῳ τὰ ἀγάλματα ἐφ' ᾧ ἐπίγραμμα εἶναι

Νάξιος Εὐεργὸς με γένει Λητοῦς πόρε, Βύζεω

Παῖς, ὃς πρῶτιστος τεύξε λίθου κέραμον.

De Situ Græciæ. v. 10. 3. Cp. Poll. i. 12. Другим изделием, изготовленным теми же ремесленниками, были дымовые горшки, ὀπαῖαι, которые, по-видимому, были почти повсеместно распространены: ὀπαῖαν οἱ Ἀττικοὶ τὴν κεραμίδα ἐκάλουν, ἣ τὴν ὀπὴν εἶχεν. Poll. ii. 54. Природа ὀπαῖα более точно объясняется автором Etymologicum Magnum: κράτης δὲ φησιν ἀνοπαῖαν τὴν τε τρημένην κεραμίδα τὴν ἐπὶ τῆς ὀροφῆς. iii. 21.

1014. Dioscor. i. 133.

1015. Winkelmann, ii. 68. Ксеноф. Œconom. i. 3, seq.

1016. Дион Хризостом. i. 261. ii. 459.

1017. Sch. Aristoph. Pac. 153.

1018. Plat. De Rep. t. vi. p. 353. Pollux. x. 84.

1019. Знанием этого факта мы обязаны старшему Плинию: In Belgicâ provinciâ candidum lapidem serrâ, qua lignum, faciliusque etiam, secant, ad tegularum et imbricum vicem: vel si libeat, ad quæ vocant pavonacea tegendi genera, xxxvi. 44. О чем у Далекампа есть следующее примечание: Docti complures legendum putant, pavita, aut pavimenta, *i. e.* pavimenti modo facta et constructa. Ego pavonacea interpretor, picturatis lapidum impositorum quadris ad instar pennarum pavonis fulgentia, et splendentia, ut hodie fit in principum ædibus tegulis magnâ colorum varietate nitentibus et conspicuis. См. также примечание Хардуэна на сайте.

1020. Среди самых хрупких жилищ человечества, за исключением, пожалуй, бумажных домиков японцев, можно упомянуть описанные Геродотом назамоны, состоящие из стеблей асфоделя, переплетенных с камышом: οἰκήματα δὲ σύμπηκτα ἐξ ἀνθερίκων ἐνερμένων περὶ σοχοίνους ἐστὶ, καὶ ταῦτα περὶ φορητά. iv. 190. Ср. с v. 101.

1021. Theoph. Hist. Plant. v. 55.

1022. Theoph. Hist. Plant. v. 2. 1.

1023. Id. iv. 1. 2.

1024. См. любопытную фигуру топора, Mus. Chiaramont, pl. 21. О времени плодоношения лесных деревьев см. Theoph. Hist. Plant, iii. 4. 4. Тот же натуралист замечает, что илекс в Аркадии был вечно усыпан желудями, причем старые не опадали до тех пор, пока не появлялись новые. Тис и сосна цветут, по его наблюдениям, немного раньше середины лета, и ярко-желтые цветы последней чрезвычайно красивы по форме. Ib.

1025. Geopon. i. 6. 4. iii. 1. 2. iii. 10. 4. iii. 15. 3. Theoph. Hist. Plant. v. 1. 2.

1026. Theoph. Hist. Plant. v. 2. 4.

1027. Лукиан. Юп. Confut. § 11, который в другом месте вспоминает о практике плотников, закрывающих один глаз, чтобы лучше видеть. Икароменип. § 14.

1028. Theoph. Hist. Plant. v. 4. 7.

1029. Id. v. 6. 4.

1030. Aul. Gell. Noct. Apt. xv. 1.

1031. Рукоятки и малые молоточки делались из маслины, ясеня, вяза и ясеня; большие молоточки - из соснового дерева. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 8.

1032. Schol. Aristoph. Nub. 179.

1033. Antich. di Ercol. t. i. tav. 24, p. 181.

1034. Μίλτος τεκτονική. Dioscor. v. 12.

1035. В этой стране смоляная сосна (πίτυς) была редкостью, но она изобиловала в Элисе. Theophrast. Hist. Plant. iii. 94.

1036. Id. v. 4. 6.

1037. Id. v. 3. 5-7. 4-4, и далее.

1038. Athen. ix. 67.

1039. Theoph. Hist. Plant. iii. 10. 1, seq.

1040. Теофраст. Hist. Plant. iii. 8. 4. v. 7. 7.

1041. Id. v. 6. 1.

1042. Id. v. 5. 4-6.

1043. Schol. Аристоф. Eq. 462. Poll. i. 253.

1044. Theoph. Hist. Plant. iii. 16. 3.

1045. Id. iii. 10. 1.

1046. Id. v. 6. 2.

1047. Афины. iii. 55.

1048. Бекман решает отрицательно, i. 247.

1049. Antich. di Ercol. t. ii. tav. 12, p. 79. t. iii. pp. 227. 231.

1050. Herod. iv. 64.

1051. Плут. Arat. § 25.

1052. Бекман, История изобретений, ii. 170, sqq.

1053. Sch. Aristoph. Pac. 1168.

1054. Id. 1055. 789.

1055. Cp. Dutens, Orig. des Découv. p. 258. Аристоф. Pac. 17, seq. Eq. 432, cum Schol.

1056. Бекман, iv. 75, seq.

1057. Cp. Вœeckh, Pub. Econ. of Athens. i. 1441, чьи кропотливые исследования на эту тему не привели ни к какому результату.

1058. Это дерево, плодоносившее в Египте, цело только на Родосе. iii. 3. 5.

1059. Илиан. De Natur. Animal. ap. Schneid. ad Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 5. t. iii. p. 284. Рассказ об этом дереве, приведенный Диоскоридом, содержит краткую ссылку на факт, подробно описанный Илианом, что оно было ядовитым в своей первоначальной стране, а также некоторые другие подробности, которые, как я полагаю, больше нигде не указываются. Περσέα δένδρον ἐστὶ ν ἐν Ἀγύπτῳ καρπὸν φέρον ἐδώδιμον, εὐστόμαχον- ἐφ' οὔ καὶ τὰ λεγόμενα κρανοκόλαπτα φαλάγγια εὐρίσκεται, μάλιστα δὲ ἐν Θηβαΐδι. Δύναμιν δὲ ἔχει τὰ φύλλα λεία ἐπιπλαττόμενα ξηρὰ, αἱ μορράγιαν ἰστέον, τοῦτο δὲ ἱστόρησαν τινες ἐν Περσίδι ἀναιρετικὸν εἶναι, μετατεθὲν δὲ εἰς Ἀιγύπτον, ἀλλοιωθῆναι καὶ ἐδώδιμον γενέσθαι. i. 187.

1060. Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 5. Cp. Clusii. Hist. Rar. Plant. i. 2.

1061. Theoph. Hist. Plant. v. 3. 3. Cp. Gitone, Il Costume Antico e Moderno di tutti i Popoli. t. i. p. 94, tav. 15.

1062. Theoph. Hist. Plant. iii. 11. 12, seq.

1063. Id. v. 3. 3.

1064. Предполагалось, что это дерево особенно любит вечные снега критской Иды. Theoph. Hist. Plant. iv. 1. 3.
1065. Hist. Plant. v. 4. 2.
1066. Theoph. Hist. Plant. v. 37, seq. Cp. Плин. Hist. Nat. 30. Diod. Sicul. v. 46. Это дерево, благодаря своей необычайной прочности, часто использовалось для кровли древних храмов. Многие полагают, что это Arbor Vitæ. Clus. Hist. Rar. Plant. i. 24. p. 36, seq.
1067. Theoph. Hist. Plant. v. 4. 3.
1068. Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 7.
1069. Schol. Аристоф. Eq. 530.
1070. Plat. De Rep. t. vi. 86. Plin. viii. 39. xxxv. 36. xxxiii. 54. Poll. i. 7. См. примечание миланского редактора Winkelmann, Hist. de l'Art, t. i. p. 31, seq.
1071. Plut. Alex. § 14. Herod. ii. 131. Павсаний приводит список различных пород дерева, использовавшихся в древнейших статуях. viii. 17. 2.
1072. Theoph. Hist. Plant. v. 3. 7.
1073. Id. v. 3. 6.
1074. Cp. Theoph. Hist. Plant. v. 9. 8.
1075. Plut. Alex. § 14.
1076. Theoph. Hist. Plant. iii. 9. 7.
1077. Schweigh. Anim. in Athen. t. vi. p. 52. Schol. Arist. Eq. 1207. Casaub. ad Theoph. Char. 310. Poll. vii. 79. Plat. Tim. t. vii. pp. 52. 61. Luc. Amor. § 39. Арист. De Mund. c. vi.
1078. Крейцер. Комментарий. Herodot. Ægypt. et Hellen. i. § 7. p. 62, seq. Raoul Rochette, Cours D'Archéologie, p. 342, seq.
1079. Theoph. Hist. Plant. iii. 10. 4-13. 1. v. 7. 5. Филост. Икона. i. 31. p. 809.
1080. Theoph. Hist. Plant. iii. 15. 2. v. 7. 7. Из листьев карликовой пальмы делали и общие корзины, Id. i. 6. 11, а из корней папируса - различную домашнюю утварь. Id. iv. 8. 4.
1081. Athen. vi. 15.
1082. Schol. Аристоф. Acharn. 428.
1083. Athen. vi. 157. О том, что ремесло изготовления фонарей имело большое значение в древнем мире, можно судить по большому количеству фонарей, которые использовались в укрепленных городах либо при осаде, либо в случае опасения внезапного нападения врага. См. по этому вопросу длинный и интересный отрывок в Æneas Tacticus, cap. xxvi. p. 81, seq. Прим. ред. Orell. Cp. cap. xxii. p. 67, seq.
1084. Athen. xii. 57.
1085. Люк. Циник. § 9. Somn. seu Gall. § 14.
1086. Origine des Découvertes, p. 194.

1087. Histoire de l'Art. p. 34.

1088. Εύεργης δὲ καὶ ὁ ἔλεφας γίνεται βρεχόμενος αὐτῷ Dioscor. ii. 109.

1089. Theoph. Hist. Plant. iii. 7. 1.

1090. Id. de Lapid. § 42. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 44. Tournefort, Voyage, t. i. p. 209.

1091. Gitone, Il Costume, pl. 20.

1092. Casaub. ad Theoph. Char. 170, seq. Suid. v. σκύταλον, t. ii. p. 768. b. Poll. iv. 170. v. 18. x. 113.

1093. Люк. Dial. Meret. xi. § 3. Целастрон, вечнозеленое дерево, и мя также использовались в качестве тростей. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 7.

1094. Theophrast. Hist. Plant. i. 3. 2, seq.

1095. Theoph. Hist. Plant. iii. 13. 4. 14. 4. Старики иногда процветали по паре. Sch. Аристоф. Plut. 272. Обычно, однако, даже зимой они довольствовались одним, и поэтому поэты сравнивали их с трехногими табуретами. Гесиод. Opp. et Dies, 533. Æschyl. Agam. 80. Эврип. Troad. 275. О толстом, тяжелом посохе, которым пользуются старики, см. в Zoere (Bassi Rilievi, tav. 40) басовое рилиево, изображающее смерть Мелеагра.

1096. Dioscor. i. 135.

1097. На этот факт шутливо намекает Аристофан, описывая уши демоса как открывающиеся и закрывающиеся под влиянием красноречия. Equit. 1344, seq.

Τὰ δ' ὦτα γάρ σου, νῆ Δί' , ἐξεπετάννυται,

Ὡσπερ σκιάδιον, καὶ πάλιν ξυνήγεται.

По поводу этого отрывка схолиаст замечает: σκέπασμά τι, ὅπερ αἱ γυναῖκες παρὰ τοῖς Ἀθηναίοις ἔχουσι θέουσαι ὑπὲρ τοῦ μὴ καίεσθαι τὰς ὄψεις ὑπὸ τοῦ ἡλίου. ἐκτείνεται δὲ καὶ συστέλλεται πρὸς τὸν κατεπεύγοντα καιρόν.

1098. Hope, Costumes of the Ancients.-Gitone, Il Cost. Ant. e Mod. pl. 17. pl. 67.

1099. Аристоф. Eq. 1384. cum Schol.

1100. Sch. Aristoph. Nub. 312.

1101. Poll. iv. 70. Sch. Aristoph. Ran. 133. Cp. Raoul Rochette, Cours D'Archéol. p. 136. Вместо труб индейцы, как нам рассказывают, использовали некие кнуты, размахивая которыми и треща в воздухе, они издавали некую грубую музыку. Эти странные звуки сопровождались низким и страшным грохотом их больших барабанов, которые до сих пор продолжают радовать слух индусов. Suid. v. σάλπιγξ, t. ii. 709. b. Об обычной форме трубы см. Gitone, Il Costume, tav. 81. Zoëga, Bassi Rilievi, tav. 9.

1102. Poll. iv. 71.

1103. Cp. Аристотель. Проблема. xix. 23.

1104. Cp. Филост. Icon. i. 20. p. 794.

1105. Границы этого озера, должно быть, во все времена представляли собой живописнейший вид, устланный зарослями ивы и элгноса, а по берегам спускались и уходили далеко в воду разнообразные наземные и водные растения, такие как трубач и тростник, белая нимфея, тифа, флеос, киперос, мениантос, икме и ипнон. Theoph. Hist. Plant. iv. 10. 1.

1106. Theoph. Hist. Plant. iv. 11. 8. Dioscor. i. 94. Этот κάλαμος συριγγίας - Saccharum Ravennæ из Sibthorp, Flora Græca, tab. 52, где отмечается, что он встречается "в Пелопоннесе копресе; ad littora Ponti Euxini propè Fanar."

1107. Theoph. Hist. Plant. iv. 11. 9.

1108. Форма современной трубы описана Чандлером, который, рассказав о таборе, добавляет: "К ней прилагалась труба с тростником в качестве мундштука, а под ним - круглый обод из дерева, к которому прижимались губы играющего. Его щеки были сильно надуты, а ноты так разнообразны, пронзительны и неприятны, что напомнили мне композицию, предназначенную для древней аулос или флейты, о которой рассказывала Минерва". Путешествия и т. д. i. 49.

1109. Cp. Gitone, Il Costume, tav. 65.

1110. Theoph. Hist. Plant. iv. 11. 6, seq.

1111. Schol. Аристоф. Acharn. 827, seq. Cp. Plat. De Rep. t. vi. p. 386.

1112. Theoph. Hist. Plant. iv. 3. 3. Poll. iv. 74.

1113. Poll. iv. 74. Comm. t. iv. p. 720. Ælian. De Nat. Animal. xii. 44.

1114. Poll. iv. 75.

1115. Id. iv. 75.

1116. Афины. iv. 76. Poll. iv. 76.

1117. Athen. iv. 75. Hesych. v. συριγγίσι.

1118. Poll. iv. 76.

1119. Suid. v. σύριγξ, t. ii. p. 844. a.

1120. Cp. Dion Chrysost. i. 263.

1121. Юл. Скалиг. Poet. i. 20, p. 78, seq.

1122. Athen. iv. 75. Pignor. de Serv. p. 88, seq. Vitruv. ix. 9.

1123. Грубый вид лиры до сих пор используется в Малой Азии. Чандлер, Путешествия и т. д., i. 149.

1124. Афины. xv. 50. Ирод. iv. 192.

1125. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 6.

1126. Schol. Aristoph. Весп. 574.

1127. Schol. Aristoph. Nub. 958.

1128. Luc. adv. Indoct. § 10.
1129. Id. § 8.
1130. Athen. iv. 35. Poll. iv. 61. Anab. vii. 3. Meur. Lect. Att. iv. 20.
1131. Athen. xiv. 40.
1132. Id. 36.
1133. Полл. iv. 59.
1134. Etym. Mag. 605. 45.
1135. Poll. iv. 60.
1136. Существовал также инструмент с четырьмя аккордами. Etym. Mag. 514. 34.
1137. См. изображение этого инструмента с портретом, нарисованным на его нижней части. Antich. di Ercol. t. iv. p. 151.
1138. О гончарном круге см. Suidas. v. κωλιάδος κεραμῆες. t. i. p. 1511. b.
1139. Аристоф. Acharn. 901, seq.
1140. Athen. xi. 37.
1141. Pausan. ix. 19. 8.
1142. Schol. Аристоф. Lysist. 2. Chandler, Travels, ii. 166. Лукиан несколько шутливо замечает, что в некоторых частях Африки туземцы были вынуждены использовать страусиные яйца для кубков, потому что в их стране не было гончарной глины. De Dipsad. § 7. Ср. Plin. Nat. Hist. x. 1. Bochart. Hierozoic. Compend. ii. 16.
1143. Herodot. iii. 6. Большая часть гончарного дела заключалась в изготовлении глиняных труб для подачи воды в города и поселки. См. Chandler, Travels, &c. i. 22. seq. 133.
1144. Схол. Aristoph. Pac. 614.
1145. Winkelmann, Hist, de l'Art. t. i. p. 30, seq.
1146. "Morning Chronicle", July 17, 1838, p. 3, где мы находим рассказ о нескольких таких кувшинах, выкопанных в Эксетере.
1147. Athen. vi. 15.
1148. Они были наполнены ἀρύταινα, медным ковшом. Schol. Arist. Eq. 1087. Эропос, царь Македонии, был любителем-ламповщиком, посвящая свои часы досуга изготовлению миниатюрных ламп и столиков, подобно тому, как другие цари после наслаждения роскошью распрямляли свои умы, занимаясь живописью, игрой на флейте или токарным станком. Плут. Demet. § 20.
1149. Herodot. ii. 62. Ср. Sophocl. Aj. 285, sqq.
1150. Аристоф. Eq. 1301. Весп. 1001.
1151. Vid. Plin. xiii. 27. xvi. 70, cum not. Hard.-Antipat. ap. Anthol. Græc. vi. 249.

1152. Анакреон, 10. Athen. viii. 50. Suid. v. κοροπλάθοι t. ii. p. 1500. а.

1153. Plat. Tim. t. vii. p. 81.

1154. Большие стеклянные кубки. Люк. Quomed. Hist. sit Conscrib. § 25. В Античите ди Эрколано представлена стеклянная ваза, настолько прозрачная, что яйца, которыми она наполнена, видны так же отчетливо, как через воду. t. ii. p. 111. Ср. т. iii. p. 287.

1155. Петрон. Сатир, р. 99. Ср. Treb. Poll. Gallien. § 12. p. 321. Кайлус полагает, что они подмешивали к своему стеклу небольшую порцию свинца. т. ii. с. 355.

1156. Упоминания античных авторов об этих вазах немногочисленны. Однако они упоминаются в письме Адриана к консулу Сервиану: "Calices tibi *allassontes* versicolores transmissi, quos mihi sacerdos templi obtulit, tibi et sorori meæ specialiter dedicatos, quos tu velim festis diebus conviviis adhibeas." Vopisc. in Vit. Saturnin. cap. viii. Казобон в своем примечании к этому отрывку говорит об этих чашах в следующих выражениях: *Allassontes qui colorem mutant sicut palumborum colla*. Мурриновые вазы, природу которых многие пытались объяснить, если они и не были разновидностью стекла, то, по крайней мере, обладали многими аналогичными свойствами; а следующее описание Плиния рассчитано на то, чтобы создать самое высокое представление об их красоте: "Splendor his sine viribus: nitorque verius quam splendor. Sed in pretio varietas colorum subinde circumagentibus se maculis in purpuram candoremque, et tertium ex utroque ignescentem, veluti per transitum coloris, in purpura, aut rubescente lacteo. Sunt qui maxime in iis laudent extremitates et quosdam colorum repercussus quales in cœlesti arcu spectantur." Nat. Hist. xxxvii. 8.

1157. Winkelmann, Hist. de l'Art. i. 48.

1158. Винкель. Hist. de l'Art. i. 51. См. Beckmann, Hist. of Inventions, vol. i. p. 240.

1159. Athen. xi. 28. Cp. Schol. Aristoph. Nub. 756.

1160. Strab. ap. Бекман, История изобретений, i. 198.

1161. Satyr. с. 51, p. 25, seq. Burm. Plin. xxxvi. 66.

1162. Бекманн, iii, 494.

ГЛАВА VI.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: МАСЛОБОЙЩИКИ И КРАСИЛЬЩИКИ; - ИТАЛЬЯНСКИЕ СКЛАДЫ; - АПТЕКАРИ; - СБОРЩИКИ ПРОСТОКВАШИ.

Кроме того, в Греции производился целый ряд предметов, будь то предметы пользы или роскоши, продавцам которых трудно дать название. Однако следует предположить, что существовал класс лавочников, аналогичный нашим торговцам маслом и красками, в чьих заведениях можно было найти большинство или все следующие товары: все виды растительного масла для кулинарии, живописи или для сжигания в качестве масла для ламп, морскую соль, вероятно, для медицинских целей,^[1163] масло из хрена,^[1164] используемое

вместо самого корня в качестве приправы. К лампадным маслам греки относили касторовое ^[1166]масло, которое из-за его тошнотворного действия обычно не использовалось в качестве лекарства. Битум ^[1166]также иногда сжигали в лампах. Их фитили обычно были из камыша, ^[1167]который они иногда помазывали маслом, полученным из семян *tuagrum pereppe*; ^[1168]а из некоторых орехов, найденных на дубе, они получали нечто вроде шерстяного вещества ^[1169], которое, будучи скрученным в фитили, свободно горело без масла. Высушенный стебель факельной травы ^[1170]также использовался для этой цели. Изначально огниво состояло из щепок сосны или смоляного дерева, ^[1171]или даже, как на Родосе, из коры виноградной лозы, ^[1172]но затем некоторые горючие составы сжигались в расписных и орнаментированных ручках. ^[1173]

Изготовление смолы, которую обычно можно найти в этих мастерских, осуществлялось следующим образом, ^[1174]особенно у македонцев: Расчистив в лесу большое ровное пространство, как при строительстве молотилки, они тщательно выстилали его и придавали всему наклон к центру. Затем заготовки из дерева складывали по сторонам как можно ближе друг к другу, чтобы высота кучи всегда была пропорциональна ее величине. Эти кучи часто были огромных размеров, не превышая ста ярдов в окружности и поднимаясь на высоту восьмидесяти или девяноста футов. Затем вся насыпь покрывалась дерном и землей; древесина поджигалась через открытый проход внизу, который сразу же после этого закрывался, и по бокам его устанавливались многочисленные лестницы, чтобы в случае появления хоть малейшего дыма на него можно было набросать свежие слои дерна и земли: ведь если пламя находило выход, надежды производителя были разрушены. По подземному каналу, ведущему из центра площадки, смола стекала в просторную цистерну, утопленную в земле примерно в двадцати футах за окружностью кургана, где ей давали остыть. В течение двух дней и двух ночей огонь в этих кучах продолжал гореть, требуя неусыпной заботы и бдительности рабочих, хотя часто случалось, что перед заходом солнца на второй день земляная корка сплющивалась и проваливалась внутрь, а дрова превращались в пепел. Обычно этому предшествовало прекращение подачи смолы. Весь этот период рабочие превращали в праздник, принося жертвы богам и вознося многочисленные молитвы, чтобы смола была обильной и хорошей.

Нитру получали из древесной золы, ^[1175]как и в наши дни в Черкесии, из пепла растения, выращиваемого для этой цели. Предполагается, что древние были знакомы с порохом; ^[1176]и, по-видимому, в самой отдаленной древности среди брахманов существовала смутная традиция искусственного грома и молнии. ^[1177]

Значительным был спрос на различные земли и краски, такие как мелиан, тонкий белый мергель, часто используемый художниками для придания бледного оттенка зеленой краске; ^[1178]цимолиан, используемый фуллерами; ^[1179]и гипс, иногда используемый обоими. Самиан, будучи жирным и невкусным, ^[1180]избегали художники, хотя он нашел свое место среди лекарственных средств. Еще одним предметом, пользующимся большим спросом, был аргол, красивый мох, ^[1181]используемый как живописцами, так и красильщиками; к нему можно добавить киноварь ^[1182]и кермес, используемый для окрашивания алого цвета; индийский черный, ^[1183]индиго, ультрамарин, лампа и слоновая кость, малярная сажа, собранная из стеклянных печей, ^[1184]вердигри, лазурь и сурик, используемые в росписи ваз и глиняных статуй. ^[1185]Другими веществами, которые иногда входили в материалы художников, были сандарак ^[1186]и орпимент, найденные в золотых, серебряных и медных рудниках, охра, руддл и хризоколла. Руддл был успешно имитирован жженой охрой, изготовление которой было изобретением Кидия, ^[1187]который, заметив, что количество охры, найденное в сгоревшем доме, приобрело красный цвет, воспользовался подсказкой, хотя полученный

таким образом продукт уступал натуральному. Лемнийская земля,^[1188] смешанная с козьей кровью, растертая в маленькие круглые пастилки и оттиснутая фигуркой козла, продавалась, частично как лекарство, частично для использования в жертвоприношениях. В тех же лавках, несомненно, продавались сургуч и чернила.^[1189] Рецепт приготовления последних был таков:^[1190] к унции камеди добавляли три унции сажи сосновой горелки или смолы, или даже той, что получали из стеклянных печей и использовали, как уже отмечалось, художники. В этом последнем случае мина сажи смешивалась с полутора фунтами камеди, а также с полутора унциями бычьего клея и медной воды. Настой полыни^[1191] иногда использовался при изготовлении чернил, что сохраняло написанные им рукописи от прогрызания крысами и другими паразитами. Другим способом было промазывание пергамента шафраном и кедровым маслом.^[1192]

Рядом с ними, пожалуй, следует расположить магазины, напоминающие наши итальянские склады, где гурманы древности приобретали свой лучший уксус, соленья и соусы.^[1193] Перечислить все товары, которые можно найти в таком заведении, будет довольно сложно; Но мы можем заметить, что там продавали, среди прочего, лучшую колофонскую горчицу,^[1194] перец,^[1195] вместе со всеми заменителями, иногда используемыми для него, такими как сирийский нард,^[1196] водяной перец,^[1197] и, среди древних итальянцев, ломбардский лювак,^[1198] головки чеснока,^[1199] смесь соли и тимьяна,^[1200] маринованные оливки, и кизилые ягоды, чтобы есть за столом, маринованная кинза,^[1201] горная рута,^[1202] змеиная трава или вейник, фенхель или кервель, усики дикой лозы,^[1203] корень эринго, морской вереск, камчатник, латук и петрушка.^[1204] К ним можно добавить сильфион, кунжут, цитрон, кумин, дикий майоран, каперсы, кресс-салат и листья инжира.^[1205] У сирийцев корень и семена сизона-амомума использовались как пряность, их мариновали с нарезанными тыквами.^[1206] Арабы, как нам рассказывают, приправляли свои блюда листом растения имбирь.^[1207] Корень имбиря был также известен и использовался в качестве приправы в Греции.

Хотя, собственно говоря, в ранние времена не существовало таких профессий, как аптекарь и фармацевт, очень скоро появился класс людей, почти похожих на них, хотя и исповедующих медицину.^[1208] В лавки этих людей мы сейчас попросим разрешения войти и посмотреть некоторые из материалов, с помощью которых дети Эскулапия сохраняли или разрушали здоровье греков. Само же искусство медицины, как оно существовало у них, я не рискну рассматривать, оставив эту часть предмета для изучения профессиональным людям.^[1209]

Интерьер древней хирургии, хотя и был обставлен не так пышно, как в наши дни, все же претендовал на зрелищность. Так, например, на полках стояли многочисленные сундуки для лекарств из слоновой кости, медные и серебряные инструменты,^[1210] ланцеты и футляры, инкрустированные золотом.^[1211] Цветы и ароматические растения хранились в ящиках из древесины липы, а семена - в бумаге или листьях. Жидкие лекарства хранили в сосудах из серебра, стекла или рога, или даже в глиняных кувшинах, если они были хорошо застеклены. Иногда вместо них ставили вазы из самшита, хотя обычно предпочитали металлические, по крайней мере, для тех, которые предназначались для глаз или содержали уксус, смолу или кедровый сок. Сало, костный мозг и все подобные субстанции помещали в оловянные сосуды.^[1212] Наиболее часто используемыми инструментами^[1213], помимо бистурии, были щипцы, ножницы, гипогграфы, ушная раковина, зонд,^[1214] игла, скальпель, зубной напильник, зубной ключ, эвридион и подостраб, инструмент для вправления вывихов. Также, пожалуй, следует упомянуть о бинтах, лигатурах, валенках, бляшках, ворсе, амулетах и кровопускательных чашах.^[1215]

Их знанияЗнания о медицинской материи приобретались по большей части опытным путем, хотя еще до Гиппократов существовали труды о достоинствах растений, среди которых можно упомянуть труд Кратеаса. Постепенно эти трактаты значительно умножались и в конце концов составили своего рода энциклопедию, расположенную в алфавитном порядке;^[1216] хотя время не пощадило ни одного ее фрагмента. Сначала и на протяжении многих веков это искусство опиралось главным образом на образцы, качества которых изучались с большим рвением и, несомненно, с большим успехом. Многочисленные люди посвящали себя сбору, сушке и сохранению лекарственных корней и трав, занятию, требующему много времени и труда, - по этой причине врачи, которыми оно первоначально выполнялось, вскоре оставили его ризотомистам.

Однако сбор простокваши, кем бы он ни осуществлялся, требовал больших знаний и упорства. Люди, занимавшиеся этим делом, в соответствующие сезоны года обходили всю Грецию, особенно горы Пелион в Фессалии, Телетру в Эвбее, Парнас в Фокисе и возвышенности Лаконии и Аркадии,^[1217] расспрашивая по пути жителей каждого района и кантона об используемых у них лекарствах и собирая из уст крестьян и пастухов плоды своего ограниченного, но пристального наблюдения. Большую часть своей жизни они проводили в поле, изучая топографию и распределение растений, исследуя все явления растительности. Они верили, что травы различаются по своим достоинствам и силе в зависимости от того, где они растут - в горах или в долинах, в местах, переполненных влагой, где воздух чист и тяжел, или на возвышенных и открытых местах, где их обдувает и оживляет каждый дующий ветерок. Они также придавали большое значение времени года, погоде и часу дня; предполагалось, что одни растения нужно собирать, когда солнце выдохнет из них всю лишнюю влагу, другие - перед его восходом, третьи - в ночной темноте, когда их листья и цветы покрыты росой. Кроме того, в своих действиях они руководствовались и другими правилами, одни из которых основывались на опыте, а другие - на фантазии и суеверии. Например, при сборе тапсиис^[1218] и некоторых других трав они старались, предварительно помазав себя маслом, стоять спиной к ветру, убежденные, что в противном случае они вдохнут вредные испарения, от которых опухнет все тело, или, в случае с собачьей розой, что у них испортится зрение.

Те, кто собирал горную руту,^[1220] помазывали лицо и руки маслом, чтобы предохранить себя от кожных воспалений. У других трав сок настолько едкий, что жжет как огонь: их собирали с величайшей поспешностью. К выкапыванию чемерицы,^[1221] тоже, запах которой, как предполагалось, быстро воздействует на мозг, они приступали с большой поспешностью, предварительно съев зубчик или два чеснока и выпив после немного чистого вина. Но все эти предосторожности были пустяками по сравнению с теми, которые, по убеждению добрых ризотомистов, были необходимы при сборе цветков пиона.^[1222] Для этой операции они сплели нечто вроде сети из романтики: ее следовало проводить ночью, чтобы дятлы, которые относились к ней с такой же ревностью, как индийские муравьи к своему золоту, не налетели на несчастных травников и своими острыми клювами не вырвали им глаза. Так же и при сборе кентавров они должны были быть начеку, чтобы на них не напали ястребы и не нанесли им вред. Учитывая все эти многочисленные беды, которым подвергалась плоть ризотомистов, Теофраст считает отнюдь не абсурдным, что, отправляясь в столь опасное предприятие, они должны были укреплять свои нервы многочисленными молитвами. Однако некоторые из их действий философ осуждает как выходящие за рамки, например, когда, выкапывая корень асклепия всеисцеляющего, они считали необходимым умиловить мать-землю, закопав вместо него пирог, состоящий из множества различных сладостей. И снова, выкопав корень ириса *foetidissima*, они положили в землю лепешку из яровой пшеницы, смешанную с медом, но не раньше, чем начертили вокруг этого места тройной

круг обоюдоострым мечом. Завладев одним из корней, они некоторое время держали его в воздухе, а затем приступали к добыче второго и так далее. Самыми странными, однако, были церемонии, соблюдавшиеся при выкапывании мандрагоры.^[1223] Сначала на земле мечом начертили тройной магический круг, затем благочестивый ризотомист повернулся лицом к западу и стал орудовать ножом, а второй оператор пустился в пляс, произнося всевозможные любовные заклинания. Еще более опасным был сбор черной чемерицы, который проводили, повернувшись лицом к востоку, и произносили множество молитв Аполлону и Асклепию.^[1224] При этом нужно было строго следить, чтобы ни один орел не появился над горизонтом; ведь если глаз этого царя птиц случайно упадет на травника, занятого копанием, он непременно умрет в течение года.^[1225]

После всех этих утомительных и опасных предприятий ризотомистам, естественно, захотелось получить некоторые преимущества,^[1226] которые они, соответственно, обеспечили себе, продавая с таким трудом добытые призывы своим столь же суеверным соотечественникам. Не претендуя, как я уже сказал, на описание обычной медицинской практики греков, я, тем не менее, приведу здесь несколько более или менее связанных с ней особенностей, которые можно рассматривать как характерные для эпохи и народа.^[1227] Велики были достоинства, которые они приписывали траве алиссон (*biscutella didyma*), которая, будучи истолченной и съеденной с мясом, излечивала гидрофобию. Более того, будучи подвешенной в доме, она укрепляла здоровье его обитателей;^[1228] она защищала от чар и людей, и скот; а будучи привязанной в куске алой фланели вокруг шеи последнего, она предохраняла его от всех болезней.

Семена кориандра,^[1229] съеденные в слишком большом количестве, вызывали, по их мнению, расстройство рассудка. Мазь из шафрана имела противоположный эффект, так как ноздри и головы сумасшедших, натертые ею, якобы получали значительное облегчение.^[1230] Сообщалось, что козопас Мелампос вылечил дочерей Прэтоса^[1231] от безумия большими дозами черной чемерицы, которая после этого получила от него имя Меламподион. Морские луки^[1232], подвешенные над дверями, предохраняли от околдовывания, как и ветка рамнуса над дверями или окнами.^[1233] Отвар розмарина^[1234] и листьев и стебля ветреницы^[1235] давали кормилицам, чтобы стимулировать секрецию молока, а подобный отвар, приготовленный из листьев критской диттании^[1236], давали роженицам. Для сохранения полезных свойств травы, а также для того, чтобы ее было легче доставлять во все уголки страны, ее хранили в суставе ферулы или тростника. Пластырь из ладана,^[1237] цимолиевой земли и масла розы накладывался для уменьшения набухания груди. Считалось, что лекарство, приготовленное из папоротника мула,^[1238] приводит к бесплодию, как и воды определенного фонтана возле Пирры, в то время как водам около Феспии приписывался противоположный эффект, как и вино Гераклеи в Аркадии.^[1239] Жители этого первобытного региона пили молоко в качестве аперитива^[1240] весной, из-за лекарственных трав, которыми, как предполагалось, питался скот. Из сока дикого огурца готовили слабительные средства, которые, как говорили, сохраняли свои свойства в течение двухсот лет^[1241], хотя считалось, что простые растения в целом теряют свои лечебные свойства менее чем через четыре года.^[1242] Восточную камедь под названием канкамон разводили в воде или медовом уксусе для тучных людей, чтобы уменьшить их ожирение, а также в качестве средства от зубной боли.^[1243] Для этой последней цели в полый зуб вставляли камедь эфиопской оливы^[1244], хотя, возможно, большую эффективность приписывали корню диттандера^[1245], который подвешивали в качестве амулета на шею. Пластырь из корня белого терна^[1246] или ириса^[1247], приготовленный с медной мукой, медом и большим кентавром, без боли вытягивал шипы и наконечники стрел. Приправа из папоротника^[1248] продавалась деревенщинам для лечения шеи скота, уязвленного ярмом. Отвар из листьев мальвы^[1249] и вина или медового уксуса давали людям,

которых ужалили пчелы, осы или другие насекомые;^[1250] укусы и ожоги лечились наружным прикладыванием листьев, смазанных маслом, а порошок корней, брошенный в воду, замораживал ее, если оставался на ночь под открытым небом; из масла тростника, зеленого или сухого, готовилась приправа, которая защищала тех, кто помазался ею, от укусов ядовитых рептилий. Приправа из корицы,^[1251] или теребинта и миртовых ягод,^[1252] сваренных в вине, считалась средством от укуса тарантула или скорпиона, как и фисташковый орех от укуса змеи.^[1253] Некоторые люди ели жареного скорпиона, чтобы вылечить его укус;^[1254] порошок, приготовленный из морских крабов, также считался смертельным для этого пресмыкающегося.^[1255] Гадюк^[1256] заставляли вносить свою лепту в лекарственные средства; пойманных живыми, их заключали с солью и сушеными фидами в вазу, которую затем ставили в печь, пока ее содержимое не превращалось в древесный уголь, который считали ценным лекарством. В прошлом веке из Египта в Венецию было ввезено значительное количество мякоти гадюки, чтобы использовать ее для приготовления лечебной патоки.^[1257] Из цветков чихательного растения^[1258] изготавливался своеобразный нюхательный табак, хотя, вероятно, он использовался только в лекарствах. Пеплом старой кожи^[1259] лечили ожоги, натоптыши и мозоли на ногах.

Распространенным средством при поедании ядовитых грибов была доза селитры, разведенной в уксусе и воде;^[1260] с водой считалась лекарством от укуса репейника, а с бензоином действовала как противоядие от яда бычьей крови. Семена горной рябины в небольших количествах считались противоядием, но при слишком обильном применении сами оказывались смертельными.^[1261] Белая чемерица использовалась с медом и другими лекарствами для отравления крыс;^[1262] лубяной шафран,^[1263] мышей, свиней и собак; последних лечили чемерицей.^[1264] Смертоносные свойства этого растения, когда его принимали в любом количестве, были общеизвестны, и поэтому аптекарь Фрасий,^[1265] из Мантинеи, который хвастался тем, что изобрел яд, убивающий без боли, приобрел славу обладателя чего-то вроде чудодейственной силы, поскольку часто в присутствии многих свидетелей съедал целый корень, а то и два корня чемерицы. Однажды, однако, один пастух, зайдя в его лавку, полностью разрушил его репутацию, ибо на глазах у всех присутствующих он съел целую горсть, заметив, что это совсем не страшно, ибо он и его братья в горах привыкли делать столько же и даже больше ежедневно.^[1266] Они, по сути, открыли, что лекарства - не лекарства, а яд - не яд, для тех, с чьим телом они усвоились в результате использования. При ампутации конечностей, перед тем как применить каутерию, обычно давали дозу порошкообразного корня мандрагоры.

О природе, силе и применении древних ядов я не собираюсь распространяться.^[1267] Однако будет уместно отметить, что они открыли лекарства, которые убивали тайно и почти в любое время с момента их введения. Так, с помощью определенных препаратов аконита,^[1268] названного так от Аконе, деревни в стране марианцев, профессиональные отравители могли лишить человека жизни в любой установленный срок, от двух месяцев до двух лет. Однако обладание этим ядом само по себе было смертным преступлением.^[1269] Обычно его подмешивали в вино или гидромель, где его присутствие не должно было определяться на вкус. Сначала предполагалось, что от него не существует средства, так что все, кто его принимал, неизбежно погибали; но в конце концов врачи и даже простые жители страны обнаружили не одно противоядие, приготовленное из сосновой земли,^[1270] из меда и из сока винограда. Другим ядом, очевидно, часто используемым, была луковица лугового шафрана (*colchicum autumnale*), которую, будучи известной всем и почти всегда под рукой, рабы^[1271], как говорят, срывали и съедали, когда гневались на своих хозяев; но, раскаявшись, они с еще большей быстротой бросались на поиски противоядия. Некоторые люди, желая укрепить своих детей от воздействия всех вредных лекарств, имели привычку давать им, как

только они появлялись на свет, небольшую дозу порошка полевой травы,^[1272] которая, по их мнению, обладала силой защищать их навечно. Когда людей приглашали на обед, где они рисковали встретить в блюдах крысиный хворост, было принято жевать немного каламинта перед трапезой.^[1273] В случае с собаками аргивяне, вместо того чтобы прибегать к яду, как их соседи, отмечали ежегодный праздник в собачьи дни, на котором они, кажется, забивали^[1274]

И дворняг, и щенков, и птенцов, и гончих,

а также собак низкого происхождения,

влажная атмосфера их города была особенно склонна к гидрофобии.

Среди наиболее примечательных лекарственных средств была кедровая камедь, обычно прозрачная, с резким запахом. Она считалась губительной для живых тел, но, несомненно, являлась важным ингредиентом материалов для бальзамирования, поскольку полностью сохраняла трупы от тления, за что ее иногда называли жизнью мертвых.^[1275] Кроме того, она входила в состав препаратов, предназначенных для обострения зрения.

Камедь, полученную из вишневого дерева^[1276], разводили в вине и воде для повышения аппетита. Доза шафрана и кипяченого вина восстанавливала тонус желудка после переизобилия за столом. Ассирийское молоко обычно давали больным, страдающим чахоткой, с этой практикой связана апофегма Демосфена, которую, возможно, стоит повторить. Когда он однажды пытался склонить какое-то иностранное государство к союзу с Афинами, один из ораторов заметил, что афиняне похожи на ослиное молоко, присутствие которого всегда указывает на болезнь в тех местах, которые они посещают. "Это правда, - ответил Демосфен, - но болезнь уже существует, а они приходят, чтобы ее вылечить". Смесь соли и воды, в которую египтяне добавляли сок редьки,^[1277] представляла собой очень распространенное противорвотное средство. Опиум был в общем употреблении даже так рано, что, по-видимому, уже в эпоху Гомера,^[1278] который, кажется, прославил его под именем непенте. Спартанские солдаты, по-видимому, широко использовали маковую головку;^[1279] но с той ли целью, что и раджпуты современной Индии, я не берусь определить. Люди, желающие видеть страшные и мрачные сны^[1280], всегда могли удовлетворить свои желания, поедая личи или чечевицу, или семена большой полыни,^[1281] смешанные с дорикнионом. Попутно отметим, что древние хорошо понимали учение о циркуляции крови.^[1282]

1163. Аристоф. Problem. xxiii. 15.

1164. Ῥαφανέλαιον. Диоскор. i. 45.

1165. Κίκινον ἔλαιον.-Κίκι, οἱ δὲ σήσαμον ἄγριον, οἱ δὲ, σέσελι Κύπριον. Dioscor. iv. 164.

1166. Dioscor. i. 99. Ср. Ирод. 179.

1167. Schol. Аристоф. Nub. 60. Athen. x. 25.

1168. Диоскор. iv. 117.

1169. Theoph. Hist. Plant. iii. 7. 4. Plin. xviii. 10.

1170. Poll. i. 229, seq.

1171. Такой же факел до сих пор используется в Черкесии. Дж. С. Белл, Дневник пребывания в Черкесии, ii. 69.

1172. Athen. xvi. 61. Cp. Tzetz. ad Lycoph. 48. t. i. p. 343.

1173. Sch. Aristoph. Vesp. 1373. Boettiger. Fur. pl. 2. Barthelémy, [AnacharsisAnacharsis](#), ii. 330. Goguet. iii. 391. Cp. Gitone, Il Costume, tav. 63. Zoëga, Bassi Rilievi, tav. 14.

1174. Theoph. Hist. Plant. ix. 3. i. Cp. Sch. Аристоф. Acharn. 189. 643.

1175. Theoph. Hist. Plant. iii. 7. 6. Dutens, Orig. des Découvertes, &c. p. 183. Bell, Resid. in Circassia, ii. 30. Бекманн, ii. 434.

1176. Dutens, p. 194, sqq.

1177. Филост. Вит. Аполл. Тян. ii. 33. iii. 13. Фемист. Orat. 27. p. 337.

1178. Dioscor. v. 180. Theoph. de Lapid. § 63.

1179. Dioscor. v. 176. Beckmann, iii. 245. Theoph. de Lap. § 62. Plin. xxxv. 56, seq.

1180. Theoph. de Lapid. § 62, и далее. Plin. xxviii. 53. 77. xxxi. 46.

1181. Бекманн, i. 60.

1182. Dioscor. v. 109. Theoph. de Lap. 58.

1183. Бекманн, iv. 120. 111. 117.

1184. Диоскор. v. 182.

1185. Suid. v. κωλιάδος κεραμῆς, t. i. p. 1511. b. Paus. vi. 26. 11. Herodot. iv. 191. 194. vii. 68, который говорит, что некоторые люди также использовали его для раскрашивания своих тел.

1186. Диоскор. v. 122. 121. О земле и охре у древних см. статью сэра Хамфри Дэви в "Philosophical Transactions", 1815, pt. i. p. 97, seq.

1187. Теоф. де Лapid. § 53.

1188. Dioscor. v. 113. Plin. xxviii. 24. xxix. 33. xxxv. 14.

1189. Luc. Alexand. § 21.

1190. Dioscor. v. 183. i. 93. Plin. xxxv. 25.

1191. Dioscor. iii. 26.

1192. Luc. adv. Indoct. § 16. По преданию, благодаря запаху этого масла книги Нумы сохранялись на протяжении многих поколений. "Mirabantur alii, quomodo illi libri durare potuissent: ille (Hemina) ita rationem reddebat: lapidem fuisse quadratum circiter in mediâ arcâ vinctum candelis quoquo versus. In eo lapide insuper libros impositos [fuisse, fuisse](#), propterea arbitrari eos non computruisse. Et libros cedratos fuisse: propterea arbitrarier tineas non tetigisse." Plin. Nat. Hist. xiii. 27. О достоинствах этого масла свидетельствует и Витрувий. "Quæ unguuntur cedrio, ut libri à tineis et carie non læduntur." ii. 9. В приведенном выше отрывке

Плиния Хардуэн читает "libros citratos" и полагает, что натуралист имел в виду, что в рукописи были сложены листья цитрона: "quorum hæc propria dos, ut arceant animalium noxia, hoc est, tineas". Ср. Plin. Nat. Hist. xii. 7. Но поскольку цитрон появился в Греции и Италии только через несколько веков после эпохи Нумы, совершенно очевидно, что в тексте Плиния должно остаться "cedratos".

1193. Diog. Laert. ii. 31. Schol. Аристоф. Acharn. 192. 643. Athen. ii. 75, seq. Диоскор. v. 21. Plat. De Rep. vi. p. 404.

1194. Schol. Аристоф. Eq. 629.

1195. Ἀνώδυνον τε ἐστὶ καὶ ὑγιεῖνον- καὶ ὄρεξιν κίνει. Dioscor. ii. 189.

1196. Δράβη. Dioscor. ii. 187.

1197. Id. ii. 191.

1198. Λιγυστικὸν. Dioscor. iii. 58.

1199. Schol. Аристоф. Vesp. 680.

1200. Schol. Аристоф. Acharn. 737. Афины. ii. 45.

1201. Диоскор. ii. 205.

1202. Id. iii. 53.

1203. Id. ii. 167.

1204. Poll. vi. 61.

1205. Athen. ii. 76. Schol. Аристоф. Eq. 891.

1206. Диоскор. iii. 34.

1207. Id. ii. 190.

1208. Бекман, История изобретений, ii. 122, sqq.

1209. См. по этому вопросу Dissen. ad Pind. Pyth. iii. 47. 51. Здесь я могу, однако, между прочим, заметить, что в то время как свободных граждан обслуживали врачи их собственного ранга, существовали и подневольные врачи, которые прописывали лекарства от болезней рабов. Plat. De Leg. iv. t. vii. p. 362, seq. Ср. Poll. iv. 177, sqq.

1210. Аристотель. Poet. c. 22, Rhet. iii. 2.

1211. Luc. adv. Indoct. § 29.

1212. Dioscor. proœm. p. 4.

1213. О примитивных инструментах хирургии см. Gouget, Origine des Loix. t. ii. p. 17.

1214. Бекман, История изобретений, iii. 160.

1215. Poll. iv. 181.

1216. Диоскорид, однако, который упоминает об этой работе, далеко не говорит о плане с похвалой: ἡμάρτον δὲ καὶ περὶ τὴν τάξιν- οἱ μὲν ἀσυμφύλους δυνάμεις συγκρούσαντες- οἱ δὲ

κατὰ στοιχεῖα ἀναγράψαντες. διέζευξαν τῆς ὁμογενείας τὰ τε γένη καὶ τὰς ἐνεργείας αὐτῶν, ὡς διὰ τοῦτο ἀσυμνημόνευτα γίνεσθαι. Proœm. p. 2.

1217. Theoph. Hist. Plant. ix. 15. 3, sqq.

1218. Dioscor. iv. 157. Theoph. Hist. Plant. ix. 8. 5.

1219. Κυνόςβατον. Theoph. Hist. Plant. ix. 8. 5.

1220. Dioscor. iii. 53.

1221. Царь Аттал, желая не заходить далеко в вопросах ядов, своими руками выращивал в царских садах большое их количество: гиосциамус, чемерицу, болиголов, аконит и дорикнион, о достоинствах и свойствах которых он получил глубокие знания путем экспериментов. Плут. Demet. § 20.

1222. Παιωνία. Theoph. Hist. Plant. ix. 8. 6.

1223. Μανδράγορας. Theoph. Hist. Plant. ix. 8. 8.

1224. Dioscor. iv. 151.

1225. Theoph. Hist. Plant. ix. 8. 5, sqq. Селезеночник (ἀσπλήνον), предназначенный для получения бесплодия, собирали в темную ночь: ἀσελήνου δὲ νύκτος φασι δεῖν αὐτὴν ὀρύσσειν εἰς ἀτόκιον. Dioscor. iii. 151.

1226. Cp. Poll. iv. 177.

1227. См. остроумное рассуждение о чарах в Luc. Philopseud. § 7, а также список лекарственных растений, введенных в состав средств от подагры. Tragopodag. 138 и далее.

1228. Dioscor. iii. 105. Другим способом отвращения заразных болезней было написание прорицателями стихов на дверях. Luc. Alexand. § В некоторых местах лихорадка излечивалась прикосновением к чудодейственным статуям, например, к статуе борца Полидамаса в Олимпии или Теагена на Тасосе. Deor. Concil. § 12. Перед жилыми домами в качестве талисмана сажали морской орион. Theoph. Hist. Plant. vii. 13. 4.

1229. Dioscor. iii. 71.

1230. Δύναμιν δὲ ἔχει (κρόκινον) θερμαντικὴν, ὑπνωτικὴν, ὅθεν πολλάκις ἐπὶ φρενετικῶν ἀρμόζει καταβρεχόμενον, ἢ ἀποσφραϊνόμενον, ἢ καὶ κατὰ μυζωτηρῶν διαχρίόμενον. Dioscor. i. 64.

1231. Dioscor. iv. 151. Аполлод. ii. 2. 2.

1232. Luc. Alexan. § 47. Dioscor. ii. 202.

1233. Dioscor. i. 119.

1234. Λιβανωτίς. Theoph. Hist. Plant. ix. 11. 10. Dioscor. iii. 87. "In insulis Græcis rariùs in Melo legit." Sibth. Flor. Græc. tab. 14. "In Zacintho, nec non in Bœotia". Д. Хокинс.

1235. Dioscor. ii. 207.

1236. Theoph. Hist. Plant. ix. 16. 1.

1237. Dioscor. i. 81. Cp. Cels. ii. 33. Пилюли из воска давали кормилицам, чтобы предотвратить сгущение молока. Dioscor. ii. 105. Мы уже отмечали избыток молока у

греческих женщин. Тем не менее преобладало мнение, что одна кормилица не может сосать двух детей: οὐδὲ δύο βρέφη ὑπὸ τροφῷ μιᾶς ἐκτρέφόμενα Георон. v. 13. 4. Суеверные кормилицы носили на шее камень галактит, чтобы увеличить количество молока. Plin. viii. 16. xxxvii. 10. Vigenère, *Imagen. de Philostrate*, p. 576.

1238. Ἡμιόνιον. Theoph. Hist. | Plant. ix. 18. 7.

1239. Theoph. Hist. Plant. ix. 18. 10.

1240. Theoph. Hist. Plant. ix. 15. 4. Однако было распространено убеждение, что молоко во все времена являлось лекарством. Так, когда Тимагор принял от персидского царя восемьдесят коров с пастухами для ухода за ними, он сделал вид, что нуждается в их молоке по причине деликатности своего здоровья: ὥς δὴ πρὸς ἀρρώστίαν τινὰ γάλακτος βοείου δεόμενος. Плут. Pelopid. § 30.

1241. Theoph. Hist. Plant. ix. 14. 1.

1242. Dioscor. in proœm. p. 4.

1243. Dioscor. i. 23.

1244. Id. i. 141.

1245. Id. ii. 205.

1246. Id. i. 122.

1247. Ξυρίς, Iris foetidissima. Диоскор. iv. 22.

1248. Πτέρις. Dioscor. iv. 186.

1249. Dioscor. iii. 163. Считалось, что гипс из свежих лавровых листьев производит тот же эффект. i. 106.

1250. В качестве средства защиты от мушкетов греки, как мы видим, имели обыкновение помазывать свое тело маслом, ароматизированным полынью. Диоскор. iii. 26.

1251. Диоскор. i. 13.

1252. Id. i. 91. 155.

1253. Id. i. 177.

1254. Id. ii. 13.

1255. Id. ii. 12.

1256. Id. ii. 18.

1257. Hazelquist, *Travels*, p. 221.

1258. Παρμικὴ. Dioscor. ii. 192.

1259. Τὰ δὲ ἀπὸ τῶν καττυμάτων παλαιὰ δέρματα, κεκαυμένα καὶ λεία καταπλασσόμενα, πυρίκαυστα καὶ παρাত্রίμματα καὶ τὰ ἐξ ὑποδημάτων θλίμματα θεραπεύει. Dioscor. ii. 51.

1260. Dioscor. v. 130.

1261. Id. iii. 53.

1262. Dioscor. iv. 150.

1263. Χαμαιλέων λευκὸς ... ἀποκτείνει καὶ κύνας καὶ ὕας καὶ μύας, σὺν ἀλφίτῳ πεφυραμένη, καὶ ὕδρελαίῳ διεθείσα. Dioscor. iii. 10.

1264. Theoph. Hist. Plant. ix. 8. 4.

1265. Теофраст. Hist. Plant. ix. 16. 7 и далее. Ср. Sext. Empir. Pyrrh. Hypot. l. i. p. 17. b.

1266. Theoph. Hist. Plant. ix. 17. 1.

1267. См. о скифском медленном яде, Theoph. Hist. Plant. ix. 15. 2. Среди римлян *Ieropus marinus* (*aplysia depilens* Linnæus) иногда использовался как тайный яд, как мы видим из примера Домициана, который использовал его для устранения своего брата Тита. Δυσοὶν δὲ ἐτοῖν μετὰ τὸν πατέρα τὴν ἀρχὴν κατασχόντα, ὑπὸ τοῦ θαλαττίου λαγῶ ἀποθανεῖν. τὸν δὲ ἰχθὺν τοῦτον, παρέχεσθαι χυμοὺς ἀπορρήτους, ὑπὲρ πάντα τὰ ἐν τῇ θαλάττῃ καὶ γῇ ἀνδροφόνον. καὶ Νέρωνα μὲν ἐμποιῆσαι τοῖς ἑαυτοῦ ὄψοις τὸν λαγὺν τοῦτον ἐπὶ τοὺς πολεμιοτάτους, Δομετιανὸν δὲ ἐπὶ τὸν ἀδελφὸν Τίτον, οὐ τὸ ξὺν ἀδελφῷ ἄρχειν δεινὸν ἡγούμενον, ἀλλὰ τὸ ξὺν πράῳ τε καὶ χρηστῷ Philost. Vit. Apoll. Tyane. vi. 32, p. 271. Противные качества этой рыбы отмечают также Диоскорид, *Alexipharm.* 30; *Ælian. de Nat. Animal.* ii. 45. xvi. 19, а также Плиний, *Nat. Hist.* ix. 72. xxxii. 3.

1268. Ср. Бекманн, i. 82.

1269. Theoph. Hist. Plant. ix. 16. 7.

1270. Диоскор. iii. 175.

1271. Theoph. Hist. Plant. ix. 16. 6.

1272. Диоскор. iv. 144.

1273. Id. iii. 43.

1274. Athen. iii. 56. Других оснований для этого обычая, по-видимому, нет. Ср. Meurs. Græc. Feriat. iv. p. 183. Яд от укуса бешеной собаки истощался с помощью стакана для питья. Celsus, v. 27. 2.

1275. Δύναμιν δὲ ἔχει σηπτικὴν μὲν τῶν ἐμψύχων, φυλακτικὴν δὲ τῶν νεκρῶν σωμάτων. ὅθεν καὶ νεκροῦ ζωὴν τινες αὐτὴν ἐκάλεσαν. Dioscor. i. 105.

1276. Dioscor. i. 157.

1277. Συρμαία, Poll. i. 247.

1278. Odyss. δ. 221. Plin. Nat. Hist. xxi. 21. Dutens, p. 183. Из одного отрывка Геродота есть основания подозревать, что некоторые азиатские народы уже в его время были знакомы с опьяняющим действием опиумного дыма. Так, описывая жителей больших островов, расположенных в Араксе, он сообщает, что они имели обыкновение собираться вместе вокруг костра и, бросив в пламя плод какого-то неизвестного дерева, с наслаждением вдыхать дым и истечения, испускаемые им, пока не испытывали весь восторг и безумие опьянения, что побуждало их прыгать, танцевать и петь. i. 202. Среди скифов, кроме того, у того же автора мы находим отчетливые следы использования бенга, или конопляного семени. iv. 75.

1279. Thucyd. iv. 26. Celsus, ii. 32. Диоскор. iv. 65.

1280. Диоскор. ii. 129. 179.

1281. Σμίλαξ λεῖα. Диоскор. iv. 145.

1282. Poll. ii. 46. 214. 216. Plat. Tim. t. vii p. 19, seq. 89, seq. 98.

ГЛАВА VII.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ТКАЧИ, ПЕРЧАТОЧНИКИ, ИЗГОТОВИТЕЛИ НОСКОВ, КОРДУВЕРЫ, КОЖЕВНИКИ, ШЛЯПНИКИ, КРАСИЛЬЩИКИ ПУРПУРА И Т. Д., РЫБАКИ.

В прядении и ткачестве древние, очевидно, соперничали с нами, хотя и без помощи машин. Что касается первого процесса, то никакие машины не могут соперничать с человеческой рукой, которая благодаря небольшому маслянистому выделению^[1283] способна придавать превосходную прочность и ровность тончайшим нитям. Так в Индостане раньше производили муслины, которые, будучи положенными на траву и смоченными росой, становились невидимыми.^[1284] И нет причин сомневаться в том, что продукция древнегреческих ткацких станков соперничала с ткацкими станками Дакки. Ткани из Коса^[1285] и Тарентума, по свидетельству древних, действительно, словно снежный туман,плыли вокруг женской фигуры, открывая весь ее контур, как марлевая вуаль.^[1286] В цветистых и пестрых тканях^[1287] они тоже достигали необычайного совершенства. Древним были известны тончайшие и блестящие дробные ткани, имитирующие грудку голубя, соцветия из золота и плетение самой золотой проволоки. Шелк, который до того, как в Китае^[1288] был распространен на западе, они получали из бородки морской раковины; и газон, и батист, и ажурная работа, как брюссельское или валансьенское кружево, были им знакомы.

Не зная, кто был изобретателем искусства ткачества, они приписывали эту честь Афине, которая передала знание о нем Арахне,^[1289] девственнице из Мейонии, впоследствии превратившейся в паука. Но пауки недолго были единственными ткачами среди эллинов, которые быстро изобрели вертикальные и горизонтальные ткацкие станки, которые, по крайней мере в последующие времена, были сделаны из древесины андрахны.^[1290]

Среди самых тонких и изящных тканей Греции были те, что производились в ахейском городе Патре,^[1291] где женщины, вдвое превосходившие мужчин, по-видимому, одни работали на фабриках, от которых, несомненно, получало средства к существованию большее число жителей. Лен, из которого делали тонкий лен и головные уборы^[1292] этого города, выращивали не в окрестностях, а на равнинах Элиса,^[1293] где только в Греции это растение достигло высшей степени совершенства, не уступая по тонкости лучшему, производимому в Индии, и обладая при этом превосходной белизной.^[1294] Тонкие ткани, изготовленные из него, продавались на вес золота.^[1295] Другой вид очень тонкого льна выращивался на острове Аморгос,^[1296] где также производилось постельное белье самой красивой фактуры, часто окрашенное в пурпурный цвет, поэтому слово "аморгис"^[1297] иногда обозначало пурпурный материал, хотя ткани на острове часто были белыми, как и любого другого цвета. В подражание египтянам они ткали своего рода тонкие салфетки, которые, очевидно, использовались так же, как и наши карманные платки.^[1298]

Даже из конопли в древности производили очень превосходные ткани^[1299], особенно у фракийцев, в стране которых это растение встречалось как в окультуренном, так и в диком виде. Он мало чем отличался от льна, разве что большей высотой и толщиной; а ткани, изготовленные из него, не могли отличить от льняных только самые опытные судьи. Из волоса также ткали и плели разнообразную одежду, среди которой, по-видимому, было что-то вроде мантии для дам.^[1300] Из тех же материалов изготавливали мешки, носки, кнуты и рыболовные снасти. Египтяне, заметим попутно, ткали тонкие полотна и паруса, а также делали веревки из волокон растения папирус,^[1301] как индейцы - из травы или мелкого камыша.^[1302]

На острове Кос с ранних времен существовало искусство разведения шелкопрядов и ткачества шелка. Однако поскольку эти насекомые питались листьями сосны, ясеня и дуба, а белая шелковица еще не была завезена в Грецию, производимый ими шелк сильно отличался по качеству от китайского. Искусство разматывать коконы и прясть нити изобрела Памфила, дочь Платеса,^[1303] которая таким образом стала благодетельницей своей страны, чьи ткани вызывали всеобщее восхищение своей деликатностью, тонкостью и прозрачностью, поскольку через них можно было различить всю форму и цвет тела, подобно марлевым сорочкам, которые носят турецкие дамы в глубине гарема.^[1304] Другой вид шелка древние изготавливали из нитевидной бороды *pinna marina*, или морского шелкопряда,^[1305] встречающегося на побережьях Малой Азии, Сицилии и Балеарских островов. Этот вид шелка, очевидно, в какой-то период высоко ценился, поскольку мы видим, как римские императоры дарили сатрапам Армении халаты из него в знак своей императорской благосклонности. В наше время, однако, эта отрасль промышленности была почти полностью заброшена, хотя в Таренто из нее по-прежнему изготавливают очень теплые и красивые зимние перчатки и чулки. Пара таких перчаток была признана достаточно важной, чтобы быть преподнесенной в подарок Папе Бенедикту Четырнадцатому.^[1306]

Но не только за легкость и тонкость ценились шелка и другие нежные ткани древних. Они были пестрыми^[1307] с полосами, ромбами, фигурами птиц и других животных, веточками, цветами,^[1308] и звездами,^[1309] вплетенными в их фактуру, и самых ярких и красивых цветов.

Иногда, когда основа всей ткани была белой, по всему халату или мантии проходила кайма из причудливых завитков, листьев и цветов, переплетающихся между собой, которая иногда украшалась золотыми звездочками. Их цветистые шелка и ткани различных цветов носили не только дамы в своих платьях, но иногда и тщеславные юноши, которые таким образом выставляли себя на посмешище толпы. Из разноцветных тканей изготавливали также покрывала для кроватей и занавески для квартир^[1310]. При изготовлении гобеленов^[1311] и драпировок для статуй и храмов богов проявлялись величайшее великолепие и красота. Целые годы посвящались изготовлению одного изделия, на котором изображались пейзажи и города, а также фигуры богов, героев и групп воинов, иногда выстроенных в религиозные процессии, а иногда участвующих в сражении, где сцена, сражающиеся, их доспехи, оружие и стекающая кровь были представлены различными цветами в жизни. В изготовлении ковров греки проявляли большой вкус и элегантность, независимо от того, рассматривали ли мы фигуры животных, деревьев или цветов, которыми они были вытканы, или их ворс, мягкость и текстуру.^[1313] Много раз, когда они не были расцвечены рукой ткача, их украшали сами дамы веточками, листьями и фигурками в вышивке, иногда разных ярких цветов, иногда - золотыми нитями.^[1314] Даже салфетки в Египте вышивались золотыми цветами,^[1315] как и эти и все виды носовых платков до сих пор на Востоке. В Греции тонкие мягкие жилеты, которые воины^[1316] носили под рубашками, обычно украшались богатой вышивкой женщинами из их семей.

Обычно считается,^[1317] что серебряные нити не использовались до очень недавнего времени ни в ткачестве, ни в вышивке;^[1318] мы находим упоминание, однако, у Филона Иудейского,^[1319] о пурпурных покрывалах, инкрустированных серебром и золотом. Но в конце концов любовь к показухе и великолепию достигла такой высоты, что одеяния стали ткать исключительно из золотых нитей.^[1320] Из тех же материалов изготавливались и ленты, и несколько фрагментов этих тканей не раз находили в урнах в Риме, хотя жадность находчиков почти всегда приводила к тому, что их переплавляли.^[1321] В более поздний период ткани ткали частично из шелка или шерсти, а частично из золота.^[1322]

Перчатки^[1323] греки почти не использовали, хотя, должно быть, очень рано заметили, что их носили персы и, вероятно, другие народы Азии.^[1324] Даже среди своих собственных деревенщин они, похоже, были в моде еще в героические века.^[1325] Главными покупателями эллинских перчаток были, таким образом, садовники и землепашцы, дровосеки и актеры; ведь на сцене часто приходилось появляться в перчатках,^[1326] либо для того, чтобы скрыть цвет или увеличить размер рук, либо, как в случае с фуриями, чтобы придать им вид снабженных когтями, как у гиппогрифа.^[1327]

Чулки, как их правильно называть, были, вероятно, мало известны грекам, хотя мы находим упоминание о неких носках, сплетенных из кизилковых нитей разновидности речного трюфеля,^[1328] которые должны были очень сильно напоминать их как по форме, так и по текстуре. Кроме того, в произведениях искусства мы видим изображения такого рода носков, доходящих почти до колен и несколько свободных, которые, вероятно, и были сплетены. Но обычный носок, как и шляпа, был из войлока,^[1329] и обычно белого цвета,^[1330] плотно прилегающий к ступне и ноге, и носили его в основном женщины, с туфлями или сандалиями,^[1331] а иногда и вместо них,^[1332] хотя в некоторых случаях он занимал то же место в костюме греков, что и в наше время.

Эллинские кордельеры^[1333], по-видимому, во все века занимались процветающим ремеслом, поскольку весь мир, за исключением нескольких философов, был хорошо обут. Их мастерские, по-видимому, были аккуратно обставлены. Уже сделанная обувь, простая или позолоченная,^[1334] располагалась на полках, прикрепленных к стене причудливыми скобами, а колодки, пастели, щипцы, шилья,^[1335] и другие инструменты хранились в арсеналах, иногда снабженных двойными откидными дверцами, четыремя или пятью глубокими полками и чрезвычайно изящными по форме. Их разделочные доски^[1336] были сделаны из древесины дикой груши, которая, будучи очень твердой, сохраняла ножи постоянно острыми. Среди израильтян упоминается обувь из барсучьей кожи.^[1337]

О различных способах дубления, выделки и окраски кожи,^[1338] ли для изготовления одежды, доспехов, обуви или пергамента, пока известно слишком мало. Нам лишь сообщают, что для удаления волоса со шкур и кожи они использовали ягоды белого брионии;^[1339] что для подготовки их к получению любой краски или цвета использовались семена сумаха^[1340]; и что кора ели и древесина ольхи,^[1341] измельченные в щепу, входили в различные препараты для выделки и окраски.^[1342] Оленьи шкуры у фракийцев готовились, вероятно, с шерстью,^[1343] для своего рода бускинов,^[1344] и шкуры овец,^[1345] и собак,^[1346] бобров,^[1347] выдры и барсука, дубленные различными способами, иногда с шерстью, иногда без нее, использовались для изготовления различных предметов одежды. Кожа, кроме того, окрашивалась во все яркие цвета,^[1348] пурпурный, алый и пунцовый, а иногда позолочивалась или покрывалась золотом,^[1349] для сандалий, ремешков и других целей.

Производство шляп и шапок,^[1350] хотя и было менее важной отраслью промышленности, чем у северных народов в наши дни, тем не менее давало работу довольно многочисленному

классу людей. В Афинах в хорошую погоду было не модно носить шляпу вообще, главным образом, возможно, потому, что считалось, что такая практика ускоряет появление седых волос;^[1351] но в те времена года, когда ожидалось внезапные ливни, осторожные люди редко выходили за город без широкополой шляпы, которая, будучи снабжена длинным кожаным шнурком, откидывалась назад и свисала через плечи. Если же дождь заставлял их в неподготовленном состоянии, они, как Стрепсиады в облаках, набрасывали на голову угол мантии. Эти шляпы были различной формы^[1352] и изготавливались из самых разных материалов; иногда квадратной или ромбовидной формы, как наши кепки для колледжей: иногда круглой с широким листом^[1353] и низкой кокетливой короной; иногда с пиком на вершине и ободом, закручивающимся вокруг, как колокольчик египетского лотоса. Существовала и другая модификация шляпы,^[1354] в виде раковины лимпета, без ободка, которую носили в основном рыбаки и бедные работники, а иногда и путешественники.^[1355]

Киник Мениппос, совершая обход Фив в костюме фурии, носил широкополую аркадскую шляпу, на которой были изображены двенадцать знаков зодиака.^[1356] У македонян, которые во всем стремились к великолепию, шляпы придворных и знати были пурпурными,^[1357] как диадема персов,^[1358] которая, однако, была снабжена боковыми клапанами, напоминающими павлиньи крылья. Самым распространенным материалом был войлок, хотя их также делали из кожи. Шапки обычно изготавливались из собачьей, овечьей или бараньей кожи.^[1359]

Но если в некоторых из этих отраслей полезных искусств греки приблизились к современным и, возможно, сравнялись с ними, то в другой они, вероятно, превзошли их; я имею в виду окрашивание,^[1360] в особенности, тот глубокий пунцовый, или фиолетовый цвет, о котором греческие и римские авторы так часто говорят с восхищением, граничащим с восторгом. Винкельман^[1361] не сильно ошибается, полагая, что существовало два вида пурпура, один из которых содержал оттенок фиолетового или морского синего, производившийся в Тарентуме,^[1362] другой напоминал наше озеро, известное в древности как тирийский краситель. О происхождении этого цвета у древних было много легенд (ведь они любили строить мифы о том, что не могли объяснить), из которых мы выберем самые поэтичные. Говорят, что тириец Геракл полюбил нимфу, которая жила где-то на берегу моря, и звали ее, как добавляют, Тирос. При посещении этой девушки Геракла, по обычаю героической эпохи, сопровождал его пес, как мы видим Телемаха в "Одиссее". Этот же пес, не имея любви, чтобы поддержать его, проголодался в пути и, увидев на скале пурпурную рыбу с головой, торчащей из раковины, схватил ее и съел. Когда Геракл добрался до жилища нимфы, она заметила, что морда животного окрашена в яркий пурпур, и в стиле хмурой красавицы заявила, что никогда больше не увидит своего возлюбленного, пока он не принесет ей платье такого цвета. Этот герой, как известно всему миру или можно узнать от поэтов-комиков, всегда отличался скорее храбростью и чревоугодием, чем выдумкой. Однако в данном случае любовь подточила его ум. Он открыл рыбу, стал красильщиком и, изготовив такой товар, какой требовала дама, удостоился чести считаться изобретателем тирийского пурпура.^[1363]

Писатель, которому мы обязаны этой басней, рассказанной им для развлечения Коммода, сохранил ценный рассказ о пурпурном промысле, которым занимались финикийцы. По его словам, они прикрепляли^[1364] несколько небольших корзин в форме колокола на равных расстояниях к длинному, прочному и жесткому тросу, способному противостоять воздействию моря. Эти корзины, как и современные ловушки для угрей, были окружены устья кругом из тонких веточек^[1365], выступающих внутрь и почти сходящихся в центре, напоминающих дно бутылки кларета, но с отверстием, через которое рыба могла легко

протиснуться внутрь, хотя веточки, закрывающиеся за ней с помощью пружины, препятствовали ее выходу. Чтобы заманить добычу, в корзине лежала приманка, которая, по мнению одних, представляла собой петуха, по мнению других - лягушку, насаженную на крючок,^[1366] чтобы уверенность была вдвойне надежной. Приготовив все необходимое, рыбаки доставляли приспособление на скалистый участок берега, где спускали его на воду, предварительно привязав к нему крепкий шнур с куском пробки на конце, чтобы можно было обнаружить и подтянуть его. Оставив ловушки там на всю ночь и весь следующий день, они обычно набирали полную корзину. Затем, отбив панцирь и мякоть, чтобы подготовить их к окрашиванию, они очищали их от всех примесей водой и варили в котле. Кровь, имеющая маслянистую природу, при соприкосновении с жаром плавилась и приобретала насыщенный цвет. Не всегда она принимала один и тот же оттенок, но иногда была желтой, иногда темно-фиолетовой, а иногда и другого оттенка. Все, что окуналось в него, тут же принимало его оттенок. Не выцветала она и на солнце, а, напротив, радовалась лучам света, как бы придавая им дополнительный блеск, усиливая цвет и великолепие оттенков.^[1367]

Где бы и кем бы ни был обнаружен пурпур, он был известен во времена Моисея, который ввел его в костюм первосвященника и в число украшений скинии.^[1368] Гомер,^[1369] тоже говорит о пурпуре среди цветов, которые носили его герои, например, о большой пурпурной пелиссе. Ирис называется "пурпурным"; упоминаются также "пурпурный плащ, пурпурный шар, которым можно играть"; "пурпурные покрывала" большой красоты для кроватей или сидений; "пурпурные ковры"; "пурпурные нити", где отчетливо говорится о "морском пурпуре".^[1370] В другой части "Одиссеи" говорится, что женщины ткали "пурпурные плащи". Президент Гогет провел много полезных исследований относительно того, как использовался тирийский краситель; но с самого начала он путает *conchyliatæ vestes* с пурпурными одеждами, хотя Плиний, на которого он в основном опирается, постоянно их различает. Краску получали из нескольких видов панцирных рыб^[1372], встречающихся в Средиземном море, лучших на острове, на котором был построен Новый Тир.^[1373] Аристотель, который из всех древних лучше всего описал пурпурных рыб, отмечает, что их было несколько видов, из которых некоторые были значительных размеров, например, те, которых ловили у Сигейона и Лектона; а те, что встречались на побережье Кари и в Еврипосе, были маленькими. Как правило, говорит он, те, что обитали в заливах или рукавах моря, были большими и шероховатыми и содержали жидкость черноватого оттенка, хотя иногда она была красноватой, и в небольшом количестве. Некоторые из них достигали мины, или около семнадцати унций, в весе. Те, что попадались у берегов или на мысах, обычно были небольшого размера, но краска, которую они давали, имела более румяный оттенок. В целом также считалось, что те, кого находили на северных побережьях, давали более темную, а на южных - более грубую краску.^[1374] Пурпурный промысел велся на побережье Африки, у острова Меннинкс и у берегов Гетулии.^[1375] Так же и в Европе,^[1376] на побережье Лаконии,^[1377] чей пурпур был очень знаменит; в Еврипосе, как мы видели выше,^[1378] и в ужасном южном изгибе Эвбеи, под скалами горы Кафарей.^[1379] Некачественный пурпурный цвет получали из букцинума,^[1380] но подлинный краситель производился только из *кальхи*. Цвет содержался в белой жилке на шее, остальная часть рыбы не представляла ценности. Для этого, однако, необходимо было взять рыбу живой, так как при смерти цвет исчезал. После тщательного сбора и трехдневного мацерирования в соли^[1381] ее смешивали с определенным количеством воды. Затем все это варилось в течение десяти дней в свинцовых котлах на медленном огне.^[1382] После этого шерсть, хорошо промытая, очищенная и должным образом подготовленная, погружалась в него. Здесь ей давали пропитаться в течение пяти часов. Затем ее вынимали, сушили, чесали и бросали обратно, где она оставалась до тех пор, пока не впитывала всю краску.^[1383] На этот дважды окрашенный пурпур часто ссылаются поэты. Так, Гораций:

Te бис афро

Murice tinctæ

Vestiunt Lanæ.^{[[1384]]}.

И еще раз, где говорится о финикийской операции:

Muricibus Tyriis iteratæ vellera lanæ

Cui properabantur?^[1385]

В другом месте, перечисляя вещи, которыми гордятся вульгарные люди, он снова перечисляет пурпурные одежды -

Gemmas, marmor, ebur, Tyrrhena sigilla, tabellas,

Argentum, vestes Gætulo murice tinctas,

Sunt qui non habeant, est qui non curat habere.^[1386]

Редко или никогда не считалось достаточным полагаться на один вид рыбы. Обычно смешивали несколько видов;^[1387] и к смеси добавляли множество других ингредиентов, таких как селитра, моча, вода, соль и фукус - вид мха, который некоторые писатели считают нашим арголом,^[1388] в изобилии встречающимся на скалистых берегах Крита.^[1389] Оттенок, получаемый этой смесью, напоминал цвет аметиста.^[1390] Ведь под словом "пурпур" древние подразумевали три разных цвета: первый - глубокий фиолетовый с черным или сумрачным оттенком, обозначенный Гомером, когда он говорит о "пурпурной волне" или о "пурпурной смерти". Это был аметистовый оттенок, о котором говорил Плиний, как о великолепном; его производили только калхи и буцина. Второй, напоминающий глубокий алый или пунцовый цвет, цвет спелого граната, был пурпуром Тира и Тарентума. Третьим был темно-синий цвет Средиземного моря, когда оно начинает рябить от ветров; эта разновидность производилась одним только букцинумом и всегда понималась под словом *conchyliata*.^[1391] Недалеко от Дарьенского перешейка была обнаружена морская улитка, которую некоторые считают мурексом древних. По размерам она примерно равна пчеле. Будучи крайне редким явлением, индийские рыбаки сохраняют его, когда находят, в сосуде с водой, пока не соберут достаточное количество для окрашивания куска ткани. Затем, подобно древним тирийцам, они толкут скорлупу и все остальное гладким камнем или чем-то, что служит им для ступки, что, поскольку скорлупа очень тонкая и хрупкая, не требует большого труда, и сразу же окунают хлопковую пряжу или ткань в полученный таким образом раствор. Цвет, получаемый в результате этой операции, - самый насыщенный пурпурный, какой только можно себе представить, и он не тускнеет от пропускания через воду, а становится все более блестящим и ярким, чем больше его стирают. Вещи, окрашенные таким образом, как можно предположить, очень дороги, и из-за своей красоты желанны для самых богатых индийских женщин.^[1392]

Вышеупомянутый фукус, найденный на берегах Крита, иногда использовался отдельно для окрашивания филе, одежды и шерсти, и получаемый таким образом цвет был еще более ярким, чем у пурпурной рыбы, хотя никаких средств для его закрепления обнаружить не удалось.^[1393] Пурпур Гермियोны, однако, сохранял свой блеск и свежесть на протяжении веков. Александр, например, нашел в царском дворце в Сузах огромное количество пурпурных одежд, окрашенных в Гермione, которые, хотя и пролежали почти две сотни лет,

сохранили свой первозданный цвет и красоту; потому что, замечает историк, шерсть была предварительно вычесана с белым маслом, а цвет закреплен медом.^[1394] Даже во времена самого Плутарха можно было увидеть одежду такого же возраста, пурпур которой сохранил свой блеск и великолепие без изменений. Более того, в Помпеях был обнаружен небольшой горшочек с краской, которая, хотя и была покрыта сверху толстым слоем таунита, сохранила весь глубокий тон и богатство, которые древние приписывали тирийскому пурпуру.

Для окрашивания в алый цвет древние использовали кермес^[1395] или кохинел, встречающийся в некоторых районах Греции, но также импортируемый из различных других стран. Иногда его использовали для придания пурпурного цвета вещам.^[1396] Одежда такого цвета, по-видимому, была чрезвычайно редкой среди восточных людей, так как восхищение, вызванное у Дария алым плащом Силосона, которого он увидел, прогуливаясь по большой площади Мемфиса, можно объяснить только предположением, что он никогда не видел подобного;^[1397] иначе он не был бы настолько очарован его великолепным цветом, чтобы заставить его владельца продать его ему на улице. Силосон преподнес ему плащ в подарок, но потом, когда Дарий стал царем Персии, он позаботился о том, чтобы отправиться ко двору и сообщить об этом обстоятельстве, после чего щедрый принц осыпал его своими милостями. Этот вид краски, по-видимому, был известен в Греции с глубокой древности, поскольку Симонид полагает, что даже сигнальный парус, который Эгей подал Тесею во время его экспедиции на Крит, был алого цвета.^[1398] Сарды славились своим алым цветом,^[1399] откуда и поговорка: "Окраситься сардским цветом - значит, быть избитым черным и синим". Древние, однако, обычно принимали это насекомое за плоды дуба остролистного, листьями которого оно питается; это обстоятельство можно считать весьма необычным, если вспомнить, что и насекомое, и дерево ежедневно находились у них перед глазами.

Шерсть овец, по словам греческих поэтов, окрашивалась в красный цвет, если они ели растение маддер.^[1400] Шерсть коричневых овец пряли, ткали и носили ее естественного цвета, как это до сих пор делают деревенские жители некоторых европейских стран. Древним также были известны красители всех других цветов: яркий пламенный и шафрановый, розовый, зеленый и серо-русый;^[1401] глубокий и небесно-голубой, получаемый из ковыля;^[1402] и красный из мадеры.^[1403] Фригийские красильщики использовали минерал^[1404], получаемый из Каппадокии; шерсть иногда окрашивали отваром бобов.^[1405] У египтян белье, муслины и всевозможные ткани расписывались цветами и фигурами в большом разнообразии цветов;^[1406] так было и у массагетов, которые наносили на свои тонкие шерстяные ткани множество узоров, которые сохраняли свой блеск неувядаемым до последнего.^[1407]

Поскольку многие виды шерсти полностью портятся от обычной стирки,^[1408] греки регулярно, когда они пачкались, относили их к набивщикам,^[1409] чья мельница и ремесло, как предполагается, были изобретены Никиясом из Мегары.^[1410] Эти ремесленники использовали в своей работе многочисленные земли и другие вещества, такие как гипс,^[1411] кимольскую землю и кианскую, лемнийскую, сардийскую, умбрийскую, саамскую, тимфейскую и халастрскую.^[1412] Шерсть перед прядением очищали мыльным раствором.^[1413] Для стирки одежды обычно использовали щелок, приготовленный из извести или древесной золы.^[1414] Губки бланшировали следующим образом:^[1415] на те из них, которые были очень мягкими, высыпали некоторое количество соленой рыбы, собранной со скал, после чего их тщательно промывали и клали на летнее солнце полую частью вверх. Они становились еще белее, если их пропитывали соленой пеной или морской водой и выставляли под лучи луны в течение нескольких спокойных летних ночей.

О масштабах и значении греческого рыболовства^[1416] можно судить по огромному количеству рыбы, употребляемой в пищу во всех частях Греции; И хотя в древности они не знали ничего тех долгих постов, во время которых члены греческой церкви в наше время, перестав охотиться на бессловесных обитателей суши, дали волю своей прожорливости в отношении обитателей моря, они были не менее пристрастны к этому виду пищи, чем их потомки,^[1417] как видно из предыдущей части этой работы. Соответственно, рыболовство было налажено почти на каждом участке побережья Эллады, а также на тех островах и дальних колониях, хозяйкой которых она стала.

Так, знаменитый промысел миноги^[1418] существовал на Фаре Мессины, промысел угря - в Сиракузах,^[1419] еще один для ловли пурпурной рыбы - на восточном побережье Эвбеи, второй - на берегах Лаконии, третий - в Сигеуме в Малой Азии, четвертый - в окрестностях Тира и Сидона.^[1420] Китов и дельфинов ловили в Средиземном и Черном морях; тонкотелок - в том же море, на Боспоре, в Мраморном море, в Геллеспонте, в Адриатике и почти во всех восточных частях Средиземноморья. Многие виды мелкой рыбы давали работу многочисленному мужскому населению в заливах и бухтах Аттики и Пелопоннеса; вдоль побережья Крита и в некоторых других частях Архипелага процветал промысел губок.^[1421]

В морях, часто посещаемых акулами, ловцы губок неизбежно подвергались большому риску. Поэтому они тщательно следили за всеми обстоятельствами, указывающими на отсутствие опасности, как, например, за появлением антия,^[1422] который, как предполагается, никогда не встречается по соседству с каким-либо прожорливым морским чудовищем; по этой причине он получил от греков название Священной рыбы.

Кроме того, ныряльщики, занимавшиеся этим ремеслом, использовали множество приспособлений, чтобы уменьшить труд и опасность своего опасного занятия. Иногда они лили масло^[1423] на волны, что делало их одновременно более спокойными и прозрачными и позволяло им лучше переносить свои операции на дне моря. Они также сделали первый шаг к изобретению водолазного колокола, спустившись с большим судном, перевернутым вверх дном на голове, позаботившись о том, чтобы его края погрузились в воду в тот же миг, благодаря чему они унесли с собой некоторое количество воздуха и смогли продержаться под поверхностью значительное время.^[1424] Говорят, что водолаз и его дочь оказали хорошую услугу своей стране во время Медийской войны; спустившись в море во время бури, они ослабили якоря многих персидских судов и таким образом оставили их дрейфовать, чтобы они погибли от непогоды; в память об этих услугах отцу и дочери была воздвигнута статуя в Дельфах.^[1425]

Рыбная ловля велась примерно так же, как и в наши дни. Огромное количество судов^[1426] всех размеров заполнили узкие моря между островами и материком, совершая иногда довольно длительные плавания и беря пассажиров, чтобы увеличить свою прибыль.^[1427] Кроме того, они служили главным питомником для греческого флота,^[1428] особенно афинского, который в лучшие времена республики был укомплектован самыми выносливыми и опытными моряками в древнем мире. В своих операциях они использовали как гарпун, так и различные виды больших сетей,^[1429] а о легкости и быстроте, с которой они наполняли свои суда, можно судить по современным рассказам об огромных косяках рыбы всех видов и размеров, которые в весеннее время собираются восточной оконечности Средиземного моря и вливаются такими толпами в узкий поток Дарданелл и Босфора,^[1430] что одним взмахом сети рыбаки могут наполнить целые ялики, в то время как их можно брать руками с берегов, убивать камнями, как птиц, ловить на крючки без наживки, или женщинами в общих корзинах, спускать на веревках из окон таких домов в Константинополе^[1431], которые случайно стоят на берегу. В других местах рыбаки использовали сети в реках или на морских

побережьях, где вода на некотором расстоянии от берега была мелкой. Различные виды корзин,^[1432] также использовались ими вместе с удочкой и леской. Даже тот варварский способ отравления воды, который во многих частях Европы до сих пор применяется вульгарными людьми, был известен грекам, которые для этой цели бросали в ручьи или пруды истолченные листья *Euphorbia Platyphylla*.^[1433]

На закрытых морях, а также озерах и реках они занимались тем поразительным и романтическим видом рыбной ловли^[1434], которая ведется ночью,^[1435] когда горящий факел на носу лодки выманивает рыбу на поверхность, где она своими яркими глазами и сверкающей чешуей, просвечивающей сквозь прозрачную воду, направляет трезубец рыбака.^[1436] Небольшая флотилия таких лодок, рассеянных по гладкому морю под лесистыми мысами или скалистыми берегами, каждая с ярко-красным огнем, бесшумно скользящая^[1437] туда и сюда, представляет воображению сцену необыкновенной красоты. На картинах Геркуланума^[1438] мы находим пейзаж, изображающий группу рыбаков непосредственно перед днем, когда сумрачные тени начинают рассеиваться первыми слабыми лучами света, которые едва позволяют нам различить лодки, сети, удочки, самих рыбаков и живописный берег, на котором они работают.

Одним из самых прибыльных греческих промыслов был промысел тоню, который начинался около восхода Плеяд и заканчивался вскоре после захода Арктура.^[1439] Поскольку это животное всегда передвигается целыми отрядами и плавает у поверхности воды, которую оно заметно нарушает при своем движении, при этом спортивно дует и издавая громкий шум, рыбаки, на часто посещаемых им берегах, постоянно размещали вдоль берега несколько дозорных, одни из которых сидели на вершинах скал, другие - на отдельно стоящих камнях, поднимающихся из волн, или на деревьях, или на верхушках мачт, установленных на определенном расстоянии вдоль берега, чтобы они могли предупредить о приближении чертенка".^[1440] Как только подавался сигнал, рыбаки отчаливали на барках, делая широкий круг, чтобы взять рыбу с фланга. Затем, спустив свои длинные сети, снабженные свинцовыми грузилами, чтобы топить их, и шнурами^[1441], которыми их затягивали, они образовали полукруг, который, быстро сужаясь вокруг косяка, гнал их к суше, и таким образом наибольшее их количество было либо уловлено в сети, либо пронзено трезубцами.^[1442] Об одной из таких рыбацких станций, на побережье Кипра, рассказывают очень романтический анекдот.^[1443] Нам говорят, что жители, изваяв мраморного льва, которого они украсили изумрудными глазами, установили его на могиле принца страны по имени Гермияс,^[1444] на возвышенности, выходящей на море. Блеск изумруда, проникая сквозь волны, отпугивал чертополохов, которые, по правде говоря, отличаются своей пугливостью, так что рыбаки этой части острова, несомненно, были бы разорены, если бы не обнаружили свойство львиной оптики и не заменили изумруд глазами, менее страшными для пугливых стад Фетиды. Почти столь же необычное обстоятельство рассказывают о проливе, через который поток Боспора впадает в Пропонтис. Говорят, что здесь, в окрестностях Халкидона, с азиатской стороны сквозь волны обнаруживается скала удивительной белизны, которая своей яркостью отпугивает черноморцев, направляющихся как в Черное море, так и из него. Древние натуралисты отмечают, что тунни в этой части своих миграций придерживается строго одного курса, держась в основном азиатской стороны при подъеме к Понту, где, кроме тюленей и дельфинов, не водится ничего губительного для рыб, и, обогнув его берега, возвращается в Эгеиду вдоль побережья Европы.

Этот поступок они объясняют тем, что из двух тусклых глаз правый видит лучше, и что, повинаясь указаниям этого соглядатая, он совершает круги по морю указанным образом. Более веской причиной может быть то, что его своеобразная пища^[1445] наиболее обильна на

азиатском побережье весной, а на европейском - осенью, если, в конце концов, считать сам факт установленным.^[1446] В этом маршруте, однако, он, похоже, действительно по той или иной причине избегает окрестностей Города слепых, что, возможно, и стало одной из главных причин его уступания Византии. Тем не менее, очень нежный вид пелаиды,^[1447] пойманный там, был известен в торговле древнего мира и перевозился во все части Греции.

Мы уже отмечали выше, что добыча тунни начиналась весной, когда он, по-видимому, находился в отличном состоянии и очень высоко ценился. Зимой, какими бы ни были ее качества, ее нельзя было ловить, поскольку она уходила в глубины Эгеана, недоступные для сетей и трезубцев. В летнюю жару она становилась тощей и дряблой из-за преследования некоего червя, который, проникая под плавники,^[1448] беспрестанно донимал ее. Но ближе к осени, избавленная природой от этого вредителя, она снова становилась упитанной и считалась отличным кушаньем. Эта рыба растет очень быстро, особенно в Черном море, где среди огромного количества ила и грязи, приносимых многочисленными реками, она находит в большом изобилии пищу, наиболее соответствующую ее вкусу.^[1449] В настоящее время пелядь, как ее правильно называют,^[1450] мало распространена у берегов Мингрелии, где, как говорят древние, она изобиловала, что делает неправдоподобным, что они включали под этим названием более одного вида осетра, рыбы, которая до сих пор водится в большом количестве в этих частях Черного моря.

Способ добычи пелаиды^[1451] был наглядно описан древним писателем. Хорошо оснащенный и быстрый барк, выйдя в море с гребцами, как можно быстрее выныривал на глубокую воду, на которой один из членов команды, стоявший на корме, спускал снасти. Она состояла из двух крепких канатов, по одному с каждой стороны, к которым было привязано несколько небольших шнуров, каждый с крючком на конце, наживленным лаконской пурпурной рыбой и украшенным пером морского конька, которое, сверкая то там, то здесь в морских течениях, помогало привлечь внимание пелаид. Затем лодка прочерчивала различные линии на поверхности глубины, то проплывая в этом направлении, то в том, пока за ней не последовал косяк рыбы, который, подплыв к ней, прожорливо пожирал наживку, пока ни один крючок не остался без добычи. После этого гребцы прекращали свои труды и, подтягивая веревки, обычно находили свою лодку нагруженной добычей.^[1452]

Возможно, для сравнения стоит упомянуть способ добычи тунни на побережье Чили. Как только индейцы обнаруживают у берега косяк этих рыб, они выходят в море на больших плавучих средствах из тюленьей кожи, надутых воздухом, как пузыри, и несут с собой трезубец с острыми зубцами, прикрепленный к крепкой и очень длинной веревке. Затем они приближаются и пронзают рыбу, которая, сразу после удара, с невероятной быстротой выныривает в море, а индеец тем временем быстро разматывает свою веревку, пока ее сила не иссякнет от потери крови, после чего он свою добычу обратно и, подняв ее на поплавок, возвращается на берег, радуясь.^[1453]

Вполне вероятно, что при таком способе ловли индеец приближается к кролику, когда тот спит,^[1454] как это часто делали греческие рыбаки, которых, когда они выходили в море ночью, а кролик в это время очень сонный, привлекало к добыче белое брюхо рыбы, спокойно спящей на поверхности воды. Многие другие виды рыб также, по-видимому, были добыты во время сна, несмотря на то, что в целом их дремота непродолжительна. Так, плоские рыбы, гнездящиеся в песке или иле, были обнаружены сквозь прозрачную воду и пронзены трезубцем. Точно так же морская собака, златоглазка и кефаль были взяты трезубцем днем, когда они спали; в противном случае считалось, что они едва ли могут быть тронуты этим инструментом. Коньки и другие рыбы селахского племени иногда спали так крепко, что их можно было брать рукой.^[1455]

У берегов Челидонских островов существовал знаменитый промысел антий, который велся особым образом. Рыбаки выходили в море на своих барках, одетые в одежду трезвого цвета, и ежедневно плавали взад и вперед в одном и том же месте и в один и тот же час. Таким образом, антия, в огромном количестве обитающая в этой части моря, привыкала к виду судна и постепенно приближалась к нему, причем один из косяка обычно опережал остальных. Рыбаки бросали ему что-нибудь, что очень любит антия, и продолжали делать это до тех пор, пока рыба не становилась настолько ручной, что охотно ела корм с руки. Тогда в приманку вводили крючок, и, поскольку рыбы толпились вокруг коры в огромных количествах, их быстро ловили и передавали второму человеку, который бросал их на дно лодки на кучу мягких тряпок, чтобы они не шумели и не распугивали своих товарищей. Тень лодки помогала скрыть этот маневр от рыб. Считалось необходимым пощадить антия, который приближался первым, поскольку, будучи, вероятно, своего рода вожаком, его исчезновение мгновенно обращало в бегство всех остальных.^[1456] Иногда говорят, что толпы этих рыб собирались вокруг лодки ударами двух кусков дерева друг о друга на манер кастаньет.^[1457] Милезийцы^[1458] имели вблизи своего города очень прибыльный промысел, главным образом морской собаки,^[1459] которая там достигала больших размеров, чем где-либо еще. Предполагается, что это произошло благодаря обширной лагуне с пресной водой, имевшей, однако, с морем канал, через который эти рыбы попадали внутрь, где они становились прирученными и жирными, и их брали в большом количестве.^[1460]

В одном из мест Смирнского залива в настоящее время ведется плодотворная рыбная ловля весьма изобретательным способом. Берег низкий и ровный, вдоль него тянется сплошная полоса тростниковых заграждений, ограждающая значительное пространство воды и снабженная через определенные промежутки воротами, которые время от времени поднимаются, чтобы впустить мели. После этого проходы закрываются, и рыбу можно спокойно ловить. На побережье Китая можно встретить аналогичный промысел, только вместо тростника здесь используются циновки.^[1461]

В кантоне Марафон существовал небольшой, но, по-видимому, продуктивный рыбный промысел.^[1462] Право ловить рыбу в соленом ручье Рейтæ было законодательно закреплено за жрецами Элевсиса,^[1463] чей город славился скумбрией, а также подошвами или тюрбо.^[1464]

1283. Все производство в Индии осуществляется путем ручного прядения, следовательно, они имеют большее натяжение от влаги, которую дает рука, чем от чего-либо машинного; тонкая пряжа может быть получена ручным прядением "из короткого штапеля, который рамное прядение вообще не трогают". Доклад лордов, 8 июля 1830 г., с. 316.

1284. Тавернье рассказывает, "что посол шаха Сефи по возвращении из Индии подарил своему господину орех какао, усыпанный драгоценностями, в котором лежал муслиновый тюрбан длиной в шестьдесят ковитов, или тридцать английских ярдов, такой изысканной тонкости, что его едва можно было почувствовать на ощупь". The Hindoos, vol. i. p. 188.

1285. Винкель. Hist. de l'Art. i. 498.

1286. Athen. xii. 23. Аристоф. Lysist. 48. Poll. vii. 76.

1287. На них делается ссылка в следующем отрывке Платона: ὥπερ ἰμάτιον ποικίλον πᾶσιν ἀνθεσι πεποικιλμένον, οὕτω καὶ αὕτη πᾶσιν ἤθεσι πεποικιλμένη καλλίστη ἂν φαίνοιτο. De Repub. viii. t. vi. p. 401. Cp. Poll. iii. 34. Winkelmann, i. 500. Athen. ii. 30.

1288. Paus. vi. 266, sqq. Aristoph. Hist. Животные. v. 19, p. 138. Plin. Nat. Hist. ix. 26, seq. Gibbon, t. vii. p. 90, seq. Dapper, p. 266.

1289. Goguet, i. 266. Plut. Nic. § 9.

1290. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 7. Стебель лубяного шафрана (κνῆκος) использовался женщинами далекой древности в качестве веретена. vi. 14. 3.

1291. Pausan. vii. 21. 14. Ср. Dutens, Origine des Découvertes, p. 285. Ирод. ii. 105.

1292. Foës. Œconom. Hippoc. v. κεκρύφαλος. p. 202. У спартанцев эти головные уборы были пурпурными. Athen. xv. 28. Гречанки, по-видимому, иногда носили на голове каулы из тонкой кожи, вероятно, полупрозрачные, которые получили название πορφόλυες. Mœris, p. 206. Бекк. В одной из предыдущих частей этой работы я предположил, что это слово, где оно встречается у Поллукса, означает бисер, потому что так назывались водяные пузырьки, на которые похожи прозрачные бусины. Etym. Mag. 682. 10. Suid. v. πορφόλ. t. ii. p. 565. d. Марциал упоминает о вышеупомянутых каулах в следующих стихах:

Fortior et tortos servat vesica capillos,

Et mutat Latias spumâ Batavâ comas.

Epigram. viii. 23. 19.

1293. Не в Ахайе, как полагает г-н Бекк, это название означает Грецию в целом. Он вырос, замечает Плиний, *около Элима в Ахайе*. Nat. Hist. xix. 4. Вœsch. i. 142.

1294. Paus. vi. 26. 6. v. 5. 2. vii. 21. 14. Winkel. Hist. de l'Art, i. 498. Шестнадцать матрон ткали пеплос Геры в Элисе. Meurs. Gr. Fer. iii. 130, sqq.

1295. Quaternis denariis scripula ejus permutata quondam, ut auri reperio. Plin. Nat. Hist. xix. 4.

1296. Suid. v. Ἀπορύϊς. Аристоф. Lysist. 150, et Schol. Именно по такой цене впоследствии продавался шелк, как мы узнаем из анекдота об Аврелиане. "Vestem holosericam neque ipse in vestiario suo habuit, neque alteri utendam dedit. Et quum ab eo uxor sua peteret, ut unico pallio blatteo serico uteretur, ille respondit, *absit ut auro fila pensentur*: libra enim auri tunc libra serici fuit." Vopisc. Vit. Aurelian, cap. xlv.

1297. См. Dapper, Description des Iles de l'Archipel. p. 184.

1298. Вместо которого старик заменяет лисий хвост. Aristoph. Eq. 906, et Schol.

1299. Poll. vii. 73. Ирод. iv. 74.

1300. Hemst. ad Poll. x. 32. Ср. ii. 24.

1301. Herod. vii. 12.

1302. Id. iii. 98. Comm. on Poll. vii. 76.

1303. Aristot. Hist. Animal. v. 19. Plin. Nat. Hist. ix. 26.

1304. Lady Montague's Works, t. ii. p. 191.

1305. Shaw, Travels in Barbary. Винкельман, i. 499.

1306. Winkelmann, Hist. de l'Art. i. 499. Æschyl. Agamem. 855.

1307. Плут. Aristid. § 16. Winkelmann, Hist. de l'Art, i. 492. Herod. vii. 67.

1308. Plat. de Repub. t. vi. p. 401.

1309. Athen. xiii. 45. xii. 50. Cp. Winkelmann, i. 499. Gitone, Il Costume Antico e Moderno di tutti i Popoli, t. i. p. 94. Tav. 15.

1310. Casaub. ad Theoph. Char. p. 172. Athen. xv. 42.

1311. Хом. Il. γ. 125, sqq.

1312. Cp. Hom. Il. ζ. 289. 295.

1313. См. кн. III. гл. ii.

1314. Одним из самых выдающихся произведений греческого ткацкого станка, по-видимому, была та великолепная хламида, которую ткали для царя Деметрия в период его свержения. Она, как нам говорят, долгое время находилась в работе и представляла в одном огромном изображении и лицо земли, и небо со всеми его созвездиями. Но она так и не была завершена: ни один из последующих государей Македонии не обладал великолепным вкусом сына Антигона. Плут. Demet. § 41. Рядом с ним, возможно, по любопытству изготовления можно отнести ту богатую мантию длиной в пятнадцать локтей, которую сибарит Алкистен выставил на горе Лациний во время праздника Геры, который посещали все жители Италии. Дионисий Старший, завладев этим одеянием, продал его карфагенянам за сто двадцать талантов. Она была насыщенного пурпурного цвета и со всех сторон окружена каймой с фигурами животных, верхний ряд которых состоял из сузианских, а нижний - из персидских. В центре находилось собрание богов - Зевса, Геры, Фемиды, Афины, Аполлона и Афродиты. На обоих концах стояла фигура самого Алкистена с изображением, вероятно, символизирующим город Сибарис. Все эти фигуры были результатом работы ткацкого станка, а не иглы. Аристотель. de Mirab. Auscult. t. xvi. p. 199, seq. Athen. xii. 58.

1315. Poll. iv. 116. Athen. ix. 79. v. 28. Ирод. ii. 122. Лукиан. Amor. § 36, sqq.

1316. Cp. Herod. vii. 61. ix. 76. 109.

1317. Бекман, например, История изобретений, ii. 217, и Салмасий, ad Vopisc. p. 394, и ad Tertull. de Pallio, p. 208.

1318. Cp. Лукиан. Amor. § 38, sqq.

1319. Прим. ред. Mangey, ii. 478.

1320. Winkelmann, i. 503. Huet, Hist. of Comm. p. 33. Cp. Athen. xii. 5, sqq.

1321. Винкель. Hist. de l'Art, i. 503.

1322. Id. i. 504.

1323. Cp. Poll. ii. 152.

1324. Ксеноф. Сироп. viii. 8.

1325. Odyss. ω. 229. Paccichelli, de Chirothecis, in p. 238.

1326. Luc. Jup. Tragœd. § 41.
1327. См. пример, Mus. Chiaramont, tav. 16. Museo Real Borbonico, tav. 32. 50.
1328. Theoph. Hist. Plant. viii. 13. 8.
1329. Theoph. Hist. Plant. vii. 13. Athen. ii. 67. Plin. Nat. Hist. xix. 10. Poll. i. 148. ii. 196. Некоторые люди носили зимой на ногах и ступнях покрывало из овчины. Sch. Aristoph. Nub. 720.
1330. Лукиан. Пет. Præcept. § 15.
1331. Schol. Аристоф. Lysist. 417. Ахарн. 299.
1332. Constant, v. πῖλοι. Antich. di Ercol. t. ii. p. 185.
1333. Poll. vii. 80-96. Schol. Аристоф. Acharn. 299. Eq. 321. 709. Весп. 103. Афины. iii. 56. О критском котурне. Poll. vii. 193. v. 18. Bœttig. Les Furies, p. 35. Существовал дорогой сорт ионийской обуви под названием βαυκίδες. Etym. Mag. 192. 17. Κρηπίδες. Hieron. Mag. Miscell. iii. 3. Пара таких тапочек, по-видимому, стоила семь обол, а во времена Лукиана - один день работы. Somn. seu Gal. § 22. Геродот говорит о пурпурных баскинах, vii. 76. Фессалийские женщины носили деревянную обувь. Athen. xiii. 55.
1334. Luc. adv. Indoct. § 6.
1335. Poll. ii. 195. x. 141. Antich. di Ercol. t. i. tav. 35. p. 187.
1336. Theoph. Hist. Plant. v. 5. 1.
1337. Иезекииль, xvi. 10.
1338. Schol. Аристоф. Ав. 259.
1339. Диоскор. iv. 184.
1340. Ῥόος. Диоскор. i. 147.
1341. Theoph. Hist. Plant, iii. 9. 1. 14. 3.
1342. Низкий дуб, из которого вырастает большой желудь, используемый для дубления, теперь в изобилии встречается в Троаде. Чандлер, i. 25.
1343. Ирод. vii. 75.
1344. Сандалии из кожи с начесом до сих пор иногда встречаются у моряков Греции. Chandler. ii. p. 12.
1345. Schol. Аристоф. Eq. 398.
1346. Schol. Aristoph. Nub. 269.
1347. Диоскор. ii. 26.
1348. Еще в эпоху Моисея мы находим упоминание о шкурах баранов, окрашенных в красный цвет. Исход, xxv. 5.
1349. Poll. vii. 87.

1350. Poll. vii. 171. Президент Гоет, однако, считает, что у греков не было шапок. v. 440. Ночные колпаки. Sch. Весп. 10. Арист. Ср. Antich. di Ercol. t. viii. p. 47. Gitone, Il Cost. Ant. e Mod. di tut. i Pop. t. i. p. 102. pl. 16.
1351. Aristot. de Gen. Animal. v. 1. p. 355.
1352. Дион Хризостом. ii. 67.
1353. Poll. x. 164. Athen. i. 12.
1354. Poll. vii. 124. x. 127, 138. Solerius, de Pileo. c. viii. p. 167.
1355. Solerius, de Pileo. c. viii. p. 167.
1356. Boettiger. Фурии, стр. 29, sqq.
1357. Плут. Eumenes. § 8.
1358. Sch. Аристоф. Acharn. 63. Ср. Poll. iv. 154.
1359. Schol. Аристоф. Nub. 269. Poll. iv. 139.
1360. Ср. Plat. Tim. t. vii. 95. De Rep. t. vi. p. 183, seq. Don J. P. Canáls y Martí, sob. la Purp. de los Antiguos. Гиббон, однако, считает, что древний пурпур сильно уступает нашему: "Благодаря открытию кохиней и т.д. мы намного превзошли краски древности. Их королевский пурпур имел сильный запах и темный оттенок, глубокий, как бычья кровь -obscuritas rubens (говорит Кассиодор, Var. i. 2,) nigredo sanguinea". Президент, Гоет, *позабавит и удовлетворит* читателя". Упадок и падение Римской империи, vii. 90. *Примечание.* Гоет, несомненно, развлечет и наставит, но я очень сомневаюсь, что он удовлетворит читателя. Когда Гоет и Гиббон писали, этот предмет был гораздо менее понятен, чем в настоящее время.
1361. Hist. de l'Art. iv. 5. 500, sqq.
1362. Horat. Epist. ii. 1. 207.
1363. Poll. i. 45. sqq. Palæphat. Fragm. ap. Gal. Opuscul. Mytholog. &c. p. 62. Goguet, Origine des Loix. iii. 196. Fab. Column. de Purp. i. 22.
1364. Ср. Pausan. x. 37. 3.
1365. Ср. Poll. i. 97. Plat. Sophist. t. iv. p. 134. Æl. Var. Hist. xiii. 43.
1366. Афины. iii. 33.
1367. Poll. i. 47, sqq.
1368. Исход. xxv. 4, sqq.
1369. Il. ζ. 219. θ. 221. ρ. 547. Odyss. δ. 115. 154. τ. 225. 242. θ. 373. δ. 298. ι. ω. 645. 796. ι. 200. Odyss. υ. 151. Ср. Pind. Pyth. iv. 203. 6.
1370. Odyss. ξ. 53. 306.
1371. Id. v. 108.
1372. См. изображение пурпурной рыбы на красной яшме в Гори, Mus. Florent. ii. pl. 21. fig. 4.
1373. Plin. Nat. Hist. ix. 60.

1374. Arist. Hist. Anim. v. 15. p. 128, seq. Vitruv. vii. 13.

1375. Plin. Nat. Hist. ix. 60.

1376. В Коринфском заливе был еще один значительный пурпурный промысел, который вели жители Булиса, города в Фокисе. Pausan. x. 37. 2. 3. Steph. de Urbib. p. 238. О современном состоянии Булиса см. Chandler, ii. p. 288.

1377. Pausan. iii. 21. 6.

1378. Pausan. iii. 21. 6.

1379. Дион Хризостом. Orat. vii.

1380. Эта рыба сейчас в изобилии водится на берегах Неаполя, где ее обычно употребляют в пищу. Fab. Column. de Purp. iv. 1.

1381. Пропорция соли составляла 20 унций на 1 фунт пурпурного вещества. Plin. Nat. Hist. ix. 62.

1382. Животная масса, смешивающаяся с ним, постоянно отделяется. Plin. Nat. Hist. ix. 62.

1383. Plin. ix. 62. Gog. iii. 20.

1384. Carm. ii. 16. 35, sqq. По этому поводу древний схолиаст, цитируемый Бентли, говорит: "Bis tinctæ, dibaphæ vestes preciocissimæ". Ср. Pompon. Mel. iii. 10. 35, p. 301. Гронов.

1385. Эпод. xii. 21, и далее.

1386. Эпист. ii. 2. 180 и далее.

1387. Буцина, например, для придания румяного оттенка. Fab. Column. de Purp. i. 19. Johan. Daniel. Annot. p. 33. Plin. ix. 37.

1388. Бекманн, i. 59, sqq.

1389. Гогет, iii. 20.

1390. Фаб. Column. de Purpura, c. i. § 8.

1391. Dalecamp. ad Plin, ix. 62. t. iii. p. 770. Ср. Winkel. iv. 1. § 14.

1392. Valm. de Bomare. v. Murex, p. 169.

1393. Theoph. Hist. Plant. iv. 6. 5. Другой способ окрашивания пурпура преобладал в одном из районов Малой Азии, где качество источников, по-видимому, закрепляло цвет: "Воды Иераполиса удивительным образом использовались для окрашивания шерсти в цвет корней, соперничая с более дорогими пурпурами; они были главным источником богатства этого места". Chandler, i. p. 270. Ученый путешественник, который очень скуп на авторитеты, несомненно, основывает свое отношение на следующем отрывке из Страбона: "Ἔστι δὲ καὶ πρὸς, βαφὴν ἐρίων θαυμαστῶς σύμμετρον τὸ κατὰ τὴν Ἱεράπολιν ὕδωρ, ὥστε τὰ ἐκ τῶν ῥιζῶν βαπτόμενα ἐνάμιλλα εἶναι τοῖς ἐκ τῆς κόκκου καὶ ταῖς ἀλουργέσιν. l. xiii. c. iv. t. iii. p. 158.

1394. Plut. Vit. Alex. § 36.

1395. Theoph. Hist. Plant. iv. 6. 9. Ср. Fab. Column. de Purp. i. 13. Don Juan Pablo Canáls Y Martí, Memorias sobre la Purpura de los Antiguos. c. v. Phile, De Animal. Proprietat. c. xliii. p. 172, sqq.

похоже, описывает, хотя и нечетко и несовершенно, насекомое кохинхин среди продуктов Индии.

1396. Бекманн, ii. 171.

1397. Ирод. iii. 139.

1398. Плут. Thes. § 17. В более поздние времена мы видим, как Алкивиад, вернувшись в Афины, поднимает пурпурные паруса на адмиральской галере. Plut. Alcib. § 32.

1399. Schol. Aristoph. Pac. 1140. ad Acharn. 118. Ср. Плин. xxiv. 4.

1400. Virg. Eclog. iv. 45. Beckmann, History of Inventions, iii. 256-note.

1401. Poll. vii. 13.

1402. Ἰσάτις ἡμερος. Dioscor. ii. 215. Ср. Аристоф. Cimon. 332. Nub. 71. Диоскор. iii. 160.

1403. Бекман, История изобретений, т. iii. с. 255.

1404. Диоскор. v. 141.

1405. Id. ii. 127.

1406. Plin. Nat. Hist. xxxv. 42.

1407. Herod. i. 203.

1408. Casaub. ad Theoph. Charact. p. 241.

1409. Herod. iv. 14. i. 92.

1410. Plin. vii. 57. Goguet. iv. 6.

1411. Theoph. de Lapid. § 67.

1412. Constant. v. χαλαστραῖον. Theoph. de Lapid. § 64. Plat. Rep. t. vi. 184. Poll. vii. 39. x. 135.

1413. Στρουθῖον. Dioscor. ii. 193. Ср. Theoph. Hist. Plant. iv. 10. 3. Plin. Nat. Hist. xix. 18.

1414. См. Митчелл об ахарнах. 7. Гог. Origine des Loix, i. 279.

1415. Dioscor. v. 138.

1416. Говорят, что в головах некоторых рыб иногда находили драгоценности. Athen. iii. 70.

1417. Страбон рассказывает прекрасный анекдот, иллюстрирующий эту страсть его соотечественников. Говоря о городе Ясос, расположенном на одноименном острове на побережье Карики, жители которого добывали себе пропитание главным образом морским промыслом и были в изобилии снабжены рыбой, он добавляет, что однажды перед жителями этого города выступал прославленный музыкант: вдруг раздался звук колокола, возвещавшего об открытии рыбного рынка. В одно мгновение иасийцы разбежались, стремясь заполучить свое любимое лакомство, все, кроме одного человека, который, казалось, наслаждался выступлением китаратора. Польщенный таким признаком вкуса и вежливости, музыкант подошел к нему и сказал: "Я очень обязан вам вниманием, которое вы мне оказали, и должен поздравить вас с любовью к этому искусству, потому что все остальные, как только услышали звон колокольчика, разбежались". "Что же! Колокольчик прозвенел?" - спросил явный слушатель, который, как оказалось, был глухим. "Да", - ответил

музыкант. "Тогда удачи вам!" - вскричал тот и, поспешно поднявшись с места, бросился за своими горожанами. Strab. xiv. 2. t. iii. p. 203, seq.

1418. Замечания Спалланцани о промысле угря и миноги на Стромболи можно с равным успехом применить к промыслу у корней Этны: "Рыба здесь, - говорит он, - очень многочисленна и крупна, особенно морские угри и мурены; за время моего короткого пребывания на этом острове я видел большее количество рыбы, чем за все время моего пребывания на всех Эолийских островах. Кроме того, они обладают прекрасным вкусом. Такое изобилие я склонен приписать вулкану, который непрерывно горит с незапамятных времен; и который, простираясь на огромную глубину, обязательно передает часть своего тепла подводному основанию горы и водам, которые ее окружают, в мягком тепле которых рыба находит более приятное место отдыха и, возможно, размножается в большем количестве, чем в других местах". Путешествия по двум Сицилиям, iv. 125.

1419. Plut. Тимол. § 20. При ловле этой рыбы было принято будоражить воду. Schol. Аристоф. Eq. 862. При ловле полипов, кроме трудности отрыва животного от места, предполагалось еще одно обстоятельство, обусловленное способностью животного принимать, подобно хамелеону, цвет окружающих скал. Лукиан. Dial. Deor. Marin. iv. § 3.

1420. Эта рыба служила как пищей, так и красителем. Люк. Cynic. § 11. Каракатицу тоже ели, как и сейчас. Катапл. § 7.

1421. Theoph. Hist. Plant. iv. 6. 5. Poll. i. 97.

1422. Aristot. Hist. Animal. ix. 37. p. 279. 20. Bekk.

1423. Dutens, Origine des Découvertes, 145.

1424. Аристотель. Problem. xxxii. 5.

1425. Paus. x. 19. 2. Athen. vii. 48. Anthol. Græc. ad Palat. Cod. ed. ix. 296. Cp. Herod. viii. 8. Quint. Curt. iv. 3.

1426. Dion Chrysost. i. 220. Cp. Aristoph. Nub. 878. Ran. 139. Eq. 1220. Ахарн. 367.

1427. Дион Хризостом. i. 220.

1428. Сравнение выносливых занятий горожанина и охотника см. в Oppian. Halieut. i. 12. Cyneg. i. 49. Тот же поэт в третьей книге своей "Галиэутики" (35, sqq.) описывает основные качества рыбака, телесные и душевные, такие как сила, бдительность, любовь к морю, которые должны были прекрасно подходить ему для того, чтобы отличиться на флоте своей страны.

1429. Плут. De Solert. Anim. § 24. Poll. i. 97. Удилища иногда делали из τέρρινθος, растения, похожего на лен. Id. i. 233. Salmas. ad Solon. p. 911. a. Etymol. Mag. 753, 10. Рыболовные крючки. Gouget, i. 166. Сети топили свинцовыми грузилами. Poll., i. 97. Cp. Филост. Icon. i. 13. p. 783. Артемид. Oneirocrit. ii. 14. p. 102.

1430. См. у Оппиана длинный и очень живописный отрывок, описывающий, как Черное море притягивало к себе те бесчисленные косяки рыб, которые, как я описал в тексте, стекались к нему. Halieut. i. 598, sqq. Cp. Strab. vii. 6. t. ii. p. 112.

1431. Gyllius, De Topograph. Constant. p. 6.

1432. Poll. i. 97.

1433. Диоскор. iv. 165. Plat. De Repub. Cp. Schol. Aristoph. Concon. 404. См. весь процесс отравления, описанный Оппианом, Halieut. iv. 647, seq.

1434. Cp. Herod. i. 62.

1435. Чандлер дает нам представление о таком виде рыбной ловли в современной Греции: "Мы вышли на берег, когда море было более бурным, чем хотелось бы, и гребли в темноте к острову, намереваясь ловить рыбу. Мы соединили два невода, и лодки разошлись, двигаясь каждая в свою сторону, причем один человек осторожно опускал сеть в воду. Мы снова встретились в центре, когда несколько углей, которые были спрятаны, были раздуты и выложены на железную решетку, пламя было подпитано кедром, смоченным в масле, которое, пылая на ветру, ярко освещало глубину; красные угли шипели, падая, и гасли. В то же время мы начали стучать деревянными молотками по бортам и сиденьям невода, бить шестом и бросать камни, беспокоя и подгоняя рыбу, и бросать трезубец или копье, если какая-нибудь появлялась наверху, ослепленная светом; разбрызгивая масло, чтобы сделать поверхность спокойной и прозрачной. Мужчины затягивают сеть с осторожностью, опасаясь плавников некоторых ядовитых рыб, особенно скорпиона, которого убивают ударом по голове, когда он запутывается, и опасность исчезает. Снова встретив лодки, они отвязывают невод и, бросив раскаленные бренды в море, идут в темноте к другому месту. Таков обычный способ ловли рыбы в этих морях". Путешествия по Греции и Малой Азии, ii. p. 198, seq.

1436. Квинт. Smyrn. Posthomer. vii. 569, sqq.

1437. Cp. Оппиан. Halieut. iii. 429.

1438. Antich. di Ercol. t. xii. p. 273.

1439. Plin. ix. 20. Cp. Schol. Aristoph. Eq. 313. 361. 862. Филост. Icon. i. 13, p. 783.

1440. Suid. v. θωυνοσκόπος. t. i. p. 1336, seq. Аристоф. Eq. 313. Aristot. Hist. Животные. iv. 10. Те, кто выступает в роли часовых при ловле рыбы-меч, занимают свой пост на помосте в самой рыбацкой лодке. "В середине (коры) закреплен вертикальный шест высотой семнадцать футов с лестницей, по которой можно подняться наверх, и своеобразной круглой платформой на вершине, на которой может стоять один из членов команды, выполняющий роль часового. Эта платформа называется *fariere*". Спалланцани, Путешествие по двум Сицилиям, iv. 336.

1441. Poll. i. 97.

1442. Подобные методы все еще преобладают в Средиземноморье. "У нас была, - говорит Чандлер, - частая возможность (во время пребывания в Генуе) увидеть метод ловли рыбы в моле. Несколько неводов соединяются и вытягиваются так далеко, что образуют большой полукруг, но сильно изогнутый в двух крайних точках. Затем мужчины отходят на некоторое расстояние и начинают стучать палками или молотками по бортам своих лодок; шум заставляет рыбу подниматься. Один из них, стоящий на носу корабля, следит за тем, в какую сторону они плывут, и дает указания, пока они не окажутся в сети, тогда их гонят к концам, и они вскоре запутываются; или, пытаясь от отчаяния перепрыгнуть, падают на крыло, которое прикреплено к длинным тростникам и держится горизонтально на поверхности. Наградой за долгие труды было время от времени несколько кефалей. Тиннус, или рыба-тунни, была в древности и сейчас ловится почти таким же образом, но косяками, которые представляют опасность и часто рвут сети". Travels, &c., i. p. 6, seq.

1443. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 17.

1444. Cp. Winkelmann. ii. 93.

1445. Наблюдения за повадками рыбы-меч, как можно полагать, придают некоторую окраску этому сообщению древних натуралистов: "Меч-рыба, как нам говорят, добывается мессинскими моряками двумя способами: копьем и палимадарой, разновидностью сети с очень тесными ячейками. Этот промысел начинается примерно в середине апреля и продолжается до середины сентября. С середины апреля до конца июня он ведется на побережье Калабрии, а с конца июня до середины сентября - на побережье Сицилии. Причина этого в том, что, по мнению всех рыбаков, с апреля по июнь рыба-меч, заходя в Фаро, обгибает берег Калабрии, не приближаясь к сицилийскому, а с конца июля до середины сентября идет в обратном направлении. Мы не знаем, выбирает ли она этот противоположный путь ради пищи или по какой-либо другой причине; или это одна и та же рыба, которая проходит и переходит; точно известно только, что она не подходит к берегу Сицилии, только когда идет на нерест." Спалланцани, Путешествия по двум Сицилиям, iv. 331.

1446. Plin. Nat. Hist. ix. 20.

1447. Оппиан, рассказывая чудесную историю о том, как кролик пожирает свою икру, тут же добавляет, что сбежавшие косули, спрятавшись среди тростника и камыша, стали пеламидами:

Τὰ δ' ἐν δονάκεσσι καὶ ἐν σχοίνοισι μένοντα

Πηλαμύδων ἀγέλας ὥρῃ τέκεν

Halieut. iv. 510, seq.

1448. Aristot. Hist. Animal. viii. 13. p. 231. 30.

1449. Оппиан. Halieut. i. 600, sqq.

1450. Voyages au Nord, vii. 187.

1451. Паллас полагает, что эта рыба - Mugil Cephalus, или кефаль, из яиц которой готовят ботарго. Путешествия по Южной России, iv. 241.

1452. Ælian. de Nat. Animal. xv. 11.

1453. Ovalle, i. 17. Баймгартен, i. 4. Aristot. Hist. Anim. iv. p. 109. Plin. Nat. Hist. ix. 20, seq.

1454. Однако, по мнению Оппиана, большинство видов рыб, подобно олимпийскому Зевсу, отказываются подчиняться цепям сна и держат свои интеллектуальные способности в постоянном напряжении. Но Скарос, допускает он, иногда бывает пойман дремлющим. Halieut. ii. 656.

1455. Aristot. Hist. Животные. iv. 10. p. 109.

1456. Plin. Nat. Hist. ix. 85.

1457. Оппиан. Halieut. iii. 205, sqq.

1458. Афины. vii. 86, и далее.

1459. Примечателен своей прожорливостью. Лукиан. Dial. Mort. viii. Морская собака была отнесена Линнеем к амфибиям; но Спалланцани и М. Вик-д-Азир, после более точных наблюдений, вернули ее на место среди рыб. Путешествия по двум Сицилиям, iv. 379.

1460. Schol. Аристоф. Eq. 361.

1461. Chandler, i. 85. Ср. 151. Осбек, Путешествие в Китай, i. 199.

1462. Paus. i. 32. 7. Meurs. Rel. Att. c. viii. p. 32. Chandler. ii. 184.

1463. Paus. i. 38. 1. ii. 24. 6. Чандлер, ii. 210.

1464. Афины. vii. 24.

ГЛАВА VIII.

ТОРГОВЛЯ ДОРИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ.

О торговле Греции, которая могла бы послужить материалом для интересной работы, я не собираюсь вдаваться в многочисленные подробности, хотя краткое представление о предмете необходимо для этого начинания. Блага торговли хорошо понятны в наше время, а грандиозные масштабы, в которых она ведется сейчас, возможно, побудят некоторых с презрением смотреть на ее слабые зачатки в Средиземноморье.^[1465] Там, однако, лежит центр того круга, который продолжает увеличиваться, пока не охватит весь мир и почти сделает самые далекие расы необходимыми друг другу. Поэтому, должно быть, интересно взглянуть

"Из темной глубины и бездны времен".

на первые движения людей в направлении создания звеньев этой цепи, которая связывает весь человеческий род в единое общество, иногда нарушаемое злыми страстями, но тем не менее скрепляемое и, очевидно, становящееся с каждым днем все более взаимосвязанным.

В этом движении, несомненно, участвовало несколько народов, предшествовавших грекам. Цивилизация Востока существовала раньше, чем цивилизация Греции, и именно восточные народы сделали первый шаг к открытию того общения, которое впоследствии стало столь тесным между жителями Эллады и арабами из Финикии, египтянами, персами и другими народами Востока. Сначала, действительно, верблюд,^[1466] этот важный инструмент человеческого совершенствования, открыл грубым племенам, граничащим с Аравией, существование в них потребностей, о которых они прежде ничего не знали. Он приходил со сладостями и предметами роскоши на спине в деревню или лагерь, и вид их порождал желания, для удовлетворения которых требовалась помощь промышленности. В очень раннем возрасте вереницы верблюдов, груженные благовониями, пряностями и золотом, пересекали равнины западной Азии, поднимались и спускались по Нилу, проникали к северным берегам Африки и путем бартера и торговли распространяли продукцию Востока гораздо дальше, чем достигали их собственные шаги, как сейчас мануфактуры Англии попадают в страны, никогда не виданные англичанином.

Вскоре голубые и прекрасные воды Средиземного моря соблазнили авантюрных арабов, обосновавшихся в Финикии, стране пальм, пустить по ним свои барки и переплывать с острова на остров, пока они не оказались в Элладе, где красота женщин иногда, возможно,

когда их нельзя было выманить, могла склонить авантюриста^[1467] остаться, как это делали другие арабы, в каждой земле, по которой они бродили.^[1468] Это, я убежден, все, что можно признать тем, кто видит так много доказательств существования восточных колоний в Греции. Но хотя восточные люди и не колонизировали Грецию, они, несомненно, оказали очень сильную помощь в ее цивилизации. Ведь когда грубые туземцы увидели, что от чужеземцев можно получить много желанных вещей, если они смогут дать им взамен хоть что-то ценное, у них, должно быть, включился ум, чтобы изобрести новые способы получения вожделенных вещей. Вначале это была грубая система бартера. Финикийцы брали продукцию страны в обмен на свои товары и обеспечивали себе успех, пробуждая аппетит к удовольствиям, которые могли предоставить только они.

Однако традиция сохранила явные следы открытий и торговых приключений, предпринятых греками^[1469] в подражание финикийцам, - ведь именно к ним, по сути, относится экспедиция аргонавтов, в каком бы направлении она ни двигалась. Греки обладали мануфактурами, кораблями, торговлей и, как следствие, значительным богатством задолго до рождения истории, и это обстоятельство в значительной степени опровергает дикие теории некоторых современных ученых относительно Илиады и Одиссеи; ведь если греки постоянно имели дело с народами, бесспорно владевшими искусством письма и имевшими богатые материалы, они должны были быть самыми медлительными и глупыми из человечества, если пренебрегли подражанием этим народам. Кроме того, финикийцы были готовы поставлять им бумагу, пергамент и все остальное, на чем они писали, как и любые другие предметы торговли, и, должно быть, хотели пробудить в них желание потреблять то, в поставках чего они были глубоко заинтересованы. Таким образом, если финикийцы и египтяне понимали искусство письма, как мы знаем из Священного Писания, то практически невозможно, чтобы греки оставались в неведении относительно этого.

Гомер, конечно же, дает нам лучшее представление о греческой торговле в далекой древности, хотя она велась за много веков до его времени. В "Одиссее" мореплаватели получают название *πρῆκτῆρες*, или "купцы", и в других местах говорится, что они бороздят моря, *ἐπὶ πρῆξιν καὶ χρήματα*, - "для торговли и выгоды". Самыми знаменитыми мореплавателями, известными Гомеру, были финикийцы, которых он поэтому называет,

Ναυσίκλυτοι ἄνδρες

Τρῶκται, μὲν ἄγοντες ἀθύρματα νηὶ μελαίνῃ.^[1471]

Знаменитые мореплаватели,

Рогиш, многочисленные безделушки приносящий на черных кораблях.

То, что они с самого начала прославились своими пиратскими искусствами, ясно показывают история Эвнеоса, в "Одиссее", и изнасилование Ио, о котором рассказывает Геродот,^[1472] . Да и сам Фукидид, излагая древнюю историю Греции, отмечает, что островитяне, в основном карийцы и финикийцы, были не менее известны пиратством, чем их соседи.^[1473] Финикийцы, однако, похоже, были лидерами и, вероятно, своими успехами вызвали подражание карийцев, которые изгнали их с острова и занялись пиратством вместо них.^[1474]

Хотя ценность драгоценных металлов была уже хорошо понятна, они не были приняты в качестве единственного инструмента обмена; из часто цитируемого отрывка "Илиады"^[1475] ясно, что практика бартера все еще преобладала. Поэт описывает некие корабли, прибывающие в греческий лагерь с грузом вина с Лемноса, на которых вожди и воины слетаются на берег и снабжают себя всем необходимым, причем одни отдают в обмен на это медь, железо, шкуры, а другие - волов или рабов. Среди деревенского населения Греции, если верить поэтам, система бартера преобладала вплоть до очень позднего периода, поскольку в "Феокрите" мы находим козопаса^[1476], отдающего козу и сырный пирог за пастушескую чашу. Спартанцы после смерти Полидора тоже купили его дворец у вдовы за определенное количество волов; отсюда он стал называться βοώνητα,^[1477] или "купленный волами", если только легенда не была придумана для объяснения этого названия. Однако Павсаний указывает в качестве причины сделки, что ни золотые, ни серебряные деньги еще не были в употреблении, но что вещами распоряжались по древней моде обмена товаров на их стоимость в каких-то других предметах, - лисицах, рабах, золоте или серебре в слитках. В качестве иллюстрации он добавляет, что индийцы даже в его эпоху не знали, что такое деньги, хотя и изобиловали драгоценными металлами, и обменивали свои изделия на товары, привезенные греками: кроме того, в Спарте существовал закон, приписываемый Ликургу, который предписывал бартер вместо купли-продажи.^[1478]

Из отрывка в "Илиаде", который, казалось бы, свидетельствует о прямо противоположном, был сделан вывод, что использование денег в торговле было известно грекам в гомеровскую эпоху. Говоря об обмене доспехами между Глаукосом и Диомедом, поэт заявляет:

Χρύσεα χαλκείων, ἐκατόμβοι ἐκατόμβοι ἐννεαβοίων.^{[[1479]]}

Золотые доспехи - за наглые, сто окс - за девять.

Древний схолиаст в этом отрывке понимает под βοῖς денежный кусок, на одной стороне которого была напечатана фигура вола, а на другой - царя.^[1480] Но одна из схолий, опубликованная Виллуазоном, отмечает в слове ἐκατόμβοι ἀκατόμβοι "стоимость ста волов, ибо они еще не использовали деньги". Однако другой схолион,^[1481] замечает: οἱ γὰρ Ἀθηναῖοι ἐν τοῖς ἐαυτῶν νομίμασι βοῖν ἐνετύπου. Поллукс^[1482] сообщает о том же факте, отмечая, что в далекой древности афиняне использовали денежную единицу под названием βοῖς, поскольку на ней была изображена фигура быка, и что, как полагают многие, Гомер намекал на эту аттическую монету в цитированном выше стихе, "indocte", однако, как замечает Хейн^[1483]. Упоминание о штрафе под названием δεκάβοιον встречается, по словам Поллукса, в законах Дракона; а во время шествия (θεωρία) на Делос глашатай объявлял при вручении определенного приза, что столько-то быков отдано такому-то. Стоимость монеты составляла две дидрахмы, так что боус был просто *дидрахмой*.^[1484] Бык был изображен афинянами на их монетах как символ мира и изобилия.^[1485]

Плутарх^[1486] предположительно называет две причины: во-первых, Тесей, которого он считает его изобретателем, мог хотеть с помощью фигуры быка вызвать воспоминания о полководце Миноса Тауросе; или, во-вторых, он хотел обратить внимание граждан на сельское хозяйство.

Талант золота не раз упоминается Гомером;^[1487] но мы не должны думать вместе с Фейтом^[1488], что так называлась денежная единица, хотя в случае Гомера он предполагает, что это обозначало определенный вес золота, а не монету. Современные критики преодолевают все трудности обычным способом, объявляя отрывок подделкой.^[1489] Несомненно, люди тех ранних времен не слишком изобиловали богатствами, которые, возникая в результате усердного занятия полезными искусствами, не могли быть обильными

там, где эти искусства были почти не известны. Даже тираны, которые всегда стараются получить свою долю богатств, имеющих в их стране, еще долго после гомеровской эпохи обладали не большим богатством, чем их народ.^[1490] Деньги, однако, не означают изобилия. В грубом изобилии было все самое необходимое для жизни, а поскольку тайный представитель богатства еще не был изобретен, люди стремились обладать реальными вещами - стадами волов, отарами овец, землями, домами и великолепной одеждой. Естественным желанием были и прекрасные лошади, которые были одновременно полезны на войне и привлекательны в мире.^[1491]

В эти века, впрочем, как и во все другие, мы наблюдаем, что люди не успевали насладиться предметами первой необходимости, как им уже хотелось роскоши и украшений жизни. В некоторых странах, граничащих со Средиземноморьем, уже царило великое великолепие. Цари Мидии, например, носили пурпурные одежды, золотые серьги и драгоценные ошейники; их верблюды, кроме того, были покрыты дорогой отделкой и украшениями из золота.^[1492]

О внутренней торговле Греции в ранние века известно сравнительно немного. Гоет^[1493] полагает, что едва ли можно вести какие-либо перевозки без помощи верблюдов, мулов или ослов. Но туземцы Канары^[1494] ведут довольно процветающую торговлю, хотя почти все товары перевозятся на головах людей. В Греции, однако, использование транспортных средств было очень древним, его происхождение теряется в преданиях.^[1495] Лодки, каноэ и т. д. также рано вошли в моду; и все же Фукидид сообщает, что общение сельских племен эллинов в течение многих веков было настолько незначительным, что едва ли заслуживает внимания. Плохие дороги, отсутствие трактиров, отсутствие полиции, большое количество разбойников были большими препятствиями; но само существование разбойников свидетельствует о том, что постоянно предпринимались попытки расширить внутреннюю торговлю, хотя прошло много времени, прежде чем она утвердилась на прочной основе.

Спускаясь к историческим периодам, мы видим, что эгинетяне впервые проявили себя как торговый народ. Их история, насколько ее позволяют судить древние фрагменты, была составлена современным ученым^[1496], чьи исследования должны оказаться чрезвычайно полезными для всех последующих исследователей. Этот народ, живущий на небольшом и почти бесплодном острове, рано обратил свое внимание на искусства, различные процессы промышленности и торговлю, единственное занятие, подходящее для природы его почвы. Возможно, слишком много внимания уделяется положению Эгины, что вовсе не объясняет коммерческую направленность ее жителей, поскольку Крит, обладающий более богатыми средствами и, возможно, лучшим положением, никогда не был особо примечателен как торговая страна. Однако бедность и хорошее положение в сочетании с гением людей сделали их коммерсантами. В отношении почвы они имели еще меньше преимуществ, чем Аттика; их земли были малоценны; они не могли стать ни охотниками, ни пастухами, ни даже самое слабое население не могло прокормиться за счет продукции рудников. Вначале они, вероятно, пробовали заниматься рыболовством, а также пиратством, но, обнаружив, что ни то, ни другое не ведет к богатству, перешли к меркантильной жизни; по этой причине их с большой изобретательностью называли финикийцами Греции,^[1497] хотя ни одна колония из Финикии никогда не оседала на их острове. Однако уже в далекой древности эгинеты славились как мореплаватели и со временем превратили весь свой остров в империю.^[1498]

О древности эгинетской торговли очень любопытный отрывок встречается у Павсания. Этот писатель рассказывает, что во времена Помпоса, царя Аркадии, который процветал во втором веке до первой Олимпиады, эгинетские корабли высадились в Киллене, великой гавани Элиса, откуда они перевезли свои товары, на верёвках с крупными животными, в

Аркадию. Царь был так доволен ими, что назвал своего сына Эгинетом в память об их торговле.^[1499] Примерно в этот период греки впервые начали торговать своими товарами и иметь собственные товары. Было замечено, что у Гомера слово ἔμπορος никогда не означает "купец", а там, где упоминаются настоящие купцы, это всегда варвары или полуварвары,^[1500] Финикийцы, критяне, тирсийцы, лемнийцы, тафийцы или феакийцы.^[1501] Не найдено ни одного ахейца или аргивянина, который добывал бы себе пропитание торговлей, хотя, кажется, есть отрывки, из которых можно сделать вывод об обратном. Но у Гесиода, который жил позже и описывал более домашние сцены и нравы, мы уже находим упоминание о торговле как о прибыльном занятии.^[1502]

Изначально пиратские наклонности побудили эгинетян заняться морскими делами; несомненно, грабеж был более легкой и приятной профессией, чем любая другая отрасль промышленности, тем более что в те терпимые века не было никакого позора, а наоборот, его можно было применить против людей другого класса. Однако эти достойные островитяне были беспристрастны в своих грабежах. Не успели они сбросить иго эпидавров, как совершили набег^[1503] на свою родину, который вскоре распространился и на побережье Аттики; вероятно, это были те самые буканьеры, против которых тиран Гиппиас снарядил флот.^[1504] После этого, заключив союз с фиванцами, они разграбили и опустошили все приморские города Аттики и даже затаились в засаде, чтобы перехватить священную галеру на пути в Делос.

После Пелопоннесской войны, вернувшись в свою страну, они вернулись к грабежам и получили от спартанца Эфори разрешение на вторжение на аттические берега, что часто делали и в мирное время. Вкус к пиратству у них остался надолго. В эпоху Демосфена их остров был гнездом пиратов и ярмаркой для продажи их награбленного, что продолжалось в течение многих веков после него.^[1505]

Возвращаясь, однако, к торговле Эгины: ее древнее сообщение с Аркадией было отмечено многими любопытными обстоятельствами. Прежде всего, как отмечает историк острова, мы должны заключить из этого существование предыдущей торговли в других местах.^[1506] Ибо, если их товары состояли только из сырья, они все равно должны были быть получены из других земель; а если из промышленных товаров, то, в дополнение существованию внешней торговли для снабжения их сырьем, мы должны предположить в них наличие значительного мастерства. Кроме того, поскольку Помпос, Кипселид, вероятно, царствовал в Орхомене, они должны были уметь совершать длительные морские и сухопутные путешествия; хотя мы можем объяснить, что они выбрали опасный путь вокруг мысов Скиллеон и Малей и горные дороги из Элеи в Аркадию вместо более короткого пути из Коринфии или Арголиды, только предположив, что их побудило к этому соперничество аргивян и коринфян. Следует признать, что для их изобретательности было честью открыть дорогу в Аркадию, которая, казалось бы, по своей природе была закрыта от всякой торговли.

Однако только у аркадян внутренняя торговля могла вестись в широких масштабах; у всех остальных эллинских народов, обладавших морскими побережьями и гаванями, она выродилась в простое торгашество. Таким образом, эгинетяне приобрели характер, которым в этой стране когда-то обладали шотландцы, - они были нацией разносчиков: иногда они кочевали из деревни в деревню со своими вьюками, а иногда, подобно мальтийцам наших дней, селились в городах на побережье Греции и становились торговцами кукурузой, виноградарями, игрушками или продуктами питания в установленных магазинах или лавках на агоре. Отсюда все виды скромных изделий, или педеля, получили название "игинетских". Подобно иудеям, и они, и критяне (известные лжецы, как уверяет нас святой Павел^[1507]) считались кожемяками и во многих случаях занимались ростовщичеством.^[1508]

Однако нередко они поднимались выше этих мелких ремесел и становились крупными купцами, торговали с дальними странами и приобретали очень большие богатства. Во времена Страбона весь остров считался империумом, и даже в эпоху Аристотеля весь их флот был занят в торговле. В некоторых городах, говорит он, почти все судоходство занято одним видом службы: в Византии и Тарентуме - рыболовством, в Афинах - войной, на Хиосе и Игине - торговлей, а на Тенедосе - перевозками.^[1509] Не без основания предполагают, что Сострат, сын Леодама, прославленный Геродотом своими богатствами, был купцом. "Самийцы, - говорит этот историк, - побужденные божественным повелением предпринять путешествие в Тартессос, привезли домой больше богатства (шестьдесят талантов), чем все остальные греки, когда-либо нажитые торговлей, если не считать Сострата, с которым никто не может сравниться в роскоши".^[1510] "

Но эгинеты занимались и внешней торговлей, посылая корабли в Тартессос на запад и в Черное море на восток. Рассказывают, например, что когда Ксеркс был в Абидосе, он увидел торговые суда, плывущие по Дарданеллам с кукурузой для Эгины и Пелопоннеса,^[1511] которые были остановлены его флотом с целью захватить корабли и людей. Но когда Ксеркс узнал, что они направляются в Грецию, он отмахнулся от них, посчитав, что кукуруза - это провиант для его собственной армии, которая, как он не сомневался, сможет подчинить себе всю страну. Из этого Мюллер делает предположение, но без оснований, что большие рынки кукурузы на Черном море в то время находились исключительно в руках эгинетян; хотя потом, во время Пелопоннесской войны, когда Эгина пала, они перешли к афинянам. Довод о том, что "эгинетяне настолько нуждались в снабжении, что не потерпели бы конкурента", мог бы иметь силу только в том случае, если бы они обладали властью, чтобы установить монополию, что, по крайней мере, в течение длительного времени, весьма маловероятно, поскольку, хотя и говорят, что они были хозяевами моря в эпоху Дария Гистаспеса,^[1512] их господство было крайне недолгим.^[1513] Однако представляется, что в то время они имели привычку снабжать Пелопоннес зерном. Рабов они импортировали как с Понтоса, так и с Крита, и сомнительно, откуда они получали большее количество. Значительная часть их экспорта попадала на Крит, где они основали колонию в Кидонии. Помимо того, что этот большой остров находился на расстоянии одного дня плавания от Пелопоннеса и дня и ночи от Африки, он был отличным промежуточным пунктом между Гигиной и устьем Нила.

Портом, в котором проживали все греки во время своего пребывания в Египте, был Наукратис в Дельте, который фараоны предоставили им в качестве единственного места жительства, подобно тому как китайские императоры сейчас предоставляют европейцам Кантон. Здесь, по разрешению Амасиса, те греки, которые просто торговали с Египтом, строили алтари и возводили священные ограждения в окрестностях города, хотя я тщетно пытался, находясь на месте, обнаружить хоть малейший след от них. Девять городов ионийцев, дорийцев и эолийцев возвели на общие средства священное сооружение, которое они называли Эллинион. Из ионийских городов это были Хиос, Теос, Фокея и Клазомены; из дорийских - Родос, Книдос, Галикарнас и Фазелис; из эолийских - только Митилена. Игинетяне возвели храм Зевсу, саамийцы - Гере, милезийцы - Аполлону.^[1514] В это время, однако, Наукратис был единственной гаванью в Египте; а поскольку это было довольно общеизвестно, корабли, высаживающиеся в других местах, естественно, подозревались в пиратстве; поэтому от капитана требовали клятвы, что он пришел сюда не по своей воле. Сделав это, он должен был направиться от Канопического устья Нила; или, если погода была неблагоприятной, его груз доставлялся вокруг Дельты на барисах в Наукратис, что, по мнению историка^[1515], делалось в интересах иностранных поселенцев, так как, по его словам, Наукратис был очень почитаем. В это время одним из главных товаров,

экспортируемых греками в Египет, было, по-видимому, вино, поскольку все, что тогда пили в стране, было иностранным, так как виноградная лоза еще не была выведена.

О торговле Спарты известно крайне мало. Фактически, до сравнительно позднего периода она была незначительной и велась самым грубым образом. Каждый гражданин, получая доходы от своих земель, складывал в свои хранилища то, что считал достаточным для потребления в следующем году, а остальным распоряжался на Агоре, не за деньги, как предполагают, а по древнему способу бартера.^[1516] Говорят, что лакедемоняне проявили большую изобретательность в способе сохранения плодов земли; но в чем заключалась эта изобретательность, нам не известно. Кроме того, они отличались тщательностью и порядком, с которым хранили орудия домашнего хозяйства, так что все было под рукой, когда нужно.^[1517] Тот факт, что в их поместьях были зернохранилища, которые запирались и опечатывались, свидетельствует о гораздо большей связи с деревней, чем предполагается; ведь если бы они никогда не жили в этих поместьях, вряд ли бы они оставили там свое имущество, подвергаясь, как считает г-н Мюллер^[1518], добросовестным визитам каждого бедняка, который мог бы решить поохотиться за его провизией.

Деньги, как нам постоянно говорят, были запрещены в Спарте, но, тем не менее, похоже, что они постоянно использовались. Действительно, один писатель, слишком склонный к панегирикам, утверждает, что "они чаще использовались как средство сравнения, чем обмена; в основном использовались мелкие монеты, и обладание большим количеством не имело никакого значения". Но я не понимаю, что подразумевается под использованием денег "как средства сравнения"; а что касается значения, придаваемого деньгам спартанцами, то история не позволяет нам принять щедрый глосс г-на Мюллера. Возможно, правда, что Ликург стремился искоренить скупость в спартанской груди, но, выбирая средства для этого, он лишь показал свое незнание человеческой природы; поскольку, хотя он и мог привести в презрение свое железное средство сравнения, охлажденное уксусом, он не мог тем самым уменьшить ценность обмениваемых вещей, то есть реального богатства, которое, соответственно, оценивалось в Спарте так же высоко, как и в других местах. Таким образом, мы видим, что бедняки, не способные внести свою долю провизии, были исключены из общих столов, которые поэтому напоминали гостеприимство и общие столы в трактире,^[1520]

Там, где Красный Лев смотрит на дорогу,

приглашает каждого проходящего незнакомца, который *может заплатить*.

Ученые, при всей их склонности к скептицизму, иногда слишком буквально толкуют язык авторов, у которых свобода и преувеличение являются достоинством. Так, Бекх^[1521] полагает, "что даже во времена Троянской войны драгоценные металлы были хорошо известны в Пелопоннесе", поскольку Гомер описывает Менелая как обладателя золота и серебра.^[1522] Но ахейский принц путешествовал по Востоку, откуда, по словам поэта, он привез свое золото, и исторически не похоже, что драгоценные металлы были "хорошо известны", что могло сделать их широкое использование, только спустя несколько веков после Троянской войны. Дорийцы, однако, независимо от того, как обстояли дела с ахейцами, долгое время оставались скудными на драгоценные металлы, что можно объяснить их изолированной горной страной, отсутствием промышленности и отвращением к любым контактам с чужаками, не принимая нефилософскую фантазию, что они были подстрекаемы своего рода аргирофобией, строго запрещающей использование золота и серебра.^[1523] Полагая, что,

отрезав свой народ от общения с людьми, он может сделать его более воинственным, как собаки становятся дикими, если их посадить на цепь, Ликург или тот, кто был автором спартанской конституции, возможно, хотел сохранить их бедными и поэтому запретил торговлю. Но даже в их собственном внутреннем обороте вскоре возникла необходимость в каком-то средстве обмена, и железо^[1524] было столь же обильным, сколь скудными были золото и серебро, что он принял решение использовать железные деньги. Сначала металл использовался в слитках или вертелах (ὄβελοῖ , ὄβελίσκοι), которые штамповались с каким-либо клеймом в печах Лаконии, как в других странах использовались слитки серебра или меди; "отсюда обол или *вертел* и драхма или *горсть* получили свои названия".

Когда аргивяне в царствование Фидона отказались от использования металлических слитков и начали чеканить деньги, спартанцы последовали за ними, но все еще придерживались использования железа, так что монеты, которые впервые вышли из лаконского монетного двора, вероятно, больше напоминали квоиты, чем кроны. Г-н Мюллер отмечает, но я не знаю, на каком основании, что главная монета называлась по своей *форме*, а возможно, и по *размеру*, πέλαvor - лепешка, используемая при жертвоприношениях. Если это так, то это должна была быть монета необыкновенной формы, так как *пеланос* по форме напоминал быка, рога и все остальное,^[1526] и обычно приносился в жертву Аполлону, Артемиде, Луне и Гекате. Стоимость этой странной на вид денежной единицы составляла около четырех чалси или гемиоболои, то есть около трех фартингов. Но такая громоздкая монета, которая, как жетоны, могла бы хорошо служить в качестве домашней валюты, была бы бесполезна за границей; поэтому, когда Спарта стала стремиться к иностранным завоеваниям, она сочла необходимым отбросить древние законы и создать валюту для достижения своей цели. Поэтому на острова была наложена дань, а от всех греков, признававших ее верховенство, требовался десятый взнос.^[1527]

Однако законодатель, по-видимому, намеревался, чтобы отдельные лица не имели золотых и серебряных денег; но суровость наказания^[1528], назначенного нарушителям, вместо того чтобы доказать, насколько крепко держался этот древний обычай (быть без денег) за спартанский ум, показывает прямо противоположное, ибо нет необходимости быть суровым с людьми, которые подчиняются по привычке, но с теми, кто проявляет склонность к нарушению всех ограничений. Кроме того, закон, похоже, разрешал использовать драгоценные металлы в качестве украшений или предметов обстановки. Подношения из золота, такие как звезды Диоскуров, были посвящены государством в Дельфах, а статуи из золота и слоновой кости, работы местных художников, были установлены в городе примерно в период персидской войны.^[1529] За сто лет до этого, когда государство захотело позолотить лицо Аполлона в Торнаксе, они отправились в поисках необходимого золота вплоть до Лидии^[1530], что полностью опровергает предположение Бекха, упомянутое выше.

Но после всех исследований современных писателей это спартанское постановление о владении деньгами оказывается окруженным непреодолимыми трудностями. Ведь Спарта, несомненно, вела какую-то торговлю, которую она не могла вести, не имея чеканки универсальной валюты; хотя г-н Мюллер не уполномочен утверждать, как он это делает, что Спарта не имела денег. Мюллер не имеет права утверждать, как он это делает, что существовал постоянный экспорт кукурузы из Лаконии и Аркадии вниз к побережью Коринфа, поскольку отрывок из Фукидида,^[1531] на который он опирается, просто рассказывает словами коринфян, что если они не присоединятся к войне против Афин в помощь приморским государствам, то не найдут рынка для продукции своих земель (включая кукурузу, без сомнения) и не смогут импортировать то, в чем они могут нуждаться из-за границы.^[1532] Однако еще во времена Персидской войны Пелопоннес не производил

кукурузы, достаточной для домашнего потребления, поскольку, как мы видим, он импортировал ее из стран Причерноморья. Поэтому крайне маловероятно, чтобы он делал это во время Пелопоннесской войны, когда он стал гораздо более населенным, так что, возможно, среди вещей, которые ἡ θάλασση τῇ ἡπείρῳ δίδωσι, могла быть и кукуруза.

Таким образом, получается, что Спарта и экспортировала, и импортировала; но кто был агентом? Государство, которое, как предполагается, одно обладало доступным инструментом обмена, не могло, как утверждается, вести торговлю. Но почему? "Потому что для этого потребовалось бы соразмерное число государственных чиновников". Таких чиновников, однако, легко можно было найти, и, следовательно, это не причина; а то, что таких чиновников не существовало, наши сведения о правительстве слишком скудны, чтобы мы могли утверждать. Соответственно, из этого не следует, что торговля "находилась в руках периеков". Однако если дело обстояло именно так, то им должно было быть разрешено иметь золотую и серебряную монету, что сразу же ставит подавляющее большинство свободных жителей Лаконии в точно такое же положение, как и другие народы в этом отношении. Признавая это, трудно поверить, что их соседи и знакомые, военные и правящий класс, воздерживались от того, чем они пользовались. В самом деле, мы не можем согласиться с тем, что такое положение вещей "не могло оказать большого влияния на спартанцев, поскольку они не имели никаких личных связей с периеками, а последние были лишь данниками государства". В том, что все это не так, может убедиться любой человек, не имеющий других свидетельств, кроме собственного опыта. Наши соотечественники в Индии занимают такое же положение, как дорийцы на Пелопоннесе, и в течение некоторого времени держались в стороне от туземцев. Но личное общение стало неизбежным, и теперь было бы абсурдно утверждать, что богатство индусов окажет малое влияние на англичан, если предположить, что последние бедны и горды, как спартанцы. Факт данничества Периеков, который, кажется, предлагается в качестве причины, вовсе не является причиной. Гораздо лучше сразу признаться в своем невежестве, чем путем ряда беспочвенных догадок, выдвигаемых с уверенностью, создавать видимость знания. Нет никаких оснований для утверждения, что на спартанском рынке, где помещики и их крепостные продавали продукты своих земель, использовались только железные деньги. Напротив, кажется вероятным, что, поскольку во многих случаях она должна была продаваться периекам для экспорта (иностранцы исключались), помещики получали взамен золото и серебро без чеканки, возможно, чтобы обойти закон. Опять же, цари Спарты, очевидно, могли владеть золотом и серебром. История доказывает это настолько ясно, что г-н Мюллер вынужден признать это. И если цари и периеки, а может быть, даже сами гелоты могли накапливать и наслаждаться драгоценными металлами и роскошью, которую они покупают, то слишком предположить, что хозяева царей, периеков и всех остальных, жили бы в аскетическом воздержании посреди стольких соблазнов. Кроме того, спартанцы постоянно оказывались в ситуациях, когда их железные деньги не могли им помочь. Например, чем они могли помочь им в Олимпии? И все же они были там, мужчины лично, женщины по доверенности, со своими лошадьми и колесницами, со всеми знаками и признаками богатства.

Но мужчинам, путешествующим за границу, разрешалось давать деньги. Эту сумму они могли потратить, а могли и не тратить. Если они этого не делали, то по возвращении их обыскивали и отбирали излишки? Иначе люди совершали бы путешествия и накапливали деньги таким образом. Опять же, нам говорят, что большие препятствия на пути зарубежных путешествий создавала необходимость получения паспорта вместе с дорожными расходами (ἐφόδια) у магистратов или царя, и ссылаются на Геродота. Но этот историк в упомянутом отрывке говорит о царе Демаратосе, который, будучи изгнан из страны дурным характером

своей матери, берет деньги, необходимые ему для путешествия, и уезжает, не спрашивая ни у кого разрешения.^[1534]

Однако в затруднительных обстоятельствах люди иногда прибегали к помощи королей или государства, как к банку; а то, что это было обычным делом, следует из того факта, что принцы, чтобы начать с народной меры, всегда при своем воцарении возвращали долги граждан как себе, так и государству.^[1535] По этому случаю они уничтожили все облигации или залоговые инструменты (κλάρια), принеся их на агору, сложив в кучу и поджегши.^[1536]

Поэтому несомненно, и это признает даже г-н Мюллер, что каковы бы ни были намерения первоначальных спартанских институтов, их строгость вскоре была ослаблена, и богатство со всеми его сопутствующими факторами было введено в государство. Еще в эпоху до Персидской войны, как мы узнаем из речи Левтихида,^[1537] в Афинах, иностранцы не находили препятствий, чтобы не привозить золото и серебро в Спарту, где один из самых знатных граждан взял на себя хранение денег богатого милезийца, детей которого он впоследствии попытался обмануть. Если бы он не смог воспользоваться этими деньгами, то вряд ли захотел бы оставить их у себя. Доля награбленного Спартой в персидской войне, очевидно, не ограничивалась государственной казной, хотя мы можем допустить, что персидские субсидии шли на покрытие государственных расходов.^[1538] Во всяком случае, точно, что Спарта во времена Сократа считалась самым богатым государством в Греции, и не как сообщество, а по отдельности, учитывая их поместья в Мессении, количество рабов, гелотов и других, их великолепные конюшни и огромные стада скота. Кроме того, особо указывается их богатство золотом и серебром, с дополнительным замечанием, что в течение многих веков драгоценные металлы поступали в эту страну как из греческих, так и из варварских источников,^[1539] но никто никогда не видел, чтобы они вытекали, наблюдение, которое Монтескье,^[1540] и другие без раздумий применили к Хиндустану.

Превыше нашей веры в человеческую природу полагать вместе с г-ном Мюллером, что, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, "граждане сохраняли ту же гордую нищету". История, по сути, делает непростительной веру в такую добродетель, хотя в Спарте, как и в Афинах и других местах, время от времени появлялись люди, которые со стоической стойкостью сопротивлялись соблазнам богатства и удовольствий. Большинство из них пали духом и с таким энтузиазмом предались погоне за наживой, добавляя акр к акру и золото к золоту, что, начиная с Эпитадея, город заполнили ростовщики, крупные капиталисты и обширные землевладельцы, которые постепенно прибрали к рукам все имущество страны. Гораздо меньше изобретательности, чем было у спартанцев, позволило бы им обойти старый закон, который, похоже, сразу же устарел, когда были изобретены способы сделать его бессильным. Они хранили свои излишки богатства в Дельфах, в Аркадии и некоторых других странах, чтобы в случае изгнания,^[1541] которого всегда существовала вероятность, они могли роскошно существовать в своей новой стране.^[1542] Но эти спекуляции иногда терпели неудачу; в случае с аркадянами обладание золотом превращало банкиров во врагов, поскольку, поссорившись с владельцами, они надеялись, что смогут их обмануть.^[1543] Лисандр, хотя и не начал эту практику, по крайней мере, поддерживал ее своим примером. Гилиппос, унаследовавший от своей семьи жажду золота, был осужден и уморен голодом эфорами за расхищение общественного имущества. Его отец Клеандрид в союзе с царем Плейстонаксом принял взятку от Перикла и закончил свои дни в изгнании.^[1544] С этого времени, как кажется неоспоримым, владение золотом и серебром частными лицами было разрешено законом или попустительствовало ему; и спартанцы, по примеру всех других народов, разделились на очень богатых и очень бедных, чтобы вместе, в одном городе, жить

в несчастье и великолепии, крайней роскоши и крайней нужде, пока общая судьба, иностранное завоевание и рабство, не настигнет их.

Торговля, которую тем временем вела Лакония, должна была быть временами очень значительной, хотя на побережье было мало пунктов, оборудованных рейдами или гаванями, способными принимать грузовые корабли. Для облегчения сношений с иноземными народами в Тринасосе была построена искусственная гавань, вокруг которой постепенно сгруппировались жители Гитиума, расположенного на возвышенности на некотором расстоянии вглубь острова, покинув свое древнее место жительства ради более удобного и выгодного. Отсюда продукция Лаконии, которая будет перечислена в другом месте, отправлялась в зарубежные страны, например, в Ливию и Египет, откуда в обмен получали товары различного рода. Но поскольку этот порт, по-видимому, не был удобным и безопасным, купцы, возвращаясь из Африки, обычно заходили на остров Китера,^[1545] где есть несколько гаваней, среди которых гавань Святого Николая, в древности Скандея,^[1546] на восточном побережье, укрытая и просторная, с таким узким входом, что его можно по желанию закрыть цепью. Жители этого острова, как и лаконских территорий на главном берегу, были свободными лакедемонянами, которые, судя по всему, полностью посвятили свое внимание торговле и сельскому хозяйству, а также управлению продуктивным пурпурным промыслом, который велся среди отмелей и скал, окружающих их остров.^[1547] Помимо использования в красильном деле, эта рыба, как говорят, применялась в качестве приманки при ловле пеламид, и, кроме того, в этом море существовал значительный китовый промысел. Нервы этих левиафанов, правильно подготовленные, использовались для нанизывания псалтири и других музыкальных инструментов, а также для изготовления тетивы. Поэтому можно предположить, что они составляли важную статью торговли.^[1548]

Здесь же находились каменоломни порфира,^[1549] от которого, как говорят, в прежние времена остров получил название Порфирусса. На расстоянии мили с четвертью от Скандии стоял город Китера с акрополем, расположенным на очень высокой скале. В этом месте находился храм небесной Афродиты, считавшийся одним из древнейших в Греции:^[1550] жители пристрастились к поклонению этой богине, потому что, когда она впервые появилась из волн, она, как говорят, приплыла к ним на раковине из перламутра.^[1551] Сколько продуктов этого острова ежегодно поступало в торговлю, неизвестно. Но в современную эпоху он описывается как изобилующий дикими осликами, оленями, зайцами, перепелами и голубями-черепашками,^[1552] которые издревле были священными для богини острова. Кукуруза, а также масло и вино отличного качества были найдены на Китере, хотя и не в изобилии. Здесь также выращивают трагориганон и ублюдочный диттани. Поэтому неудивительно, что спартанцы высоко ценили этот остров и ежегодно отправляли туда магистрат по имени Китеродикс с гарнизоном тяжеловооруженных людей. Еще одно преимущество, которое Спарта получила от владения этим островом, заключалось в том, что он служил ей своего рода защитой от набегов пиратов, в какой-то мере контролируя узкое море между Пелопоннесом и Критом.

То, что это было немалое преимущество, станет очевидным, если мы рассмотрим, в какой степени и с какой жестокостью пиратство осуществлялось в старые времена. Оно неотступно следовало по пятам за торговлей, появляясь на каждом море и проникая в каждую землю, куда стремились промышленники для приобретения богатства. Можно сказать, что она была своего рода незаконнорожденным братом торговли: оба они исходили из желания наживы. Против мастеров этого ремесла, по-видимому, были снаряжены первые военные галеры в Средиземноморье. Среди главных подвигов полусказочного царя Крита числится очистка моря от пиратов, целью которой было обеспечить передачу доходов с мелких островов в резиденцию империи. Ведь в давние времена и греки, и варвары

континента, населявшие морское побережье, и все те, кто жил на островах, не успели пристраститься к мореплаванию, как занялись пиратством, возглавляемые своими самыми могущественными согражданами, отчасти ради собственной выгоды, а отчасти для того, чтобы обеспечить бедняков; внезапно нападая на неукрепленные города или рассеянных по деревням людей, они грабили всю страну и таким образом в основном добывали себе пропитание. На самом деле такая жизнь не только не была позорной, но и в какой-то степени почетной. Даже во времена Фукидида многие племена континента превозносили свое пиратское мастерство, а из древних поэтов, по его словам, ясно, что такое же чувство преобладало всегда; ведь первый вопрос, который задавали морякам при высадке на берег, был: пираты они или нет; и это без того, чтобы допрашиваемые считали это каким-либо преступлением или чтобы спрашивающие намеревались его совершить.^[1553] Никакой идеи кастовости, похоже, не существовало. Прием Пелопса, прибывшего с огромными богатствами из Азии в Пелопоннес, показывает, что богатство, каким бы оно ни было, ценилось превыше всего; ведь он мог быть, и, вероятно, был, пиратом.^[1554]

Внутри страны грабительские экспедиции также совершались по суше, как на границах Англии или Шотландии, а в более древние времена - на валлийских болотах. И вплоть до Пелопоннесской войны многие греческие народы все еще продолжали жить по древнему образцу, как озолийские и эпикнемидские локрийцы, этолийцы, акарнанцы и другие соседние племена, о которых можно вспомнить их привычку носить оружие. Подавление набегов этих полуцивилизованных рас часто становилось предметом большой заботы афинян, которые, чтобы пресечь плавания опунтийцев, давно привыкших обогащаться за счет грабежей на побережье Эвбеи во время Пелопоннесской войны, захватили и укрепили необитаемый остров Аталанте.^[1555] За несколько лет до этого они под руководством Кимона изгнали со Скироса пиратов-долопийцев, которые не только рыскали по соседним морям, но и грабили суда, заходившие в их гавань.^[1556] Ничто, однако, не смогло искоренить это зло, которое всегда оставалось проклятием этих морей, то осуждаемое, то поощряемое князьями соседних стран, которые, подобно Филиппу Македонскому, находили удобным, в зависимости от обстоятельств своих дел, вступать в войну с пиратами или объединяться с ними в погоне за грабежом.

Из всех дорийских государств самым торговым, несомненно, был Коринф. Расположенный на перешейке, соединяющем Пелопоннес с остальной Грецией, он очень рано стал империумом и возвысился до роскоши^[1557] и великолепия; ведь все товары, которые доставлялись из северной Греции в любое из государств полуострова по суше, обязательно проходили через этот город, а уплата, как было принято, транзитных пошлин, значительно обогащала его. То же самое можно сказать и о продуктах Пелопоннеса, которые по этой дороге попадали в Элладу. Пристрастившись к мореплаванию, коринфяне из двух своих портов Лехей и Ценхрей^[1558] вели чрезвычайно обширную торговлю с Италией и странами Адриатики, с одной стороны, и с Малой Азией^[1559] и островами - с другой; так что все предметы торговли, причисляемые к афинскому импорту, в какой-то мере можно было найти и в Коринфе. Отвращение древних мореплавателей к двойному мысу Малей надолго обеспечило торговлю в Коринфе. Существовала пословица^[1560], которая гласила, что тот, кто плавает вокруг этого сомнительного мыса, не должен забывать о своих друзьях дома; и в самом деле, бурные и встречные ветры, которые до сих пор встречают мореплавателей, переходящих из Миртоанского в Ионическое море, вполне могли бы показаться страшными для маленьких судов далекой древности. Чтобы избежать этого опасного плавания, барки вместе с перевозимым на них товаром перетягивали через перешеек и снова пускали в противоположное море. Поэтому проект Нерона, задумавшего открыть в этом месте канал, в

случае его осуществления оказал бы величайшую услугу коринфянам, чей город мог бы продолжать обогащаться благодаря ему и по сей день.

Что касается товаров, которые Коринф поставлял для торговли, то их можно найти среди экспорта и импорта Греции. Ее производство было многочисленным и важным,^[1561] состояло, среди прочего, из богатых покрывал, тонкой шерстяной одежды, дорогой керамики и изделий из богатого металла, известного под названием "коринфская бронза". Говорят, что она состояла из небольшой смеси золота и серебра с латунью; хотя, согласно другому рассказу, она была получена путем раскаливания металла докрасна и погружения его в воды Пейрене.^[1562]

Большая торговля велась на территории Коринфа во время празднования Истмийских игр, которые, собирая огромное количество людей из Ионии, Сицилии, Италии, Ливии, Фессалии и оконечности Черного моря, неизбежно привлекали туда, среди прочих, торговцев всеми видами провизии. Найдя быстрый рынок сбыта для своих товаров, другие торговцы последовали их примеру, так что в конце концов собрания, возникшие на почве религии, стали походить на грандиозные ярмарки,^[1563] куда свозились всевозможные товары для восхищения и покупки паломниками.^[1564]

Однако нам очень трудно понять, каким образом^[1565] осуществлялся внутренний транспорт Греции в более ранние века; но вполне вероятно, что, как и в Индии, Египте и Аравии, большие ярмарки проводились в каком-нибудь удобном месте, куда съезжались продавцы и покупатели со всех окрестных стран. Мы знаем, что так было во многих местах. Например, в Алейсоне,^[1566] близ Амфидолиса в Элее, на горной дороге из Элиса в Олимпию, проводилась ежемесячная ярмарка, на которую съезжались все окрестные крестьяне. У римлян небольшие ярмарки или рынки проводились каждые девять дней и назывались нундиниями.^[1567] В этих случаях деревенские жители прерывали свою обычную работу и отправлялись в город, чтобы снабдить себя всем необходимым, а также узнать, какие новые законы или правила были изданы за прошедшее время.

Эпидамнийцы, которые, как отмечает Мюллер^[1568], "сохранили многое из древних обычаев, уделяли большое внимание общению с иностранцами" и устраивали большие ежегодные ярмарки, которые часто посещали соседние иллирийцы. Под этим подразумевается, как ни странно, что они стремились прервать все подобные контакты. Как рассказывает Плутарх^[1569] в своих "Греческих вопросах", жители Эпидамнии, жившие по соседству с иллирийцами, заметив, что те из их граждан, кто был с ними связан, развратились, и опасаясь нововведений, избрали одного из своих главных граждан для ведения необходимых сношений и обмена, которые происходили ежегодно на большой ярмарке. Этот чиновник, называемый Полетом, выступал в роли генерального маклера для своих сограждан.

1465. Читатель найдет в работе месье Ф. Тирша "Действующее государство Греции", т. ii. с. 72, sqq., интересную и поучительную главу о торговле, которую вели потомки того народа, нравы и обычаи которого я взялся описать. В ней он подробно останавливается на выгодном положении страны, а также на честном и благородном характере ее жителей, чья необыкновенная честность находит множество подтверждений. Другие авторы придерживаются иного мнения о характере современной Греции. Но я склонен больше

доверять утверждениям М. Тирша, чем тем предвзятым путешественникам, которые стремятся завоевать себе репутацию требовательности путем недоброжелательного толкования свободного народа, гостеприимством которого они пользовались и в слишком многих случаях злоупотребляли.

1466. См. изображение этого зверя и его корзины в Antich. di Ercol. t. v. p. 5. В книге Бытия, глава xxxvii. v. 25, мы находим краткое представление о торговле, осуществляемой с помощью этого животного, и перечисление некоторых основных товаров, которые он перевозил из страны в страну. "И сели они (сыновья Иакова) есть хлеб; и подняли глаза свои, и посмотрели, и вот, из Галаада пришло общество Измаильян с верблюдами своими, несущими пряности, бальзам и мирру, собираясь нести их в Египет".

1467. Это, более того, общепринятое мнение. Так, Дионисий (Perieg. v. 907, seq.)

-πρῶτοι νήεσσιν ἐπείρῃσαντο θαλάσσης,

Πρῶτοι δ' ἐμπορίας ἀλιδινέος ἐμνήσαντο.

Они первыми на кораблях переплыли обширный океан,

И первые морские странствия дали человеку торговлю".

По этому поводу Цицерон замечает: "Eos primos mercatores mercibus suis avaritiam, magnificentiam et inexplebiles cupiditates primum in Græciam intulisse." De Rep. fr. l. 111. ap. Feith, Antiq. Rom. ii. 10. 1.

1468. Какое-то подобное событие, несомненно, упоминается в рассказе о Кадмосе.

1469. Аполлодор, рассказывая о подвигах аргонавтов, упоминает вскользь любопытную деталь о женщинах Лемноса, которые, по его словам, были покинуты своими мужьями из-за дурного запаха, который они источали. Их место заняли рабыни из Фракии, которые в отместку убили всех мужчин на острове, за исключением Тоаса, которого спасла его дочь Гипсипила. Biblioth. i. 9. 17. Cp. Pind. Pyth. iv. 159, sqq. ed. Dissen. чей комментарий можно прочесть, т. ii. p. 235.

1470. Odys. θ. 162. Гимн. в Apoll. 397.

1471. Odyss. о. 414, и далее.

1472. L. i. c. 2. См. также: Philost. Vit. Apollon. iii. 24. p. 114.

1473. Thucyd. i. 8. Tournefort, Voyage, i. 154. Фокийцы также, примерно в то время, когда они основали Марсель, сразу же отличились своими меркантильными и пиратскими привычками. Namque Phocenses exiguitate ac macie terræ coacti studiosius mare quam terras exercuêre: piscando, mercando plerumque etiam latrocinio maris quod illi temporibus gloriæ habebatur, vitam tolerabant. Justin. 43. 3.

1474. Conon. Dieg. 47. ap. Phot. Cod. 141. a. 20. Hudson, ad Thucyd. t. i. p. 302. См. в Scheffer, De Re Militiâ Navali, Addenda, Lib. Prim. p. 313, список народов, которые в древности занимались пиратством.

1475. Il. η. 472, sqq. Cp. Plin. Hist. Nat. xxxiii. 1.

1476. Eidyll. i. 57, seq. где для τυρόεντα Порсон и Кисслинг предлагают τυρῶντα. Ἄρτον τυρῶντα встречается во фрагменте Sophron. ap. Athen. iii. 75.

1477. Paus. iii. 12. 1-3.
1478. Юстин, iii. 2.
1479. Il. ζ. 236.
1480. Ap. Feith, Antiq. Hom. ii. 10. 3.
1481. Tom. i. p. 188. ed. Bekk.
1482. Onomast. ix. 60.
1483. Ad Il. t. iv. p. 238. Он замечает, что Арист. Ethic. v. 11, цитирует этот стих, чтобы показать, что ни один человек не может быть обижен добровольно - ὁδikeῖσθαι ἐκούσιον. О том, что это стало пословицей, можно судить по Цицерону, ad Ath. vi. 1.
1484. Διδραχμον- τὸ δ' ἐ παλαιὸν τοῦτο ἦν Αθ' ἠναῖοις νόμισμα καὶ ἐκαλεῖτο βοῦς, ὅτι βοῦν εἶχεν ἐντετυπωμένον Pollux. ix. 60.
1485. Spanheim, de Præstantia et Usu Numismatum Antiquorum, p. 129, 267.
1486. Thes. § 25. Cp. Goguet, t. iv. p. 228.
1487. Il. ι. 122. 264. σ. 507, sqq. Cp. Herod. i. 14. et Adnot. ad Ælian. i. 22. Goguet, iv. 229.
1488. Антик. Гомер. ii. 10. 3.
1489. Хейне, ad Il. σ. 507, который справедливо замечает, без сомнения, что мы не знаем, сколько весил гомеровский талант. Cp. Serv. ad Æneid. v. 112.
1490. Herod. viii. 137.
1491. Гимн. в Герм. 400. Pausan. iv. 3. 6.
1492. Судьи, viii. 21, sqq.
1493. Origine de Loix, t. iv. p. 204.
1494. Бьюкенен, Путешествие по Майсуру, ii. p. 347. Хинду, i. p. 44.
1495. Ælian. iii. 38.
1496. Мюллер в своей "Эгинетике". См. о торговле и промышленности, с. iii. 74, sqq. И сравните рассказ Коронелли, Mémoires, &c., p. 187, sqq.
1497. По Мюллеру, Æginetica, iii. p. 74.
1498. См. Michaelo d' Jorio, Storia del Commercio, i. 225, seq. и Caryophilus de Mercatura Veterum.
1499. Pausan. viii. 5. 5.
1500. Hom. Hymn. in Dionys. 8.
1501. Müller, Æginetica, p. 75.
1502. Opp. et Dies, 644.

1503. Именно из-за таких пиратских набегов первые жители Греции в большинстве своем возводили свои города и деревни на некотором расстоянии от морского побережья, в труднодоступных местах. Фукид. § 7. Аналогичные причины привели к подобным результатам и в наше время. Так, на Аликуде, самом отдаленном и наиболее уязвимом из островов Липари, жилища простых туземцев и их священников расположены высоко на холмах среди скал и крутых выступов из страха перед барбарийскими корсарами, которые время от времени высаживаются там и уводят в плен всех, кого им удастся захватить и покорить. Кроме того, для защиты от этих вторжений на Монте-делла-Гуардия, главном острове, поставлен дозорный, который несет вахту днем и ночью. Spallanzani, *Travels in the Two Sicilies*, iv. 140, sqq. Перед нами картина, которая переносит воображение в самые варварские века греческой истории.

1504. *Æginetica*, p. 76.

1505. Demosth. de Nicostrat. § 3.

1506. *Æginetica*, p. 77.

1507. Epist. to Titus, i. 12, где он ссылается на свидетельство Еврипида, хотя и не называет его.

1508. Eustath. ad Il. β. p. 604. Hesych. v. Ἀγινεῖα. Cp. Interp. i. 137. Schol. Pind. Ol. viii. 26. Erasm. Adag. 71, 72.

1509. Polit. iv. 4. 1.

1510. Herod. iv. 152. Cp. Bœckh, Pub. Econ. of Athens, i. 9.

1511. Herod. vii. 147. Polyæn. Stratag. vii. 15. 3.

1512. Perizon. ad *Æl.* xii. 10. Gog. v. 302.

1513. Зависть, которую в древности вызывали эгинеты, в XVII веке во всех морских государствах Европы внушали голландцы, которые несколько напоминали этих выносливых и беспринципных островитян. Обратите внимание на бесхитростную тревогу нашего соотечественника, сэра Джозайи Чайлда, чьи занятия явно выходили за рамки счетной палаты: "Думаю, ни один истинный англичанин не станет отрицать, что время года громко кричит нам о том, что пора браться за дело, пока наши поля не стали незанятыми, и пока голландцы не стали нас слишком сильно бить кнутом, которых (в таком случае, если бы они освободились от своих французских страхов, которые они испытывают в настоящее время), боюсь, мы должны найти такими же суровыми хозяевами, какими когда-либо были афиняне для мелких торговых городов Греции". Дискурс торговли, Предисловие, с. 39.

1514. Ирод. ii. 178.

1515. Hist. ii. 179. Müll. *Æginet.* p. 82.

1516. Müll. Dor. ii. 218.

1517. Aristot. *Œcon.* vi. 6. 11. p. 278, seq. Cp. Xen. Rep. Lac. vi. 3. 4. Aristot. Pol. ii. 2. 5. Plut. Laced. Instit.

1518. Дорийцы, ii. 218.

1519. Мюлл. Dor. ii. 219. Bœckh. Экономика Афин. ii. 389.

1520. Ἀναγκαῖον ἐν τῇ τοιαύτῃ πολιτείᾳ τιμᾶσθαι τὸν πλοῦτον, ἄλλως τε καὶ τύχῳσι γυναικοκρατούμενοι, καθάπερ τὰ πολλὰ τῶν στρατιωτικῶν καὶ πολεμικῶν γενῶν. Aristot. Polit. ii. 9.
1521. Econ. of Athen. ii. 385.
1522. Od. δ. 80, sqq. 351, sqq. Cp. Strab. i. 2. p. 62.
1523. Что является выдумкой Бекха. ii. 386.
1524. Жители Византии, как утверждают некоторые писатели, подражали спартамцам в своих нумизматических пристрастиях и, подобно им, использовали железные деньги. Πλάτων Πεισάνδρῳ "χαλεπῶς ἂν οἱ κησαίμεν ἐν Βυζαντίοις, ὅπου σιδারেοῖσι νομίμασι χρῶνται". Schol. Aristoph. Nub. 250.
1525. Bœckh, ii. 386. Плут. Lysand. § 17. См. также авторитеты, цитируемые Bœckh. l. i. § 15.
1526. Pollux. vi. 76.
1527. Bœckh, ii. 387. Без такой валюты Спарта, говорит г-н Мюллер, не смогла бы отправлять послов в иностранные государства или брать наемников. ii. 220.
1528. См. замечания месье Битаубе в его "Dissertation sur La Richesse de Sparte". Nouveaux Mémoires de l'Acad. Roy. des Sciences et des Belles Lettres, de Berlin, t. xxxvii. 560.
1529. Müller. Dor. iii. 2. 3.
1530. Herod. i. 69.
1531. Книга i. гл. iv. § 7.
1532. Thucyd. i. 120.
1533. Müller, iii. ch. x. § 10.
1534. Herod. vi. 70.
1535. Id. vi. 69.
1536. Plut. Agis, § 13. Но это было в поздний период, когда богачи и ростовщики монополизировали все богатства Спарты.
1537. Herod, vi. 86.
1538. Müller, l. iii. ch. x. § 11.
1539. Plat. Alcib. i. t. v. p. 342, seq. Это неполноценное произведение с его восхищением дворами и евнухами не может принадлежать Платону, но, тем не менее, содержит несколько любопытных фактов. Однако в вопросе о спартанском богатстве оно полностью совпадает с мнением самого Платона в "Гиппиях", т. V, с. 414. Cp. Bitaubè, Sur la Richesse de Sparte. Nouveaux Mémoires de l'Académie Royale des Sciences et des Belles Lettres, de Berlin, xxxvii. 559.
1540. Esprit des Loix, xxi. 12.
1541. Это считал необходимым даже такой великий человек, как Лисандр. Плут. Lysand. § 18.
1542. Как и в случае с Клеандридом, отцом Гилиппа.

1543. Афины. vi. 24.

1544. Thucyd. vi. 104. Plut. Pericl. § 22. Müller, ii. 225.

1545. Thucyd. iv. 53.

1546. Pausan. iii. 23. 1. Steph. de Urb. p. 672.

1547. Strab. viii. 5. l. ii. p. 186. Plin. Nat. Hist. ix. 60. xi. 22. xxxv. 26. Horat. Carm. ii. 18. 8. Пурпур Лаконии считался лишь вторым после пурпура Финикии: -κόχλους δὲ ἐς βαφὴν πορφύρας παρέχεται τὰ ἐπιθαλλάσσια τῆς Λακωνικῆς ἐπιτηδειοτάτας μετὰ γε τὴν Φοινίκων θάλασσαν. Pausan. iii. 21. 6.

1548. Dapper, Description des Iles de l'Archipel. 554. Элиан. De Animal. xvii. 6.

1549. По крайней мере, я нахожу это представление у Даппера, Desc. de l'Arch. p. 375-378, который замечает: "D'autres assurent qu'elle avoit été ainsi nommée à cause du porphyre qu'on y trouve en abondance." Однако более вероятно, что название произошло от пурпурной рыбы (Πορφύρα), которая водится на побережье, ἐκαλεῖτο δὲ Πορφύρουσσα, διὰ τὸ κάλλος τὸ παρὰ τῶν πορφυρῶν, ὡς Ἀριστοτέλης. Steph. de Urb. 487, a. С той же целью Евстафий ad Dion. Perieg. 498: ἐκαλεῖτο δὲ, φασὶ, καὶ Πορφυροῦσσα ποτὲ, διὰ τὸ καλλίστας ἔχειν πορφύρας. Ср. ad Il. o. p. 1031. 13. Plin. Nat. Hist. iv. 19.

1550. Paus. iii. 23. 1.

1551. Это мифологическое происшествие прекрасно выгравировано в настоящем музее Борбонико с древней картины, найденной в Помпее. Честный Буондельмонте, который, вместо того чтобы описывать остров, развлекает себя рассказом о его мифологии, обрисовывает, достаточно элегантно, другое изображение плавающей богини: "Sculpebatur etenim puella pulcherrima, nuda et in mari natans, tenens concham marinam in dextrâ, ornata rosis et à columbis circumvolantibus comitata, &c.". Christ. Buond. Lib. Insul. Archip. c. ix. p. 64.

1552. Dapper, Desc. de l'Archip. 375-379.

1553. Hom. Odys. γ. 312.

1554. Thucyd. i. 9.

1555. Thucyd. i. 151.

1556. Plut. Cim. § 8.

1557. Luc. Dial. Mort. 11.

1558. Steph. de Urb. p. 464. d.

1559. Strab. viii. 6. t. ii. 213. Pausan. ii. 2. 3.

1560. Μαλεὰ δὲ κάμψας ἐπιλάθου τῶν οἴκαδε. См. длинное и интересное примечание Беркелиуса к Steph. de Urb. p. 531, seq.

1561. И, несомненно, их обрабатывали сорок шесть мириад рабов. Athen. vi. 103. Пифийский оракул называет коринфян мерщиками, вероятно, потому, что они разрешали своим рабам мерить кукурузу в день.

1562. Paus. ii. 3. 3. Florus, ii. 16.

1563. Кроме того, говорят, что Ифилос учредил ярмарку в Олимпии, наряду со священными играми. Вел. Paterc. i. 8. Strab. viii. 3. t. i. p. 178.

1564. Дион Хризостом. i. 289.

1565. Plat. De Rep. ii. t. vi. p. 79. 84. См. в Mons. Thiersch Etat. Actuel de la Grèce, t. ii. p. 74, несколько подробное описание внутренней торговли современной Греции.

1566. Strab. viii. 3. t. ii. p. 151.

1567. Columel. i. Præf. ii. 1. Dacier, in Fest. i. p. 501.

1568. Дорийцы, ii. 223.

1569. Кæст. Græc. 29. Var. Script. t. ii. p. 317. Cp. Steph. de Urb. voce Δυρράχιον, p. 316, sqq. Palmer. Descrip. Græc. Antiq. p. 73, sqq. 118, sqq. Pausan. vi. 10. 8.

ГЛАВА IX. ТОРГОВЛЯ АТТИКИ.

Теперь поговорим о торговле Аттики, самой обширной и важной в древнем мире. Заблуждение, которое разделяют люди в других отношениях выше вульгарных, заключается в том, что торговый народ обязательно подлый; поэтому Наполеон считал оскорбительным для англичан, что они, по его выражению, являются нацией лавочников. В науке о человеческой природе есть несколько уроков, которые Наполеон не усвоил, среди них и такой: величайшие, мудрейшие и добродетельнейшие представители человечества выросли и процветали в торговых сообществах и сами во многих случаях занимались торговлей. Ни одна страна в современном мире не произвела на свет людей более рыцарской чести или героического бескорыстия, чем Англия; а в древности афиняне, как сообщество и как отдельные люди, намного превосходили по мудрости, высокодушию и патриотизму всех остальных людей, с которыми мы могли бы их сравнить. Одним словом, они были англичанами древности - смелые, авантюрные, неутомимые люди, одинаково прославившиеся в торговле, философии и войне. То, что они были менее удачливы, можно объяснить их географическим положением, лишенным того неоценимого преимущества, которым мы пользуемся, будучи расположенными на острове, - несчастье, хорошо понятное Периклом, который упоминает о нем в своей первой оратории о войне.^[1570]

Ни одна страна, какой бы плодородной она ни была, не производит всего того, в чем нуждаются ее жители, продвигающиеся по пути цивилизации, что более других обстоятельств способствует улучшению общества; а Аттика, в силу своей сравнительной бесплодности и весьма ограниченных размеров, особенно остро ощущала необходимость внешней торговли. К этому, соответственно, афиняне приложили руку с самого раннего периода, и с таким успехом, что все товары, которые производил древний мир, обычно можно было найти в величайшем изобилии в их городе.^[1571] Они пользовались, как уже было замечено, большинством преимуществ островного положения, то есть^[1572] удобно расположенными превосходными гаванями, в которые они получали припасы при любых ветрах,^[1573] и, в дополнение к ним, некоторыми преимуществами, компенсирующими расположение на континенте, в виде удобств для внутреннего транспорта. Однако главными из них были блага, проистекающие из мудрости, умеренности и либеральности

правительства, благодаря которым Афины стали местом отдыха всех предприимчивых и просвещенных людей из любой другой страны. Сделки с иностранцами облегчались чистотой монеты, так как торговцы, не желавшие покупать товары, могли брать слитки, которые, по выражению Ксенофонта, были очень красивой вещью и состояли из такого малого количества сплава, что везде могли стоить дороже своего номинала, как старые испанские доллары и английская золотая валюта на Востоке.^[1574] Запреты на вывоз денег, как отмечает Бёкх, были неизвестны в древности и совместимы только с векселями.^[1575]

Хотя война в некоторой степени мешала афинской торговле, но, будучи хозяевами моря, они обычно могли получать обильные поставки иностранных товаров, так что многие предметы, считавшиеся редкими в других странах, можно было в изобилии найти на складах Пейреев. "Сюда, благодаря богатству нашего города, - говорит Перикл, - свозят продукты из всех стран, так что мы не более знакомы с использованием пшеницы, выращенной в Аттике, чем с продуктами других стран" Так и Исократ: "Пирей, основанный как эмпорий в сердце Греции, настолько превосходит всех своих соперников, что товары, с трудом встречающиеся по отдельности в других портах, можно легко найти здесь целиком" И это правда, что все области востока и острова Средиземноморья вливали свои товары в Аттику, откуда они распространялись по всей Греции. Сюда привозили великолепные ковры и тонкую шерсть из Персии, Фригии и Милета; перчатки и пурпур из Тира и Сидона; тонкий лен из Египта;^[1578] золото и слоновую кость из Африки; жемчуг Индии и Красного моря;^[1579] белых и черных рабов, и кукурузу, и древесину, и пряности, и дорогие вина, и благовония из Испании, Сицилии, Италии, Кипра, Лидии, Черного моря и самых дальних областей Востока.^[1580]

Эта обширная торговля и поощрение, которое находили чужеземцы всех стран, чтобы поселиться в Афинах, сделали их домом для всех языков и религий,^[1581] и привели к принятию многих варварских слов. Но таким образом она создала безграничный рынок для своего собственного экспорта, будь то мануфактура или избыточная продукция земли; и как мы сейчас продаем в розницу континентальным народам многие продукты Восточной Азии, так и афиняне распоряжались в окружающих некоммерческих странах товарами, которые они собирали в других местах. Например, они нашли выход среди народов Черного моря для вин с островов и берегов Эгейского моря, Пепарета, Коса, Тасоса, Менде, Скионе, Лемноса и Крита.^[1582] Из отрывка Ксенофонта следует, что либо греческие моряки развлекались чтением во время плавания, либо что книги экспортировались в Понтос, поскольку подозрения, что это были пустые книги, не имеют под собой оснований.^[1583] "Здесь, - говорит Ксенофонт, говоря о побережье Фракии, - можно найти множество кроватей, шкафов, книг и других вещей, которые корабельщики привыкли перевозить в сундуках". Теопомпос представляет персов как перевозящих книги (χάρται βιβλίων) с собой при вторжении в Египет, и греки вряд ли были менее литературны.^[1585] Несомненно, во всяком случае, что в Афинах существовал книжный рынок, вероятно, похожий на восточные базары, где торговцы рукописями держали свои лавки;^[1586] и оттуда, по всей вероятности, снабжались греческие города на Черном море; И это ни в коем случае не противоречит пословице о Гермодоросе, сицилийском издателе Платона, о котором с презрением говорили, что он торгует словами; поскольку он сам был одним из слушателей Платона, возможно, считалось, что торговать - ниже его достоинства.^[1587] Несколько позже мы читаем о том, как Зенон, чужестранец в городе, заходит в лавку книготорговца, чтобы присесть, где застаёт хозяина читающим Ксенофонта, и тот рекомендует ему последовать за Кратесом.^[1588]

Такая обширная торговля, какой занимались Афины, не могла осуществляться без защитных правил и сотрудничества с коммерческой полицией. Поэтому правительство проявляло много мудрости и либеральности во всем, что касалось торговли, всеми способами стремясь

поощрить предприимчивость и промышленность. Для наблюдения за коммерческими сделками граждан были назначены многочисленные должностные лица, такие как смотрители гавани, десять человек, назначаемых ежегодно по жребию; смотрители рынка, также десять, из которых пять контролировали рынки в городе, а другие пять - в Пирее; пятнадцать инспекторов мер и весов, десять из которых работали в городе, а остальные пять - в порту; и, вероятно, им подчинялись государственные счетчики, которые, похоже, были скифами, а значит, рабами государства: В их обязанности входило измерять зерно, продаваемое на рынке,^[1589] за что платили небольшую сумму, направляемую, как можно предположить, на увеличение доходов. На самом деле, к вопросу о весах и мерах, а также к рыночным правилам в целом, относились с большим вниманием; и все же мы узнаем от комических поэтов^[1590], что иногда совершалось много мошенничества.^[1591]

Некоторые писатели предполагают, что кредит в Греции был на низком уровне; но это представление, кажется, было сформировано поспешно, без учета обстоятельств, так как состояние времени достаточно объясняет факты, которые его предполагают; ибо все крупные и известные дома, как известно, обладали почти неограниченным кредитом, так как они могли, под залог своего имени, собрать любые деньги, которые им были нужны; так что никто, вероятно, кроме людей малоизвестных или не очень известных, не был обязан давать гарантии.^[1592] Жители некоторых городов, как, например, Фазелиса, пользовались, как мы уже сказали, дурной репутацией^[1593] и, несомненно, были в числе тех, кому люди отказывали в доверии.

Если, однако, строгость в законах о должниках и кредиторах имеет какую-либо тенденцию поддерживать кредит, то у доверчивой части общества было мало оснований жаловаться на Афины, поскольку дух этой отрасли афинской юриспруденции был необычайно суров. Человек, получивший денежный заем и обманным путем утаивший свое обеспечение, считался совершившим смертное преступление, и его высокое положение или почетные связи не могли уберечь его от наказания.^[1594] Ибо считалось, отмечает оратор, что преступник такого рода не только обманывает людей, с которыми имеет дело, но и покушается на источники общественного процветания, на коммерческие операции, зависящие не от заемщика, а от кредитора, без сотрудничества с которым не может двигаться ни один корабль, ни один капитан, ни один пассажир. Именно поэтому наиболее эффективная защита была предоставлена им законом.

Купцов и морских капитанов также защищали весьма суровые законы против ложных обвинителей, которых по приговору суда подвергали крупному штрафу, а в случае неуплаты лишали прав гражданства.^[1595] Дела такого рода рассматривались в торговом суде Наутодикæ, который также был уполномочен рассматривать иски граждан, обвиненных в иностранном происхождении.^[1596] Дела вводились Тесмотетæ, а в исках между гражданами разных народов, в силу определенного соглашения, существовала апелляция одного государства к другому.^[1597] Ничто так ясно не показывает, с каким вниманием в Афинах относились к морским и торговым делам, как законы, которые регулировали работу этого суда: во-первых, чтобы не прерывать ход дел и не причинять убытков частным лицам, наутодики заседали в зимние месяцы, с сентября по март, когда навигация обычно была приостановлена. Сначала, правда, они начинали свои заседания только в январе;^[1598] но это оказалось неудобным, и решение суда часто откладывалось до поздней весны или лета, к большому ущербу и убыткам тяжущихся сторон. Еще более плачевные последствия, возможно, наступали, когда дело затягивалось до следующей зимы, когда, поскольку назначались новые судьи, все дело приходилось начинать заново. Чтобы исправить это зло, Ксенофонт разработал план реформы,^[1599] но в нем не было ничего похожего на взгляды

государственного деятеля; его главная заслуга состояла в том, что он предложил премию, которая присуждалась бы наиболее способному и оперативному судье. Однако его схема, возможно, имела ту заслугу, что привлекла внимание более мудрых людей к этому вопросу, что в конце концов привело к появлению ежемесячных исков, к которым относились все дела, касающиеся торговых клубов, приданого и рудников.^[1600] После введения этого улучшения в практику торгового суда преимущество, предложенное Ксенофонтом, было полностью достигнуто, поскольку дела не могли, как некоторые думали, переходить из месяца в месяц, а должны были быть обязательно решены в течение срока.^[1601] Для более полной защиты и продвижения интересов торговли каждое государство имело своего консула^[1602] (προξένος), который представлял интересы своей страны и, подобно нашим консулам в Леванте, был обязан принимать и развлекать граждан, прибывших в порт, где он проживал. Кроме того, когда за границей умирал купец или торговец, в обязанности консула входило взять на себя ответственность за его имущество и немедленно передать его друзьям отчет о случившемся с необходимыми подробностями.^[1603] Иногда, однако, очень неподходящие люди получали это уважаемое и, несомненно, прибыльное положение, как, например, Лицидас, бывший один из рабов Хабрия, который путем интриг добился назначения консулом Мессины; и Дионисий, человек подобного происхождения и характера, по происхождению мегарский, который пользовался честью представлять Афины в Мегаре.^[1604]

Ставится вопрос о том, существовала ли среди древних полная свобода торговли, и в целом оказывается, что, по крайней мере, среди афинян не было неразумного или досадного вмешательства.^[1605]

Бекх отмечает, что в плане Ксенофонта по восстановлению доходов не упоминается о снятии обременительных ограничений на торговлю, из чего можно сделать вывод, что таковых не существовало. Heeren^[1606] явно придерживается такого мнения: "Греки ничего не знали о торговом балансе, и, следовательно, все жестокие меры, вытекающие из него, никогда не были придуманы. У них были пошлины, как и у современников; но эти пошлины взимались только ради увеличения государственных доходов, а не для того, чтобы направить усилия отечественной промышленности путем запрета определенных товаров. Не было запрета на вывоз сырой продукции; не было поощрения мануфактур за счет сельхозпроизводителей. В этом отношении, таким образом, существовала свобода промышленности, коммерции и торговли. И таков был общий обычай. Поскольку все решалось обстоятельствами, а не теориями, могли быть отдельные исключения и, возможно, единичные примеры, когда государство на какое-то время узурпировало монополию. Но как далеко это было от меркантильной и ограничительной системы современников!"

Таков, как мне кажется, философский взгляд на этот вопрос, который не претерпел существенных изменений из-за замечаний Бёкха. Несомненно, интересы государства считались первостепенными и включали в себя, как и в справедливых государствах, интересы всех людей; но именно по этой причине они, насколько им было известно, остерегались капризного или ненужного вмешательства в частные интересы, поскольку процветающее сообщество не может состоять из непроцветающих членов. Г-н Бекх, кажется, при всей своей образованности и остроте, неверно понимает политическую теорию древних и полагает, что, поскольку право правительств регулировать действия отдельных лиц было признано, они могут спокойно делать это во всех случаях без рифмы и причины. Но в этом он, безусловно, заблуждается. Цель правительства понималась тогда так же хорошо, как и сейчас; поэтому я склонен думать, что эрудированный профессор выдвигает в следующем отрывке доктрину, которая встретила бы холодный прием среди афинян, хотя и

была принята буквально историками дорийской расы: "Не только на Крите и в Лакедемон, двух государствах, полностью закрытых и по своему положению не допускающих свободной торговли, но вообще по всей Греции, и даже при свободном и республиканском правительстве Афин, самый бедный и самый богатый гражданин был убежден, что государство имеет право претендовать на все имущество каждого человека; Любое ограничение в передаче этой собственности, регулируемое в зависимости от обстоятельств, рассматривалось как справедливое, и оно не могло считаться нарушением справедливости до того, как безопасность личности и собственности была признана единственной целью правительства; в таком свете его никогда не рассматривал никто из древних."

Трудно подобрать у любого писателя, древнего или современного, отрывок, более изобилующий ошибочными выводами, чем этот. Ни Лакедемон, ни Крит в силу своего положения не были лишены преимуществ свободной торговли; и в Афинах не было ни одного гражданина, пусть даже бедного или невежественного, который признавал бы за государством такое право, о котором говорит г-н Бекх, за исключением случаев, когда речь идет об обеспечении общей безопасности, а в этом случае оно с такой же радостью признавалось бы в любом современном обществе. Когда господин Бекх писал это заключительное предложение, он, должно быть, думал о деспотических правительствах Германии. Англичанин считает сохранение своих политических прав такой же целью правительства, как и защиту своей личности или имущества, и будет так же упорно отстаивать ее, в этом он похож на афинянина. Но я не позволю даже этой теме отвлечь меня от рассматриваемого вопроса.

Нетрудно признать, что, поскольку само существование торговли, как ее правильно называть, зависит от существования политических сообществ, государство имеет право вмешиваться при определенных обстоятельствах в движение торговли. Например, купцам может быть справедливо запрещено законами снабжать врага своей страны оружием, боеприпасами, провизией, словом, любыми предметами, которые, укрепляя руки врага, могут нанести ущерб их собственному сообществу. Опять же, во время голода и скудости закон самосохранения разрешает государствам сдерживать вывоз товаров, абсолютно необходимых для внутреннего потребления; ведь бедственное положение порождает недовольство, беспорядки и восстания, а значит, может поставить под угрозу само существование правительства. Запреты на экспорт, проистекающие из таких побуждений, вполне оправданы. Но столь же мало можно сказать и о монополиях, которые не были неизвестны грекам, хотя и не отрицается, что они были недолгими.^[1608] "Можно, однако, с уверенностью утверждать, - говорит г-н. Вёскх, "что ни одна республика никогда не требовала от своих граждан, чтобы они поставляли товары государству в определенных количествах и по ценам, произвольно установленным на низком уровне, с целью обеспечить себе монополию: такое требование могло быть выполнено только в странах, находящихся под властью тирана." Глупость, равно как и нечестивость, такого деспотического вмешательства я наблюдал в депопуляции и бедствиях Египта, которые в конце концов зашли так далеко, что встревожили самого пашу и привели к некоторому улучшению его порочной системы.

Несомненно, возможно, что многие монополии, о которых мы ничего не знаем, существовали в древности;^[1610] , но совершенно очевидно, что рассуждать о такой возможности бесполезно. Монополии, о существовании которых мы знаем, были немногочисленны и недолговечны. Аристотель, отмечая, какие преимущества иногда извлекали из них как отдельные лица, так и государства, приписывает лучшую политику Афинам. Он приводит два или три примера частных монополий, известную историю о Фалесе

и маслобойках и историю о человеке, который скупил все железо^[1611] в Сиракузах, и добавляет, что при больших денежных затруднениях правительства иногда были вынуждены подражать им.^[1612] Так, в поздний период своей истории афиняне, как предполагается, монополизировали свинец, получаемый из серебряных рудников Лаурейона, что они сделали, как нам говорят, по наущению Пифокла; то есть они скупали его по обычной цене в две драхмы за коммерческий талант, а продавали по шесть драхм.^[1613] В Риме цена была выше. Поскольку можно не сомневаться, что свинец предназначался для экспорта, частные лица не пострадали. Что касается монополии, предоставленной византийцами банкиру, то можно заметить, что это была лишь одна из многих смен, к которым вынуждала прибегать нагота их казны. Список приводится во второй книге "Экономики" и не лишен интереса. Я бы не стал утверждать, что их ухищрения были невинными.^[1614] Опять же, Селимбрийцы, в период государственных трудностей, стали монополистами способом, который г-н Бекх мог бы безбоязненно назвать "менее защитимым". По закону им не разрешалось экспортировать товары во время нехватки; но, испытывая недостаток денег, они постановили, чтобы государство выкупило все старые запасы по фиксированной цене, оставив людям достаточно для их годового потребления, после чего продали излишки по более высокой цене, получив разрешение на экспорт.^[1615]

Трудно сказать, что люди согласятся считать "совершенной свободой торговли"; но мне кажется, что в Афинах торговля была настолько свободной, насколько это могло быть совместимо с благосостоянием общества. Г-н Бёкх говорит: "Существует множество доказательств того, что экспорт и импорт регулировались в соответствии с потребностями и интересами общества, что ни в коем случае не соответствует совершенной свободе торговли". В этом, по-видимому, скрывается заблуждение. Такая свобода, которую этот автор назвал бы совершенной, несовместима с самим существованием гражданского общества, основные законы которого требуют, чтобы ни одна свобода человека не посягала на свободу, а тем более на жизнь другого. Но если бы в торговле можно было свести на нет потребности и интересы сообщества, то такому сообществу пришел бы конец, поскольку зачастую его благосостояние, если не существование, зависело от торговых отношений с иностранными государствами.

Поэтому, несомненно, следует признать, что торговля не была свободной. В этом смысле, и не более того, Аристотель советует или предполагает вмешательство в торговлю: "Что касается ввоза и вывоза, - говорит он, - то необходимо знать, какой объем провизии требуется государству и какая часть ее может быть произведена в стране, а какая ввезена, и какой импорт и экспорт необходимы государству, чтобы заключать торговые договоры и соглашения с теми, кого государство должно использовать для этой цели"

Что касается запрета на экспорт, приписываемого Солону, то необходимо либо вообще отказаться от этой темы, либо понимать ее в смысле, противоположном тому, который обычно придается. Плутарх, в том виде, в каком его текст существует сейчас, рассказывает очень странную историю, замечая, что вывоз всех вещей, кроме масла, был запрещен Солоном, и поэтому он добавляет, что не совсем невероятно, что фиги также были запрещены.^[1618] Я понимаю этот вопрос иначе. Солон, вероятно, заметив, что Аттика в то время производила едва ли достаточно масла для собственного потребления, запретил его экспорт, хотя с развитием сельского хозяйства закон пришел в упадок, и масло стало основным предметом экспорта. Исходя из этого примера, Плутарх считает неправдоподобным, что инжир также мог быть запрещен в то или иное время. Таким образом, вопрос ясен и естественен. Кроме того, Схолиаст о Пиндаре, несомненно, ссылаясь на какой-то определенный период, отмечает, что вывоз масла был запрещен.^[1619]

Поэтому удивительно, что Бекх вообще сделал акцент на столь противоречивом отрывке, не попытавшись восстановить его, тем более что Солон сам был купцом и нарушителем предполагаемого закона. То, что вывоз кукурузы не был разрешен, вполне понятно и разумно, поскольку Аттика никогда не производила достаточно зерна для собственного потребления; и они не были склонны перенимать систему современных тосканцев, которые продают свою собственную кукурузу англичанам и живут за счет низкого сорта из Черного моря, если он действительно низкий.^[1620]

Однако некоторые товары, несомненно, не разрешалось вывозить, например, древесину, смолу, воск, такелаж и "кожаные бутылки, изделия, которые, как отмечает Бекх, "были особенно важны для строительства и оснащения флота". Но слово, которое, по мнению этого выдающегося ученого, означает "кожаные бутылки", имело совсем другое значение и означало ту кожаную защиту, через которую проходили весла и которая была призвана удерживать море от набегания на гребной порт. Об этом мы узнаем как из схолии к Аристофану^[1622], так и из нескольких отрывков Поллукса, пропущенных Бекхом. Этот писатель отмечает, что кожаная защита гребного порта называлась ἄσκημα,^[1623] а в другом месте он говорит, что женская грудь, когда она была полна молока, также называлась так;^[1624] из чего мы можем предположить, какую форму принимала аскома, когда весло вытаскивало ее наружу во время гребли. Я также не предполагаю, что такой запрет существовал только во время войны, поскольку было бы одинаково неосмотрительно снабжать такими предметами людей, готовящихся к войне, как это всегда бывает в мирное время, и тех, кто в ней участвует. Из отрывка из "Теофраста" следовало, что разрешение на вывоз древесины для строительства кораблей иногда предоставлялось частным лицам без уплаты пошлины; но поскольку это утверждение делает Бустер, добавляя, что, чтобы избежать зависти, он никогда им не пользовался,^[1625] можно рассматривать как не меньшую шутку, чем причину запрета на вывоз фитилей из Беотии, а именно: они могут поджечь флот!^[1626]

Запрет на вывоз оружия во время войны в страну противника, да еще под страхом смерти,^[1627] был очевидной мерой самообороны. В мирное время, однако, торговля оружием была столь же свободной, как и любая другая торговля; афиняне импортировали от своих соседей, беотийцев, шлемы,^[1628] в изготовлении которых этот народ преуспел. Несомненно, так как государства черпают военные силы, по крайней мере частично, из торговли, афиняне имели мудрость нападать на своих врагов в уязвимом месте их гордости, чтобы быстрее образумить их. Таким образом, они также внушали низшим государствам, таким как Мегара и Беотия, что Афины независимы от них во всех отношениях, в то время как они сами должны были подумать, являются ли они столь же независимыми от нее.^[1629] Так, о королеве Океана в древности говорили, что она (как и Великобритания в прошлом) деспотически властвует над торговлей, например, когда она взимала десятую часть со всех кораблей, идущих в Черное море или из него;^[1630] хотя в этом, как и во всех человеческих делах, деспотизм^[1631] возникал естественно из обладания высшей силой и едва ли мог быть защищен от него. Ослабление противника всеми возможными средствами было целью мудрой политики; так что, рассматривая каждое побережье, принадлежащее державе, не состоящей в союзе с Афинами, как находящееся в состоянии блокады,^[1632] - захватывая, захватывая или задерживая все суда любого типа, которые могли бы нарушить ее интересы, Афины действовали только в целях самообороны. То, что ее ненавидели за ее превосходство, не должно удивлять нас, знающих, с какой сердечной болью и тайной неприязнью наше собственное морское превосходство когда-либо воспринималось народами континента, которые повторяли против нас все те обвинения, которые в древности выдвигались окружающими государствами против Афин.

Утопические спекулянты, читающие историю в своих мягких креслах, находят легкомысленным осуждать меры древних государственных деятелей. Но если допустить, что они были достойны осуждения, остается выяснить, смогли ли бы мы при тех же обстоятельствах привести в исполнение что-нибудь лучшее; ведь способность представить себе лучшее - ничто, если только мы не предположим, что события всегда позволяют людям действовать в соответствии с их знаниями. Как бы то ни было, афинское правительство в силу своего положения было вынуждено иногда вмешиваться в ход торговли; но можно усомниться, что какая-либо иная свобода торговли, чем та, что существовала, была возможна или желательна. Ведь и торговля, и все другие способы, в которых может развиваться энергия нации, должны существовать не иначе, как с пользой для всей нации; и в этом управляющие государственными делами всегда должны быть лучшими судьями, чем купцы или спекулянты, которые учитывают только свои собственные интересы, которые не всегда совпадают с интересами государства. Однако я далек от мысли утверждать, что торговые правила Афин ни в коем случае не были деспотичными. Возможно, в вопросе торговли кукурузой они были таковыми; и все же многое можно сказать о густонаселенном городе, окруженном бесплодной страной и потому заботящемся о собственном пропитании. Давайте рассмотрим эти правила. Согласно букве закона, который часто нарушался, ни один житель Афин не мог высадить груз кукурузы нигде, кроме как на Пирее; но, прибыв туда и обеспечив нужды государства, остатками можно было распоряжаться в другом месте. В этом и заключалась вся сумма недовольства, если его можно так назвать.

Что касается закона, который, как предполагается, запрещал капиталистам давать деньги в долг любому судну, не возвращающемуся в Афины с кукурузой или другими товарами, то было бы крайне необоснованно, как и г-н Бекх, называть его "чрезмерно деспотичным", пока мы его не поймем.^[1633] Со своей стороны, пока не будет предложено что-то лучшее, я должен принять толкование Салмасия, согласно которому не разрешалось ссужать деньги для покупки кукурузы в других странах, кроме как при условии, что эта кукуруза должна быть ввезена в Афины.^[1634] Несомненно, такой взгляд на дело сопряжен с трудностями; но это одинаково верно, как бы мы его ни понимали. Возможно, чтобы сделать Афины, насколько это возможно, мировой импорией, закон требовал, чтобы деньги не ссужались купцам или суперкарго, если они не намеревались вернуться с грузом, будь то кукуруза или какой-либо другой товар. Но даже это представляется весьма сомнительным.

Но какими бы законами ни регулировалась эта отрасль торговли, не может быть никаких сомнений в ее масштабах и значении. Поскольку население Аттики очень рано превысило средства к существованию, предоставляемые самой страной, республика оказалась вынуждена зависеть в качестве основного продукта питания от продукции иностранных государств, составляющей почти одну треть всего ее потребления; Иными словами, в то время как дома выращивалось двести девяносто две тысячи триста девяносто две четверти, как можно доказать путем подсчета,^[1635] в эпоху Демосфена было импортировано сто восемнадцать тысяч четвертей. Ранее ввоз кукурузы был еще более значительным, когда большая часть поставок осуществлялась из Эвбеи, через Оропос и Децелейский проход.^[1636]

Из вышеупомянутых ста восемнадцати тысяч четвертей около шестидесяти тысяч были получены из стран на Черном море, главным образом из Феодосии, ныне Каффы,^[1637] в Крыму, остальные из Фракии, островов Эгеиды, Египта и Сицилии.^[1638]

Однако афинский народ почти не испытывал недостатка в продовольствии, а те, что испытывал, случались в более поздние времена, когда их враги приобретали превосходство на море. Пока это государство заботилось о собственном флоте и поддерживало свое морское превосходство, в Пирее, как мне кажется, никогда не было недостатка в зерне,^[1639]

хотя торговцы кукурузой часто пытались создать монополию и вымогать у населения голодные цены,^[1640] за что их иногда наказывали смертью. Многочисленные доказательства того, с какой легкостью Афины могли обеспечивать себя продовольствием, имели место в последние годы Пелопоннесской войны и в последующую эпоху. Так, когда спартанцы со своим царем Агисом овладели Децелейским проходом и привычно опустошали всю территорию Аттики, они почувствовали, что даже занятие этого важного поста не принесет им никакой пользы, пока Афины остаются владычицей моря, поскольку они ежедневно видели множество кукурузных кораблей из всех частей Леванта, приплывающих в Пейрею.^[1641] Впоследствии, когда спартанцы начали заниматься морскими делами, одной из их первых попыток было причинить Аттике беспокойство, нападая на ее кукурузные корабли, как в случае, когда Поллис попытался захватить транспорты в окрестностях Герестоса, которые, однако, были спасены флотом под командованием Хабрия.^[1642]

Никаких неудобств не возникало из-за нежелания государств, выращивающих кукурузу, экспортировать свою продукцию. Напротив, мелкие цари стран на Эвксинском полуострове так хотели закрепить за собой обычай Афин, что давали этому государству многочисленные привилегии и делали ей большие подарки, чтобы заманить ее кукурузные корабли в свои гавани и предотвратить обращение к соперничающим государствам. Можно сказать, что мир между Афинами и странами-экспортерами почти никогда не прерывался, и то не из-за того, что афиняне приставали к ним, чтобы получить свою кукурузу, а из-за того, что они приставали к афинянам, чтобы те разрешили им ее поставлять. Таким образом, насколько можно опираться на опыт древности, следует сделать вывод, что страна, закупающая сельскохозяйственную продукцию, неизменно оказывает первостепенное влияние на страны, поставляющие ее. Во всем мире действует правило, что это покупатель принуждает торговца, а не торговец влияет на покупателя.

Но, кроме того, этот огромный импорт зерна не вывел из оборота ни одну из земель Аттики, какой бы бедной и бесплодной она ни была.^[1643] Напротив, силы почвы по-прежнему облагались налогом по максимуму, а процессы сельского хозяйства были доведены до гораздо более высокой степени совершенства, чем в любой другой части Греции.^[1644] Фактически, с ее виноградниками вся Аттика напоминала продолженный сад до самых стен города.^[1645] Из этого, а также из положительных свидетельств, очевидно, что афиняне всегда сохраняли пристрастие к сельскому труду,^[1646] несмотря на то, до какой степени среди них была распространена система производства. Возделывание земли, действительно, имеет столько прелестей для людей, что они никогда не оставят его до тех пор, пока оно способно обеспечить их потребности. Люди становятся промышленниками только тогда, когда они больше не могут жить за счет сельского хозяйства".

Возможно, следует добавить, что из зерна, ввозимого в Пирей, излишки часто вывозились в другие части Греции, когда потребности содружества были должным образом обеспечены, и что небольшая фиксированная пошлина, ради дохода, кажется, всегда взималась с ввозимого зерна.^[1647]

Однако за эти необходимые для жизни товары обычно не платили деньгами. Напротив, именно мануфактурой Греция покупала зерно у грубых народов на Эвксинском море, которых своей торговлей она постепенно отвоевывала у варварства, прививала вкус к безвредной роскоши и, в конце концов, даже к эллинской литературе.^[1648]

В одном случае мы видим, что скифы-кочевники занялись возделыванием земли и, конечно, стали неподвижными только для того, чтобы снабжать Грецию кукурузой.^[1649] Опять же, в поздние времена Римской республики, когда кукурузные поля были редкостью в Италии, которая была почти полностью превращена знатью в сады и увеселительные площадки,^[1650] Сицилия, Египет и другие сельскохозяйственные страны Леванта обеспечивали столь обильные поставки зерна, что недостатка в нем никогда не было, за исключением тех случаев, когда государственные служащие грубо пренебрегали своими обязанностями. Фактически, торговля зерном лежала на плечах финикийцев, которые, в значительной степени существуя только за счет этого, были вынуждены быть наиболее внимательными, чтобы поддерживать поставки.^[1651] Если бы римляне сами были торговым народом, как англичане, их торговля могла бы быть еще лучше отрегулирована.

Однако вернемся к этому вопросу: признано, что, как ни либеральны были в целом принципы торговли в древности, афинские были самыми либеральными из всех.^[1652] Аргивяне и игинетяне в один период запретили ввоз афинских изделий, особенно их керамики, или, по крайней мере, запретили использовать их в религиозных церемониях, хотя до этого периода они были разрешены. Разумеется, целью было введение в употребление собственной глиняной посуды, особенно в Аргосе,^[1653] обладавшем производством, которое в конце концов сравнялось с производством самой Аттики. Считается признаком древней простоты, что для возлияний богам первоначально не использовали ни золота, ни серебра, ни украшенных пластин, а только фитильные вазы.^[1654]

Те же принципы, которые регулировали морскую торговлю, регулировали и сношения, которые народы вели на суше. Поэтому было бы неразумно искать то, что, как ни странно, называется "неограниченной свободой", поскольку, нисколько не признавая, что "полиция смешивала себя со всем", мы не можем отрицать, что государство в этом, как и во всех других отношениях, стремилось продвигать свои собственные интересы. Иногда предпринимались глупые попытки снизить цены на некоторые предметы первой необходимости, например, на соль, о чем упоминает Аристофан; но закон вскоре отменялся.^[1655] Если государство и было склонно к тираническому вмешательству во что-либо, то именно в отношении кукурузы. Однако Бекх, занявший не ту сторону в этом вопросе, признает, что в этой статье "мы, безусловно, находим большую свободу цен", хотя закон вмешался, чтобы предотвратить дурные последствия для общества от комбинаций среди торговцев кукурузой с целью создания монополии.^[1656]

В целом, розничная торговля на рынке была ограничена законом для граждан, но это не всегда строго соблюдалось, так как мы находим египтян, финикийцев и других иностранцев, которые ставили там свои лавки, за что, по-видимому, платили отдельную пошлину.^[1657] Они были особенно распространены среди рыботорговцев и торговцев мелкими товарами. Но в Пейрее число иностранных торговцев значительно превышало число местных жителей. Для их нужд была создана своеобразная биржа (ἄγῆρα), куда они привозили образцы своих товаров на выставку, и это место обычно было переполнено покупателями из всех соседних стран. Это была, возможно, самая поразительная сцена в Греции, переполненная купцами с Востока в их великолепных и разнообразных костюмах, перемешанных с греками всех сословий, а также с красивыми женщинами, которые пришли сюда, чтобы увидеть и быть увиденными.^[1658]

О ценах на вещи в древности, по сравнению с нынешними, мы можем судить только одним способом - выяснить, требовалось ли больше труда для обеспечения жизненно необходимых вещей. В Аттике, которая, тем не менее, была, вероятно, самым дорогим местом жительства в мире, все было наоборот. Даже рабы, похоже, наслаждались большим досугом и

освобождением от труда, чем трудолюбивые классы нашего самого трудолюбивого общества: а сами граждане, с их многочисленными праздниками и развлечениями, общественными и частными, очевидно, посвящали удовольствиям гораздо большую часть своего времени, чем это было бы возможно сейчас для всех, кроме самых богатых. На самом деле это было обусловлено умеренными таможенными пошлинами, взимаемыми государством, но в гораздо большей степени - высоким плодородием почвы, которая приносила большую прибыль за меньший труд, и сравнительной малочисленностью непродуктивных жителей. Говоря современным языком, предложение было больше пропорционально спросу. Тем не менее, совершенно точно можно сказать, что, хотя пошлины, установленные государством, были умеренными, купцы и розничные торговцы получали очень большие прибыли. "Это, - как замечает Бёкх, - достаточно доказано высокой процентной ставкой по деньгам, выдаваемым в долг под донник, когда нередко выплачивалось тридцать процентов за одно лето"

Я не совсем уверен, что, как правило, "высокая норма процента и прибыли является безошибочным признаком того, что промышленность и торговля находятся еще в зачаточном состоянии", и тем более что низкий процент является признаком процветающей страны.^[1660] Напротив, из первого я должен заключить, что торговля находилась в том здоровом состоянии, в котором она едва ли является спекуляцией; а из второго - что ее течение стало застойным. Однако в древности выплачивались высокие проценты и получались большие прибыли. Яркий пример тому приводит Геродот. Саамский корабль, торговавший с Египтом, по какой-то случайности был вынужден проложить свой путь на запад, до Тартессоса в Иберии, еще до того периода, когда греки начали вести регулярную торговлю с этим портом.^[1661] Какова была природа и стоимость его груза, неизвестно, так же как и то, что он получил в обмен. Однако предположение о том, что он получал серебро по низкой цене, как это делали в древности финикийцы, не является невероятным. Во всяком случае, купцы, участвовавшие в этой аванюре, выручили за один груз шестьдесят талантов, из которых десятую часть они в знак благочестивой благодарности посвятили богине-покровительнице своего острова Гере. И этот историк добавляет, что, за исключением Сострата из Эгины, самого удачливого из меркантильных авантюристов, ни один греческий купец до его времени не совершал столь успешного плавания.

1570. Thucyd. i. 143. Поэтому Бекх, безусловно, ошибается, когда говорит, что Аттика пользовалась *всеми* преимуществами островного положения. Книга i. § 9.

1571. Cp. Xen. de Rep. Athen. ii. 6.

1572. Bœckh, Pub. Econ. of Athens, i. 65.

1573. Xenoph. de Vectig. i. 7.

1574. Id. iii. 2.

1575. Bœckh. Pub. Econ. of Athens, i. 65.

1576. Thucyd. ii. 38.

1577. Исократ. Панат. § 11.

1578. Demosth. cont. Aphob. § 6.

1579. Филост. Vit. Soph. ii. 21. § 2. См. главы xi. xii. и xiii. этой книги.
1580. Bœckh, i. 66.
1581. Strab. ix. 1. Xen. de Rep. Athen. ii. 7.
1582. Bœckh, i. 66. Demosth. in Laert. § 8.
1583. Bœckh, i. 67.
1584. Anab. vii. 5. 14. Ларшер прочитал бы βυβλία и перевел "beaucoup de cordages"; но откуда он узнал, что моряки носили в своих морских сундуках тросы или шнуры, неизвестно.
1585. Ap. Longin. De Sublim. § 43.
1586. Pollux, ix. 47, с комментарием, t. vi. p. 934, seq.
1587. Cicero ad Att. xiii. 29. Suid. in v. λόγοισιν Ἑρμόδωρος ἐμπορεύεται. t. ii. p. 54. b.
1588. Diog. Laert. vii. p. 164. с.
1589. Harpocrat. in v. προμετρητής; и см. примечание Gronovius, p. 111, seq. Беккер опускает более половины статьи, с. 158.
1590. Аристоф. Eq. 1005.
1591. Но см. Bœckh, Corp. Inscript. i. 164.
1592. Vid. Bern. adv. Polycl. § 15. Сравните Thiersch, Etat Actuel de la Grèce, ii. 78, seq. 85.
1593. См. начало речи против Лакритоса (§ 1), где оратор осыпает комплиментами тех "честных торговцев", которых он называет "самыми несправедливыми и злодейскими из людей": πονηρότατοι ἀνθρώπων καὶ ἀδίκωτατοι.
1594. Dem. in Phorm. § 17. Г-н Бёкх, если английский перевод точно передает его смысл, понимает этот отрывок иначе, и его толкование более благоприятно для афинского закона: "Даже гражданин, который в качестве купца взял у кредитора залог на сумму, заложенную в дно, мог быть наказан лишением жизни". (Pub. Econ. of Athens, i. 69.) Можно, однако, сомневаться, что οὐ παρασχόντα τὰς ὑποθήκας может означать что-то большее, чем "удержание ценных бумаг"; поэтому я полагаю, что переводчики Бёкха использовали глагол "изымать" для "утаивать".
1595. Liban. arg. ad Orat. in Theocrin. t. viii. p. 334.
1596. Poll. viii. 126. Petit, v. 5. p. 522.
1597. Bœckh, i. 69. Cp. Kühn ad Poll. viii. 63. t. iv. p. 675.
1598. Lysias, περὶ δημοῦ χρημ. § 4. Harpocrat. v. ναυτοδίκη, p. 131. Suid. t. ii. p. 208, seq. Cp. Sigon. de Repub. Athen. iv. 3. 441.
1599. De Vectigal. iii. 3.
1600. Poll. viii. 63. 101, с примечаниями. Bœckh. i. 70.
1601. Demosth. in Apatur. § 7, в Pantænet. § 1.

1602. Demosth. in Callip. § 3, adv. Leptin. § 14. Suid. in v. p. 609. a. b. Poll. iii. 59. viii. 91.
Προξένους ἐκάλουν, τοὺς τεταγμένους εἰς τὸ ὑποδέχεσθαι τοὺς ξένους τοὺς ἐξ ἄλλων πόλεων ἦκοντας. Schol. Aristoph. Av. 1022. Kust.
1603. Bœckh, Pub. Econ. of Athens, i. 71.
1604. Demosth. adv. Lept. § 28. Cp. Dem. in Callip. § 3.
1605. Publ. Econ. of Athens, i. 71, seq. Xen. de Vectigal. passim. Cp. Heeren, Polit. Hist. of Anc. Greece, c. x. p. 163.
1606. Polit. Hist. of Anc. Greece, c. x. p. 163.
1607. Общественная экономика Афин, i. 72.
1608. Аристотель. Polit. i. 7.
1609. Pub. Экономика Афин, i. 73.
1610. Id. Там же.
1611. Доктор Гиллис переводит "кукуруза" и называет этого человека банкиром! "Этика и политика", ii. 52.
1612. Aristot. Pol. i. 11, seq. 18, seq. Бекк.
1613. Aristot. OEcon. ii. 37. Бекх предполагает, что имеется в виду коммерция, поскольку в оригинале не упоминается вес. Pub. Econ. of Ath. i. 44. 73. Cp. Plin. Nat. Hist, xxxiv. 48. Д-р Вордсворт с большим успехом восстанавливает истинное чтение в отрывке Аристотеля: τῶν ἀργυρίων вместо τῶν τυρίων. Athens and Attica, p. 208. Догадка Бекха, хотя и гениальна, но менее вероятна. Publ. Econ. ii. 429.
1614. Aristot. OEcon. ii. 4.
1615. Id. ii. 18. Из рассказа г-на Бекха может показаться, что в Селимбрии всегда был запрещен вывоз кукурузы (Pub. Econ. i. 73), тогда как это происходило только во время голода.
1616. Pub. Econ. i. 73, seq.
1617. Rhet. i. 4.
1618. Плут. Solon. § 24.
1619. Pind. Nem. x. 64. Шульц. Cp. Dissen. t. ii. 505. Petit, p. 417.
1620. Bowring, Statistics of Tuscany, p. 15. Ульпиан, на которого ссылается Bœckh, i. 74, просто повторяет известный запрет капитанам кораблей везти груз кукурузы в любой иностранный порт. Orat. x. p. 271. a.
1621. Экономика Афин, p. 75.
1622. Ран. 364: ἄσκημα δὲ δερμάτιον τι ᾧ ἐν ταῖς τριήρεσι χρώνται, καθ' ὃ ἡ κώπη βάλλεται.
1623. Pollux. i. 88: τὸ δὲ πρὸς αὐτῷ τῷ скаλμῷ δέρμα ἄσκημα.
1624. Pollux. ii. 164: τὸ δὲ ὑποπιμπλάμενον τοῦ γάλακτος, κόλπος καὶ ἄσκημα. Cp. Schol. Аристоф. Acharn. 97. Hescych. Etym. Mag. et Suid. in v. Но особенно Scheffer, De Militiâ Navali, p. 13, Cf. Brunck ad Ran. 364. Это подтверждает чрезвычайно гениальную догадку Митфорда,

хотя он и ошибся, предположив, что вещь называлась ὑπηρεσιον, что означает просто "подушка". Hist. of Greece, iii. 154. Casaub. ad Theoph. Char. p. 344, является очень неудовлетворительным.

1625. Theoph. Char. p. 63. Casaub. 344.

1626. Аристоф. Acharn. 916.

1627. Dem. de Fals. Legat. § 90.

1628. Poll. i. 149.

1629. Conf. Acharn. 660, sqq. и Bœckh, i. 76.

1630. Xen. Hellen. iv. 8. 27. Dodwell, Chron. Xenophon. § 21.

1631. Xen. Rep. Athen. ii. 3. 11. 12.

1632. Xen. ut sup. Thucyd. v. 83.

1633. Pub. Econ. of Athens, i. 77. i. 65.

1634. De Modo Usur. ap. Vet. p. 193, sqq. Bœckh, i. 78.

1635. Adv. Lept. § 9. Проконсультируйтесь по этому вопросу с запиской Клинтона. Fast. Hellen. t. ii. p. 392, seq.

1636. Thucyd. vii. 28.

1637. Ср. Strab. vii. 4. t. ii. p. 95. Dem. adv. Lept. § 9. Herod. vii. 147. Климат этой страны древние считали чрезвычайно суровым, так что в Пантикапее, городе, расположенном между современными Керчью и Еникале, ни мирт, ни лавр не росли из-за холода, хотя было предпринято множество попыток вырастить их для священных целей. И все же лавр, как выяснилось, стойко переносит все невзгоды сезона на горе Олимпос. Однако большинство фруктовых деревьев, таких как яблони, груши, инжир и гранат, обильно цвели в Крыму, хотя гранат требовал укрытия на зиму, а все плоды созревали позже. Обычными древесными деревьями в этой стране были дуб, вяз и ясень; сосна, серебристая ель и смола оказались в этом климате неблагоприятными. Theoph. Hist. Plant. iv. 5. 3. Азотные равнины вокруг Пантикапея до сих пор не имеют леса, хотя густо покрыты гармалой, растением, которое самопроизвольно растет на селитровых землях. Паллас, Путешествия по Южной России, iii. 356.

1638. Theoph. Hist. Plant. viii. 4. Lysias in Diogit. § 5. Athen. ii. 13. xiii. 50.

1639. Хотя впоследствии, в период упадка республики, дело обстояло иначе. См. у Плутарха рассказ о грубом нарушении Деметрием законов народов, которое вызвало голод в Афинах. Демет. § 33. Ср. Xenoph. Hellen. v. i. 23.

1640. См. всю ораторию Лисия против монополистов-кукурузников в Oratores Attici, ii. 523. Ср. Dem. cont. Dionysod. § 2.

1641. Ксеноф. Hellen. i. 35.

1642. Id. v. 4. 61.

1643. Xenoph. de Vectigal. ch. i.

1644. Xenoph. *Œconom. passim*.
1645. Дикеархос, с. 1.
1646. Аристоф. *Acharn.* 32, sqq.
1647. Dem. cont. Neær. § 9.
1648. Ксеноф. *Anab.* vii. 5. 14.
1649. Ирод. iv. 17.
1650. Varro de Re Rust. l. 1.
1651. Лукиан. *Navig.* § 6.
1652. Bœckh. i. 80.
1653. Herod. v. 88. Athen. iv. 13. xi. 60.
1654. Valcken. ad Herod. Wessel. p. 416.
1655. Concion. 813, с Схолиастом.
1656. Афинская экономика, i. 81.
1657. Именно так Бекх понимает отрывок из речи против Эвбулидов, § 10, который и Вольф, и Тейлор толкуют совершенно иначе. Что же касается факта, что иностранные торговцы действительно держали лавки, то нам не остается полагаться на какие-либо сомнительные свидетельства.
1658. Pollux, ix. 34. Comm. t. ii. p. 911, seq.
1659. Pub. Econ. of Ath. i. 81, seq.
1660. Сравните "Эссе о процентах" Хьюма, p. 172, sqq. с "Общественной экономией Афин" г-на Бёкха, i. 82.
1661. Ирод. iv. 152.
-

ГЛАВА X. НАВИГАЦИЯ.

Поскольку искусство навигации было изобретено не греками, в этом месте нет необходимости подробно рассматривать его грубые истоки. Большинство морских племен, несомненно, открыли для себя способы преодоления таких рек, бухт, заливов и морских рукавов, которые находились в их непосредственной близости и препятствовали их общению, враждебному или дружественному, с различными племенами на их границах. Кроме того, еще одним мотивом, который, вероятно, побудил людей очень рано довериться водам, было желание полакомиться лакомой рыбой, которая водится почти у всех берегов и составляет у самых диких народов важную статью питания. Можно с уверенностью сказать, что история не может претендовать на то, чтобы назвать человека, который в какой-либо стране впервые спустил на воду плот или каноэ. Тем не менее, традиция финикийцев

попыталась восполнить этот недостаток истории. Усоос, как нам рассказывают,^[1662] первобытный арабский герой, увидев у берега ствол большого дерева, поваленного, возможно, ураганом, обрубил ветви, пустил его в плавание и отдал себя вместе с ним на милость волн. Очень скоро у него появилось множество подражателей. Во всех частях Красного моря, на Ниле, Инде и в Персидском заливе появились выносливые мореплаватели, которые предпринимали более или менее опасные путешествия на пирagua, построенных из одного бамбука, или панциря огромной черепахи, или из плетеной рамы, обтянутой кожей^[1663] - кораклы наших британских предков, которые до сих пор широко используются на многих реках в Уэльсе. Иногда, особенно на реках и берегах Эвксинского моря, вместительные, длинные и прочные барки^[1664] вырезались из стволов огромных деревьев, которые назывались Monoxyla и, похоже, в то или иное время были в общем пользовании по всему миру от острова Австралазия до полярного круга. Образец тех, что использовали наши предки, можно увидеть в колоннаде нашего национального музея. На Ниле было несколько видов коры, характерных для Египта, например, те, которые плели из папируса,^[1665] или из камыша. Но самыми необычными были их глиняные лодки, на которых, снабженные парусами и веслами, они скользили по безмятежному лону реки.

Как только греки начали заниматься морскими делами, они построили порты и доки в разных частях страны, где построили множество кораблей, поначалу, возможно, достаточно грубых, но совершенствующихся благодаря опыту и учебе^[1666] со временем они сравнялись, а в конце концов и превзошли финикийцев, у которых они, возможно, учились в самом начале. Среди самых больших трудностей, с которыми им пришлось столкнуться, была нехватка корабельного дерева, в поисках которого они всегда были вынуждены сильно зависеть от других стран. Однако когда материалы были собраны, их корабельщики, похоже, действовали почти так же, как и современные: закладывали киль, крепили ребра, настилали доски, настилали палубу, конопатили и обшивали, пока корпус не был завершен.

В своих военных галерах построенных под руководством морского архитектора, избранного по жребию, они исчерпали все ресурсы искусства в стремлении передать им величайшую красоту форм и великолепие внешнего вида. Живопись, резьба и позолота,^[1668] были призваны покрыть корму и нос изображениями и орнаментами самых причудливых видов, светящимися ярко-синим или вермилиевым цветом,^[1669] перемежающимися со свитками и росчерками других цветов, и фигурами из обожженного золота. Изредка под ободом носа появлялись яркие лазурные полосы,^[1670] написанные энкаустикой и защищенные столь прочным лаком, что они не могли ни потускнеть от солнца, ни потускнеть от воздействия морской воды. В этой части, под корнями акростолиона, были помещены украшения, напоминающие глаза, по одному с каждой стороны, над которыми было написано название корабля.^[1671] Размах палубы представлял собой пологий изгиб, самый низкий из которых приходился на талию корабля. На полуюте находился глубокий альков, в котором лоцман занимал свой пост,^[1672] защищенный в значительной степени от ветра и непогоды, а над головой у него был большой фонарь, в котором в сумерках зажигался яркий свет.

По бокам корабля возвышались крепкие и высокие фальшборт, защищавшие мореплавателей от того, чтобы во время шторма их не снесло нахлынувшей волной. На носу обычно располагалась квадратная башня с высокими порталами, через которые сражающиеся, защищенные с обоих флангов, в ближнем бою метали дротики во вражеский корабль или бросались вперед, чтобы взять его на бордаж. В передней части носа, там, где сейчас находится бушприт, располагался изящный витой свиток, который, хотя и выступал немного за пределы корпуса, никогда не мог коснуться соответствующей части вражеской галеры, пока железные или медные клювы^[1673] внизу не встретились и не раздробили друг

друга. Руль^[1674] состоял из двух весел, расположенных по одному с каждой стороны корабля, который приводился в движение веслом и парусом. Гребные порты этих галер, будучи довольно вместительными, могли бы, если бы их оставили открытыми, пропускать много воды, поэтому они были снабжены прочными кожаными мешками, по форме напоминающими женскую грудь, выступающими наружу, прибитыми к кругу гребного порта и плотно прилегающими к веслу. Гребцы, чтобы сделать их положение более удобным, были снабжены подушками или мягкими рунами.^[1675]

Торговые суда значительно отличались от военных галер как по форме, так и по общему устройству. Как и в наших собственных кораблях, при старой системе измерения корпус, вместо того чтобы резко опускаться к килю, выгибался по бокам, делая днище почти плоским. Кроме того, они были гораздо короче пропорционально своей высоте, чем линейные корабли,^[1676] которые из-за своей стройной вытянутой фигуры получили название длинных галер. На торговых судах^[1677] гораздо большее внимание уделялось парусам, чем веслам, поскольку экипажи никогда не могли быть достаточно многочисленными, чтобы постоянно пополнять ряды гребцов, а при длительных плаваниях было бы невозможно, чтобы одни и те же люди постоянно оставались на скамьях. Поэтому мачты здесь были очень большой высоты, равной, как правило, длине корабля, что позволяло набить огромное количество парусины, но в то же время делало их способными опрокинуться в сильный шторм, как это до сих пор происходит с кораблями левантийской постройки, которые обычно оснащены гораздо более высоким такелажем, чем наши. Они обычно придавали большую длину корпусу транспортов, хотя и не так сильно, как военным кораблям. Пиратские буксиры всегда строились без палуб,^[1678] и очень низкими, чтобы они могли незаметно подойти к своей добыче. Их шлюпы, смаксы и лихтеры,^[1679] вместе со всеми другими мелкими судами, используемыми в каботажной торговле, отличались разнообразием форм, но, как правило, были крепко построены и хорошо оснащены.

Что касается тоннажа и размеров самого крупного класса торговых судов, то у нас мало достоверной информации. Однако представляется, что по сравнению с судами, занимавшимися торговлей кукурузой между Александрией и Италией,^[1680] они были весьма умеренной грузоподъемности, поскольку появление одного из этих больших кораблей в Пейрее вызвало всеобщее изумление. Размеры этого египетского торговца, который, похоже, ничем не отличался от других, занимавшихся тем же самым, могут помочь воображению составить некоторое определенное представление о древнем торговом судне: его длина от форштевня до кормы составляла сто восемьдесят футов, ширина - почти пятьдесят, а глубина трюма - около сорока пяти. Он был оснащен одной огромной мачтой с соразмерными ярусами и вместительным гротом, состоящим из множества ярусов бычьих шкур. Тросы и якоря, кейпстаны, брашпили и все прочие принадлежности корабля были соответствующего масштаба, а команда была настолько многочисленной, что ее можно было сравнить с целой армией. На форштевне располагались просторные каюты, над которыми возвышалась позолоченная фигура гуся. По обе стороны от носа стояло изображение Исиды,^[1681] склонившейся над волнами и, казалось, предоставляющей свою божественную защиту тем, кто избрал ее своей богиней-покровительницей. У греков, однако, местом, отведенным божеству-покровителю, иногда была корма, где давались клятвы, совершались искупления, возносились молитвы и жертвоприношения и где находили прибежище те члены экипажа, которые совершили какой-либо проступок. На вершине мачты находился флюгер^[1682] из полированного металла, который, поворачиваясь и вспыхивая на солнце, напоминал полосу пламени. Поскольку корабли, особенно во время длительных плаваний, постоянно подвергались риску нападения пиратов, они были обильно снабжены всеми видами оружия и орудиями войны, которые были разложены вдоль

перегородок кают и в других местах с таким порядком и регулярностью, что их всегда можно было найти ночью или днем в любой момент.

Очень медленным путем древние достигли той высокой степени совершенства в искусстве кораблестроения, которую в самые цветущие века Греции демонстрировали ее морские государства. В гомеровскую эпоху самые большие из известных судов были весьма умеренной грузоподъемности, поскольку даже поэт, который, несомненно, позволил бы себе некоторую вольность, не говорит ни об одном транспорте, который мог бы перевозить более ста пятидесяти человек. Эти барки, по мнению Фукидида, тоже были без палубы, как и пиратские суда его времен, да и наших тоже, в большинстве районов Эгеиды, хотя я сам плавал на большом греческом бриге пиратской постройки, который нес несколько пушек и был не только палубным, но и так прекрасно построен, что после десяти дней работы в шторм он не сделал ни дюйма больше воды, чем когда был в порту.

Различные этапы совершенствования не были отмечены. Однако они шли вперед, каждый век превосходя предыдущий, пока наконец, достигнув предельного совершенства, к которому была способна их система, не начали применять свое мастерство для создания огромных судов, созданных лишь для показухи и великолепия и рассчитанных скорее на удовлетворение безумной роскоши, чем на истинные цели торговли. Одно из таких морских чудовищ было построено в Сиракузах под наблюдением Архимеда и на средства царя Иеро.

Заготовив в лесах горы Итна древесину, достаточную для постройки шестидесяти трирем, а также множество других материалов из Италии, Испании и Галлии, таких как кривая древесина для ребер, твердая древесина для нагелей, смола и пенька, и испанская метла^[1683] для тросов, он собрал достаточное количество корабельных пращей, с Архиасом, коринфянином, во главе, и приступил к работе под наблюдением Архимеда, хотя сам он проводил большую часть дня, наблюдая за рабочими в доке. Когда примерно через полгода настил был доведен до половины высоты корпуса и должным образом обшит свинцом вместо применяемой в настоящее время меди, корабль был спущен^[1684] с помощью машины, изобретенной для этой цели Архимедом, в своего рода плавучий док, где он был завершен еще через шесть месяцев. Доски были прикреплены к ребрам медными болтами, из которых одни весили десять, а другие пятнадцать фунтов, пропущенными через отверстия, подготовленные для них шнеком; верх голов этих болтов были закреплены свинцовые пластины, предварительно выложенные слоем ваты, смоченной в смоле.

Затем они перешли к внутреннему устройству, объяснение которого изобилует трудностями. Вся глубина корабля, по-видимому, была разделена на четыре этажа, из которых самый нижний, или трюм, был заполнен грузом; второй, куда спускались по длинным лестницам, предназначался для гребцов, которые располагались на двадцати берегах; третий был застроен каютами для экипажа, а офицеры и люди занимали самый верхний. Кухня располагалась на корме.

Все эти каюты были украшены мозаичной плиткой, изображавшей в длинном ряду отсеков все действие "Илиады"; мебель, двери и потолки были обставлены с соразмерным великолепием и изяществом. На верхней палубе находился гимнастический зал, точно соответствующий размерам корабля, а также множество аллей, проходящих через сады, разбитые на свинцовых террасах и содержащие всевозможные душистые растения и цветы. Все эти аллеи были переплетены шпалерами, покрытыми смешанной листвой белой ивы и виноградной лозы, растущей из корыт, наполненных землей, расставленных вдоль набережных, и поливаемых, как другие сады. В другой части корабля находилась великолепная квартира под названием Афродизия, обставленная тремя кушетками и

вымощенная агатами и всеми самыми богатыми и красивыми сицилийскими мраморами. Он был обшит кипарисом и покрыт крышей, а двери были из атлантического цитрона, инкрустированного слоновой костью. Со всех сторон она была украшена картинами и статуями, вазами и кубками самых причудливых и разнообразных форм. Рядом с этой комнатой находилась библиотека, обставленная пятью диванами и хранилищем книг. Двери и перегородки были сделаны из коробок, а на крыше находился солнечный циферблат, построенный в подражание циферблату в Ахрадине. Здесь же находилась ванна, в которой стояли три кушетки и три калдария из бронзы, а также бассейн с пятью метретæ, облицованный тавроминским мрамором разных цветов. На корабле было множество кают, оборудованных для солдат и команды, из которых было отобрано несколько человек, чьим единственным делом было наблюдение за насосами.^[1685] На корабле также было двадцать конюшен, по десять с каждой стороны, хорошо снабженных кормом и всеми удобствами для конюхов.

В носовой части корабля находился огромный резервуар с пресной водой, покрытый брезентом и хранившийся под замком; рядом с ним располагался пруд для рыбы, покрытый свинцом и заполненный морской водой, в котором сохранялся достаточный запас рыбы для долгого плавания. На выступающих галереях, протянувшихся вдоль бортов корабля, располагались дровяной дом, кухня, пекарня, мельницы и другие удобства. На разных расстояниях вдоль бортов располагались многочисленные фигуры Атласа высотой в девять футов, поддерживающие триглыфы и выступающие части корабля: вся его поверхность, кроме того, была украшена соответствующей росписью.

На палубе возвышались восемь башен, две на корме, две на носу и четыре в талии корабля, диаметром и высотой пропорциональные размерам всего судна. С наружных башен каждой из них выступали две огромные балки, выдолбленные в виде желобов, которые, балансируя посередине на краю башни, могли быть заполнены огромными камнями, которые, поднимая внутреннюю оконечность машины, запускались во вражеский корабль, когда он проплывал под ними. Эти двигатели, вероятно, приводились в действие канатами и шкивами, прикрепленными к противоположным башням. Шесть вооруженных людей, двое из которых были лучниками, занимали свои места в каждой башне, вся внутренняя часть которой была заполнена камнями и дротиками. Вокруг корабля, поддерживаемого рядом треугольников, проходила галерея, защищенная парапетом и бойницами. На ней стояла катапульта, изобретенная Архимедом, которая бросала дротики длиной в восемнадцать футов с камнями весом до трехсот пятидесяти фунтов на расстояние в фут. Эта галерея, как, полагаю, и люди, работавшие на ней, были защищены тесной сетью больших канатов, подвешенных на медных цепях. К каждой из трех мачт была прикреплена пара двигателей, которые метали в противника железные прутья и массы свинца. Бока корабля ошпательлись железными шипами, призванными защитить его от abordaja; со всех сторон также были прикреплены грейферы, которые с помощью машин можно было бросать в галеры противника, чтобы удержать их в пределах досягаемости ракет с борта. Вдоль галерей, и вокруг мачт и катапульта, стояли двести сорок человек в полном вооружении. На носу, грот- и мизель-топах были размещены другие воины, которых снабжали камнями и подобными снарядами корзины на шкивах, управляемые мальчиками. Корабль был снабжен двенадцатью якорями, из которых четыре были деревянными, а восемь - железными.^[1686]

С большим трудом удалось найти сосны, достаточно высокие для носовой и мидель-мачты этой огромной галеры; но лишь случайно один свинопас в горах Аbruцци нашел дерево достаточной величины для грот-мачты. Его доставил к морю Филий, инженер из Тауроминиума. Насос, несмотря на большую глубину, легко приводился в действие винтом

Архимеда и требовал труда всего одного человека. Иеро впервые назвал этот корабль "Сиракузянин", но, отправив его в подарок царю Птолемею, сменил название на "Александрийский".

Кроме уже перечисленных лиц, на носу корабля находилось шестьсот человек; для отправления правосудия в этом плавающем сообществе был учрежден суд, состоявший из капитана, лоцмана и главных офицеров, командовавших на фордевинд, которые судили по законам Сиракуз. Во время плавания в Египет за ним следовали несколько небольших судов, большинство из которых были рыболовными снастями.

Груз "Александрийца", который вместе с самим судном был подарен царю Птолемею во время голода в Египте, состоял из шестидесяти тысяч медимнов кукурузы, двух тысяч кувшинов соленой рыбы, двадцати тысяч талантов шерсти и такого же количества других товаров. Поэт Архимелос написал стихи об этом морском замке, и Иеро был так польщен комплиментом, что послал автору тысячу медимнов пшеницы, которую тот посадил для него в Пейре.

Чтобы дать некоторое представление о другом отделе морской архитектуры у древних, в котором, вероятно, было больше проявления фантазии, чем науки, мы приведем здесь описание прогулочной баржи, на которой Птолемей Филопатер и придворные дамы плавали по Нилу.^[1687] Среди халифов и султанов Востока мы находим следы подобного пристрастия к великолепным и роскошным баркам; но ни в истории, ни в художественной литературе мы не помним, чтобы встречали описание судна столь диковинной конструкции или столь великолепно и роскошно украшенного. Прежде всего, оно было длиной в полфурлон, плоскодонное, высоко поднимающееся над водой из-за волнения, с выступающим килем и носом самой изящной кривизны, - или, скорее, я должен сказать, носами, потому что спереди оно казалось двойным, как будто пара галер была скреплена вместе. Вдоль бортов и кормы проходили две галереи, одна над другой, где люди, находившиеся на борту, могли прогуливаться и заниматься спортом, пока баржа неслась по воле ветра. Нижняя из них напоминала открытый перистиль, а верхняя - тесную аркаду с окнами, выходящими на реку.

Рассматривая всю баржу как одно большое здание, архитектор поместил крайний зал, окруженный одним рядом колонн, на оконечности кормы, где к нему, несомненно, подходили с верхней галереи. Пройдя через него, вы увидите пропилеи, возведенные из самых ценных пород дерева и слоновой кости. Он вел в проскенион, покрытый крышей, вблизи которого располагались разнообразные покои. Самым примечательным из них был огромный периферийный зал, уставленный двадцатью кушетками. Эта квартира была отделана кедром и милезийским кипарисом; двери, числом двадцать, были сделаны из панелей цитронового дерева, богато инкрустированных слоновой костью. Петли, гвозди, засовы и дверные ручки были из меди с позолотой. Стволы колонн были из кипарисового дерева, а коринфские капители из золота и слоновой кости завершались архитравом, богато инкрустированным золотом. Над ним возвышался широкий фриз, украшенный многочисленными фигурами животных, грубо выточенными из слоновой кости, но примечательными по стоимости материалов. Потолок был выполнен из кедрового дерева, искусно украшенного резьбой и покрытого сияющей позолотой. Рядом находились женские апартаменты, в устройстве и украшениях которых проявилось не меньшее великолепие. В другой части коры находилась часовня Афродиты, над которой возвышался купол. В ней находилась статуя богини из парианского мрамора. Это священное сооружение было окружено другими апартаментами, среди которых находился симпозиум, украшенный колоннами из индийского мрамора. К носу примыкал священный для Диониса салон, окруженный со всех сторон колоннами с многочисленными кушетками и украшенный

позолоченными карнизами. Крыша была украшена орнаментом, соответствующим характеру бога, то есть, по всей вероятности, оргиастическими процессиями вакхантов и вакханок, с коронами из плюща и виноградных листьев. С правой стороны этот зал открывался в грот или пещеру, в которой цвета скал имитировались инкрустацией из драгоценных камней, блеск которых в разных местах смягчался украшениями из золота. Вокруг грота располагались бюсты членов королевской семьи, изваянные из парийского мрамора.

На крыше большого салона был возведен небольшой симпозиум в виде шатра, очень приятный из-за своей воздушности и прекрасного вида, открывавшегося на всю долину Нила. Он был полностью открыт спереди, а крыша, состоящая из ряда полукруглых обручей, похожих на верхушку калеша, могла по желанию откидываться и выдвигаться вперед, и была покрыта пурпурными занавесками. По винтовой лестнице, построенной в другой части коры, вы поднимались в другой зал, построенный и украшенный на египетский манер, украшенный рядом круглых колонн, состоящих из череды блоков одинаковой высоты, попеременно белых и черных. Их капители также были круглыми, но скорее сужались, чем расширялись кверху, подобно вытянутому бутону розы.

Во всей этой части колонны, технически называемой калатос, не было ни волют, ни рядов открытой и выступающей листвы, как в греческой архитектуре, а колокольчики речного лотоса или другие цветы, перемежающиеся с только что сформировавшимися плодами финиковой пальмы. Чтобы соответствовать этим колоннам, стены египетских зданий часто облицовывались черными и белыми плитами, чередующимися друг с другом. Белые из них иногда были из алебаstra.

На этом корабле была только одна мачта высотой в сто пять футов, к которой был прикреплен один парус из бисуса с пурпурной бахромой. Размеры паруса, однако, должны были быть огромными, но из-за тонкости ткани его невозможно было поднять в бурную погоду.

Если мы теперь обратимся к материалам, из которых строились корабли древних, то обнаружим, что здесь они так же сильно отличаются от практики современных народов, по крайней мере на севере, как и в форме и стиле такелажа. У нас почти ничего, кроме дуба или тика, не используется в тех частях, которые соприкасаются с водой, в то время как греки строили свои военные галеры, в которых скорость была самым важным моментом, из ели,^[1688] в то время как они в основном использовали сосну в строительстве торговых судов, поскольку эта древесина долго сопротивляется коррозионному воздействию моря.

Киприоты, по-видимому, во всех случаях отдавали предпочтение сосне, которая в изобилии произрастала на острове и считалась выше смоляного дерева,^[1689] хотя последнее иногда использовалось для строительства военных кораблей. Среди сирийцев и финикийцев, в чьей стране невозможно было достать сосну,^[1690] преобладал обычай строить корабли исключительно из кедра.^[1691] Практика использования дуба^[1692] также уже была введена, хотя и не была распространена; но на больших кораблях киль всегда был из этой древесины, чтобы при вытаскивании на берег он мог выдержать вес нагружаемой массы. На холькадах или торговых судах киль, как и само судно, был из сосны; но все такие суда в те времена снабжались ложным килем, называемым челисма,^[1693] из дуба или оксии, предназначенным для защиты, когда их ставили в сухой док. Мачты и верфи обычно делались из серебристой пихты;^[1694] весла из древесины, растущей на северных склонах гор.^[1695] Для украшения интерьера обычно использовали тутовник, ясень, вяз или платан, из которых последний был наименее почитаем.^[1696]

Паруса изготавливались и изготавливаются из самых разных материалов. Выше, говоря о египетских военных кораблях, мы видели, что иногда они состояли из нескольких шкур, сшитых вместе. Кроме того, в разных странах их плели, как сейчас в Китае,^[1697] из тростника или камыша, но парусина греков, как и наша, обычно ткалась из пеньки.^[1698] В Египте ее иногда заменяли папирусом. Принцы и вельможи иногда использовали в своих прогулочных лодках вместо этих грубых материалов хлопок или тонкий лен, окрашенный, для придания им красоты, в самый блестящий пурпур. На это Шекспир ссылается в следующем отрывке, который, хотя и знаком, возможно, читателю, я, тем не менее, должен попросить разрешения процитировать:

Баржа, в которой она сидела, как на пылающем троне,
Горела на воде: крыша была из золота;
Пурпурные паруса, и так благоухали, что
Ветры в них влюблялись: весла были серебряные;
Которые в такт флейтам гребли, и заставляли
Воду, которую они били, быстрее нести,
как от их ударов. Для ее собственной персоны,
Она не поддавалась никакому описанию. Она лежала
В своем павильоне (ткань золотая из ткани).
Изображая Венеру, где мы видим
фантазия превзошла природу. По обе стороны от нее
стояли симпатичные мальчики с ямочками, похожие на улыбающихся купидонов,
с разноцветными веерами, ветер которых, казалось,
освещал нежные щеки, которые они охлаждали;
И что они расстегивали, то и делали...
Ее нежные женщины, как nereиды или
Русалки, ухаживали за ней i' th' eyes i' th' eyes',
И изгибы свои украшали; у руля
Кажущаяся русалка управляет; шелковые снасти
Набухают от прикосновений этих нежных, как цветы, рук,
Которые яро обрамляют кабинет. От баржи
Станный невидимый аромат бьет по чувствам
соседних пристаней.^[1699]

Древний анонимный автор, пишущий о военном искусстве, описывает судно, по конструкции очень напоминающее наши пароходы, но в котором вместо двигателя весла приводились в движение быками, размещенными в трюме. По словам автора, оно летело по воде без весел и парусов, просто под действием импульсов колес, которые, частично возвышаясь над волнами, действовали, когда были в действии, как череда весел.

Веревки и тросы^[1700] изготавливались в древности из самых разных материалов. Вначале наиболее используемый шнур, по-видимому, состоял из скрученных нитей, которые со временем были заменены козьей шерстью,^[1701] испанской метлой,^[1702] корой кизила^[1703] и липы,^[1704] библосом, коноплей,^[1705] и льном.^[1706] Огромные тросы, поддерживавшие мост, переброшенный Ксерксом через Геллеспонт, были изготовлены из смешанных материалов, из которых две трети составлял библос, а одна треть - белый лен.^[1707] Они были столь огромных размеров, что кусок длиной в пол-ярда весил сто двадцать пять фунтов.

О морях, от энергии, умения и мужества которых неизбежно зависел успех каждого плавания, древние писатели сообщали более чем обычно скупое. Однако мы знаем, что моряки на борту афинских судов, как и на борту судов других греческих государств, были частично гражданами, частично чужестранцами, а во многих случаях и рабами. Ведя жизнь, полную лишений и опасностей, находясь в вечном противостоянии со стихиями, они становились все более свирепыми, их нравы бурными и грубыми,^[1708] а их мораль - не самой возвышенной. В перерывах, которые они проводили на берегу, они пытались ухватиться за все грубые удовольствия, которые были им доступны, чтобы хоть как-то компенсировать привычные лишения. Оправдание такому поведению, однако, часто софистически заимствовалось из религии, ведь во время штормов на море было принято приносить обеты Посейдону, Кастору и Полидеуксу или другим покровителям морского искусства; по прибытии в порт жертвы закалывались и приносились в жертву, а само жертвоприношение обязательно сопровождалось пиром. На них приглашались их благодетельные спутницы - танцовщицы, флейтистки, гетеры, жонглеры и низкие паразиты, и все это обычно заканчивалось чрезмерным опьянением и королевской битвой. Большинство мореплавателей были привязаны к какой-нибудь даме с сомнительной репутацией в Пирее или в других местах, которой по возвращении из плавания они имели обыкновение приносить подарки, такие как пара позолоченных туфель, лакомый сыр, банка огурцов или соленой рыбы, мера или две луковицы. Какова была сумма жалованья, позволявшая им предаваться подобной либеральности, мне нигде не удалось выяснить, хотя, по всей вероятности, она была по меньшей мере равна жалованью, получаемому моряками на военных галерах, то есть от трех до четырех оболов в день. Их работа на борту, разумеется, регулировалась обстоятельствами и погодными катаклизмами. Так, когда дул сильный и благоприятный ветер, они могли валяться, сидеть на палубе или спать в течение большей части двадцати четырех часов, не сдвигая паруса и не работая веслом, хотя на носу всегда находился человек, чтобы внимательно смотреть и следить за состоянием неба.^[1709] В штиль, однако, или когда шум и рев моря предвещали приближение бури, вся команда усаживалась на подушки и, по команде боцмана, поднимала^[1710] громкое песнопение,^[1711] которое по громкости соперничало с гневным голосом океана, они напрягали все нервы, чтобы увеличить скорость своего барка и достичь какого-нибудь дружественного порта до того, как шторм начнется окончательно. Однако иногда шторм настигал их вблизи скалистых островов или мрачных и негостеприимных мысов, таких как скалы Челидона, где с какой бы стороны компаса ни дул ветер, сильный шквал постоянно бил в берег. В таких условиях, особенно в ночной темноте, можно было заметить, что на мачтах и верфях кораблей постоянно играли два ярких блистательных огня, метавшихся туда-сюда и озарявших своим сиянием гребни прибоя. Это были Диоскуры, нежные и ласковые братья Елены, чья

благосклонность к человечеству в целом была сравнима только с их привязанностью друг к другу. Когда дело дошло до крайности и волны, казалось, готовы были поглотить и команду, и пассажиров, все на борту остро ощутили неправильность своей прошлой жизни, и по судну пронесся шепот: "Проходили ли вы посвящение?". Ведь предполагалось, что те, кому были открыты истины, хранимые в святилище Элевсиса, лучше других людей подготовлены к встрече со смертью и представлению перед небесным судилищем. Именно теперь клятвы и молитвы были услышаны, а чувства раскаяния были искренними, и нужно было обладать более чем обычной степенью апатии, чтобы забыть о таких обстоятельствах, когда, по непредвиденному вмешательству Провидения, они были вырваны из челюстей смерти и возвращены к своим родным и домам. Кстати, можно отметить, что пассажирам, страдающим морской болезнью, назначался отвар из разновидности тимьяна^[1712] (thymum tragoriganum).

По своим политическим пристрастиям^[1713] греческие моряки почти всегда были демократичны, вероятно, потому, что, обладая огромной энергией, они, естественно, отвергали всякий контроль, кроме контроля законов, и были готовы в любое время и при любых обстоятельствах бороться за свободу. Особенно это касалось афинских моряков, которые в периоды расцвета эллинской истории имели такое же отношение к другим мореплавателям Греции, как моряки Англии к морякам соседних европейских государств.

Хотя компас еще не был изобретен, древние мореплаватели, как принято считать, не ползли робко от мыса к мысу вдоль берега, а смело бороздили открытое море, ориентируясь по созвездиям, особенно по созвездию Большой Медведицы. В этой практике арабы Финикии были первыми, как и в большинстве других ранних усовершенствований, связанных с мореходством.

Иногда считается, что в очень отдаленные эпохи человечество не имело названий для ветров,^[1714] потому что, поскольку они еще не пристрастились к навигации, их мало волновало, как и в какую сторону они дуют. Возможно, однако, мы несколько преувеличиваем беспечность и невежество более отдаленных поколений людей, которые должны были быть необычайно тупыми в своем интеллекте, если они не могли определить, дует ли ветер вверх или вниз по долине, сзади или спереди их домов, и не обозначали несколько течений атмосферы отдельными названиями, чтобы различать их, когда им случалось говорить об их воздействии. Примерно в период Троянской войны появился изобретательный гений, который дал название северному и южному ветрам, и уже во времена Гомера греки придумали четыре точки для своего компаса, по крайней мере, поэт говорит только о четырех кардинальных ветрах: Борей - северный, Еврос - восточный, Нотос - южный и Зефирос - западный. Впоследствии к этим четырем были добавлены другие, и в то же время в древнюю номенклатуру были внесены некоторые изменения: северо-восток стал называться Сæcias;^[1715] юго-восток - Euros; название востока было изменено на Apeliotes; юго-западный - Либс; северо-западный - Аргестес, а иногда Олимпиас,^[1716] или Иапикс, или Сцирон; который, однако, согласно Плинию, отличался от Аргестеса и был свойственен Афинам. Именно эти ветры изображены на башне Андроника Кирхестского в Афинах, о них говорят Варро, Витрувий,^[1717] и многие современные путешественники. Плиний,^[1718] Гален и Аулус Геллий отличаются от Аристотеля тем, что ограничивают имя Апарция северным ветром, а имя Борейя отдают северо-восточному, или Аквилону римлян.^[1719]

Ветры, дующие с северных точек компаса, наиболее часты в Греции. Аристотель^[1720] замечает, что Борей силен в начале, но слабеет к концу; а с южным ветром все наоборот.^[1721] Кроме того, можно добавить, что северный ветер был не только самым распространенным, но и самым сухим и сильным, хотя иногда сопровождался молниями, градом и снегом. Этот

же ветер приносил дождь на Геллеспонте и в Кирене. Сесий обычно преобладал в дни весеннего равноденствия и в Аттике и на островах был дождливым ветром;^[1722] Апетиоты были влажным, но мягким ветром, ощущаемым главным образом по утрам.^[1723] Еврос, который, как замечает Гёттлинг^[1724], является Сцирокко у итальянцев, преобладает в период зимнего солнцестояния, сначала теплый и сухой, но затем, долго дуя над морем, становится влажным и приносит дожди, особенно на Лесбосе.^[1725] Аристотель, однако, говорит о нотосе как о главном дождливом ветре на этом острове,^[1726] и отмечает то, в чем я сам убедился на Дельте, - что во время симума предметы кажутся больше своих естественных размеров.^[1727] Нотос дует в основном в конце осени в Греции, как я обнаружил его и на Ниле сразу после зимнего солнцестояния и в начале весны.^[1728] Он также преобладает во время собачьих дней^[1729] (ἐπί κυνι). По своей природе влажный и теплый, он сначала был слабым, но становился все сильнее по мере приближения к концу, когда покрывал небо тучами и заканчивался дождем.^[1730] Южные ветры, дующие с моря, благодаря чему они охлаждались, считались благоприятными для растительности, особенно на Триасийской равнине в Аттике, лежащей между Сциросом и Кефиссом. Предполагалось, что в Ливии эти же ветры холодные; думаю, ошибочно, поскольку в Египте южные ветры теплые. Либс влажен и облачен, хотя и менее, чем Сесий; но облака, которые он приносит, быстро рассеиваются; он дует главным образом около Книдоса и Родоса.^[1731]

Зефир^[1732], который преобладает весной, в середине лета и осенью, ощущается главным образом вечером и никогда утром. По мнению Аристотеля, это самый мягкий ветер.^[1733] Теофраст, однако, замечает, что в некоторых странах он холодный, хотя и менее холодный, чем Борей;^[1734] но, по мнению Гиппократы, это самый сильный из всех ветров, заряженных дождем.^[1735] Аргестос не менее сух и безмятежен, чем Апарктиас, хотя иногда приносит грозовые тучи и град.^[1736] Этот ветер необычайно холоден в Халкисе в Эвбее. Когда он дует около зимнего солнцестояния, то иссушает и увядает деревья сильнее, чем длительная жара и засуха.^[1737] На Родосе и в Книдосе он обычно сопровождается тяжелыми облаками.^[1738]

Этезианские ветры, которые начинаются сразу после летнего солнцестояния и продолжаются в течение всех собачьих дней, на самом деле являются северными ветрами, но иногда направлены косо как на запад, так и на восток. Они преобладают в основном ночью;^[1739] и иногда бывают очень сильными на побережье Египта.^[1740] Другой класс этезианских ветров преобладает в начале года, начиная примерно через двадцать дней после зимнего солнцестояния. Они слабее, изменчивее и короче, чем настоящие этезианские ветры, и, добавлю от себя, покрывают небо темными тучами и дуют очень холодно даже вдоль берегов Мармарики и Кирене. В Древней Греции они получили название Ornithiæ - "птичьи ветры" - потому что возвещали о возвращении птиц.^[1741] Или, согласно другой версии, потому что они были настолько холодными, что убивали различные виды птиц во время их полета и устилали землю их телами.^[1742]

В зимние месяцы эти холодные и пронизывающие ветры с такой яростью дуют над замкнутыми морями и островами Греции, что среди древних все мореплавание приостанавливалось на время брюмера. В доказательство силы этих аэральных течений, которые, можно сказать, неуклонно движутся в одном направлении большую часть года, можно заметить, что на некоторых островах ни виноградники, ни фиговые деревья не могут расти вертикально, а срываются и вынуждены ползти по скалам".^[1743] Пример силы штормов, которые иногда случаются и на эллинском континенте, записан в истории; во время отступления Клеомброта из Беотии его войско было застигнуто бурей, когда оно преодолеvalo горные проходы, ведущие от Креусиса к Игостене вдоль берега моря, и многочисленные самптерские ослы были снесены вместе со своими поклажами с обрывов;

Даже щиты и оружие во многих случаях вырывались из рук солдат и падали в волны вниз; чтобы предотвратить подобное несчастье, остальные части армии перевернули свои пряжки и наполнили их камнями, а сами, лишившись защитных доспехов, двинулись вперед в Мегарис, дружественную страну, откуда потом вернулись и забрали свои щиты".^[1744]

В случаях кораблекрушения защита, предоставляемая экипажам и товарам, в большинстве случаев зависела, возможно, от характера и уровня цивилизации народа, на берегу которого произошел несчастный случай. На побережье Фракии, в окрестностях Салмидессоса, где все морское население, по-видимому, было убежденным искателем кораблекрушений, вдоль берега были установлены многочисленные столбы, чтобы обозначить границы, в которых каждая маленькая община могла претендовать на любую добычу, приплывшую по морю. До этого варвары часто вступали в схватки в погоне за этим бесчеловечным занятием, и в этих потасовках погибло немало людей. После этого они, похоже, вели свою войну с бедствующими мореплавателями в полном согласии и спокойствии.^[1745] Но среди родосцев, предприимчивого торгового народа, размер выручки регулировался законом, который вместе с остальными частями их торгового кодекса был впоследствии принят римлянами.

Если золото, или серебро, или любой другой предмет будет поднят с глубины восьми локтей, тот, кто его спасет, получит одну треть. Если же с пятнадцати локтей, то спасающий должен получить половину из-за глубины. Если товары будут выброшены волнами на берег и окажутся затонувшими на глубине одного локтя, тот, кто вытащит их в целости, получит десятую часть.^[1746] Кроме того, в старые времена было принято держать на борту кораблей несколько водолазов, чтобы спускаться для ослабления якорей, когда они слишком прочно упрутся в песок, а также для извлечения товаров, которые были выброшены за борт во время опасности.^[1747]

На различных мысах и мысочках древнего мира обычно зажигали сигнальные огни, чтобы указывать кораблям путь в порт; в последующие века их заменили световые дома, украшенные всеми красотами архитектуры и вознесенные на огромную высоту. Из них наиболее примечательным был тот, что воздвиг для Птолемея Филадельфа Сострат, цнидиец, чье имя, по разрешению царя, было начертано на сооружении.^[1748] Один автор описывает его как высотой в четыреста пятьдесят футов, а по размерам у основания равным одной из великих пирамид Мемфиса. По форме он, возможно, напоминал Харам-эль-Кедаб, состоящий из ряда квадратных башен от цоколя вверх, уменьшающихся в размерах и как бы вырастающих из каждой другой. С этим хорошо согласуется язык Страбона^[1749], который говорит нам, что это было здание, состоящее из множества ступеней. На вершине постоянно горели яркие костры, так что на этом низком берегу, где на много дней пути нет ни холма, ни горы, Фарос всегда был первым объектом, который представлялся мореплавателям в море, где его свет, как нам говорят, был виден на расстоянии ста миль. Иногда, однако, из-за его огромных размеров и блеска его принимали за луну, как и сама эта планета, поднимающаяся за куполом и башнями великой столицы, наводила далеких зрителей на мысль о пожаре.^[1750]

1662. Sanchoniath. ap Euseb. Præp. Evang. i. p. 23, bis. Leroy, *Marine des Anciens Peuples*, p. 188.

1663. Herod. i. 194.

1664. В Марморском море до сих пор используется лодка, несколько похожая по форме, но отличающаяся по конструкции, и известная под названием пиада. Она узкая, "от двадцати до сорока футов в длину, очень острая как на носу, так и на корме; она построена из ивы и часто красиво украшена резьбой и орнаментом". Douglas, *Essay, &c.*, p. 13.

1665. Herod. ii. 96. Theoph. Hist. Plant. iv. 8. 4.

1666. Cp. Hom. Il. α. 316. Thucyd. i. 10.

1667. Вид. Gyrالد. de Navig. c. xvi. t. i. col. 646. Thucyd. i. 13, seq. Athen. xi. 49. Аристоф. Lysist. 173. О названиях различных классов сосудов см. Aristoph. Pac. 143. Eq. 1363. Thucyd. iv. 67.

1668. Poll. i. 84. Goguet, iv. 261. Winkel. i. 26. n.

1669. Лукиан. Харидем. § 25.

1670. Athen. v. 37.

1671. Poll. i. 86.

1672. В нем у него было место, которое называлось *ικρία*. Hesych. in v.

1673. Schol. Аристоф. Eq. 552.

1674. Спалланцани, описывая приготовления португальцев к первому удвоению мыса Доброй Надежды, упоминает, среди прочего, двойной руль, чтобы "в случае повреждения одного руля можно было использовать другой". Путешествия по Двум Сицилиям, iv. 201.

1675. Морской термин *ὑπηρέσιον*, который встречается у Фукидида, ii. 93, объясняется очень по-разному. Митфорд (Hist. Greece, iii. 154) утверждает, что он означает своего рода мешок, помещенный в *τρήμα*, или отверстие, через которое проходило весло, и предназначенный для предотвращения набегания волн. Этот мешок, однако, как я уже отмечал на стр. 289, 290, назывался *ἄσκωμα*. Poll. ii. 154. Поттер (ii. 136) считает, что это была шкура, на которой сидели гребцы. Лилий Гиральдус (De Navigiis, c. vi. p. 627) полагает, что это была та часть галеры, на которую опиралось весло, а иногда обозначало и само весло. Греческий схолиаст Фукидид (т. v. р. 399) соглашается с Поттером, говоря, что это означает овечью шкуру с ворсом, которой покрывали скамьи гребцов.

1676. Cp. Schol. Aristoph. Eq. 1363.

1677. Одно из этих судов, построенное для скорости, при попутном ветре могло бы пройти сто пятьдесят миль за двадцать четыре часа. Herod. iv. 86.

1678. Thucyd. i. 10. Schol. t. v. p. 311.

1679. Большая часть каботажной торговли в Средиземноморье до сих пор ведется на небольших барках или открытых лодках. См. Spallanzani, Travels in the Two Sicilies, iii. 122, sqq. В Адриатике, однако, уже давно возникла необходимость в использовании судов широкой и плоской конструкции и чрезвычайно прочных, чтобы противостоять жестокости штормов, столь частых в этом море, id. iv. 200.

1680. Лукиан. Navig. § 5.

1681. На носу афинских военных галер деревянная статуя Афины, богато позолоченная, занимала место, которое здесь отведено Исиде. Аристоф. Acharn. 457, et Schol.

1682. См. о лопастях, флагах и т. д. в Beckmann, History of Inventions, iv. 161. Как многие наши моряки носят при себе детский котел в качестве амулета, защищающего их от опасностей океана, так и греческие мореплаватели приписывали некую чудодейственную силу шкурам тюленя и гиены, которые они повязывали вокруг вершин своих мачт в качестве защиты от молний и грома. Плут. Sympos, iv. 2. 1.

1683. Athen. v. 40.

1684. Какие церемонии сопровождали спуск корабля на воду в древности, мне нигде не удалось узнать. Те, что происходят по этому случаю в современной Греции, чрезвычайно приятны и, возможно, имеют классическое происхождение. Корона из цветов "подвешивается к носу судна, когда оно впервые спускается на воду, а "καρόβακρη", или хозяин корабля, поднимает кувшин с вином к губам, стоя на палубе, а затем выливает его на землю". Конечно, ничто не может быть более прекрасным в классическом стиле; и хотелось бы, чтобы мы могли проследить какую-то часть церемонии, которая происходит у нас по тому же поводу, до этого источника, и не считать ее подражанием одному из самых священных обрядов нашей религии". Douglas, p. 65.

1685. Cp. Schol. Aristoph. Eq. 432.

1686. Cp. Артемида. Oneirocrit. ii. 23, p. 110, с забавными предположениями Гогета и др. о происхождении якорей, Origine des Loix, ii. 221. Павсаний приписывает изобретение якоря Мидасу, i. 4. 5. Schol. Aristoph. Eq. 753. Если доверять свидетельству Лукиана, небольшой якорь для лодки можно было купить за пять драхм. Dialog. Mortuorum, iv. 1.

1687. О том, что египтяне при Птолемах уделяли большое внимание мореплаванию, можно судить по тому факту, что в одно время у них было до четырех тысяч кораблей всех размеров. Athen. v. 36.

1688. Theoph. Hist. Plant. v. 6. 5. Plat. de Legg. iv. t. vii. 333.

1689. Cp. Artemid. Oneirocrit. ii. 25, p. 113.

1690. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 5.

1691. Id. iv. 5. 5. v. 6. 5. На горе Ливан были кедры восемнадцати футов в окружности, ст. 8. 1.

1692. Теофраст отдает предпочтение дубу Эпейрос, желуди которого часто сеялись в других частях Греции, но, по его словам, давали некачественную древесину. Hist. Plant. ii. 2. 6. Cp. Orph. Argonaut. 130. Cp. Valer. Flacc. viii. 161. i. 303.

1693. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 2, seq. iii. 10. 1.

1694. Theoph. Hist. Plant. v. 1. 7.

1695. Id. iv. 1. 4. Весло обычно крепилось к гребному порту крепкой веревкой, которая, при том размере, что используется в лодках, стоила, кажется, около двух оболов. Лукиан. Dial. Mortuor. iv. § 1.

1696. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 3.

1697. Goguet, iv. 260.

1698. Theoph. Hist. iv. 8. 4.

1699. Антоний и Клеопатра, акт ii. Сцена 3.

1700. Схол. Аристоф. Eq. 129. Æschyl. 175.

1701. Георг. xviii. 9. Из этого же материала изготавливались мешки и подушки для гребцов на галерах. Cp. Var. de Re Rustic. ii. 7. Columel. 7. 6. 2.

1702. Athen. v. 40.

1703. Plut. Alexand. § 18.
1704. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 5.
1705. Dioscor. iii. 165.
1706. Ирод. vii. 25.
1707. Ид. vii. 34. 36.
1708. Plat. Phædr. t. i. p. 34.
1709. Аристоф. Eq. 548.
1710. Suid. v. κελευστής. Stallb. ad Plat. Rep. i. 198.
1711. Schol. Aristoph. Vesp. 909.
1712. Диоскор. iii. 35.
1713. Плут. Themist. § 19.
1714. См. примечание Гетлинга к ст. 379 "Теогона" Гесиода. стр. 38, и далее.
1715. Называется также Ἑλλησποντίας, по Аристоту. Probl. xxvi. 58. Plin. ii. 46. Ср. Аристоф. Eq. 435.
1716. Ср. Theoph. Caus. Plant. v. 2. 5. Hist. Plant. iv. 14. 11.
1717. л. i. с. 6.
1718. Nat. Hist. ii. 46.
1719. См. далее в Coray, Disc. Prelim. ad Hippoc. § 61.
1720. Метеорол. ii. 6.
1721. Problem. xxvi. 41.
1722. Арист. Проблема. xxvi. 58.
1723. Аристотель. Метеорол. ii. 6. Проблема. xxvi. 33. 34. 57.
1724. Ad Hesiod. Theogon. 379.
1725. Coray, Disc. Prelim. ad Hippoc. § 61.
1726. Problem. xxvi. 58.
1727. Аристотель. Проблема. xxvi. 55.
1728. Id. xxvi. 16.
1729. Аристотель. Prob. xxvi. 12.
1730. Id. xxvi. 2.
1731. Теофраст. De Ventis, § 51.
1732. Ζέφυρος, τὴν ὁδὴν τοῖς κύκνοις ἐνδιδοῦς. Philost. Icon. i. 9. p. 779.

1733. Метеорол. ii. 5. 6. Problem. xxvi. 33. 35. 37. 54. 57.
1734. De Ventis, § 31.
1735. De Aër. et Loc. § 26.
1736. Aristot. Метеорол. ii. 6.
1737. Theoph. Hist. Plant. iv. 17. De Caus. Plant. v. 16.
1738. De Ventis, § 51.
1739. Аристотель. Метеорол. ii. 5. 6.
1740. Cæsar. De Bell. Гражданский.
1741. Coray, Disc. Prelim. ad Hippoc. de Aër. et Loc. §. 76.
1742. Schol. Aristoph. Acharn. 877.
1743. Thiersch, Etat Actuel de la Grèce. t. i. p. 284. Della Rocca, Traité Complet des Abeilles. t. i. p. 203.
1744. Xenoph. Hellen. v. 4. 17.
1745. Ксеноф. Анаб. vii. 5. 12, и далее.
1746. Бекман, История изобретений, i. 180.
1747. Лукиан. Pharsal. iii. 697. Ливий, xlv. 10. Манил. Astronom. 449.
1748. Ср. Лукиан. Quom. Hist. sit. Conscrib. § 62.
1749. Geograph. xvii. 1. t. iii. p. 423.
1750. Vossius, ad Pomp. Mel. de Situ Orb. l. ii. c. 4. p. 272.
-

ГЛАВА XI.

ЭКСПОРТ И ИМПОРТ.

Хотя выше мы слегка коснулись экспорта и импорта Афин и некоторых других государств, здесь, пожалуй, следует остановиться на более подробных сведениях, чтобы составить как можно более полное представление об активной и обширной торговле, которую вели греки. Разумеется, не следует понимать, что все перечисленные в настоящих главах товары в какой-то момент составляли плавучий материал эллинской торговли; вполне вероятно, что некоторые из них вышли из моды и были заменены другими, на которые в более поздний период они могли быть снова заменены. Но разум должен полагать, что он имеет дело со всем объемом подлинной греческой истории, в пределах которой можно обнаружить, что все, о чем мы здесь упоминаем, продавалось, хотя сейчас, кажется, невозможно соблюсти в

этих вопросах строгую хронологию и определить эпоху, когда каждый конкретный товар вошел в моду или был заменен чем-то другим.

Атика сама экспортировала сравнительно немного своих природных продуктов;^[1751] но, получив сырье из других регионов, она потратила на них столько умения, вкуса и промышленности, что они, казалось, подверглись новому творению и были выпущены из Пирея, как родные растения из почвы. Так было с различными видами оружия и доспехов, такими как сабли и скимитары, поножи, кирасы и шлемы.^[1752] Они иногда были богато позолочены или инкрустированы золотом, и украшены рельефными фигурами редкой работы.^[1753]

Духи,^[1754] а также благовония и эссенции,^[1755] и пахучие масла входили в экспорт Афин, которые, действительно, в один период продавали в розницу остальной Греции продукцию всех стран цивилизованного мира.

Среди товаров,^[1756] особых продуктов ее собственной земли, были душистый мед золотого цвета из Гиметтоса, лучший в древнем мире; оливки и оливковое масло,^[1757] которые также, похоже, не имели себе равных; фрукты разных видов, но особенно фиги,^[1758] которые перевозились в Персию и большинство других регионов Востока.^[1759]

Торговля велась также травами и растениями, которые, будучи здесь более ароматными и обладая большими достоинствами, чем в любой другой стране, граждане соседних государств стремились получить такие же, закупая в Афинах листья и семена. Так, чужестранцы, заметив, что холмы и возвышенности Атики покрыты тимьяном,^[1760] который, расцветая в середине лета, наполнял воздух сладостью и позволял владельцам пчел с точностью предсказывать, будет ли мед скудным или обильным, пожелали пересадить его в окрестности своих городов. Однако опыт показал, что он процветает и достигает своей естественной пышности только в тех местах, куда долетают морские бризы.^[1761] В Аркадии, например, его отказались натурализовать, хотя климат этой страны, как выяснилось, очень хорошо сочетается с майораном и летним чабером. Среди простых растений, которые древние использовали в своей медицине, были аттическая валериана,^[1762] болиголов,^[1763] и мелилота.^[1764] Кермес также производился в этой стране.^[1765]

Афинская керамика самая изысканная и красивая из всех известных древнему миру, пользовалась большим спросом и экспортировалась в огромных количествах во все страны на берегах Средиземного моря.^[1767] Однако одно время жители Гигины и Аргоса, отчасти из обиды,^[1768] а отчасти для поощрения собственного менее дорогостоящего производства, запретили его ввоз; В то время как жители Аулиса,^[1769] Самоса,^[1770] и Родоса,^[1771] стали в этой отрасли промышленности соперниками афинян, которых они старались превзойти, производя более низкие изделия.^[1772]

Среди других товаров афинского экспорта перечислены мягкая тонкая шерсть,^[1773] льняные и шерстяные ткани,^[1774] башмаки,^[1775] кровати, сундуки, книги,^[1776] вино,^[1777] сфетский уксус,^[1778] сладости,^[1779] глауциски,^[1780] анчоусы,^[1781] овцы,^[1782] живая птица,^[1783] гиметиновый^[1784] и пентелийский^[1785] мрамор, зыбучее серебро,^[1786] охра,^[1787] и киноварь.^[1788]

Другой класс экспорта состоял из статуй и произведений искусства всех видов, из золота, мрамора, бронзы и слоновой кости, ювелирных изделий и гравированных драгоценных камней.

Но самым ценным и выгодным из всех ее товаров было серебро^[1789] непревзойденной чистоты и тонкости, которое так долго ставило ее на первое место среди торговых государств древности и было одной из великих опор ее империи как на море, так и на суше.

В вопросе импорта мы будем рассматривать Афины с двойной точки зрения: во-первых, как покупателя излишков продукции других греческих государств^[1790] и, во-вторых, как представителя Греции в целом, собирающего в своих портах товары остального мира и затем распределяющего их между своими соседями. С Мегарисом, который когда-то был частью ее собственной территории, Афины в определенные периоды своей истории вели активную торговлю предметами первой необходимости, такими как крупа,^[1791] рыба,^[1792] соль,^[1793] козы, овощи,^[1794] левретки, домашняя птица, свиньи и рогатый скот.^[1795] Болиголов также был причислен к экспорту Мегары,^[1796] вместе с кувшинами,^[1797] и грубой верхней одеждой.^[1798] Кроме того, кажется вероятным, что, поскольку на этой территории разводили большое количество овец, тонкая шерсть также иногда импортировалась оттуда в Аттику,^[1799] вместе с богатым сладким вином, производимым в Айгостене.^[1800]

Из различных частей Пелопоннеса, которые мы можем рассматривать как одну страну, экспортировалось несколько полезных товаров. Что касается кукурузы, то эти районы Греции попеременно экспортировали и импортировали ее, вероятно, в зависимости от колебаний сезона или особых потребностей, вызванных мирными или военными обстоятельствами.^[1801] Однако они постоянно снабжали своих соседей сыром и вином, а также различными другими предметами потребления и роскоши.

Поэт Алкман прославляет ароматное вино, производимое в окрестностях Спарты,^[1802] но нигде не сказано, экспортировалось оно или нет. Маленькое государство Флия производило также превосходное вино, которое ценилось в Афинах.^[1803] Лакония экспортировала сыр, который, будучи отправленным в Гифий,^[1804] обычно считался изготовленным в этом месте. Сыр из Тромилеи в Ахайе пользовался такой же известностью во всей Греции, как пармасан в современной Европе. Он отличался необычайной нежностью вкуса и изготавливался из козьего молока с добавлением сока смоковницы вместо сычужного фермента.^[1805] В Сикионе велась значительная торговля соленым конгером.^[1806]

Из этой части Греции было получено несколько лекарственных растений, таких как лакричная вика^[1807], найденная на вершинах высоких гор, где снег лежит нарастающим в течение значительной части года. Кантоном, где больше всего произрастало это растение, по-видимому, была страна вокруг Фенеона в Аркадии.

В окрестностях Псофиса, в том же государстве, выращивали гераклею всеисцеляющую^[1808], так как Аркадия вела большую торговлю этим лекарственным средством. Сок собирали двумя способами и в два разных времени года; сначала из корня, когда растение начинало прорасти весной. Выкопав небольшую траншею, в корне делали надрез и расправляли несколько широких листьев, чтобы получить вытекающий сок. Эта жидкость, сначала белая, по мере высыхания приобретала шафрановый оттенок. Второй способ заключался в том, что во время сбора урожая в стебле делался надрез, и тогда жидкость собиралась таким же образом, как и раньше. В окрестностях Нонакриса добывали ядовитую воду, которая медленно дистиллировалась, как роса с камня. Она была острой и ледяной, такой горькой и едкой, что ни один сосуд не мог ее вместить, кроме копыта осла, в котором она и сохранялась.^[1809]

Среди ядов Пелопоннеса был корень лугового шафрана,^[1810] найденный главным образом в Мессении, где также рос эфиопис, растение, используемое магами, а также детьми

Эскулапа.^[1811] Кентавр,^[1812] также, и сесели,^[1813] были среди экспортируемых из этой части Греции.

Из Аркадии получали большие карбункулы^[1814], которые резали и полировали на зеркала, а также древесину всех видов, таких как дель, лиственница и сосна, вместе со смилаксом^[1815], который распиливали на тонкие доски и использовали для изготовления необходимых предметов мебели. В окрестностях Мантинеи выращивали отличный сорт редиса, который шел на экспорт.^[1816] Аркадия также разводила на своих богатых пастбищах прекрасные стада крупного рогатого скота, а также ослов и лошадей, ничуть не уступавших фессалийским.^[1817]

Аргос экспортировал также лошадей,^[1818] с пурпурными одеждами,^[1819] кабанов,^[1820] котлы,^[1821] щиты,^[1822] и богатые разнообразные карбункулы,^[1823] найденные в окрестностях Трезена;^[1824] Сикион, картины,^[1825] вино,^[1826] и особый вид обуви, которая хорошо смотрелась с белыми носками или чулками;^[1827] Элис, великолепные лошади,^[1828] кнуты,^[1829] лен,^[1830] яды, ирисовая мазь,^[1831] кентавр с юбки горы Фолоэ,^[1832] нунуфар,^[1833] растущий на реке Анигрос, и морской уголь, используемый главным образом кузнецами;^[1834] ахейская омела, петрушка,^[1835] головные уборы, все виды тонкого льна, производимого в Патре,^[1836] и пелленские плащи,^[1837] которые предлагались в качестве призов в некоторых играх. Эпидаврос отличался благородной породой лошадей;^[1838] Коринф, часто снабжавшийся кукурузой из Эпейроса, сам экспортировал^[1839] ковры, женские летние мантии, льняные туники,^[1840] изделия из бронзы и золота,^[1841] и карбункулы, пестрые, как в Трезене, с пурпуром и белым, но более бледного оттенка.^[1842] В этой части перешейка были найдены айвы^[1843] самого насыщенного цвета и прекрасного вкуса; и, вероятно, груши, которые встречались повсюду в Пелопоннесе. Коринфия изобиловала также крупной и превосходной репой, которая, несомненно, экспортировалась в соседние страны.^[1844]

Среди продуктов, которые Лакония^[1845] поставляла в торговлю, были бородастая и несколько легкая пшеница,^[1846] сыр, фиги,^[1847] капуста, латук, огурцы,^[1848] которые требовали много полива, эуфорбия, болиголов, уступающий по добродетели Сузам,^[1849] облачные тростники,^[1850] прекрасные зеленые мраморы,^[1851] камни и изумруды с горы Тайгетос.^[1852] Собаки Спарты высоко ценились в остальной Греции,^[1853] и экспортировались в основном ради булав; по словам Шекспира, уже в эпоху Тесея.

Мои гончие выведены из спартанского рода,

Так летали, так шлифовали; и головы у них висят

С ушами, что сметают утреннюю росу;

Коленопреклоненные и покрытые росой, как фессалийские быки,

медлительны в погоне, но пасти у них как колокола.

Каждый под каждым. Крик более мелодичный

Никогда не раздавался и не звучал рог.

Ни на Крите, ни в Спарте, ни в Фессалии.

Помимо вышеперечисленного, Спарта экспортировала котоны,^[1854] разновидность фитильных кубков сумрачно-коричневого цвета, таких маленьких, что их удобно было носить в плетеных корзинах с длинным горлышком, которые служили солдатам Греции вместо

ранца. У него была одна ручка, а выступающий внутрь обод задерживал более грубые частицы грязи, содержащиеся в воде, или, скорее, обманывал глаз своим оттенком. Кроме того, это был обычный сосуд для питья моряков на борту корабля.^[1855] Производство этих чаш составляло отдельную отрасль бизнеса, люди, занимавшиеся которой, назывались *cothon-makers*,^[1856] , чтобы отличать их от обычных гончаров.

На своих праздниках и брачных увеселениях, а также на войне, к которой они относились примерно так же, спартанцы предавались роскоши фитильных сосудов, но за общим столом они пили из деревянных чаш,^[1857] производством которых, а также небольших кубков славилась Лакония. Кроме того, по крайней мере в более поздние времена, она производила на экспорт массивные золотые пластины с диковинной чеканкой, которые при македонских царях попали в Египет.^[1858] Действительно, эти военные утилитаристы, похоже, преуспели в изготовлении всех предметов обычного удобства, таких как кушетки, кресла и столы, которые, соответственно, пользовались большим спросом.^[1859] Двери также были перечислены среди лаконского экспорта,^[1860] но с небольшой вероятностью, особенно если вспомнить указания, данные спартанским законодателем для строительства этой части внутренней обороны;^[1861] и ни на йоту не более вероятно, что телеги и повозки, которые лакедемоняне построили из смилакса, когда-либо выходили за пределы Лаконии, если только не использовались для перевозки провианта для ее собственных армий.^[1862]

Однако сталь и железо лакедемонских кузниц, как уже говорилось, пользовались большим спросом для изготовления инструментов плотников и каменотесов, шнеков, напильников, долот,^[1863] и т. д.; так же как и лаконские замки и ключи, которые делились на три отделения и были гораздо более сложными, чем те, что были в общем употреблении.^[1864] В самой Спарте процветало производство, которое, возможно, было направлено главным образом на удовлетворение потребностей внутреннего рынка: железные кольца, кинжалы,^[1865] короткие скаймитары, мечи, косы, топоры, топоры и косы, а также войлок,^[1866] трости,^[1867] струны для лютни и лука, которые, как мы знаем, экспортировались, как и некоторые из вышеперечисленных предметов.^[1868]

Граждане Амikleи преуспели в изготовлении дамских туфель;^[1869] и в других частях Лаконии производили изящные мужские туфли из красной кожи,^[1870] подобные тем, которые в настоящее время носят турки.^[1871] В ткачестве и крашении лакедемоняне тоже отличились, их мантии^[1872] и шерстяные одежды, пурпурные или алые,^[1873] были в большом почете по всей Греции, как и пурпур сам по себе.^[1874]

Если мы перейдем теперь к государствам северной Греции, начиная с Беотии, то обнаружим, что их экспорт был не менее богат и разнообразен. Для повседневного потребления^[1875] афиняне получали из этой страны обильные поставки домашней и дикой птицы,^[1876] такой, как франколин, лысуха, утки, гагары, гуси,^[1877] галки и пиктиды. Кошки тоже входили в число товаров, экспортируемых из Беотии (хотя заменяли ли они, как и в Испании, кроликов за столом, определить трудно), а также лисы, кроты, выдры, зайцы и ежи.^[1878]

Это государство также снабжало остальную Грецию тростником^[1879] для изготовления труб и флейт: его добывали на берегах Меласа, реки, которая, по мнению древних, напоминала по характеру и производству египетский Нил. Пшеница из Беотии, где плодородие почвы таково, что она дает пятьдесят урожая на один, по давним наблюдениям, была настолько тяжелой и питательной, что атланты^[1880] считали полтора куса ее равным двум кусам той, что производилась в Аттике. Поэтому если от какой-либо страны можно было ожидать независимости от соседей в вопросах хлеба, то это, несомненно, была Беотия, которую, тем не менее, мы видим импортирующей во времена нехватки кукурузы из Фессалии.^{[[1881]]}

Остальной экспорт этого государства можно перечислить следующим образом: огурцы,^[1882] редис, лук-порей из Аскры, репа из Фив,^[1883] горчица, гераклея целебная,^[1884] пеннироял, дикий майоран, ненуфар, или мадония, встречающаяся в реке Халиартос,^[1885] лучшая черная чемерица с горы Геликон,^[1886] фитили, циновки,^[1887] саранча, сыр,^[1888] вино и рыба из Антедона,^[1889] и угри из Копайского озера.^[1890] Гранит, а также ценный вид мрамора, который сейчас называется брокателло, добывали в каменоломнях близ Фив.^[1891]

Магнит^[1892] также был найден в этой стране, как и вид мирры, добываемой из корня дерева,^[1893] и напоминающей по аромату и целебным свойствам знаменитую аравийскую камедь. Промышленные товары из Беотии, по-видимому, в больших количествах не вывозились,^[1894] хотя шлемы и колесницы, а также аптекарские ступки^[1895] и гончарные изделия из Аулиса пользовались большой репутацией.^[1896]

Фокис экспортировал знаменитые столовые приборы,^[1897] изготовленные в Дельфах, золотые треножники,^[1898] веера, которые попали даже на Кипрос,^[1899] вместе с превосходной пшеницей и ячменем, выращенными в окрестностях Элатеи,^[1900] низкий сорт сделки,^[1901] черная^[1902] и белая чемерица с Антикиры,^[1903] яблоки с возвышенностей вокруг святилища Аполлона,^[1904] агротис с Парнаса,^[1905] пурпурная рыба, пойманная в Булисе,^[1906] и кермес с равнины между Амбриссосом и Стирисом:^[1907] Красящее вещество, как было известно, происходит от насекомого, которое, однако, предположительно существует в плодах дерева.^[1908]

Главными товарами, которые Фессалия поставляла в торговлю, были обувь,^[1909] кресла, рабы, которых клеймили на лбу и обычно отправляли в Пагасэ,^[1910] лошади,^[1911] крупный рогатый скот, пшеница,^[1912] хиронея цельнолистная,^[1913] лучшая черная чемерица,^[1914] нимфея нелумбо из вод Пенея,^[1915] гипс,^[1916] ядовитая вода, подобная нонакрийской,^[1917] найденная близ Темпе, и целебный мел.^[1918]

Из Эпейроса были получены пшеница,^[1919] гипс, пастушьи собаки,^[1920] большой превосходный сорт круглых яблок,^[1921] отличные лошади, порода волов, поражающая своими размерами,^[1922] великолепная дубовая древесина,^[1923] и желуди в больших количествах для посадки лесов в других частях Греции;^[1924] Итолия, шафран,^[1925] черная чемерица,^[1926] и морские птицы,^[1927] или, возможно, дикие индейки, из которых она была первоначальной страной; Наричия, на территории эпикнемидских локрийцев, смола;^[1928] Акарнания, рогатки,^[1929] перламутр,^[1930] и пириты золотого и серебряного цвета.^[1931]

Продукция, которую Македония и Фракия поставляли в торговлю древнего мира, была многочисленной и, во многих случаях, самой ценной; как, например, золото и серебро,^[1932] которых были шахты^[1933] на горе Пангеос,^[1934] Скапте-Хайле,^[1935] и в некоторых других местах на побережье. История особо упоминает о тех, что существовали в окрестностях Кренидов,^[1936] впоследствии Филиппов, в борьбе за которые афинский полководец Софанес погиб в битве с эдонянами.^[1937] В стране пионцев земледельцы, возделывая поля, часто находили плугом кусочки девственного золота. К ним можно добавить корабельную древесину, смолу и деготь,^[1938] от которых афиняне в поздние века республики в основном зависели при строительстве своего флота, а также богатые и ароматные вина, такие как вина Менде и Маронеи.^[1939]

Из садов у подножия горы Пангеос роза с сотней листьев, похоже, распространилась по всей Греции.^[1940] Рута, листья и семена которой широко использовались в древней медицине,^[1941] произрастала в определенном районе Македонии, но, похоже, не была введена в торговлю, поскольку считалась ядом и процветала в районе, сильно зараженном гадюками. Корень розы,^[1942] экспортируемый из Македонии, по форме напоминал корень

костуса и распространял запах, сходный с ароматом розы. Его применяли вместе с маслом розы для снятия головной боли.

Среди других экспортных товаров Фракии и Македонии были вино, ароматизированное полынью,^[1943] трюфели,^[1944] бобы из окрестностей Филипп,^[1945] гераклея всеисцеляющая,^[1946] сок которого назывался опопанакс, пахучие корни, некоторые из которых источали аромат спикенарда,^[1947] меон,^[1948] квасцы,^[1949] кукуруза,^[1950] сыр,^[1951] соленая рыба,^[1952] кефали из Абдеры,^[1953] делькани из озера Делькон,^[1954] угри из Стримона,^[1955] коньки из Энии,^[1956] огромные рога диких быков,^[1957] древесина для кораблей^[1958] и весла,^[1959] хризоколла,^[1960] квасцы, красноцвет, струя из окрестностей Бены,^[1961] темные карбункулы,^[1962] и земля для сохранения кукурузы, найденные около Олинтоса.^[1963]

Из стран, расположенных на Боспоре и Черном море, Греция импортировала множество ценных товаров, среди которых основными были кукуруза,^[1964] соленое мясо,^[1965] и рыба,^[1966] - такие как тонкорог, кордулы, тюрбо, колья, разновидность скумбрии, тefские устрицы из Халкидона, амии,^[1967] кефали,^[1968] осетры, оксирунчи,^[1969] корацины, коньки, сельди,^[1970] крабы,^[1971] и съедобная мидия.^[1972] Способ ловли некоторых из этих рыб в Эвксине, пожалуй, стоит описать:^[1973] туземцы ставили зимой свои палатки на льду,^[1974] прорубая в нем большие открытые пространства, на которые устремлялась рыба, чтобы насладиться светом, в огромном количестве.

К этому можно добавить^[1975] орехи, каштаны, грецкие орехи,^[1976] мед, воск,^[1977] смолу, шерсть, такелаж, кожи, козьи шкуры, древесину,^[1978] лошадей^[1979] и фазанов из Фазиса,^[1980] и рабов, особенно лучников.^[1981] Мед Гераклеи, как и мед Мазандерана, и некоторые яды, как говорят, вызывали временное безумие.^[1982] Из Понтийского царства был получен лекарственный корень, называемый rha,^[1983] который иногда путают с ревенем,^[1984] хотя последний является слабительным, а первый вяжущим, вместе с изингласом,^[1985] используемым в косметике, для разглаживания морщин на лице, лакричный корень, привезенный также из Каппадокии,^[1986] дикий спикенард, растущий на тенистых горах,^[1987] полынь, которая откармливает овец и уменьшает их желчь,^[1988] амомон,^[1989] и германдер.^[1990]

Мелилот^[1991] экспортировался из Халкидона и Кизикоса, где также существовала обширная мануфактура по производству приправы из майорана,^[1992] растения, которое, по-видимому, в изобилии росло на соседних холмах и обычно обвивало гирлянды. Изготовление этого предмета торговли было сложной операцией, и в его состав входило множество ингредиентов, таких как масло зеленых оливок и желудей, бальзамное дерево, душистые камыши и тростник, благоухающий майораном, спикенард, костус, амомон, кассия, карпобальзамон и мирра. Чтобы сделать мазь еще более ценной, к ней иногда примешивали корицу, сосуд, в котором она хранилась, смачивали вином, а основой для пасты служил мед.

На берегах Пропонтиды производили вино, ароматизированное полынью,^[1993] кардамумом,^[1994] и веществом под названием халционион, которое древние считали морской пеной,^[1995] , из которой халционы строили свои гнезда. Его добывали как на континенте, так и на острове Бесбикос, ныне Калолимно.^[1996] Очень похожее вещество, называемое адарцес, было найдено в Каппадокии,^[1997] около рек и болот, где оно висело на верхушках тростника. Акониит^[1998] и ориганий происходили из страны мариандинов,^[1999] и агарик из Сарматии,^[2000] несомненно, через Днепр. В Мраморном море добывали черный коралл, а также своего рода плавучую нефть.^[2001]

Орпимент^[2002] из Понтоса и Каппадокии пользовался лишь второстепенной репутацией; первое место занимал орпимент из Мисии. Лазурит^[2003] из Скифии обязательно попадал в Грецию через Черное море, как и киноварь из Колхиды, которая, как говорят, была

обнаружена среди недоступных скал и обрывов,^[2004] откуда ее сбивали дротиками и стрелами. Вероятно, из Колхиды вывозили и латунь.^[2005] В гомеровскую эпоху большое количество серебра^[2006], по-видимому, получали из страны хализонов, как в более поздние века сталь и железо из той части Малой Азии, где жили халибы,^[2007] которые, как говорят, работали на своих рудниках голыми. Самый лучший вид сурика был извлечен из некоторых пещер в Каппадокии,^[2008] и перевезен по суше в город Синоп, откуда был отправлен в Грецию.^[2009] Он был трех видов: один глубокий, другой чрезвычайно бледный, а третий - оттенка между ними. В том же районе находились шахты охры, и обе они были настолько заражены сыростью и малярией, что рабочие, как и в наших угольных шахтах, постоянно подвергали свою жизнь опасности.^[2010] Многие из товаров этого места, вероятно, были распространены по Греции и Азии странствующими купцами, которые во время ежегодного праздника богини прибегали на большую ярмарку в Комане.^[2011]

Говоря о Черном море, мы уже перешли к Малой Азии, которая, в целом, была, возможно, самой богатой и важной из всех, где побывали греки. Каждая провинция этой плодородной и красивой части Азии изобиловала дорогими и полезными товарами, а по ее дорогам и рекам в Грецию непрерывно стекались не только продукты ее собственной земли, но и Средней Азии, привозимые караванами с обоих берегов Каспия. Золотая пыль^[2012] собиралась из песков Пактолоса;^[2013] мрамор самой блестящей белизны вывозился из Эфеса (жители которого воздавали божественные почести пастуху Пиксодору,^[2014] которым были открыты каменоломни), и из Синнады во Фригии;^[2015] большие жилы ляписа спекуляриса, камня настолько прозрачного^[2016], что он служил древним вместо стекла для окон, были найдены в Каппадокии; драгоценный камень под названием алабандин^[2017] был добыт в районе вокруг Милета, струя^[2018] из Ликии, недалеко от реки Гагас и крепости Плагиполис. В настоящее время этот минерал добывают главным образом в Инспруке, в Тироле, где он скатывается водами определенного потока, и в Виртемберге,^[2020] где из него делают всевозможные украшения.

Камень был найден в большом количестве в русле реки Тмолос.^[2021] По форме он напоминал плоскую гальку, хотя и был значительно больше, а сторона, которая лежала сверху под солнцем, должна была оказывать большую силу на металлы, чем сторона напротив, которая была более насыщена влагой. Базальт и зеленый мрамор, называемый верделло, теперь часто используются вместо него при проведении опытов по определению чистоты золота.^[2022] Из этой части света также был впервые получен тот необычный камень, чьи свойства, слегка подмеченные древними, с тех пор произвели столь замечательные изменения в науке навигации; я имею в виду магнит, найденный первоначально в Лидии, недалеко от города Гераклеи.^[2023]

В окрестностях Эфеса существовало производство киновари,^[2024] которая изготавливалась следующим образом: брали некоторое количество песка ярко-алого цвета, растирали его до очень мелкого порошка в каменных ступах, после чего промывали в медных сосудах, а остаток толкли и промывали как прежде, пока все не доводилось до требуемой тонкости.

Ископаемая и минеральная соль, называемая квасцами,^[2025] была выкопана из земли около Иераполиса во Фригии, из этой же страны была получена лучшая соль^[2026]. Ее находили, как и сейчас, на берегах озера Татта, отчего она получила название таттской соли.^[2027] Через озеро почти по центру проложена канатная дорога, как в случае с озером Тритонис на севере Африки.

Лучшая селитра^[2028], известная древним, добывалась в Филадельфии, у истоков Когама в Лидии. Магнезия, расположенная в Кари, считалась более низкой. Из Колофона^[2029] в

ранние времена получали жидкую смолу, которую перегоняли из сосновых и смоляных деревьев, отчего она получила название Колофония.^[2030]

Лекарственный мел^[2031] и сухая смола, которых было два вида,^[2032] привозили из Ликии и Мисии.^[2033] Из той же страны, а также из Галатии, привозили лучший дикий тмин,^[2034] низкое растение, растущее по склонам и гребням холмов. Траву мастику,^[2035] напоминающую по аромату origanum, производили в Магнесии и в окрестностях лидийского города Траллы. И Лидия, и Киликия экспортировали шафран.^[2036] Тот, который, однако, пользовался у древних наибольшей известностью, рос на высотах горы Корикос,^[2037] в окрестностях Корикийской пещеры.^[2038]

Ликийский шафран также был продуктом горы, его находили главным образом на Олимпосе в этой стране.^[2039]

Кермесы,^[2040] с помощью которых только до открытия Америки и введения кохинели можно было получить ярко-алый краситель, были получены из различных частей Малой Азии, Галатии, Ликии и Киликии, где их находили питающимися листьями алого дуба.^[2041] Сбор этих насекомых, которые тогда, однако, считались просто туберкулезными наростами, составлял важную отрасль промышленности, которой занимались исключительно женщины, отделявшие их от листьев с помощью кривого железного инструмента, а не ртом, как предполагалось на основании неверного чтения Диоскорида.^[2042] В настоящее время в этой операции используется только ноготь, которая выполняется до восхода солнца, пока роса еще на дереве.^[2043]

Кервель^[2044] и масло^[2045] вывозились из Киликии; дикий спикенард - из Фригии;^[2046] медуница - из Карики, где она выращивалась в промежутках между оливковыми деревьями и приносила огромную прибыль;^[2047] полынь^[2048] и голубые цветы одного из видов дикого тимьяна из Каппадокии и Памфилии;^[2049] и кентавр из окрестностей Смирны и из Ликии.^[2050] При сборе этого последнего растения ризотомисты соблюдали определенные правила. Выходя на рассвете в поле, они старались собирать его непосредственно перед восходом солнца и в безмятежную погоду, когда достоинства растений находятся в большом совершенстве.

Из этой страны, а также из Каппадокии был получен лицион,^[2051] сироп, по консистенции напоминающий мед, считавшийся средством против офтальмии.

Киликийский иссоп^[2052] был в большом почете для ароматизации вина, как и горный спикенард,^[2053] маринованный кактус,^[2054] агростис,^[2055] энант,^[2056] трагориганон,^[2057] болиголов,^[2058] силибос, молодые побеги которого употреблялись в пищу, а сок корня использовался в качестве снотворного,^[2059] его ископаемая вердигри,^[2060] и его киперус комозус,^[2061] используемый для придания тела духам.^[2062]

Из Галатии и Каппадокии пришли белая чемерица,^[2063] южное дерево,^[2064] и дикая рута;^[2065] из Писидии - самые ароматные лилии для благовоний;^[2066] с горы Ида, в Троаде, древесина,^[2067] смола,^[2068] и эфиопис,^[2069] вид вербаскума, используемый чародеями для открытия замков и удержания течения рек; из Сигейона и Лектона, ныне мыс Баба, на границах той же страны, и из Иолии, пурпурная рыба;^[2070] из Абидосских устриц; из Париона морские ежи;^[2071] из Колофонской горчицы;^[2072] из Галатии и Киликии агарик, где он рос среди кедров;^[2073] из Ионии початки,^[2074] с горы Аманос, на границах Сирии, каменная петрушка,^[2075] и полынь серповидная.^[2076]

Среди экспортируемых из Писидии и Киликии товаров была камедь стиракса,^[2077] которую обычно сжигали на алтарях в театре во время исполнения фригийских песен, и один из греков заметил, что от нее исходит аромат этой дикой музыки.^[2078] Дерево, из которого получали эту камедь, напоминало айву. Искусственный стиракс, по виду напоминающий макароны, изготавливался следующим образом, и невежды предпочитали его самой камеди. Взяв некоторое количество воска и душистого сала, превратив их в пасту с определенной долей стиракса, они помещали ее на солнце в самые жаркие дни года, когда, став таким образом почти жидкой, она пропускаясь через крупное сито в холодную воду.^[2079]

Из Перги, города в Памфилии, вывозили ирисовую приправу^[2080]; из Мисии - саркофагиновый камень, используемый для изготовления гробов,^[2081] скумпию,^[2082] и бобы; из Смирны^[2083] превосходный сорт латука.^[2084] В настоящее время в окрестностях этого города пчелы производят много меда из цветков гипекума рекумбенса.^[2085] Кария экспортировала рабов,^[2086] отличное масло и уксус,^[2087] камедь сикомора,^[2088] пурпурную рыбу, фиги,^[2089] и рожковое дерево,^[2090] которое выращивали в окрестностях Кауноса и Книдоса; каштаны Пафлагонии и великолепный миндаль;^[2091] Каппадокия - лучшие лошади, известные древним;^[2092] Фригия рабы,^[2093] сыр из кобыльего и ослиного молока,^[2094] окорока лучших сортов, приготовленные в Кибире,^[2095] ковры, масло,^[2096] и тонкая черная шерсть, которые последние товары были также среди товаров Милетоса.^[2097]

Из этого города привозили также овец, дающих знаменитое руно, водяные крессы,^[2098] розы,^[2099] богатые гобелены, мягкие постели,^[2100] и кипарисовое дерево;^[2101] каштаны, евнухов и тонкие алые ткани, а также богато украшенные ковры с двойным ворсом, также были привезены из Сардиса.^[2102] В Малой Азии больше всего ценились вина из Эфеса, Милета,^[2103] Фигелы, Арматы, Клазомен,^[2104] и вино, называемое катакекуменит.^[2105] Врачи осуждали вино с горы Тмолос как вызывающее головную боль. Эфес экспортировал палатки и украшения;^[2106] Милетос - морских волков^[2107] и петухов; Смирна - кальмаров; а Патара в Ликийи, похоже, славилась своими позолоченными сандалиями.^[2108] Та же страна поставляла окорока превосходного качества.^[2109]

1751. Наблюдая изобилие и процветание, которые всегда наблюдаются в свободных государствах, сэр Джозайя Чайлд замечает, что хорошие законы сами по себе достаточны, чтобы сделать любой регион плодородным. Discourse of Trade, p. 24. Среди лучших продуктов Аттики был ячмень, хотя я нигде не помню, чтобы говорилось, что он экспортировался: Ἀθήνησι δ' οὖν αἱ κριθαὶ τὰ πλεῖστα ποιοῦσι τὰ ἄλφита- κριθοφόρος γὰρ ἄριστη. Theoph. Hist. Plant. viii. 8. 2.

1752. Εὐδόκιμα δὲ, θώραξ Ἀττικουργῆς. Poll. i. 149.

1753. Ἐνιοὶ μέντοι τοὺς ποικίλους καὶ τοὺς ἐπιχρυσούς θώρακας μᾶλλον ὠνοῦνται. Ксеноф. Memor. iii. 10. 14.

1754. Μύρον ἐξ Ἀθηνῶν. ap. Athen. i. 49.

1755. Τὸ δὲ Παναθηναϊκὸν λεγόμενον ἐν Ἀθήναις. Athen. xv. 38.

1756. Μέλι πρῶτεύει τὸ Ἀττικὸν, καὶ τοῦτου τὸ Ὑμήττιον καλούμενον. Dioscor. ii. 101. Strab. ix. 1. t. ii. p. 246. Geopon. vii. 17. viii. 25. 1. Ἄριστον μέλι τὸ Ἀττικὸν, καὶ τοῦ Ἀττικοῦ τὸ Ὑμήττιον. Diophan. ap. Geopon. xv. 7. 1. Plin. Nat. Hist. xi. 13. xxi. 10. Galen. de Antidot. i. 2. Virg. Georg. iv. 177. Tzetz. Chil. vii. 93. xi. 370. Synes. Epist. 147. Eustath. ad Dion. Perieg. 530.

1757. Petit, de Legg. Att. v. 5, p. 417. Æschin. Epist. 5. Orat. Att. xii. p. 305. Geopon. ix. 1. 1. Theoph. Hist. Plant. iv. 14.

1758. Schol. Аристоф. Acharn. 767.

1759. Ввоз этих деликатесов, однако, первоначально был выгоден только подданным Персии, так как царь запретил им пользоваться всеми иностранными товарами в соответствии с основным законом монархии. Это постановление, конечно, было быстро отменено, поскольку мы видим, как евнухи ставят перед своим господином за десертом аттические фиги, что в один прекрасный случай вызвало со стороны шаха справедливое царское замечание: Ἐρωτῆσαι ποταπαὶ εἶεν. ἐπεὶ δὲ ἐπύθετο ἐξ Ἀθηνῶν, τοῖς ἀγορασταῖς ἐκέλευεν ὤχεσθαι, ἕως, ἂν ἐξουσία γένηται αὐτῷ λαμβάνειν ὅταν ἐφέλῃ, καὶ μὴ ἀγοράζειν. Athen. xiv. 62. Лучшие смоквы поступали из демоса Эгилия. Id. ibid. Ἀπ' Αἰγίλῳ ἰσχύδα τρώγοις. Феокрит. Eidyll. i. 147. Эти плоды, как мы видим, достигли Персии в состоянии величайшей свежести и совершенства. Плут. Alexand. § 50.

1760. Например, Эгиалей, похоже, был не менее знаменит своим тимьяном, чем Гиметтос. Suid. V. μάσσον. t. ii. p. 104. a. Meurs. Rel. Attic. i. p. 2. Plin. Nat. Hist. iv. 11.

1761. Οὐ γάρ φασι δύνασθαι φύεσθαι καὶ λαμβάνειν, ὅπου μὴ ἀναπνοὴ διῴκνεται, ἢ ἀπὸ τῆς θαλάσσης- διὸ οὐδ' ἐν Ἀρκαδίᾳ γίνεται- θύμβρα δὲ καὶ ὀρίγανον καὶ τὰ τοιαῦτα πολλὰ καὶ πολλαχοῦ. Theoph. Hist. Plant. vi. 2. 4.

1762. Sibthorp, Flora Græca. tab. 29. Dioscor. i. 10.

1763. Dioscor. iv. 79. Согласно Плутарху, это растение не было обычным; говоря о чудесном случае, произошедшем во время несчастий республики при Антигоне, он говорит: περὶ δὲ τοὺς βωμοὺς τοὺς ἐκείνων ἐξήνθησεν ἡ γῆ κύκλῳ πολὺ κώνειον, ἄλλως μὴδὲ τῆς χώρας πολλαχοῦ φυόμενον. Вит. Демет. § 12.

1764. Dioscor. iii 48. Damogeron, ap. Geopon. vii. 13. 4. Поллукс. vi. 106.

1765. Plin. Nat. Hist. xxiv. 4.

1766. Схол. Аристоф. Lysist. 2. Гончары, несмотря на полезность своего призвания, кажется, подвергались многочисленным шуткам среди афинян, которые иногда язвительно называли их прометеями. Καὶ αὐτοῖς δὲ Ἀθηναῖοι τοὺς χυτρέας, καὶ ἰπνοποιοὺς, καὶ πάντας, ὅσοι πυλουργοὶ, Προμηθέας ἀπεκάλουν, επισκώπτοντες ἐς τὸν πηλὸν, καὶ τὴν ἐν πυρὶ οἷμαι τῶν σκευῶν ὅπτησιν. Лукиан. Prometh. 2. Cp. Chandler, ii. 166.

1767. Athen. i. 49.

1768. Ирод. v. 88. Афины. xi. 107. Poll. vi. 100. Стеф. Визант. в. Αἰγίνα. с. 53. а.-v. Γάζα. с. 257. а.

1769. Pausan. ix. 19. 8.

1770. Феоф. De Lapid. § 63. "On faisoit autrefois d'excellente poterie à Samos, et c'étoit peut-être avec la terre de Bavonda." Tournefort, Voyage du Levant, t. ii. p. 112.

1771. Athen. xi. 11. 95. 101. 108.

1772. О некачественности саамской керамики можно судить по следующему отрывку из Цицерона: "Ille, homo eruditissimus, ac Stoicus, stravit pelliculis hædinis lectulos Punicanos, et exposuit vasa Samia: quasi verò esset Diogenes Cynicus mortuus, et non divini hominis Africani mors honestaretur." Pro Muren. 36. Cp. Plin. xxxv. 46.

1773. Athen. v. 60.

1774. Thucyd. i. 6.

1775. Лукиан. Rhet. Præcept. § 15.

1776. Ксеноф. Anab. vii. 5. 14.

1777. Однако большая часть вина, экспортируемого афинянами в чужие страны, была произведена на островах. Demosth. cont. Lacrit. § 8.

1778. Schol. Аристоф. Plut. 720. Athen. ii. 76.

1779. Плат. De Rep. iii. t. vi. p. 142. Сладости, похоже, в Греции экспортировались точно так же, как и в настоящее время, в ящиках особой конструкции, в которых они затем хранились до употребления. Об этом, как мне кажется, можно судить по следующему отрывку из письма Гипполоха к Линкею: καὶ τελευταῖαι ἐπεισῆλθον ἐπιδορπίαι τράπεζαι- τραγήματα τ' ἐν πλεκτοῖς ἐλεφαντίνοις ἐπεδόθη πᾶσι, καὶ πλακοῦντες ἕκαστα γένη, Κρητικῶν, καὶ τῶν σῶν, ἐταῖρε Λυγκεῦ, Σαμιακῶν, καὶ Ἀττικῶν, αὐταῖς ταῖς ἰδίαις τῶν πεμμάτων θήκαις. Athen. iv. 5.

1780. Афины. vii. 24.

1781. Аристоф. Acharn. 901, sqq. Афины. vii. 22.

1782. Афины. xii. 57.

1783. Афины. vii. 23.

1784. Strab. ix. 1. t. ii. p. 246.

1785. Лукиан. Jup. Tragœd. § 10. Chandler, ii. 280.

1786. Bœckh, Pub. Econ. of Athens, ii. 434.

1787. Dioscor. v. 108. Plin. xxxiii. 56.

1788. Теофраст. De Lapid. § 59. Plin. Nat. Hist. iii. 37.

1789. Strab. ix. 1. t. ii. p. 246. Suid. v. ἀργυροῦν, t. i. p. 415. e. Thucyd. ii. 55. vi. 91. Schol. Aristoph. Eq. 361, 1091. Pausan. i. 1. 1.

1790. Ἐπεισέρχεται δὲ διὰ μέγεθος τῆς πόλεως ἐκ πάσης γῆς τὰ πάντα- καὶ συμβαίνει ἡμῖν μηδὲν οἰκειότερα τῇ ἀπολαύσει τὰ αὐτοῦ ἀγαθὰ γινόμενα καρποῦσθαι, ἢ καὶ τὰ τῶν ἄλλων ἀνθρώπων. Thucyd. ii. 38.

1791. Athen. iii. 101.

1792. Id. vii. 45.

1793. Schol. Аристоф. Acharn. 760. Dioscor. v. 126.

1794. Например, редис (Athen. vii. 23) и огурцы. (Schol. Aristoph. Pac. 966. Acharn. 494.) Не знаю, вошел ли самфир (κρίθμον), растущий сейчас среди саронских скал (Chandler, ii. 225), в список экспорта Мегары, хотя он использовался и как лекарство, и как овощ. Диоскор. ii. 157.

1795. Аристоф. Acharn. 519, seq.

1796. Диоскор. iv. 79.

1797. Афины. i. 50.
1798. Ксеноф. Memor. ii. 7. 6.
1799. Диог. Laert. vi. 2. 41.
1800. Athen. x. 56. Pausan. i. 44. 4. Steph. De Urb. p. 54. a.
1801. См. выше, кн. vi. гл. 9.
1802. Athen. i. 57.
1803. Id. i. 49.
1804. Лукиан. Dial. Meret. § 14.
1805. Athen. xiv. 76. Eurip. Cyclop. 136.
1806. Афины. vii. 31. i. 49.
1807. Ἀστράγαλος, Dioscor. iv. 62. "Можно ли назвать более красивым растением, чем астрагал с двумя подножиями, усыпанный цветами от основания до конца щипцов?". Tournefort, Voyage du Levant, t. iii. p. 101.
1808. Plin. Nat. Hist. xii. 56. Πανάκες Ἡράκλειον. Dioscor. iii. 55. Theoph. Hist. Plant. ix. 11. 3. Корнель. Cels. v. 19. 3. Ср. Tournefort, Voyage du Levant, t. iii. p. 25.
1809. Plut. Alexand. § 76. Senec. Quæst. Nat. iii. 5. Plin. Nat. Hist. ii. 106. xxi. 19.
1810. Κολχικὸν. Dioscor. iv. 84.
1811. Диоскор. iv. 105.
1812. Id. iii. 8.
1813. Id. iii. 92. Celsus, iv. 18. 29. Это растение использовалось в препаратах для отгона змей. Георон. xiii. 8. 2. Никанд. Theriac. 76. Apul. de Herb. с. xcvi.
1814. Theoph. de Lapid. § 33. Ср. Ансельм. Boet. Gem. et Lap. Hist. ii. 9, p. 141.
1815. Theoph. Hist. Plant. iii. 16. 3.
1816. Athen. i. 6.
1817. Plin. Nat. Hist. viii. 68. Strab. viii. 8. t. ii. p. 226.
1818. Strab. viii. 8. t. ii. p. 227.
1819. Plut. Vit. Alexand. § 36.
1820. Athen. vii. 32.
1821. Athen. i. 49, seq. Poll. i. 149.
1822. Диссен, ad Pind. Nem. x. 41.
1823. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 25. Theoph. de Lapid. § 33. Athen. v. 26.
1824. Ансельм. Boet. Gem. et Lap. Hist. ii. 9, p. 142.

1825. Plin. Nat. Hist. xxv. 36. Winkelm. Hist. de l'Art, t. ii. p. 200, seq.
1826. Plin. Nat. Hist. xiv. 9.
1827. Лукиан. Dial. Meret. § 14. Rhet. Præcept. § 15. Ammon. v. Σχισταῖ , p. 133.
1828. Plat. Hipp. Maj. t. v. p. 424.
1829. Schol. Αριστοφ. Acharn. 724.
1830. Pausan. viii. 21. 14.
1831. Диоскор. i. 66.
1832. Id. iii. 8.
1833. Id. iii. 148.
1834. Theoph. de Lapid. § 16.
1835. Plin. Nat. Hist. xix. 46.
1836. Pausan. vii. 21. 14.
1837. Strab. viii. 7. t. ii. p. 224.
1838. Strab. viii. 8. t. ii. p. 227.
1839. Athen. i. 49. xiii. 45.
1840. Αφινῶν. xii. 29.
1841. Athen. v. 30. Плин, Nat. Hist. xxxvi. 12. ix. 65. xxxiv. 6. Cp. Goguet, Orig. des Loix, v. 303. Iorio, Storia del Commercio, t. iv. l. ii. c. vi. p. 251.
1842. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 25. Theoph. de Lapid. § 33.
1843. На этот плод Евфорион ссылается в следующих стихах:
- Ὅριον οἷά τε μῆλον, ὃ δ' ἀργιλλώδεσιν ὄχθαις
Πορφύρεον ἐλαχείῃ ἐνὶ τρέφεται Σιδόεντι.
- Athen. iii. 22. Geopon. x. 3. 6.
1844. Εὐαυξεστάτην δὲ τὴν Κορινθίαν (ῥαφανίδα), ἣ καὶ τὴν ῥίζαν ἔχει γυμνήν- ὡθεῖται γὰρ εἰς τὸ ἄνω, καὶ οὐχ ὥς αἱ ἄλλαι κάτω. Theoph. Hist. Plant. vii. 4. 2. Plin. Nat. Hist. xix. 25.
1845. Cp. Huet, Hist. of Commerce, p. 47. Goguet, Orig. des Loix, v. 309.
1846. Plin. Nat. Hist. xviii. 20. Cp. Xenoph. iii. 4. 3.
1847. Id. xvi. 49.
1848. Id. xix. 23. 38. Theoph. Hist. Plant. vii. 4. 6.
1849. Plin. Nat. Hist. xxv. 95. Schol. Αριστοφ. Concion. 404.
1850. Casaub. ad Theoph. Char. p. 174. Plin. Nat. Hist. xvi. 66.

1851. Pausan. ii. 3. 5. iii. 21. 4. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 11. Тибулл. Eleg. l. iii. el. 3. v. 13, seq. Мрамор Тхенароса был желтого цвета. Sext. Empir. Hypot. p. 26. Ср. Winkel. Hist. de l'Art, i. 40.
1852. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 47. xxxvii. 18. Douglas, Essay on the Modern Greeks, p. 167.
1853. Athen. i. 49. Plin. Nat. Hist. x. 83. Pollux. v. 37. Aristot. Hist. Animal. viii. 28. Spanh. Observ. in Callim. in Dian. 94, t. ii. p. 196.
1854. Suid. v. κώθων et κώθωνες, t. i. p. 1510. a. b.
1855. Suid. v. κώθωνες, t. i. p. 1510. b. Hesych. in v. Athen. xi. 66. Plut. Lycurg. § 9. Poll. vi. 96, seq. Ксеноф. Cyrop. i. 2. 8.
1856. Poll. vii. 160.
1857. Полем. ap. Athen. xi. 66.
1858. Athen. v. 28. 30.
1859. Плут. Lycurg. § 9.
1860. Müller, Dorians, ii. 25. Meurs. Лакон. ii. 17.
1861. Плут. Lycurg. § 13.
1862. Теоф. Hist. Plant. iii. 16.3.
1863. Steph. de Urb. v. Λακεδαίμων, p. 505. c. seq. Eustath. ad Il. β. 222. 27. Ксеноф. Hellen. iii. 3. 7. Plin. Nat. Hist. vii. 56. Ср. Æn. Tactic. ii. 16.
1864. Suid. v. Λακωνικαὶ κλειῖδες, t. ii. p. 6. b.
1865. Poll. i. 149. 137. Plin. Nat. Hist. xxxiii. 4. Ксеноф. Anab. iv. 8. 25. Suid. v. ξυήλην, t. ii. p. 258. e. f.
1866. Poll. i. 149.
1867. Casaub. ad Theoph. Char. p. 174. Вероятно, καλαυροψ, или пастушья дужка, была причислена к экспорту Аркадии. Ср. Etym. Mag. 485. 36. Suid. t. i. p. 1356. c.
1868. Περί τὰ Κύθηρα δὲ ἔτι καὶ μείζω τὰ κήτη ὑμνοῦσι γίνεσθαι. Ἔοικε δ' αὐτῶν καὶ τὰ νεῦρα λυσιτελῇ εἶναι εἰς τὰς τῶν ψαλτηρίων, καὶ τῶν ἄλλων ὀργάνων χερδοστροφίας- καὶ μέντοι καὶ ἐς τὰ πολεμικὰ ὀργάνα αἱ τούτων νευραὶ δοκοῦσι λυσιτελεῖσθαι. Ælian. de Animal. xvii. 6.
1869. Theocrit. Eidyll. x. 35, cum Schol. Ср. Аристоф. Весп. 1159.
1870. Steph. de Urb. v. Λακεδαίμων, p. 505. c. seq. Suid. v. Λακωνικαὶ, t. ii. p. 6. a. Lucian. Rhet. Præcept. § 15. Athen. v. 54. Ὑποδήματα ἄριστα Λακωνικὰ. Id. xi. 66.
1871. Poll. vii. 88. Мюллер, Дорийцы, ii. 25.
1872. Athen. v. 28. Suid. v. Λακωνικαὶ, t. ii. p. 6. a.
1873. Hesych. v. πυτά.
1874. Plin. Nat. Hist. ix. 60. xxi. 22. Horat. Od. ii. 18. Pausan. iii. 21. 6. Iorio, Storia del Commercio, t. iv. l. ii. c. x. p. 267.

1875. Аристоф. Acharn. 860, sqq. Schol. ad Pac. 968, ad Lysist. 703. Poll. vi. 63.
1876. Ср. Schol. Аристоф. Ав. 1079.
1877. Ср. Geopon. xiv. 22.
1878. Aristot. Hist. Животные. viii. 28.
1879. Theoph. Hist. Растения, iv. 11. 5, seq. Strab. ix. 2. t. i. p. 624. Касаб. О реке Мелас и ее растениях см. Plut. Sylla. § 20.
1880. Theoph. Hist. Plant. viii. 4. 5.
1881. Ксеноф. Hellen. v. 4. 56.
1882. Plin. Nat. Hist. xix. 23. Quintil. ap. Geopon. xii. 19.
1883. Athen. i. 6. ii. 48. Plin. Nat. Hist. xix. 25.
1884. Πανάκης Ἡράκλειον. Dioscor. iii. 55.
1885. Dioscor. iii. 148. Theoph. Hist. Plant. ix. 13. 1.
1886. Диоскор. iv. 151. Theoph. Hist. Plant. ix. 10. 3. Geopon. vii. 12. 21. Lomeier, de Lustrat. cap. xxiv. p. 304.
1887. Аристоф. Acharn. 860, sqq.
1888. Schol. Аристоф. Eq. 477.
1889. Dicæarch. ap. Geogr. Minor, ii. 18.
1890. Athen. i. 49. vii. 45. Аристоф. Lysist. 30. Ахарн. 961. 1000. 1002. Schol. ad Pac. 970.
1891. Theoph. de Lapid. § 6. См. "Заметки сэра Джона Хилла", с. 35.
-
1892. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 25.
1893. Диоскор. i. 78.
1894. Poll. i. 149. Афины. i. 50.
1895. Диоскорид. v. 102.
1896. Pausan. ix. 19. 8.
1897. Аристотель. Polit. i. 1. Athen. iv. 74.
1898. Athen. v. 26.
1899. Id. vi. 70.
1900. Theoph. Hist. Plant. viii. 8. 2.
1901. Id. v. 2. 12.

1902. Plin. Nat. Hist. xxi. 76.
1903. Ruf. Frag. p. 22, ap. Schneid. ad Theoph. Hist. Plant. ix. 10. 2. Диоскор. iv. 150. Чандлер, ii. 276. Polyænus, vi. 13.
1904. Афины. iii. 6.
1905. Диоскор. iv. 32. Считается, что тростник-агросис, растущий на обочинах дорог в Вавилонии, смертельно опасен для скота, который им питается. Id. iv. 31.
1906. Chandler, ii. 228. Steph. de Urb. p. 238. с. Οἱ δὲ ἄνθρωποι οἱ ἐνταῦθα πλέον ὑμίσεις κόχλων ἐς βαφὴν πορφύρας εἰ σὶ ν ὀλιεῖ ς Pausan. x. 37. 3.
1907. Chandler, ii. 279.
1908. Pausan. x. 36. 1.
1909. Steph. Byzant. de Urb. v. Θεσσαλία. p. 394. a. Poll. vii. 89.
1910. Athen. i. 49. 50.
1911. Оппиан. Cyneg. i. 171. Strab. viii. 8. t. ii. p. 226.
1912. Ксеноф. Hellen. vi. 14.
1913. Πανάκερ Χειρώνων. Диоскор. iii. 57.
1914. Theoph. Hist. Plant. ix. 10. 2, с примечанием Шнайдера.
1915. Dioscor. iii. 149. Корень этого растения, который, как уже было сказано выше, ели в Греции, до сих пор является предметом питания у китайцев. Бедняки едят его даже сырым, и в этом случае он, как говорят, не очень приятен на вкус. Осбек, Путешествие в Китай, i. 310.
1916. Теоф. де Лapid. § 64.
1917. Сенека. Quæst. Nat. iii. 25, который в качестве причины называет то, что вода берет начало в железных или медных рудниках.
1918. Theoph. de Lapid. § 64. Plin. Nat. Hist. xxxv. 57.
1919. Lycurg. cont. Leochar. § 8.
1920. Аристотель. Hist. Animal. ix. 1. Poll. v. 39. Ælian. de Nat. Animal. iii. 2.
1921. Dioscor. i. 162. Plin. Nat. Hist. xv. 15.
1922. Plin. Nat. Hist. viii. 70.
1923. Theoph. Hist. Plant. ii. 2. 6.
1924. Palmer. Descrip. Græc. Antiq. p. 222.
1925. Dioscor. i. 25. В венецианские времена считалось, что в окрестностях Наупактоса производят лучшие вина во всей Греции. Коронелли, Mem. de la Morée, p. 231.
1926. Dioscor. iv. 151.
1927. Μελεαγρίδες. Athen. xiv. 70. Suid. t. ii. p. 122. a. Aristot. Hist. Животные. vi. 2.

1928. Virg. Georg. ii. 438. Plin. Nat. Hist. xiv. 25.
1929. Poll. i. 149.
1930. Plin. Nat. Hist. ix. 56. Rondelet. i. 48. Aristot. Hist. Животные. v. 15.
1931. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 30.
1932. Lucian, de Sacrif. § 11. Id. Fugitiv. § 24. Id. Icaromenip. § 18. Plin. Nat. Hist., xxxiii. 21. vii. 57. Herod. vii. 112. ix. 75. Ксеноф. Hellen. v. 2. 12. Athen. ii. 16. Strab. vii. frag. 17. t. ii. p. 133. Pausan. i. 29.
1933. Рудники в окрестностях озера Прасиас во времена Александра, сына Аминта, давали по таланту серебра в день. Геродот. v. 17.
1934. Ксеноф. Hellen. v. 2. 17. Плин. vii. 57.
1935. Эти рудники Скапт-Хайла приносили тасийцам, когда они обладали властью на континенте, доход в восемьдесят талантов в год. Геродот. vi. 46. Аппиан. Bell. Civil. iv. 106.
1936. [Diodor.](#)[Diodor.](#) Sicul. xvi. 8.
1937. Herodot. ix. 75. Meurs. Lection. Att. vi. 31.
1938. Æschin. adv. Timarch. § 6. Ксеноф. Hellen. vi. 1. 4. Thucyd. iv. 108. Theoph. Hist. Plant. v. 2. 1. Древесина, растущая на северных склонах гор, считалась самой твердой и, следовательно, лучше всего подходила для изготовления весел. Id. Hist. Plant. iv. 1. 4.
1939. Athen. i. 47. Iorio, Storia del Commercio, t. iv. l. ii. c. iii. p. 235. Hom. Odys. ix. 197. Steph. de Urb. v. Μένδη, p. 550. b. В виноградниках Менде садоводы поливали виноградные гроздья соком дикого огурца, который придавал вину целебные свойства. Athen. i. 53.
1940. Theoph. Hist. Plant. vi. 6. 4. Греческая басня о рождении розы знакома каждому читателю, но, возможно, не так хорошо известно, что магометане считают, что она возникла из пота их пророка: "Ut veteres rosam ex sanguine Veneris, sic isti (Turcæ) ex sudore Mahumetis natam sibi persuaserint." Busbeq. Epist. i. p. 51.
1941. Dioscor. iii. 52. Из отрывка в Полиэне следует, что Фракия вела обычную торговлю с соседними странами сеном и соломой. Стратегем. iii. 15.
1942. Диоскор. iv. 45.
1943. Диоскор. iii. 26.
1944. Атен. ii. 20. Theoph. Hist. Plant. i. 6. 13.
1945. Теоф. Hist. Plant. viii. 8. 6.
1946. Диоскор. iii. 55.
1947. Theoph. Hist. Plant. ix. 7. 3. Диоскор. i. 1.
1948. Диоскор. i. 3.
1949. Id. v. 123.
1950. Lys. in Diogit. § 5. Bœckh. Pub. Econ. of Athens, i. 107.

1951. Athen. ii. 68.
1952. Id. vii. 45.
1953. Id. vii. 77.
1954. Id. iii. 87.
1955. Id. vii. 53.
1956. Id. vii. 25.
1957. Herod. vii. 126. Spanh. ad Callim. in Dian. 157. Plin. Nat. Hist. viii. 16.
1958. Ксеноф. Hellen. vi. 1. 4.
1959. Теоф. Hist. Plant. iv. 1. 4.
1960. Dioscor. v. 123. 104. Beckmann, Hist. of Inventions, i. 292.
1961. Теоф. де Лapid. § 15.
1962. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 25.
1963. Theoph. Hist. Plant. viii. 10. 7.
1964. Demosth. adv. Polycl. § 2. Cont. Lept. § 9. Эта пшеница, однако, считалась более легкой, чем та, что выращивалась в Греции. Theoph. Hist. Plant. viii. 45. 5. Herod. vii. 147. Thucyd. iii. 2. Iorio, Storia del Commercio, t. iv. l. ii. c. iii. p. 219.
1965. Demosth. in Lacrit. § 8. Busbequius, Epist. i. p. 67.
1966. Athen. iii. 84, sqq. § i. 49. Strab. vii. 6. t. ii. p. 112. Разновидность ромбоса, брет, или тюрбо, все еще ловится в значительных количествах в Азофском и Черном морях. Паллас, Путешествия по Восточной России, iv. 243. Ср. Strab. ix. 2. t. ii. c. 401.
1967. Athen. vii. 6.
1968. Id. vii. 77.
1969. Афины. iii. 84.
1970. Лукиан. Диалл. Meret. § 14. Somn. seu Gall. § 22. Dioscor. ii. 7. Паллас сообщает нам, что в настоящее время в Черном море сетями ловят большое количество жирной и нежной сельди. Путешествия по Южной России, iv. 242.
1971. Афины. vii. 45.
1972. Id. iii. 64.
1973. Бористен, в чистых водах которого водилось множество видов нежной рыбы, изобиловал также большим количеством рыбы, которую жители лечили солью, в изобилии находимой в его устье. Herod. iv. 53. Eustath. ad Dion. Perieg. 311.
1974. Аристотель. Meteorol. i. 12, p. 29. Аналогичный способ ловли рыбы практикуется на озере Онтарио. "Зимой, когда залив (Торонто) прочно замерзает, возводятся хижины и делаются отверстия во льду, где рыбу ловят копьем". Сэр Р. Х. Бонникасл, Канады и т. д. i. 166.

1975. Athen. ii. 13. Cp. Bœckh. Pub. Econ. of Athens, i. 66.
1976. Didym. ap. Geopon. x. 68. 1. Plin. Nat. Hist. xv. 22.
1977. Dioscor. ii. 105.
1978. Лукиан. Navig. § 23. Theoph. Hist. Plant. v. 2. 12.
1979. В наше время найдется немного стран, где лошади дешевле и многочисленнее, чем в Колхиде: "Il n'y a point d'homme si pauvre dans la Colchide qui n'ait un cheval, car il ne coûte rien à entretenir; entre les gentilshommes il y en a qui en nourrissent deux cents et le prince en a cinq mille." Lamberti, Relation de la Mingrelie, Voyages au Nord, t. vii. p. 193.
1980. Аристоф. Nub. 109. Колхидские леса до сих пор изобилуют фазанами и куропатками. Busbequius, Epist. iii. p. 205. Ламберти, однако, сообщает, что род куропаток почти вымер в Колхиде из-за обилия хищных птиц. Voyages au Nord, t. vii. p. 192.
1981. Thucyd. iii. 2. Plut. Sympos. v. 7. 1. Eurip. in Alcest. 675.
1982. В Понтозе также был мед горького вкуса (Dion. Chrysost. i. 289, seq.), собранный, согласно Диоскороду (ii. 103) и Плинию (Nat. Hist. xxi. 44), с пурпурноцветкового карликового рододендрона, который растет на северных берегах Черного моря, особенно в окрестностях Трапезунда. (Tournefort, t. iii. p. 74, sqq.) Это, по-видимому, тот самый мед, который произвел столь необыкновенный эффект на Десять тысяч человек (Хенорф. Anab. iv. 8. 20) и имел репутацию средства, вызывающего временное безумие. Вышеупомянутый кустарник следует тщательно отличать от обычного рододендрона, который не дает меда. Della Rocca, i. 352, seq. Еще одну причину горечи колхидского меда называет Ламберти: "Ils mettent quelquefois leur miel dans des écorces de citrouilles amères, ce qui a peut-être donné sujet à Strabon, [l. xi. c. 2. t. ii. p. 409, Tauchnitz.] d'en parler comme il a fait, et il est vrai aussi que celui qu'on ramasse dans les montagnes, dans le tems que le laurier-rose est en fleur, fait vomir ceux qui en prennent: si bien que les païsans, faute d'autre remède, s'en servent pour se purger." Voyages au Nord, t. vi. p. 197.
1983. Dioscor. iii. 2. Проспер Альпинус предположил, что рея была привезена в Понтоз с берегов Волги, о чем, собственно, и сообщает Аммиан Марцеллин: *Rha vicinus est amnis, in cujus superciliis quædam vegetabilis ejusdem nominis gignitur radix, proficiens ad usus multiplices medelarum*, l. xxii. c. 8, p. 340.
1984. См. весь этот вопрос у Проспера Альпина, *De Rhapontico*, cap. ii. p. 9.
1985. Ἡ δὲ ἰχθυόκολλα λεγόμενη κοιλία ἐστὶν ἰχθύος κητώου Dioscor. iii. 102.
1986. Africanus, ap. Geopon. v. 24. 2. vii. 24. 4. Диоскор. iii. 7. Plin. Nat. Hist. xi. 119.
1987. Dioscor. i. 9.
1988. Theoph. Hist. Plant. ix. 17. 4. Диоскор. 26, seq.
1989. Dioscor. i. 14. Damogeron. ap. Geopon. vii. 13. 1. Plin. Nat. Hist. xii. 13.
1990. Σκορδύλον. Dioscor. iii. 125.
1991. Диоскор. iii. 48. Поллукс, vi. 106.
1992. Dioscor. i. 68. Cp. iii. 47. Кизикос, также экспортировавший бобы. Theoph. Hist. Plant. viii. 10. 3.

1993. Id. iii. 26.

1994. Id. i. 5.

1995. Dioscor. v. 136. См. изображение халциониона в Forskal, *Flora Ægyptiaca-Arabica*, tab. 27, d. e.

1996. Dapper, *Description des Isles de l'Archipel*. p. 497.

1997. Dioscor. v. 137. Кардан, неверно поняв Серапиона, принял адарс за камень, эту ошибку исправляет Скалигер, de *Subtilitate*, Exercit. 130, p. 446.

1998. Cp. Strab. l. xii. t. ii. p. 818.

1999. Theoph. Hist. Plant. ix. 16. 4. Dioscor. v. 61.

2000. Γεννᾶται δὲ ἐν τῇ Ἀγαρίᾳ τῆς Σαρματικῆς. Dioscor. iii. 1. О его применении см. Prosp. Alpin. de Medicin. Ægypt. iv. 15, p. 340. Бранд, Журнал посольства в Китай, в Harris, vol. i. p. 230.

2001. Dapper, *Description des Isles de l'Archipel*. p. 497.

2002. Диоскор. v. 121.

2003. Теоф. де Лapid. § 55. Из страны агафирсов, по-видимому, в большом изобилии добывали алмазы. Аммиан Марцеллин, xxii. 8, p. 341. Дион. Perieg. 319. Присциан. Perieg. 311. Plin. Nat. Hist. iv. 20. Помпон. Mel. ii. 1.

2004. Theoph. de Lapid. § 58.

2005. Peyssonnel, *Observations Historiques et Géographiques sur les Peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont Euxin*, p. 68, sqq.

2006. Hom. Il. β. 857. Heyne, ad loc. t. iv. p. 430.

2007. Аристотель. Auscult. Mirab. t. xvi. p. 185. Eustath. ad Dion. Perieg. 767. Æschyl. Prometh. Vincit. 301. Ксеноф. Anab. v. 5. 1. Steph. Byzant. de Urb. p. 753. a. Salmas. ad Solin. p. 1085. Suid. v. χάλυβες. t. ii. p. 1108. d. Apollon. Rhod. ii. 1005, sqq. v. 374, seq. Valer. Flacc. iv. 610. Аммиан. Марцеллин. xxii. 8, с. 338. Поллукс. vii. 107. x. 186. Strab. xii. 3. t. iii. p. 27. Таухн.

2008. Theoph. de Lapid. § 52.

2009. Συλλέγεται δὲ ἐν τῇ Κατπαδοκίᾳ ἐν σπηλαίοις τισί. διυλίζεται δὲ καὶ φέρεται εἰς Σινώπην καὶ πιπράσκειται. ὅθεν καὶ τὴν ἐπωνυμίαν. Dioscor. v. 111. Strab. xii. t. ii. p. 814. Casaub.

2010. Theoph. de Lapid. § 52.

2011. Τὰ μὲν [οὔνουν Κόμανα](#) εὐάνδρεϊ, καὶ ἔστιν ἔμπορεῖ ον τοῖς ἀπὸ τῆς Ἀρμενίας ἀξιόλογον-συνέρχονται δὲ κατὰ τὰς ἐξόδους τῆς θεοῦ πανταχόθεν, ἔκ τε τῶν πόλεων καὶ τῆς χώρας, ἄνδρες ὁμοῦ ταῖς γυναῖξιν ἐπὶ τὴν ἐορτήν- καὶ ἄλλοι δὲ κατ' εὐχὴν αἰεὶ τινες ἐπιδημοῦσι, θυσίας τε ἐπιτελοῦντες [τῇτῇ](#) θεῷ Strab. xii. 3. t. iii. p. 43. Heeren, *Researches on the Commerce and Politics of the Ancients*, i. 121. Подобные собрания, отчасти религиозные, отчасти торговые, до сих пор происходят у магометан в Мекке, а у индусов - в различных местах, особенно в Харидваре, где иногда собираются два с половиной миллиона паломников. *Hindoos*, i. 224. *Asiatic Researches*, vi. 311, sqq.

2012. Золото также получали из места на берегу Пропонтиды, лежащего между Лампсакосом и Абидосом. Ксеноф. Hellen. iv. 8. 37. О найденных здесь рудниках у Шнайдера есть следующее примечание: "Auri metalli Lampsacena memorat Plinius 37, sectione 74, et Polyænus ii. 1. 26. Abydena nusquam reperi dicta. Forte fuerint in agro medio inter Lampsacum et Abydum stadiis 170, distantem à Lampsaco, teste Strabone." Cp. Theophrast. de Lapid. § 32.

2013. Peyssonnel, Observations Historiques, &c., p. 342. Овидий. Metam. xi. 3. 1, sqq. Винкель. Hist. de l'Art. ii. 67. Cp. Tibull. lib. iii. 3. 13.

2014. Vitruv. x. 7. Путешествия Чандлера, i. 143, и далее.

2015. Strab. xii. t. ii. p. 865. Casaub.-Chandler, i. 160. ii. 86. 108. Гиббон, Упадок и падение Римской империи, iii. 236.

2016. Strab. xii. t. ii. p. 814. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 45.

2017. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 25. Theoph. de Lapid. § 19. О чем см. примечание сэра Джона Хилла, p. 76.

2018. Γαγάρτης. Dioscor. v. 146. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 34. Aldrovand. de Metall. iii. 19. Scalig. de Subtilitat. Exercit. civ. 3, p. 383. Florent. ap. Geopon. viii. 8. Орфей, de Lapid. 468.

2019. Martin Mathée, Notes sur Dioscoride, p. 503.

2020. Valmont de Bomare, Dictionnaire d'Histoire Naturelle, t. iii. p. 414. Ансельм. Boet. Gemm. et Lapid. Hist. ii. 164, p. 336, отмечает, что струя иногда встречается в Британии, а наш антиквар Камден говорит о том, что ее иногда выкапывают из ям около Окевуда в Суррее. Britannia, col. 163.

2021. Theoph. de Lapid. § 47. Dioscor. v. 111.

2022. Сэр Джон Хилл, Заметки о Теофрасте. p. 190, seq.

2023. Plat. Tim. t. vii. p. 118. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 45.

2024. Theoph. de Lapid. § 58.

2025. Dioscor. v. 123. По-видимому, квасцы из Египта также широко экспортировались и высоко ценились врачами. Celsus, v. 38. 12.

2026. Dioscor. v. 126.

2027. Plin. Nat. Hist. xxxi. 41. Страбон, говоря об этих соляных источниках Татты, сообщает несколько необычное обстоятельство: ἡ μὲν οὖν Τάττα ἀλοπήγιον ἔστιν αὐτοφυές- οὕτω δὲ πειρπῆτται ῥαδίως τὸ ὕδωρ παντὶ τῷ βαπτισθέντι εἰς αὐτὸ, ὥστε στεφάνους ὁλῶν ἀνέλκουσιν, ἐπειδὴν καθῶσι κύκλον σχοίνινον- τά τε ὄρνεα ἀλίσκεται τὰ προσαψάμενα τῷ πτερώματι τοῦ ὕδατος παραχρῆμα πίπτοντα διὰ τὴν περίπηξιν τῶν ὁλῶν. xii. 6. t. iii. p. 58.

2028. Dioscor. v. 130. Celsus, ii. 33, p. 94.

2029. Dioscor. i. 92.

2030. Cp. Suid. v. Κολοφωνία, t. i. p. 1487, seq.

2031. Plin. Nat. Hist. xxxv. 57.

2032. Dioscor. i. 97.

2033. Theoph. Hist. Plant. ix. 2. 5.
2034. Диоскор. iii. 69. Cp. Theoph. Hist. Plant. vii. 3. 2. Caus. Plant. iv. 15. 2. Sibth. Flor. Græc. tab. 243.
2035. Μάρων. Dioscor. iii. 49. Theophrast. de Odor. § 33, seq. Plin. Nat. Hist. xii. 53.
2036. Dioscor. i. 25. Schol. Αριστοφ. Av. 301.
2037. Vit. Sequest. p. 29. Virg. Georg. iv. 127. Martial. iii. 65.
2038. Galen. de Antidot. c. xiii. Spanh. Observ. in Callin. in Apoll. 83. t. ii. p. 102. Horat. Satir. ii. 4. 68. Plin. Nat. Hist. xxi. 17.
2039. Dioscor. i. 25.
2040. Диоскор. iv. 48. Поллукс, vii. 56. x. 42. iv. 154.
2041. Cp. Scalig. de Subtilitat. Exerc. cxciv. 7. p. 631, seq.
2042. Cp. Серапион. с. cccxi. ap. Beckmann, ii. 170.
2043. Garidel, Histoire des Plantes qui naissent aux environs d'Aix. p. 254.
2044. Γλυγιδίον. Dioscor. ii. 167. Artedia squammata. Sibthorp, Flora Græca, tab. 268.
2045. Florent. ap. Geopon. ix. 3. 1.
2046. Диоскор. i. 9.
2047. Dioscor. iii. 160. Sibthorp, Flora Græca, tab. 141.
2048. Geopon. viii. 21. 1.
2049. Диоскор. iv. 179. iii. 126, 127.
2050. Id. iii. 8. Celsus, v. 27. 10.
2051. Id. i. 132. Celsus, v. 28. 16.
2052. "Est autem optimum (hyssopum) Cilicium e Tauro monte, dein Pamphyliam, ac Smyrnæum." Plin. Nat. Hist. xxv. 87. Dioscor. v. 50. iii. 30. Columell. xii. 35.
2053. Dioscor. i. 8.
2054. Theoph. Hist. Plant. vi. 4. 10.
2055. Dioscor. iv. 32. Democrit. ap. Geopon. ii. 6. 23.
2056. Диоскор. v. 5.
2057. Plin. Nat. Hist. xx. 68. Dioscor. iii. 35. Etym. Mag. 763, 30. Clusii, Hist. Rar. Plant. iii. p. 358.
2058. Plin. Nat. Hist. xxv. 95. Dioscor. iv. 67. Scaliger, de Subtilitat. Exercit. 151, p. 505, sqq.
2059. Dioscor. iv. 159. Cp. Plin. Nat. Hist. xxii. 42.

2060. Μελαντηρια. Dioscor. v. 118.

2061. Κύπειρον, ἥν τινες ζέρναν καλοῦσι. Democritus, ap. Geopon. 11. vi. 32. Columell. xii. 20. Pallad. xii. 18. Theoph. Hist. Plant. i. 8. 1. De Caus. Plant. vi. 11. 10. Hom. Odys. δ. 603.

2062. Dioscor. i. 4.

2063. Диоскор. iv. 150.

2064. (Ἀβροτόνον.) Id. iii. 29. Tarentinus, ap. Geopon. ii. 27. 6. Цельс, iii. 21.

2065. Диоскор. iii. 53.

2066. Id. iii. 116.

2067. Ксеноф. Hellen. i. 1. 25.

2068. Дидим, ап. Geopon. vi. 5. 1. Theoph. Hist. Plant. ix. 2. 5. Virg. Georg. iii. 450. iv. 41. Plin. Nat. Hist. xiv. 25.

2069. Dioscor. iv. 105.

2070. Aristot. Hist. Животные. v. 15.

2071. Archestratus, ap. Athen. iii. 44.

2072. Athen. ix. 2.

2073. Диоскор. iii. 1.

2074. Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 4.

2075. Σμυρνίον, ὅπερ ἐν Κιλικίᾳ, πετροσέλινον καλοῦσι. Dioscor. iii. 79. Sibth. Flor. Græc. 289. Это растение использовалось в качестве приманки для рыб. Geopon. xx. 24. 1.

2076. Σμυρνίον, ὅπερ ἐν Κιλικίᾳ, πετροσέλινον καλοῦσι. Dioscor. iii. 27. От названия этого растения остров Серифос, по мнению некоторых, получил свое имя: "Dicitur à *Serfi* Græcè, *herba*, Latinè, quæ ad dolorem renum salutifera hic invenitur." Bondelmonti, Lib. Insul. Archipelag. § 25. p. 83. "È opinione che'l nome di Serfino li sia stato dato da un' erba, che nasce quì, chiamata Serfi, ottima per guarire il mal di fianco." Boschini, p. 32, ap. Ludov. de Sinner, Annot. in Bondelmont. p. 177.

2077. Dioscor. i. 79. Florent. ap. Geopon. xiii. 88. Plin. Nat. Hist. x. 90. Sibthorp. Flora Græca, 375.

2078. Athen. xiv. 23.

2079. Диоскор. i. 79.

2080. Id. i. 66.

2081. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 27. Dioscor. v. 142. Theoph. de Ign. § 46. Albert. Mag. ii. 2. De Mineral. 17.

2082. Theoph. Hist. Plant. ix. 9. 1-20. 5. Диоскор. iv. 171.

2083. О современных плодах Смирны см. Chandler, i. 77. 247.

2084. Афины. ii. 53.

2085. Hazelquist, Travels, p. 242. Сибторп. Flor. Græc. tab. 155.
2086. Eurip. in Alcest. 675. Филост. Vit. Apoll. Tyan. iii. 25. p. 115.
2087. Athen. ii. 74. 76. xiv. 67. Cp. Brunckh. ad Aristoph. Pac. 574.
2088. Dioscor. i. 181.
2089. Афины. iii. 9.
2090. Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 4.
2091. Athen. i. 49.
2092. Оппиан де Венат. i. 171. Гиббон, Упадок и падение, iii. 13.
2093. Euripid. in Alcest. 675. Афины. i. 49.
2094. Аристотель. Hist. Животные. iii. 20.
2095. Athen. xiv. 75. Poll. vi. 48.
2096. Strab. xii. t. ii. p. 865.
2097. Афины. xii. 17.
2098. Id. i. 49.
2099. Плин. Nat. Hist. xxi. 10.
2100. Athen i. 49.
2101. Id. v. 38.
2102. Schol. Аристоф. Acharn. 112. Athen. vi. 67. ii. 30. Bochart, Geog. Sac. i. 6. Аристоф. Vesp. 1132.
2103. Athen. i. 52.
2104. Диоскор. v. 10, 11. Афины. i. 52. Chandler, i. 163. 243. В гомеровские времена Фригия славилась своими виноградниками, см. Il. γ. 184.
2105. Strab. xiii. 4. t. iii. p. 155. Описание Чандлера - почти перевод Страбона. "Эта область, которая находится выше или к востоку от Филадельфии, называлась Катакекумена, или Горелая. Одни причисляли ее к Мисии, другие - к Мионии или Лидии. Она имела пятьсот стадий, или шестьдесят две мили с половиной в длину, и четыреста стадий, или пятьдесят миль в ширину, и в древности была без деревьев, но покрыта виноградниками, из которых получали вино, называемое этим именем, и считавшееся не уступающим ни одному по доброте". i. 284.
2106. Лукиан. Dial. Мерет. vii. Andocid. adv. Alcib. § 11.
2107. Athen. vii. 86. 87. Аристоф. Eq. 361.
2108. Лукиан. Dial. Мерет. xiv.
2109. Афины. xiv. 75.
-

ГЛАВА XII.

ЭКСПОРТ ОСТРОВОВ, ИТАЛИИ, ГАЛЛИИ И ИСПАНИИ.

Прежде чем описывать торговлю Сирии, Египта и дальнего Востока, мы постараемся дать некоторый отчет о торговле многочисленных островов Средиземноморья, а также Италии, Галлии, Испании и всего северного побережья Африки. Товары, поставляемые в торговлю различными группами и крупными островами Эгейского и Ионического морей, едва ли уступают по количеству товарам из Малой Азии. Самыми важными из них были вина, ценность, крепость и вкус которых колебались в зависимости от почвы, температуры и высоты над морем виноградников, где они произрастали.

Остров Лесбос в эпоху расцвета Афинской республики составлял как бы часть территории этого великого морского государства, что вынуждало его возить свои вина исключительно в Афины.^[2110] Среди них было прамнийское,^[2111] которое также производилось в Ахайе и представляло собой крепкое, жесткое вино, внешне напоминающее портвейн. Однако большинство островов,^[2112] как больших, так и малых, поставляли вино - например, Тенедос,^[2113] Хиос,^[2114] Кипрос,^[2115] где производили, в частности, любопытное вино из инжира;^[2116] Тасос,^[2117] где один из видов был сомниферическим,^[2118] Пепаретос, Лесбос, Эвбея,^[2119] Крит, где среди прочих произрастали мальмси;^[2120] Леукадия, Кос,^[2121] и Корсира.

Немногие из островов выращивали больше кукурузы, чем могли потребить, кроме Эвбеи,^[2122] , которая в течение многих лет была житницей Афин. На Лесбосе^[2123] также выращивали превосходный ячмень, который произрастал на холмах вокруг Эресоса, родины Теофраста. Тасийцы также выращивали низший сорт ячменя, который, судя по чрезвычайной продуктивности острова, иногда экспортировался, хотя я не помню ни одного авторитетного доказательства этого факта. Самос поставлял в Грецию лучшее оливковое масло, не уступающее аттическому.^[2124]

Но из всех мелких островов ни один не поставлял столько товаров для каботажной торговли Греции, как Тасос, продукция которого была необычайно богата и разнообразна. В ранние века финикийцы открыли и разрабатывали золотые рудники, которые в последующие времена истощились, но плодородие острова и промышленность его жителей, похоже, никогда не давали сбоев. Отсюда экспортировали редис,^[2125] рыбный соус, соленья,^[2126] миндаль и грецкие орехи,^[2127] деревьями которых остров был густо затенен.

Крит, Кипрос и Наксос экспортировали камень;^[2128] Паросские фиги^[2129] и лучший белый мрамор^[2130] из каменоломен, обширность которых до сих пор вызывает восхищение путешественников.^[2131] Кипрос, сори, вещество, напоминающее вердигрис,^[2132] сульфат меди, изумруды и яшму.^[2133] Белье, белое и окрашенное в пурпурный цвет, привозили с Аморгоса;^[2134] тапсию с Фапсоса;^[2135] малярную землю лучшего качества, то есть рыхлую, рассыпчатую, сухую и без жирности,^[2136] получали из окрестностей Фариса; сера,^[2137] квасцы,^[2138] и пемза с Нисироса и Мелоса,^[2139] где это последнее вещество было очень легким и иногда встречалось вкрапленным в другие камни. Пемза с острова Нисирос^[2140] была более низкой по качеству и рассыпалась на куски в руке . Однако их было очень много, они встречались целыми кучами и обычно были размером с кулак.

Каристос в Эвбее экспортировал verde antico,^[2141] и amianthos, или камень, из которого изготавливали полотенца и подобные ткани, не разрушаемые огнем;^[2142] Эретрия - целебную землю;^[2143] Халкис - медь,^[2144] Кимолосский мел и земля фуллеренов;^[2145] Самосские

кувшины^[2146] и лечебные земли, пепельного цвета и белые,^[2147] в которых был найден камень, используемый ювелирами для полировки золота.^[2148]

На Лемносе добывали три разных вида земли: первая, известная среди древних под названием *terra sigillata*, продавалась в маленьких круглых лепешках, смешанных, по словам Диоскорида,^[2149] с кровью козла и с его изображением в священной печати Артемиды; хотя Гален, посетивший остров специально для изучения этой земли, отрицает, что в его время к ней примешивалась какая-либо кровь. Вторая из лемнийских земель^[2150] была красной, а третья - землей фуллеренов. Первая из этих земель, слегка красного цвета, иногда называлась священной, видимо, потому, что использовалась в жертвоприношениях. В наше время вещество, известное под этим названием, обычно имеет коричневый или розовый цвет.

Шахта^[2151], откуда в настоящее время выкапывают запечатанную землю, находится на вершине обрывистой горы, на восточном берегу острова, примерно в четырех луках от древнего города Гефестия. Дорога, ведущая туда, после часовни Сотиры раздваивается и ответвляется вправо и влево. Оба пути проходят мимо фонтана; тот, что справа, окаймлен бузиной, ивой и рожковым деревом, хотя и затенен от солнечных лучей, но летом не работает; а тот, что слева, ведет к источнику, который, лежа в болотистом месте и не производя ничего, кроме камышей, является многолетним. Оба фонтана расположены среди корней холма, на который сейчас ведут ступени, вырубленные в скале, а в древности здесь была дорога, по которой можно было добраться до самой вершины. Копание лемнийской земли, по-видимому, всегда происходило под защитой религии; ведь во время этой операции жрец издревле стоял на горе возле шахты и, совершив нечто вроде возлияния из кукурузы, которую бросали в качестве подношения на землю, и выполнив различные другие церемонии, заставлял повозку грузиться землей и вез ее в город, где ее готовили, запечатывали и продавали купцам.

В современное время, начиная с того периода, когда остров находился во владении венецианцев, практиковался другой и более громоздкий набор церемоний.^[2152] Главные жители острова, как турки, так и христиане, собираясь шестого августа, выходят в грандиозной процессии на горы запечатанной земли, останавливаясь по пути у часовни Сотира, где священники распевают литургию греческой церкви и повторяют множество молитв, после чего поднимаются на горный выступ. Прибыв на вершину, пятьдесят или шестьдесят крепких мужчин начинают раскопки в поисках пласта драгоценной глины, и, найдя его, жрецы наполняют им несколько кожаных мешков, которые отдают на хранение субаши.

Когда добыто достаточное количество, устье шахты закрывается и больше не открывается до этого дня двенадцать месяцев. Затем определенное количество отправляется султану, который распределяет его в качестве подарков принцам и монархам. Остальное, как и раньше, продается купцам. Вполне возможно, что это вещество может быть обнаружено и в других частях острова; но греки не придадут ему никакого значения, если оно не будет добыто в данном месте и раскопано с соблюдением соответствующих церемоний. Для любого частного лица попытка раскопать его является смертным преступлением.

Медная окалина, или тутти^[2153], была получена с илистого дна медного рудника на Кипре.^[2154] После того как она была выставлена сушиться на солнце, вокруг нее накидали хвороста и подожгли, в результате чего она подверглась второму прокаливанию, после чего получила название дифригес, или дважды обожженная.

На том же острове было найдено воссоздание латуни, называемое древними Cadmia^[2155]. Она получалась следующим образом: печи, в которых выплавляли медь, были построены из железного свода и имели очень большие размеры. Когда металл подвергался действию огня, более легкие и простые частицы, отделяясь от расплавленной массы, поднимались вверх, подобно искрам, катились по бокам печи и оседали на ее крыше.

Здесь эти частицы, складываясь в слои, один над другим, превращались в твердое вещество, которое называлось кадмием.^[2156] Его было несколько видов, один из которых был получен при сжигании пиритов, добытых из обрывов, нависающих над городом Соли. В этих необычных горах были найдены жилы медной руды,^[2157] сульфата меди,^[2158] сори,^[2159] вердигри,^[2160] лазурита,^[2161] хризоколлы,^[2162] меди, и тутти.^[2163]

Воссоздание серебра производилось аналогичным образом при выплавке серебряной руды, но оно было более бледным по цвету и более низкого качества. В разных частях острова в изобилии находили черные и белые квасцы,^[2164] селитру, серу, каменную и морскую соль,^[2165] первые - в окрестностях Цитиума, вторые - в окрестностях Саламиса. Кроме того, он экспортировал обожженную медь и медные чешуйки. Кроме того, здесь было обнаружено несколько видов драгоценных камней, таких как алмаз,^[2166] изумруд, агат,^[2167] найденный также на Лесбосе, опал, яшма, сапфир, орлиный камень,^[2168] аметист,^[2169] хрусталь, тальк,^[2170] и камни из окрестностей Арсинои.

Египтяне сплавляли свои серебряные деньги с третьей частью гипса, меди и равной долей серы. В современную эпоху на островах близ Никосии разрабатывались золотые рудники.

Тонкая закаленная сталь Кипроса,^[2171] известная у древних под названием адамант, использовалась для изготовления лучших кирас и считалась непробиваемой.

С этого острова получали тончайший сподий и цветы цинка, которые изготавливались следующим образом: В здании высотой в два этажа была построена печь, открытая сверху и имеющая прямо над собой небольшое отверстие, сообщающееся с верхней комнатой. Мехи работали в соседней квартире, а мундштук проходил через стену в печь, с которой рабочий мог общаться через небольшую дверь. Ископаемый кадмийский камень, разбитый на мелкие кусочки, бросали в огонь через отверстие сверху, после чего пламя раздувалось до большей силы, минерал превращался в густой белый пар, и облако огненных искр поднималось через устье печи. Легкие частицы, подобно белым пузырькам или стайкам шерсти, прикреплялись к стенам и сводчатой крыше здания, а более тяжелые, остывая, падали обратно в пламя или рассыпались по полу, где впитывались и образовывали своеобразную инкрустацию. Это более грубое и весомое вещество обычно содержало волосы, щепки и частицы земли и получило название сподион, а то, что отделялось от стен или крыши, было молочно-белым или лазурным и представляло собой то, что мы сейчас называем цветами цинка.

Другой способ изготовления этого изделия заключался в том, что ископаемое Cadmia, измельченное в порошок, бросали на поверхность жидкого металла в бронзовых печах, которые вызывали подобное испарение. Сподион также получали из золота, серебра и свинца, и после вышеперечисленных способов последний считался лучшим.

Недалеко от деревни Амиантос находился знаменитый асбестовый карьер, продукция которого, сероватый волокнистый камень, чесалась как шерсть, прялась и ткалась в ткань^[2172], которая, когда загрязнялась, бросалась в огонь, а не стиралась, и выходила блестящей и чистой, как со станка, хотя при каждом горении она теряла часть своего веса. В древности в асбестовых плащах сжигали тела королей и выдающихся личностей, чтобы их

останки не смешивались с пеплом костра.^[2173] Из этого вещества также делали спички, особенно для тех долговечных светильников, которые язычники зажигали в гробницах,^[2174] и предполагали, что они будут гореть вечно. Другие карьеры асбеста были найдены на Кипросе, в основном у подножия обрывов, граничащих с дорогой, ведущей из Герандии в Соли.

На острове Сифнос было найдено ископаемое вещество, обычно шарообразной формы, которое вычерпывали и превращали в различные изделия, такие как вазы, тарелки и даже горшки, способные выдержать огонь. При растирании с маслом и воздействии воздуха оно становилось черным и твердым и напоминало тончайшую керамику:^[2175] Подобные камни в наше время привозят с острова Менорка.^[2176]

Два вида лекарственной земли, одна белая, другая пепельного цвета, были получены из Эретрии, в Эвбее.^[2177] Хиос, также, экспортировал белую землю, используемую в косметике и в банях.^[2178] С незапамятных времен греки, кажется, получали с острова Закинф^[2179] смолу, пропитанную битумным ароматом. В древности она была найдена в бассейне, около семидесяти футов в окружности и очень большой глубины, расположенном в небольшой долине на берегу моря, почти окруженной горами. Смола поднималась со дна в пузырьках размером с пушечное ядро по прозрачной воде, а достигнув поверхности, растекалась по водоему своеобразной пленкой. Ее вытягивали миртовыми ветками, прикрепленными к концу шеста, и укладывали в ямы для застывания, после чего разливали по бочкам и отправляли на экспорт. Сейчас оно продается по цене около двух шиллингов за бочку.

Среди лекарственных растений и веществ, производимых на греческих островах, были аргол,^[2180] анис,^[2181] германдер,^[2182] болиголов,^[2183] чемерица,^[2184] и диттани, найденные главным образом на Крите;^[2185] вместе с омелой, семена которой^[2186] сшибали и взбивали в пасту; иссоп,^[2187] киперус комозус, произрастающий на Кикладах,^[2188] из которого также экспортировался превосходный мед^[2189]; майоран,^[2190] скаммония, зеленый теребинт; смола с Кипра,^[2191] алоэ с Андроса,^[2192] аспалатос с Нисироса, Крита и Родоса;^[2193] полынь или сесели^[2194] и лук^[2195] с Самофракии, острова, сильно страдающего от ветров; origаны с Тенедоса; с Хиоса болиголов^[2196] и мастика,^[2197] которую турецкие дамы постоянно жуют, чтобы их дыхание было сладким, а зубы белыми;^[2198] Хиос, также как Кос и Крит, поставлял также трагориганон.^[2199] Только на последнем из упомянутых островов произрастала идейская брамбра, цветы которой использовались в средствах от офтальмии.^[2200] Жители Родоса получали из египетской, или фараоновой, смоковницы лекарственную камедь, считавшуюся средством от укусов змей.^[2201] Ранней весной, до появления плодов, они слегка оббивали кору камнем, из которого со всех сторон вытекала жидкость, которая, собранная с помощью шерсти или губки, застывала, превращалась в небольшие круглые лепешки и хранилась в глиняных вазах.^[2202]

Еще более любопытным был способ сбора ладанума,^[2203] лучший сорт которого, похоже, был найден на Кипре,^[2204] . Весной его обнаружили на листьях одного из видов костуса, которым с удовольствием питались козы. Когда они паслись среди растений, жвачка прилипала к их бородам и длинным волосам на ногах, откуда ее удаляли козлы, которые растапливали и процеживали ее, как мед, после чего скатывали в шарики и продавали торговцам. Иногда, однако, через кустарники перекидывали несколько шнуров, на которых собиралась жвачка.

Помимо всего вышеперечисленного, острова поставляли множество других товаров, таких как лук,^[2205] из которых лучшие поставлялись с Кипра и Корсиры;^[2206] бобы с Лемноса;^[2207] с Родоса ампелиты,^[2208] смола,^[2209] лучший белый прозрачный клей,^[2210] изюм,^[2211] мел,^[2212] рожковое дерево,^[2213] сушеный инжир, который навевал приятные сны,^[2214] превосходная

афира^[2215] и капустное семя, которая пользовалась большим спросом в Александрии,^[2216] миндаль с Наксоса и Кипра,^[2217] откуда также привозили лучшие гранаты,^[2218] горчицу,^[2219] и превосходные листья салата^[2220], выращиваемые в окрестностях Пафоса.^[2221]

Лесбос^[2222] производит миртовые ягоды и фиги; Кос и Кипрос^[2223] экспортируют душистые приправы^[2224] и мед;^[2225] Скирос - пестрые мраморы;^[2226] Сеос - груши и служебные ягоды;^[2227] Эвбея, овцы,^[2228] груши,^[2229] блестящие яблоки,^[2230] оливки,^[2231] грецкие орехи, ореховое дерево,^[2232] низший вид сделки,^[2233] мрамор,^[2234] железо, фагрои, анчоусы, тюрбо и подошвы;^[2235] Тера, пестрые одежды;^[2236] Хиос, мягкие кровати и большие бочки или кувшины;^[2237] Крит, кипарисовое дерево,^[2238] кипрские фиги,^[2239] болиголов,^[2240] мед,^[2241] и пчелиный воск,^[2242] который был выбелен в лучах солнца и луны. Эти товары также поставлял Кипрос;^[2243], который также экспортировал богатые цветущие или пестрые вещи,^[2244] подушки из триклинии,^[2245] скатерти,^[2246] паклю,^[2247] бронзовые сосуды,^[2248] гвозди,^[2249] и др. Улитки,^[2250] которые составляли важную статью медицинской аптечки древних, экспортировались с Хиоса и Астипалеи,^[2251] небольшого острова среди Спорад,^[2252] который также занимался значительным рыболовством,^[2253] и мог похвастаться отличной породой лошадей.^[2254] Тасос поставлял скульпторам Греции прекрасный белый мрамор, из которого были сделаны две знаменитые статуи императора Адриана в Афинах.^[2255] Мрамор Хиоса был мертвенно-черным, как камень обсидиан, и слегка прозрачным.

Керинтос в Эвбее поставлял своего рода легкую сухую землю,^[2256] использовавшуюся для сохранения кукурузы в зернохранилищах. Мальта снабжала праздных и роскошных дам Греции домашними собаками.^[2257] Скиатос славился своими кефальями; Мелос экспортировал детей;^[2258] Наксос и Скирос - молочных коз и омаров;^[2259] Лерос - морских птиц; Самос - павлинов; Кипрос - волосатых овец^[2260] и голубей.^[2261] Среди диких и почти недоступных скал современного Крита обитает вид голубого соловья,^[2262] по размерам несколько уступающий дрозду, на которого он похож богатством и разнообразием своих нот. Эту птицу часто ловят и держат в клетках, где ее иногда учат подражать человеческому голосу. Иногда она становится предметом торговли и экспортируется в Италию; но если древние торговали этими птицами, то отрывок, в котором это упоминается, от меня ускользнул. На том же острове обитает изящный вид меропса, который стаями носится по склонам тимьяновых гор в погоне за пчелами, облюбовавшими эти благоухающие места. Он имеет богатое и пестрое оперение, как у паррокета. Дети берут его очень изобретательным способом: продев кривую булавку с тонкой ниткой через жесткий корсет цикады, они отпускают насекомое, которое, закрепившись, взлетает в воздух. Меропс, смелый и прожорливый, тут же набрасывается на него и пожирает, когда булавка вонзается в горло, птица становится крючком, как рыба, и ее легко спускают и забирают.

Следующей отраслью греческой торговли, требующей нашего внимания, была торговля со странами Адриатического моря, Италией, Сицилией, Сардинией, Галлией и Испанией. Эта торговля в большинстве случаев была более позднего происхождения, чем та, что велась с регионами, лежащими более на Востоке, но, тем не менее, со временем приобрела значительную важность, особенно после того, как эллинские колонии в Италии и Сицилии достигли значительного расцвета. Кроме того, города, основанные на побережье Иллирии, оказывали значительное влияние на торговлю Греции, прививая грубым туземцам вкус к ее продуктам и изделиям и побуждая их к более активным действиям, чтобы поставлять соответствующие товары в свою очередь. Тем не менее, сведения, которыми мы располагаем по этому вопросу, крайне скудны.

Амбарные птицы этих регионов^[2263], хотя и уступали греческим и были меньшего размера, все же экспортировались туда просто потому, что были иностранными, в то время как

местные жители, напротив, стремились обогатить свою страну аттическими породами. Дикая репа и пастернак,^[2264] как отмечали древние, росли в Далмации;^[2265] но поскольку они в изобилии произрастают в большинстве других стран, то, судя по этому частному упоминанию о них, можно сделать вывод, что они были экспортированы. Лучшие ирисы, пахучие корни которых часто использовались для изготовления духов, привозили из внутренних районов Иллирии,^[2267] где, выкопав и очистив от листьев, их нанизывали на льняной шнур и сушили в тени.

Из этой же страны получали аспалатос^[2268] и дикий спикенард,^[2269] чьи листья напоминали листья плюща, но были несколько меньше и круглее. Вина Адриатического побережья не пользовались большим спросом. То, что называлось плетутским^[2270], было легким и ароматным, а потому обманывало тех, кто его пил, будучи сильно пьянящим и возбуждающим. Вина Истрии отличались тем же характером.

Из города Аполлония^[2271] вывозили вещество, называемое писсасфальтос,^[2272] спускавшееся по реке с Кераунских гор и находимое в больших кусках на берегу. Оно источало смешанный запах смолы и битума. Большое количество соли^[2273] производилось в другой части Иллирии, где весной брали воду из ручья, вытекавшего из расщелины в скале, и выливали ее в неглубокие ямы, открытые, очевидно, солнцу и воздуху, где она примерно через пять дней затвердевала в соль. Бобы из Аполлонии славилась тем, что долго хранились.^[2274] Другими иллирийскими товарами были рабы, ампелиты,^[2275] скот и шкуры, за которые туземцы получали взамен вино, масло и другие продукты цивилизованных стран.^[2276]

Вина древней Италии, составлявшие важную статью в торговле этой страны,^[2277] настолько хорошо знакомы большинству людей, что достаточно будет перечислить лишь основные из них, такие как фалернское, кекубское,^[2278] альбанское, суррентинское, брундизийское и антейское, турийское вино.^[2279] Лекарственных трав и веществ Италия экспортировала значительное количество, и среди них были иссоп,^[2280] мелилот,^[2281] из страны вокруг Нолы, дикий спитенард,^[2282] медуница,^[2283] культивируемая в окрестностях Равенны, и кельтский спикенард с Лигурийских Альп,^[2284] который держали связанным в горсти, вместе с корнями. В прошлом веке огромное количество этого продукта, до шестидесяти тонн в год, экспортировалось отсюда во внутренние районы Африки, такие как Эфиопия и Абиссиния,^[2285] где он использовался главным образом для смягчения и придания блеска коже. Еще одним экспортом Италии был лигурийский цельнолистник,^[2286] с высоких и возвышенных вершин Апеннин, где он произрастал главным образом по краям водотоков.

В этом же горном районе обитал вид улитки^[2287], которая зимой покрывалась раковиной и, по-видимому, употреблялась в пищу и использовалась в качестве лекарства.

Во многих районах Италии до сих пор используют улиток с той же целью, выкапывая их из земли железным инструментом. Древние держали для еды прирученных улиток, которых они откармливали смесью муки и сладкого вина.^[2288] Во Франции их до сих пор кормят виноградными листьями^[2289] в клетках, где они достигают огромных размеров. Знатоки улиток находят большие различия в их мясе в зависимости от растений и деревьев, на которых они пасутся. Те, что прикрепляются к растению полыни, горькие, а те, что встречаются среди каламинта, пеннирояла и ориганы, обладают чрезвычайно приятным вкусом.

Среди деликатесов Италии, наиболее известных древним и, несомненно, экспортируемых, были грибы,^[2290] из которых до сих пор производят несколько превосходных сортов; особенно те, которые тосканцы называют Приньоли и Порчини, которые, будучи сваренными, а затем обсыпанными мукой и обжаренными, очень пикантны.^[2291] Настоящие Порчини солят и хранят с особой тщательностью, чтобы есть во время Великого поста и других постов.

В Неаполитанском королевстве найдены камни^[2292], которые, будучи погружены в землю, покрыты тонким слоем земли и орошены теплой водой, производят грибы через четыре дня. Эти камни хранятся как в Риме, так и в Неаполе в погребах для производства грибов. Иногда, однако, подобные ухищрения оказываются фатальными. В одном монастыре во Франции, где монахини выращивали грибы на горячей подстилке в подвале, шумные выхлопы уничтожили нескольких человек, посланных вниз для их сбора.^[2293]

Мы видели, что тисовое дерево в Аркадии широко использовалось краснодеревщиками; но итальянский тис^[2294] упоминается греческими ботаниками только за его необычные и вредные свойства, поскольку птицы, по их сведениям, которые ели его ягоды, чернели, а люди страдали от неприятных болезней. Вокруг этого галльского растения воображение соткало ткань ужасов, почти равную той, которую современные времена навевают на урас; ведь сон или даже лежание под его сенью, как предполагалось, вызывали опасные болезни, а иногда и смерть.

Растение с самыми смертоносными свойствами, известное древним, в изобилии произрастало в горах Вестини, соседей сабинов.^[2295] По своей природе оно было идентично понтийскому, и о его действии рассказывают много необычных обстоятельств. Считалось, что одно лишь прикосновение к нему способно усыпить бдительность скорпиона, который вновь обретал активность, если его приводили в соприкосновение с чемерицей. Ее использовали охотники для уничтожения диких зверей, а также врачи для различных целей. В настоящее время он, по-видимому, встречается главным образом в недрах Ретийских Альп, откуда переходит в Папские государства и Неаполитанское королевство, в обеих этих странах существует особый класс людей, единственным занятием которых является истребление волков, и которые раньше открыто продавали этот яд на мосту Сант-Анджело в Риме.^[2296]

Среди других экспортных товаров Италии можно перечислить минтюрнских кальмаров,^[2297] которые по размерам превосходили смирнских, и александрийских омаров: янтарь, а также уголь, шахты которого, как говорят, были в Лигурии,^[2298] попадали в торговые каналы. Янтарь из По существовал только в мифологии.^[2299]

Калабрия поставляла смолу,^[2300] и бронзу из Темессы;^[2301] Этрурия - смолу,^[2302] фигурное золото, пластины и изделия из бронзы,^[2303] Турий, гипс и вино;^[2304] Тарентум - тонкие ткани, похожие на марлю; Италия,^[2305] в целом, крупы и соленая говядина,^[2306] сывороточные камни, воск,^[2307] и адарсы, используемые в качестве дентифриционного средства;^[2308] Альгидум, прозрачная редька;^[2309] Апулия, каппарис;^[2310] Кампания, пшеница, из которой делали лучшую кашу, зеа и паникадила.^[2311] Северная Италия, изобилующая лесами, разводила огромные стада свиней, которых кормили желудями, так что Рим почти полностью снабжался оттуда свининой и беконом.^[2312] Кроме того, он экспортировал просо, смолу,^[2313] очень тонкую шерсть из окрестностей Мутины и берегов Скултенны,^[2314] длинную грубую шерсть из Лигурии и страны симбров,^[2315] со средним сортом из окрестностей Падуи, из которой изготавливали плащи, ковры и несколько сортов лохматой ткани.^[2316]

В этой части Италии также производилось огромное количество вина, которое жители складывали в туннели размером с жилой дом.^[2317] В стране Верчелли издревле разрабатывались золотые прииски.^[2318]

Главными предметами экспорта Сицилии были пшеница,^[2319] из которой самая лучшая и чистая поступала из окрестностей Агригентума;^[2320] сыр,^[2321] который, похоже, производился во всех частях острова, по крайней мере, еще во времена Полифема; свиньи,^[2322] голуби и горлицы,^[2323] чьим главным пристанищем был храм Афродиты^[2324] на горе Эрикс; пестрые

одежды,^[2325] дорогая мебель, особенно тарелки и подушки,^[2326] и великолепно выкованные колесницы.^[2327] Сицилийский шафран,^[2328] выращиваемый в окрестностях Центурии, был низкого качества, но, тем не менее, кажется, был импортирован в Италию,^[2329] где, как предполагается, применялся для окраски кедровых балок, используемых при строительстве храмов.

Мед с горы Хибла,^[2330] прославленный во всей античности, был еще одним важным предметом торговли, как и адрианский и мамертинский, в частности.

Среди наиболее известных растений Сицилии - майоран,^[2331] и кактус, который употребляли в пищу как в свежем, так и в маринованном виде.^[2332]

Из окрестностей Тетраса добывали камень, который при горении становился светлым и пористым и напоминал пемзу.^[2333]

У Эринейского мыса в большом количестве был найден вид струи, которая при горении издавала битумный запах.^[2334]

Сицилия также экспортировала соль,^[2335] изумруды,^[2336] ляпис спекулярис,^[2337] и агаты.^[2338] Обильные запасы кораллов добывались в море у мыса Пачинос, близ Сиракуз,^[2339] и из агригентума, жидкого битума, который плавал на чистой поверхности фонтанов и сжигался вместо масла в лампах, а потому некоторые называли его сицилийским маслом.^[2340] На острове также были найдены яды большой силы. Среди любимых блюд древних были миноги и угри фара Мессины,^[2341] брюшки тонкотелок, пойманных у мыса Пачинос,^[2342] улитки,^[2343] и устрицы с мыса Пелорос.^[2344]

Острова Липари экспортировали серу,^[2345] квасцы,^[2346] красноперку, пемзу,^[2347] крабов,^[2348] и анчоусы,^[2349] Корсика - древесину^[2350] превосходного качества; Сардиния - сердолики,^[2351] улитки,^[2352] соленая провизия,^[2353] воск,^[2354] и мед, который, хотя и горький, потому что пчелы там питаются полынью, много используется в косметике. На этом острове также произрастала сеселия,^[2355] сок которой, добытый из корня, ставили густеть в тени, потому что под солнцем он полностью испарялся. Он считался средством от зубной боли. Люди, занятые его сбором, старались помазать бороду и ноздри маслом розы, чтобы избежать болей и головокружений, которые в противном случае могли бы быть вызваны его выделениями. С маленького острова Эльба вывозили железную руду и драгоценный камень, богато усыпанный блестящими цветами.^[2356]

С Галлией Греция не вела большой торговли. Из немногих товаров, которые она получала оттуда, были окорока, считавшиеся одними из лучших в древнем мире,^[2357] смола,^[2358] лиственница, смола,^[2359] шерсть; французская лаванда, с острова Гиерес; полынь из Ксантаонга;^[2360] сесели, ^[2361] точильные камни, называемые пассерами,^[2362] и карбункулы из Марселя, которые так высоко ценились, что камень очень маленького размера продавался за пятьдесят кусков золота.^[2363] В окрестностях Рускино^[2364] в некоторых песчаных лагунах у моря ловили очень мелкую кефаль. В Аквитании добывали золото, в Бельгии - белый камень (*pierre franche*), который распиливался на плитки легче, чем дерево, и использовался для мозаики.^[2365]

Продукция Испании и Португалии была богаче и разнообразнее: мериносовые бараны^[2366] для разведения, оцененные в двести сорок фунтов, ввозились оттуда в Грецию вместе с

шерстью самого лучшего качества.^[2367] В более ранний период для экспорта производились превосходные ткани.^[2368] Льняные изделия Эмпории и Сальтиэти долго оставались знаменитыми.^[2369] Кермес^[2370], закупаемый в Испании, был низкого качества, но всегда оставался предметом торговли,^[2371] так же как и квасцы,^[2372] шифер, используемый в медицине, колесный камень,^[2373] ляпис спекулярис,^[2374] сори,^[2375] сурик,^[2376] и пальмати, круглые камешки с фигуркой пальмы, найденные около Мунды.^[2377]

Киноварь^[2378] этой страны была искусственной,^[2379] и производилась из смеси определенной руды и аргентинного песка, который, будучи брошенным в печи, приобретал самый блестящий и похожий на пламя цвет. В шахтах эта руда выделяла столь ядовитый пар, что для защиты от него рабочие закрывали лица масками из прозрачных пузырей, которые одновременно защищали глаза и не позволяли вдыхать его, пока их собственное дыхание несколько не утихомиривало его. Этот пигмент использовался художниками при написании самых дорогих и великолепных фресок.

Часто отмечалось, что Испания^[2380] была для древнего мира тем же, чем Перу и Мексика впоследствии были для Испании. Золото и серебро изобиловало почти по всей территории страны. Постоянно работающие шахтеры были многочисленны; реки и горные потоки скатывали золотые пески, и часто после наводнений среди скал и камней обнаруживались крупинки этого драгоценного металла, сверкающие и переливающиеся.^[2381] Серебра было так много, что туземцы использовали его в самых обычных целях, а финикийцы и греки, впервые коснувшиеся этого берега, не только нагружали им свои корабли, но и выбрасывали якоря и снабжали их массой серебра.^[2382]

Большая и богатая провинция Бетика, ныне Андалусия, поставляла в древний мир множество ценных товаров, среди которых были пшеница,^[2383] вино,^[2384] масло,^[2385] пчелиный воск, мед, смола,^[2386] кермес,^[2387] вермильон, не уступающий синопскому,^[2388] каменная соль и превосходная соленая рыба.^[2389] Говорят, что тонконогие жители этой части Испании откармливались, как стада диких свиней,^[2390] на крупных желудях карликового дуба, который в изобилии рос вдоль побережья и опускал свои плоды в море. Отсюда же добывали многочисленные виды моллюсков, среди которых были конхи огромных размеров.^[2391] Конгеры и мурены также достигали необычайных размеров, некоторые из них весили не менее восемнадцати мин, в то время как полипы встречались весом в целый талант, а каракатицы - в ярд длиной.^[2392]

Спартиум, или испанский веник, используемый в основном для изготовления канатов^[2393] и тросов, рос в основном^[2394] на высоких и засушливых равнинах Валентии и Каталонии, через которые проходила большая дорога из Италии.^[2395] Кроме того, Испания экспортировала кумин, а также дикуую ракету,^[2396] которая росла в основном на берегах Атлантики.^[2397] Семена этого растения туземцы заменяли горчицей. Фактически, мы видим, что среди древних было принято использовать семена ракиты для приправы к блюдам; а чтобы сохранить их для постоянного использования, они разводили их молоком или уксусом до состояния пасты, которую превращали в круглые лепешки и выкладывали, когда они высыхали.

2110. Athen. vii. 9.

2111. Афины. i. 55. Poll. vi. 16. Etym. Mag. 686. 30, seq. Schol. Аристоф. Eq. 107.

2112. Bœckh. Pub. Econ. of Athens, i. 134.

2113. Douglas, Essay on the Modern Greeks, p. 140.

2114. Plut. de Anim. Tranquil. § 10. Dioscor. v. 11. Vib. Sequest. p. 32, ed. Oberlin.
2115. Plin. Nat. Hist. xiv. 2. Synes. Epist. 147.
2116. Κατορχίτης или Συκίτης. Dioscor. v. 41.
2117. Афины. vii. 67. x. 37, 40. i. 52. Florent. ap. Geopon. viii. 23. 1. Theoph. de Odoribus, § 51. Plin. Nat. Hist. xiv. 9.
2118. Theoph. Hist. Plant. ix. 18. 11.
2119. Athen. vii. 13. Andocid. adv. Alcib. § 11.
2120. Athen. x. 56.
2121. Berytius, ap. Geopon. viii. 24. Катон, de Re Rustica, 112.
2122. Ирод. v. 31.
2123. Афины. iii. 77.
2124. Id. ii. 74. Вид масла, называемый βομβοία на острове Кипрос. Hesych. v. Βομβοία.
2125. Athen. ii. 48.
2126. Schol. Аристоф. Acharn. 192. 643. Plin. Nat. Hist. xxxiv. 27.
2127. Athen. xiv. 57. Plin. Nat. Hist. xv. 24.
2128. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 47.
2129. Athen. iii. 9.
2130. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 28. 29. 43. Бондельмонт. § 34. Strab. x. 5. t. ii. p. 390. Dapper, Description des Iles de l'Archipel. p. 260, seq. Steph. Byzant. de Urb. v. Μάρπησσα. p. 537. с. Chandler, i. 295.
2131. Tournefort, Voyages, i. 238, seq.
2132. Dioscor. v. 119. Plin. Nat. Hist. xxxiv. 30.
2133. Theoph. de Lapid. § 35.
2134. Schol. ad Æschin. Timarch. p. 381. Schol. Aristoph. Lysist. 150, 735. Poll. vii. 74.
2135. Dioscor. iv. 157. Sibthorp, Flora Græca, tab. 287. См. описание растения в Tournefort, t. iii. p. 298, sqq. Theoph. Hist. Plant. ix. 8. 3.
2136. Dioscor. v. 129.
2137. Dioscor. v. 124. Plin. Nat. Hist. xxxv. "Le soufre de Milo est parfaitement beau, et a un petit œil verdâtre et luisant, qui le faisoit préférer par les anciens à celui d'Italie: on trouve ce soufre en cette isle par gros morceaux en creusant la terre, et par grosses veines dans les carrières d'où l'on tire les meules de moulin." Tournefort, Voyage du Levant. i. 187. Буондельмонти дает следующее описание серы Нисиропа: "Circa medium (insulæ) mons erigitur altissimus, quo in summitate per subterraneos meatus sulphureus ignis die ac nocte eructat in altum, ut in insula Stronguli apud Liparum habetur. In descensu vero montis, ad jactum lapidis, fons calidissimus emanat in imum,

et in plano circa lacum profundissimumque obscurum aquæ descendunt; ibique colentes quantitatem maximam sulphuris mercatoribus præparant." § 17. p. 76, seq.

2138. Dioscor. v. 123.

2139. Theoph. de Lapid. § Пемзовые камни в настоящее время в большом количестве находят на берегах Троады, куда, как полагает Чандлер, они были принесены волнами с горы Итна или Везувия, хотя, судя по всему, их постоянно поставляют вулканические острова Архипелага. Путешествия, i. 26.

2140. Theoph. de Lapid. § 21. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 42. Этот остров также поставлял грекам отличные жернова Eustath. ad Dion. Perieg. 526, и пурпурную рыбу. Steph. de Urb. p. 594. с. Suid. v. Νίσυρος t. ii. p. 234. d. Eustath. ad Il. β. t. i. p. 241.

2141. Strab. ix. t. i. p. 667. Dion. Chrysost. Orat. lxxx. p. 664.

2142. Strab. x. ii. p. 684. Casaub. Coronelli, Mem. de la Morée, p. 208, seq.

2143. Celsus, v. 19. 7.

2144. Steph. Визант. в. Χαλκίς .

2145. Овидий. Metamorph. vii. 463. Plin. Nat. Hist. xxxv. 16. Tournefort, i. p. 172. Strab. x. 5. t. ii. p. 386. Poll. x. 135. vii. 39. Зороастр, ap. Geopon. vii. 6. 11.

2146. "Morning Chronicle", July 17, 1838, p. 3. Цицерон, pro Muren. 36. Plin. Nat. Hist. xxxv. 48. 46.

2147. Plin. Nat. Hist. xxviii. 53. 77. xxxi. 46.

2148. Dioscor. v. 173. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 40.

2149. Ἡ δὲ Λημνία γεωμμένη γῆ, ἔστιν ἐκ τινος ὑπονόμου, ἀνθρώδους, ἀναφερομένη ἀπὸ Λήμνου τῆς νήσου, ἐχούσης ἐλώδη τόπου, καὶ κεῖθεν ἐκλέγεται καὶ μίγνυται αἵματι αἱ γείω ἣν οἱ ἐκεῖ ἄνθρωποι ἀναπλάσσοντες καὶ σφραγίζοντες εἰκόνι αἱ γὸς, σφραγίδα καλοῦσιν αἱ γὸς. Dioscor. v. 113.

2150. Theoph. de Lapid. § 52. Florent. ap. Geopon. x. 90. 1. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 14. Salmas. ad Solin. p. 1156.

2151. Dapper, Description des Iles de l'Archipel. p. 245. На острове Сеа были обычные ямы, откуда добывали лучший реддл. То, что находили в железных рудниках, считалось низшим сортом. Теоф. де Лapid. § 52.

2152. Cp. Busbeq. Epist. iii. p. 214, seq.

2153. Διφρυγὲς, Dioscor. v. 120.

2154. Cp. Iorio, Storia del Commercio, t. iv. l. ii. c. vi. p. 249. Meurs. Cypr. ii. 2. p. 84.

2155. Plin. Nat. Hist. xxxiv. 22.

2156. Dioscor. v. 84.

2157. Χαλκίτις. Foës. Œconom. Hippocrat. p. 405. Aristot. Hist. Животные. v. 19.

2158. Μίσου. Dioscor. v. 117. Plin. Nat. Hist. xxxiv. 31. Орибас. Collect. l. xiii.

2159. Dioscor. v. 119.

2160. Μελαντήρια. Dioscor. v. 118.
2161. Theoph. de Lapid. § 55.
2162. Dioscor. v. 104. Plin. Nat. Hist. xxxiii. 29.
2163. Dioscor. v. 84.
2164. Meurs. Кипр, ii. 4. p. 91.
2165. Dioscor. v. 124. Plin. Nat. Hist. xxxi. 39.
2166. Meurs. Cyprus, ii. 5. p. 93.
2167. Плин. Nat. Hist. xxxvii. 54.
2168. Id. xxxvi. 39.
2169. Meurs. Кипр. ii. 5. p. 94.
2170. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 39. 45.
2171. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 15. Μαρбод. Carm. de Gem. cap. i. Plut. Demet. § 21.
2172. Dioscor. v. 156. Plin. Nat. Hist. xix. 4.
2173. Dapper, Description des Iles de l'Archipel. p. 52.
2174. Valmont de Bomare, v. Amiante. t. i. p. 144.
2175. Теоф. де Лapid. § 42. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 44. Исидор. Orig. xvi. 4. Tournefort, i. 209.
2176. Сэр Джон Хилл, Заметки о Теофрасте, с. 180.
2177. Диоскор. v. 171.
2178. Plin. xxxv. 56. Dioscor. v. 174.
2179. Herod. iv. 195. Диоскор. i. 99. Чандлер, ii. 340. Leontinus, ap. Geopon. xv. 8. 1. Plin. Nat. Hist. xxxv. 51. Vitruv. viii. 3. Dr. Wordsworth's Greece, p. 287.
2180. Φύκος Θαλασσίον. Dioscor. iv. 100.
2181. Диоскор. iii. 65. Plin. Nat. Hist. xx. 73.
2182. Σκορδίον. Dioscor. iii. 125.
2183. Dioscor. iv. 79. Plin. Nat. Hist. xxv. 95.
2184. Дeмeт. Constantinop. de Cur. Accipit. c. clxxviii.
2185. Dioscor. iii. 39. Plin. Nat. Hist. xxv. 53. Theoph. Hist. Plant. ix. 16. 3. Florent. ap. Geopon. xiii. 8. 8. Apuleius, de Virtut. Herb. cap. lxii.
2186. Theoph. Hist. Plant. ix. i. 3.
2187. Florent. ap. Geopon. vi. 8. 1.
2188. Τὸ δὲ χρῖσμα τὸ Ἑρετρικὸν ἐκ τοῦ κυπείρου- κομίζεται δὲ ἀπὸ τῶν Κυκλάδων τὸ κύπειρον. Theophrast. de Odor. § 28. Dioscor. i. 4.

2189. Dioscor. ii. 101.
2190. Σαμψύκον. Диоскор. iii. 47. Геопон. xi. 27.
2191. Plin. Nat. Hist. xxiv. 22.
2192. Dioscor. iii. 25. Sibthorp, Flor. Græc. tab. 341.
2193. Prosper. Alpin. de Medicor. Ægypt. iv. 10. p. 296. Диоскор. i. 19.
2194. Πευκέδανος. Dioscor. iii. 92.
2195. Афины. i. 49. x. 18.
2196. Диоскор. iv. 79.
2197. В прошлом веке двадцать одна деревня была занята выращиванием чечевицы, из которой добывают камедь, сверля летом стволы маленьким острым железом. Чандлер, Путешествия, i. 60.
2198. Hazelquist, Travels, p. 297. Plin. Nat. Hist. xii. 36; xxiv. 74. Диоскор. i. 90.
2199. Theoph. Hist. Plant. ix. 1. Диоскор. iii. 35. Плин. xix. 68.
2200. Диоскор. iv. 38.
2201. Id. i. 181.
2202. Id. ibid.
2203. Cp. Chandler, i. 284.
2204. Dioscor. i. 128. Plin. Nat. Hist. xii. 37. Турнефор, изображающий плеть из многочисленных ремешков, используемых для сбора ладана, описывает одну из местностей, где его добывают, и способ его сбора. "Отойдя от берега моря, мы находимся на холмах, покрытых мелкими древовидными деревьями, которые дают ладан. Это происходило в сильную жару, и не было никакой вентиляции: такое расположение времени необходимо для сбора ладана. Sept ou huit paysans en chemise et en caleçon, rouloient leurs fouets sur ces plantes: à force de les secouer et de les frotter sur les feuilles de cet arbuste, leurs courroyes se chargeoient d'une espèce de glu odoriférante, attachedée sur les feuilles; c'est une partie du suc nourricier de la plante, lequel transude au travers de la tissure de ces feuilles comme une sueur grasse, dont les gouttes sont luisantes, et aussi claires que la térébenthine. Lorsque les fouets sont bien chargez de cette graisse on en ratisse les courroyes avec un couteau, et l'on met en pains ce que l'on eu détache: c'est ce que nous recevons sous le nom de ladanum." Voyage du Levant, t. i. p. 88.
2205. Лукиан. Dial. Meret. xiv. Sibthorp. Flor. Græc. tab. 326. Dioscor. ii. 181.
2206. Plin. Nat. Hist. xix. 32. Кипрос также славился своим чесноком. Теоф. Hist. Plant. vii. 4. 11.
2207. Athen. ix. 2.
2208. Strab. vii. 5. t. ii. p. 106.
2209. Didymus, ap. Geopon. vi. 5. 1.
2210. Диоскор. iii. 101.

2211. Афины. i. 49.
2212. Plin. Nat. Hist. xxiv. 1.
2213. Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 4. Диоскор. iii. 101.
2214. Афины. iii. 19.
2215. Афины. vii. 24.
2216. Id. ix. 9. Ср. Demosth. cont. Dionysod. § 1, о торговле между этим островом и Египтом.
2217. Athen. ii. 39. Ammon. v. ἀμυγδαλή, p. 12.
2218. Меры. Кипр, ii. 4. p. 89.
2219. Poll. vi. 67. Афины. i. 49.
2220. Columell. de Re Rust. xi. 3. p. 454.
2221. Мерс. Кипр, ii. 4. p. 89.
2222. Афины. xiv. 67.
2223. Athen. xv. 39. На Кипре из энантата, который в Греции был непахучим, изготовляли тонкие духи: αἴτη δ' ἐν Κύπρῳ φύεται ὀρεινή καὶ πολυόδμος- ἀπὸ δὲ τῆς ἐν τῇ Ἑλλάδι οὐ γίνεται διὰ τὸ ἄοδμον. Theoph. de Odor. § 27. Plin. Nat. Hist. xiii. 2.
2224. Dioscor. i. 70.
2225. Diophan. ap. Geopon. xv. 7. 1. Synes. Epist. 147. Eustath. ad Il. β. 677. ad Dion. Perieg. 530.
2226. Eustath. ad Dion. Perieg. v. 521.
2227. Athen. xiv. 63.
2228. Id. v. 32.
2229. Id. i. 49.
2230. Id. i. 49.
2231. Дикеарх. Stat. Græc. ap. Geograph. Minor, t. ii. p. 19. Plin. iv. 12.
2232. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 7.
2233. Poll. vii. 48. 77. iv. 118.
2234. Eustath. ad Dionys. Perieg. v. 521.
2235. Athen. vii. 30. 45.
2236. Тибулл. Элег. iii. 3. 13.
2237. Athen. i. 49.
2238. Id. i. 49. Лукиан. Ver. Hist. c. ii. § 40. Plin. Nat. Hist. xxiv. 61.
2239. Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 3.

2240. Dioscor. iv. 79. Plin. Nat. Hist. xxv. 95.

2241. Пэшлы, Путешествия, i. 228.

2242. Диоскор. ii. 105. Plin. Nat. Hist. xxi. 49.

2243. Plin. Nat. Hist. xx. 87. xv. 19. Synes. Epist. 147. Диоскор. i. 182.

2244. Τὸ παραπέτασμα Κύπριον τὸ ποικίλον. Aristoph. ap. Poll. x. 32.

2245. Trebell. Poll. Claud. § 13.

2246. Вописк. Аврелиан. § 12.

2247. Квинт. Curt. ix.

2248. Dioscor. i. 134.

2249. Дамогерон, ап. Георон. x. 64. 4.

2250. Диоскор. ii. 11.

2251. Plin. Nat. Hist. viii. 59. xxx. 11.

2252. Strab. x. 5. t. ii. p. 392. Bentley, Dissert. on Phal. i. 169. 357, sqq. Steph. de Urb. p. 189, b. говорит о нем как об одном из Кикладских островов.

2253. Dapper, Description des Isles de l'Archipel. p. 185.

2254. Ср. Oppian. Syneg. i. 170. где он восхваляет лошадей Крита. В одной из предыдущих глав я рассказывал о породе диких ослов, которые, как говорят, в наши дни водятся на острове Китера или Сериго. Однако Буондельмонти прославляет именно Чериготто за его ослов, § 10. p. 65. Но Бошини, которому, возможно, следует Даппер (Descript. des Isles de l'Archipel. p. 378), возвращает животных на Цериго: "ha gran quantita d'Asini' salvatichi ch' hanno una certa pietra in la testa, che vale contro il mal caduco; e facilita il parto alle donne." L'Arcipelago, p. 6. Venezia, 1658. 4°.

2255. Winkel. Hist. de l'Art. t. i. p. 41.

2256. Theoph. Hist. Plant. viii. 10. 7.

2257. Casaub. ad Theoph. Char. p. 331.

2258. Athen. 1. 6.

2259. Athen. i. 49. vii. 45.

2260. Салиньяк. Итин. Иеросол. т. iv. с. vii.

2261. Athen. xiv. 70. Ἡ Κύπρος Δ' ἔχει πελείας διαφόρους.

2262. Dapper, Description des Isles de l'Archipel. p. 460. Путешественники упоминают о разновидности белого соловья в Абиссинии с хвостом длиной в две ладони. Жером Лобо, Путешествие в Абиссинию, i. 89.

2263. Athen. vii. 23.

2264. Id. ix. 8.

2265. Среди экспортируемого из этой страны золота, найденного в девственном состоянии, у поверхности земли, было одно время: aurum ... invenitur aliquando in summa tellure protinus, rara felicitate: ut nuper in Dalmatia principatu Neronis, singulis diebus etiam quinquagenas libras fundens. Plin. Nat. Hist. xxxiii. 21.

2266. Таким образом, дикая морковь в современное время экспортировалась с Крита в лечебных целях. Проспер. Alpin. de Medicin. Ægypt. iv. 11. p. 306.

2267. Theoph. Hist. Plant. ix. 5. 3. Damogeron, ap. Geopon. vii. 13. 4. Florent. ap. id. vi. 8. 1. Леонтин. ap. id. xi. 21. Plin. Nat. Hist. xxi. 7.

2268. Dioscor. i. 19.

2269. Id. i. 9.

2270. Dioscor. v. 11. Cp. Sarracen. ad loc. p. 105. Plin. Nat. Hist. xiv. 6.

2271. Leontinus, ap. Geopon. xv. 8. 1.

2272. Strab. vii. 5. t. ii. p. 106. Dioscor. i. 100.

2273. Strab. vii. 5. t. ii. p. 108.

2274. Theoph. Hist. Plant. viii. 10. 3. То же качество приписывается бобам цицикоса, id. ib.

2275. Strab. vii. t. i. p. 487.

2276. Id. v. 1. t. i. p. 346.

2277. Лукиан. Navig. seu Vot. § 23. Schol. Aristoph. Nub. 331. Didymus, ap. Geopon. viii. 22. 1.

2278. Plin. Nat. Hist. xiv. 6.

2279. Strab. v. t. i. p. 357. Casaub. Dioscor. v. 10, seq.

2280. Florent. ap. Geopon. vi. 8. 1.

2281. Диоскор. iii. 48.

2282. Id. i. 9.

2283. Ἐρυθρόδανον. Dioscor. iii. 60.

2284. Dioscor. i. 7. Листья этого растения использовались в качестве приманки для рыбы во все времена года. Geopon. xx. 24. 1. Damogeron. ap. id. vii. 13. 4; 24. 4. Florent. ap. id. vi. 8. 1. Columell. de Re Rust. xii. 20.

2285. Hazelquist, Travels, p. 302.

2286. Λιγυστικόν. Dioscor. iii. 58.

2287. Диоскор. ii. 11.

2288. Martin Mathée, Notes sur Dioscoride, p. 118.

2289. Греки на побережье Черного моря до сих пор считают крупную виноградную улитку деликатесом, которым они балуются в основном во время Великого поста. Паллас, Путешествия по Южной России, iv. 247. Эти деликатесы, вероятно, не в сезоне, пока не начнут летать Плеяды и искать тень листьев:

Ἀλλ' ὅπουτ' ἄν φερέοικος ἀπὸ χθονὸς ἀμφυτὰ βαίνει,

Πληϊάδας φεύγων, τότε δὴ σκάφος οὐκέτι οἴνέων.

Гесиод. Opp. et Dies, 571, seq.

2290. Диоскор. iv. 83.

2291. Martin Mathée, Notes sur Dioscoride, p. 385.

2292. Id. ib.

2293. Valmont de Bomare, Dict. d'Hist. Nat. t. ii. p. 594.

2294. Dioscor. iv. 80.

2295. Dioscor. iv. 77, seq.

2296. Martin Mathée, Notes sur Dioscoride, p. 382.

2297. Athen. i. 12.

2298. Теоф. де Лapid. § 16.

2299. Лукиан. de Electro seu Cygnis, § 1.

2300. Dioscor. i. 97.

2301. Гог. Origine des Loix, iv. 223. Hom. Odyss. α. 182, seq. Steph. Byzant. p. 703. d. [Ἐνθαῖ](#)[Ἐνθα](#) ἄριστος γίνεται χαλκὸς, ἣν καὶ τέμψαν ἄχοι τοῦ νῦν οἱ Καλαβροὶ λέγουσι καὶ οἱ βάρβαροι, ὥσπερ αἰδοῦμενοι μεταποιῆσαι, καθ' ὁλοκληρίαν τὴν τοῦ Ὀμήρου φωνήν. Tzetz. Schol. in Lycoph. 854. Strab. vi. t. i. p. 393. Casaub.

2302. Dioscor. i. 92.

2303. Athen. i. 49.

2304. Theoph. de Lapid. § 64.

2305. Лукиан. Dial. Meret. vii. § 2. Calumn. non Tem. Cred. § 16.

2306. Athen. i. 49.

2307. Диоскор. ii. 194.

2308. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 47. xvi. 66.

2309. Id. xix. 26.

2310. Диоскор. ii. 166.

2311. Strab. v. t. i. p. 372. Kacaб. Plin. Nat. Hist. xviii. 11.

2312. Αἱ ὕλαι τοσαύτην ἔχουσι βάλανον, ὥστ' ἐκ τῶν ἐντεῦθεν ὑοφορβίων ἡ Ῥώμη τρέφεται τὸ πλεόν. Strab. v. 1. t. i. p. 352. Из других частей Италии были получены аналогичные поставки. "Лес Лукании, в желудях которого откармливались большие стада диких свиней, давал в качестве дани обильные запасы дешевого и полезного мяса. В течение пяти месяцев в году бедным гражданам регулярно раздавали бекон, а годовое потребление столицы, в то время, когда оно значительно уменьшилось от своего прежнего блеска, было определено, согласно эдикту Валентиниана Третьего, в три миллиона шестьсот двадцать восемь тысяч фунтов". Гиббон, Упадок и падение Римской империи, т. 281.

2313. Dioscor. i. 97.

2314. Strab. v. 1. t. i. 352. Plin. Nat. Hist. viii. 7. Columell. de Re Rust. vii. 2. Марциал. xiv. 155.

2315. Strab. v. 1. t. i. p. 352.

2316. Id. v. 1. t. i. p. 353.

2317. Id. v. 1. t. i. p. 352.

2318. Id. v. 1. t. i. p. 353.

2319. Ирод. vii. 158. Thucyd. iii. 86. Iorio, Storia del Commercio, t. iv. 1. ii. c. iii. p. 229. Demosth. cont. Dionysod. § 3. Theoph. Hist. Plant. viii. 6. 6.

2320. Theoph. Hist. Plant. viii. 4. 6.

2321. Athen. xiv. 76. i. 49. Schol. Аристоф. Ran. 838. Pac. 249.

2322. Athen. i. 49.

2323. Casaub. ad Theoph. Char. p. 167.

2324. Larcher, Mem. sur Venus, p. 187.

2325. Athen. xiv. 76.

2326. Id. ii. 29, seq.

2327. Id. i. 49.

2328. Florent. ap. Geopon. vi. 8. 1.

2329. Диоскор. i. 25.

2330. Диофан. ап. Георон. xv. 7. 1. Диоскор. ii. 101. Клувер. Sicil. Antiq. i. 11. Sil. Ital. xiv. 200. Varro, de Re Rust. iii. 16. 14.

2331. Dioscor. iii. 47.

2332. Theoph. Hist. Plant. vi. 4. 10. Афины. ii.

2333. Theoph. de Lapid. § 15.

2334. Id. ib.

2335. Dioscor. v. 126.

2336. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 18.

2337. Id. xxxvi. 45.

2338. Этот камень, по-видимому, получил свое название от сицилийской реки: Καλὸς δὲ λίθος καὶ ὁ ἀχάτης ὁ ἀπὸ τοῦ Ἀχάτου ποταμοῦ τοῦ ἐν Σικελίᾳ, καὶ πωλεῖται τίμιος. Theoph. de Lapid. § 31. Cp. Vib. Sequest. p. 3. Oberlin.

Cernitur egregius lapis hic, cui nomen *achates*:

Hoc dederat fluvius cujus generatur ad undas:

Hanc simulacra vides venis ostendere gemmam.

Присциан. Perieg. 502, sqq.

2339. Dioscor. v. 139. О Коралле современной Сицилии см. Spallanzani, Travels, Introduction, vol. i. p. 36. Cp. Theoph. Hist. Plant. iv. 7. 3.

2340. Dioscor. i. 99.

2341. Афины. i. 6. vii. 53.

2342. Id. iii. 85.

2343. Диоскор. ii. 18.

2344. Афины. i. 6. iii. 44.

2345. Диоскор. v. 124.

2346. Dioscor. v. 123. Strab. vi. 2. t. ii. p. 39. По предположению Спалланцани, квасцы, добытые древними на Липари, были продукцией соседнего острова Вулкано. В противном случае жила должна быть утеряна, поскольку, хотя он обошел каждый фут острова, он нашел только некоторые следы или эффоресценции ее. Путешествия по двум Сицилиям, iv. 118. Dolomieu, Voyage aux Iles de Lipari. p. 78.

2347. Спалланцани, ii. 298.

2348. Афины. iii. 64.

2349. Id. i. 6.

2350. Theoph. Hist. Plant. v. 8. 2.

2351. Theoph. de Lapid. § 23.

2352. Диоскор. ii. 11.

2353. Poll. vi. 48.

2354. Dydim. ap. Geopon. vi. 5. 8.

2355. Dioscor. iii. 92.

2356. Strab. v. 2. t. i. p. 361. Plin. Nat. Hist. iii. 12. xxxiv. 41. Vict. Var. Lect. xix. 10.

2357. Athen. xiv. 75.

2358. Id. v. 40.

2359. Dioscor. i. 92.
2360. Id. iii. 28.
2361. Id. iii. 60.
2362. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 47.
2363. Theoph. de Lapid. § 18.
2364. Strab. iv. 1. t. i. p. 292.
2365. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 44.
2366. Strab. iii. t. i. p. 213. Casaub. Plin. Nat. Hist. viii. 49. Diod. Sicul. v.
2367. Plin. Nat. Hist. viii. 48.
2368. Strab. iii. t. i. p. 213. Casaub.
2369. Strab. iii. t. i. p. 213. Casaub. Sil. Italic. iii. 373.
2370. Dioscor. iv. 48. Plin. Nat. Hist. ix. 65.
2371. D. Juan Pablo Canàls y Martí, sob. la Purp. de los Antig. c. v.
2372. Dioscor. v. 123. См. Don Guil. Bowles, Introd. à la Hist. Nat. &c., de Espag. p. 39. Dillon, Trav. through Spain. 220. D. J. P. Canàls y Martí, c. viii.
2373. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 47.
2374. Id. xxxvi. 45.
2375. Dioscor. v. 119.
2376. Id. v. 109.
2377. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 29.
2378. Иногда, однако, минерал, по-видимому, был найден в естественном состоянии: κιννάβαρι ... εὕρισκεσθαι ὑπὸ τῶν Ἰβήρων ὁμοῦ τῷ χρυσῷ λέγεται. Pausan. viii. 39. 6.
2379. Theoph. de Lapid. § 58. D. J. P. Canàls y Martí, cap. vi.
2380. Cp. Diodor. Sicul. v. 36, seq. t. i. p. 359. Wesseling. Iorio, Storia del Commercio, t. v. 1. ii. c. vii. seq. p. 254, sqq.
2381. Καταφέρουσι δὲ οἱ ποταμοὶ καὶ οἱ χεῖμαρροι τὴν χρυσίτην ἄμμον, πολλαχοῦ καὶ ἐν τοῖς ἄνυδροις τόποις οὔσαν, κ. τ. λ. Strab. iii. t. i. p. 216. Casaub. Plin. Nat. Hist. xxxiii. 4.
2382. Cp. Plin. Nat. Hist. xxxiii. 31.
2383. Plin. Nat. Hist. xvii. 3.
2384. Id. xiv. 6.
2385. Лукиан. Navig. § 23. Damogeron, ap. Geopon. ix. 26. Plin. Nat. Hist. xv. 2.
2386. Plin. Nat. Hist. xiv. 20.

2387. Strab. iii. t. i. p. 212, seq. Casaub. Plin. Nat. Hist. ix. 41. xvi. 8. Iorio, Storia del Commercio, t. iv. 1. ii. c. x. p. 269.

2388. Justin. xlv. 1. Plin. Nat. Hist. xxxiii. 7. Vitruv. vii. 8.

2389. Лукиан. Navig. § 23. Athen. iii. 84. Poll. Ономаст. vi. 48.

2390. Strab. iii. t. i. p. 215. Casaub. Athen. vii. 14.

2391. Strab. iii. t. i. p. 215. Касaub.

2392. Id. ib.

2393. Athen. v. 40.

2394. Сейчас его можно встретить в садах на берегу Кадисского залива. "*Spartium Junceum* (испанский веник) демонстрировал свои восхитительные цветы через стену сада, которая была выше головы человека. Это растение можно обнаружить на большом расстоянии по его прекрасному запаху". Осбек, Путешествие в Китай, i. 81.

2395. Strab. iii. 4. t. i. p. 275.

2396. Диоскор. ii. 69.

2397. Id. iii. 170.

ГЛАВА XIII.

ЭКСПОРТ ИЗ АФРИКИ И ВОСТОКА.

Окинув быстрым взглядом основные предметы, естественные или искусственные, которые торговля получала из Европы и Малой Азии, мы перейдем к Африке, чтобы, насколько это возможно, выяснить, какой вклад внесла эта часть света в торговлю древности. Затем мы проследуем через Египет в Сирию и Аравию, а оттуда в Персию, Индию и более отдаленные регионы Азии, которыми мы и завершим наше знакомство с торговлей греков.

Многочисленные товары высочайшей ценности с ранних времен получали из Африки;^[2398] как золото в слитках и золотая пыль, слоновая кость,^[2399] блоки черного дерева и черные рабы.^[2400] Древние заметили, что кусок зеленого черного дерева, помещенный у разожженного огня и потертый о камень, приобрел красноватый цвет.^[2401] В некоторых частях страны слоновьи зубы были в таком изобилии, что самые хлева для скота были обнесены частоколом из слоновой кости;^[2402] а подарок эфиопов персидскому царю^[2403] состоял из двенадцати слоновьих зубов, двухсот блоков черного дерева, пяти черных рабов и большого количества некованого золота.^[2404] Из этой страны вывозили лен или льняное полотно, лекарственные корни, духи и ароматические пряности.^[2405]

По сведениям, сообщенным Геродоту карфагенянами, на маленьком острове Керкенна в древности было озеро, из которого молодые женщины черпали золотую пыль пучками перьев.^[2406] Африка также поставляла квасцы,^[2407] соль,^[2408] камень сори,^[2409] киноварь,^[2410] гексеконталитой,^[2411] кровавые камни, орлиные камни, черные пальматиты и магниты.^[2412] Говорят, что в древности даже алмазы получали из некоторых шахт в Эфиопии, расположенных между храмом Гермеса и островом Мероэ.^[2413]

Пурпур, соперничающий с тирским,^[2414] получали из рыбы, пойманной на северном побережье. Оттуда же получали кермес^[2415] и страусовые перья, которыми иногда украшали гребни шлемов. Обезьяны^[2416] обычно привозились из Африки, вместе с эфиопскими овцами, разнообразностью птицы,^[2417] и различными видами саранчи^[2418], которая, поедаемая только жителями, фигурировала среди лекарственных средств греков. Высушенные и сожженные, их дым вдыхали при некоторых заболеваниях, а измельченные в порошок, они пились в Риме как средство от укуса скорпиона.^[2419]

Плиты цитронового дерева, используемые в основном для изготовления столов, похоже, были получены исключительно из этой части света,^[2420] где также производились различные виды прекрасных мраморов. Прекрасные карбункулы для печатей были получены из окрестностей Карфагена,^[2421] как и изумруд и бастард с небольшого острова Котон, расположенного напротив этого побережья.

Аммиачная камедь выделяется в виде млечного сока^[2422] из умбеллиферового растения, растущего в пустыне возле оракула Юпитера Аммона, а также на границах Кирены, откуда она, по-видимому, в основном и экспортировалась.^[2423]

В той же стране рос сильфион,^[2424] который, по преданию, не был коренным жителем этой местности, а впервые появился внезапно после сильной бури.^[2425] Если мы можем полагаться на эту связь, то должны предположить, что семена были занесены сюда ветрами, вероятно, из какой-то внутренней части страны. И корень, и сок экспортировались, иногда с примесью бобовых цветов или камеди сагапенум. Мармарика поставляла чрезвычайно резкий вид каппариса,^[2426] который также был найден на берегах Красного моря. Дикая спаржа обильно цвела в этой стране и достигала большой высоты.^[2427]

Из Киренаики привозили низкий сорт шафрана,^[2428] с трюфелями очень тонкого вкуса,^[2429] некоторые из них были красноватого оттенка,^[2430] лучшую белую чемерицу,^[2431] heraclean all-heal,^[2432] трава алиссон из Африки вообще,^[2433] с камедью-ладаном,^[2434] оливковое масло,^[2435] корни ириса,^[2436] и ягоды теребинта.^[2437] В стране троглодитов, на западе Красного моря, были рощи мирровых деревьев, камедь которых была бледно-зеленого цвета, перламутровая и с жгучим вкусом.^[2438]

Эвфорбиум,^[2439] получивший свое название от Эвфорбия, врача царя Джубы, который открыл достоинства его сока, встречается на горе Атлас и в большинстве районов северной Африки. При добыче этого вещества они расстилали вокруг кустарника несколько овечьих шкур, которые затем издали протыкали дротиками или копьями, чтобы избежать проникновения ядовитых паров, которые выдыхались из него при первом соприкосновении с воздухом. По словам одного из современных путешественников, такая же мера предосторожности практикуется до сих пор.

Карфаген торговал всеми продуктами древнего мира, поэтому его экспорт был многочисленным, и среди них были великолепные гобелены и богато украшенные подушки.^[2440] Из той же части Африки экспортировали превосходный вид улиток.^[2441] Лошади, шкуры,^[2442] и окорока, выделанные особым способом, поставлялись из Кирены,^[2443] вместе с лучшей приправой из роз.^[2444] Эта страна также славилась своими ароматными фиалками и цветами шафрана.^[2445] Рога орикса экспортировались в Финикию, где использовались для строительства стен кифары.^[2446] Сцинк, чья плоть использовалась в качестве противоядия и афродизиака, экспортировался из окрестностей горы Атлас, где он достигал длины четырех футов с половиной.^[2447] Карфагеняне, плававшие вдоль западного берега Африки к золотому

побережью, торговали с туземцами без личного общения. Высадившись с кораблей, они выкладывали на землю некоторое количество товаров и уходили на борт, где разжигали большие костры, чтобы дым возвещал об их приходе; после этого туземцы подходили и выкладывали рядом то, что, по их мнению, составляло стоимость изделий в золоте. Если то, что они приносили, удовлетворяло карфагенян, они забирали золото и оставляли товар; если нет - оставляли все; тогда туземцы добавляли еще некоторое количество драгоценного металла, пока чужеземцы не были удовлетворены.^[2448] Подобные правила соблюдаются маврами при торговле с неграми в различных частях этого континента.

Почти на всем побережье северной Африки процветало лotosовое дерево, плоды которого составляли основное пропитание некоторых туземцев, которые также делали из него вино, которое нельзя было экспортировать, так как оно прокисло через три дня. В питательности этого фрукта убедилась армия Офеллы,^[2449] которая, отправившись через пустыню, чтобы напасть на карфагенян, была вынуждена питаться им в течение нескольких дней. Она размером с белую вишню и соломенного цвета, за исключением стороны, расположенной ближе к солнцу, которая имеет румяный румянец: говорят, что лучшие из них не имеют косточек, но те, которые производятся в Саиде, имеют очень крупные. Завезли ли его в Англию, я не знаю; сам я, однако, сделал попытку в горшках, поставленных в теплой комнате; но в первую же морозную ночь осени растения погибли полностью, вместе со всеми шелковыми деревьями, которые я посадил в то же время. Из той же части страны было получено растение лотос, используемое в косметике и медицине.^[2450]

Из Египта, который мы будем рассматривать отдельно от остальной Африки, наиболее ценным экспортом, несомненно, были пшеница^[2451] и рис,^[2452] после которых в более поздние века следует перечислить вина озера Мареотис,^[2453] и нескольких городов вдоль Нила. Семена горькой капусты из Египта^[2454] экспортировались для использования в медицине. Майоран, также был получен из этой страны,^[2455] вместе с душистым камышом;^[2456] инулу ползучую,^[2457] полынь крушиновидную,^[2458] арисарон,^[2459] чеснок,^[2460] акакалис, или ягоды определенного кустарника, используемого в средствах против офтальмии,^[2461] миробаланы,^[2462] амомум,^[2463] тмин,^[2464] камедь-акация, прозрачная как стекло,^[2465] и листья и цветы восточной прививки.^[2466]

Возможно, что чувствительное растение было завезено в Грецию из Египта, поскольку эта страна является родиной всех представителей племени акаций, к которому принадлежит чувствительное растение; и мы находим, что оно в изобилии произрастало в окрестностях Мемфиса.^[2467] Семена и цветы тамариска использовались в медицине,^[2468] а из его древесины делали чаши, которые, как предполагалось, придавали целебную силу всему, что из них пили.

Из укропа,^[2469] который экспортировался из Египта и других стран, делали духи, которые должны были смягчать остроту головной боли. Другие виды духов^[2470] также производились в этой стране,^[2471] из которых основными можно считать так называемый метопион, состоящий в основном из гальбанума,^[2472] и благовония из лилий.^[2473]

Египет также экспортировал бумагу,^[2474] паруса, любопытные кованые льняные нагрудники,^[2475] льняные^[2476] и хлопковые^[2477] ткани, кувшины,^[2478] соль, омары, канопические мускулы, уши Венеры,^[2479] шэд,^[2480] финики, горчица,^[2481] уксус,^[2482] пальмовое вино,^[2483] и соленая провизия.^[2484] Сцинк, или сухопутный крокодил, также поставлялся из Египта.^[2485] Александрийские петухи, которые, по-видимому, высоко ценились, несомненно, экспортировались.^[2486] Египетское масло воняло, потому что при его изготовлении не использовалась соль.^[2487] На полях Египта в период затопления в большом изобилии

встречался лотос нимфея с его белым цветком, который, как говорили, оставался открытым, пока солнце стояло над горизонтом, но закрывался с наступлением сумерек и погружал всю голову под воду, где оставался скрытым до восхода солнца, когда поднимался и распускал свои лепестки на рассвете. Корни этого растения, размером с айву, а по вкусу напоминающие желток яйца, когда их варили, египтяне, которые из его семян делали также своего рода хлеб.^[2488]

Среди минералов и драгоценных камней, добываемых в этой стране, были сори,^[2489] кровавый камень,^[2490] изумруд,^[2491] и карбункул. Лазурит производился в Египте,^[2492] секрет подражания природе в производстве этого вещества был открыт одним из царей. В окрестностях Мемфиса была найдена пестрая галька, которую, разбив и измельчив в порошок, использовали хирурги, когда собирались применить нож или каутерию, чтобы притупить чувство боли, что происходило совершенно без опасности.^[2493]

Морохтос,^[2494] также использовавшийся в медицине, был разновидностью египетской глины, применявшейся для отбеливания льна. Из Эфиопии пришел камень тиит,^[2495] который, хотя и был зеленым, как яшма, но при погружении в воду приобретал цвет молока, что делало его лекарством от офтальмии. Нитра^[2496] из Египта превосходила лидийскую.^[2497] Алоэ, а также^[2498] и мелкий песок для гимназий поставлялись из этой страны.^[2499] Лучшая обожженная медь экспортировалась из Египта, где ее готовили следующим образом в окрестностях Мемфиса.^[2500] Взяв несколько медных гвоздей с кораблей, истлевших и развалившихся на куски, их складывали в необожженные кувшины, чередуя со слоями земли и серы равного веса, которые, хорошо замазав, помещали в раскаленные печи, где их держали, пока кувшины не запекались окончательно. Вместо соли и серы иногда заменяли квасцы.

Другие, не добавляя ни одного из этих веществ, обжигали гвозди в течение нескольких дней; четвертый способ заключался в том, чтобы предварительно обмазать их смесью квасцов, уксуса и серы, а затем обжечь их в незапеченных банках. Прокаленная таким образом медь приобретала красный цвет и, растолченная в фиванских ступах и многократно промытая дождевой водой, напоминала киноварь или сурик.^[2501] Обычно врачи хранили ее в коробках из бронзы. Мраморы Египта, использовавшиеся древними художниками, были, как правило, зеленым и красным порфиром.^[2502] Всевозможные стеклянные сосуды, как известно, экспортировались из Александрии.^[2503]

В торговле древней Сирии одним из основных товаров были финики,^[2504] высушенные обычным способом или спрессованные и сформованные в квадратные массы. Инжир,^[2505] а также чернослив,^[2506] и грецкие орехи,^[2507] и гранаты,^[2508] и яблоки, и орехи,^[2509] и миндаль,^[2510] поступали из этих мест. Что касается экспорта Финикии, то здесь мы можем сказать лишь немного, поскольку она собрала богатства всего древнего мира, которые затем распределила в соответствии со вкусами и желаниями различных стран. Так, мы видим, что из Египта в Тир везли тонкий лен с вышивкой, который использовался для парусов на галерах; голубой и пурпурный цвет из Эгеиды; серебро, железо, олово и свинец,^[2511] из Киликии; рабов и медные сосуды из Явана, Тубала и Мешеа; лошади и мулы из Курддистана; слоновая кость и черное дерево с берегов Персидского залива; изумруды, пурпур и парчовые изделия, тонкий лен, кораллы и агаты из Сирии; пшеница из Миннита и Паннага, мед, масло и бальзамы из Иудеи; белая шерсть и вино Гельбон из Дамаска. Из Тира вывозили чистое железо, кассию и аир; Аравия поставляла ей ягнят, баранов и козлов, пряности, драгоценные камни и золото, голубые ткани и парчовые изделия, сундуки с богатой одеждой, связанные шнурами и сделанные из кедра.^[2512]

Из этой страны впервые была получена кожа Марокко, которая представляет собой не что иное, как козью шкуру, дубленную корой гранатового дерева.^[2513] Ладан^[2514], хранящийся в огромных количествах в морских портах Сирии для доставки во все страны на берегах Средиземного моря, не был порождением этой страны и будет описан в другом месте; но различные другие пахучие вещества, будь то камеди, масла или благовония, были продуктом их земли.^[2515]

Среди них был гилеадский бальзам,^[2516] который выделялся из дерева, первоначально привезенного из Аравии Феликсом. Сады, которых было два,^[2517] в которых выращивали бальзам, располагались в долине Иерихона, с обеих сторон окаймленной непрерывными грядами высоких гор,^[2518] и были небольших размеров, а больший не превышал двадцати акров. Само дерево, которое в настоящее время произрастает в некоторых регионах Востока, напоминало по размерам гранат, раскинув многочисленные ветви и покрывшись вечнозеленой листвой, по форме напоминающей листья руты, но более светлого цвета. Его плоды напоминали ягоды теребинта и по цвету, и по размеру. Камедь, за которую только и ценится это растение, производится в крайне малых количествах, но источает самый восхитительный запах.

В старину ее собирали в самую сильную жару, когда, сделав надрез железными когтями в верхней части ствола, бальзам вытекал медленно, так что за целый день едва успевал наполнить одну раковину, что особенно наблюдалось во время визита Александра в эту долину. Урожай большого сада за весь год не превышал шести чоу, меньшего - одного чоу. Бальзам, когда он выходил из дерева, был жидким, несколько напоминающим молоко по цвету, и по консистенции напоминал масло. Иногда его собирали на отарах шерсти и выдавливали в небольшие рожки, откуда переливали в фитильные вазы. Это вещество было настолько ароматным, что мельчайшая частица благоухала на значительном расстоянии. Сейчас его редко можно встретить в Европе без примесей. Помпей нес бальзамное дерево во время своего триумфа в Риме, а Веспасиан после этого привез другой образец в Италию.^[2519]

Сирийский костус занимал третье место в оценке древних, а высшие сорта подделывались корнями вида инулы, растущей в районе Комагены.^[2520] Другим сирийским экспортом был гальбанум^[2521], который, похоже, производился только в этой стране; еще одно растение - вейк-робин,^[2522] корни которого ели как пастернак, а листья солили и использовали для приправы к блюдам. По-видимому, это было одно из растений, составлявших гирлянду Офелии, на которую королева ссылается в следующих словах:

Там с фантастическими гирляндами она пришла,
Из вороньих цветов, крапивы, маргариток и *длинных пурпуров*,
Которым либеральные пастухи дают более грубое название,
Но наши холодные девы называют их пальцами мертвецов.

Из корней вейк-робина итальянки делали средство для умывания, которое под названием "герса" делало их кожу светлой и сияющей.^[2523] Из Сирии вывозилось множество других лекарств, растений и веществ, среди которых были киперус комозус,^[2524] горный спикенард,^[2525] кардамон из района Комагены,^[2526] и аспалатос,^[2527] используемый для

загущения приправ; крокомагма, вид духов,^[2528] эллеомель,^[2529] сладкое масло, получаемое из ствола дерева близ Пальмиры, камедь-стиракс, добываемая особенно в окрестностях Габалы и Маратоса, из которой приготавлилась дорогая мазь, используемая в медицине и называемая стирацином,^[2530] ягода-теребинт,^[2531] фисташковые орехи,^[2532] гингидион,^[2533] южное дерево,^[2534] корень анчуса,^[2535] сизон, вид пряности,^[2536] сильфион,^[2537] магадарис,^[2538] *paraver spinosum*,^[2539] листья которого сушат в полухолодной печи, а затем толкут для получения сока; самый ароматный вид лилий,^[2540] андросас, средство от подагры,^[2541] сурепка из Галилеи,^[2542] и ягоды дикой лозы, которые хранились в неглазурованных кувшинах.^[2543]

Аир и камыш, встречающиеся во многих других странах, по-видимому, были наиболее ароматными в Палестине, где они росли в застойных водах среди болот, граничащих с Геннисаретским озером.^[2544] Эти болота, летом сухие, занимали пространство около четырех миль в длину, которое, по-видимому, издревле было густо заросло тростником и камышом. От зеленых растений не исходило никакого благоухания, но когда их срубали и раскладывали сушиться на солнце, от них исходил тонкий аромат, пропитывавший весь воздух, и, как утверждали некоторые баснописцы, его могли уловить мореплаватели, приближавшиеся к берегу на расстояние более ста пятидесяти стадий.^[2545]

Славились антиохийские огурцы.^[2546] Из Сирии получали лучшее теребиновое дерево, чернее черного дерева, из которого делали рукоятки кинжалов и чаши,^[2547] а также искусственный гипс, получаемый путем обжига камней паргета.^[2548] Вблизи Селевкии находились шахты земли, называемой ампелитом,^[2549] из которой самой превосходной была черная, похожая на смолу; мелкий уголь, смешанный с маслом, использовался для чернения бровей и окрашивания волос. Люди также смазывали им стебли виноградных лоз, чтобы защитить их от нападения насекомых.

Лучший битум^[2550] получали из окрестностей Мертвого моря в Палестине, иногда его подмешивали к смоле.^[2551] В Иудее также был найден необычный камень, названный Плинием и греческими врачами лейколитос, величиной с желудь, молочно-белого цвета и отмеченный рядом параллельных полос, правильных, как будто сделанных на токарном станке. Растертый в порошок, он был выставлен в качестве лекарства.^[2552]

Товары, поставляемые в торговлю Аравийским полуостровом,^[2553] были скорее любопытными и ценными, чем многочисленными.^[2554] Среди них одним из самых необычных был белый и прозрачный драгоценный камень, в поисках которого они отправлялись в пустыню в полночь, когда камень был обнаружен благодаря своей яркости, отражающей среди пальм и песчаных бугров отблеск луны, несколько фаз которой он должен был имитировать по форме, будучи временами круглым, а временами полукруглым. По этой причине он получил название афроселенон или лунный камень.^[2555] Из-за веры в его скрытые достоинства женщины носили его на шее в качестве амулета против чародейства. Его также вешали на деревья, чтобы увеличить их плодovitость. Орлиные камни^[2556] также были продукцией Аравии, вместе с некоторыми мелкими белыми камнями, которые при прокаливании использовались в качестве дентрификата.^[2557]

Отсюда же получали красивый диафановый мрамор, похожий на фенгит, который, будучи распилен на тонкие пластинки, служил вместо стекла для оконных стекол.^[2558] У некоторых островов на побережье Аравии, в Персидском заливе, находился жемчужный промысел, который, хотя и уступал по ценности и известности Серендибу, все же снабжал Грецию и весь западный мир большим количеством жемчуга.^[2559]

Равнины Аравийских пустошей во все века периодически покрывались лесами пальм. Поэтому финики с древнейших времен были одним из предметов экспорта полуострова. Способ восхождения на деревья в сезон сбора плодов в древности был во многом таким же, как и в наши дни. Человек, которому предстояло взобраться на дерево, делал с помощью веревки петлю, охватывающую и его собственное тело, и дерево, которая, искривляясь по мере подъема, позволяла ему отдыхать через определенные промежутки времени.^[2560]

Но песчаная и засушливая почва, почти постоянно подвергающаяся палящему солнцу, прежде всего радует колючими кустарниками и деревьями, чьи камедь и смола, благодаря сочетанию достоинств климата и земли, почти все ароматны и целебны.^[2561] Из них некоторые используются до сих пор, а другие исчезли из торговли или известны под другими названиями. Среди последних был канкамон, сильно пахнущая камедь, используемая врачами, введенная в производство пахучих приправ и смешанная с миртом и стираксом для ароматизации одежды.^[2562] Среди первых были ладан,^[2563] мирра и ладан,^[2564] о котором древние натуралисты оставили нам интересный рассказ. По их словам, они производились на территории сабейцев около Мамали, Ситибаины и Адрамитты, ныне Хадрамаут. Ладанное и мирровое деревья росли частично на горах, частично на частных участках у корней, где их возделывали, а остальные, видимо, были предоставлены надзору природы. Говорят, что излюбленные хребты, украшенные этими ароматическими плантациями, были очень высокими, покрытыми лесом и занесенными снегом, а с их склонов и вершин стекали многочисленные ручьи на равнины.

Дерево^[2565], производящее эту ценнейшую камедь, не достигает большой высоты, иногда не выше семи-восьми футов, но выбрасывает очень много ветвей и разрастается вширь. Листья, хотя и более миниатюрная, напоминает по форме листву грушевого дерева, но ее цвет приближается к светлому цвету руты. Кора везде, как на стволе, так и на ветвях, по гладкости напоминает кору лавра. Мирровое дерево еще меньше и больше похоже на кустарник. Его стебель, покрытый гладкой корой, толщиной примерно с человеческую ногу, очень жесткий и скрученный у корня. По характеру листвы его можно сравнить с вязом и багряным дубом - колючий, заостренный, неровный, по краям утыканный шипами.

Мирра бывает разных видов, отличающихся по своим качествам от природы почвы или от способа получения камеди с дерева: некоторые из них густые и тягучие, изобилующие сладким маслом, называемым *stactè*,^[2566] в то время как другие виды легкие, чистые и прозрачные. Похоже, что эти сведения были получены от очевидцев. Некоторые мореплаватели, как нам рассказывают, отплыв от залива Героев, ныне Суэцкого, и прибыв в страну ладана, высадились на берег в поисках воды.^[2567] Во время этой экскурсии они дошли до гор, где наблюдали за внешним видом деревьев и способом сбора камеди. Они рассказали, что в стволе и ветвях были сделаны надрезы, одни большие, как топором, другие поменьше.

Из некоторых из них ладан выливался на землю, в то время как в других частях он выходил медленнее, густея по мере вытекания. Некоторые владельцы расстилали со всех сторон под деревом коврики из пальмовых листьев, которые, таким образом, казались ковром, а другие просто выравнивали землю и подметали ее.^[2568] Ладан, который падал на коврики, был более чистым и прозрачным, чем другой, который обязательно притягивал к себе частицы земли. То, что оставалось прилипшим к деревьям, отрезали ножом, и в этом случае оно иногда содержало небольшие осколки коры. Высшие сорта, как правило, встречались в торговле в виде шара, в который, как говорят, он стекал вначале. По цвету он был белым, невязким, когда его разламывали, и немедленно разгорался при приближении пламени. Привезенный из Индии желтый и синюшный, он был превращен в зерна искусным путем: спрессованный в

массу, он был разрезан на небольшие квадратные кусочки, которые бросали в сосуд и трясли, пока они не приобретали круглую форму.

Тот же наблюдатель утверждал, что вся эта горная местность была поделена между сабеями, которые были владыками этой части страны и отличались справедливостью, поэтому деревья не нуждались в уходе. Далее им сообщили, что мирра и ладан, когда их собирали, доставлялись на верблюдах в Храм Солнца, самое святое место в стране сабеян, и постоянно охранялись вооруженными людьми. Когда драгоценный товар был доставлен туда, каждый человек складывал свое имущество в отдельную кучу, на вершине которой помещалась табличка с указанием веса и стоимости, и передавал ее на попечение храмовых надзирателей.

Когда прибывали купцы, они осматривали таблички и, если их устраивала цена, забирали товар, оставляя на его месте стоимость. Завершив сделку, жрец, по мнению некоторых авторитетов, отчислял треть вырученных денег на служение богам; другие же с большей вероятностью говорят о десятой части, которая, как кажется, повсеместно в древнем мире посвящалась служению религии. Оставшаяся часть хранилась у владельцев до тех пор, пока они не приезжали, чтобы потребовать ее.

Ладан, производимый молодыми деревьями, был бледно-белого цвета, но менее ароматен, чем камедь старых деревьев, имевшая насыщенный желтый цвет. Первая, вероятно, была так называемым амомитом, который, обладая небольшой консистенцией, легко таял от прикосновения руки, как камедь-мастика. По пути в Грецию его часто подделывали с тонкой смолой и обычной камедью; но подделку легко было обнаружить, потому что камедь отказывалась гореть, а смола превращалась в дым, тогда как ладан давал ясное пламя. По мнению многих, лучший сорт был привезен из Аравии, хотя по цвету он уступал продуктам с соседних островов. С естественной историей этого производства связано одно обстоятельство, которое, по-видимому, рассматривалось древними в свете чудачества. На территории храма близ Сардиса^[2569] из земли самопроизвольно вырос [ВИД](#) ладанного дерева с гладкой корой, похожей на лавровую, и с камедью, напоминающей арабские духи.

Говорят, что многочисленные рощи ладанных деревьев, покрывавшие холмы и долины южной Аравии, постоянно выделяя свою сладкую смолу, пропитывали всю атмосферу своим восхитительным ароматом, который, когда бриз дул с суши, разносился на многие лиги от берега. На это Мильтон ссылается в хорошо известных строках:^[2570]

As when to them who sail

За мысом Надежды, а теперь мимо

Мозамбик, в море дуют северо-восточные ветры.

Сабейские запахи с пряного берега

Араби благословенной: с такой задержкой

Они, довольные, сбавили ход, и много лиг

Ободренный благодарным запахом, улыбается старый Океан.

Не стоит считать это просто поэтической фигурой речи. Сэр Томас Герберт,^[2571] плывя вверх по Персидскому заливу по возвращении из Ост-Индии, обнаружил, что атмосфера океана благоухает духами, исходящими от цветов Аравии, и отмечает, что мореплаватели, находясь вне пределов видимости суши, определяли свое местонахождение по преобладанию этих

пахучих ветров. Тот же эффект наблюдался и в других частях света. Пернетти^[2572] рассказывает, что, приближаясь к острову Святой Катарины на бразильском побережье, аромат его душистых трав и цветов можно уловить на расстоянии более трех лиг. В темные ночи или в туманную погоду собаки на борту корабля учуют землю на значительном расстоянии, так что в таких случаях они могут служить вместо телескопа.

Из района Аравии Феликс, как и из Петры в Идумее, получали камедь в шариках, называемую бделлион,^[2573] о которой говорится во второй главе Бытия - "и золото той земли хорошо; там бделлион и камень оникс". Аравия также экспортировала консервированный имбирь,^[2574] хотя, по-видимому, сравнительно поздно. В самой стране они приправляли свои напитки и яства зелеными листьями, как греки обычно делали это с руттой.^[2575]

Среди других экспортных товаров Аравии была кассия^[2576] различного качества, а также корица,^[2577] о сборе которой чужеземцам рассказывали следующее мифологическое повествование. Деревья, дающие эту сладкую и ароматную кору, росли, по их словам, в некой долине, населенной бесчисленными змеями, для защиты от которых те, кто приходил собирать корицу, тщательно закрывали ноги и руки сапогами и перчатками.

Собранную пряность делили на три части, одна из которых принадлежала Солнцу. Чтобы бог не лишился причитающейся ему доли, проводился жребий, и та часть, которая доставалась ему, складывалась в кучу на песке. После этого арабы уходили, но, дойдя до определенного расстояния, обычно возвращались назад, чтобы убедиться, что часть солнца горит и посылает пламя и дым в сторону бога, которому она принадлежала.^[2578] Из этого ясно, что уроженцы Аравийского полуострова уже начали собирать материалы для "Тысячи и одной ночи".

Другим ароматным продуктом этой страны была древесина алоэ,^[2579] которая, по-видимому, в больших количествах попала на запад, вместе с каперсами,^[2580] костусом,^[2581] carobalsamum,^[2582] cardamums,^[2583] aloes,^[2584] gum-ladanum,^[2585] myrobalans,^[2586] terebinth-berries,^[2587] and the odoriferous rush;^[2588] Кожура, о которой мы уже часто упоминали, также была получена из Аравии.^[2589] Бульон из плоти этого животного арабы принимают как афродизиак, а его высушенная и измельченная в порошок плоть все еще экспортировалась во времена Хазельквиста,^[2590] через Александрию в Венецию и Марсель.

Остров Тайлос, ныне Бахрейн, на побережье Лакса, в Персидском заливе, как говорят, давал отличную древесину для строительства кораблей, которые в воде простояли бы до двухсот лет.^[2592] Может быть, это разновидность тика?^[2593] Здесь же, как и на континенте, в большом изобилии произрастало хлопковое дерево, из которого туземцы изготавливали грубую бязь и тонкий муслин. Еще одним продуктом острова было дерево с душистыми цветами, похожими на белую фиалку, но в четыре раза крупнее. Здесь же было найдено другое дерево с листьями, похожими на листья розы, которые, полностью раскрываясь в полдень, сжимались с течением дня и полностью закрывались ночью, когда дерево, по мнению туземцев, спало. То же самое жители Индии в настоящее время говорят о карамболе Аверроа.

Плодородие этого острова можно сравнить с плодородием Тасоса. Здесь в изобилии росли финиковая пальма, виноградная лоза, олива, яблоня, большинство видов орехов, а также фиговые деревья, которые никогда не сбрасывали свою листву. Влаге из облаков не придавалось никакого значения; напротив, когда выпадали ливни, жители старались сразу же оросить свои плантации, как бы смывая дождь. На самом деле они могли обойтись и без этого, благодаря множеству фонтанов и потоков воды, которыми изобиловали эти места.^[2594]

Из Месопотамии, Персии, Армении и прилегающих стран греки получали ряд ценных товаров, о которых древние оставили слишком скудные сведения. Самым любопытным из них, однако, можно назвать нефть, или каменное масло, которое самопроизвольно вытекает из земли в некоторых районах, лежащих между Каспийским и Персидским заливами.^[2595] Самый замечательный из их нефтяных источников был найден в давние времена возле Экбатаны, ныне Хамадан, где Александр был поражен, увидев поток пламени, вечно поднимающийся из земли.

Этот вечный огонь по подземным каналам снабжался нефтью, которая в окрестностях вытекала из почвы и образовывала небольшое озеро. Эта нефть, прозрачная в чистом виде, как нефть, является, пожалуй, самым огнеопасным веществом из всех известных, воспламеняясь от невидимых газов, которые окружают ее значительно раньше, чем она вступит в контакт с огнем. Несколько экспериментов, иллюстрирующих ее свойства, были проведены для развлечения сына Филиппа. Вначале некоторые персы посыпали им улицу, ведущую к царским покоям, а затем, приложив факел к земле в дальнем ее конце, пламя побежало по ней с быстротой мысли, так что в одно мгновение вся улица, казалось, превратилась в огненный канал.

В другой раз некий Афинофан, распутный шут, отказавшийся от сладостей свободы в Афинах, чтобы прислуживать македонскому тирану, находясь вместе со своим господином в бане, посоветовал ему в истинно придворном духе провести жестокий эксперимент с силой нефти на бедном юноше по имени Стефанос, с домашним лицом и комичным выражением лица, но одаренном великолепным голосом, который, по-видимому, развлекал Александра во время купания.

"Испытаем силу этого вещества на Стефаносе? Ведь если она зажжется и ее будет трудно погасить на нем, то ее силу можно будет назвать совершенно странной и неотразимой!"

Юноша с готовностью согласился пойти на риск. Однако, как только его помазали и поднесли к огню, нефть^[2596] мгновенно зажглась, и все его тело было охвачено пламенем, к крайнему недоумению и ужасу Александра. Он бы превратился в пепел, если бы под рукой не оказалось множество людей с сосудами холодной воды для бани, вылив которую на него, они с огромным трудом погасили пламя. Тем не менее он тяжело переживал последствия бесчеловечного любопытства своего королевского господина.^[2597]

Некоторые авторы, желая дать историческое объяснение легендам мифологии, полагают, что золотая корона и вуаль, посланные Медеей Крюсу, которые полностью уничтожили ее в присутствии семьи, были смазаны нефтью;^[2598] поскольку пламя вырвалось не самопроизвольно из украшений, а от огня, горевшего рядом, оно, благодаря тонкой силе, притянуло его семена и разгорелось незаметно.^[2599]

Древние считали, что страна Вавилония насквозь пронизана огненными жилами, которые поддерживают в земле вечное воспаление и производят на поверхности подобие пульсации. По их словам, зерна ячменя, брошенные на землю, подпрыгивали и отскакивали, что, впрочем, можно объяснить и другими причинами. Но жара в этом климате, несомненно, непомерная, и, чтобы смягчить ее, как нам говорят, древние жители привыкли спать на шкурах, наполненных водой. Гарпалос, которого Александр назначил правителем провинции, старался привить там деревья и растения Греции, и преуспел во всем, кроме плюща, который, наслаждаясь холодной почвой, не мог примириться с "нравом этой огненной плесени".

Из Персии была получена камедь с необычайно целебными свойствами, которая по этой причине получила название саркоколлы,^[2601] или клей для плоти, как, также, кермес,^[2602] кардамум,^[2603] фисташковые орехи,^[2604] артишоки,^[2605] амомум,^[2606] болиголов,^[2607] сильфион,^[2608] и лимоны. Персия также экспортировала золотой припой,^[2609] раковины оникса,^[2610] точильные камни,^[2611] и яшму,^[2612] один из видов которой был пересечен белыми прожилками. Амулеты из этого камня часто использовались в заклинаниях. В провинции Бактриана добывали изумруды большой красоты, но небольшого размера для украшения дорогих кубков и кушаков. Они были найдены в песчаной и пустынной местности, той самой, которая, по-видимому, отделяет Хорасан от Балха и Хаваресмии, во время господства этезианских ветров, которые, перемешивая и сдвигая песок, постоянно открывали свежие места, во многих случаях усыпанные драгоценными камнями. Поиски этих изумрудов, тяжелое и трудоемкое занятие, осуществлялись всадниками, которые с помощью стремительной езды могли в короткий срок прочесать пустыню, устремляя свой острый взгляд то туда, то сюда по ходу движения.^[2613]

В районе за Бактрией был найден вид кукурузы, который, несомненно, должен был быть маисом, поскольку зерна, как говорят, были размером с косточку оливы^[2614] и только к маису мы можем применить описание Геродотом пшеницы, найденной в Вавилонии, солома которой была окружена листьями диаметром четыре дюйма, а отдача от двух до трехсот раз. Я полагаю, что в пшенице такой огромный прирост практически невозможен, тогда как от индийской кукурузы можно получить еще больший доход. Одна дама, которую я знал в Фивах, насчитала восемнадцать сотен зерен в одном колосе сирийского маиса, который был, вероятно, не меньше девяти дюймов в окружности; и от такого зерна отдача, упомянутая Геродотом^[2615], вовсе не является экстраординарной.

Упоминаются также просо и сезам из Вавилонии, хотя, вероятно, из-за трудностей с перевозками она экспортировала лишь небольшие количества, чтобы использовать их в качестве семян. Амбарные птицы были завезены в Грецию из Персии и всегда оставались известны под именем медийских птиц.^[2616] Персики, а также различные другие виды фруктов, как мы уже упоминали в книге о сельской жизни, были привезены в Грецию из Персидской империи.

Эта страна также экспортировала масло белых фиалок, используемое в бане, запахом которого наслаждались во время трапез;^[2617] мохнатые зимние плащи, похоже, были получены из северной Персии, вместе с окрашенной кожей,^[2618] напоминающей шагрень и марокко нынешних времен, привезенные частично из Вавилонии, частично из самой Персии, которая также поставляла миру ковры, изысканно пестрящие фигурами животных.^[2619]

Персы также импортировали меха, но, по-видимому, не экспортировали их, поскольку грекам было мало известно об использовании этих изделий.^[2620]

Относительно торговли с Индией представления древних были спутаны, главным образом потому, что различные товары, проходящие через другие страны, часто путали с их местными продуктами. Мы знаем, однако, что из этой богатой страны поступали многие пряности и драгоценные камни, которые были в ходу у греков, - алмаз, рубин, сапфир,^[2621] и лучшие сорта жемчуга,^[2622] самый ароматный спикенард,^[2623] с костусом,^[2624] и амомум,^[2625] и корица,^[2626] и кассия,^[2627] и душистый тростник.^[2628] Оттуда же был получен вид циперуса,^[2629] сок которого был горьким и желтого цвета и, по-видимому, использовался для удаления волос с кожи.

Другим предметом индийского экспорта была кора, называемая наркаптоном,^[2630] которая вместе с древесиной алоэ, добываемой в той же стране, использовалась как благовоние.^[2631] Черный, белый и длинный перец,^[2632] также были среди продуктов Индии, попавших на запад, вместе с сахаром, искусство изготовления и очистки которого, похоже, было известно индусам с самой далекой древности. О белизне индийского сахара, а также о том, что его плавил, можно судить по отрывку из книги Диоскорида, который сравнивает его с солью и говорит, что он легко ломался под зубами.^[2633]

Кроме того, в Индии существовала разновидность мирры, получаемая из колючего кустарника, точное описание которого не приводится.^[2634] Но одним из самых известных ее видов был спикенард, который, как говорят, рос на горе, у подножия которой протекал Ганг. Малабатрон,^[2635] еще один экспорт с Индийского полуострова, из-за сходства запаха некоторые древние путали с листом спикенарда, как, похоже, и современные - с бетелем, или канеллой малабарской (*Canella Silvestris Malabarica*). Но, судя по описанию Диоскорида, это явно не то и не другое; ведь если бетель - паразит, выращиваемый на земле, как виноградная лоза и канелла Сильвестрис, то малабатрон, как нам говорят, был водным растением, плавающим на поверхности озер или морей, без малейшей связи с почвой под ним, как маленькая чечевица на болотах: Собранные листья нанизывали на льняную нить и в таком виде вешали сушиться, после чего их откладывали на экспорт. Иногда, во время летней жары, малабатронные озера пересыхали, и тогда туземцы принимались разбрасывать кучи хвороста по всему их участку и поджигать их, чтобы сгорела вся поверхность земли, без чего, как считалось, растение больше не появится. Среди способов использования малабатрона было подслащение дыхания, для чего лист клали под язык. Брошенный в сундуки или шкафы, он придавал одежде аромат и сохранял ее от моли. Применение дерева алоэ было в чем-то схожим: его держали во рту для услаждения дыхания и посыпали им тело, когда оно превращалось в порошок, для подавления потоотделения.

К продуктам Индии относились грубый сорт бделлиона^[2636] и разновидность личиона.^[2637] С одного из островов на побережье получали драгоценную кору под названием мацер,^[2638] обладающую большой лекарственной ценностью; оттуда же в изобилии вывозили алоэ. Артишок^[2639] в изобилии произрастал на берегах Инда, а также в горах Гиркании и Хаваресмии. Вещество, называемое ониксовой раковиной,^[2640] добывалось из рыбы, похожей на мирекса, и было найдено в некоторых индийских болотах, где, как говорят, процветал один из видов спикенарда. При высыхании воды во время сильной летней жары эти раковины были найдены разбросанными по почве и экспортировались за свои пахучие и лекарственные свойства. Огромная ящерица, называемая сухопутным крокодилом,^[2641] также была перечислена среди товаров Индии. Другими индийскими товарами были тонкие муслины,^[2642] слоновая кость и черепаховый панцирь,^[2643] из Тапробана,^[2644] богатый вид мрамора,^[2645] сталь самого лучшего качества,^[2646] павлины,^[2647] и большая, красивая порода белых быков.^[2648]

Из Индустана вывозили два вида индиго, используемого как в живописи, так и в крашении.^[2649] Говорят, что один из них был естественным продуктом, который выделялся из определенных тростников и затвердевал на солнце, а другой был искусственным, состоящим из вещества, которое прилипало к медным сосудам, в которых мастера красили в синий цвет. Соскоблив его, его предполагалось высушить и ввести в торговлю. Эти рассказы уже были показаны другими авторами как ошибочные, но они доказывают, по крайней мере, что индиго был в обиходе у древних, хотя мы ничего не знаем о том, как его производили и как его выращивали.^[2650]

Хлопковое дерево, по-видимому, выращивалось в Индии^[2651] с самой далекой древности, где туземцы производили из него тончайшие ткани, такие как ситец, ситцы и муслины, считавшиеся даже превосходящими греческие.^[2652]

Еще одним продуктом Восточной Азии, который был завезен в Грецию гораздо раньше, чем принято считать, был шелк,^[2653] о происхождении и естественной истории которого они имели лишь несовершенные и путанные знания. Однако было понятно, что был создан трудом насекомого с восемью ногами, называемого *ser*, размером примерно вдвое больше самого крупного жука. В других отношениях его сравнивали с пауком, который подвешивает свою паутину к сучьям деревьев. Этих насекомых они держали в домах, температура в которых регулировалась в зависимости от смены времен года. Тонкая нить, которую пряд *ser*, была найдена намотанной на его ноги. В течение четырех лет они кормили их листьями обыкновенной паники, но на пятый, поскольку знали, что те больше не проживут, дали им поесть зеленого тростника, который пришелся по вкусу этому существу. Оно питалось им так жадно, что лопнуло само, и в его кишках обнаружилось множество тонких нитей.

Говорят, что страна, где было добыто это вещество, представляла собой нечто вроде дельты, расположенной в глубокой впадине Индийского океана, и была населена смешанной расой, наполовину индийской, наполовину скифской. В этом рассказе есть доля правды, смешанная с большим количеством ошибок. В Китае до сих пор с особой тщательностью следят за температурой в домах, где разводят шелковичных червей, а также удаляют их подальше от всех шумов и неприятных запахов.^[2654] В отношении фигуры и пищи насекомого Павсаний был дезинформирован, хотя он мог бы получить более верные знания, отправившись на остров Сеос, где шелковичный червь водился с незапамятных времен.^[2655]

В более поздние века товары из Индии и Центральной Азии доставлялись в страны Средиземноморья в основном через Аравию и Красное море, но в более ранний период они полностью доставлялись по суше. Точный курс, которым следовали караваны в те далекие времена, точно не описан; но поскольку природа страны всегда оставалась неизменной, можно предположить, что они следовали точно такими же путями, как и в настоящее время. Время от времени некоторые товары из Центральной Азии могли попасть в Грецию через пустыню к северу от Каспия, но более распространенный маршрут пролегал через Хаваресмию и Сирию, откуда они распространялись по остальному западному миру финикийцами.

Продукция Индии, вероятно, перевозилась через Инд в Аттоке,^[2656] а оттуда через один из девяти перевалов в Персию, через Кандагар и Герат, после чего караван попадал на дорогу, ведущую в Сузы,^[2657] Экбатану или Персеполис, в зависимости от того, куда он направлялся - в северную или южную часть Месопотамии. Иногда торговля шла по течению рек, например, вниз по Инду, затем вдоль побережья Персии, вверх по Персидскому заливу и Евфрату или Красному морю. На большинстве упомянутых дорог в те времена, как и сейчас, существовали караван-сарай, где купцам и путешественникам предоставлялись ночлег, вода и топливо, а также полагалось иметь при себе все необходимое. Однако я не намерен подробно останавливаться на этой части темы, поскольку для ее тщательного изучения потребовался бы отдельный том.

2398. Cp. Demosth. adv. Callip. § 2.

2399. Филост. Вит. Софист, ii. 21. § 2. Афины. i. 49.

2400. Ирод, iii. 97.

2401. Диоскор. i. 129.

2402. Plin. Nat. Hist. viii. 10.

2403. Ирод. iii. 97.

2404. Из этой же страны древние получили носорога, а также, несомненно, жирафа, который иногда участвовал в их процессиях. Athen. v. 32. Дидим, однако, полагает, что жираф был привезен из Индии. Ἐγὼ δὲ ἀπὸ τῆς Ἰνδίας ἐνεχθεῖσαν ἐθεασάμην ἐν Ἀντιοχείᾳ καμηλοπάρδαλιν, ap. Geopon. xvi. 22. 9. Agatharchid. ap. Phot. p. 455. b.

2405. Филост. Вит. Аполл. Tyan. vi. 2, p. 229.

2406. Ирод, iv. 195.

2407. Диоскор. v. 123.

2408. Ид. v. 126.

2409. Id. v. 119.

2410. Id. v. 109.

2411. Plin. Nat. Hist. xxxvii. 60. Solin. cap. xxxi. Исидор. Orig. xvi. 12.

2412. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 29. 39. 25. Исидор. Orig. xvi. 4. Marbod. de Lapid. cap. xliii.

2413. Plin. Nat. Hist. xxxvii, 15.

2414. Iorio, Storia del Commercio, t. v. 1. ii. c. x. p. 268.

2415. Plin. Nat. Hist. xvi. 12. xxii. 3. Iorio, Storia, &c., t. iv. 1. ii. c. x. p. 269. Полковник Скотт, принявший насекомых за ягоды, дает следующий краткий отчет о сборе и цене кермеса на территории Абд-эль-Кадера: "Большую часть дня мы ехали по бесплодной и гористой стране; но в то же время изобилующей богатствами, поскольку она покрыта растением, *из которого получают кермес*, маленькую ягоду размером с горошину, разделенную на две части, которая дает краску между лазурью и красным, и является предметом значительной торговли, продаваясь по цене от доллара до полутора долларов за фунт в Фесе, в то время как здесь, в мае, который является сезоном для его сбора, его можно приобрести по цене от одного бугу (1s. Но если бы был принят правильный план, который заключается в том, чтобы послать партию, нанимаемую на месяц, с управляющим, который бы руководил их операциями, его можно было бы купить по цене от восьми пенсов до одного шиллинга за фунт, и это стало бы самой прибыльной отраслью торговли." Дневник пребывания в Эсмаиле Абд-эль-Кадера, стр. 88.

2416. Массинисса поинтересовался у некоторых купцов, которые, как он видел, приехали в Африку в поисках обезьян, не рожают ли женщины детей в их стране? Athen. xii. 16. Cp. Plut. Pericl. § 1.

2417. Афины. ст. 32.

2418. Лукиан. Navig. § 23.

2419. Диоскор. ii. 57. В настоящее время в Афганистане цикад шпигуют, жарят и едят. Vigne, Ghuzni, Kabul, &c., p. 99. См. также Hazelquist, p. 230, и Leo Africanus, p. 769.

2420. Plin. Nat. Hist. xiii. 30. Cp. Theoph. Hist. Plant. iv. 1.

2421. Theoph. de Lapid. § 31.

2422. Plin. Nat. Hist. xii. 49. xxiv. 14.

2423. Диоскор. iii. 98.

2424. Некоторые современные авторы предполагают, что это прангус. Vigne, Ghuzni, Kabul, &c., p. 100, seq. Cp. Theoph. Hist. Plant. iv. 3. 1. 5. 2. Athen. vii. 26. Аристоф. Plut. 926. Ав. 534. 1578, 1581. Aristot. Hist. Животные. viii. 29.

2425. В то же время вырос лес из деревьев, ранее неизвестных в этой стране. Theoph. Hist. Plant. iii. 1. 6. Cp. о сильфионе, Schol. Aristoph. Eq. 891. Plin. Nat. Hist. xix. 3. Dioscor. iii. 94. Афины. i. 49. iii. 58. Geopon. v. 48. 5. ii. 37. 1. xiii. 10. 6.

2426. Диоскор. ii. 204.

2427. Athen. ii. 62. Cp. Sibth. Flor. Græc. tab. 337. Dioscor. ii. 152.

2428. Dioscor. i. 25.

2429. Афины. ii. 60. Plin. Nat. Hist. xix. 13.

2430. Диоскор. ii. 200.

2431. Id. iv. 150.

2432. Id. iii. 56.

2433. Диоскор. iv. 180.

2434. Id. i. 128.

2435. Florent. ap. Geopon. ix. 3. 1. Plin. Nat. Hist. xvii. 19.

2436. Dioscor. i. 1.

2437. Id. i. 91.

2438. Id. i. 77.

2439. Id. iii. 96. Cp. Leo. African. p. 770. Plin. Nat. Hist. xxv. 38.

2440. Athen. i. 49.

2441. Диоскор. ii. 11.

2442. Афины. i. 49. iii. 58.

2443. Id. i. 12.

2444. Id. xv. 38. Моховые розы в Кирене славились в древности своим ароматом. Theoph. Hist. Plant, vi. 6. 6.

2445. Id. xv. 29.
2446. Ирод. iv. 192.
2447. Id. ibid. Диоскор. ii. 71.
2448. Herod. iv. 96. Обстоятельства подобного рода описаны Филостратом (Vit. Apoll. Tyar. vi. 2, p. 229) в торговле, которую вели египтяне с жителями Эфиопии.
2449. Theoph. Hist. Plant. iv. 3. 2. Vid. Diod. Sicul. xx. 42. Plut. Dem. § 14. Palmer. Excercitat. p. 594.
2450. Dioscor. iv. 112.
2451. Demosth. cont. Dionysod. § 9. Plut. Pericl. § 37. Athen. ii. 10. 13. Schol. Аристоф. Av. 301. Geopon. iii. 3. 11. Theoph. Hist. Plant. viii. 4. Plin. Nat. Hist. xviii. 12. Cp. Spanh. ad Callim. Hymn in Cerer. 2. t. ii. p. 657.
2452. Athen. iii. 75.
2453. Id. i. 60. Geopon. xx. 15. Strab. xvii. t. ii. p. 1151. Casaub.-Vibius Sequester, p. 24. Virg. Georg. ii. 91. Plin. Nat. Hist. xiv. 3. Исидор. Orig. xvii. 5. Horat. Od. i. 37. 14.
2454. Диоскор. ii. 146.
2455. Id. iii. 47.
2456. Дамогерон, ап. Geopon. vii. 13. 4.
2457. Диоскор. i. 26.
2458. Ид. iii. 27.
2459. Id. ii. 178.
2460. Id. ii. 182. Sibthorp, Flor. Græc. Tab. 313.
2461. Dioscor. i. 118.
2462. Id. iv. 160.
2463. Prosp. Alpin. De Medicin. Ægypt. iv. 10, p. 300, seq.
2464. Dioscor. iii. 68. О тмине из Эфиопии, Id. Theriac. c. xix.
2465. Τὸ δὲ κόμμι τῆς ἀκάνθης διαφέρει τὸ σκωληκοειδὲς ὑελίζον, διαυγὲς, ἄξυλον, εἴτα τὸ λευκόν. Dioscor. i. 133. Theoph. Hist. Plant. vi. 11. 15.
2466. Κύπρος, Dioscor. i. 124.
2467. Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 11.
2468. Диоскор. i. 116.
2469. Ἄνισον. Диоскор. iii. 65.
2470. Афины. xiv. 50.
2471. Филост. Vit. Soph. ii. 21. § 2.

2472. Dioscor. i. 71.

2473. Δοκεῖ δὲ διαφέρειν τὸ ἐν Φοινίκη καὶ ἐν Αἰγύπτῳ γινόμενον ἄριστον δὲ ἐστὶ ν αὐτοῦ, τὸ ὄζον κρίνων. Dioscor. i. 62.

2474. Лукиан. de Syria Dea, § 7. Athen. i. 49. Ἡ βίβλος ψιλὴ ῥαβδος ἐστὶ ν ἐπ' ἄκρου ἔχουσα χαίτην. Ὁ δὲ κύαμος κατὰ πολλὰ μέρη φύλλα καὶ ἄνθη ἐκφέρει, καὶ καρπὸν ὅμοιον τῷ παρ' ἡμῖν κυάμῳ μεγέθει μόνον καὶ γεύσει διαλάττοντα. Strab. xvii. t. ii. p. 1151. Casaub.--Iorio, Storia del Commercio, t. iv. 1. xi. c. xii.

2475. Филост. Vit. Soph. ii. 21. § 2.

2476. Iorio, Storia del Comm. e della Navig. t. iv. 1. ii. c. xiii. p. 275.

2477. Представляется совершенно очевидным, несмотря на аргументы Пальмериуса (Exercitat. in Auct. Græc. p. 17, sqq.), что шерстоносные деревья, описанные Геродотом (iii. 106, cf. ii. 86, vii. 181) и Теофрастом (Hist. Plant. iv. 7. 7), были не чем иным, как многолетними кустами хлопчатника. Пальмериус впал в ошибку, которую он совершил, будучи информированным, что хлопок - однолетнее растение, тогда как, как теперь хорошо известно, существует два вида хлопкового кустарника, один однолетний, другой многолетний, и, очевидно, именно последний процветал в Индии и на острове Тайлос. Поллукс, который говорит о хлопке совершенно определенно, утверждает, что он был произведен в Египте. (Белон (Observat. ii. 6), похоже, полагает, что древние авторы, о которых шла речь выше, говорят о шелковом дереве, которое в наши дни растет на берегах Нила, в Верхнем Египте и Нубии.

2478. Athen. xi. 11.

2479. Fab. Колонна. De Purpur. xviii. 3. Athen. iii. 40.

2480. Σιλούρος, Рахамус, ap. Geopon. xiii. 10. 11. Афины. vii. 18.

2481. Пелагон, ap. Geopon. xvi. 17. 1.

2482. Афины. ii. 76.

2483. Афины. xiv. 50.

2484. Poll. vi. 48. Афины. iii. 93.

2485. Диоскор. ii. 71.

2486. Εἰσὶ δὲ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ τῇ πρὸς Αἴ γυπτον ὄρνεις Μονόσιροι, ἐξ ὧν οἱ μάχιμοι ἀλεκτρυόνες γεννῶνται. Florent. ap. Geopon. xiv. 7. 30.

2487. Theoph. Hist. Plant. iv. 2. 9.

2488. Диоскор. iv. 114.

2489. Id. v. 119.

2490. Αἱματίτης. Id. v. 144.

2491. Athen. iii. 46.

2492. Σκευαστὸς δὲ ὁ Αἰγύπτιος- (κυάνος-) καὶ οἱ γράφοντες τὰ περὶ τοὺς βασιλεῖς καὶ τοῦτο γράφουσι, τίς πρῶτος βασιλεὺς ἐποίησε χυτὸν κύανου μιμησάμενος τὸν αὐτοφυῆ. Theoph. de Lapid. § 55.
2493. Dioscor. v. 158.
2494. Id. v. 152.
2495. Id. v. 154.
2496. Id. v. 130. Florent. ap. Geopon. vi. 16. 6. Plin. Nat. Hist. xxxi. 10.
2497. См. Hazelquist, Travels, p. 275.
2498. Диоскор. v. 123.
2499. Плут. Alexand. § 40.
2500. Dioscor. v. 87.
2501. Plin. Nat. Hist. xxxiv. 23. Sarracen. ad Dioscor. v. 87.
2502. Winkel. Hist. de l'Art. t. i. p. 176.
2503. Athen. xi. 28.
2504. Ирод. i. 193. Ср. iv. 172. Афины. i. 49.
2505. Лукиан. Цикл. Meret. § 14.
2506. Dioscor. i. 174.
2507. Ср. Theoph. Hist. Plant. iii. 6. 2.
2508. Apsyrtius, ap. Geopon. xvi. 8. 2.
2509. Ср. Plin. Nat. Hist. xv. 24.
2510. Проспер. Alpin. iv. 3. p. 266.
2511. Bochart. Geog. Sac. Pt. i. 1. iv. cap. xxxviii. p. 356.
2512. Иезекииль, xxvii. 7, sqq.
2513. Афины. iii. 66. См. Villebrune, French Translation, t. i. p. 414.
2514. Ирод, iii. 107. Афины, i. 49. Плут. Alexand. § 25.
2515. Лукиан. Dial. Meret. § 14.
2516. Dioscor. i. 18.
2517. Теоф. Hist. Plant. ix. 6. 1. Strab. xvi. t. ii. p. 1107. Касаб. Busbequius, Epist. iv. p. 359. Prosp. Alpin. de Balsamo, cap. ii.
2518. Justin. xxxvi. 3.
2519. Plin. Nat. Hist. xii. 34. Dioscor. i. 18. Theoph. Hist. Plant. ix. 6. Annot. p. 734, seq. Тацит. Histor. v. 6. Pausan. ix. 28. 3.

2520. Dioscor. i. 15. Cp. Theoph. Hist. Plant. vi. 7. 4.
2521. Dioscor. iii. 97.
2522. Arum maculatum, Sibthorp. Flor. Græc. Prodrum. 2279. t. ii. p. 245. Dioscor. ii. 197.
2523. Μαρτ. Mathée, Annot. sur Dioscor. ii. 159.
2524. Dioscor. i. 124.
2525. Id. i. 8.
2526. Id. ii. 185.
2527. Id. i. 19.
2528. Id. i. 26.
2529. Ἐλαιόμελι κατὰ Παλμυρᾶ τῆς Συρίας ἔκ τινος στέλεχους ἔλαιον μέλιτος παχύτερον ῥεί, γλυκὺ τῇ γεύσει. Dioscor. i. 37.
2530. Plin. Nat. Hist. xxiv. 15. Dioscor. i. 79.
2531. Dioscor. i. 91. Theoph. Hist. Plant. v. 3. 2.
2532. Dioscor. i. 177.
2533. Id. ii. 167.
2534. Id. iii. 29.
2535. Theophrast. de Odor. § 31. Sibthorp. Flor. Græc. tab. 166.
2536. Dioscor. iii. 64.
2537. Id. iii. 94.
2538. Theoph. Hist. Plant. vi. 3. 7.
2539. Диоскор. iii. 100.
2540. Id. i. 62. iii. 116.
2541. Id. iii. 150.
2542. Id. iii. 160.
2543. Id. v. 5. iii. 135.
2544. Strab. xvi. t. ii. p. 1095. Plin. Nat. Hist. xii. 22.
2545. Theoph. Hist. Plant. ix. 7. 1. Schneid. Annot. t. iii. p. 737.
2546. Athen. ii. 53.
2547. Theoph. Hist. Plant. v. 3. 2.
2548. Theoph. de Ign. § 66.
2549. Strab. vii. 5. t. ii. p. 106. Theoph. de Lapid. § 49. Dioscor. v. 181.

2550. Dioscor. i. 99.

2551. Cp. Theoph. Hist. Plant. ix. 2. 3.

2552. Dioscor. v. 155.

2553. Cp. Huet. Hist. of Commerce, p. 13.

2554. Мы находим, однако, что кочевые племена иногда экспортировали овец. Athen. v. 32.

2555. Dioscor. v. 159.

2556. Plin. Nat. Hist. xxxvi. 39. Geopon. xv. 1. 30.

2557. Id. xxxvi. 41.

2558. Id. xxxvi. 46.

2559. Id. ix. 54. Ælian. de Animal. x. 13. См. у Ниухоффа подробный рассказ о ловле жемчуга в Персидском заливе. Этот путешественник приводит, основываясь на традициях туземцев, сказочное объяснение происхождения жемчуга, весьма причудливое и поэтичное: "Принято считать, что жемчуг образуется благодаря майским росам, в этот месяц устрицы поднимаются на поверхность воды и, открываясь, получают небольшое количество росы, которая, свертываясь, впоследствии производит этот жемчуг. Несомненно, что если устрицы вскрыть до июня, то жемчуг будет мягким и податливым, как смола". Churchill's Collection of Voyages, vol. ii. p. 196.

2560. Lucian. de Syr. Dea, § 29.

2561. Cp. Theoph. Hist. Plant. ix. 7. 2.

2562. Id. i. 23.

2563. Диоскор. i. 128. Herod. iii. 107. Thom. Magist. v. θύσµα, p. 462.

2564. Theoph. Hist. Plant. ix. 4. 1, sqq. Филост. Vit. Soph. ii. 21. § 2. Ammon, v. λίβανος, p. 89. Эта камедь теперь очень низкого качества и ценности, а в прошлом веке ее в огромных количествах отправляли в Московию для дубления российских кож. Hazelquist, Travels, p. 297. В древности он, по-видимому, был священным исключительно для богов и ежедневно сжигался в качестве утренней жертвы на их алтарях. Goettling, ad Hesiod, p. 162. В века, предшествовавшие открытию ладана, люди использовали розмарин для той же цели. Apuleius, de Virtut. Herb. cap. lxxix. Cp. Fabric. Biblioth. Lat. p. 126. Lomeier, de Lustrat. Vet. Gent. c. xxiv. p. 298. О растениях, плодах и деревьях, используемых в жертвоприношениях, см. Saubert. de Sacrificiis, cap. xxiv.

2565. Cp. Diodor. Sicul. l. v. t. i. p. 364. Весселинг.

2566. Dioscor. i. 79.

2567. Theoph. Hist. Plant. ix. 4. 7.

2568. См. также Dioscor. i. 77. Басня о сборе ладана встречается в Herod. iii. 117.

2569. Theoph. Hist. Plant. ix. 4. 7.

2570. Потерянный рай, iv. 159-165.

2571. Несколько лет путешествий по Африке и Азии, с. 102. Ср. Чандлер, i. 6.
2572. Voyage aux Isles Malouines, t. i. p. 155.
2573. Dioscor. i. 80. Plin. Nat. xii. 19.
2574. Dioscor. ii. 19.
2575. Dioscor. iii. 52.
2576. Кустарник высотой двенадцать футов, цветет в мае. Hazelquist, Travels, p. 247. Ср. Диоскор. i. 12.
2577. Theoph. Hist. Plant. ix. 5. 1. Диоскор. i. 13. Prosper. Alpin. de Medicin. Ægypt. iv. 9, p. 304. Hen. van Rheede, Hortus Indicus Malabaricus, p. 107, sqq. Карлетти, путешествовавший в конце XVI века, дает живое описание коричневого дерева, листья которого он сравнивает с листьями персикового дерева. Viaggi, &c., t. ii. p. 231. Бальдеус, Описание Цейлона, глава iv.
2578. Theoph. Hist. Plant. ix. 5. 2.
2579. Диоскор. i. 21.
2580. Id. ii. 204.
2581. Id. i. 15.
2582. Prosper. Alpin. de Medicin. Ægypt. iv. 9, p. 302.
2583. Dioscor. ii. 185. Бонтий, In Ind. Archiat. de Medicin. Indor. p. 16. "Кустарник, на котором растет эта пряность, очень приятен на вид, светло-зеленого цвета, с белыми цветами, окрашенными в пурпурный цвет, красными на концах". Nieuhoff, p. 266.
2584. Диоскор. iii. 25.
2585. Id. i. 128. Plin. Nat. Hist. xii. 37.
2586. Id. iv. 160.
2587. Id. i. 91.
2588. Id. i. 16.
2589. Id. ii. 71.
2590. Путешествия, стр. 228.
2591. Ср. Gosselin, Recherches sur la Géographie des Anciens, t. iii. p. 104, sqq. Plin. Nat. Hist. xii. 21. О промысле жемчуга на этом острове см. vi. 33. См. у Бохарта длинное и глубокое исследование, касающееся названия, положения и древней истории Тилоса, Geographia Sacra, pt. ii. 1. i. c. xlv. p. 766, seq.
2592. Theoph. Hist. Plant. v. 4. 7.

2593. "Эта древесина, - говорит Уильям Марсден, - во многих отношениях предпочтительнее дуба, работает более добротнее и равна ему, по крайней мере, по продолжительности; многие корабли, построенные из нее в Бомбее, продолжают плавать в течение стольких лет, что никто не может вспомнить, в какой период они были спущены на воду". История Суматры, с. 130.

2594. Theoph. Hist. Plant. iv. 7. 7, seq. В настоящее время вода на острове солоноватая, а море, как полагают некоторые, проникло так далеко на сушу, что скрыло некоторые источники, которые снабжали древних жителей отличной водой. Однако и сейчас вода из этих фонтанов не полностью утрачена, хотя, несомненно, ухудшилась из-за примеси морской воды. "Есть некоторые источники, - замечает Ньехофф, - бьющие со дна моря на глубине трех саженей с половиной. Недалеко от города Манама некоторые ныряльщики рано утром отправляются на лодках примерно в трех мушкетных выстрелах от суши, погружаются на дно моря, наполняют свои глиняные или кожаные сосуды водой, вытекающей из источников, и, всплыв, возвращаются на берег". Churchill's Collection, Vol. ii. p. 196.

2595. Например, возле Оксуса, где македонец по имени Проксен, разбивая палатку Александра, обнаружил источник чистой нефти. Древние считали, что даже воды Оксуса содержат маслянистые частицы. Плут. Alexand. § 57. О персидской сепе - Polyæn. Stratag. iv. 6. 11.

2596. Страб. Casaub. xvi. t. ii. p. 1078. Рассказ сэра Томаса Герберта о персидской нефти не совсем согласуется с мнением Плутарха. "Эта нефть, - говорит он, - представляет собой маслянистую или жирную жидкую субстанцию, по цвету не похожую на мягкую белую глину; она горячая и сухая, поэтому склонна воспламеняться от солнечных лучей или тепла, исходящего от огня, как это было забавно испытано на одном из пажей Александра, который, будучи помазанным, с большим трудом избежал ожога". Some Years' Travels, p. 182.

2597. Plut. Alexand. § 35.

2598. Eurip. Med. 1183, sqq. Plin. Nat. Hist. ii. 109. Гиббон, Упадок и падение Римской империи, т. х. стр. 15, прим. 18, где, говоря о греческом огне, историк случайно затрагивает свойства нефти.

2599. В горах близ Дерабада, в Афганистане, разновидность нефти получают, кладя отары шерсти на места, где она сочится из земли. Он содержит смесь битума, предположительно мумию, и менее чист, чем персидский. Vigne, Affghanistân, p. 61, seq. Массон, Balochistân, и т.д. i. 115.

2600. Это выражение принадлежит д-ру Лэнгхорну, t. v. p. 239. Плут. Alexand. § 35. Sympos. iii. 2. 1.

2601. Dioscor. iii. 99.

2602. Id. iv. 48.

2603. Id. i. 5.

2604. Афины. xiv. 61.

2605. Id. ii. 82.

2606. Диоскор. i. 14.

2607. Plin. Nat. Hist. xxxv. 95.

2608. Диоскор. iii. 94.

2609. Id. v. 104.

2610. Id. ii. 10.

2611. Theophrast. de Lapid. § 44.

2612. Dioscor. v. 160. Рукоятки мечей и кинжалов, а также мундштуки для труб вырезаны из яшмового агата из Яркунда. Vigne, Affghanistân, p. 209. Сообщается, что в разных частях гор вокруг Кабула находят серебро, медь, железо, свинец, сурьму, лазурит (см. Osbeck, Voyage to China, i. 244) и асбест. Песок ручья Кирман промывают на предмет золота, Id. p. 208. Полный рассказ о лазурите, известном древним, см. в Gemme Fisica Sotteranea, 1. iii. c. viii. t. i. p. 416. Tournefort, Voyage du Levant. t. iii. p. 128.

2613. Теоф. де Лapid. § 35.

2614. Theoph. Hist. Plant. viii. 4. 6. Однако в этой части света до сих пор существует очень крупнозернистая пшеница, называемая верблюжьим зубом. Vigne, Affghanistân, p. 170. О необычайном плодородии Гиркании и т. д. см. Strab. xi. 7. t. ii. p. 426, и ср. о питательных свойствах маиса и т. д. в Bacon, Sylva Sylvarum, i. 49.

2615. l. i. § 193.

2616. Athen. xiv. 69.

2617. Диоскор. Notha. p. 442.

2618. Бекман, История изобретений, iv. 206.

2619. Athen. v. 26. Ср. Plut. Agesil. § 12. Мы по-прежнему считаем, что по богатству красок и мягкости фактуры ковры Персии не имеют себе равных. Fowler, Three Years in Persia, i. 81. Гиббон, в своем богатом и живописном стиле, дал описание одного из этих ковров, найденных арабами в жилище персидского монарха: "Одна из квартир дворца была украшена ковром из шелка, шестьдесят локтей в длину и столько же в ширину; на земле был изображен рай или сад; цветы, плоды и кустарники были подражаемы фигурам золотого шитья и цветам драгоценных камней, а обширная площадь была дополнена пестрой и зеленеющей каймой". Decline and Fall of the Roman Empire, vol. ix. p. 370.

2620. Beckmann, History of Inventions, iv. 204, sqq.

2621. Carletti, Viaggi, t. ii. p. 231.

2622. Ælian. Hist. Животные. x. 13. xv. 8. Athen. iii. 44, seq. Theoph. de Lapid. § 36. Huet. Hist. of Commerce, p. 19. Iorio, Storia del Commercio, t. iv. 1. ii. c. ix. p. 264, sqq. Nieuhoff, Voyage to the East Indies, in Churchill's Collection, vol. ii. p. 248. Бальдеус, Описание побережья Малабара и Короманделя, с. xxii.

2623. Диоскор. i. 6.

2624. Бонтиус, In Ind. Archiat. de Medic. Ind. p. 21.

2625. Dioscor. i. 14.

2626. Id. i. 13.

2627. Дамогерон, ап. Георон. vii. 13. 4.

2628. Проспер. Альпин. де Медицина. Ægypt. iv. 10, p. 297. Диоскор. i. 17.
2629. Диоскор. i. 4.
2630. Диоскор. i. 22.
2631. Bontius, In Ind. Archiat. de Medicin. Indor. p. 11. Dioscor. i. 21.
2632. Dioscor. ii. 189. Carletti, Viaggi, t. ii. p. 218. Marsden, History of Sumatra, p. 117, sqq. Bontius, p. 15. Форбс, Восточные мемуары, i. 349.
2633. Диоскор. ii. 104. Plin. Nat. Hist. xii. 17, cum not. Dalecamp. et Hard. Lucan. iii. 237. Indor. Orig. xvii. 7.
2634. Theoph. Hist. Plant. ix. 1. 2.
2635. Диоскор. i. 11.
2636. Диоскор. i. 80.
2637. Id. i. 132. Plin. Nat. Hist. xii. 15.
2638. Dioscor. i. 93. Galen. de Facult. Simpl. Med. p. 205. Plin. Nat. Hist. xii. 16.
2639. Athen. ii. 82. Galen. de Aliment. Facult. cap. li.
2640. Dioscor. ii. 10.
2641. Id. ii. 71.
2642. Lucian. de Sacrif. § 11.
2643. Lucian. Musc. Encom. § 1. Cp. Theoph. Hist. Plant. iv. 77.
2644. Strab. ii. 1. t. i. p. 114. Cp. Diod. Sicul. ii. 37. t. i. p. 169. Весселинг.
2645. Athen. v. 39.
2646. Beckmann, Hist. of Inventions, iv. 247.
2647. Лукиан. Navig. § 23. Поскольку брамины считали попугая священной птицей, они, вероятно, не позволили ему стать предметом торговли, хотя уже начали использовать свой досуг для обучения его подражанию человеческому голосу. Ælian. de Nat. Animal. xiii. 18.
2648. Athen. v. 32.
2649. Диоскор. v. 107. См. "Азиатские исследования", т. iii. с. 414.
2650. Бекман, История изобретений, iv. 101, и далее. Cp. Азиатские исследования, iii. 414. Hen. van Rheeде, Hortus Indicus Malabaricus, p. 102.
2651. Theoph. Hist. Plant. iv. 7. 7.
2652. Лукиан. de Musca, § 1. Herod. iii. 106.
2653. Pausan. vi. 26. 6, sqq.
2654. Hazelquist, Travels, p. 234. Asiatic Researches, vol. i. p. 428.

2655. Aristot. Hist. Животные. v. 19.

2656. В наши дни паромные лодки здесь строятся из кедра, скрепляются железными хомутами и украшаются резьбой. Vigne, Affghanistân, p. 32.

2657. Когда некоторые предметы этого товара, например, перец, попадали в Афины, купцы иногда были обличены подхалимами как шпионы великого царя, и им угрожали, по крайней мере, пытками. Antiphon. ap. Athen. ii. 73. Casaub. Animadv. t. vi. p. 445.

ГЛАВА XIV.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

Пройдя теперь через весь круг частной жизни эллинов, мы рассмотрим их в час смерти и во время церемоний, с помощью которых прах предавался праху. По целому ряду причин распад тела воспринимался язычниками древности с меньшим ужасом и страхом, чем это происходит у современных народов. Их вера в непрерывность существования была, возможно, не более непоколебимой, чем у благочестивых людей в христианских странах, но грядущая жизнь представлялась им более похожей на настоящую; они воображали, что, выполняя определенные обряды и церемонии и добиваясь благосклонности богов различными способами, они могут легко обеспечить себе блаженное бессмертие, которое, согласно их вероучению, не дано никому, кроме неисправимо порочных людей. Кроме того, в прежние времена, до зарождения скептических философских систем, доктрина бессмертия не вызывала никаких леденящих душу сомнений. Они могли не знать о Божественной природе, об отношениях человека со своим Творцом, об истинных обязанностях, обязательствах и правилах жизни; но они были настолько убеждены в существовании расы высших существ, что можно сказать, что они ощущали ее истинность так же, как и свое собственное существование. Эти существа, по их мнению, были вечно заняты человеческими, а точнее, эллинскими заботами; ведь очевидно, что большинство богов рассматривались скорее как родители и опекуны греческой расы, чем как отдаленные и всеобщие наблюдатели всей вселенной. Уход из жизни, таким образом, означал лишь переход из владений одного бога в владения другого; обмен защиты небесного на защиту inferнального Зевса. Везде и во всех случаях боги должны были сопровождать их шаги, но особенно в момент смерти, когда вокруг них витало облако небесных посланников, одни из которых совершали разделение души и тела, другие вели и защищали дух во время его спуска в подземный мир, а третьи снова следили за его счастьем там, разделяя с ним одно и то же место обитания и имея к нему такое же отношение, какое монарх имеет к своим подданным.

Одержимый подобными убеждениями, древний грек испытывал меньшее нежелание вступать во владения мертвых, чем это принято сейчас.^[2658] Кроме того, у него был еще один мотив, побуждавший его к отъезду. Он твердо рассчитывал, что при вступлении на Елисейские поля его будут приветствовать родители, друзья, товарищи, словом, все, кого он любил при жизни и кто предшествовал ему в этой священной и безмятежной обители. При таких мыслях и чувствах смерть казалась не смертью, а всего лишь сменой обстановки или места жительства. Это было всего лишь засыпание в одном месте и пробуждение в другом, где их счастье не знает перемен; где Бог отрет слезы со всех глаз и где не будет больше ни бед, ни печалей, ни страданий вовеки.

Тем не менее их следует рассматривать как привычные убеждения разума, которые, как бы они ни влияли на действия и решения людей, ни в коем случае не могли подавить их чувства или предотвратить ту печаль и сожаление, которые всегда должны испытывать люди, собирающиеся разлучиться с теми, кого они любят. Поэтому смертное ложе греков не представляло собой сцену стоического безразличия. Обычно пробуждалась вся нежность и сочувствие, на которые способно человеческое сердце. Друзья, и особенно женщины семьи, толпились у кушетки, чтобы сжать руку умирающего и уловить последний вздох, когда он срывался с губ прерывистым шелестом.^[2659] Большинство людей, собираясь навеки распрощаться с миром, желали возложить на своих скорбящих друзей какое-нибудь повеление, не как повелительную задачу, а как труд любви, выполняя который они могли бы напомнить об ушедшем. Такие повеления гречанки принимали с величайшей готовностью, чтобы сохранить их в своей душе и, размышляя о них непрестанно, днем и ночью, поддерживать в памяти живую мысль о тех, кто когда-то был для них всем. Когда дух покинул тело, они не оставили его и не поручили заботам прислуги. Своими руками они закрывали любимые глаза,^[2660] и завязывали рот, из которого больше не вырывались слова доброты и утешения. Сдерживая свои чувства, они выпрямились,^[2661] омыли, помазали и уложили труп,^[2662] покрыли его дорогими одеждами,^[2663] и возложили на его голову венцы из цветов: Затем его несли в прихожую особняка и клали ногами к двери,^[2664] в знак того, что он собирается отправиться в свой последний путь и принять свою обитель в доме, приготовленном для всех живых. Затем рядом с ним ставили сосуды со светлой водой^[2665], чтобы, будучи признанными нечистыми, все, кто входил или выходил и мог предположить, что их коснулись истечения, выдыхаемые мертвыми, могли окропиться и очиститься. Ветви лавра и аканта с локонами волос были подвешены над дверным проемом, каждый из которых являлся символом, говорящим о воображении того живого народа. Пока труп находился в таком положении, за ним день и ночь наблюдали его естественные стражи, пока не наступал момент отнести его к погребальной куче или в могилу. Затем его укладывали в гроб, обычно из кедра или кипариса,^[2666] который, поместив на подставку,^[2667] уносили, а скорбящие друзья и семья шли следом.

В Афинах^[2668] эта церемония происходила непосредственно перед рассветом,^[2669] множество людей, несущих могильные факелы, предшествовали гробу,^[2670] и освещали его меланхолический путь. Ближайшие родственники-мужчины молча шли позади гроба, давая понять, что вскоре последуют за ним тем же путем, а женщины, державшиеся вместе,^[2671] замыкали шествие, плача и причитая на ходу. В толпе то тут, то там стояли похоронные музыканты, исполнявшие на лидийских или фригийских флейтах торжественные и печальные, но с примесью восторженных нот, песни. Иногда компания садилась в колесницы или на лошадей, но когда умершему воздавали особые почести, все сопровождали катафалк пешком. И, конечно, подобная группа, двигаясь ночью по узким извилистым улочкам Афин, огибая скалы Акрополя, проплывая по агоре, между ее молчаливыми киосками и величественными платанами, и выходя через городские ворота в могильные предместья Керамейкоса, где на значительном расстоянии вдоль указанного пути простирались лес гробниц, чтобы, как бы исподтишка, опустить прах человеческий в лоно земли, должно быть, представлял собой поразительное и торжественное зрелище; Особенно если предположить, что тысячи соседей и сограждан, разбуженные скорбной музыкой, поспешили к своим витринам, чтобы увидеть, как их соотечественника несут в его долгий дом. Достигнув назначенного места, тело, если его хотели похоронить, укладывали в могилу лицом на запад.^[2672] Затем на гроб насыпали землю, и в большинстве случаев над ним быстро воздвигали памятник. Если по особому желанию покойного или по какой-либо другой причине предпочитали кремацию^[2673], то сооружали погребальную кучу из дерева с неприятным запахом, на которую обычно лили масло и сладкие благовония.

На вершину этой кучи клали труп, и, когда кто-то из близких родственников умершего подносил к костру факел, все превращалось в пепел. Однако прежде чем пламя было полностью потушено, по обычаю на него выливали немного вина, после чего, если кости умершего оставались непогашенными, их аккуратно собирали вместе с пеплом и складывали в урну, которую в Греции обычно предавали земле.^[2674] Все оставшиеся в живых родственники возвращались в трауре в свое жилище, где ближе к вечеру в честь умершего устраивали погребальный пир.^[2675] Дважды в течение того же месяца у гробницы совершались священные обряды, а затем и навсегда в годовщину рождения покойного, а также в определенный день праздника Антестерии, когда вокруг рассыпались неувядающие цветы, а на памятник вешали груды венцов и гирлянд. Внешние признаки внутренней скорби заключались в черных одеждах,^[2676] частично обритых головах и печальном и запущенном выражении лица.

Почти во всех частях света, как только смерть ставит свою печать на человеческой глине, она, кажется, приобретает ужасную и таинственную святость, которую никто, кроме ожесточенных и низких людей, не согласится нарушить. Принадлежа к могиле, вечный покой и тишина, кажется, уже царят над ней. Она предстает перед нашими глазами как обитатель другого мира, и потому, хотя и беззвучно, открывает нам как бы некоторые подробности того состояния бытия, о котором мы ничего не знаем, но поневоле испытываем самое развешающее любопытство. Кроме того, если умерший был нам дорог при жизни, мы воспринимаем его труп как заброшенную усадьбу друга, как обиталище души, мало чем отличающейся, хотя и разделенной с нашей собственной. По этой причине древние греки, народ набожный, образный и любящий, с особой заботой относились к обязанностям, которые мы должны выполнять по отношению к умершим. Древние писатели изобилуют иллюстрациями этой истины. Когда фиванцы после поражения Адраста и Полинея отказались похоронить павших аргивян, афиняне сочли это достаточным поводом для объявления войны Беотии. При этом не утверждалось, что захватчики вели почетную войну, но, искупив свой проступок смертью, их останки перешли под защиту inferнальных божеств, и отказать им в обряде погребения значило оскорбить не столько их, сколько Плутона и других богов Аида, подданными которых они теперь становились. Кроме того, непогребенный труп был загрязняющим предметом, который осквернял храмы небесных божеств, и поэтому они также были заинтересованы в том, чтобы следить за правами мертвых; ведь собаки и хищные звери могли занести их плоть или кости в фанзы и тем самым сделать их нечистыми. И это чувство, составляющее одну из самых приятных сторон греческого характера, также придавало эллинской земле нетленную красоту и интерес. Ведь многочисленные гробницы, общественные и частные,^[2677] которые громоздились на ее поверхности и освящали ее, обращались к сердцу еще сильнее, чем к глазу. Повсюду вокруг них витала народная преданность. Они были одновременно творениями и памятниками человеческой любви, общественной благодарности, святого почитания интеллекта и добродетели.

Это наблюдение, действительно, применимо ко всему миру. Пирамида, одинокий курган, возвышающийся, как холм, на равнинах Азии, многолюдное кладбище, огромные ряды усыпальниц, вырытых под поверхностью земли, - все это должно рассматриваться здравомыслящими и неискушенными людьми как несомненные свидетельства неизбывной доброты человеческой природы. В качестве иллюстрации можно привести множество примеров. Когда вождю североамериканского племени предложили уступить европейским захватчикам охотничьи угодья его племени, он выразил свое возражение в таких словах: "Как мы можем отказаться от страны, в которой покоятся все наши предки? Неужели мы должны сказать костям наших предков: "Встаньте и идите с нами в чужую землю"?" Во многих странах

к жилищам мертвых проявляют более глубокий интерес, чем к жилищам живых. Кто, например, может без глубочайших эмоций пройти по тем подземным дворцам в Фивах, которые называются Гробницами царей? Кажется, что в этих огромных расписных залах и сумрачных переходах вы ведете настоящую беседу со смертью. Могила раскрывает свои тайны со всех сторон. Воображение разгорается и обретает краски от представленных ему неземных творений, и вы с чем-то похожим на нежелание возвращаетесь в блики, суматоху и бурные страсти мира. Среди греков, как мы уже заметили, мертвые были наделены святостью, которую все добрые люди считали неприкосновенной, и это убеждение приобретало дополнительную силу благодаря вере в то, что дух и тело, хотя и разделены, еще не полностью независимы друг от друга. Ведь в зависимости от обращения с останками состояние души в какой-то мере регулировалось в нижних мирах. Если они принимали обряд погребения, духу позволялось свободно пересекать тот поток, сумрачный и неприкосновенный, который окружал царство Аида. Если же нет, то призрак, холодный и заброшенный, бродил вдоль его внутреннего берега в течение ста лет; после чего законы Оркуса смягчались и позволяли ему вкушать счастья среди рощ асфоделя,^[2678] и тех блаженных чаш, где поэты и мудрецы посвящали круг вечности культуре и чистым наслаждениям мудрости. Исходя из этого убеждения, призраки людей, лишенных обрядов погребения^[2679], представляются поэтами, витающими вокруг их корыт и являющимися в видениях оставшимся в живых друзьям, прося их разорвать, совершив обряд погребения, те печальные узы, которые все еще связывают их с их глиняными жилищами. Так, Гомер представляет Эльпенора^[2680], призывающего Одиссея совершить этот последний печальный обряд над его останками. Часто, когда в результате кораблекрушения или убийства тело оказывалось выброшенным на одинокий берег или заброшенным в глубь леса или горы, погребение зависело исключительно от случая. Но если судьба приводила на место незнакомца, считалось, что он обязан тем или иным образом исполнить человеческие узы по отношению к мертвому. Но поскольку он не мог вырыть могилу или сгрести тело в погребальную кучу, считалось достаточным бросить на труп три горсти пыли, из которых одна, по крайней мере, должна была быть посыпана на голову. Так, у Горация мы находим^[2681] гривы пифагорейского философа Архита, который умолял моряков, нашедших его тело на берегу, почтить его этим обрядом:

Quamquam festinas, non est mora longa, licebit

Injecto ter pulvere curras.

Как бы ни была велика твоя спешка, это не заставит себя долго ждать;

Брось трижды пыль, а затем поспеши прочь.

Для того чтобы этот акт гуманности был более гарантирован от прохожих^[2682] люди, готовые погибнуть в результате кораблекрушения, имели обыкновение обвязывать вокруг своего тела золото, или драгоценности, или все остальное, что они имели ценного, чтобы это могло покрыть расходы на их погребение и вознаградить того, кто взялся за это.

Однако существовали определенные категории людей, которые по своим открытым или тайным злодеяниям, как предполагалось, находились за пределами широкого круга человеческого сочувствия, и для которых было бы преступно устраивать погребальные обряды. Это были, прежде всего, люди, пораженные молнией, которых, как считалось, боги таким образом уничтожили,^[2683] от осознания их вины, хотя и скрытой от всех остальных глаз. Трупы такого рода обычно засыпали землей, где они лежали, без малейших церемоний, если только они не падали в каком-нибудь общественном храме, или на агоре, или на шоссе; в таких случаях к телу прикрепляли крюк, за который его тащили и бросали в какую-нибудь

яму. В других случаях тушу обнесли изгородью и так оставили. Мужчины, виновные в самоубийстве, также были лишены почестей погребения, но особенно погребальной груды. Их трупы просто бросали в яму и накрывали, чтобы они не мешали живым. Злодеи, совершившие святотатство, и предатели своей страны не могли насладиться в смерти защитой божеств, которых они оскорбили, или укрыться в могиле в стране, которую они подло предали врагу.^[2684] Их обесчещенные кости выбрасывали за пределы страны, и никому из граждан не разрешалось совершать для них обряды погребения. Так с царем Павсанием, стремившимся поработить свою страну персам, поступили лакедемоняне, с Аристократом - аркадяне, а с Фокионом - афинский народ^[2685], хотя в последнем случае, возможно, по ошибке и недоразумению. Последним и худшим классом были тираны^[2686], одинаково ненавистные богам и людям, которые обычно, когда их побеждали подданные, искупали свою вину самыми неслыханными мучениями, а в нижнем мире для них были уготованы самые страшные муки Тартара. Поместить в лоно земли трупы столь отвратительных преступников само по себе считалось бы преступлением очень глубокого пошиба. Поэтому останки топтали ногами, подвергали всевозможным унижениям, а затем бросали на съедение псам и стервятникам. Если же толковать выражение Платона буквально, то наказание людей, которые даже в свободном государстве стремились к тирании и потерпели неудачу, было огромным: их пытали, уродовали, выжигали им глаза, наносили все мыслимые оскорбления и увечья, наконец, распинали или обмазывали смолой и сжигали заживо; их жены и дети подвергались тому же наказанию - невиновные были смешаны с виновными. Чтобы уберечь свой прах от подобных оскорблений, цари Египта, воздвигшие пирамиды и отличавшиеся свирепым и тираническим характером, по предположению Геродота, не вверяли свои кости хранению в этих сооружениях. Дикая история также связана с Периандром Коринфским,^[2687] который, сознавая, что правил своими соотечественниками с помощью железного жезла, боялся последствий их недовольства для своего трупа. Говорят, чтобы скрыть место своего погребения, он велел двум своим спутникам отправиться ночью по определенной дороге, убить и тайно похоронить первого встречного. Четыре других человека были отправлены для осуществления той же мести, и еще одна толпа убийц получила приказ истребить и похоронить этих четверых. Периандр, тогда уже старый и немощный, предстал перед первыми убийцами, был убит и похоронен, а место, из-за внезапной смерти всех, кто мог его знать, так и осталось навеки неразгаданным.

Больше всего им противостояли те почтенные граждане^[2688], которые пали за свою страну, защищая ее свободу и законы, за которыми их сограждане шли до могилы со всеми мыслимыми знаками общественной благодарности и почестей, и чьи имена будущие поколения учились почитать, как имена богов. В каком-то смысле их действительно обожествляли. В их честь ежегодно совершались обряды, церемонии и жертвоприношения, а их великими и героическими духами будущие поколения клялись, как древнейшими жителями Олимposa. Иногда, как на равнине Марафона, останки воинов собирали вместе и со священными обрядами заключали в один общий курган, рассчитанный по своим размерам на вечное существование с миром. В других случаях останки привозили в город и хоронили там. Так, в начале Пелопоннесской войны первые павшие граждане удостоились почестей публичных похорон. Их останки были заключены в гробы из кедра и уложены в открытые катафалки, запряженные лошадьми, тщательно убранными и покрытыми гирляндами, и доставлены в Керамейкос, где присутствовало все население государства. Когда они были преданы земле, Перикл, величайший государственный деятель и оратор тех времен, взошел на помост и словами, которые, должно быть, пронзили сердца всех потомков, произнес о них хвалебную речь, за заслуги которой большинство храбрецов с радостью променяли бы жизнь.

Способы погребения, распространенные в разные эпохи среди эллинов, были разнообразны, как и памятники, воздвигнутые в честь умерших. Первоначально, когда общественная безопасность была слаба, люди хоронили своих умерших в стенах собственных жилищ, где только они могли надеяться сохранить место упокоения в неприкосновенности. В соответствии с этим благочестивым чувством в древности в Фивах (Беотия) был принят закон, согласно которому каждый, кто строит себе дом, должен возводить в нем или примыкать к нему хранилище для мертвых. Но когда государства выросли и окрепли, а тень их защиты упала далеко вокруг, оказалось возможным заботиться о здоровье населения, не нарушая почтения к божествам Аида, и жилища усопших были возведены, как священный круг, вокруг городских стен.

Затем, в период греческой дряхлости, города вновь открыли свои ворота для предков и позволили им разделить с несовершенную безопасность, которая была уделом всех в те вырождающиеся времена.

Многое было сказано об обычае, существовавшем как у греков, так и у римлян, расширять кладбища вдоль больших дорог, ведущих за город от городских ворот.^[2689] Их цель, по-видимому, была двоякой: во-первых, воздвигая памятники умершим друзьям на виду у всех, кто въезжает или выезжает из города, они делали память о них более долговечной; во-вторых, наблюдая почести, воздаваемые храбрым и добрым людям прошлых времен, те, кто пришел после них, могли побудить их к подражанию их примеру.

Но ни одно место не считалось слишком священным, чтобы допустить останки хороших или великих людей, которые время от времени укрывались в пределах храмов или священных рощ.^[2690] Так, дети Медеи были похоронены в храме Геры, *Œdipos* нашел гробницу в роще *Эвменидов* в Колоносе,^[2691] а *Гесиод*, чье тело прибило к берегу, пока саамийцы совершали священные обряды, удостоился похорон в роще *Немейского Зевса*.^[2692] *Эвтид*, также умерший из-за необычайной быстроты, с которой он совершил путешествие в *Дельфы* и обратно в поисках священного огня, был похоронен платейцами в храме *Артемиды Эвклеи*. Среди спартанцев обычно преобладала практика погребения вокруг священных сооружений; даже в более поздние времена они не изгоняли своих мертвых в пригороды; цель этого отхода от установившейся в других местах моды заключалась в том, чтобы искоренить в сознании молодежи все опасения относительно призраков и нежелание двигаться, будь то ночью или днем, среди гробниц и могил. Во всех частях Греции семьи, по крайней мере, если они занимали более низкое положение, обладали каждый своими усыпальницами, будь то , стоящие совершенно отдельно в садах или огородах,^[2693] или составляющие множество отдельных участков общего кладбища.^[2694] Но нигде не придавалось такого большого значения этому различию семей в смерти, как в Спарте, о чем можно судить по рассказу о той битве, в которой, воодушевленные песнями *Тиртея*, молодые люди привязывали к своим правым рукам таблички с именами своими и своих отцов, чтобы, если все они погибнут, их друзья могли выбрать среди куч убитых тела своих родственников и похоронить их в алых мантиях и оливковых листьях на кладбищах своих родов".^[2695]

Нередко останки выдающихся людей предавались праху в живописных местах, удаленных от городов и человеческого жилья, где в память о них во многих случаях возводились часовни. Так, мы находим героона *Андрократа*^[2696] , окутанного густыми зарослями деревьев среди отрогов горы *Китерон*, на западной оконечности поля битвы при *Платее*. В похожей ситуации находились гробница и храм *Амфиараоса*, а также героон *Дримакоса* на острове *Хиос*. У критян гробница *Зевса* также находилась на возвышенной вершине горы, где ее руины до сих пор видны путешественникам. Более того, в наше время поэтические настроения породили убеждение, что руины гробницы *Фемистокла* все еще можно увидеть среди той

череды древних усыпальниц, которая тянется вдоль избитых прибоем скал у мыса Халимос. На этом предположении основан известный отрывок из Байрона:

"[Ни](#) глотка воздуха, чтобы разбить волну.

Что катится под могилой афинянина;

Та гробница, что, сверкая над утесом,

приветствует отплывающий назад ялик,

Высоко над землей, которую он напрасно спас.

Когда же снова будет жить такой герой?"

Но познания полковника Лика ясно показали, что памятник этого выдающегося государственного деятеля стоял в рогах великого порта Афродизиума. В городе Магнезия, где он умер, его гробница стояла на агоре, что было принято, когда умершему воздавались чрезвычайные почести.^[2697] Так, памятник Тимолеону,^[2698] окруженный портиками и другими общественными зданиями, был воздвигнут на агоре Сиракуз; а памятники Гармодию и Аристогеитону занимали то же место в Афинах, где в более древние времена гробницы выдающихся личностей были вырублены в скалах, облицованы мрамором и иным образом роскошно украшены. Солон, однако, попытался подавить роскошь кладбищ^[2699], постановив, что ни одна гробница не должна иметь арочной крыши или требовать больше труда, чем могли бы выполнить десять человек за три дня. Но этот закон, по всей вероятности, никогда строго не соблюдался; ведь кимонийские усыпальницы, которые до сих пор можно увидеть высоко среди скал, возвышающихся над пологой долиной, разделяющей Ареопагос и Пникс, были, по-видимому, слишком просторными, чтобы их можно было высечь в установленный законом срок.^[2700] После этого, кроме того, в Афинах были воздвигнуты морские памятники необычайного великолепия, как, например, гетайра Пифоника. Но именно в варварских странах погребальные сооружения демонстрировали наибольшее великолепие, которое достигло, возможно, своего апогея в гробнице Мавсолоса, царя Карии, сооружении, состоящем из пирамиды, возведенной на квадратном основании, украшенной со всех сторон рельефными скульптурными фигурами, и возвышающейся над ней колесницей, запряженной четырьмя лошадьми. Гробница хозяйки Гигеса, хотя и уступала по материалам, вероятно, превосходила по размерам это седьмое чудо света. Она была воздвигнута также в память о привязанности; ведь когда женщина, которая при жизни управляла и им, и его царством, была предана земле, этот царь-пастух собрал, как нам говорят, всех своих подданных и воздвиг над ее останками такой огромный курган, что, в какой бы части своего царства он ни находился, в пределах горы Тмолос, он мог испытывать меланхоличное удовольствие, созерцая ее могилу.

В устройстве своих гробниц, как и в способе погребения, различные народы древности придерживались каждый своего стиля. Так, при очищении Делоса памятники карийцев легко отличались от памятников греков по тому, как их останки помещали в могилу. Некоторые могильные курганы, найденные в Пелопоннесе, отличались некоторыми характерными чертами от курганов местных жителей и назывались гробницами фригийцев; а места захоронения некоторых чужеземцев, которых греки называли амазонками, демонстрировали, пока выдерживали некоторые отличительные знаки^[2701], которыми, как

известно, покрывали прах какого-то варварского народа. Над могилой Ипполиты, действительно, был воздвигнут столб на греческий манер; но в Халкисе, где находился Амазоний, это сооружение, по-видимому, имело некоторые особенности, как и могила этих воинственных дам, которая была показана в Мегарисе, между агорой и местом под названием Рус, в форме ромбов, напоминающих их щиты. Похожими по форме, вероятно, были и памятники амазонок, найденные близ Скотусы в Фессалии, а также на берегах реки Гермодон, в окрестностях Херонеи.^[2703] На равнинах Трои амазонка Миринна покоилась под огромным курганом.^[2704]

Сооружения, воздвигнутые в честь умерших, могли бы оказаться более долговечными, если бы не распространенная среди древних практика погребать вместе с трупом драгоценности, золото, драгоценные вазы,^[2705] и другие сокровища, которые впоследствии возбуждали жадность распутных людей и соблазняли их разграбить последние дома своих предков; Ведь одна из самых отвратительных и унижительных черт цивилизации на определенных ее этапах заключается в том, что смерть привычно оскверняется, а могила перестает быть убежищем. Так, гробницы македонских царей были разграблены галлами^[2706] в союзе Пирра. Опять же, колония римских вольноотпущенников, посланная поднять Коринф из пепла, случайно обнаружив, что в катакомбах хранятся бронзовые и фитильные вазы великой красоты, разграбила все кладбище и наполнила Рим добычей, которую называли Некрокоринфией. Даже obolos^[2707], положенные под язык, и простые украшения скромных покойников оказались достаточными, чтобы возбудить алчность определенного класса грабителей, называемых из-за их практики расхитителями гробниц.^[2708] Когда, однако, прах усопшего покоится в своих хлопьях в течение многих веков, беспокоить и грабить его становится преследованием ученых людей и рассматривается как отрасль науки о древностях. Так, усыпальницы египетских царей были испорчены и загрязнены путешественниками, которые тысячами сжигали деревянных богов фараонов на их кухнях, отпиливали лица колонн, вытаскивали тела и гробы из последних укрытий, чтобы похитить золотые украшения, висевшие на шеях мертвых. В Этрурии тоже творился такой же научный хаос, и музеи Европы обогатились за счет того, что когда-то было смертным преступлением. Даже в нашей стране курганы обычно вскрывались, и кости наших предков извлекались из их жилищ. Таким образом были обнаружены очень любопытные реликвии древности. В Афганистане были исследованы аналогичные восточные курганы, называемые топами. Под центром обычно находится колодец, в котором, по-видимому, были найдены древние останки, состоящие из металлических ваз, маленьких цилиндров из золота, колец, драгоценностей и золотых булавок.^[2709]

У греков было принято, не только пока их горе было еще новым, но и в течение многих лет, посещать могилы умерших, вешать гирлянды, короны и филенки из шерсти на их головные камни, или, возможно, как до сих пор принято в Бургундии, класть венки или другие украшения из чистой шерсти на саму могилу,^[2710] и защищать их решеткой из ивовых ветвей. Сюда же приносили корзины, наполненные всеми прекрасными и благоухающими цветами, особенно розами, миртами, амарантами,^[2711] и лилиями, чтобы осыпать ими любимое место. Иногда могилы покрывали сеткой из дикого тимьяна,^[2712] который, подобно тем героям, которых облагораживает несчастье, издавал восхитительный аромат под ногами скорбящего. В прохладных и тенистых местах могилы иногда украшали маленьким вечнозеленым^[2713] и белым цветком, называемым пофос.^[2714] Общественные кладбища также во многих местах украшались деревьями, выбранными в одних случаях за их густую листву и раскидистую форму, как вяз; в других - за их изящную форму и вечнозеленую листву, как тополь и кипарис. Другие деревья, посаженные рукой человека или возникшие спонтанно, покрывали дорожки или участки зеленого газона на кладбищах Греции, обеспечивая в

изобилии ту мрачную тень, в которую любит уходить печаль, и где с удовольствием растут погребальные растения.

Такие тенистые, зеленые, полные ароматов места, посвященные тишине и покою, вероятно, впервые натолкнули на мысль о Елисейских полях или островах блаженных, которые поэты Греции считали обителью счастливых душ. Сначала, возможно, считалось, что призраки обитают на кладбищах, уходя днем в глубины могил и выходя наружу в темные и спокойные часы ночи, чтобы при свете луны или звезд насладиться видом мира, который они частично покинули. Из этого представления вытекали все изменения, наблюдаемые во внутренней структуре гробниц. Во-первых, заботились о том, чтобы земля не сильно давила на труп, где-то в пределах размеров которого, как предполагалось,^[2715] обычно обитал призрак. Не слишком схожие настроения до сих пор бытуют среди нас. Помню, однажды я прочитал на надгробной плите маленькой девочки, стоявшей возле столба, через который вы входите в тенистый церковный двор Ньюпорта в Монмутшире, следующую эпитафию, в которой эта идея нашла свое четкое воплощение:

Здесь лежит милый ребенок,

Усыпленный колыбельными песнями;

Молись, молчи и не шевели

Легкую землю, что покрывает ее.

Во-вторых, для духов часто строили просторные и изящные комнаты, где также ставили еду и зажигали лампы, которые, снабженные фитилями из амиантоса^[2716] и питаемые неиссякаемыми источниками масла, как считалось, будут гореть вечно. Подобное представление заставляет многие магометанские народы делать небольшую арку в каменном цоколе своих гробниц, чтобы призрак мог свободно входить и выходить. С этой статьей в вероучении древних^[2717] было также связано мнение, что духи часто могут быть замечены скользящими в тени среди гробниц, что можно считать представлением, почти созвучным самому человечеству.

В своих способах погребения варварские народы^[2718] древнего мира сильно отличались друг от друга и от греков. Сирийцы, египтяне и даже персы, полностью отказавшись от погребального костра, хоронили своих умерших, предварительно забальзамировав их различными консервативными и ароматическими веществами, такими как мирра и алоэ, кедровая камедь,^[2719] и мед, соль, воск, асфальт и смола, смешанные с духами и драгоценными благовониями. Среди пифагорейцев, которые переняли чужие обряды, предпочитая их своим, было принято заворачивать умерших в листья мирта, тополя и алоэ и таким образом предавать их земле. Альбаны клали деньги в гроб вместе с трупом; таксилы, брамины и фракийцы, подобно современным парсеям, выставляли тела своих родственников на съедение стервятникам; бархеи, народ, населяющий границы Черного моря, следовали обычаям этих народов в отношении тех своих соотечественников, которые пали на войне; но если они оказывались настолько слабоумными, что умирали мирно в своей постели, их обрекали на сожжение. Собаки и плотоядные птицы служили могилами для парфян, магов, гирканцев и других диких народов, которые, однако, тщательно оберегали кости, оставшиеся не разорванными. Среди этих философских людей не было более привычной мысли, чем мысль о смерти, поскольку люди ежедневно ходили рядом со своими могилами; состоятельные люди, которые могли позволить себе роскошь в таких делах, кормили и холили огромных собак, чтобы те пожирали их после смерти, и такой способ погребения считался среди них самым почетным. Эсседоны, калантийцы, массагеты,

дербисты и хибернийцы в этом отношении очень похожи по вкусам и привычкам на баттов с Суматры, у которых было принято чествовать своих родителей и друзей усыпальницей гораздо выше, чем у вышеперечисленных народов, поскольку они сами их съедали. Однако в случае с эсседонами отмечается, что черепа были тщательно очищены, позолочены и положены на хранение, чтобы быть извлеченными на их торжественных ежегодных праздниках. Дербисты несколько усовершенствовали метод своих соседей; когда обнаруживалось, что их старики живут слишком долго, они ускоряли приближение смерти в случае мужчин, закалывая их как жертв, а в случае старых женщин, удушая их.

У гиперборейцев было принято, когда старики жили так долго, что доставляли беспокойство, устраивать им прощальный пир, а затем, увенчав их брови часовнями, сбрасывать их с крутых скал в море. Каспийцы применяли другой метод сокращения населения до уровня средств к существованию: когда их родители и друзья превышали семидесятилетний возраст, они либо выставляли их в отдаленных и безлюдных местах, как младенцев во многих странах, либо закрывали в хижинах, чтобы они погибли от голода и жажды. Способ избавления от мертвых, принятый одним из скифских народов, состоял в том, чтобы привязывать их трупы к стволам деревьев, где они оставались долгое время, застывая среди льда и снега: погребение их в земле они считали бы преступлением. Не сильно отличался фригийский способ, согласно которому мертвых клали вертикально на гряды камней высотой в пятнадцать футов. Большое кладбище такого рода, состоящее из многих рядов грубых колонн, на каждой из которых лежал труп или скелет, рассматриваемое при сомнительном свете луны, с полетами ворон или стервятников, охотящихся на недавно установленные тела, должно было представлять собой ужасающее зрелище. Насамоны, народ северной Африки, хоронили своих мертвых в сидячем положении, что, как мне сообщил генерал Миллер, до сих пор является обычаем среди арауканийских индейцев, которые, связывая труп в нужной позе веревками, выкапывают для него могилу под своими кроватями. В некоторых частях света, например, во Фракии и Индии, люди, сильно преклонных лет, особенно те, кто отличался культивированием мудрости, часто добровольно поднимались на погребальную кучу, как йоги Каланос и Перигринос, которые, принимая облик философа, заканчивали свое существование с самообладанием или даже с видом веселья в пламени. Некое племя, обитавшее на побережье Красного моря, помимо эфиопов и арабов, хоронило своих друзей в песке, в пределах уровня воды, так что их могилы постоянно захлестывало волной. Эфиопы либо бросали тела усопших в Нил, либо заключали их в стеклянные гробы, через которые можно было вечно созерцать их застывшую форму. В некоторых частях Верхней Нубии подобная практика до сих пор преобладает; труп кладут на песок, вокруг него возводят стену из сыпучих камней и закрепляют сверху плитой. Через многочисленные отверстия в стенах, размеры которых позволяют пропускать свет, но не пропускают шакалов, можно легко увидеть скелет.

Согласно преданию, сохраненному Илианом,^[2720] Белос был погребен в стеклянном гробу, который, когда Ксеркс заставил открыть его гробницу, был почти заполнен маслом, в котором тело плавало. Рядом с ним стояла небольшая колонна, на которой была сделана такая надпись: "Горе тому, кто, вломившись в эту усыпальницу, не наполнит мой гроб". Ксеркс встревожился и немедленно приказал налить в саркофаг масло, но безрезультатно: хотя попытку делали раз за разом, оно поднималось не ближе к краям, чем прежде. Понимая, что над ним нависла какая-то тяжкая беда, царь в конце концов отступил и покинул памятник в глубочайшем унынии. Вскоре после этого, добавляет историк, он предпринял свою несчастную экспедицию в Грецию, по завершении которой, вернувшись в свою страну, он был убит, как полагают, собственным сыном.

Пионийцы бросали своих мертвецов в болотистые водоемы, ихтиофаги - в море. Совсем другим был обычай троглодитов, которые, обвязав шею и пятки трупов ветками какого-то гибкого кустарника, выносили их и, воздвигнув над ними груду камней, как финикийцы над Лайосом и его слугами, со смехом и весельем прикрепляли к гробнице рога козлов. Подобные гробницы существуют и по сей день в Афганистане, в них воткнуты палки с венками и лоскутами ткани, а также бивни муфлона, горного козла и мархура.^[2721] В Китае на ежегодном празднике в честь мертвых гробницы украшают серпантинном из красной и белой бумаги. На Балеарских островах мертвые тела соединяли, разрезали на части и складывали в урны, на которые сбрасывали огромные кучи камня. У панеби, народа Ливии, обычай, отчасти напоминающий обычай эсседонов: хороня тела своих королей, они позолотили их черепа и подвесили их в храмах в качестве украшений. Синды, народ из Скифии, несомненно, являющийся ветвью ихтиофагов, хоронили в могилах своих воинов по маленькой рыбке за каждого убитого в бою врага, что, несомненно, если они были храбрым народом, делало их кладбища не иначе как благоухающими.^[2722]

Из перечисления этих фантастических и варварских обрядов мы можем понять, насколько разительным был контраст между нравами эллинов и большинства других древних народов. Одно время, однако, на острове Сеос, как говорят, преобладала практика, мало уступающая по жестокости вышеописанным,^[2723] когда мужчин по достижении шестидесяти лет заставляли пить болиголов или опиум, чтобы сэкономить средства к существованию. Но этот закон, если он когда-либо существовал, должен быть отброшен в очень отдаленные времена, поскольку он совершенно не соответствует даже самым незначительным достижениям цивилизации.

Церемонии и символы, с помощью которых эллины выражали скорбь о потере друзей, были многочисленны и значительны. Прежде всего, подавлялись все признаки удовольствия и наслаждения, чтобы казалось, что скорбь погасила все искры, которые впоследствии могли бы разжечь радость. От вина, роскошных яств и всего остального, что доставляет удовольствие спокойному уму, они воздерживались, как будто совершенно недостойные того, чтобы их удостоили даже подобия способности смягчить скорбь по ушедшему. Они изгоняли все музыкальные инструменты, которые случайно оказывались в доме, в знак того, что отныне они отказываются от удовольствия, получаемого от сладких звуков.^[2724] Подобная практика в точности преобладала среди арабов при Калифате. Так, "Харун-эр-Рашид, как нам рассказывают, плакал над Шемсельнихаром и, прежде чем покинуть комнату, приказал разбить все музыкальные инструменты". Они исключили свет из своих покоев и удалились рыдать и оплакивать себя в мрачных уголках, максимально отличающихся от тех мест, которые они привыкли посещать в обществе любимого и потерянного объекта. Они пренебрегали уходом за своими лицами, не позволяли в некоторых местах расти волосам и бороде или уродовали себя, отрезая часть своих локонов, посыпая голову пеплом и закутываясь в грубые и черные одежды.^[2725] В результате мы видим, что самые гривы^[2726] их мулов и лошадей были обрезаны. Александр, в пароксизме своей скорби о потере Гефестиона,^[2727] даже разрушил крепостные стены городов, и, преувеличивая жестокость и варварство более отдаленных веков, распял лекаря, который ухаживал за юношей, запретил всякую музыку в своем лагере, и, предпринимая экспедицию против некоторых племен, до сих пор не покоренных, предложил целые гекатомбы к гривам своих приспешников.^[2728] Траур лакедемонян по случаю смерти их царей во многом отражал дух варварства. Как только происходило это событие, по всей Лакедемонской земле рассылались всадники, чтобы оповестить об этом, а толпы женщин шествовали по городу, бьют в барабаны или звучат в литавры. Из каждой семьи выбирали двух человек, по одному от каждого пола, которых под угрозой наказания заставляли мазать и уродовать себя.^[2729] Собравшись в

большом количестве, спартанцы, лаконцы и гелоты вместе со своими женами, они били себя по лбу и издавали странные завывания, то и дело утверждая, среди своей хорошо разыгранной скорби, что последний царь был лучшим. Когда принц падал в бою, его чучело несли домой на роскошно украшенной телеге, и этому воздавали такие же почести, как и настоящему трупу. В течение десяти дней после похорон не велось никаких общественных дел. По частным лицам лакедемоняне почти не скорбели, их этическая система требовала подавлять все более нежные чувства сердца.

Церемонии, призванные увековечить память храбрых людей, едва ли можно считать завистливыми, но слава, которая, как Шекина на их земле, казалось, очищала и облагораживала их потомков, воспламеняя их любовью к стране и свободе. Греческие нравы изобиловали подобными обрядами, но ни один из них не кажется более достойным памяти, чем тот, который ежегодно совершали платейцы в честь воинов, павших в окрестностях их города. Хорошо известно, что греки считали духов добрых людей прежних веков гениями-покровителями, которым принадлежало религиозное почитание, доходящее, пожалуй, до поклонения. Их боги, по правде говоря, во многих случаях были колонистами с земли, что не может удивить никого, кто заметит, что среди них обожествлялся принцип жизни, который, передаваясь от богов к смертным, некоторое время пребывал на земле, а затем, продолжая двигаться по кругу, возвращался на небеса, откуда он и появился. По-видимому, они рассматривали землю как своего рода питомник, в котором сеялись семена божественности, чтобы затем пересадить их и расцвести в другом месте. Но среди земных отпрысков никто не казался им столь близким к божеству, как те, в ком преобладали мужество и энергия, кто страстно любил почву, из которой вышел, и кто с радостью искал в ее груди убежища от бесчестия. Отсюда апофеоз и поклонение храбрецам; отсюда платеевские церемонии, которые вплоть до римских времен внушали молодежи Греции восхищение своими предками и вызывали в памяти те славные дни, когда их страна кишела свободными людьми, готовыми в любой момент пролить свою кровь за институты и землю, которые только эти институты делали святыми.^[2730] Эти юбилейные обряды праздновались в шестнадцатый день месяца Маймактерион, алалкомениос у беотийцев. Процессия двинулась из города в серые утренние сумерки, во главе ее стоял трубач, подававший сигнал к битве. За ними следовали многочисленные колесницы, усыпанные миртовыми ветвями, венками и гирляндами, а за ними - черный бык. Сосуды с вином, кувшины с молоком, вазы с маслом и пахучими эссенциями несли несколько свободных юношей - ни одному рабу не разрешалось участвовать в этих торжествах, совершаемых в честь людей, погибших за свободу. Последним в процессии шел архонт, облаченный в алую мантию и вооруженный мечом, хотя во всех других случаях ему запрещалось прикасаться к стали, и одетый в белое. В руке он нес кувшин для воды, взятый из Зала архивов. В него он набирал воду из фонтана и, омыв ею колонны, возвышавшиеся над гробницами, благоухал их эссенцией; затем, зарезав быка на алтаре и обратившись с молитвами к Зевсу и хтоническому Гермесу, он призывал принять участие в погребальной трапезе и потоках крови духов тех доблестных людей, которые пали за свою страну. Затем, наполнив кубок вином и вылив его в возлияния, он закончил такими словами: "Я пью за воинов, погибших за свободу Греции".

2658. Plat. Tim. t. vii. p. 121, sqq.

2659. Il. ω. 743. Kirchman. de Funer. Romanor. p. 34.

2660. Odyss. λ. 425. Eurip. Phœn. 1465. Virg. Æn. ix. 486.

2661. Эврип. Alcest. 160. Gal. de Method. Medend. xiii. 13. Plat. Phæd. t. v. p. 123.
2662. Eurip. Hyppol. 786, seq. Il. o. 350.
2663. Ælian. Var. Hist. i. 16. Эврип. Troad. 1134.
2664. Il. т. 211, sqq. Τοὺς νεκροὺς οἱ ἀρχαῖοι προετίθισαν πρὸ τῶν θυρῶν καὶ ἐκόπτοντο ἐκόπτοντο. Sch. Aristoph. Lysist. 611.
2665. Эврип. Алкест. 99.
2666. Плин. Nat. Hist. xxiv. 5. Thucyd. ii. 34. Horat. Od. ii. 14. 23. Epod. v. 18. Meyer, p. 12. Cp. Dem. adv. Bæot. § 11. Euripid. Orest. 1052.
2667. Cp. Hesych. v. κλιματηφόρος.
2668. Demosth. adv. Macart. § 15.
2669. Cp. Феокрит. xv. 132.
2670. Такая же практика преобладает и в наши дни. Chandler, ii. 153.
2671. Терент. Andria. i. l. 90, seq. Lys. de Cæd. Eratosth. § 2.
2672. Они также приносили жертвы призракам умерших с лицом на запад, а ураническим богам - с лицом на восток. Scol. Apoll. Rhod. i. 589.
2673. Cp. Plut. Themist. § 8. Schol. Thucyd. ii. 34.
2674. Многочисленные басы-рельефы, изображающие эти погребальные банкеты, сохранились как в Афинах, так и на острове Хиос, где и в наши дни преобладает обычай закреплять такие предметы старины в стенах, над дверями и воротами. Чандлер, ii. 39.
2675. Kirchman. p. 502, sqq.
2676. Квинтилий. Declam. x.
2677. Cp. Demosth. adv. Call. § 4.
2678. Гесиод. Opp. et Dies, 169, sqq. Пинд. Olymp. ii. 70, sqq.
2679. Cp. Lys. Epitaph. § 4.
2680. Odyss. ξ. 66, sqq.
2681. Od. i. 28. 36. Квинтилий. Declam. v. 6. Cœlius Rhodiginus, xvii. 20. Potter. ii. 166.
2682. Meurs. in Lycoph. Cassand. 367.
2683. Артемидор. ii. 8. Eurip. Suppl. 945. Персий, ii. 27.
2684. Diod. Sicul. xvi. 6.
2685. Plut. Phoc. § 37.
2686. Odyss. γ. 256.
2687. Диог. Laert. i. 96.

2688. Thucyd. ii. 34. Ср. J. D. Н. Meyer. Pericl. ap. Thuc. Orat. p. 10, sqq. В некоторых случаях тела умерших с большой пышностью провожали до могилы, сопровождаемые звуками многих инструментов и голосов. Athen. xiii. 67. В других случаях тела умерших, очевидно, на поле боя, расстилали на подстилках из листьев или камыша, и перед ними устраивали праздничный банкет с кубками для питья, а на головы надевали короны. § 2.
2689. Ср. Xenoph. Hellen. iii. 2. 14.
2690. Eurip. Med. 1378.
2691. Soph. Œdip. Col. 1584, sqq.
2692. Плут. Sept. Sap. Conv. 19, и см. Lobeck, Aglaopham. p. 281. Goëttling. Pref. Гесиод. ix.
2693. Dem. adv. Call. § 4.
2694. Гробницы в этих усыпальницах часто представляли собой множество плоских плит с надписями. Чандлер, ii. 123.
2695. Ælian. Var. Hist. vi. 6. Плут. Lysurg. § 27.
2696. Plut. Aristid. § 11.
2697. Chandler, vol. i. p. 143.
2698. Плут. Тимол. § 39.
2699. Ср. Цицерон, de Leg. ii. 64.
2700. Chandler, vol. ii. p. 99.
2701. Plut. Thes. § 27. Paus. i. 41. 7. Petit, de Amazon, p. 185.
2702. Плут. Thes. § 27.
2703. Petit, de Amazon. p. 313. 184.
2704. Hom. Il. β. 814.
2705. Отсюда представление об огромных богатствах Харона, существующее в легендах Востока. Vigne, Trav. in Affghanistân, p. 206.
2706. Плут. Pyrrh. § 26.
2707. Suid. v. καρκάδοντα. t. ii. p. 1374. e. Hesych. v. δανάη. Etym. Mag. v. δάνα. Aristoph. Ran. 141. Кроме куска денег, в рот Церберу, как говорят, клали медовую лепешку. Suid. v. μελιτοῦττα. t. ii. p. 126. a. Aristoph. Lysist. 601. Virg. Æneid. vi. 417.
2708. Arg. ii. in Dem. Mid. Набираясь смелости, святотатство в конце концов ворвалось в храмы и сорвало золотые локоны со статуй самого Зевса. Luc. Jup. Trag. § 25. Ср. § 10.
2709. Vigne, Ghuzni, Cabul, &c., p. 141.
2710. Varro, Ling. Lat. l. vi. ap. Kirckman. de Funer. Rom. p. 500.
2711. Филост. Героич. xix. 14. p. 741. Eurip. Electr. 324. Vict. Var. Lect. xvi. 2. Mag. Miscell. ii. 17.
2712. Schol. Аристоф. Pac. 168.

2713. Dioscor. iv. 90, если мы читаем τάφοις вместо τάφροις.

2714. Theoph. Hist. Plant. vi. 8. 3.

2715. Среди магометан Персии встречаются подобные представления. "Я часто видел группы людей, произносящих самые печальные причитания и орошающих слезами сухой дерн, который они окружали. Они считают, что мертвые способны *слышать*, но не отвечать на их жалобы". Fowler, Three Years in Persia, i. p. 31.

2716. Kirchman. de Funer. Rom. l. iv. 4.

2717. Ср. Гесиод. Opp. et Dies, 122, sqq.

2718. Alex. ab Alex. iii. 2. p. 114. a. sqq. Kirchman. de Fun. Rom. append. 2. p. 590.

2719. Plin. Nat. Hist. xxxi. 19. xxiv. 5. xxii. 24. Ирод. ii. 86, sqq. i. 140. Ксеноф. Hellen. v. 3. 19. Dioscor. i. 105. Kirchman. de Funer. Rom. l. i. 8.

2720. Var. Hist. xiii. 3.

2721. Vigne, pp. 88, 89.

2722. Останки панцирных рыб и по сей день в большом количестве находят в курганах Гернси. См. "Историю этого острова" Дункана.

2723. Strab. x. 5. t. ii. p. 387. Val. Max. ii. 6. 8.

2724. Еврип. Alcest. 354.

2725. Il. ψ. 135. Еврип. Орест. 128, 451.

2726. Плут. Aristid. § 14.

2727. Plut. Alex. § 72.

2728. Ср. Luc. Calum. non Tem. Cred. § 17. Xenoph. iii. 3. 1.

2729. В Афинах это было запрещено. Ср. Плут. Солон. § 21. Eurip. Orest. 691. Андром. 826. Hom. Il. т. 288. Eurip. Нес. 655. Klausen, Comm. in Æschyl. Choeph. p. 86.

2730. См. описание почетной гробницы в Plat. de Legg. xii. t. viii. p. 292, где Суидас, кажется, предполагает, что арка была построена из драгоценных камней, v. ψαλίδα t. ii. p. 1165. с.

2731. Plut. Aristid. § 21.

ФИНИС.

Лондон:

Напечатано С. и Дж. Бентли, Уилсоном и Фли,

Bangor House, Shoe Lane.

Примечание транскриптора

В типографии использовались скорописные формы бета (β) и тета (θ), иногда в одном отрывке со стандартными β и θ. Они были заменены стандартными формами.

Некоторые географические названия встречаются с небольшими орфографическими отклонениями. В интересах поиска по тексту они были изменены на наиболее часто используемый вариант. Сложные слова иногда встречаются с дефисом или без него, например, 'corn-chandler' / 'cornchandler'. Если дефис стоит на разрыве строки, он сохраняется только в том случае, если в других местах ему отдается явное предпочтение.

Пунктуационные ошибки и несоответствия в аппарате сносок и указателей были исправлены и здесь не упоминаются.

Записи в указателе относятся к темам всех трех томов данного текста.

Сноски собраны в конце каждой главы, и на них даны ссылки в тексте. Ссылки на сноски в указателе также были обновлены до новых значений.

Также приведены ссылки для удобного перехода к соответствующим томам. Мы рекомендуем открывать эти ссылки в новом окне.

Записи в указателе на греческом языке иногда не содержат диакритических знаков. Для облегчения поиска по тексту они были изменены и приведены в соответствие с текстом ссылки.

Комментарии

- 80.5.7** Третья сноска на с. 80 (прим. 317) содержит греческую цитату из "Характеров" Теофраста с. 1: "πρὸς τοὺς δανειζομένους καὶ ἐραρίζοντας, ὡς οὐ πωλείφῃσεν". В сборнике Персея отрывок заканчивается словами "ὡς οὐ πωλεῖ, καὶ μὴ πωλῶν".
- 124.n8.9** Открывающая кавычка была напечатана несколькими строками ниже на месте "éléments de la classe...".
- 474.61** В первоначальной записи об отсутствии акцента на письменности в Спарте не было ссылки на том, а ссылка на страницу была на стр. 180. Она была найдена в iii. 280.
- 446.16** Запись "стойла для скота" относится к первому примечанию на с. 291 тома II. Заметка была найдена на с. 271.
- 466.42** Запись "Рододендрон" содержит ссылку на "примечание 4", без указания тома или страницы. Единственная другая ссылка в этих томах находится в iii. 344 n. 1 (здесь примечание 1982).

466.13 Примечание, относящееся к "Реликвиям, сохраненным в храмах" в i. 34 п. 2, находится на с. 84 тома i., теперь примечание 263.

Другие ошибки, которые считались наиболее вероятными ошибками типографии, были исправлены и отмечены здесь. Ссылки даны на страницу и строку в оригинале. Исправления в примечаниях обозначены символом "n" и номером оригинального примечания.

32.n1.2	ὦ[' ']νδρες, ἀπολελῦσθαί	Удалено.
32.n5.10	ε[υ/ύ]νοῦχος	Заменено.
32.n5.14	σ[ό/ο]φισταί	Заменено.
32.n5.20	Ἄλλ' [ὦ ' / ὠ]γαθέ, ἔφην	Заменено.
34.32	который, более того, был запрещен	Вставлено.
34.n5.1	παρα τοῖς Αθηναίο[ι]ς	Вставлено.
42.8	выражение историка	Удалено.
45.36	среди них	Вставлено.
56.18	в то же время, ["]часть земли	Удалено.
76.n5.12	[όι/οί]νηστήρια	Заменено.
76.n5.16	et publico annulo signatos fuisse.["].	Добавлено.
89.n5.8	Ἀπολλαδωρος	Ἀπολλόδωρος?
102.n2.10	τῆς εἰς τὰ[ί] καλὰ ῥαθυμίας	Удалено.
103.n3.25	Tota abit hora.["].	Добавлено.
111.n3.1	[α/ά]μπελιῶνας	Заменено.
118.n1	наблюдает за Палласом, ["]частично превращается	Добавлено.
124.n8.30	оклад, который можно получить	Вставлено.
137.n22.5	χρησῖς δὲ α[ῦ/ύ]των ἐστὶν	Заменено.
151.20	наиболее элабо[бо]ратно сделанный.	Убрано.
184.8	изобилующий киренами.	Заменено.
194.n5.4	Эроп, царь Македонии.	Восстановлено.
198.n2.3	Бартелеми, Ана[r]харсис	Удален.
200.n6.12	libros impositos fuisse[./,]	Заменено.
203.1	knowle[d]ge	Вставлено.
250.22	[έ/ἐ]κατόμβοι	Заменено.
250.28	[έ/ἐ]κατόμβοι	Заменен.
274.2	используемый в качестве дента	Удалено.
315.32	i[' / ']th[' / ']eyes	Пробелы скорректированы.
340.n18.1	Diod[ro/or]. Sicul. xvi. 8	Перенесено.
347.n2.1	Τὰ μὲν ο[ῦ/ύ]ν Κόμανα	Заменено.
347.n2.10	ἐπιτελοῦντες τ[ῆ/ῃ] θεῶ.	Заменено]
373.n7.1	[Ε/Ε]νθα ἄριστος γίνεται	Заменено.
399.28	вид[,] ладанного дерева	Удалено.

416.n6.1	τῶν θυρῶν καὶ ἐκ[ο/ό]πτοντο	Заменено.
427.33	["]Без глотка воздуха	Добавлено.
434.32	задушив их[.]	Добавлено.
436.9	на котором была эта надпись	Вставлено.
444.44	Барды, священны в Греции	Заменено.
454.18	освобождение рабов	Удалено.
462.3	Страусиные яйца, i[ii]. 791	Добавлено.
464.5	Пелленские плащи, iii. 33[8/3].	Заменено.
466.44	Протагор исповедовал себя	Заменено.
466.45	Πρ[ο/ό]ξενοι	Добавлена диакритика.